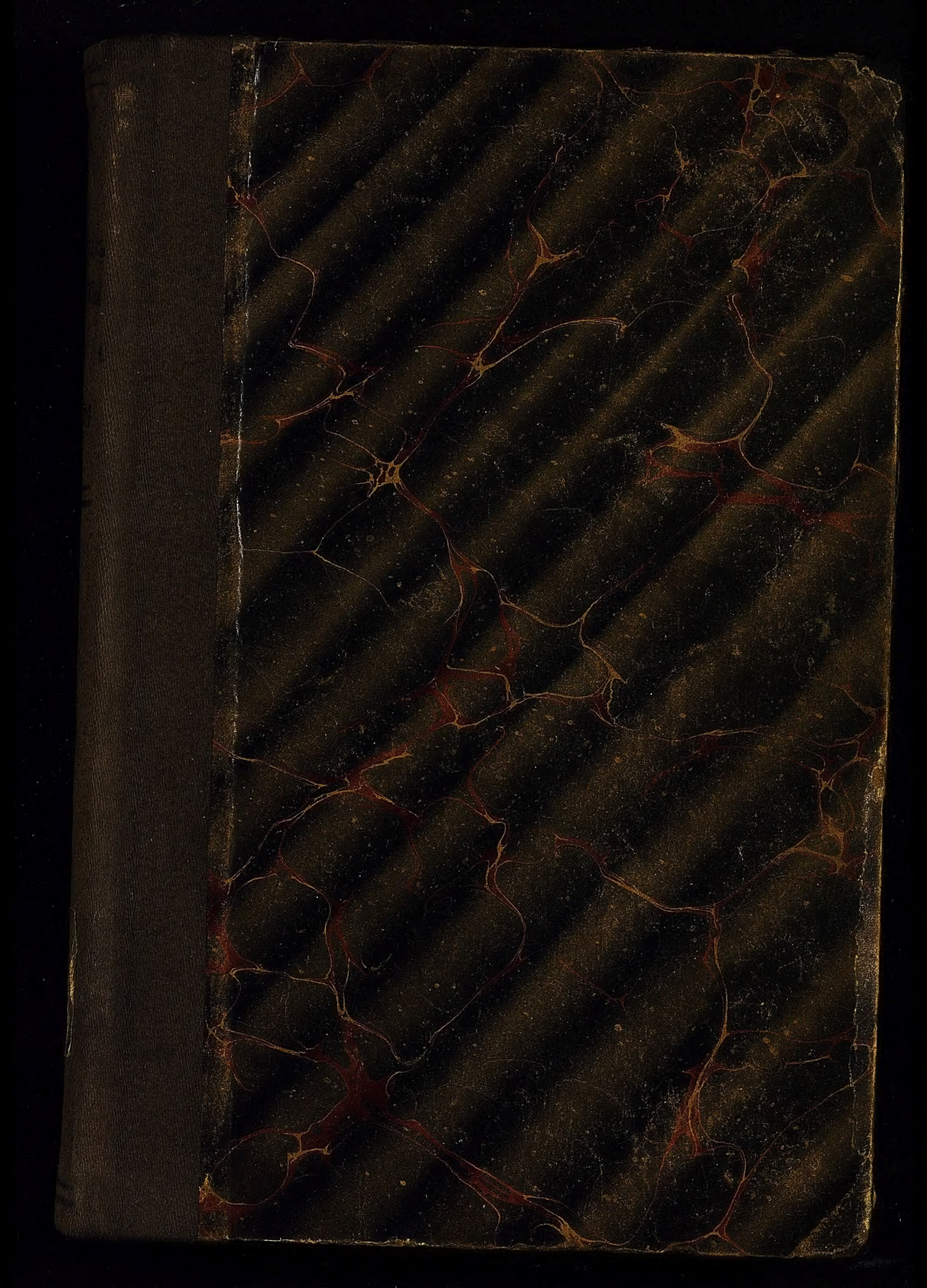
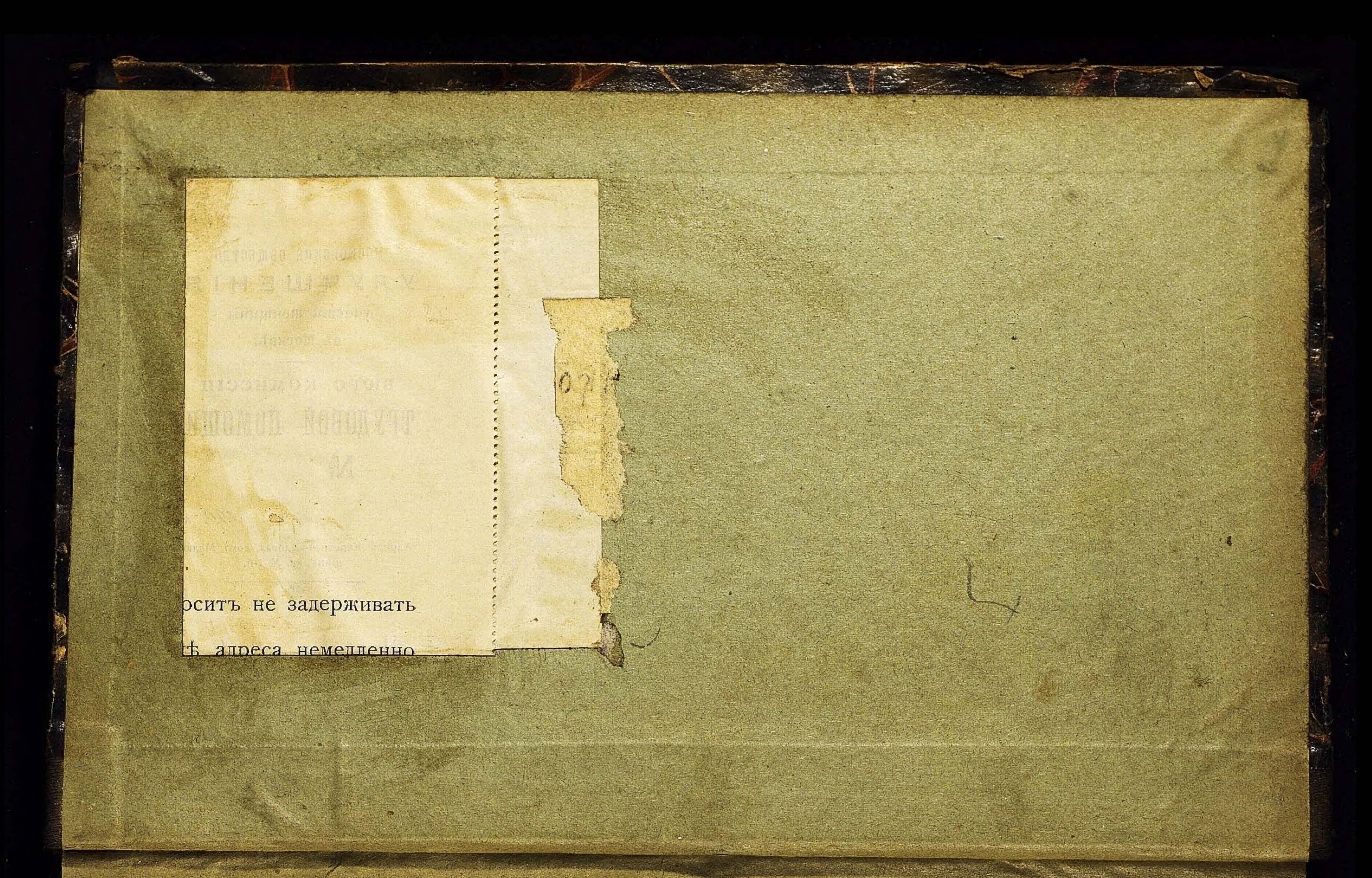
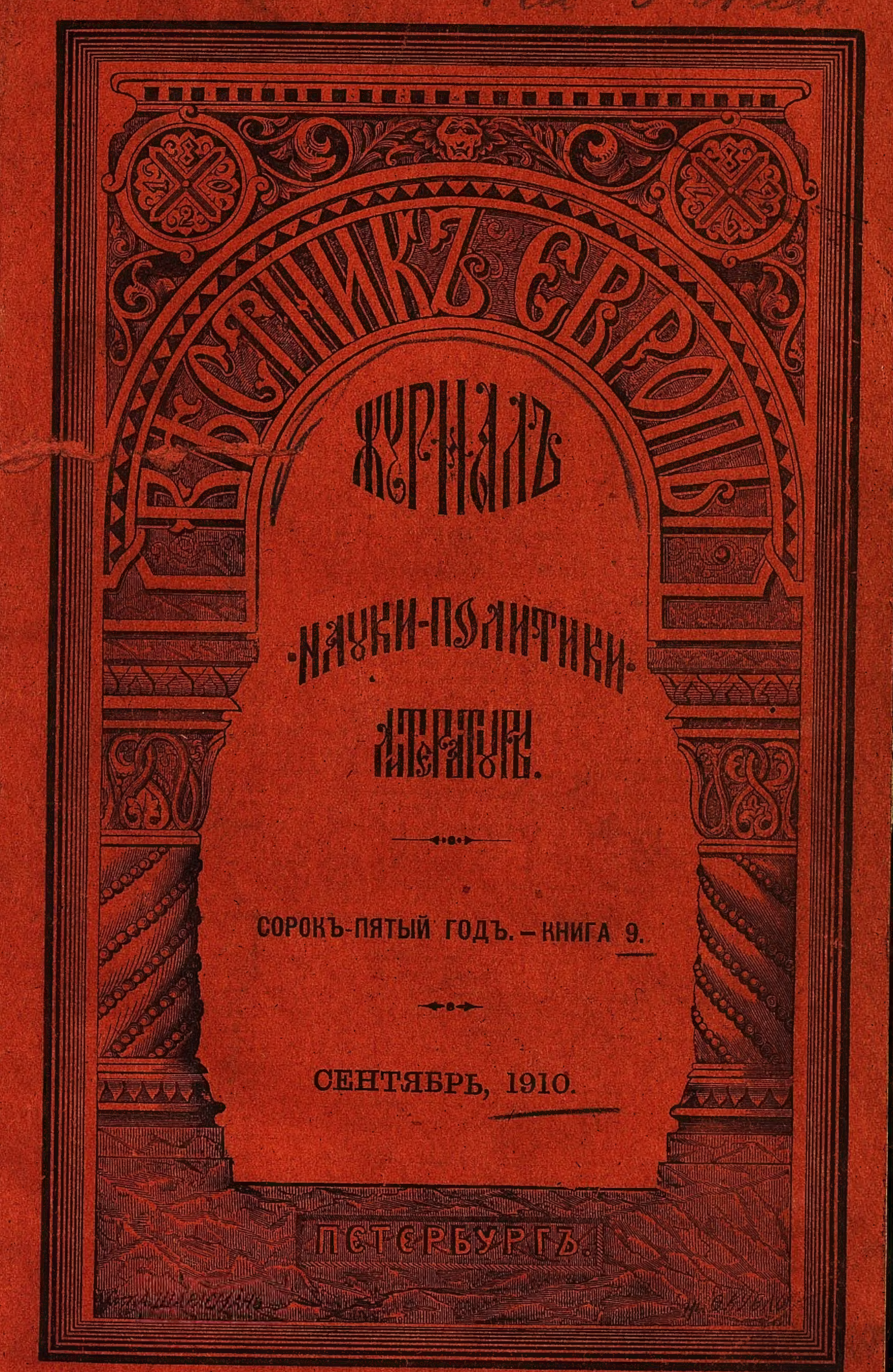



осить не задерживать
ѣ адреса немедленно

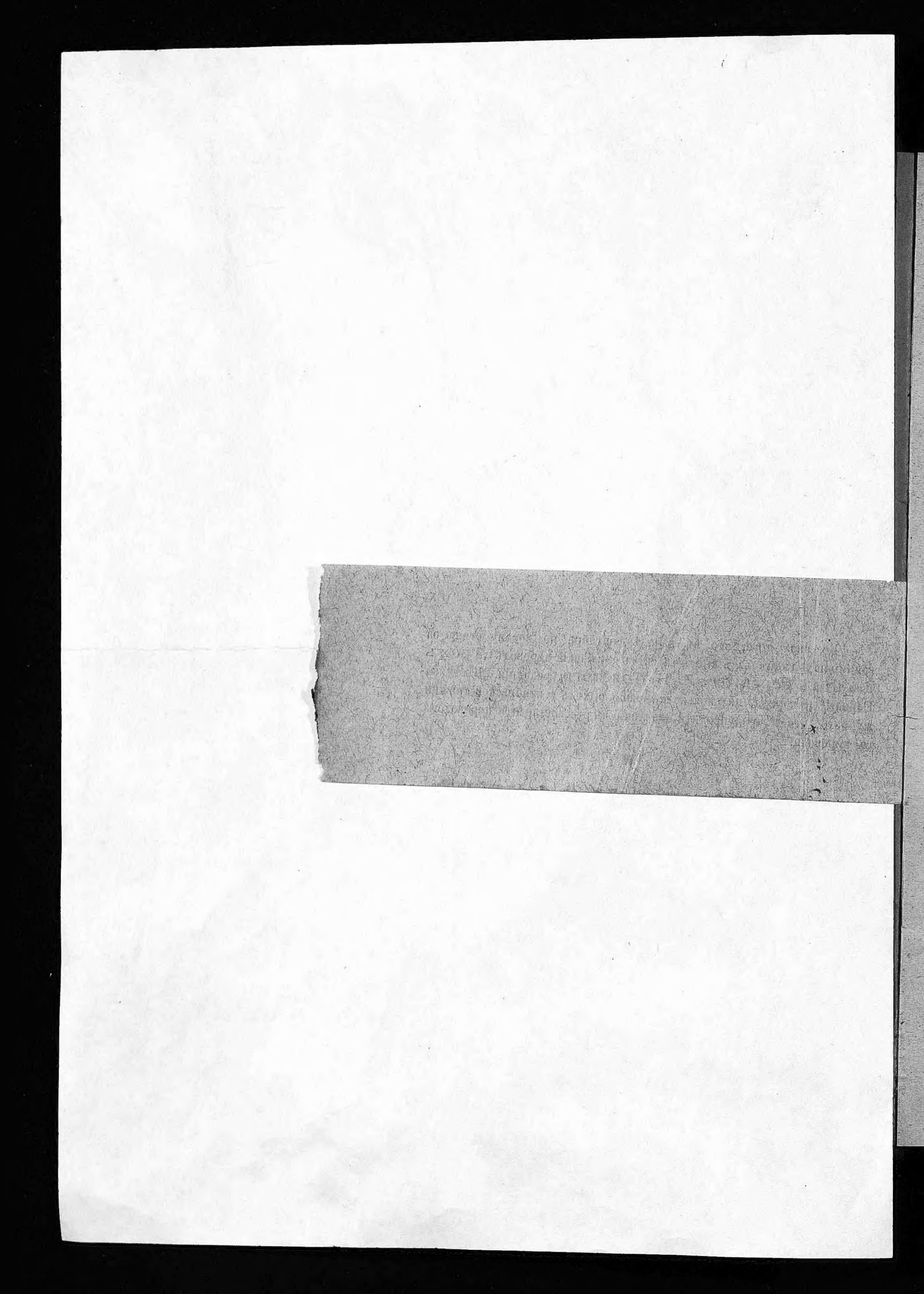
На 5 дней



Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1910.

Въ виду того, что въ началѣ сентября по новому стилю за границей долженъ былъ выйти въ свѣтъ англійскій переводъ **„Трехъ дней въ деревнѣ“, Л. Н. Толстого,** редакція „Вѣстника Европы“ ускорила, на сколько возможно, выходъ сентябрьской книжки журнала, чтобы предупредить появленіе въ русской печати переводовъ съ перевода.



ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ–ПОЛИТИКИ–ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

СОРОКЪ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

СЕНТЯБРЬ

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Экспедиція журнала: Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1910

4093

ТРИ ДНЯ ВЪ ДЕРЕВНѢ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

Бродячіе люди.

Въ наше время по деревнямъ завелось нѣчто совершенно новое, невиданное и неслыханное прежде. Каждый день въ нашу деревню, состоящую изъ 80 дворовъ, приходятъ на ночлегъ отъ 6-ти до 12-ти холодныхъ, голодныхъ, оборванныхъ прохожихъ.

Такіе люди, оборванные, почти раздѣтые, разутые, часто больные, до послѣдней степени грязные, приходятъ въ деревню и идутъ къ десятскому. Десятскій же для того, чтобы эти люди не умерли на улицѣ отъ холода и голода, разводитъ ихъ по мѣстнымъ жителямъ, считая жителями только крестьянъ. Десятскій не ведетъ ихъ къ помѣщику, у котораго, кромѣ своихъ десяти комнатъ въ домѣ, есть еще десятокъ помѣщеній и въ конторѣ, и въ кучерской, и въ прачешной, и въ бѣлой, и въ черной людской, и въ другихъ заведеніяхъ; ни къ священнику или дьякону, къ торговцу, у которыхъ хотя и не большіе дома, но все-таки есть нѣкоторый просторъ, а къ тому крестьянину, у котораго вся семья: жена, снохи, дѣвки, большіе и малые ребята, всѣ въ одной семи-, восьми-, десяти-аршинной горницѣ. И хозяинъ принимаетъ этого холоднаго, голоднаго, вонючаго, оборваннаго, грязнаго человѣка и даетъ ему не только ночлегъ, но и кормитъ его.

„Самъ за столъ сядешь,—говорилъ мнѣ старикъ-хозяинъ,—нельзя и его не позвать. А то и въ душу не пойдетъ. И покормишь, и чайкомъ попоишь“.

Таковы ночные посѣтители; но среди дня зайдутъ въ каждый крестьянскій домъ не два, не три такихъ посѣтителей, а десять и больше. И тоже: „нельзя же...“

И всякому баба, несмотря на то, что хлѣба далеко не достаетъ до новины, отрѣжетъ ломоть, смотря по человѣку, потолще или потоньше.

„Коли всѣмъ подавать, и на день ковриги не хватитъ,—говорили мнѣ хозяйки.—Другой разъ согрѣшишь и откажешь“.

И такъ это происходитъ каждый день по всей Россіи. Огромная, съ каждымъ годомъ все увеличивающаяся армія нищихъ, калѣкъ, административно ссыльныхъ, безпомощныхъ стариковъ и, главное, безработныхъ рабочихъ—живетъ, помѣщается, т.-е. укрывается отъ холода и непогоды, и кормится прямо непосредственно помощью самаго тяжело трудящагося и самаго бѣднаго сословія—деревенскаго крестьянства.

У насъ есть работные, воспитательные дома, есть приказы общественнаго призрѣнія, есть всякаго рода благотворительныя учрежденія по городамъ. И во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ, въ зданіяхъ съ электрическимъ освѣщеніемъ, паркетными полами, чистой прислугой и разными, съ хорошимъ жалованьемъ, служащими, призрѣваются тысячи всякаго рода безпомощныхъ людей. Но какъ ни много такихъ людей, все это только капля въ морѣ того огромнаго населенія (цифра эта неизвѣстна, но должна быть огромна), которое теперь, нищенствуя, бродитъ по Россіи и призрѣвается и кормится безъ всякихъ учрежденій однимъ крестьянскимъ деревенскимъ народомъ, только своимъ христіанскимъ чувствомъ побуждаемымъ къ несенію этой огромной и тяжелой повинности.

Только подумать о томъ, что заговорили бы живущіе не крестьянской жизнью люди, еслибы въ каждую спальню къ нимъ ставили на ночь, хотя бы разъ въ недѣлю, одного такого измерзшаго, изголодавшагося, грязнаго, вшиваго прохожаго. Крестьяне же не только помѣщаютъ ихъ, такихъ прохожихъ, но и кормятъ ихъ и чаемъ поятъ, оттого, что „въ душу самому не пойдетъ, если не посадить съ собой за столъ“. (Въ глухихъ мѣстахъ Саратовской, Тамбовской и другихъ губерній крестьяне не дожидаются того, чтобы десятскій привелъ такого прохожаго, а сами всегда безъ отказа принимаютъ и кормятъ такихъ людей).

И какъ всѣ истинно добрыя дѣла, крестьяне не переставая дѣлаютъ это, не замѣчая того, что это доброе дѣло; а между тѣмъ дѣло это, кромѣ того, что есть доброе дѣло, „для души“, есть дѣло и огромной важности для всего русскаго общества.

Важность этого дѣла для всего русскаго общества въ томъ, что если бы не было этого крестьянскаго народа и не было бы въ немъ того христіанскаго чувства, которое такъ сильно живетъ въ немъ, трудно представить себѣ, что бы было не только съ этими сотнями тысячъ несчастныхъ, бездомныхъ, бродячихъ людей, но и со всѣми достаточными, въ особенности богатыми, деревенскими жителями, живущими осѣдлой жизнью.

Надо только видѣть ту степень лишенія и страданія, до которой дошли или доведены эти бездомные, бродячіе люди, и вдуматься въ то душевное состояніе, въ которомъ они не могутъ не находиться, для того, чтобы понять, что только эта помощь, оказываемая имъ крестьянами, удерживаетъ ихъ отъ вполнѣ естественныхъ въ ихъ положеніи насилій надъ тѣми людьми, которые владѣютъ въ избыткѣ всѣмъ, что имъ, этимъ несчастнымъ людямъ, необходимо только для поддержанія своей жизни.

Такъ что не благотворительныя общества и не правительство, съ своими полицейскими и разными судебными учрежденіями, ограждаютъ насъ, людей достаточныхъ классовъ, отъ напора на насъ дошедшаго и большей частью доведеннаго до послѣдней степени нищеты и отчаянія бродячаго, голоднаго и холоднаго, бездомнаго люда, а ограждаетъ такъ же, какъ и содержитъ и кормитъ насъ, опять-таки все та же основная сила жизни русскаго народа—крестьянство.

Да, не будь среди огромнаго населенія русскаго крестьянства того глубокаго, религіознаго сознанія братства всѣхъ людей, уже давно, несмотря ни на какую полицію (ея же такъ мало, и не можетъ быть много въ деревняхъ), не только разнесли бы эти бездомные люди, дошедшіе до послѣдней степени отчаянія, всѣ дома богатыхъ, но и поубивали бы всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ бы имъ на дорогѣ. Такъ что надо не ужасаться и удивляться на то, что, какъ это мы слышимъ и читаемъ, ограбили, убили человѣка съ цѣлью ограбленія, а понимать и помнить то, что если это такъ рѣдко случается, то обязаны мы этимъ только той безкорыстной помощи, которую оказываетъ крестьянство этому несчастному бродячему населенію.

Къ намъ въ домъ заходятъ ежедневно отъ 10 до 15 человѣкъ. Изъ этого числа есть настоящіе нищіе, такіе, которые почему-либо избрали этотъ способъ прокормленія, сшили себѣ сумы, одѣлись, обулись, какъ могли, и пошли по міру. Есть между этими слѣпые, безрукіе или безногіе; есть, хотя изрѣдка, дѣти, женщины. Но такихъ малая часть. Большинство же нищихъ теперь, это нищіе-прохожіе безъ сумы, большей частью

молодые и не калѣки. Всѣ они въ самомъ жалкомъ видѣ, разутые, раздѣтые, исхудалые, дрожащіе отъ холода. Спросишь: куда идете? Отвѣтъ всегда одинъ: „искать работы“, или: „искалъ работы, да не нашелъ, ворочаюсь домой. Нѣтъ работы, вездѣ прикрываютъ“. Есть среди этихъ не мало и возвращающихся изъ ссылки.

Изъ этого-то большого числа нищихъ прохожихъ есть много самаго различнаго свойства: есть люди явно пьющіе, доведенные до этого своего положенія виномъ, есть малограмотные, но есть вполнѣ интеллигентные, есть скромные, стыдливые, есть, напротивъ, назойливые, требовательные.

На дняхъ, только проснулся, Илья Васильевичъ говоритъ мнѣ:

— У крыльца пятеро прохожихъ.

— Возьмите на столѣ,—говорю я.

Илья Васильевичъ беретъ и подаетъ, какъ заведено, по 5 копѣекъ. Проходитъ около часа. Я выхожу на крыльцо. Ужасно оборванный, въ совершенно развалившейся обуви маленькій человѣчекъ, съ нездоровымъ лицомъ, подпухшими, бѣгающими глазами, начинаетъ кланяться и подаетъ свидѣтельство.

— Вамъ подали?

— Ваше сіятельство, что же я съ пятакомъ сдѣлаю? Ваше сіятельство, войдите въ мое положеніе. Извольте посмотрѣть, ваше сіятельство, извольте видѣть,—показываетъ на свою одежду.— Куда я могу, ваше сіятельство (на каждомъ словѣ: „ваше сіятельство“, а на лицѣ ненависть), что мнѣ дѣлать, куда мнѣ дѣваться?

Я говорю, что подаю всѣмъ одинаково. Онъ продолжаетъ умолять, требуя, чтобы я прочелъ свидѣтельство. Я отказываю. Становится на колѣни. Я прошу его оставить меня.

— Что же? Мнѣ, значитъ, на себя руки наложить? Одно остается, больше дѣлать нечего. Хоть что-нибудь.

Даю 20 копѣекъ; онъ уходитъ, очевидно озлобленный.

И такихъ, т.-е. особенно неотвязныхъ, очевидно признающихъ за собой право требовать своей доли у богатыхъ, особенно много. Это все большей частью люди грамотные, часть даже начитанные и для которыхъ не даромъ прошла революція. Эти люди видятъ въ богатыхъ, не какъ обыкновенные старинные нищіе, людей, спасающихъ свою душу милостыней, а разбойниковъ, грабителей, пьющихъ кровь рабочаго народа; очень часто такого рода нищій самъ не работаетъ и всячески избѣгаетъ работы, но во имя рабочаго народа считаетъ себя не только въ правѣ, но обязаннымъ ненавидѣть грабителей народа, т.-е. бо-

гатыхъ, и ненавидитъ ихъ всей силой своей нужды и если проситъ, а не требуетъ, то только притворяется.

Такихъ людей, притомъ же и пьющихъ, про которыхъ хочется сказать, что они сами виноваты, много; но не мало среди бродячихъ людей и людей совершенно другого склада, кроткихъ, смиренныхъ и очень жалкихъ, и страшно подумать про положеніе именно этихъ людей.

Вотъ высокій, красивый человѣкъ, въ одномъ оборванномъ и короткомъ пиджакѣ. Сапоги уже плохи и стоптаны. Умное, хорошее лицо. Снимаетъ картузъ, проситъ, какъ обыкновенно. Я подаю, онъ благодаритъ. Я спрашиваю: откуда? куда?

— Изъ Петербурга, домой, въ деревню (нашей губерніи).

Спрашиваю—отчего же такъ, пѣшкомъ?

— Длинная исторія,—говоритъ онъ, пожимая плечами.

Я прошу разсказать. Разсказываетъ, очевидно правдиво, какъ онъ „жилъ въ Петербургѣ, было хорошее мѣсто конторщика, тридцать рублей. Жилъ очень хорошо. Ваши книги читалъ: „Войну и Миръ", „Анну Каренину", — говоритъ, опять улыбаясь особенно пріятной улыбкой.

„И вздумали домашніе,—продолжаетъ онъ разсказъ,—переселиться въ Сибирь, въ Томскую губернію". Написали ему, спрашивая, согласенъ ли онъ продать свою часть земли на старомъ мѣстѣ. Онъ согласился. Домашніе уѣхали, но оказалось, что земля имъ въ Сибири попала дурная, они прожились тамъ и вернулись домой. Живутъ теперь на квартирахъ въ своей деревнѣ, безъ земли; кормятся работой. Случилось, что къ тому же времени и его жизнь въ Петербургѣ разладилась. Первое, потерялъ мѣсто, и не отъ себя, а фирма, въ которой служилъ, разорилась, распустила служащихъ. „А тутъ, по правдѣ сказать, сошелся съ швейкой",—опять тоже улыбаясь,—„совсѣмъ замотала она меня. То помогалъ своимъ, а теперь вотъ какимъ козыремъ сталъ. Ну, да Богъ не безъ милости, можетъ и справлюсь".

Очевидно и умный, и сильный, дѣловитый человѣкъ, и только рядъ случайностей привелъ его въ теперешнее положеніе.

Или другой: въ опоркахъ, подпоясанъ веревкой. Одежда вся въ расползшихся дыркахъ, очевидно не прорванная, но изношенная до послѣдней степени, лицо скуластое, пріятное, умное и трезвое. Я подаю обычныя 5 коп., онъ благодаритъ, разговорились. Онъ административно-ссыльный, жилъ въ Вяткѣ. И тамъ плохо было, а теперь ужъ и вовсе худо, идетъ въ Рязань, гдѣ жилъ прежде. Спрашиваю: чѣмъ былъ?—Газетчикомъ, разносилъ газеты.

— За что пострадалъ?

— За распространеніе нелегальной литературы.

Разговорились про революцію. Я сказалъ свое мнѣніе о томъ, что все въ насъ самихъ, что такую огромную силу нельзя сломить силою. Уничтожится зло внѣ насъ только когда оно уничтожится въ насъ,—говорю я.

— Такъ-то такъ, да не скоро.

— Отъ насъ зависитъ.

— Я читалъ вашу книгу о революціи.

— Это не моя, но я такъ же думаю.

— Хотѣлъ просить васъ о вашихъ книгахъ.

— Съ удовольствіемъ. Только какъ бы не повредить вамъ. Я дамъ самыхъ невинныхъ.

— Да мнѣ что?.. Я уже ничего не боюсь. Для меня тюрьма лучше, чѣмъ такъ. Я тюрьмы не боюсь, другой разъ желаю,— грустно проговорилъ онъ.

— Какъ жалко, что столько силъ тратится напрасно,—говорю я, — вотъ такіе люди, какъ вы, какъ разстраиваете свою жизнь. Ну, какъ же вы теперь, что намѣрены дѣлать?

— Я-то?—проговорилъ онъ, вглядываясь мнѣ въ лицо.

То онъ весело и бойко отвѣчалъ мнѣ, когда дѣло касалось прошедшаго и общихъ вопросовъ; но какъ только дѣло коснулось его и онъ увидалъ мое сочувствіе, онъ отвернулся, закрылъ рукавомъ глаза, и затылокъ его затрясся.

И сколько такихъ людей!

Такіе люди жалки, трогательны, но и эти люди стоятъ у того порога, перешагнувъ который начинается положеніе отчаянности, въ которомъ добрый человѣкъ становится готовымъ на все.

„Сколь устойчивой ни казалась бы намъ наша цивилизація,— говоритъ Генри Джорджъ, — а въ ней развиваются уже разрушительныя силы. Не въ пустыняхъ и лѣсахъ, а въ городскихъ трущобахъ и на большихъ дорогахъ воспитываются тѣ варвары, которые сдѣлаютъ съ нашей цивилизаціей то же, что сдѣлали гунны и вандалы съ древней“.

Да, то, что лѣтъ двадцать тому назадъ предсказывалъ Генри Джорджъ, совершается теперь на нашихъ глазахъ вездѣ и съ особенной яркостью у насъ въ Россіи, благодаря удивительному ослѣпленію правительства, старательно подкапывающаго ту основу, на которой стоитъ и можетъ стоять какое бы то ни было общественное благоустройство.

Вандалы, предсказанные Джорджемъ, уже вполнѣ готовы у насъ, въ Россіи. И они, эти вандалы, эти отпѣтые люди осо-

бенно ужасны у насъ, среди нашего, какъ это ни странно кажется, глубоко религіознаго народа. Вандалы эти особенно ужасны у насъ именно потому, что у насъ нѣтъ того сдерживающаго начала, слѣдованія приличію, общественному мнѣнію, которое такъ сильно среди европейскихъ народовъ. У насъ либо истинное, глубоко религіозное чувство, либо полное отсутствіе всякихъ, какихъ бы то ни было сдерживающихъ началъ: Стеньки Разины, Пугачевы... И, страшно сказать, эта армія Стеньки и Емельки все больше и больше разростается, благодаря такимъ же, какъ и пугачевскія, дѣяніямъ нашего правительства послѣдняго времени съ его ужасами полицейскихъ насилій, безумныхъ ссылокъ, тюремъ, каторги, крѣпостей, ежедневныхъ казней.

Такая дѣятельность освобождаетъ Стенекъ Разиныхъ отъ послѣднихъ остатковъ нравственныхъ стѣсненій. „Уже если ученые господа такъ дѣлаютъ, то намъ и Богъ велѣлъ", — говорятъ и думаютъ они.

Я часто получаю письма отъ этого разряда людей, преимущественно ссыльныхъ. Они знаютъ, что я что-то такое писалъ о томъ, что не надо противиться злу насиліемъ, и большей частью, хотя и безграмотно, но съ большимъ жаромъ возражаютъ мнѣ, говоря, что на все то, что дѣлаютъ съ народомъ власти и богатые, можно и нужно отвѣчать только однимъ: мстить, мстить и мстить.

Да, удивительна и слѣпота нашего правительства. Оно не видитъ, не хочетъ видѣть того, что все, что оно дѣлаетъ для того, чтобы обезоружить враговъ своихъ, только усиливаетъ число ихъ и ихъ энергію. Да, люди эти страшны, страшны и для правительства, и для людей богатыхъ, и для всѣхъ людей, живущихъ среди богатыхъ.

Но кромѣ чувства страха, которое возбуждаютъ эти люди, есть еще и другое чувство, и чувство гораздо болѣе обязательное, чѣмъ чувство страха, чувство, которое не можемъ мы всѣ не испытывать по отношенію людей, попавшихъ рядомъ случайностей въ это ужасное положеніе бродяжнической жизни. Чувство это—чувство стыда и состраданія.

И не столько страхъ, сколько это чувство стыда и состраданія должно заставить насъ, людей не находящихся въ этомъ положеніи, отвѣтить такъ или иначе на это новое, ужасное явленіе русской жизни [1]).

[1]) Однимъ изъ очень тягостныхъ для Л. Н. Толстого условій той домашней обстановки, въ которой ему приходится жить, является масса безработныхъ и нищихъ съ близъ лежащаго шоссе, ежедневно цѣлыми часами ожидающихъ около дома

ВТОРОЙ ДЕНЬ.

Живущіе и умирающіе.

Я сижу за работой; приходитъ тихо Илья Васильевичъ и, очевидно не желая отрывать меня отъ дѣла, говоритъ, что давно дожидаются прохожіе и женщина.

— Возьмите, пожалуйста, и подайте.

— Женщина по какому-то дѣлу.

Прошу подождать и продолжаю работу. Выхожу, совершенно забывъ о просительницѣ. Изъ-за угла выходитъ молодая, длиннолицая, худая, очень бѣдно, холодно по погодѣ одѣтая, крестьянка.

— Что̀ нужно, въ чемъ дѣло?

— Къ вашей милости.

— Да объ чемъ? Въ чемъ дѣло?

— Къ вашей милости.

— Да что?

— Не по закону отдали. Осталась одна съ тремя дѣтьми.

— Кого, куда отдали?

— Хозяина мово въ Крапивну угнали.

— Куда? зачѣмъ?

выхода Л. Н—ча. Ему тяжело сознаніе того, что онъ не въ состояніи имъ существенно помочь и что, вслѣдствіе неустранимыхъ условій, въ которыя онъ поставленъ, онъ не имѣетъ даже возможности ихъ накормить и пріютить на ночь въ томъ домѣ, въ которомъ самъ живетъ. Несчастные люди эти обступаютъ Л. Н—ча у крыльца и осаждаютъ его своими неотступными просьбами какъ разъ въ то время, когда, выходя на свѣжій воздухъ послѣ продолжительной и напряженной умственной работы, онъ больше всего нуждается въ одиночествѣ и душевномъ отдыхѣ. Въ виду этого, у нѣкоторыхъ изъ друзей Л. Н—ча явилась мысль о желательности устройства въ деревнѣ Ясной Полянѣ для нищихъ прохожихъ даровой столовой и ночлежнаго дома, пользуясь которыми, они не тревожили бы понапрасну Л. Н—ча. Учрежденіе такого помѣщенія, къ мысли о которомъ Л. Н. отнесся весьма сочувственно, доставляло бы хотя временную поддержку тѣмъ странствующимъ бѣднякамъ, которые такъ нуждаются въ помощи. Оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, избавило бы ясно-полянскихъ крестьянъ отъ той непосильной тяготы содержанія прохожихъ безработныхъ, на которую указываетъ Л. Н. Толстой въ своей статьѣ. Наконецъ, ему самому оно доставило бы, на склонѣ его лѣтъ, значительное душевное облегченіе, которое, казалось бы, онъ болѣе чѣмъ заслужилъ, своими неустанными трудами въ защиту бѣдствующаго человѣчества. Быть можетъ, среди читателей настоящихъ очерковъ найдутся такіе, которые, проникнувшись воодушевлявшими автора побужденіями, пожелаютъ оказать матеріальную поддержку задуманному предпріятію и тѣмъ способствовать его практическому осуществленію.—*Ред.*

— Въ солдаты, значитъ. А не по закону, потому одинъ кормилецъ. Нельзя намъ безъ него прожить. Будьте отецъ родной.

— Да что онъ, одинокій развѣ?

— Одинъ какъ есть.

— Да какъ же одинокаго отдали?

— А кто ихъ знаетъ. Вотъ осталась одна съ ребятами. Дѣлай, что хошь. Одно, помирать надо. Да ребятъ жалко. Только и надежа, что на вашу милость, потому не по закону, значитъ.

Записалъ деревню, имя, прозвище, говорю, что узнаю—дамъ знать.

— Помогите хоть сколько-нибудь. Ребята ѣсть хотятъ, а вѣрьте Богу, куска хлѣба нѣтъ. Пуще всего грудной. Молока въ грудяхъ нѣтъ. Хоть бы Богъ прибралъ.

— Коровы развѣ нѣтъ?—спрашиваю.

— Какая у насъ корова? Голодомъ всѣ помираемъ.

Плачетъ и вся трясется въ своей рваной поддевочкѣ.

Отпускаю ее и собираюсь на обычную прогулку. Оказывается, что живущему у насъ врачу есть дѣло къ больному въ той самой деревнѣ, изъ которой приходила солдатка, и въ той, гдѣ волостное правленіе. Я присоединяюсь къ врачу, и мы вмѣстѣ ѣдемъ.

Заѣзжаю въ волость. Врачъ идетъ въ той же деревнѣ по своимъ дѣламъ.

Старшины нѣтъ, нѣтъ и писаря; одинъ помощникъ писаря, молодой, умный, знакомый мнѣ мальчикъ. Разспрашиваю о мужѣ солдатки. Почему отданъ одинокій. Помощникъ справляется и говоритъ, что солдаткинъ мужъ не одинокій, а что ихъ два брата.

— Какъ же она говорила мнѣ, что онъ одинокій?

— Вретъ. Они всегда такъ,—говоритъ онъ, улыбаясь.

Справляюсь по разнымъ нужнымъ мнѣ дѣламъ въ волостномъ правленіи. Заходитъ врачъ, окончивъ свое посѣщеніе больного, и мы вмѣстѣ ѣдемъ, направляясь въ ту деревню, гдѣ живетъ солдатка. Но еще до выѣзда изъ села быстро выходитъ намъ наперерѣзъ дѣвочка лѣтъ 12-ти.

— Къ вамъ, вѣрно,—говорю я доктору.

— Нѣтъ, я къ вашей милости,—обращаясь ко мнѣ, говоритъ дѣвочка.

— Что нужно?

— Къ вашей милости. Какъ мать померши и остались мы одни сироты. Пятеро насъ... Помогните какъ, обдумайте нужду нашу...

— Да ты откуда?

Дѣвочка указываетъ кирпичный домъ, довольно хорошій.

— Я здѣшняя, вотъ домъ нашъ. Зайдите, сами увидите.

Я выхожу изъ саней, иду къ дому. Изъ дома выходитъ женщина и приглашаетъ войти. Женщина эта тетка сиротъ. Вхожу. Чистая просторная горница. Всѣ дѣти налицо. Четверо, кромѣ старшей: два мальчика, одна дѣвочка и меньшой опять мальчикъ 2-хъ-лѣтній. Тетка разсказываетъ подробно положеніе семьи. Два года тому назадъ отца дѣтей задавило въ рудокопной шахтѣ. Хлопотали о вознагражденіи, ничего не вышло. Осталась вдова съ четырьмя дѣтьми, пятаго родила безъ него. Безъ мужика бились кое-какъ. Вдова нанимала сначала работать землю. Да безъ мужика все шло хуже да хуже, сначала корову проѣли, а потомъ лошадь, осталось двѣ овцы.—Все жили кое-какъ, да вотъ съ мѣсяцъ тому назадъ сама заболѣла, померла. Осталось пять человѣкъ дѣтей, старшей 12-ть. Кормись, какъ хочешь. „Помогаю по силамъ,—говоритъ тетка,—да сила наша малая. И ума не приложу, что съ дѣтьми дѣлать? Хоть бы померли. Въ пріютъ бы куда опредѣлили, хоть не всѣхъ“.

Старшая дѣвочка, очевидно, все понимаетъ, вникаетъ въ нашъ разговоръ съ теткой.

— Хоть бы этого, вотъ Миколашку, куда опредѣлить, а то съ нимъ бѣда, никуда отойти нельзя,—говоритъ она, указывая на двухлѣтняго бодраго мальчугана, весело смѣющагося чему-то съ сестренкой и, очевидно, совсѣмъ не согласнаго съ желаніемъ тетки.

Я обѣщаюсь хлопотать о помѣщеніи кого-либо изъ дѣтей въ пріютъ. Дѣвочка старшая благодаритъ и спрашиваетъ, когда придти за отвѣтомъ. Глаза всѣхъ дѣтей, даже и Миколашки, устремлены на меня, какъ на какое-то волшебное существо, которое все можетъ сдѣлать для нихъ.

Выйдя изъ дома, не доходя до саней, встрѣчаю старика. Старикъ здоровается и тотчасъ же начинаетъ говорить о сиротахъ же:

— Бяяда,—говоритъ онъ—жалость смотрѣть на нихъ. И дѣвчонка старшенькая какъ хлопочетъ. Ровно мать имъ. И какъ ей только Богъ даетъ. Спасибо, люди не покидаютъ, а то какъ есть голодомъ бы померли, сердешные. Вотъ ужъ такимъ не грѣхъ помочь,—говоритъ онъ, очевидно совѣтуя сдѣлать это мнѣ. Прощаемся со старикомъ, съ теткой, съ дѣвочкой и ѣдемъ съ врачемъ въ деревню къ утренней солдаткѣ.

Спрашиваю у перваго двора, гдѣ живетъ солдатка. Оказы-

вается, что въ этомъ первомъ дворѣ живетъ очень знакомая мнѣ вдова, живущая милостыней, которую она умѣетъ особенно упорно и назойливо выпрашивать. Вдова эта, какъ обыкновенно, тотчасъ начинаетъ просить помощи. Помощь теперь ей особенно нужна для того, чтобы прокормить телку.

— А то съѣла она насъ со старухой. Вы зайдите, посмотрите.

— А что старуха?

— Да что старуха? Скрипитъ.

Я обѣщаю зайти посмотрѣть не столько телку, сколько старуху. Опять спрашиваю, гдѣ домъ солдатки. Вдова же указываетъ мнѣ избу черезъ дворъ и успѣваетъ прибавить, что „бѣдны-то бѣдны. Да ужъ очень пьетъ деверь ихній“...

Иду по указанію вдовы къ дому черезъ дворъ.

Какъ ни жалки по деревнямъ дома бѣдныхъ людей, такого заваливающагося дома, какъ домъ солдатки, я давно не видалъ. Не только вся крыша, но и стѣны перекосились, такъ что окна кривыя.

Внутренность не лучше внѣшности. Маленькая избушка съ печкой, занимающей треть ея, вся черная, грязная и, къ удивленію моему, полна народа. Я думалъ найти одну солдатку съ ея дѣтьми, но тутъ и золовка, молодая баба съ дѣтьми, и старуха—свекровь. Солдатка же сама только вернулась отъ меня и, иззябшая, грѣется на печкѣ. Пока она слѣзаетъ, свекровь мнѣ разсказываетъ про ихъ житье. Сыновья ея, два брата, жили спервоначала вмѣстѣ. Всѣ кормились. „Да нынче уже кто же живетъ вмѣстѣ. Всѣ подѣлены“,—говоритъ словоохотливая свекровь. „Стали бабы ругаться, раздѣлились братья, жисть еще хуже стала. Земля малая. Только и кормились, что заработками. Да вотъ Пётру отдали. Куда же ей теперь съ ребятами дѣться? Такъ и живетъ съ нами. Да всѣхъ не прокормить. Что и дѣлать, не придумаемъ. Сказываютъ—вернуть можно“.

Солдатка слѣзаетъ съ печи и тоже продолжаетъ просить о томъ, чтобы я похлопоталъ вернуть мужа. Я говорю, что этого нельзя, и спрашиваю какое имущество осталось у нея послѣ мужа. Имущества никакого нѣтъ. Землю мужъ, уходя, отдалъ брату, ея деверю, чтобы онъ кормилъ ее съ дѣтьми. Было три овцы, да двѣ пошли на проводы мужа. Осталось, какъ она говоритъ, только рухлядишка кое-какая, да овца, да двѣ курицы. Всего и имущества. Свекровь подтверждаетъ ея слова.

Спрашиваю солдатку, откуда она взята. Взята она изъ Сергіевскаго.

Сергіевское—большое, богатое село, въ 40 верстахъ отъ насъ. Спрашиваю: живы ли отецъ, мать и какъ живутъ?—Живутъ, говоритъ, хорошо.

— Отчего бы тебѣ къ нимъ не поѣхать?

— Я и сама думаю. Да, боюсь, не примутъ саму четверту.

— А можетъ и примутъ, напиши имъ. Хочешь—я напишу?

Солдатка соглашается, я записываю имя ея родителя.

Пока я разговариваю съ бабами, одна старшенькая изъ дѣтей солдатки, толстопузая дѣвочка, подходитъ къ ней и, дергая ее за рукавъ, чего-то проситъ, кажется—проситъ ѣсть. Солдатка говоритъ со мною и не отвѣчаетъ. Дѣвочка еще разъ дергаетъ и что-то бормочетъ.

— Пропасти на васъ нѣтъ, — вскрикиваетъ солдатка и съ размаха ударяетъ дѣвчонку по головѣ.

Дѣвочка заливается ревомъ.

Окончивъ свои дѣла здѣсь, я выхожу изъ избы и иду ко вдовѣ съ телкой.

Вдова уже ждетъ меня передъ своимъ домомъ и опять проситъ войти взглянуть на телку. Я вхожу. Въ сѣняхъ точно стоитъ телка. Вдова проситъ взглянуть на нее. Я гляжу на телку и вижу, что вся жизнь вдовы такъ сосредоточена на телкѣ, что она не можетъ себѣ представить, чтобы мнѣ могло быть неинтересно смотрѣть на телку.

Посмотрѣвъ на телку, я вхожу въ домъ и спрашиваю:

— Гдѣ старуха?

— Старуха?—переспрашиваетъ вдова, очевидно удивленная тѣмъ, что послѣ телки меня еще можетъ интересовать старуха.— На печи. Гдѣ же ей быть?

Я подхожу къ печи и здороваюсь съ старухой.

— О-охъ, — отвѣчаетъ мнѣ слабый, хриплый голосъ. — Кто это?

Я называю себя и спрашиваю, какъ она живетъ?

— Какая моя жизнь!

— Что-жъ, болитъ что?

— Все болитъ. О-охъ!

— Со мной докторъ тутъ, не позвать ли его?

— Дохтуръ? О-охъ! Что мнѣ твой дохтуръ! Мой вонъ гдѣ дохтуръ... Дохтуръ?.. О-охъ!

— Вѣдь старая она,—говоритъ вдова.

— Ну, не старше меня,—говорю я.

— Какъ не старше. Много старше. Ей, люди, говорятъ,

годовъ 90,—говоритъ вдова. У ней ужъ всѣ виски вылѣзли. Ономнясь обстригла ее.

— Зачѣмъ же обстригла?

— Да вылѣзли всѣ, почитай. Я и обрѣзала.

— О-охъ,—опять стонетъ старуха.—Охъ! Забылъ меня Богъ! Не примаетъ души. Онъ, батюшка, не вынетъ, сама не выйдетъ. О-охъ! За грѣхи видно. И глотку промочить нечѣмъ. Хоть бы на послѣдки чайку попить. О-охъ!

Заходитъ въ избу врачъ, я прощаюсь, и мы выходимъ на улицу, садимся въ сани и ѣдемъ въ небольшую сосѣднюю деревеньку на послѣднее посѣщеніе больного. Врача еще наканунѣ пріѣзжали звать къ больному. Пріѣзжаемъ, входимъ вмѣстѣ въ избу. Небольшая, но чистая горница; въ серединѣ люлька, и женщина усиленно качаетъ ее. За столомъ сидитъ лѣтъ восьми дѣвочка и съ удивленіемъ и испугомъ смотритъ на насъ.

— Гдѣ онъ?—спрашиваетъ врачъ про больного.

— На печи,—говоритъ женщина, не переставая качать люльку съ ребенкомъ.

Врачъ всходитъ на хоры и, облокотившись на печку, нагибается надъ больнымъ и что-то дѣлаетъ тамъ.

Я подхожу къ врачу и спрашиваю въ какомъ положеніи больной.

Врачъ не отвѣчаетъ. Я всхожу тоже на хоры, вглядываюсь въ темноту и только понемногу начинаю различать волосатую голову человѣка, лежащаго на печи. Тяжелый, дурной запахъ стоитъ вокругъ больного. Больной лежитъ навзничь. Врачъ держитъ его за пульсъ лѣвой руки.

— Что онъ, очень плохъ?—спрашиваю я.

Врачъ не отвѣчаетъ мнѣ и обращается къ хозяйкѣ.

— Запали лампу,—говоритъ онъ.

Хозяйка зоветъ дѣвчонку и велитъ качать люльку, а сама зажигаетъ лампу и подаетъ врачу. Я слѣзаю съ хоръ, чтобы не мѣшать врачу. Онъ беретъ лампу и продолжаетъ свои изслѣдованія надъ больнымъ.

Дѣвочка, заглядѣвшись на насъ, недостаточно сильно качаетъ люльку, и ребенокъ начинаетъ пронзительно и жалостно кричать. Мать, отдавши врачу лампу, сердито отталкиваетъ дѣвочку и принимается сама качать.

Я опять подхожу къ врачу. И опять спрашиваю: что больной?

Врачъ, все еще занятый больнымъ, тихимъ голосомъ говоритъ мнѣ одно слово.

Я не разслышалъ, что онъ сказалъ, и переспрашиваю.

— Агонія,—повторяетъ врачъ сказанное слово и молча слѣзаетъ съ хоръ и ставитъ лампу на столъ.

Ребенокъ, не переставая, кричитъ и жалостнымъ и озлобленнымъ голосомъ.

— Что-жъ, аль померъ?—говоритъ баба, точно понявъ значеніе слова, сказаннаго врачемъ.

— Нѣтъ еще, да не миновать,—говоритъ врачъ.

— Что же за попомъ, значитъ,—недовольно говоритъ баба, все сильнѣе и сильнѣе качая раскричавшагося ребенка.

— Добро бы самъ дома былъ, а то теперь кого пошлешь, гляди, всѣ за дровами уѣхали.

— Больше тутъ мнѣ дѣлать нечего,—говоритъ врачъ, и мы выходимъ.

Потомъ я узналъ, что баба нашла кого послать за попомъ и попъ только успѣлъ причастить умирающаго.

Ѣдемъ домой и дорогой молчимъ. Думаю, что оба испытываемъ одинаковое чувство.

— Что у него было?—спрашиваю я.

— Воспаленіе легкихъ. Я не ждалъ такого скораго конца, организмъ могучій, но зато условія губительны. 40 градусовъ температура, а на дворѣ 5 градусовъ мороза; идетъ и сидитъ.

И опять замолкаемъ и ѣдемъ молча довольно долго.

— Я не замѣтилъ на печи ни постели, ни подушки,—говорю я.

— Ничего,—говоритъ врачъ.

И, очевидно понимая о чемъ я думаю, говоритъ:

— Да, вчера я былъ въ Крутомъ у родильницы. Надо было для изслѣдованія положить женщину такъ, чтобы она лежала вытянувшись. Въ избѣ не было такого мѣста.

И опять мы молчимъ и опять вѣроятно думаемъ объ одномъ и томъ же. Молча доѣзжаемъ до дома. У крыльца стоитъ великолѣпная пара коней цугомъ въ ковровыхъ саняхъ. Кучеръ красавецъ въ тулупѣ и мохнатой шапкѣ. Это сынъ пріѣхалъ изъ своего имѣнія.

Вотъ мы сидимъ за обѣденнымъ столомъ, накрытымъ на 10-ть приборовъ. Одинъ приборъ пустой. Это мѣсто внучки. Она нынче не совсѣмъ здорова и обѣдаетъ у себя съ няней. Для нея приготовленъ особенно гигіеническій обѣдъ: бульонъ и саго.

За большимъ обѣдомъ изъ 4-хъ блюдъ съ двумя сортами вина и двумя служащими лакеями и стоящими на столѣ цвѣтами идутъ разговоры.

— Откуда эти чудесные розаны?—спрашиваетъ сынъ.

Жена разсказываетъ, что цвѣты эти присылаются изъ Петербурга какой-то дамой, не открывающей своего имени.

— Такіе розаны по полтора рубля за штуку,—говоритъ сынъ. И онъ разсказываетъ, какъ на какомъ-то концертѣ или представленіи закидали всю сцену такими цвѣтами. Разговоръ переходитъ на музыку и на большого знатока и покровителя ея.

— А что? Какъ его здоровье?

— Да все не хорошо. Опять ѣдетъ въ Италію. И всякій разъ проведетъ тамъ зиму и удивительно поправляется.

— Переѣздъ тяжелъ и скученъ.

— Нѣтъ, отчего же, съ express всего тридцать девять часовъ.

— Все-таки скука.

— Погоди, скоро летать будемъ.

ТРЕТІЙ ДЕНЬ.

Подати.

Кромѣ обычныхъ посѣтителей и просителей нынче еще особенные: первый — это бездѣтный, доживающій въ большой бѣдности свой вѣкъ, старикъ-крестьянинъ; второй—это очень бѣдная женщина съ кучей дѣтей; третій — это крестьянинъ, насколько я знаю, достаточный. Всѣ трое изъ нашей деревни и всѣ трое по одному и тому же дѣлу. Собираютъ передъ Новымъ Годомъ подати и у старика описали самоваръ, у бабы овцу и у достаточнаго крестьянина корову. Всѣ они просятъ защиты или помощи, а то и того и другого.

Первый говоритъ зажиточный крестьянинъ, высокій, красивый, старѣющійся человѣкъ. Онъ разсказываетъ, что пришелъ староста, описалъ корову и требуетъ 27-мь рублей. А деньги эти продовольственныя и по мнѣнію крестьянина деньги эти не слѣдуетъ брать теперь. Я ничего этого не понимаю и говорю, что справлюсь, узнаю въ волостномъ правленіи и тогда скажу, можно или нельзя освободиться отъ этого платежа.

Вторымъ говоритъ старикъ, у котораго описали самоваръ. Маленькій, худенькій, слабый, плохо одѣтый человѣчекъ разсказываетъ съ трогательнымъ огорченіемъ и недоумѣніемъ, какъ пришли, взяли самоваръ и требуютъ три рубля семь гривенъ, которыхъ нѣтъ и добыть негдѣ.

Спрашиваю: за какія это подати?

— Какія-то, кто ихъ знаетъ, казенныя что-ль. Гдѣ мы со старухой возьмемъ. И такъ еле живы. Какія же это права. Пожалѣйте нашу старость. Помогите какъ.

Я обѣщаюсь узнать и сдѣлать, что могу. Обращаюсь къ бабѣ. Худая, измученная. Я ее знаю, знаю, что мужъ пьяница и пять дѣтей.

— Овцу описали. Пришли. Давай, говоритъ, деньги. Я говорю, хозяина нѣтъ, на работѣ. Давай, говоритъ. Гдѣ же я возьму. Одна овца и ту забрали.—Плачетъ.

Обѣщаюсь разузнать и помочь, если могу, и прежде всего иду на деревню къ старостѣ, узнать подробности, какія это подати и почему такъ строго взимаются.

На улицѣ деревни останавливаютъ меня еще двѣ просительницы-бабы. Мужья на работѣ. Одна проситъ купить у нея холстъ, отдаетъ за два рубля. „А то описали куръ. Только развела. Тѣмъ и кормлюсь, что соберу яичекъ, продамъ. Возьмите, холстъ хорошій. Я бы и за три не отдала, кабы не нужда".

Отсылаю домой; когда вернусь, обсудимъ, а можетъ и такъ уладится. Не доходя до старосты, наперерѣзъ выходитъ еще бывшая школьница, быстроглазая, черноглазая, бывшая ученица моя, Ольгушка, теперь старушка. Та же бѣда—описали телку.

Иду къ старостѣ. Староста сильный, съ сѣдѣющей бородой и умнымъ лицомъ мужикъ, выходитъ ко мнѣ на улицу. Я разспрашиваю, какія подати собираются и почему такъ вдругъ настрого. Староста разсказываетъ мнѣ, что приказано строго настрого очистить къ Новому году всѣ недоимки.

— Развѣ велѣно,—говорю,—отбирать самовары, скотину?

— А то какъ же?—говоритъ староста, пожимая плечами.— Нельзя же, не платятъ. Вотъ хоть бы Абакумовъ.—Онъ называетъ мнѣ того достаточнаго крестьянина, у котораго описали корову за какой-то продовольственный капиталъ.—Сынъ на биржѣ ѣздитъ, три лошади. Какъ ему не платить. А все ужимается.

— Ну, этотъ, положимъ, — говорю. — Ну, а бѣдныхъ-то какъ же?—И называю ему стариковъ, у которыхъ взяли самоваръ.

— Эти точно, что бѣдные и взять не съ чего. Да вѣдь тамъ не разбираютъ.

Называю бабу, у которой взяли овцу. И эту староста жалѣетъ, но какъ-будто оправдывается тѣмъ, что не можетъ не исполнять приказанія.

Я спрашиваю: давно ли онъ старостой, и сколько получаетъ?

— Да что получаю,—говоритъ онъ, отвѣчая не на высказанный мною, а на невысказанный мой же, угадываемый имъ вопросъ, зачѣмъ онъ участвуетъ въ такомъ дѣлѣ?—И то хочу отказаться. Тридцать рублей наше жалованье, а грѣха не оберешься.

— И что же, и отберутъ и самовары, и овецъ, и куръ?—спрашиваю я.

— А то какъ же. Обязаны отобрать. А волостное уже торги назначитъ.

— И продадутъ?

— Да натянутъ какъ-нибудь...

Иду къ той бабѣ, которая приходила объ описанной у нея овцѣ. Крошечная избенка, въ сѣняхъ та самая единственная овца, которая должна идти на пополненіе государственнаго бюджета. По бабьему обычаю, хозяйка нервная, измученная и нуждой, и трудами женщина, увидавъ меня, съ волненіемъ начинаетъ быстро говорить:

— Вотъ и живу: послѣднюю овцу берутъ, а я сама чуть жива съ этими.—Указываетъ на хоры и печку.—Идите сюда, чего. Не бойтесь. Вотъ и кормись тутъ съ ними, съ голопузыми.

Голопузые—дѣйствительно голопузые, въ оборванныхъ рубашенкахъ и безъ портокъ, слѣзаютъ съ печи и окружаютъ мать...

Ѣду въ тотъ же день въ волость, чтобы узнать подробности объ этомъ для меня новомъ пріемѣ взысканія податей.

Старшины нѣтъ. Онъ сейчасъ придетъ. Въ волости нѣсколько человѣкъ стоятъ за рѣшеткой, также дожидаются старшины.

Разспрашиваю дожидающихся... Кто, зачѣмъ? Двое за паспортами. Идутъ на заработки. Принесли деньги за паспорта. Одинъ пріѣхалъ за копіей съ рѣшенія волостного суда, отказавшаго ему, просителю, въ томъ, чтобы усадьба, на которой онъ жилъ, работалъ 23 года, похоронивъ принявшихъ его стариковъ дядю и тетку, не была отнята отъ него внучкой того дяди. Внучка эта, будучи прямой наслѣдницей дяди, пользуясь закономъ 9-го ноября, продаетъ въ собственность и землю, и усадьбу, на которой жилъ проситель. И ему отказано, но онъ не хочетъ вѣрить, чтобы были такія права, и хочетъ просить высшій судъ, онъ самъ не знаетъ какой. Я разъясняю, что права эти есть, и это вызываетъ доходящее до недоумѣнія и недовѣрія неодобреніе всѣхъ присутствующихъ.

Едва кончился разговоръ съ этимъ крестьяниномъ, какъ

обращается ко мнѣ за разъясненіями по его дѣлу высокій, съ суровымъ, строгимъ выраженіемъ лица крестьянинъ. Дѣло его въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ односельцами копаютъ руду желѣзную на своихъ пашняхъ, копали спаконъ вѣка.—Нынче вышло распоряженіе: не велятъ копать. „На своей землѣ не велятъ копать? Какія же это права? Мы только этимъ кормимся. Второй мѣсяцъ хлопочемъ и нигдѣ концовъ не найдемъ. И ума не приложимъ; разоряютъ, да и все".

Я ничего не могу сказать этому человѣку утѣшительнаго и обращаюсь къ пришедшему старшинѣ съ моими вопросами о тѣхъ рѣшительныхъ мѣрахъ, которыя прилагаются у насъ для взысканія недоимокъ. Спрашиваю и о томъ: по какимъ да по какимъ статьямъ собираются подати. Старшина сообщаетъ мнѣ, что всѣхъ видовъ податей, по которымъ собираются теперь недоимки съ крестьянъ 7: 1) казенныя, 2) земскія, 3) страховыя, 4) продовольственные долги, 5) продовольственнаго капитала взамѣнъ засыпи, 6) мірскія, волостныя и 7) сельскія.

Старшина говоритъ мнѣ то же, что и староста, что причина особенной строгости взысканія—предписаніе высшаго начальства. Старшина признаетъ, что трудно собрать съ бѣдныхъ, но уже не съ такимъ сочувствіемъ, какъ староста, относится къ бѣднякамъ и не позволяетъ уже себѣ осуждать начальство и, главное, почти не сомнѣвается въ необходимости своей должности и въ безгрѣшности своего участія въ этихъ дѣлахъ.

— Вѣдь нельзя же и потачки давать...

Вскорѣ послѣ этого мнѣ случилось говорить объ этомъ же съ земскимъ начальникомъ. У земскаго начальника этого уже очень мало было сочувствія къ трудному положенію бѣдняковъ, которыхъ онъ почти не видалъ, и такъ же мало сомнѣній въ нравственной законности своей дѣятельности. Хотя въ разговорѣ со мной онъ и соглашался, что въ сущности покойнѣе бы было и вовсе не служить, онъ всетаки считалъ себя полезнымъ дѣятелемъ, потому что другіе на его мѣстѣ были бы хуже. А разъ, живя въ деревнѣ, почему же не воспользоваться хоть небольшимъ жалованьемъ земскаго начальника.

Сужденія же губернатора о собираніи податей, необходимыхъ для удовлетворенія нуждъ людей, занятыхъ благоустройствомъ народа, были совершенно свободны отъ какихъ бы то ни было соображеній о самоварахъ, телкахъ, овцахъ, холстахъ, отбираемыхъ отъ деревенской бѣдноты; не было уже ни малѣйшаго сомнѣнія о пользѣ своей дѣятельности.

Министры же, и тѣ, которые руководятъ торговлей водкой, и

тѣ, которые...... заняты присужденіями къ изгнаніямъ, тюрьмамъ, каторгамъ, вѣшенію людей, всѣ министры и ихъ помощники—эти уже вполнѣ увѣрены, что и самовары, и овцы, и холсты, и телки, отбираемые отъ нищихъ, находятъ самое свое лучшее помѣщеніе въ приготовленіи водки, отравляющей народъ...... въ устройствѣ тюремъ, арестантскихъ ротъ и т. п., и, между прочимъ, въ раздачѣ жалованій имъ и ихъ помощникамъ для устройства гостиныхъ и костюмовъ ихъ женъ и для необходимыхъ расходовъ по путешествіямъ и увеселеніямъ, предпринимаемымъ ими для отдохновенія отъ тяжести несомыхъ ими трудовъ ради блага этого грубаго и неблагодарнаго народа.

Левъ Толстой.

15 января, 1910 г.
Ясная Поляна.

За тремя картинами деревенской жизни слѣдуетъ выводъ, извлекаемый изъ нихъ авторомъ. Къ большому нашему сожалѣнію, эта часть труда Льва Николаевича не можетъ, при настоящихъ условіяхъ, появиться на страницахъ выходящаго въ Россіи періодическаго изданія. Ограничиваемся, по необходимости, короткимъ изложеніемъ ея содержанія, сохраняя, гдѣ это возможно, подлинныя слова автора.

Л. Н. Толстой видѣлъ сонъ, заставившій его еще разъ подумать о земельномъ вопросѣ, о которомъ нельзя не думать постоянно, живя въ деревнѣ среди бѣдствующаго земледѣльческаго крестьянскаго населенія. „Знаю"—говоритъ Л. Н.,—„что я писалъ объ этомъ много разъ, но подъ вліяніемъ видѣннаго сна я почувствовалъ потребность еще разъ высказаться, не боясь повторенія уже сказаннаго. Carthago delenda est".

Пока отношеніе людей къ земельной собственности не измѣнится, никогда не будетъ слишкомъ часто указывать на зло этой формы порабощенія однихъ людей другими. Перемѣна во взглядѣ на земельную собственность столь же неизбѣжна, какъ неизбѣжна была въ свое время перемѣна во взглядѣ на крѣпостное право. И можно было думать, что это поймутъ сами землевладѣльцы, подобно тому, какъ въ пятидесятыхъ годахъ лучшіе изъ числа помѣщиковъ поняли ненормальность владѣнія людьми. Этого, однако, до сихъ поръ не видно, вѣроятно потому, что крѣпостное право, непосредственно порождая рабство одняхъ людей другимъ, слишкомъ явно противорѣчило и религіозному, и нрав-

ственному чувству — а зависимость, обусловливаемая земельною собственностью, не такъ бросается въ глаза. Крѣпостными людьми, притомъ, владѣло только одно сословіе, а землевладѣльцами являются теперь и дворяне, и купцы, и чиновники, и фабриканты, и профессора, и учителя, и писатели, и музыканты, и живописцы, и богатые крестьяне, и прислуга богатыхъ людей, и дорого оплачиваемые мастеровые. Съ точки зрѣнія землевладѣльцевъ бѣдственное положеніе рабочаго народа, котораго они не могутъ не видѣть, происходитъ отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, но только никакъ не отъ господствующаго взгляда на земельную собственность. Этотъ взглядъ такъ твердо установился во всѣхъ передовыхъ странахъ христіанскаго міра — Франціи, Германіи, Англіи, Америкѣ и пр.,—что никому изъ тамошнихъ общественныхъ дѣятелей, за самыми рѣдкими исключеніями, и въ голову не приходитъ искать причину бѣдственнаго положенія рабочаго класса тамъ, гдѣ она дѣйствительно находится. Казалось бы, что намъ, русскимъ, съ нашимъ стомилліоннымъ крестьянскимъ населеніемъ, съ нашими огромными пространствами земли, съ почти религіознымъ стремленіемъ народа къ земледѣльческой жизни, должно бы было само собой представляться совершенно иное, чѣмъ общеевропейское, рѣшеніе вопроса о причинахъ бѣдственнаго положенія рабочаго народа и о средствахъ улучшенія этого положенія. Но этого нѣтъ: наоборотъ, употребляются большія усилія, чтобы разрушить въ народѣ его вѣковое воззрѣніе на землю. Смѣло можно сказать, однако, что эти усилія захватываютъ до сихъ поръ только малую часть русскаго крестьянства; не поддается имъ многомилліонное большинство малоземельнаго рабочаго русскаго народа, живущаго своей разумной, трудовой жизнью. Оно спокойно ждетъ своего времени, которое не можетъ не придти и придетъ рано или поздно.

Ред.

ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ

(Изъ юношескихъ воспоминаній.)

I.

Я родился въ 45-мъ году, въ одномъ изъ подмосковныхъ губернскихъ городовъ.

Мои воспоминанія о 60-хъ годахъ, и въ частности объ освобожденіи крестьянъ, такимъ образомъ основываются на тѣхъ, вначалѣ смутныхъ, впечатлѣніяхъ, которыя я переживалъ въ отроческій періодъ моей жизни, между 55-мъ и 61-мъ годами, а затѣмъ на тѣхъ, которыя я, болѣе или менѣе сознательно, могъ воспринимать непосредственно уже въ послѣдующій, собственно ликвидаціонный періодъ крѣпостного права.

По происхожденію я принадлежалъ къ разночинско-чиновничьему городскому классу, не имѣвшему непосредственнаго отношенія къ крѣпостному крестьянству; но благодаря близости моей семьи къ сельскому духовенству, а также и службѣ моего отца въ канцеляріи дворянскаго собранія, въ нашей семьѣ косвенно постоянно поддерживалась связь какъ съ крестьянами, такъ и съ помѣщиками.

Первое, что вспоминается мнѣ изъ этой поры моего дѣтства, это личность нашей кухарки Дарьи, находившейся въ какихъ-то своеобразныхъ „крѣпостныхъ“ отношеніяхъ къ нашей семьѣ. Жила она у насъ, повидимому, довольно долго, лѣтъ около десяти, вплоть до 19-го февраля, и все это время она вспоминается мнѣ въ неизмѣнномъ образѣ „дѣвки-вѣковуши“, среднихъ лѣтъ, дѣловитой, расторопной, съ нѣкоторой долей самостоятельности

въ характерѣ, соединенной съ той „хитрецой", которая была въ то время неизбѣжной для всякой „дѣловитой" мужицкой натуры.

Мой отецъ, какъ непринадлежавшій къ дворянскому сословію, не могъ имѣть крѣпостныхъ, но такъ какъ найти прислугу изъ некрѣпостныхъ было нелегко, то и выработался въ то время оригинальный обычай: чиновники не-дворяне, духовенство, купцы обыкновенно выплачивали помѣщику за прислугу изъ крѣпостныхъ извѣстную сумму, иногда распредѣляемую на извѣстное количество лѣтъ (мнѣ почему-то запомнилась относительно Дарьи сумма въ 300 рублей), въ теченіе которыхъ прислуга значилась „какъ бы" крѣпостной у нанявшаго ее лица. Говорю: „какъ бы" потому, что нанявшій не пользовался надъ нею никакими юридическими помѣщичьими правами, не могъ ни продавать ее, ни мѣнять, ни производить какихъ-либо барскихъ экзекуцій надъ нею; вообще въ этомъ положеніи прислуга чувствовала себя до извѣстной степени „вольной", и если наниматель былъ человѣкъ добрый, то она надолго привязывалась къ его семьѣ и считала такое положеніе для себя значительно лучшимъ, чѣмъ жизнь въ крѣпостной деревнѣ, на глазахъ у барина или бурмистра. Мнѣ даже помнится, что бывали случаи, когда, по условію, съ уплатой нанимателемъ всей договоренной суммы, прислуга считалась уже совсѣмъ „вольной" по истеченіи извѣстныхъ лѣтъ, такъ какъ баринъ, когда получалъ сразу условленную плату, считалъ ее какъ бы проданной, а наниматель, не-дворянинъ, не имѣлъ права распоряжаться ею какъ собственностью. Такой формой найма крѣпостные, повидимому, пользовались нерѣдко для выкупа на волю.

Такъ обстояло дѣло и съ нашей Дарьей, но такъ какъ она совсѣмъ сжилась съ нашей семьей и не чувствовала надъ собой никакого крѣпостного „ига", то она благополучно дожила у насъ до 19-го февраля.

Эта-то Дарья и была вначалѣ одной изъ посредницъ, связывавшихъ нашу семью съ деревенскимъ людомъ. Два ея деревенскихъ родственника были на оброкѣ и ѣздили въ нашемъ городѣ легковыми извозчиками. Отецъ часто ѣздилъ на нихъ по дѣламъ и они, привезя его домой, долго иногда оставались у насъ на кухнѣ чаевничать съ Дарьей, которая, такимъ образомъ, всегда была въ курсѣ „деревенскихъ дѣлъ", чрезвычайно ее интересовавшихъ. Этими вѣстями изъ деревни Дарья цѣлыми длинными вечерами, сидя на кухнѣ, дѣлилась съ матушкой, при чемъ обѣ онѣ нерѣдко плакали, а мы, малыя дѣти, обыкновенно часто тутъ

присутствовали. Вначалѣ, конечно, эти ихъ слезы были для меня загадочны и непонятны. Но для Дарьи разговоры съ матушкой не были однимъ только препровожденіемъ времени. Она, конечно, знала о характерѣ службы отца и, какъ женщина толковая и проницательная, любившая иногда, спрятавшись за дверью въ передней, подслушать, о чемъ говорятъ „господа", по-своему умѣла оцѣнить влiятельное положеніе отца, въ качествѣ человѣка близкаго къ „самому" предводителю, и давно уже объ этомъ поставила въ извѣстность какъ свою, такъ и сосѣднія деревни.

Благодаря отчасти этому, довольно просторная кухня, съ большой русской печью, примыкавшая къ нашему провинціальному домику, насколько я запомню, всегда была пристанищемъ разнаго простого бѣднаго люда: то ночевали въ ней приходившія на богомолье въ городъ богомолки и странницы, умилявшія своими разсказами матушку и Дарью, то заходили съ своими горестными „докуками" крѣпостные мужики и бабы, домогавшіеся при помощи Дарьи и отца доискаться у начальства „правовъ". Количество послѣднихъ особенно замѣтно стало увеличиваться при первыхъ слухахъ о волѣ. Потянулись изъ деревень „мірскіе люди", ходоки, тайно получавшіе отъ „міра" порученіе обо всемъ „развѣдать" доподлинно въ городѣ, а въ случаѣ чего—и двинуть по высшему начальству какую-нибудь жалобу на вопіющую несправедливость. Теперь извѣстность нашей Дарьи, въ качествѣ незамѣнимой посредницы по такимъ дѣламъ, росла съ каждымъ днемъ. Мірскіе ходатаи прежде всего направлялись къ ней на кухню, шушукались съ ней, и затѣмъ Дарья, смотря по важности дѣла, или предварительно шла къ матушкѣ, настраивая ея чувствительную душу въ благопріятномъ направленіи для дѣла, съ цѣлью подготовить черезъ нее отца, или же прямо направляла „ходаковъ" къ отцу, уча ихъ, какъ приступить къ дѣлу, гдѣ встать, какъ поклониться, какъ начать говорить. Обыкновенно она вводила ихъ въ нашу переднюю, а сама входила, предварительно крестясь, къ отцу и докладывала, съ тонкими политическими пріемами, о томъ, кто и зачѣмъ пришелъ, и ручалась Христомъ-Богомъ, что все это были „мужички надежные и богобоязненные". Отецъ, сдаваясь на убѣжденія Дарьи, выслушивалъ „надежныхъ мужичковъ", давалъ имъ совѣты и разъясненія. Однако, должно быть, въ то время не особенно часто удавалось мірскимъ ходатаямъ добиваться „торжества справедливости",—такъ какъ мнѣ нерѣдко приходилось слышать, какъ Дарья, провожая унылыхъ ходачковъ обратно въ деревню, съ необыкновенно-сильной увѣренностью утѣшала ихъ: „А вы не унывайте... Пообождите...

Скоро ужъ, скоро!—шептала она:—Вонъ баринъ говоритъ, что ужъ *она* не за горами... Всему перемѣна будетъ... Такъ и скажите *тамъ!*"

Въ качествѣ „развѣдчиковъ" отъ деревенскаго міра являлось немало и „стороннихъ" людей — поповыхъ сыновей, дьячковъ и даже самихъ сельскихъ батюшекъ, которые, справляясь о „крестьянскомъ дѣлѣ", не меньше интересовались и тѣмъ, что не будетъ ли и для нихъ чего-нибудь, какого-нибудь облегченья. И ихъ „тоже заѣдалъ" нерѣдко баринъ, а еще того больше— консисторія. Вообще, чѣмъ больше росли слухи о крестьянскомъ освобожденіи, тѣмъ больше являлось „развѣдчиковъ" изъ разнороднаго люда — чиновниковъ, мѣщанъ, купцовъ, которые все больше укрѣплялись въ мысли, что не только для мужиковъ, но и „для всѣхъ должно что-нибудь быть", что безъ этого нельзя, что „правда" всѣмъ нужна; но эта правда понималась ими въ крайне-смутныхъ, разнообразныхъ и хаотическихъ формахъ. Типы всѣхъ этихъ развѣдчиковъ, и отъ деревенскаго міра, и отъ другихъ „сословій", были очень своеобразны, ярко отражая собою общее напряженно-выжидательное настроеніе. И это не смотря на то, что подмосковный губернскій городъ, въ которомъ жила моя семья, являлся исключительно административнымъ центромъ, переполненнымъ чиновничествомъ, въ высшихъ рангахъ по преимуществу дворянскимъ, и былъ, можно сказать, насыщенъ бюрократически-крѣпостническимъ духомъ, при которомъ всякія такія развѣдки и ходачества являлись очень рискованными. Такъ у меня остались въ памяти разговоры, происходившіе въ то время въ нашей семьѣ по поводу „бѣды", которая стряслась съ однимъ изъ нашихъ сельскихъ родственниковъ, старичкомъ-дьякономъ, который былъ особенно усерднымъ развѣдчикомъ и тайнымъ ходокомъ отъ „міра": объ его тайной дѣятельности было донесено архіерею, который вызвалъ его къ себѣ и, весь трясясь отъ гнѣва, приказалъ ему встать передъ собой на колѣна, измываясь надъ нимъ, какъ надъ послѣднимъ крѣпостнымъ рабомъ; затѣмъ наложилъ на него эпитимію, заставивъ въ теченіе часа класть земные поклоны, а затѣмъ сослалъ на сколько-то времени „на послушаніе" въ монастырь.

Болѣе ярко въ моей отроческой памяти запечатлѣлось воспоминаніе именно о томъ общемъ напряженномъ настроеніи, которое особенно сильно начало сказываться по окончаніи крымской войны. Конечно, это настроеніе могло отражаться на мнѣ

въ то время лишь въ смутныхъ впечатлѣніяхъ, и только впослѣдствіи оно обрисовалось для меня въ ясныхъ и послѣдовательныхъ проявленіяхъ.

Прежде всего, наиболѣе характернымъ симптомомъ нарождавшагося новаго настроенія являлась какъ-то сразу увеличившаяся „тяга“ въ высшія столичныя учебныя заведенія среди нашей учащейся, семинарской и гимназической, молодежи, раньше, въ громадномъ большинствѣ, обыкновенно осѣдавшей по окончаніи средней школы на родныхъ мѣстахъ, въ качествѣ или писцовъ разнаго рода канцелярій, или городского и сельскаго клира. Дворянскія дѣти большею частью уходили въ спеціальныя военныя учебныя заведенія или же, рѣже, въ свѣтскія, въ родѣ училища правовѣдѣнія. Изъ разночинскихъ семей больше всего шло въ духовныя академіи и въ рѣдкихъ случаяхъ въ университеты. Теперь процентъ жаждущихъ высшаго образованія сталъ возрастать съ необыкновенной быстротой.

Это были какъ бы своего рода новые развѣдчики, которыхъ пробуждавшіеся „низы“ жизни усиленно начали высылать туда, къ невѣдомымъ имъ доселѣ „верхамъ“, чтобы хотя косвенно причаститься тому, что зарождалось тамъ, таинственное и волнующее.

Было изумительно и умилительно видѣть, съ какимъ напряженнымъ упорствомъ и какою-то мрачною храбростью стали вдругъ готовиться всѣ эти разночинные юнцы въ невѣдомыя сферы жизни за духовнымъ освѣженіемъ. Да и было отчего!.. Вѣдь сколько тревожныхъ и нудныхъ дней и ночей провели они вмѣстѣ съ своими присными, чтобы весь свой жалкій семейный скарбъ и животишки всѣми мѣрами ухитриться „капитализировать“ хотя бы въ размѣрѣ, достаточномъ на преодолѣніе пути въ сотни верстъ до Москвы при помощи обозныхъ порожняковъ, а то и по образу пѣшаго хожденія, не говоря уже о жалкомъ харчѣ для пропитанія въ столицѣ, по крайней мѣрѣ въ первые мѣсяцы. Многимъ, конечно, извѣстны яркіе и трогательные примѣры тогдашняго подобнаго паломничества, хотя бы изъ біографій первыхъ страстотерпцевъ-піонеровъ разночинской литературы, въ родѣ Левитова. Біографіи эти особенно характерны для того времени.

И вотъ эти-то юные развѣдчики, съ первыхъ же лѣтъ своего студенчества, являлись въ то время единственными и желанными вѣстниками въ низы жизни о томъ таинственномъ, смутномъ и невѣдомомъ, что творилось гдѣ-то далеко, въ недоступныхъ сферахъ, наполняя то страхомъ, то надеждой затравленныхъ и за-

пуганныхъ обитателей глухихъ провинціальныхъ и деревенскихъ палестинъ. Эти же юные развѣдчики являлись и первыми непосредственными сѣятелями въ родную почву тѣхъ сѣмянъ, изъ которыхъ, хотя нудно и съ великими препонами, но упорно нарождался „новый" человѣкъ.

И съ какимъ глубокимъ, хотя и дѣтскимъ чувствомъ восторга—вспоминается мнѣ—ожидали мы, малыши, лѣтнихъ каникулъ въ маленькихъ провинціальныхъ домикахъ и ихъ садикахъ, въ городахъ или селахъ, встрѣчая тамъ возвращавшихся изъ столицъ своихъ дядей или старшихъ братьевъ и ихъ товарищей. Сколько въ нихъ было бодраго, жизнерадостно-юнаго, сколько несли они намъ оживляющихъ, озаряющихъ и преображающихъ откровеній, сколько перловъ невѣдомой до того „свободной" мысли и поэзіи неощутимо внѣдрялось въ наши ребяческія души!.. Быть можетъ, было въ этомъ настроеніи много черезчуръ наивно-дѣтскаго, но оно было именно таково, и для тѣхъ, кого оно коснулось, уже не могло пройти совсѣмъ безслѣдно.

Въ томъ „интеллигентскомъ", по современному опредѣленію, кружкѣ, къ которому я въ то время могъ стоять такъ близко, благодаря связямъ моего отца и дядей-студентовъ, описанное выше настроеніе чувствовалось особенно напряженно, вслѣдствіе нѣкоторыхъ исключительныхъ условій, въ которыхъ стоялъ мой отецъ относительно „крестьянскаго вопроса", вмѣстѣ съ другими своими товарищами и сверстниками.

Что придавало у насъ этому настроенію въ то время, особенно вскорѣ послѣ крымской войны, своеобразный, какъ-то невольно вдохновлявшій и поддерживавшій его особый смыслъ,—это легенды, которыя были связаны съ тремя крупнѣйшими нашими литературными именами, сначала Герцена и Салтыкова, а затѣмъ вскорѣ и Добролюбова.

Герценъ, какъ извѣстно, сосланный въ 1835-мъ году въ Вятку, черезъ два года, въ качествѣ такого же ссыльнаго, былъ переведенъ во Владиміръ, гдѣ поступилъ на службу въ канцелярію губернатора Куруты, пробывъ здѣсь три года. Былъ онъ тогда только еще начинающій писатель, совершенно никому еще неизвѣстный, и вѣроятно такъ бы онъ надолго безслѣдно и исчезъ для нашего обывателя, еслибы не случилось выходящаго изъ ряда вонъ обстоятельства—его женитьбы въ нашемъ городѣ на увезенной имъ потихоньку изъ Москвы двоюродной сестрѣ, вопреки желанію отца. Совершеніе этой „незаконной" свадьбы было окутано большой тайной, и могла она состояться лишь при особомъ снисхожденіи мѣстнаго архіерея и при вліяніи

на него губернатора: архіереемъ было „секретно“ приказано одному изъ священниковъ повѣнчать Герцена какъ можно скрытнѣе, въ отдаленной слободской церкви, на окраинѣ, безъ малѣйшаго шума, придавъ этому видъ, какъ будто священникъ дѣйствуетъ за свой страхъ и рискъ. Въ нашей семьѣ я слыхалъ, будто при вѣнчаніи участвовалъ и мой дѣдъ, молодой еще тогда дьяконъ, и тоже по секретному архіерейскому наказу. Однако самъ дѣдъ, быть-можетъ подъ страхомъ наказанія, никогда объ этомъ дѣлѣ не любилъ распространяться и вообще умалчивалъ.

Но начало легендѣ уже было положено, и она въ теченіе многихъ лѣтъ въ смутномъ видѣ циркулировала среди обывателей. Возможно, что въ теченіе полутора десятка лѣтъ, прожитыхъ съ тѣхъ поръ нашей глухой провинціей въ сугубомъ духовномъ мракѣ, и совсѣмъ растаяла бы легенда о какомъ-то ссыльномъ чиновникѣ и его таинственной свадьбѣ, еслибы въ концѣ 50 хъ годовъ наши юные столичные развѣдчики не появились въ первыя же каникулы съ цѣлымъ ворохомъ какихъ-то самыхъ жгучихъ и животрепещущихъ таинственныхъ книгъ, газетъ и рукописныхъ копій, изъ которыхъ большая часть была написана нашимъ легендарнымъ ссыльнымъ. И вдругъ легенда о немъ стала воскресать во всѣхъ бывшихъ и даже небывшихъ подробностяхъ. „Такъ вонъ онъ каковъ, *нашъ*-то ссыльный... Ну, не даромъ, значитъ, по ссылкамъ-то гоняли!.. Былъ раньше-то Герценъ, а тутъ вдругъ Искандеромъ обернулся... Кто жъ его узналъ бы, что это *нашъ?*“ —восклицали наши наивные обыватели изъ „низовъ“ не только свѣтскаго, но и духовнаго званія, особенно изъ молодыхъ. И потихоньку, подъ сурдинку, съ боязливо-трепетнымъ любопытствомъ погружались, въ гущѣ своихъ садовъ, въ захватывающія страницы „Колокола“, разныхъ прокламацій въ родѣ: „Къ русскому дворянству“, „Юрьевъ день“, запрещенныхъ книжекъ стихотвореній лондонскаго изданія, которыя приписывались всѣ Искандеру, наконецъ въ старыя книжки „Отечественныхъ Записокъ“ со статьями Бѣлинскаго и Герцена.

Подоспѣла тутъ и свѣжая легенда о Салтыковѣ, который незадолго былъ присланъ въ нашъ городъ отъ министра для ревизіи дѣлъ по организаціи мѣстнаго ополченія и который такъ встревожилъ весь нашъ чиновный міръ. „Это, братъ, серьезный былъ человѣкъ вполнѣ... О, о, какой серьезный!.. Такихъ еще не видывали у насъ... Да, гляди того, самъ министромъ будетъ“ —говорили про него напуганные чинуши. И вдругъ этотъ самый „будущій министръ“, къ великому изумленію всѣхъ, обернулся „надворнымъ совѣтникомъ Щедринымъ“,—и все, что ви-

дѣлъ по ревизіямъ, то начистоту передъ всѣми и выкладывалъ!.. „Ну, кто жъ догадается, что это онъ самый-то *нашъ* и есть?.. Вотъ какъ чисто ведетъ дѣло—никому и виду не подастъ. Ну и башка!..“—восклицали „низы“ и бросались отыскивать „Губернскіе очерки“, пускались на всякія средства, чтобы проскользнуть въ залъ дворянскаго собранія на литературно-музыкальный вечеръ, на которомъ должны были читаться сатиры „нашего“ Щедрина.

Мѣстная легенда, такимъ образомъ, придавала свой специфическій смыслъ и окраску „нашимъ“ писателямъ, ставила насъ къ нимъ въ особое, интимное отношеніе, сравнительно со всѣми другими, „не-нашими“ писателями.

О Добролюбовской легендѣ, зародившейся значительно позже, рѣчь будетъ послѣ.

II.

Нашей семьѣ особенно посчастливилось въ это время: она сдѣлалась какъ бы центромъ преимущественно разночинной интеллигенціи нашего города, наиболѣе заинтересованной освободительнымъ движеніемъ. Этому помогали многія обстоятельства: и положеніе отца, близко стоявшаго къ передовымъ лицамъ дворянскаго сословія и особенно къ тогдашнему предводителю дворянства, сочувствовавшимъ реформѣ освобожденія,—и близость нашей семьи къ прогрессивно настроенной семинарской молодежи, возвращавшейся изъ духовныхъ академій обратно на родину въ качествѣ учителей семинаріи,—и наконецъ то, что сама наша семья стала имѣть непосредственную связь со столицами въ лицѣ двухъ моихъ дядей, изъ которыхъ одинъ былъ студентомъ-медикомъ въ Москвѣ, другой—въ петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, гдѣ учился вмѣстѣ съ Добролюбовымъ и былъ съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Благодаря всему этому въ нашемъ маленькомъ провинціальномъ домикѣ все чаще стали собираться компаніи для бесѣдъ о современныхъ интересахъ, по поводу получаемыхъ изъ столицъ извѣстій и писемъ, а также, особенно въ каникулярное время, когда съѣзжалась студенческая молодежь—и для живого обмѣна мнѣній по поводу привозимой ею изъ столицъ самой „животрепещущей“ литературы.

Наиболѣе крупной фигурой на этихъ нашихъ интимныхъ собраніяхъ былъ еще молодой, сравнительно, преподаватель семинаріи Н. Я. Дубенскій.

Это былъ незаурядно даровитый, энергичный и образованный человѣкъ, сыгравшій видную роль какъ въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса въ нашей губерніи, такъ и въ научно-литературныхъ работахъ по изслѣдованію ея природы и быта. Сынъ бѣднаго сельскаго дьячка, окончивъ курсъ въ семинаріи, онъ добился поступленія въ Горыгорецкій земледѣльческій институтъ, а затѣмъ вернулся въ родную семинарію уже въ качествѣ преподавателя сельскаго хозяйства, а впослѣдствіи еще и французскаго языка.

Затѣмъ особенное оживленіе и интересъ вносилъ въ эти собранія мой дядя по отцу, А. П. З., который, пріѣзжая изъ Петербурга на каникулы, имѣлъ возможность привозить съ собой наиболѣе важныя новости по современнымъ политическимъ и литературнымъ вопросамъ. Самъ человѣкъ очень живой, впечатлительный, близко стоявшій къ нѣкоторымъ тогдашнимъ передовымъ литераторамъ, онъ становился душой нашихъ собраній и иниціаторомъ разныхъ прогрессивныхъ предпріятій. Бывало на такихъ собраніяхъ много и другихъ видныхъ интеллигентовъ въ нашемъ городѣ, какъ извѣстный мѣстный археологъ и этнографъ К. Н. Тихонравовъ, нѣкоторые молодые дворяне и молодые священники и преподаватели семинаріи.

По иниціативѣ этого кружка, первымъ и очень важнымъ, по тому времени, дѣломъ было открытіе въ 1858-мъ году отцомъ моимъ публичной библіотеки въ нашемъ городѣ, имѣвшемъ лишь спеціальныя, недоступныя для общаго пользованія „фундаментальныя библіотеки“ при учебныхъ заведеніяхъ, да небольшія собранія книгъ у частныхъ лицъ. Необходимость такой библіотеки, повидимому, живо чувствовалась тогда всѣмъ передовымъ обществомъ, такъ какъ мысль объ ея открытіи была встрѣчена общимъ сочувствіемъ. При содѣйствіи предводителя дворянства и передовыхъ дворянъ подъ библіотеку было отведено обширное помѣщеніе въ домѣ дворянскаго собранія, въ которомъ вмѣстѣ съ нею былъ помѣщенъ сельскохозяйственный и этнографическій музей Юрьевскаго общества сельскаго хозяйства и остатки старой, гнившей до этого въ архивѣ еще съ 30-хъ годовъ безъ всякаго приложенія, городской общественной библіотеки. Библіотека была открыта съ большой помпой, съ молебствованіемъ, въ присутствіи всей высшей городской интеллигенціи. Представители передового сословія не скупились въ тотъ моментъ поддерживать культурное начинаніе—и въ первый же день записалось по 1-му разряду годовыхъ подписчиковъ чуть ли не около пятидесяти. Такой успѣхъ, превзошедшій всякія ожиданія, далъ возможность

въ первый же годъ снабдить библіотеку всѣми выдающимися современными журналами, газетами и серьезными изданіями, особенно по интересовавшимъ въ то время вопросамъ. Библіотека и читальня при ней, такимъ образомъ, сразу сдѣлались центромъ живыхъ умственныхъ интересовъ.

Говорю объ этомъ такъ подробно потому, что эта библіотека несомнѣнно сыграла тогда крупную роль, особенно съ открытіемъ губернскаго комитета по освобожденію крестьянъ. Вкругъ нея закипѣла энергичная подготовительная работа. Особенно дѣятельнымъ и воодушевленнымъ работникомъ явился Н. Я. Дубенскій, самый видный изъ мѣстныхъ, въ то время крайне незначительныхъ по количеству, литературныхъ дѣятелей. Назначенный къ тому времени новый губернаторъ съумѣлъ сразу оцѣнить личность Н. Я. Д., и предложилъ ему оставить преподавательскую дѣятельность и занять важное, по тому моменту, мѣсто секретаря губернскаго комитета. Д. съ большимъ рвеніемъ принялъ это предложеніе; вскорѣ былъ прикомандированъ къ комитету и мой отецъ. Такимъ образомъ нашъ интеллигентскій кружокъ, въ лицѣ двоихъ изъ главныхъ своихъ представителей, оказался стоящимъ въ очень близкихъ отношеніяхъ къ центру самой кипучей дѣятельности того времени.

Такъ какъ я имѣю въ виду передать здѣсь исключительно лишь мои личныя воспоминанія и впечатлѣнія изъ того времени, то я считаю неумѣстнымъ входить въ подробное обсужденіе участія всѣхъ упомянутыхъ лицъ въ дѣлѣ крестьянскаго освобожденія въ нашей губерніи, тѣмъ болѣе, что я тогда былъ еще въ достаточной степени юнъ и несвѣдущъ, и не могъ въ должной мѣрѣ понимать и усвоивать все совершавшееся передо мной. Я ограничусь здѣсь лишь наиболѣе яркими явленіями, запечатлѣвшимися въ моей юной памяти въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ передъ 19-мъ февраля.

Такъ, мнѣ остался очень памятенъ одинъ характерный фактъ, подавшій поводъ къ особенно оживленнымъ разговорамъ не только въ одномъ нашемъ кружкѣ. Однажды, лѣтнимъ утромъ, я узналъ съ матушкой отъ необычайно взволнованной нашей кухарки Дарьи, въ слезахъ спѣшно собиравшей въ корзину всякую снѣдь, что по нашей „большой“ улицѣ сейчасъ погонятъ „видимо-невидимо кандальныхъ мужиковъ“. Я бросился вслѣдъ за нею на любопытное „зрѣлище“. Толпа уже запрудила всю знаменитую „владимірку“; посрединѣ, рядами въ нѣсколько человѣкъ, шагали сотни молодыхъ и старыхъ крестьянъ, въ сопровожденіи конвойныхъ солдатъ; рыдая и причитая, бѣжали бабы; за пѣшими

тянулся длинный рядъ телѣгъ, доверху наполненныхъ всякимъ скарбомъ, поверхъ котораго сидѣли плачущія бабы съ малыми дѣтьми. Надъ всей улицей висѣла густая туча пыли; слышался плачъ, грубые оклики, сплошной гулъ разнообразныхъ, рѣзавшихъ ухо звуковъ. Картина была очень тяжелая. Совершалось глубоко возмутительное, даже по тому времени, дѣло: громадная деревня, въ нѣсколько сотъ душъ, ссылалась этапомъ на поселеніе въ Сибирь, безъ слѣдствія и суда, по единоличному распоряженію богатаго помѣщика, нѣкоего К., имѣвшаго большія связи въ Петербургѣ и пользовавшагося репутаціей самаго яраго крѣпостника.

Это вопіющее событіе, происходившее въ послѣдніе дни передъ освобожденіемъ крестьянъ, возмутило даже нашъ, коснѣвшій въ чиновничье-дворянской рутинѣ, городъ; въ передовыхъ кружкахъ и даже въ администраціи этотъ случай какъ-то сразу поставилъ вопросъ о радикальномъ освобожденіи крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ „о водвореніи законности“ на открытое обсужденіе (раньше разговаривать объ этомъ громко рѣшались далеко немногіе); говорили о необходимости требовать суда надъ помѣщикомъ, о лишеніи его дворянскихъ правъ. Практическія мѣропріятія по этому дѣлу повидимому осуществились, но очень не скоро и въ очень скромной формѣ. Мужики, напримѣръ, хотя и были возвращены на родину, но не раньше какъ они прогулялись пѣшкомъ въ Сибирь.

Случай этотъ подалъ поводъ къ оживленнымъ бесѣдамъ и въ нашемъ кружкѣ, вызывая обсужденіе общаго вопроса о вліяніи крѣпостного права на положеніе народа и его нравственное состояніе. Передавалось множество фактовъ, аналогичныхъ предыдущему, помѣщичьяго самоуправства и вообще крѣпостнической политики въ управленіи своими крестьянами. Даже и на меня, юнца, произвели впечатлѣніе и остались въ памяти разговоры о томъ, въ какое положеніе были приведены крѣпостные крестьяне въ томъ районѣ, въ которомъ царилъ вышеописанный помѣщикъ К. Такъ напр., въ виду плохого качества земли и отсутствія промысловъ многія деревни и даже цѣлыя села облагались помѣщиками, получавшими очень низкій барышъ отъ крѣпостной обработки земли, сплошными огромными оброками, которые мужики обязывались раздобывать гдѣ и какъ хотѣли. Въ результатѣ этого получалось то, что все населеніе этихъ селъ и деревень, сплошь отъ мала до велика, превращалось или въ профессіональныхъ нищихъ, отправлявшихся „на заработокъ“ по всѣмъ ближайшимъ городамъ и весямъ въ видѣ погорѣльцевъ,

калѣкъ, юродивыхъ и т. п. [1]), или въ профессіональныхъ же придорожныхъ разбойниковъ, грабителей и конокрадовъ. Все это производилось ими въ теченіе многихъ лѣтъ, почти безнаказанно, такъ какъ помѣщичьи управляющіе смотрѣли на это сквозь пальцы и даже косвенно поощряли, потому что подобнымъ только путемъ могли получать огромные оброки. Понятно, какъ все это гибельно вліяло на цѣлые ряды подростающихъ деревенскихъ поколѣній.

Къ такого рода явленіямъ съ особымъ горячимъ вниманіемъ относился Н. Я. Д. Самъ сынъ бѣднаго дьячка, проведшій все дѣтство среди бѣдствовавшаго народа, онъ не могъ не выступить энергичнымъ защитникомъ его интересовъ. Едва только явилась возможность гласнаго обсужденія крестьянскаго вопроса, въ 58-мъ году, онъ тотчасъ выступилъ съ рядомъ статей въ журналахъ, характеризующихъ положеніе народа въ разныхъ отношеніяхъ, преимущественно—правовомъ и экономическомъ, доказывая необходимость освобожденія крестьянъ съ землей при общинномъ землевладѣніи и пр. Его учено-литературная дѣятельность обращала и раньше вниманіе всѣхъ на него, какъ на знатока нашей губерніи въ сельско-хозяйственномъ и промышленномъ отношеніи. Особенно много разговоровъ стали вызывать его статьи съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался секретаремъ губернскаго комитета. Крѣпостники уже съ самаго начала стали смотрѣть на него подозрительно и критически относиться къ его статьямъ. Но когда въ журналѣ „Сельское благоустройство“, въ 1859-мъ году, появилась его большая статья: „О производительности, цѣнности и доходности земель В — ской губерніи“, жестоко задѣвавшая крѣпостниковъ, поднялась настоящая буря. Отдѣльные оттиски этой статьи покупались и брались въ нашей библіотекѣ нарасхватъ. Я въ то время уже каждый вечеръ бывалъ въ нашей библіотекѣ, выдавая книги, и могъ лично присутствовать при тѣхъ жестокихъ спорахъ, которые велись по поводу его статей. Я до сихъ поръ почти дословно запомнилъ афоризмъ, которымъ, какъ говорили, заканчивалась, будто бы, одна изъ его послѣднихъ статей и который особенно часто цитировался всѣми. „Еслибы самъ Богъ—патетически, будто бы, восклицалъ онъ—сошелъ на землю и встрѣтилъ крѣпостного крестьянина,—онъ не узналъ бы въ немъ свое твореніе!“ Этого изреченія уже никоимъ образомъ не могли ему

[1]) Они стали извѣстны даже повсюду подъ специфической кличкой „шуваликовъ“, по фамиліи мѣстнаго богатаго помѣщика, въ имѣніяхъ котораго раньше всего и въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ укоренился этотъ промыселъ.

простить приверженцы стараго порядка. Противъ него, прежде всего, было выпущено нѣсколько брошюръ, обвинявшихъ его въ злостномъ извращеніи фактовъ, а затѣмъ уже не задумались пустить и всякія закулисныя и неблаговидныя средства, поднявъ противъ него такую травлю, что онъ вынужденъ былъ не только уйти изъ губернскаго комитета, но и въ буквальномъ смыслѣ бѣжать изъ нашей губерніи. Но такъ какъ это случилось въ самый медовый мѣсяцъ освободительнаго движенія, то его врагамъ не удалось сразу раздавить и уничтожить Д.: онъ былъ оцѣненъ въ Петербургѣ, вызванъ въ главный комитетъ и энергично продолжалъ работать, къ своему великому удовольствію, сначала тамъ, а затѣмъ до конца 60-хъ годовъ въ Западномъ краѣ, по устройству крестьянскихъ дѣлъ. Къ сожалѣнію, дальнѣйшая судьба этого незауряднаго дѣятеля освобожденія сложилась очень печально: въ продолженіе десятка лѣтъ онъ, уже въ старости, велъ жизнь почти безпріютнаго интеллигентнаго пролетарія.

Исторія съ Д. была зловѣщимъ предупрежденіемъ относительно того, въ какомъ направленіи и съ какимъ ярымъ противодѣйствіемъ крѣпостниковъ пойдетъ въ нашей губерніи дѣло крестьянскаго освобожденія. Факты не заставили себя ждать. Укажу здѣсь на одно событіе, котораго я былъ личнымъ свидѣтелемъ и которое въ общихъ чертахъ до сихъ поръ сохранилось у меня въ памяти, хотя я не могу точно установить его даты. Повидимому оно произошло въ самомъ концѣ дѣятельности губернскаго комитета. Въ городѣ былъ съѣздъ дворянскихъ депутатовъ и, какъ мнѣ казалось тогда, необыкновенно большой и шумный, такъ какъ домъ дворянскаго собранія съ утра до ночи былъ наполненъ дворянскими депутатами; даже наша библіотека перестала на это время функціонировать, превратившись въ буфетную и раздѣвальню.

Однимъ днемъ, будучи зачѣмъ-то въ библіотекѣ, я изъ разговоровъ узналъ, что нынче предстояло какое-то особенно важное засѣданіе депутатовъ, и я попросилъ отца взять меня съ собой на верхъ (въ залы собранія), чтобы хотя издали посмотрѣть на торжественное засѣданіе. Отецъ помѣстилъ меня въ задней комнатѣ, откуда я въ полуотворенную дверь могъ обозрѣвать цѣлые ряды стульевъ, сплошь засаженныхъ депутатами въ расшитыхъ золотомъ форменныхъ мундирахъ, въ черныхъ фракахъ и въ разнообразныхъ блестящихъ мундирахъ всѣхъ родовъ армейскихъ и кавалерійскихъ полковъ. Вначалѣ все шло торжественно-спокойно: кто-то за большимъ столомъ что-то читалъ, кто-то потомъ ему возражалъ, потомъ вдругъ что-то зашумѣло, разда-

лись какіе-то выкрики, затѣмъ свистъ, захлопали о полъ стульями и ногами, наконецъ сразу сорвались почти всѣ съ мѣстъ, всѣ сразу закричали, заговорили и, къ моему дѣтскому изумленію, я неожиданно сдѣлался свидѣтелемъ никогда еще невиданной мною, даже во снѣ, свалки представителей благороднаго дворянства; одни, возбужденные, раскраснѣвшіеся, выскакивали изъ рядовъ съ поднятыми стульями и неслись на стоявшихъ и сидѣвшихъ впереди за большимъ длиннымъ столомъ; другіе хватали ихъ за руки... Въ это время отецъ, весь блѣдный, оттащилъ меня отъ двери и велѣлъ тотчасъ же уходить домой.

Я ушелъ въ полномъ смущеніи, рѣшительно не понимая, что̀ такое произошло. Только уже впослѣдствіи для меня стало вполнѣ яснымъ зловѣщее значеніе этого дикаго выступленія крѣпостниковъ противъ прогрессивныхъ дворянъ и членовъ комитета. Первымъ результатомъ этой стычки, насколько мнѣ помнится, былъ отказъ отъ баллотировки на новое трехлѣтіе оскорбленнаго поведеніемъ крѣпостниковъ стараго предводителя. Крѣпостникамъ пока не удалось все же провести своего ставленника, и въ предводители былъ избранъ представитель „умѣреннаго“ направленія.

Этотъ инцидентъ, конечно, долго и горячо обсуждался въ нашемъ интеллигентскомъ кружкѣ, въ связи съ тѣмъ, который произошелъ съ Н. Я. Д. Было очевидно, что представители стараго порядка не скоро сдадутся и употребятъ всѣ усилія, чтобы извратить духъ начинавшихся реформъ, какъ путемъ воздѣйствія на высшія сферы, такъ и на мѣстахъ. Это, какъ извѣстно, и случилось.

Но все же общее настроеніе въ этотъ моментъ было выжидательно-оптимистическое. Въ нашемъ кружкѣ уже не только мечтали, но энергично подготовлялись къ основанію первой „свободной“ типографіи и къ изданію первой „независимой“ газеты, даже при ближайшемъ участіи нѣкоторыхъ петербургскихъ литераторовъ, напримѣръ Добролюбова. Несомнѣнно такое же интеллигентное движеніе, какъ и у насъ, происходило и въ другихъ мѣстахъ; вѣдь оно, прежде всего, являлось всюду естественнымъ результатомъ того громаднаго жизненнаго процесса, который выдвинулъ, пять лѣтъ тому назадъ, цѣлую армію „юныхъ развѣдчиковъ“, высланныхъ „низами“ въ столицы при первыхъ вѣстяхъ о реформахъ послѣ крымской войны. Теперь первыя колонны этихъ „развѣдчиковъ“, уже покончившихъ курсъ, шли обратнымъ потокомъ къ выславшимъ ихъ роднымъ „низамъ“, преисполненныя смѣлыми мечтами. Потокъ этотъ, конечно, съ

тѣхъ поръ не прекращался уже, и впослѣдствіи изъ него составились тѣ кадры необыкновенно характерныхъ по своему психическому настроенію интеллигентныхъ работниковъ въ народѣ, которые разсыпались по всей земской Россіи и впослѣдствіи сыграли такую крупную историческую роль.

Итакъ, всѣ жили ожиданіемъ наступленія великой эры.

III.

Наступилъ 61-й годъ—годъ „великой исторической эры"... Характерно, однако, то, что, не смотря на напряженное состояніе, которое переживали въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ окружающіе меня близкіе люди въ преддверіи этой эры, отдавъ на возможную для нихъ подготовку ея всю свою духовную энергію, самое завершеніе „великаго акта" 19-го февраля осталось въ моихъ воспоминаніяхъ въ самыхъ смутныхъ и будничныхъ очертаніяхъ. Объясняется ли это тѣмъ, что само высшее начальство, повидимому, считало необходимымъ, въ виду якобы государственныхъ соображеній, обставить опубликованіе этого акта возможной таинственностью и „скромностью", — или тѣмъ, что мои близкіе уже заранѣе изжили весь духовный подъемъ медовыхъ мѣсяцевъ „крестьянскаго освобожденія", и формальное завершеніе его „манифестомъ" являлось для нихъ лишь простой „юридической санкціей", въ значительной степени, кромѣ того, отравленной ядомъ сомнѣній, разочарованій и жуткихъ предчувствій... Такъ или иначе, но 15-е марта, день оффиціальнаго опубликованія у насъ манифеста 19-го февраля, остался въ моихъ воспоминаніяхъ совершенно безцвѣтнымъ и будничнымъ. Былъ, конечно, торжественный молебенъ въ соборѣ, въ присутствіи всего мѣстнаго генералитета, былъ для него прочитанъ съ амвона манифестъ, но... „народъ", самъ народъ „отсутствовалъ" столь же блистательно, какъ въ эпилогѣ „Бориса Годунова"... О „народныхъ же ликованіяхъ" ни откуда не доходило никакихъ и слуховъ. Царили, повидимому, сугубые провинціальные будни.

Изъ „оффиціальныхъ" проявленій, отмѣтившихъ у насъ „эру освобожденія", у меня остались въ памяти только два характерныхъ факта. Одинъ—это полученіе, кажется въ мартѣ же мѣсяцѣ, одновременно съ манифестомъ, „Положенія 19-го февраля", которое въ сотняхъ экземпляровъ было доставлено какъ въ канцелярію дворянскаго собранія, такъ и въ нашу библіо-

теку, гдѣ они буквально расхватывались заинтересованными лицами, такъ что я едва поспѣвалъ выдавать ихъ покупателямъ. „Положеніе“, какъ извѣстно, было очень объемистое, въ форматѣ писчаго листа, и въ общей сложности, со всякими приложеніями, не менѣе 20-ти печатныхъ листовъ. Понятно, что „Положеніе“ могло произвести должное впечатлѣніе на читателя только послѣ довольно пристальнаго и продолжительнаго штудированія его—и не могло, поэтому, вызвать какого-либо единодушнаго эксцесса по поводу его появленія; очень естественно, что и у меня въ памяти не осталось ничего экстраординарнаго, что̀ могло бы характеризовать отношеніе къ нему нашихъ обывателей. Очевиднымъ было только то, что „крѣпостники“ чѣмъ болѣе вчитывались въ него, тѣмъ все таинственнѣе о чемъ-то другъ съ другомъ переговаривались и торопились принимать какія-то противодѣйствующія „мѣры“; въ близкихъ же къ намъ кругахъ „Положеніе“ обсуждалось, такъ сказать, „постатейно“ и постепенно, вызывая то общее одобреніе, то очень скептическое отношеніе. Передавая объ этомъ, я увѣренъ, что читатель не заподозритъ, что и я, юнецъ, участвовалъ въ этомъ „постатейномъ“ обсужденіи, въ которомъ я въ описываемый моментъ еще очень немногое могъ понимать, и, конечно, передаю только мое общее впечатлѣніе.

Другой характерный фактъ имѣлъ мѣсто нѣсколько позднѣе. Былъ у меня пріятель-гимназистикъ, тоже сынъ чиновника, съ которымъ мы очень часто любили вмѣстѣ читать, бесѣдовать по этому поводу и даже пробовали пописывать кое-что, особенно онъ, такъ какъ я пока еще относился къ этому занятію индифферентно или, по крайней мѣрѣ, боязливо, предпочитая секретно упражняться въ писаніи стишковъ „по Кольцову“ (которые мнѣ казались „самыми легкими“), и въ то же время не стыдился еще списывать классныя упражненія съ тетрадокъ товарищей. Такъ вотъ, придя однажды къ этому товарищу, я засталъ его за очень страннымъ, если не сказать откровеннѣе, занятіемъ. Передъ нимъ лежала стопка чистой почтовой бумаги, а рядомъ съ ней другая, въ которую онъ складывалъ уже каллиграфически написанныя имъ какія-то письма, размѣромъ отъ 10-ти до 20-ти строкъ. Письма эти онъ копировалъ съ десятка лежавшихъ передъ нимъ на-черно набросанныхъ чьей-то посторонней рукой различныхъ образцовъ, а затѣмъ уже укладывалъ въ стопки сообразно какому-то алфавитному списку.—„Не хочешь ли помочь?—спросилъ онъ меня:—ты вѣдь умѣешь красиво и четко писать“.—Попробую. Въ чемъ дѣло?—„А вотъ въ чемъ: отцу

заказано отъ начальства написать нѣсколько сотъ благодарственныхъ къ Царю-освободителю писемъ отъ имени крестьянскихъ волостей, по поводу манифеста 19-го февраля... Ну, такъ понимаешь: очень просто—отецъ вотъ сочинилъ нѣсколько образцовъ, а мнѣ велѣлъ переписывать, и чтобы не всѣ выходили ужъ очень одинаковы, поручилъ даже вносить и свои небольшія измѣненія, или просто переставлять слова и фразы, только чтобы безъ смысла не вышло... Хочешь, такъ помогай. Отецъ обѣщалъ мнѣ дать за это на книги... Только, чуръ, секретъ!.. Никому ни слова... Это ужъ я только тебѣ... довѣряю..." Дѣло предстояло во всѣхъ смыслахъ любопытное.—Попробуемъ!—согласился я и съ величайшимъ интересомъ сталъ вчитываться въ образцы. Каждый изъ нихъ заключалъ въ себѣ первымъ дѣломъ заголовокъ: „Отъ крестьянъ такой-то губерніи, уѣзда и волости", затѣмъ обращеніе, на выразительность и строгую корректность котораго обращалось особенное вниманіе и которое варьировалось въ такомъ родѣ: „Всемилостивѣйшій и великій государь-отецъ", или: „Возлюбленный нашъ монархъ, отецъ и покровитель", или въ патріархальномъ тонѣ: „Батюшка Царь!" и т. п. Дальше слѣдовали уже самыя вѣрноподданнѣйшія изліянія неизреченныхъ благодарностей въ стилѣ челобитныхъ временъ Алексѣя Михайловича. „Ну, вотъ тебѣ бумага, вотъ списокъ волостей съ буквы М... Качай!.. Если вздумаешь что̀ написать по-другому—покажи мнѣ", сказалъ пріятель—и мы весело принялись за дѣло, такъ какъ дозволеніе вносить свои варіаціи въ текстъ образцовъ побуждало насъ къ нѣкоему игривому творчеству, которое доставляло намъ немало ребячески-школьническаго развлеченія. Проработавъ съ часъ въ помощь товарищу, я, уходя, спросилъ его: „Что-жъ, будутъ ихъ крестьянамъ читать на сходахъ?"—„Ну, вотъ... еще канителиться!.. Прямо цѣлой кипой отправятъ въ Петербургъ—и шабашъ!"

Было ли дѣйствительно поступлено такъ, какъ говорилъ пріятель—навѣрное сказать не могу. Думаю, впрочемъ, что въ этомъ случаѣ пріятель просто повторялъ то, что̀ слышалъ отъ отца.

Такъ „сочинялась" у насъ въ провинціи оффиціальная исторія освобожденія.

Доподлинная исторія между тѣмъ шла своимъ путемъ, отражаясь такъ или иначе въ каждой маленькой ячейкѣ обывательскаго существованія и все больше и больше захватывая въ свой хаотическій круговоротъ мое юное существо.

Само по себѣ появленіе манифеста 19-го февраля объ освобожденіи крестьянъ, не смотря на его крупное историческое значеніе, не могло затрогивать насъ, разночинную массу, съ такой непосредственной жуткостью, какъ это касалось двухъ прямо заинтересованныхъ сторонъ—помѣщичьей и крестьянской. Но какъ-то полусознательно чувствовалось во всей окружающей атмосферѣ, что освобожденіе крестьянъ являлось лишь первымъ этапомъ на постепенно открывавшемся новомъ, широкомъ пути великаго освобожденія человѣческой личности вообще. Надо, однако, перенестись воображеніемъ за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ глушь нашей провинціи, чтобы достаточно оцѣнить все серьезное значеніе тѣхъ элементарно-наивныхъ формъ, въ которыхъ сказывалось это новое настроеніе въ постепенно „преображавшихся" людяхъ.

Наступали лѣтнія каникулы 61-го года. Какъ и прежде, стала съѣзжаться къ намъ на перепутьи въ свои уѣздныя и деревенскія палестины столичная студенческая молодежь. Наступленіе каникулъ всегда вызывало во мнѣ какое-то смутное волненіе предчувствіемъ чего-то такого „новаго", что неизбѣжно должны были они внести въ окружающую жизнь, а вмѣстѣ съ нею и въ строй моей собственной юной души. Нынѣшнимъ годомъ это смутное волненіе овладѣло мною съ особымъ напряженіемъ. Это было понятно. Не говоря уже о томъ, что пріѣздъ столичной молодежи и раньше въ нашей семьѣ сопровождался особенно повышеннымъ настроеніемъ, мое пріобщеніе къ святынѣ моего „новаго храма" (какъ называлъ я нашу библіотеку) вызвало въ моей юной душѣ столько неизвѣданныхъ раньше ощущеній, складывавшихся въ ней пока въ хаотическомъ видѣ, что мнѣ было естественно ожидать, что съ появленіемъ тѣхъ, которые уже гдѣ-то „тамъ" стояли у самаго алтаря духовнаго святилища, для меня непремѣнно этотъ хаосъ долженъ былъ освѣтиться болѣе или менѣе яркимъ свѣтомъ.

И ожиданія мои въ той или иной степени оправдались. Первымъ событіемъ, имѣвшимъ для меня несомнѣнно какъ бы нѣкоторое провиденціальное значеніе, было появленіе въ нашемъ маленькомъ домикѣ небольшого печатнаго станка, таинственно привезеннаго однимъ темнымъ майскимъ вечеромъ возвращавшимся изъ Москвы дядей Сергѣемъ и его неизмѣннымъ товарищемъ, тоже медикомъ, Д., моимъ бывшимъ до-школьнымъ учителемъ.

Понятно, что это новое „чудо", водворившееся въ нашемъ маленькомъ зальцѣ, несказанно меня заинтересовало, конечно

прежде всего съ технической стороны. Но еще большее впечатлѣніе произвела на меня та „конспирація“, которая окружила самое пребываніе у насъ этого „чуда“. Дѣло оказалось въ томъ, что молодежь поторопилась слишкомъ, привезя изъ Москвы станокъ, когда еще отцомъ не было получено разрѣшеніе на открытіе первой у насъ въ городѣ частной типографіи. Отецъ былъ нѣсколько встревоженъ этимъ и всячески уговаривалъ молодежь не слишкомъ откровенно разсказывать вездѣ и всюду о прибытіи станка, опасаясь повредить дѣлу какъ открытія типографіи, такъ и основанія „независимой“ газеты. Но молодежь такъ глубоко вѣрила въ наступленіе „эпохи реформъ“, что боязнь всякихъ „глупыхъ формальностей“ считала пережиткомъ стараго времени. Тотчасъ же съ пріѣздомъ на каникулы дяди Александра, въ то время уже бывшаго учителемъ словесности въ г. Ф., у насъ начались „конспиративныя“ собранія нашего интеллигентскаго кружка, сыгравшаго въ предшествующіе годы такую видную роль въ подготовкѣ въ нашей губерніи крестьянской реформы. Пребываніе въ нашемъ домикѣ станка, готоваго, по первому мановенію, произвести у насъ чудеса насажденія перваго свободнаго и независимаго слова, придавало этимъ „конспираціямъ“ особенно напряженный характеръ. До разъѣзда на каникулы по уѣзднымъ и деревенскимъ палестинамъ, наши интеллигенты торопились съ обсужденіемъ программы и всѣхъ деталей печатанія предполагавшейся газеты, которая должна была начать выходить съ осени.

На одно изъ такихъ собраній попалъ и Добролюбовъ (въ то время еще больше извѣстный подъ своимъ псевдонимомъ „Бовъ“) проѣздомъ изъ Нижняго, своей родины—насколько помнится, уже больной,—возвращаясь въ Петербургъ. Здѣсь я впервые съ трепетомъ созерцалъ въ дверную щель „настоящаго литератора“, не рискуя на „безумный“ шагъ лично предстать передъ нимъ. Увы, это безмолвное созерцаніе въ теченіе десятка минутъ было первымъ и послѣднимъ. Никто изъ насъ, да вѣроятно и самъ „Бовъ“, не знали, что уже смерть стояла за его плечами. Къ концу зимы этого года онъ умеръ отъ чахотки. Въ то время я совсѣмъ еще не былъ знакомъ съ нимъ, какъ съ писателемъ, такъ какъ его „серьезныя“ статьи были выше еще моего пониманія; зналъ я о немъ, какъ объ очень „важномъ“ литераторѣ, только по наслышкѣ, и въ тотъ моментъ даже и предполагать не могъ, что не пройдетъ и трехъ-четырехъ лѣтъ, какъ его духовный обликъ запечатлѣется въ моихъ воспоминаніяхъ,

какъ одинъ изъ наиболѣе сильныхъ въ то время по своему вліянію на мою юную душу.

Къ началу іюля молодежь поразъѣхалась, конспиративныя собранія прекратились и у насъ настала сравнительная тишина. Масса новыхъ нахлынувшихъ на меня впечатлѣній съ пріѣздомъ молодежи, — и появленіе „чуда" въ нашей зальцѣ, и литературныя конспираціи,—все это невольно создавало въ моей душѣ новыя, неизвѣданныя еще настроенія, искавшія исхода. Естественно, что благодаря все больше сгущавшейся у насъ литературной атмосферѣ, этимъ исходомъ явилось у меня непреоборимое желаніе „творить". Молчаливо стоявшій въ нашей зальцѣ станочекъ, въ ожиданіи момента, когда онъ вдругъ заработаетъ „по-настоящему" и начнетъ производить тѣ чудеса свободнаго и независимаго слова, о которыхъ съ такимъ юношескимъ воодушевленіемъ говорила у насъ молодежь, наполнялъ и мою юную голову мечтою, что, быть можетъ, въ будущемъ и я удостоюсь быть сопричастнымъ этимъ чудесамъ... Почемъ знать! Но я, томимый „творческими муками", то убѣгалъ, по Пушкину, на берега пустынныхъ волнъ нашей мелководной рѣчки, то сидѣлъ по цѣлымъ ночамъ въ своей каморкѣ, сочиняя довольно возвышенныя, по моему мнѣнію, но и довольно еще безграмотныя вирши...

Между тѣмъ какъ-то удивительно быстро промчавшіяся каникулы кончались. Молодежь, съѣхавшаяся къ намъ на обратномъ пути въ столицы, выслушавъ прискорбную вѣсть отца, что до сихъ поръ еще не было получено разрѣшенія ни на открытіе частной типографіи, ни на изданіе „независимой" газеты, разъѣхалась въ минорномъ настроеніи. Мечта о „чудесахъ" стала все больше и больше блекнуть... Молчаливо и сиротливо стоялъ попрежнему въ нашей зальцѣ станокъ, пока... пока не пріѣхалъ за нимъ снова дядя Сергѣй, съ своимъ неизмѣннымъ товарищемъ, и такъ же таинственно, какъ и прежде, не увезли его изъ нашего дома, гдѣ ему такъ не посчастливилось.

IV.

Я уже упоминалъ раньше, какъ въ общей окружающей атмосферѣ смутно чувствовалось, что во все прежнее, „старое" должно было внестись и вносилось что-то новое, и что, еще болѣе, конечно, смутно, чувствовали это даже мы, школяры, и всего острѣе, быть можетъ, именно я. Мнѣ тогда было 16 лѣтъ.

Послѣдніе годы не прошли для меня безслѣдно: мой „новый храмъ“ несомнѣнно „преображалъ“ меня неуклонно. Но какъ, въ какомъ направленіи? Я не могъ бы отвѣтить... Мое юное существо все еще, какъ и раньше, двоилось, и теперь эта раздвоенность чувствовалась мною временами особенно остро. Съ одной стороны я сознавалъ, что мой духовный горизонтъ, благодаря чтенію и окружающей „освободительной“ атмосферѣ, раздвигался все шире, охватывая такой массой новыхъ представленій, что я жилъ среди нихъ какъ опьяненный, не имѣя силъ достаточно опредѣленно разобраться въ нихъ; съ другой я, однако, все еще „учился“ въ гимназіи далеко не успѣшно, продолжая представлять собою самый заурядный типъ школяра, отбывающаго всякими правдами и неправдами повинность гимназической „учёбы“, со всѣми обычными пріемами наивнаго надувательства и себя, и начальства. Разница, однако, въ моемъ отношеніи къ этому школярскому поведенію прежде и теперь была очень ощутительная: меня въ глубинѣ души начиналъ уже снѣдать хоть и плохо сознаваемый еще стыдъ за глубокую ненормальность этой двойственности, и въ то же время меня мучило досадливое сознаніе, что я былъ безсиленъ упразднить одними личными усиліями ту пропасть, которая все глубже и глубже росла между тѣмъ, что мнѣ давалъ мой „новый храмъ“, и продолжавшимся все еще бурсацизмомъ рутиннаго преподаванія въ нашей гимназіи [1]).

Подобную же двойственность въ духовномъ развитіи вмѣстѣ со мною начинали переживать тогда уже многіе изъ моихъ одноклассниковъ, что сказалось въ ближайшемъ будущемъ въ рядѣ бурныхъ эксцессовъ, имѣвшихъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ тяжелыя послѣдствія. Но другого исхода, должно быть, не было: одна ненормальность неизбѣжно влекла за собою другую, ей противоположную. Изъ ряда такихъ эксцессовъ я приведу лишь два наиболѣе характерныхъ изъ оставшихся въ моей памяти.

Одинъ изъ нихъ сталъ намъ, гимназистамъ, извѣстенъ въ первые же дни нашего появленія въ классахъ послѣ каникулъ. По классамъ передавалась неслыханная еще раньше вѣсть, что одинъ изъ взрослыхъ гимназистовъ попался въ настоящей „уголовщинѣ“: въ концѣ лѣта, онъ, въ компаніи съ двумя сверстниками изъ уличныхъ мальчиковъ, совершилъ взломъ кружки у кладбищенской церкви, воспользовавшись какой-то жалкой суммой.

---

[1]) О первыхъ годахъ моей школьной жизни въ до-реформенный періодъ мною говорилось въ очеркахъ: „Дѣтскіе и школьные годы“ („Вѣстн. Воспит.“ 1908 г., кн. 1 и 2).

Скандалъ выходилъ тѣмъ большій, что новый преступникъ былъ однимъ изъ даровитыхъ учениковъ гимназіи (кажется, 6-го класса), и особенную даровитость онъ оказывалъ въ математикѣ. Но въ послѣдній годъ съ нимъ стало твориться что-то до того неладное, что онъ даже среди насъ сталъ притчей во языцѣхъ. Былъ онъ сынъ крайне бѣдныхъ родителей, какого-то жалкаго запивахи-чиновника. У бѣдной матери всѣ надежды сосредоточились на сынѣ—и по началу все шло такъ хорошо. И вдругъ судьба ея сына какъ будто на что-то наткнулась. Онъ сталъ все чаще и чаще манкировать, иногда на цѣлыя недѣли. Начальство стало допрашивать мать, которая, въ изумленіи, божась, увѣряла, что ея сынъ каждый день уходилъ въ гимназію. Несчастная, измучившаяся съ пьянымъ мужемъ, была въ отчаяніи. И вотъ она прибѣгла къ изумительному „педагогическому" средству: чтобы привязать духовно свое дѣтище къ гимназіи, она каждый день, едва только сынъ просыпался, велѣла ему одѣваться, затѣмъ привязывала къ его рукѣ накрѣпко бичевку и въ такомъ арестантскомъ снаряженіи тянула его, какъ теленка, въ гимназію, почти черезъ весь городъ, и здѣсь сдавала съ рукъ на руки сторожу или даже самому надзирателю. Вечеромъ же, дома, она неотступно слѣдила за каждымъ его шагомъ, просиживая всѣ часы вмѣстѣ пока онъ училъ уроки. Конечно такой „педагогическій" экспериментъ, не смотря на одобреніе нашего цербера-надзирателя, не могъ продолжаться долго надъ живымъ существомъ: юношу снѣдалъ стыдъ, усугублявшійся тѣмъ, что надъ нимъ смѣялись въ лицо и дразнили „телкомъ" не только мы, школяры, но даже нѣкоторые остроумные педагоги; въ его сердцѣ все больше скоплялась злоба, онъ часто звѣрѣлъ, и въ концѣ концовъ его охватилъ какой-то безшабашный разгулъ. Пойманный съ поличнымъ, онъ былъ предоставленъ на полное усмотрѣніе гимназическаго начальства. По постановленію послѣдняго онъ былъ приговоренъ къ поркѣ и исключенію изъ гимназіи съ волчьимъ паспортомъ, приведшимъ его къ безповоротному босячеству.

Этотъ случай гибели даровитаго юноши долго служилъ темой разговоровъ среди либеральной интеллигенціи, косвенно отражаясь и на насъ. Какъ-то все чаще и чаще стали проявляться случаи „бравурныхъ" столкновеній воспитанниковъ съ начальствомъ.

Наконецъ сгустившаяся атмосфера разразилась скандаломъ, превзошедшимъ, по мнѣнію начальства, всѣ предѣлы распущенности. Кажется нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ описаннаго,

вдругъ по классамъ стали ходить два-три списка какого то „недозволеннаго“ произведенія; списки быстро передавались съ парты на парту, отъ кучки къ кучкѣ, то читаясь шопотомъ, то вызывая взрывы подавленнаго смѣха. Очевидно, конспиративное произведеніе пришлось очень по душѣ всѣмъ школьникамъ: читалось оно съ жадностью, нѣкоторыя мѣста при общемъ одобреніи повторялись нѣсколько разъ, даже заучивались наизусть; въ концѣ концовъ многіе принялись его списывать — и уже къ концу занятій количество списковъ удесятерилось, а къ вечеру всѣ эти списки уже гуляли по всему городу. Повидимому въ этотъ день еще не знало о нихъ только одно гимназическое начальство. Произведеніе это было очень грубой по формѣ и выраженіямъ, но злой, хлесткой и ядовитой сатирой въ стихахъ на весь педагогическій составъ нашей гимназіи, начиная чуть-ли не съ попечителя и кончая сторожами-сѣкаторами. Сатира эта — или „пасквиль“, какъ ее называло начальство, узнавшее о существованіи ея лишь послѣ того, какъ она стала извѣстной чуть не всему городу, — привела его чуть не въ бѣшенство.

Придя на слѣдующій день въ гимназію, всѣ мы, школяры, съ напряженнымъ и въ то же время жуткимъ любопытствомъ ожидали, чѣмъ разрѣшится такой грандіозный скандалъ. Ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій, начальство наше, однако, ничѣмъ видимымъ образомъ своего отношенія не выказывало. А между тѣмъ тайно „поэтическій“ инспекторъ и нашъ церберъ-надзиратель уже пустили въ ходъ всю сыщническую систему дознанія; путемъ вымогательства, угрозъ, подкупа и притворныхъ ласкъ имъ очень скоро удалось узнать все, что требовалось, т.-е. авторовъ сатиры и ея главныхъ распространителей, которыми оказались, какъ помнится, нѣсколько учениковъ пятаго и шестого классовъ. Такъ какъ событіе считалось выходящимъ изъ ряда вонъ и имѣло значеніе скандала уже далеко за стѣнами гимназіи, то начальство, собравъ полный педагогическій совѣтъ, рѣшило превзойти, можно сказать, самого себя въ принятіи мѣръ къ обузданію столь вопіющей распущенности.

Приговоривъ всѣхъ заподозрѣнныхъ въ особенно рьяномъ распространеніи сатиры къ грандіозной поркѣ, а авторовъ (кажется, двоихъ) и къ немедленному исключенію, начальство гимназіи, повидимому, имѣло въ виду произвести торжественностью самаго приговора и его исполненія педагогическое воздѣйствіе не только на учениковъ, но и на все общество, которое допустило въ своихъ дѣтяхъ развиться столь яркой распущенности. Однако педагогическое начальство ошиблось въ разсчетѣ: то, что

прежде изъ его педагогической практики молчаливо какъ бы одобрялось въ обществѣ, теперь неожиданно вызвало глухой протестъ. Общество, конечно, находило сатиру крайне непозволительнымъ поступкомъ со стороны воспитанниковъ, но оно въ то же время довольно единодушно заявляло, что многія характеристики въ сатирѣ, при всей грубости формы, были въ сущности справедливы и били не въ бровь, а въ глазъ. Задавались даже вопросами: не были ли въ большей степени во всемъ этомъ скандалѣ повинны сами педагоги, допустившіе возможность нарожденія такого протеста? И это говорили не только какіе-нибудь „либералы", а даже такіе консерваторы, какъ моя религіозная матушка, которая, не обинуясь, называла нѣкоторыхъ нашихъ педагоговъ „Иродовыми дѣтьми".

Такъ или иначе, благодаря новому „духу времени", глухой протестъ общества возымѣлъ силу. Не помню, въ какой именно мѣрѣ былъ приведенъ въ исполненіе педагогическій приговоръ надъ преступными сочинителями (авторы, кажется, все же были исключены), но самый „скандалъ" общественнаго протеста не только вызвалъ назначеніе ревизіи отъ округа, но имѣлъ рѣшающее значеніе на весь ходъ воспитательнаго дѣла въ нашей гимназіи, заматерѣвшей дольше другихъ въ рутинномъ бурсацизмѣ.

Прежде всего исчезъ съ поля нашего зрѣнія инспекторъ, этотъ пресловутый „поэтическій сѣкаторъ" и главный демонъ-вдохновитель всей нашей педагогической системы, а вмѣстѣ съ нимъ окончательно исчезли розги и подобные эксперименты; вслѣдъ за нимъ ушли старый безвольный директоръ, кое-кто изъ педагоговъ и наконецъ церберъ нашей гимназіи, главный надзиратель, съумѣвшій пролазничествомъ удержаться, однако, дольше всѣхъ...

Какъ будто какая благодатная гроза разразилась гдѣ-то вдали—и вдругъ потянуло къ намъ, хотя нѣсколько, тепломъ и свѣтомъ...

Повѣяло тепломъ и свѣтомъ оттуда, гдѣ я видѣлъ до сихъ поръ лишь полумракъ холоднаго формализма, который для меня былъ тѣмъ болѣе непереносимымъ, чѣмъ ярче разгорался яркій и теплый огонекъ вокругъ интимнаго очага нашей семьи... И было это вѣяніе лично для меня какъ нельзя болѣе кстати. Богъ вѣсть до какого удрученія довела бы меня та двойственность въ моемъ развитіи, которую такъ мучительно я начиналъ сознавать, и куда бы она завела меня въ этотъ критическій моментъ жизни—и моей, и моей семьи.

Когда я теперь вспоминаю объ этомъ времени, мнѣ представляется, что все произошло съ невѣроятной неожиданностью и быстротой. Былъ такой теплый уютъ близь пылавшаго яркимъ свѣтомъ очага, въ лучахъ котораго такъ весело и жизнерадостно расцвѣтала и зрѣла молодая жизнь—и вдругъ неожиданно налетѣвшій зловѣщій вихрь задулъ это веселое пламя жизни, оставивъ только пепелъ, подъ которымъ лишь слабо тлѣли уцѣлѣвшія искры... Въ дѣйствительности, конечно, все произошло вовсе не такъ эффектно. Еслибы я въ то время былъ болѣе опытенъ, наблюдателенъ и чутокъ, то несомнѣнно замѣтилъ бы, что все произошло, какъ теперь говорятъ, вполнѣ „закономѣрно": здѣсь разгоралось веселое пламя жизни, а гдѣ-то, тайно и подспудно, работали въ то же время темныя силы...

Я уже говорилъ раньше, что самый ярый изъ нашихъ „эмансипаторовъ", Н. Я. Д., еще до появленія манифеста 19-го февраля долженъ былъ быстро и окончательно „стушеваться", исчезнувъ надолго совсѣмъ съ поля нашего зрѣнія, подъ стремительнымъ напоромъ мѣстныхъ крѣпостниковъ, угрожавшихъ ему, какъ передавали тогда втихомолку, даже отравленіемъ. По крайней мѣрѣ онъ самъ лично, лѣтъ десять спустя, подтверждалъ мнѣ это, разсказывая о травлѣ, которую подняли противъ него и которая заставила его бѣжать изъ нашей губерніи какъ можно дальше.

Говорилъ я уже и о томъ, какое удручающее впечатлѣніе произвело на нашъ молодой интеллигентскій кружокъ извѣстіе о смерти Добролюбова, имя котораго было связано съ надеждами на созданіе „независимой" газеты въ нашемъ городѣ. Черезъ годъ послѣ этого дядя Сергѣй, по окончаніи курса въ университетѣ, былъ посланъ „заслуживать" стипендію военнымъ врачомъ въ Новгородъ, а его ближайшій другъ, мой прежній учитель, былъ высланъ „на выслугу" въ еще болѣе дальнюю отъ насъ губернію. Разлетѣлось вмѣстѣ съ ними, по разнымъ стогнамъ и весямъ, много и другой близкой разночинской молодежи, какъ бы провиденціально призванной стихійно разсѣяваться по лону земли русской.

Въ концѣ концовъ и добрый геній нашей семьи, главный вдохновитель ея идеалистическихъ настроеній, дядя Александръ, съ каждымъ годомъ становился все нервнѣе, печальнѣе и раздражительнѣе и, невидимо подтачиваемый страшной болѣзнью, принужденъ былъ перевестись на службу въ еще болѣе далекій отъ насъ Кавказскій край, въ Ставропольскую губернію, гдѣ быстро и погибъ отъ скоротечной чахотки...

Такъ день за днемъ быстро сиротѣла наша скромная интеллигентская храмина. Понятно, что это не могло отражаться благотворно и на настроеніи нашей семьи. Отецъ становился все печальнѣе и озабоченнѣе, такъ какъ семья росла, а между тѣмъ нравственная поддержка тѣхъ, съ кѣмъ прежде чувствовалась крѣпкая духовная связь, все больше и больше таяла. Особенно удручающее впечатлѣніе произвела неожиданно быстрая смерть дяди Александра, этого нервнаго, порывистаго, не всегда уравновѣшеннаго, но необыкновенно чуткаго, нѣжнаго и любящаго человѣка. Вслѣдъ за нимъ вскорѣ умеръ и мой любимый добродушный дѣдъ, которому дядя Александръ былъ обязанъ многими лучшими сторонами своей души.

Такъ отрывались и отъ моей юной души наиболѣе дорогія связи, не рождая еще взамѣнъ себя новыхъ интимныхъ привязанностей. Я все больше начиналъ чувствовать себя покинутымъ на распутьи...

Между тѣмъ то пониженіе общаго настроенія, которое сказалось на нашей семьѣ, во многихъ отношеніяхъ не было исключительнымъ въ описываемый періодъ. Объявленіе манифеста 19-го февраля, а главнымъ образомъ опубликованіе „Положенія“, провело окончательную грань между прошлымъ и ближайшимъ будущимъ: всякимъ упованіямъ и страхамъ былъ положенъ рѣшительный предѣлъ. Любопытно, что „Положеніемъ“ никто въ то время не остался вполнѣ довольнымъ. Кто мечталъ о лучшемъ, былъ недоволенъ слишкомъ большими уступками „старому“; крѣпостники находили его „безмѣрно-радикальнымъ“; крестьяне относились къ нему съ скептическимъ недоумѣніемъ. Но для всѣхъ было ясно одно, что дѣло, такъ или иначе, рѣшено безповоротно, и теперь все сводилось исключительно къ одному, чтобы все вниманіе уже обратить на начинавшуюся ликвидацію стараго, употребивъ всѣ силы на использованіе ея въ своихъ интересахъ. И для успѣха этого дѣла не стояли ни за чѣмъ: одни—открыто и нагло, другіе—втихомолку и лицемѣрно. Недаромъ въ то время создался типъ „мировыхъ посредниковъ перваго призыва“, особая доблесть которыхъ заключалась въ томъ, чтобы хоть сколько-нибудь сдержать хищническіе и плутовскіе инстинкты бывшихъ крѣпостниковъ и придать ликвидаціи видъ хотя бы нѣкоторой законности. Но это имъ далеко не удавалось.

До какой степени эти ликвидаціонные интересы, въ первые годы послѣ освобожденія, отодвинули всѣ другіе, можно было судить по нашей библіотекѣ. Успѣхъ ея въ первый годъ, какъ

я говорилъ, превзошелъ самыя радужныя ожиданія. Но не прошло двухъ-трехъ лѣтъ, какъ отношеніе къ библіотекѣ круто измѣнилось, особенно съ наступленіемъ „ликвидаціоннаго періода“ послѣ 19-го февраля. Мнѣ часто приходилось слышать, какъ въ отвѣтъ на напоминаніе отца кому-либо изъ дворянъ о возобновленіи подписки, они на ходу махали рукой и говорили: „Э, батюшка, теперь не до этого... Куда намъ!.. Лишь бы быть живу...“

И дѣйствительно, „дворянская“ (большею частію годовая) подписка падала съ зловѣщей быстротой. А это грозило большимъ осложненіемъ. Остальной контингентъ подписчиковъ рѣшительно былъ бы не въ силахъ поддержать престижъ библіотеки на прежней высотѣ. Купцовъ, въ нашемъ лишенномъ всякаго промышленнаго значенія городѣ, было лишь десятокъ домовъ, да и то средняго достатка; а кромѣ того, они рѣшительно не интересовались въ то время никакой высшей культурой и вели исключительно „свою линію“—одни по православной части, а другіе по раскольничьей, и, за очень рѣдкими исключеніями, были совсѣмъ равнодушны ко всякой свѣтской книгѣ. На разночинца, составлявшаго главный элементъ въ нашемъ населеніи, чиновнаго или иного вида, хотя и значившагося въ большомъ числѣ нашихъ подписчиковъ, трудно однако было возлагать прочныя надежды, такъ какъ все это былъ подписчикъ мѣсячный, за полтинникъ или четвертакъ, да и то не всегда аккуратный. Приходилось сокращать подписку на новые журналы и выписку новыхъ книгъ—а это, конечно, не могло служить къ поддержанію стараго престижа библіотеки.

Понятно, что отецъ становился все болѣе удрученнымъ, особенно въ связи съ быстро сиротѣвшимъ прежнимъ пріятельскимъ кружкомъ. Были, какъ я узналъ вскорѣ, и еще другія причины его духовнаго удрученія: для него все болѣе становилось яснымъ поведеніе нѣкоторыхъ его сослуживцевъ, наружно оказывавшихъ къ нему дружелюбныя отношенія, но которые уже давно, съ самаго ухода изъ предводителей „стараго масона“ и перемѣной общаго настроенія въ дворянской средѣ, повели противъ него тайныя интриги, распространяя клеветническіе слухи.

Исторія старая, какъ самъ міръ; но для меня такъ изумительно еще новы были всѣ такія „впечатлѣнья бытія“... И такихъ впечатлѣній судьбой, какъ оказалось, было приготовлено для меня въ достаточномъ изобиліи. Они не заставили себя долго ждать...

V.

Однажды, наканунѣ праздника, отецъ раньше обыновеннаго вернулся со службы домой и за обѣдомъ неожиданно заявилъ:

— Ну, готовьтесь... Надо переселяться!..

И матушка, и мы, дѣтвора, были изумлены необычайно.

— Куда намъ переселяться?—испуганно крестясь, спросила матушка.

— Не намъ, не намъ самимъ... Намъ дай Богъ уцѣлѣть хоть на своемъ мѣстѣ,—сказалъ отецъ.—Ты завтра свободенъ?—спросилъ онъ меня:—Ну, такъ съ утра отправляйся въ библіотеку и займись вмѣстѣ съ П. (отставнымъ старымъ чиновникомъ, замѣщавшимъ въ качествѣ библіотекаря меня и отца) упаковкой и переправкой твоей любимой литературной братіи въ нашъ шалашъ... Будетъ!.. Пожили въ барскихъ палатахъ, теперь пора и въ черномъ тѣлѣ умѣть прожить...

— Господи! да куда жъ мы-то дѣнемся, Н. П.? Вѣдь у насъ малъ-мала-меньше, кромѣ самихъ, девять человѣкъ. Подумалъ ли ты?—вскрикнула матушка.

— Такъ, значитъ, объ насъ одумали большіе люди, а намъ, хочешь не хочешь, надо слушаться... Что-жъ тутъ разговаривать! У нихъ ужъ это давно подстраивалось, да только я тебѣ не говорилъ, — замѣтилъ отецъ матушкѣ.—Все думалъ, что ежели насъ не пожалѣютъ, такъ, по крайней мѣрѣ, хоть дѣла не загубятъ... „Ну, говорятъ, намъ теперь не до этого... Намъ только дай Богъ экономію навести... Будетъ, говорятъ, доигрались!..“ Ну, нечего еще толковать! Другого ничего не придумаешь... Пойдемъ, братъ, соображать, какъ намъ нашихъ литераторовъ по нашимъ каморкамъ разсадить... Немало вѣдь ихъ... Штука эта хитрая!—говорилъ мнѣ отецъ, стараясь шутить, въ то время какъ губы его были бѣлы и дрожали.

— Да какъ же это можно? Всѣ книги, всю библіотеку?—вскрикнулъ я, все еще не приходя въ себя отъ изумленія, когда мы вошли въ наше зальце.

— Всѣ книги, которыя наши... Старую городскую библіотеку опять отправятъ въ архивные подвалы на снѣдь крысамъ... Довольно посмотрѣли на свѣтъ Божій!

— Всю библіотеку... здѣсь, въ зальцѣ?—продолжалъ я изумляться. — Да вѣдь вотъ... помѣряйте: вѣдь въ ней всего три квадратныхъ сажени... А высоты четырехъ аршинъ нѣтъ... Да тутъ и двухъ шкафовъ не уставится...

— А кабинетъ?..

— А въ кабинетѣ девять квадратныхъ аршинъ... Да туда ни одинъ шкафъ не войдетъ.

— А еще передняя?

— Ну, въ ней всего шесть аршинъ.

— А коридоръ?

— Да вѣдь онъ холодный?..

— Ну, да вѣдь намъ и самимъ не очень тепло.. А потомъ еще—чердакъ, амбаръ... Ты не считаешь?

Я пожималъ плечами, думая, что отецъ шутитъ.

— А ты поскромнѣе, братъ, поскромнѣе разсуждай,—сказалъ онъ:—Шкафы, братъ, дѣланы не по нашему дворцу—значитъ, и думать нечего ихъ сюда тащить... Развѣ одинъ-два возьмемъ, а другіе до поры до времени въ сарай свалимъ... А здѣсь мы, братъ, вездѣ полочки, простыя самыя полочки, вдоль всѣхъ стѣнъ наколотимъ, гдѣ только свободное мѣстечко есть... Да тутъ мы со всего міра литераторовъ размѣстимъ. Никого не оставимъ.. Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ!

— Ну, развѣ-жъ такъ можно?—огорчился я.

— А что-жъ? Развѣ отъ этого господа поэты хуже будутъ, испортятся, по твоему?

Пришлось мнѣ согласиться и признать, что, пожалуй, съ милымъ рай и въ шалашѣ можетъ быть.

— Вотъ возьми-ка теперь бичевку да вымѣряй — сколько намъ надо будетъ полокъ заказать!—серьезно заключилъ отецъ, уже раньше видимо одумавшій всю операцію „переселенія литераторовъ“ изъ барскаго дворца въ разночинскій шалашъ.

Благодаря тому, что съ самаго начала нынѣшняго года я долженъ былъ заниматься въ гимназіи и утромъ, и вечеромъ, мнѣ пришлось совсѣмъ почти разстаться съ нашей библіотекой, и я заглядывалъ въ нее уже очень рѣдко. Когда въ началѣ зимы, послѣ неожиданнаго извѣстія отца о „переселеніи библіотеки, я зашелъ въ нее, то былъ изумленъ происшедшимъ уже въ ней „переворотомъ“: двѣ трети прежняго обширнаго помѣщенія ея уже были очищены, какъ отъ сельско-хозяйственнаго музея, такъ и отъ шкафовъ съ книгами старыхъ россійскихъ классиковъ. Вся библіотека была теперь скучена въ двухъ небольшихъ комнатахъ. Отецъ коротко пояснилъ мнѣ: „Велѣно все очистить къ съѣзду депутатовъ... Говорятъ: самимъ нужно... Ну, укладывайтесь, да поскорѣе“.

И вотъ началось печальное передвиженіе остатковъ полу-

разрушеннаго моего „новаго храма“ изъ барскихъ палатъ на разночинскую окраину.

Черезъ нѣсколько дней переселеніе было закончено болѣе или менѣе благополучно и нашъ маленькій домикъ до такой степени наполнился книгами, что трудно было сказать, книги ли жили въ нашемъ домѣ, или мы, семья изъ десяти человѣкъ, жили въ домикѣ, сложенномъ изъ книгъ. Кажется, не осталось безъ книгъ ни одного свободнаго мѣстечка: чего нельзя было помѣстить на полкахъ, то лежало въ ящикахъ подъ столами, подъ кроватями, въ чуланахъ, на подволокѣ, въ амбарѣ... Устроилось книгохранилище невѣроятное, — по истинѣ „нигдѣ предъ тѣмъ невиданное“...

Въ первое время я былъ очень опечаленъ этой картиной. Но вотъ, когда черезъ нѣсколько дней привезли старую вывѣску, обмыли ее отъ пыли и водрузили, какъ будто вновь заблестѣвшую, на карнизѣ нашего дома, я былъ пораженъ тѣмъ, какую сенсацію произвело это въ нашемъ скромномъ околоткѣ. Въ первые два дня около нашего дома буквально образовалась толкучка изъ большихъ и малыхъ семинаристовъ, двадцать разъ перечитывавшихъ вывѣску и заглядывавшихъ во всѣ окна и двери, постоянно вызывавшихъ то меня, то брата для переговоровъ.

— Такъ она здѣсь и останется? Навсегда, значитъ, при насъ? — спрашивали они въ удивленіи.

— Да, останется.

— Ну, это, братъ, ловко!.. А?.. Вотъ такъ штука... Теперь дѣло-то сподручнѣе будетъ... А? — коварно допрашивали меня великовозрастные, поталкивая въ бокъ.

И мнѣ стало веселѣе, когда я увидалъ, какое оживленіе произвело появленіе библіотеки въ нашемъ околоткѣ, сплошь переполненномъ зеленымъ семинарскимъ поколѣніемъ, ежедневно по нѣскольку разъ двигавшимся изъ своихъ квартиръ цѣлыми шеренгами мимо нашего дома въ расположенную вблизи семинарію. И каждому юнцу ежедневно блестѣла хоть разъ въ глаза наша сіяющая вывѣска, невольно возбуждая въ немъ духовную жажду... „А что-жъ, можетъ быть мой „новый храмъ“ будетъ здѣсь даже болѣе у мѣста и у дѣла?“ — думалъ я.

А черезъ нѣкоторое время, не имѣя силъ устоять противъ напора всѣхъ алчущихъ и жаждущихъ духовной пищи юнцовъ, я, какъ богачъ, обладавшій несмѣтными сокровищами, тайно дѣлился ими, не думая ни о какой мздѣ... И теперь, вмѣстѣ съ ними, уже былъ такъ доволенъ этимъ неожиданнымъ перемѣщеніемъ моего „храма“ изъ барскихъ палатъ на дно жизни...

„Такъ храмъ покинутый—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все богъ!“

Какъ произошло другое роковое для нашей семьи событіе, я теперь не могу себѣ представить ясно. Ничего эффектнаго; все шло, казалось, такъ послѣдовательно и „закономѣрно“. Сначала крушеніе свободнаго станка и съ нимъ надеждъ на „чудеса“ свободнаго слова, потомъ „осиротѣлость“, шедшая такимъ изумительно торопливымъ темпомъ, потомъ переселеніе новаго храма изъ барскихъ палатъ, а наконецъ и этотъ рѣшающій финалъ...

Шли рождественскіе каникулы. Нашъ городокъ былъ опять оживленъ съѣздомъ дворянскихъ депутатовъ, какъ и три года назадъ, въ бурное время освободительнаго движенія. Но теперь самъ съѣздъ былъ уже далеко не прежнимъ: не было ни лирическихъ рѣчей рыцарей освобожденія, ни страстныхъ эксцессовъ со стороны противниковъ: теперь все шло въ какомъ-то зловѣще-сдержанномъ, строго-дѣловомъ настроеніи, диктовавшемся громаднымъ большинствомъ, поставившимъ своей цѣлью, вкупѣ съ новой, пореформенной администраціей, ликвидировать всѣми силами все, что напоминало о недавнемъ освободительномъ „помѣшательствѣ“. „Ликвидаціонная“ партія старыхъ крѣпостниковъ выступила съ такимъ единодушнымъ напоромъ, что предъ нею совсѣмъ исчезли какъ-то, стушевались всѣ прежніе „прогрессисты“.

Это блистательно доказали выборы, которыми громаднымъ большинствомъ голосовъ былъ забаллотированъ даже прежній предводитель, мягкотѣлый либералъ, три года тому смѣнившій „стараго масона“, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ корнемъ былъ высаженъ и мой отецъ, мозолившій уже давно глаза и, какъ давнишній знатокъ всей подоплеки дворянскаго самоуправленія, мѣшавшій тѣмъ, которые собирались ловить рыбу въ мутной водѣ.

Благодаря клеветамъ и доносамъ, давно уже тайно распускавшимся про него бывшими яко-бы пріятелями, а также малодушію нѣкоторыхъ изъ его прежнихъ единомышленниковъ изъ прогрессивныхъ депутатовъ, ему было отказано сразу отъ всѣхъ должностей, исполнявшихся имъ долгое время въ канцеляріи депутатскаго собранія, и онъ былъ выброшенъ буквально на улицу безъ всякаго снисхожденія...

Ударъ, нанесенный съ такой изумительно-злостной мстительностью отцу, болѣе пятнадцати лѣтъ безхитростно служившему лучшимъ традиціямъ передового дворянства, такъ глубоко повліялъ на его душевный строй, что онъ уже до конца жизни не

могъ возстановить въ себѣ ни прежней духовной энергіи, ни прежняго довѣрчиваго взгляда на людскія отношенія, при всемъ своемъ благодушіи.

О всѣхъ этихъ тайныхъ и не тайныхъ причинахъ крушенія отца я узналъ уже впослѣдствіи, а теперь я только догадывался, что отца обидѣли и огорчили какимъ-то большимъ недовѣріемъ.

Вскорѣ послѣ выборовъ предводителя, отецъ пришелъ однажды необычно рано; необычно долго молился въ зальцѣ передъ образомъ, не говоря никому ни слова. Матушка съ боязливымъ ожиданіемъ смотрѣла въ его лицо.

— Что это ты такъ рано вернулся, Н. П.? — спросила она.—Али нездоровится?.. Очень ужъ ты все къ сердцу принимаешь... Мало ли что бываетъ... И раньше бывало...

— Будетъ!—сказалъ отецъ.—Теперь мы *тамъ* больше не нужны... Конецъ!.. — проговорилъ онъ едва слышно и быстро опустился въ кресло, какъ будто у него сразу подкосились ноги.

Матушка опустилась на колѣни и стала горячо молиться, обливаясь слезами.

— Ну, что-жъ, все въ рукахъ Божіихъ!.. — сказала она, поднявшись съ колѣнъ и успокоенная. — Только не отчаявайся, дорогой мой... Онъ все взмѣритъ и взвѣситъ—и всѣмъ воздастъ по дѣламъ ихъ!

И эта, такая простая и искренняя, лишенная всякаго лицемѣрія, непобѣдимая вѣра въ конечное торжество добра какъ-то въ то время особенно чувствительно затронула мою душу, и мнѣ думалось, что безъ этой вѣры—въ тѣхъ или другихъ формахъ—было бы немыслимо разумное человѣческое существованіе.

Въ то время этотъ окончательный и рѣзкій переломъ въ жизни нашей семьи отозвался какъ-то особенно жутко на всѣхъ насъ, и не столько въ смыслѣ наступившей матеріальной нужды или потери вліятельнаго положенія отца, а главнымъ образомъ въ смыслѣ какой-то острой духовной осиротѣлости.

Отецъ, мрачный и неразговорчивый, съ утра до ночи сидѣлъ въ кабинетѣ, не выходя изъ халата, курилъ машинально трубку за трубкой и писалъ безконечныя письма и докладныя записки о своей дѣятельности въ Москву и Петербургъ, къ разнымъ прежнимъ вліятельнымъ единомышленникамъ, уже успѣвшимъ занять видныя мѣста въ разныхъ высшихъ сферахъ. Писалъ онъ объ одномъ, чтобы ему дали возможность „осмысленнаго труда“, чтобы спасли его отъ ужаса единственно предстоявшей ему безпросвѣтной канцелярской лямки. Приходили отвѣты, очень любезные, очень сочувственные, со всякими бла-

гими обѣщаніями... Отецъ воспревалъ на нѣкоторые моменты духомъ, мечталъ о возрожденіи библіотеки, типографіи, даже газеты... Но обѣщанія оставались обѣщаніями, комплименты комплиментами, а жизнь гдѣ-то тамъ, далеко, уже шла мимо него, „стараго семинариста“...

Между тѣмъ жизнь нашей семьи, казалось, катилась съ невѣроятной быстротой по наклонной плоскости. Проходилъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, продавалось и закладывалось все, что было можно и чего было нельзя даже. Матушка, обливаясь слезами, вынимала изъ старой укладки остатки своего приданаго, хранившіеся какъ дорогія реликвіи, какія-то жемчужныя ожерелья, бусы, кольца и браслеты, какія-то чудные кокошники, „муаровыя“ платья и шитыя золотомъ кофты и туфли, разсказывала сквозь слезы собравшейся возлѣ нея мелюзгѣ длинныя воспоминанія о каждой вещи и, наконецъ, несла все это въ закладъ или на продажу. Наконецъ пришлось нести туда же и милыя для нея иконы, въ серебряныхъ и золоченыхъ ризахъ, которыя доставляли ей такъ много эстетическихъ наслажденій. Оскудѣніе шло все быстрѣе. Большая семья требовала много, и той скромной помощи, которую могли сдѣлать ближайшіе оставшіеся въ живыхъ родные, едва хватало на нѣсколько недѣль. Наконецъ былъ перезаложенъ домъ, заложенный еще раньше для поддержанія библіотеки, чтобы спасти и его, и ее отъ аукціонной продажи. Библіотека все больше начинала поражать своею заброшенностью: дворянскій подписчикъ исчезъ совсѣмъ, не желая ходить за книгами по грязнымъ и пыльнымъ улицамъ далекой окраины; таялъ и разночинный подписчикъ, отчасти по той же причинѣ; мѣстный семинарскій околотокъ одинъ еще интересовался ею, но—онъ все больше разсчитывалъ удовлетворить свою духовную жажду какъ можно подешевле, а то и совсѣмъ gratis. Выписка новыхъ журналовъ и книгъ, конечно, должна была прекратиться, а съ этимъ вмѣстѣ еще болѣе таяли всякія надежды на возрожденіе библіотеки...

Я теперь вспоминаю, какъ, будучи студентомъ, мнѣ случайно пришлось читать въ одной изъ книжекъ либеральнаго журнала провинціальное обозрѣніе, въ которомъ авторъ описываетъ свой визитъ въ нашъ городъ. Боже мой, съ какимъ высокимъ негодованіемъ была имъ написана, страница, посвященная посѣщенію моего бѣднаго „храма“, съ какимъ язвительнымъ злорадствомъ онъ описывалъ „небритую, обрюзгшую“ физіономію стараго чиновника въ халатѣ, встрѣтившаго его въ библіотекѣ, жалкій домишка на пыльной улицѣ, съ лежащими у крыльца свиньями,

разсованныя по полочкамъ книги, жалкихъ ребятишекъ, сновавшихъ между ними... „Полюбуйтесь, читатели, каковы храмы культуры въ нашей милой провинціи!"—восклицалъ онъ. О, да, все это была сама правда, но... но фланирующій обозрѣватель, очевидно, не имѣлъ ни времени, ни желанія познакомиться со *всей* правдой о той судьбѣ, которую пережилъ мой бѣдный „храмъ", такой милый и дорогой для меня когда-то, да быть-можетъ и не для меня одного.

Сохранились у меня и иныя воспоминанія о нашей библіотечкѣ въ это же время: вспоминаются веселыя живыя личики зеленой молодежи, потихоньку отъ начальства, крадучись, приходившей по-двое и по-трое посмотрѣть невиданныя иллюстраціи и унести съ собой кипку книжекъ; вспоминается старая добрая помѣщица, жившая невдалекѣ въ усадьбѣ, которая еженедѣльно въ базарный день присылала какъ бы „тихую милостыню" голодающимъ библіотекарямъ въ видѣ яицъ, масла, творога и тому подобной деревенской снѣди, „вмѣсто подписной платы", какъ наивно увѣряла она; вспоминается какой-то старый отставной уланъ изъ дворянъ, чуть-ли не единственный изъ этого сословія, кромѣ „стараго масона", сохранившій въ то время дружескія отношенія къ отцу, который привозилъ съ собой по вечерамъ, потихоньку отъ своей сердитой супруги, кульки съ винами, закусками и гостинцами для нашихъ малышей.

Не могу пройти молчаніемъ и еще одного, быть-можетъ самаго трогательнаго изъ воспоминаній: когда былъ поставленъ ребромъ вопросъ о необходимости продать единственную корову, пропитывавшую нашихъ малышей, и часть книгъ изъ библіотеки, вдругъ наша нянька, простая деревенская дѣвица-вѣковуша, вынянчившая уже нѣсколькихъ моихъ маленькихъ сестеръ, неожиданно исчезла куда-то и, вскорѣ вернувшись, стыдливо и смущенно вручила матушкѣ „до поправки" свои скудныя трудовыя сбереженія, при чемъ заявила, чтобы не думали, что она хотѣла сбѣжать отъ насъ, что она такого великаго грѣха никогда на свою душу не возьметъ и что „до поправки" она „все будетъ наша"...

Но наконецъ для отца окончательно изсякли всякія надежды на обѣщанія вліятельныхъ покровителей доставить ему „осмысленный трудъ". Однажды, вернувшись откуда-то, онъ сказалъ мнѣ: „Если ты скоро выучишь нынче уроки, то послѣ ужина пойдемъ со мной... Дѣло нашлось, и для тебя будетъ подходящее". И часамъ къ 11-ти вечера мы съ отцомъ отправились на вокзалъ нашей желѣзной дороги, когда главнымъ образомъ про-

ходили мимо нашего города пассажирскіе поѣзда. Какъ я, изумленный, ни приставалъ къ отцу съ распросами о нашемъ неожиданномъ путешествіи, онъ шутливо говорилъ: „а вотъ увидишь скоро“. Прійдя на вокзалъ, отецъ направился прямо къ газетному кіоску въ залѣ I-го класса.

— Ну, здравствуйте,—сказалъ онъ продавцу.—Вотъ и мы. Рекомендую вамъ моего молодца: онъ моей правой рукой будетъ... Теперь вы можете намъ все сдать.

Прежній продавецъ быстро передалъ намъ счета и опись всего содержимаго въ кіоскѣ, сказалъ, отъ кого и какъ получать изъ Москвы газеты и книги и куда посылать деньги, распрощался, спѣша на поѣздъ, а мы съ отцомъ остались въ новой роли желѣзнодорожныхъ газетчиковъ. Отецъ сталъ знакомить меня съ дѣломъ, но книги и газеты были настолько знакомыми мнѣ предметами, что я быстро усвоилъ всю операцію и съ большимъ удовольствіемъ взялся за дѣло.—Ну, вы теперь, папаша, ступайте спать... А я здѣсь и одинъ управлюсь. Когда мнѣ будетъ некогда, тогда пойдете вы или даже сестра съ братомъ. Будемъ чередоваться. Это очень хорошо!

Я былъ очень радъ и доволенъ этимъ первымъ настоящимъ „трудомъ“ моимъ. Тяжеловато, положимъ, было сидѣть, послѣ дневныхъ и вечернихъ занятій въ гимназіи и приготовленія уроковъ, до 1 часа ночи,—но зато эта профессія въ среднемъ давала намъ 10—15 рублей въ мѣсяцъ.

Убѣдившись черезъ недѣлю, что я съ сестрой можемъ легко одни справляться съ несложнымъ дѣломъ газетной продажи, отецъ, мрачно вздыхая, отправился къ предсѣдателю гражданской палаты, прося зачислить его на службу. Черезъ недѣлю онъ получилъ мѣсто помощника столоначальника, съ окладомъ около 20 рублей въ мѣсяцъ. Совершилось то, чего отецъ такъ боялся и рѣшиться на что избѣгалъ въ теченіе цѣлаго полугода: заживо похоронить себя въ юдоли рабьяго сухого канцеляризма. Онъ совсѣмъ упалъ духомъ. Исчезла какъ будто навсегда надежда на „возрожденіе“. Все недавнее прежнее, еще такое свѣтлое, бурное, окутанное въ дымку такого милаго, манящаго своей чарующей неизвѣстностью, но полнаго живой жизни будущаго, все быстрѣе и быстрѣе таяло и расплывалось какъ сновидѣніе. А окружающая, сѣрая, повседневная жизнь все оголялась больше и больше...

Н. Златовратскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

В. Г. КОРОЛЕНКО

(„Исторія моего современника", т. I. Раннее дѣтство и годы ученія. Спб. 1909).

„Хорошая, здоровая и добрая душа— отражаетъ міръ хорошо и здоровымъ образомъ" (Изъ письма В. Г. Короленка къ В. А. Гольцеву. Сборникъ „Памяти В. А. Гольцева", М. 1910, стр. 219).

I.

В. Г. Короленко по праву причисляется къ тѣмъ умственно и морально творческимъ натурамъ, жизнь и дѣятельность которыхъ получаютъ *нормативное* значеніе для ряда поколѣній. Люди этого закала, на какомъ бы поприщѣ они ни выступали, не только выражаютъ то лучшее, что уже есть, но и создаютъ нормы того лучшаго, что должно быть. Въ ихъ общественной дѣятельности, въ ихъ частной жизни, въ интимной исторіи ихъ души, во всемъ проявляется и осуществляется *„категорія должнаго"*. Называть ихъ героями, пророками, проповѣдниками было бы шаблонно, да и неправильно: тутъ дѣло не въ героизмѣ (и въ позу „героя" или „проповѣдника" они и не становятся), а кромѣ того не всякій герой или проповѣдникъ является eo ipso личностью, жизнь и дѣятельность которой могутъ быть названы нормативными.

Я беру этотъ терминъ—„нормативность"—для обозначенія натуръ, отличающихся полнотою душевнаго здравія и реагирующихъ на впечатлѣнія и воздѣйствія дѣйствительности съ тою интеллектуальностью и нравственною *правильностью*, которая заставляетъ насъ видѣть въ нихъ не идеалъ, а *образецъ*, и мы

говоримъ: вотъ какъ слѣдуетъ думать, чувствовать, поступать, жить. Это — *образцовыя натуры*, которыя, возвышаясь надъ среднимъ уровнемъ, воплощаютъ въ себѣ лучшія стороны *нормальнаго человѣка*, не уклоняются отъ нормы, *а только возвышаютъ и совершенствуютъ эту норму*. Ими, по преимуществу, и движется человѣчество къ лучшему будущему.

Если такой — нормативный — человѣкъ одаренъ особливо-сильнымъ умомъ и большимъ талантомъ, да еще—въ придачу— исключительною крѣпостью нравственной воли, то образцовая душевная организація превращается въ большую соціально-творческую силу, благое воздѣйствіе которой всѣ мы чувствуемъ.

Таковъ В. Г. Короленко.

II.

Въ „Исторіи моего современника“ онъ разсказалъ намъ о своемъ дѣтствѣ и юности. Благодаря этому замѣчательному произведенію, въ своемъ родѣ единственному въ нашей литературѣ, мы имѣемъ возможность ближе присмотрѣться къ психологіи и, такъ сказать, „генезису“ *нормативнаго человѣка* и прослѣдить, какъ *въ правильной душѣ* отражались и преломлялись разнообразныя воздѣйствія русской дѣйствительности за время приблизительно отъ первой половины 60-хъ годовъ до начала 70-хъ [1]).

Этотъ трудъ, задуманный по широкому плану и блестяще выполняемый, займетъ видное мѣсто въ литературѣ мемуаровъ. Со стороны художественно-психологическаго анализа души ребенка и юноши въ ея развитіи, воспоминанія Короленка могутъ быть поставлены рядомъ съ „Дѣтствомъ“ и „Отрочествомъ“ Л. Н. Толстого. Яркостью изображенія эпохи, а равно глубиною и значительностью ретроспективныхъ размышленій они напоминаютъ „Былое и Думы“ Герцена. Но отъ раннихъ художественныхъ „мемуаровъ“ Толстого и отъ классическаго произведенія Герцена „Исторія моего современника“ отличается слѣдующими особенностями.

„Дѣтство“, „Отрочество“ и „Юность“ Толстого — больше „Dichtung“, чѣмъ „Wahrheit“. „Былое и Думы“ Герцена—собственно „Wahrheit“, но не безъ „Dichtung“, въ томъ смыслѣ, что нерѣдко воспоминанія автора, окрашиваясь позднѣйшими

[1]) Первый томъ доведенъ до конца 60-хъ годовъ. Начальныя главы второго, помѣщенныя въ „Русск. Бог.“ (янв. и февр. т. г.), воспроизводятъ раннія впечатлѣнія студенческой жизни.

настроеніями и даже идеями, воспроизводятъ прошлое не такъ или не совсѣмъ такъ, какъ оно переживалось имъ на самомъ дѣлѣ. „Исторія моего современника“ — только „Wahrheit“: В. Г. Короленко преслѣдуетъ здѣсь, кромѣ фактической правды, еще и *историческую*, стараясь возстановить свои дѣтскія и юношескія переживанія въ ихъ—по возможности—подлинномъ видѣ. „Въ своей работѣ“—говоритъ онъ—„я стремился къ возможно-полной исторической правдѣ, часто жертвуя ей красивыми или яркими чертами правды художественной. Здѣсь не будетъ ничего, что мнѣ не встрѣчалось въ дѣйствительности, чего я не испыталъ, не чувствовалъ, не видѣлъ...“ (Томъ I, „Отъ автора“, стр. 2.)

Это облегчаетъ пользованіе книгою—какъ документомъ, между тѣмъ какъ раннія повѣсти-мемуары Толстого, а равно и „Былое и Думы“ Герцена требуютъ предварительной критической работы, для отдѣленія въ нихъ фактической правды отъ вольнаго и невольнаго вымысла.

Но если въ мемуарахъ Короленка нѣтъ ни беллетристическихъ примѣсей, ни невольнаго искаженія „исторической правды“ яркостью художественнаго изображенія, то всетаки тамъ есть несомнѣнная, но своеобразная „Dichtung“—въ смыслѣ творческой переработки сырого матеріала воспоминаній. Достаточно прочитать первыя попавшіяся страницы, чтобы убѣдиться въ наличности большой и углубленной творческой работы. Эту работу авторъ, со свойственною ему скромностью, называетъ „отраженіемъ“ и справедливо указываетъ на то, что „отраженіе“, по существу дѣла, не можетъ быть адэкватнымъ дѣйствительности. „Всякое отраженіе—говоритъ онъ—отличается отъ дѣйствительности уже тѣмъ, что оно отраженіе... Оно всегда, если можно такъ выразиться, гуще отражаетъ избранные мотивы, а потому часто, при всей правдивости, привлекательнѣе, интереснѣе и, пожалуй, чище дѣйствительности...“ („Отъ автора“, стр. 2.)

Всякій изъ насъ, вспоминая свое прошлое, болѣе или менѣе отдаленное, вноситъ сюда долю „творчества“: вѣдь это прошлое не запротоколировано въ душѣ и не дано въ видѣ фотографическаго снимка, а воспроизводится заднимъ числомъ, ретроспективно—по разрозненнымъ фактамъ и впечатлѣніямъ, какіе сохранились въ памяти. Тутъ выступаетъ на первый планъ роль воображенія: прошлое не столько вспоминается, сколько *воображается*. И зачастую воображеніе, руководясь точкою зрѣнія взрослаго, давно сложившагося человѣка, произвольно восполняетъ пробѣлы памяти.

У Короленка *память* и *воображеніе* помогаютъ другъ другу. Ниже я приведу нѣсколько примѣровъ, обнаруживающихъ у него исключительную силу памяти. И можно сказать, что силою воображенія онъ пользуется не для того, чтобы заполнить пробѣлы памяти, а только для того, чтобы переработать сырой матеріалъ, сохраненный ею, въ исторически-вѣрную художественную картину.

И эта картина исполнена глубокаго психологическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ *нормативнаго* интереса.

III.

То, что я называю „нормативностью" натуры, есть, прежде всего, даръ счастливой наслѣдственности. Нормативные люди, какъ поэты, рождаются, и, я думаю, лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, при исключительно-благопріятныхъ условіяхъ воспитанія, просвѣщенія и облагораживающаго вліянія среды, образуется, такъ сказать, „искусственная", благопріобрѣтенная „нормативность" души, едвали, однако, способная во всѣхъ отношеніяхъ уравновѣсить природную, наслѣдственную.

Короленко не распространяется о своихъ предкахъ [1]), но подробно говоритъ объ отцѣ и матери. И мы выносимъ убѣжденіе, что задатки или, скажемъ лучше, цѣлый капиталъ нормативности онъ унаслѣдовалъ отъ родителей.

Отецъ писателя, Галактіонъ Короленко, былъ человѣкъ замѣчательный. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ въ гл. II-ой, и изъ различныхъ чертъ, разбросанныхъ въ другихъ главахъ, слагается образъ необычно-честной и глубоко-правдивой натуры. Нѣтъ сомнѣнія, отецъ былъ нормативенъ не меньше сына. Непоколебимое и ясное сознаніе долга, непреклонная воля къ исполненію его, ревнивое охраненіе покоя совѣсти—вотъ черты, которыя у отца, какъ и у сына, образовали основу натуры, главное „вѣдомство" души, откуда исходятъ всѣ ея директивы—моральныя повелѣнія и запреты.

Такой укладъ натуры не зависитъ отъ усвоенныхъ человѣкомъ идей, не обусловливается его міросозерцаніемъ, даже его нравственными понятіями. Наоборотъ, онъ самъ является почвою, на которой выростаютъ соотвѣтственныя ему нравственныя понятія, къ которой прилаживается созвучное міросозерцаніе. Бываютъ

---

[1]) Нѣсколько указаній дано въ гл. II-ой (стр. 13—14) о предкахъ по отцовской линіи и въ гл. III-ей—о дѣдѣ по матери (стр. 25—26).

даже случаи, когда, по какимъ-либо причинамъ, такія понятія и такое міросозерцаніе не возникли, и человѣкъ теоретически не возвышается надъ среднимъ уровнемъ, но практически онъ, тѣмъ не менѣе, остается нормативенъ и инстинктивно дѣлаетъ „благое дѣло среди царющаго зла", не возставая противъ этого зла въ принципѣ и пріемля тѣ начала, на которыхъ оно основывается. Подобными противорѣчіями полны души человѣческія. В. Г. Короленко опредѣленно указываетъ на одно изъ нихъ у своего отца.

Честный до щепетильности, безкорыстный „до донкихотства", Галактіонъ Короленко не зналъ чувства личной отвѣтственности за „общественную неправду". Авторъ видитъ здѣсь черту времени. Онъ говоритъ: „...когда я теперь думаю объ этомъ, то мнѣ становится ясна основная разница въ настроеніи честныхъ людей того поколѣнія съ настроеніемъ нашихъ дней. Онъ (отецъ) признавалъ себя отвѣтственнымъ лишь за свою личную дѣятельность. Разъѣдающее чувство вины за общественную неправду ему было совершенно незнакомо. Богъ, царь и законъ стояли для него на высотѣ, недоступной для критики..." (стр. 22.)—Иначе говоря, отцу нашего писателя было совершенно чуждо оппозиціонное настроеніе, столь свойственное сыну; онъ не возвышался до критики существующаго порядка вещей и не имѣлъ представленій объ иныхъ, лучшихъ порядкахъ. Онъ „просто" былъ человѣкъ неподкупной честности,—„натуральный" человѣкъ добра и правды. Онъ видѣлъ зло жестокихъ нравовъ своего времени, но совѣсть его „всегда была непоколебимо спокойна" (стр. 22); онъ не сознавалъ своего невольнаго, фактическаго участія въ поддержаніи этого зла и примирялся съ нимъ, какъ примиряются съ стихійными бѣдствіями. Это воззрѣніе или настроеніе авторъ изображаетъ такъ:

„Богъ всемогущъ и справедливъ, но на землѣ много торжествующихъ негодяевъ и страдающей добродѣтели. Это входитъ въ невѣдомые планы Высшей справедливости—и только. Царь и законъ—такъ же недоступны человѣческому суду, а если порой при нѣкоторыхъ примѣненіяхъ закона сердце поворачивается въ груди отъ жалости и состраданія,—это стихійное несчастье, не подлежащее никакимъ обобщеніямъ. Одинъ гибнетъ отъ тифа, другой отъ закона. Несчастная судьба!.." (22.)

Авторъ видитъ здѣсь „цѣльное настроеніе, родъ устойчиваго равновѣсія совѣстей".

„Внутренніе ихъ устои" — говоритъ онъ — „не колебались анализомъ, и честные люди того времени не знали глубокаго

душевнаго разлада, вытекающаго изъ сознанія личной отвѣтственности за „весь порядокъ вещей“... Я не знаю, существуетъ ли теперь эта цѣльность хоть въ одной чиновничьей душѣ въ такой неприкосновенности и полнотѣ. Думаю, что нѣтъ. Время этого настроенія ушло безвозвратно...“ (23.)

Нельзя не согласиться съ этимъ взглядомъ, но онъ возбуждаетъ во мнѣ нѣкоторыя—дополнительныя—соображенія.

Чувство (и вслѣдъ за нимъ сознаніе) *личной отвѣтственности за общественную неправду* и тѣмъ болѣе за *„весь порядокъ вещей“* возникаетъ, крѣпнетъ и распространяется вмѣстѣ съ расширеніемъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Оно является прямымъ послѣдствіемъ—или „производнымъ“—не идей, не міросозерцанія, не идеала, а фактическаго участія лица въ общественной и политической жизни. Въ государствахъ конституціонныхъ и въ республикахъ граждане не могутъ не чувствовать себя въ извѣстной мѣрѣ отвѣтственными за разное зло и всякіе непорядки въ общественномъ и государственномъ управленіи, а засимъ и въ самомъ соціальномъ строѣ и общемъ укладѣ жизни, поскольку ихъ улучшеніе можетъ зависѣть отъ того или иного направленія внутренней политики, отъ законодательной и административной дѣятельности, отъ инціативы самого общества и т. д. Въ азіатскихъ деспотіяхъ такому чувству и сознанію нѣтъ мѣста. Въ дореформенной Россіи имъ также неоткуда было взяться. Но взамѣнъ того у насъ было другое: въ силу вліянія европейскихъ идей и идеаловъ и благодаря нашей природной воспріимчивости къ благороднымъ и великодушнымъ чувствамъ и къ такимъ „головокружительнымъ“ словамъ, какъ „свобода“, „равенство“, „братство“, „гуманность“, „просвѣщеніе“,—довольно рано, еще въ XVIII-мъ вѣкѣ, стали возникать у насъ оппозиціонныя и революціонныя настроенія, въ которыхъ, такъ сказать, культивировались различныя чувства высшаго порядка—гражданская скорбь, общественное негодованіе и т. д. Но я не думаю, чтобы въ составъ этихъ новыхъ чувствъ входило и чувство личной вины и отвѣтственности за общественную неправду и „весь порядокъ вещей“. Едвали это чувство было знакомо Радищеву, Новикову, Рылѣеву, Пестелю, Герцену, Огареву, Бѣлинскому, Грановскому. Въ ихъ сочиненіяхъ, письмахъ, дневникахъ, рѣчахъ и въ самой ихъ дѣятельности звучатъ высокія ноты воодушевленія, революціоннаго пыла, критики существующаго строя и господствующихъ понятій, протеста, гражданской скорби и негодованія—но только не слыхать отголосковъ чувства и сознанія *личной вины*. Это бросается въ

глаза даже тамъ, гдѣ, казалось бы, это чувство должно было шевелиться: въ отношеніяхъ передовыхъ людей того времени *къ крѣпостному праву*,—именно тѣхъ изъ нихъ, которые сами были рабовладѣльцами. Они сознавали все зло и варварство крѣпостного права, но, стараясь быть добрыми господами, на этомъ и успокаивались. Мы теперь удивляемся тому, что такіе люди, какъ Герценъ, Тургеневъ и др., могли оставаться владѣльцами крѣпостныхъ душъ, могли продавать и покупать людей. Очевидно, подлиннаго, живого чувства своей личной вины и отвѣтственности за крѣпостное право у нихъ не было... Это чувство объявилось позже— у „*кающихся дворянъ*“ 60-хъ годовъ, когда крѣпостное право было упразднено,—и едвали возможно видѣть причину этого въ томъ, что „кающіеся дворяне“ были, будто бы, морально выше и развитѣе Герценовъ, Огаревыхъ, Тургеневыхъ: причину слѣдуетъ искать въ томъ фактѣ, что дворяне были допущены къ фактическому участію въ проведеніи реформы. Разъ человѣку дана возможность дѣйствовать на общественномъ поприщѣ, у него естественно шевелится и чувство отвѣтственности, которое, при нѣкоторой высотѣ душевнаго строя и гуманно-моральномъ развитіи, легко переходитъ въ чувство и сознаніе личной вины въ вольномъ и невольномъ участіи въ поддержаніи тѣхъ порядковъ, которыхъ несостоятельность и зло стали общепризнанными.

Какъ и всѣ чувства, такъ и это—очень опредѣленное, спеціально-дворянское, помѣщичье — чувство способно разгораться, расширяться и выходить изъ своихъ естественныхъ границъ, распространяясь на другія области отношеній человѣка къ окружающему міру. Человѣкъ созналъ свою отвѣтственность и вину въ отношеніи къ крѣпостному праву и, въ частности и въ особенности — къ тѣмъ крестьянамъ имя-рекъ, которыми владѣлъ онъ самъ, хотя бы и не злоупотребляя своими правами. Вполнѣ понятно, что это чувство изъ личнаго легко превращается, такъ сказать, въ родовое: человѣкъ начинаетъ считать себя отвѣтственнымъ за грѣхи отцовъ и дѣдовъ. Если эти отцы и дѣды, какъ часто бывало, злоупотребляли своими крѣпостническими правами, сѣкли и засѣкали мужиковъ до смерти, ссылали въ Сибирь, распоряжались ими какъ вещью, то кающійся дворянинъ, вспоминая объ этомъ, уже чувствуетъ себя въ неоплатномъ долгу передъ своими крестьянами. При большой интенсивности этого чувства представленіе о „своихъ крестьянахъ“, обобщаясь, переходитъ въ понятіе о всей крестьянской массѣ, о народѣ, который, неся тяжелый трудъ и изнывая въ нищетѣ и невѣжествѣ, предоставляетъ господамъ возможность

Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ...

Оттуда—столь распространенная въ 70-хъ годахъ идея о „долгѣ“ народу, который интеллигенція обязана уплатить... Оттуда и странное, можно сказать кошмарное чувство виновности и моральной отвѣтственности за пользованіе благами цивилизаціи, будто бы основанной на эксплуатаціи народа,—откуда уже одинъ шагъ до „опрощенія“, до отреченія отъ этихъ благъ, не исключая и духовныхъ. Этотъ рискованный шагъ и былъ сдѣланъ въ 70-хъ годахъ.

Чувства заразительны. „Кающіеся дворяне“ своимъ покаяннымъ настроеніемъ заразили разночинцевъ, которые ничѣмъ не были обязаны народу и не имѣли основанія каяться. Такъ возникло и распространилось, на подобіе эпидеміи, чувство „личной отвѣтственности за общественную неправду и за весь порядокъ вещей“...

Когда В. Г. Короленко говоритъ, что его отцу это чувство было чуждо, то тутъ, дѣйствительно, оказалось различіе въ настроеніи „честныхъ людей“ двухъ эпохъ. Но изъ вышеизложенныхъ соображеній по вопросу о происхожденіи чувства личной отвѣтственности явствуетъ, что оно не могло даже въ умѣренномъ, такъ сказать, раціональномъ выраженіи имѣть мѣсто въ психологіи людей дореформенной эпохи—одинаково какъ тѣхъ, которые были захвачены передовыми идеями времени, такъ и тѣхъ, которые, живя въ глухой провинціи, не были ими затронуты.

Галактіонъ Короленко не былъ посвященъ въ московскіе споры... Западническія и славянофильскія идеи, приводившія къ критикѣ существующаго порядка вещей и къ оппозиціонному настроенію, были неизвѣстны ему: онъ остался при старомъ, традиціонномъ міросозерцаніи, въ которомъ не было мѣста ни сомнѣнію, ни критикѣ, ни отрицанію, ни протесту.

Но вотъ что любопытно отмѣтить. Если къ этому старомодному міросозерцанію, въ которомъ, по выраженію В. Г. Короленка, проявлялось „устойчивое равновѣсіе совѣсти“, подойти со стороны индивидуальной психологіи, то мы замѣтимъ въ немъ нѣкоторыя черты, сближающія его съ настроеніемъ людей 70-хъ годовъ,—тѣхъ „радикаловъ“ и народниковъ, которые такъ живо чувствовали свою „вину“ передъ народомъ.

Во всякомъ міросозерцаніи слѣдуетъ различать съ одной стороны его положительное содержаніе, его догму, а съ другой—психологическія отношенія лица къ этой догмѣ.

Человѣкъ выдающагося ума, глубокой искренности и рѣдкой

душевной правдивости, Галактіонъ Короленко исповѣдовалъ догму старомоднаго міросозерцанія вовсе не такъ, какъ исповѣдуетъ ее темный обыватель, суевѣрно боящійся Бога и трепещущій передъ властями. Люди такого закала, какъ Галактіонъ Короленко, не могутъ примириться съ мыслью о закономѣрности и необходимости зла въ природѣ и въ человѣчествѣ. Ихъ мысль и совѣсть требуютъ признанія добра, какъ закона и высшаго начала, властвующаго надъ міромъ. Зло — только случайность, исключеніе, хотя бы и очень частое. Все, что относится къ категоріи зла, подлежитъ отрицанію, — со зломъ нужно бороться; все, что входитъ въ категорію добра, должно быть принято безъ разсужденія, какъ исходящее отъ Высшаго Начала, не подлежащаго человѣческому суду. Пути Провидѣнія неисповѣдимы; мы не знаемъ и не можемъ постичь Его предначертаній. По невидимой и неисповѣдимой причинѣ, Провидѣніе дозволило злу существовать: наша обязанность — бороться со зломъ, которое — только фактъ, а не законъ, и, полагаясь на благость и всемогущество Божье, вѣрить въ конечное торжество добра. Это религіозное вѣрованіе, перенесенное въ область человѣческихъ отношеній, въ сферу понятій правовыхъ, является основою того консервативнаго воззрѣнія, по которому существующій порядокъ вещей представляется неприкосновеннымъ, не подлежащимъ критикѣ, а все зло, какое наблюдается въ жизни, понимается какъ прискорбный фактъ, независимый отъ порядка вещей, какъ злоупотребленіе, какъ случайность... Съ этими случайностями необходимо бороться, къ этому обязываетъ нравственный законъ, этого требуетъ совѣсть; но оппозиція существующему порядку вещей недопустима—все равно какъ недопустима оппозиція въ отношеніи къ Божеству...

Передъ нами рѣзко-очерченное и стойкое міросозерцаніе, въ которомъ, со стороны психологической, выдвигаются на первый планъ черты сознательнаго подчиненія личности высшему принципу: личность здѣсь обрекаетъ себя нѣкоторому служенію, извѣстному самоограниченію. Тутъ есть что-то суровое, ригористическое, и вмѣстѣ съ тѣмъ отчетливо выступаютъ признаки своеобразнаго *оптимизма* и *фатализма*.

Безспорно, тѣми же психологическими и моральными признаками, но только при другомъ содержаніи идей, характеризовалось настроеніе революціонной молодежи 70-хъ годовъ. Явилась другая догма: культъ „Бога, царя и закона" замѣнился культомъ соціалистическаго идеала и народа. Эта новая догма, подобно старой, не подлежала критикѣ. Въ народъ вѣровали;

не допускалось и тѣни сомнѣнія въ его высокихъ качествахъ. Вѣрили въ существованіе его идеаловъ, будто бы совпадающихъ съ соціалистическими — и были увѣрены въ скоромъ ихъ осуществленіи. Настроеніе было *рѣзко-оптимистическое*, и довольно отчетливо выступали въ немъ черты *своеобразнаго фатализма.* Еще отчетливѣе обозначилось ригористическое и аскетическое направленіе...

Со стороны психологической и моральной, между „настроеніемъ" Галактіона Короленка и „настроеніемъ" передовой, воинствующей молодежи 70-хъ годовъ мы усматриваемъ признаки внутренняго родства, которыхъ не можетъ затемнить принципіальное различіе вѣрованій и понятій.

Въ настроеніи своего отца В. Г. Короленко видитъ „устойчивое равновѣсіе совѣсти". Стремленія „людей 70-хъ годовъ", всѣ жертвы, ими принесенныя, были, въ существѣ дѣла, направлены не къ чему иному, какъ именно къ достиженію „устойчиваго равновѣсія совѣсти".

Это была моральная сила духа, сама по себѣ независимая отъ идей и настроеній. Идеи и настроенія — продуктъ времени и „внушаются" имъ. Моральный закалъ, вырабатывающійся въ рядѣ поколѣній, передается наслѣдственнымъ путемъ. Передовое поколѣніе 70-хъ годовъ представляло собою рѣдкое зрѣлище подбора отъ рожденія морально-крѣпкихъ, нормативныхъ натуръ, которыя создавали нравственную атмосферу, заражавшую и многихъ другихъ, въ этомъ отношеніи не столь счастливо одаренныхъ.

У В. Г. Короленка — два наслѣдственныхъ „капитала" души: одинъ — отъ отца, другой — отъ матери. Портретъ матери, набросанный въ первой части „Исторіи современника", безъ сомнѣнія, будетъ выписанъ въ дальнѣйшихъ частяхъ — и мы получимъ одно изъ самыхъ убѣдительныхъ и наглядныхъ подтвержденій той мысли, что въ женской психикѣ таится огромный запасъ духовныхъ цѣнностей, которымъ предстоитъ великое поприще въ будущемъ, когда онѣ обнаружатся — какъ сила движущая и творящая.

Въ духовный „капиталъ", получаемый по наслѣдству, входятъ и цѣнности *интеллектуальныя.* Сила ума, какъ и различныя его качества, вырабатывается въ рядѣ поколѣній и, накопляясь, превращается у одного изъ потомковъ въ даръ творчества.

Съ этой стороны „Исторія моего современника" представляетъ особый интересъ. Эту книгу можно бы назвать „Исторіею одного ума". Обнимая періодъ отъ ранняго дѣтства до юности,

она шагъ за шагомъ раскрываетъ намъ картину органическаго роста этого ума и даетъ возможность опредѣлить его качества и измѣрить его силу.

IV.

И прежде всего мы убѣждаемся въ томъ, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ довольно рѣдкихъ у насъ умовъ, въ развитіи и дѣятельности которыхъ *все заемное, наживное, благопріобрѣтенное* занимаетъ сравнительно небольшое мѣсто, главную же роль играетъ *свое, органическое, наслѣдственное*.

Встрѣчаются очень умные люди, которыхъ мышленіе, однако, поражаетъ отсутствіемъ самобытности,—люди умные чужимъ или общимъ умомъ. Ихъ мысль легко и свободно движется по протореннымъ путямъ и, надѣленная иногда незаурядною воспріимчивостью, охотно усвоиваетъ предлагаемый жизнью, книгами и вѣяніями времени матеріалъ идей, обходя ихъ противорѣчія, воспринимая то, что дано, и такъ, какъ оно дано.

Не таковъ тотъ умъ, котораго психологическую и идейную исторію излагаетъ намъ „современникъ" В. Г. Короленка.

То, что приносятъ впечатлѣнія жизни, что дано, что внѣдряется въ душу внушеніемъ общаго или чужого ума, служитъ ему только необходимою пищею, благодаря которой онъ растетъ и крѣпнетъ,—импульсомъ, который побуждаетъ его дѣйствовать и развивать свою природную силу. Содержаніе готовыхъ идей превращается въ матеріалъ для выработки чего-то своего. Это „свое" съ годами мѣнялось, умственный кругозоръ расширялся, но не было скачковъ и крутыхъ поворотовъ отъ одного къ другому, а былъ только органическій ростъ умственныхъ силъ, которыя расли, какъ растутъ крылья, и взмахи этихъ крыльевъ мысли становились все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ усложнялся приносимый жизнью матеріалъ и сгущалась атмосфера идей и настроеній времени.

Оттуда, между прочимъ, удивительная память дѣтскихъ и юношескихъ переживаній, ихъ стойкость: позднѣйшія воспоминанія, относящіяся къ болѣе зрѣлому возрасту, не вытѣсняютъ болѣе раннихъ, юношескихъ, а эти послѣднія въ свою очередь не подавили дѣтскихъ,—и нигдѣ нѣтъ пробѣловъ, нѣтъ того періодическаго сна души, въ который впадаютъ многіе, забывая прошлый опытъ и тѣмъ легче воспринимая новое содержаніе, иногда несовмѣстимое съ нимъ.

Въ первой главѣ („Первыя впечатлѣнія бытія") воскрешены тѣ смутныя, еще стихійныя движенія дѣтской мысли, которыя въ сокращенномъ видѣ повторяютъ нѣкогда пережитый человѣчествомъ періодъ „анимизма". Ребенокъ, какъ водится, нерѣдко падалъ и стукался головою объ полъ. „Одинъ разъ это было на лѣстницѣ. Мнѣ было очень больно, и я громко плакалъ, пока отецъ не утѣшилъ меня особымъ пріемомъ. Онъ побилъ палкою ступеньку лѣстницы, и это доставило мнѣ удовлетвореніе. Вѣроятно, я былъ тогда въ періодѣ фетишизма [1]) и предполагалъ въ деревянной доскѣ злую и враждебную волю. И вотъ, ее бьютъ за меня, а она даже не можетъ уйти... Разумѣется, эти слова очень грубо передаютъ тогдашнія мои ощущенія, *но доску и какъ будто выраженіе ея покорности вспоминаю ясно*" [2]) (стр. 6).

Это воспоминаніе оказывается не единичнымъ, не изолированнымъ отъ послѣдующаго; это не обломокъ, случайно сохранившійся въ памяти среди наслоившагося десятилѣтіями матеріала воспоминаній, какъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ. Нѣтъ, ибо авторъ помнитъ, что „*впослѣдствіи то же ощущеніе повторилось въ болѣе сложномъ видѣ*" [3]) (стр. 6), и приводитъ случай, изъ котораго это видно (стр. 7).

Далѣе разсказанъ эпизодъ, когда ребенокъ обжегъ палецъ, потянувшись къ сигарѣ, которую курилъ отецъ: „... меня внезапно обжогъ рѣзкій укусъ. Думаю, что по силѣ впечатлѣнія теперь этому могло бы равняться развѣ крѣпкое и неожиданное укушеніе ядовитой змѣи, притаившейся, напримѣръ, въ букетѣ цвѣтовъ. Огонекъ казался мнѣ сознательно хитрымъ и злымъ. *Черезъ два-три года, когда мнѣ вспомнился этотъ эпизодъ, я прибѣжалъ къ матери, сталъ разсказывать и заплакалъ. Это были опять слезы разочарованія и обиды*" [4]) (стр. 8—9).— Вслѣдъ за этимъ разсказано, какъ „подобное же разочарованіе" было вызвано въ ребенкѣ первымъ купаніемъ—„неожиданнымъ и рѣзкимъ впечатлѣніемъ не то холода, не то ожога"... „Я громко заплакалъ и такъ забился на рукахъ у матери, что она чуть меня не выронила. Купаніе мое на этотъ разъ такъ и не состоялось. Пока мать плескалась въ водѣ съ нескрываемымъ наслажденіемъ, я сидѣлъ на скамьѣ, надувшись, глядѣлъ на

---

[1]) Я-бы сказалъ: „анимизма".

[2]) Курсивъ мой.

[3]) Курсивъ мой.

[4]) Курсивъ мой.

лукавую зыбь... и сердился... На кого? Кажется, на рѣку..." (стр. 9.)

Замѣчательна не только яркость и отчетливость этихъ далекихъ воспоминаній, но и ихъ *послѣдовательность, согласованность*. Тутъ, въ сущности, вспоминается цѣлая полоса—„періодъ анимизма", вмѣстѣ съ комплексомъ чувствъ, къ нему относящихся. Періодъ, конечно, скоро прошелъ, но между опытомъ, имъ порожденнымъ, и послѣдующимъ развитіемъ не было пропасти. Отголоски этихъ раннихъ переживаній чувствовались и сказывались — только, разумѣется, иначе — въ послѣдующемъ опытѣ жизни: переживая новое, „современникъ" почти всегда вспоминаетъ прошлое, получающее въ его сознаніи значеніе прецедента и какъ бы символа послѣдующихъ переживаній. Онъ говоритъ по поводу вышеуказанныхъ воспоминаній: „Это были первыя разочарованія: я кидался на встрѣчу явленіямъ природы съ довѣріемъ незнанія, а она отвѣчала стихійнымъ безстрастіемъ, которое мнѣ казалось сознательно враждебнымъ... *И много разъ впослѣдствіи, при разочарованіяхъ болѣе сложныхъ,—на днѣ огорченной души вставали эти первичныя впечатлѣнія, какъ прообразъ послѣдующихъ. И иной разъ это помогало мнѣ догадаться, что и эти послѣдующія огорченія болѣе сложны, но не болѣе разумны...*" [1]) (стр. 9.)

Вслѣдъ за этимъ передано воспоминаніе о „первой прогулкѣ въ сосновомъ бору": „Здѣсь меня положительно заворожилъ протяжный шумъ лѣсныхъ верхушекъ, и я остановился, какъ вкопанный". Другіе, не замѣтивъ этого, пошли дальше по круто спускавшейся дорожкѣ. Ребенокъ остался наверху и почувствовалъ, что онъ—„одинъ въ лѣсу". Ему было страшно— „но, какъ заколдованный", онъ „не могъ ни двинуться, ни произнести звука, и только слушалъ то тихій свистъ, то звонъ, то смутный говоръ и вздохи лѣса...".—„Я переставалъ чувствовать себя отдѣльно отъ этого моря жизни, и это было такъ сильно, что когда меня хватились, и братъ матери вернулся за мной, то я стоялъ на томъ же мѣстѣ и не откликался... *Впослѣдствіи и эта минута часто вставала въ моей душѣ, особенно въ часы житейской усталости, какъ первообразъ глубокаго, но живого покоя...*" [2]) (стр. 10.)

Раннія впечатлѣнія дѣтства не исчезали безслѣдно. Они подготовляли почву для послѣдующихъ впечатлѣній—отрока, юноши

---

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Курсивъ мой.

и даже взрослаго человѣка. Дѣтскій умъ не просто воспринималъ, но и перерабатывалъ воспринимаемое, и отъ этой работы оставался глубокій слѣдъ въ душѣ. Душа расла и вмѣстѣ съ нею расли эти слѣды, превращаясь въ „прообразы", которыми порою осмысливались новые итоги жизни. Органичность, цѣльность и самобытность развитія—вотъ черты, на которыя указываютъ приведенныя свидѣтельства.

Такой же смыслъ имѣютъ и воспоминанія „современника" о его дѣтской и юношеской религіозности.

В. Г. Короленко, сынъ очень религіозныхъ родителей, былъ необычно-религіозенъ въ дѣтствѣ и юности. Это—не только нормально, но и нормативно. И противоположное явленіе, т.-е. религіозный индифферентизмъ у ребенка и скороспѣлый атеизмъ юноши, представляетъ собою уклоненіе отъ правильнаго пути, нерѣдко свидѣтельствующее о душевной слабости. Нормальное развитіе здоровой натуры сводится къ послѣдовательному прохожденію—въ сокращенномъ видѣ—ступеней, пройденныхъ человѣческимъ разумомъ въ его многовѣковой эволюціи. Переживая эти „ступени", душа обогащается внутреннимъ опытомъ, отъ котораго остаются живые слѣды или итоги, благотворно вліяющіе на дальнѣйшее развитіе человѣка.

О зарожденіи первыхъ представленій о „томъ свѣтѣ" и того чувства, которое авторъ называетъ „мистическимъ страхомъ", говоритъ глава V-ая, а въ VI-ой („Молитва звѣздной ночью") мы находимъ любопытныя воспоминанія о наивной вѣрѣ ребенка во всемогущество молитвы. Ребенку не разъ приходилось „летать во снѣ", и ему вздумалось полетѣть наяву. Онъ уже твердо зналъ, что если помолиться Богу, какъ слѣдуетъ, то Богъ не откажетъ въ просьбѣ. И вотъ, однажды, настроившись молитвенно, онъ сталъ просить Бога о дарованіи ему крыльевъ. Дѣло было звѣздной ночью... Авторъ вспоминаетъ: „Въ первый разъ тогда меня поразило величіе сіяющаго небеснаго свода... Луна стояла надъ крышей каменнаго дома, но ея свѣтъ не затмевалъ свѣта звѣздъ. Онѣ говорили, мерцали, переливались разными цвѣтами торжественно и тихо, и вся синяя бездна, казалось, жила и дышала. Впослѣдствіи глаза у меня стали слабѣе, *и эта необычайная красота теперь живетъ въ моей душѣ лишь яркимъ воспоминаніемъ этой ночи* [1]). Но тогда я отчетливо видѣлъ всѣ эти звѣзды, различалъ ихъ перемѣнные цвѣта и, главное, ощутилъ взволнованной дѣтской душой *глубину* этой бездны и безко-

[1]) Курсивъ мой.

нечное число ея живыхъ огней, уходящихъ въ какую-то невѣдомую, таинственную синюю даль...“ (стр. 64—65.)

Религіозное чувство въ приподнятомъ, экзальтированномъ выраженіи осложнилось здѣсь стихійнымъ чувствомъ природы, живою воспріимчивостью къ красотѣ звѣзднаго неба. Само по себѣ не только не первобытное, а даже весьма позднее, оно однако связано крѣпкою генетическою связью съ первобытнымъ обоготвореніемъ природы вообще и архаическимъ культомъ звѣзднаго неба въ частности. Съ успѣхами культуры и знанія и съ прогрессомъ самой религіи это чувство природы изъ религіознаго превращается въ эстетическое. Въ душѣ ребенка различные фазисы, разъединенные въ исторіи человѣчества вѣками, сливаются въ одно цѣлое: тутъ и дѣтская вѣра въ магическую силу молитвы, напоминающая первобытную „магію“ дикаря, и религіозное чувство, уже перенесенное отъ природы къ Богу, и чувство эстетическое, пріуроченное къ уже не обоготворяемому звѣздному небу, и даже интуиція безконечнаго...

У В. Г. Короленка, какъ поэта по призванію, это сложное настроеніе проявлялось очень рано и получало своеобразно-яркую форму, близкую къ экзальтаціи,—въ одно и то же время и религіозной, и художнической...

Прошли годы. Ребенокъ сталъ юношей; юноша, переживъ свой, уже болѣе осмысленный, „религіозный фазисъ“ [1]), превратился въ сложившагося взрослаго человѣка, у котораго наивная и традиціонная религіозность стала тѣмъ, что нѣмцы называютъ „ein überwundener Standpunkt“: она была „преодолѣна“ новою точкою зрѣнія, новыми понятіями. Но отъ пережитого и „преодолѣннаго“ осталась глубокая борозда въ душѣ,—протоaccess проторенное и углубленное русло, куда легко и свободно текутъ потоки новыхъ понятій, новыхъ идей и чувствъ... Приведу одно изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ.

Лѣтъ черезъ тридцать слишкомъ Короленко (въ письмѣ къ В. А. Гольцеву) въ слѣдующихъ чертахъ изложилъ свой взглядъ на искусство въ его отношеніяхъ къ природѣ и къ дѣйствительности.

Возражая противъ извѣстной теоріи Чернышевскаго (искусство есть только изображеніе природы и дѣйствительности и потому всегда ниже ихъ) и противъ воззрѣнія Мопассана, видѣвшаго въ искусствѣ творческую силу, которая не отражаетъ міра, а создаетъ нѣчто глубоко-отличное отъ него, его „иллюзію“,— Короленко говоритъ:

---

[1]) Объ этомъ см. въ главахъ XXVII-ой, XXX-ой, XXXI-ой и XXXII-ой.

„...Художественное произведеніе, т.-е. *изображеніе*, — само есть явленіе природы и, какъ таковое, оно всегда равно всѣмъ остальнымъ явленіямъ. Выросъ цвѣтокъ—прекрасное произведеніе природы, *явленіе*. Онъ отразился въ ручьѣ — новое явленіе и тоже хорошо. Написано по этому поводу стихотвореніе. Но развѣ это, какъ *явленіе*, хуже цвѣтка и ручья? Блеснула молнія, загрохоталъ громъ. Прекрасное и величавое *явленіе* природы. Раскаты отражаются въ ущельяхъ... Но тѣ же раскаты звучатъ въ душѣ человѣка, отражаясь цѣлымъ рядомъ ощущеній. И вотъ мы силою возсоздающей способности сами вовлекаемся въ кругъ явленій... Теперь дальше: мнѣніе пессимиста Мопассана. Можетъ ли быть „иллюзія міра" безъ отношенія къ реальному міру? Очевидно, нѣтъ. Нужно соединить въ одно эти два элемента. Въ художественномъ произведеніи мы имѣемъ міръ отраженный, преломленный, воспринятый человѣческой душой. Это не просто безпочвенная иллюзія, а это—*новый фактъ*, новое *явленіе вѣчнотворящей природы...*" (Сборникъ „Памяти В. А. Гольцева", стр. 218—219.)

Остановимся на этихъ глубоко-знаменательныхъ мысляхъ.

Обѣ теоріи, какъ та, однимъ изъ крайнихъ представителей которой былъ Чернышевскій, такъ и та, которая, также въ крайнемъ выраженіи, отразилась въ формулѣ Мопассана (искусство— „иллюзія міра"), одинаково противопоставляютъ *человѣка природѣ, все человѣческое, искусственное всему природному, стихійному*, видя въ нихъ принципіальную противоположность и размѣщая ихъ въ различныхъ плоскостяхъ. Короленко, напротивъ, примиряетъ и даже отожествляетъ ихъ: онъ помѣщаетъ ихъ въ одной и той же плоскости, отвергая мысль о ихъ принципіальномъ различіи. Его точку зрѣнія можно назвать „*монистическою*": человѣкъ—часть и продуктъ природы, между нимъ и природою нѣтъ пропасти, и все человѣческое, въ томъ числѣ и художественное творчество, не должно быть противополагаемо всему натуральному, стихійному. Оно—такое же *явленіе* природы, какъ и всѣ другія, оно равно и равноцѣнно имъ...

Въ самомъ движеніи человѣчества, въ его развитіи и прогрессѣ отражается вѣчная эволюція природы. Это выражено такъ:

„Духъ человѣка вѣчно мѣняется. На одну и ту же старинную башню каждое поколѣніе смотритъ иными глазами. Но и природа вѣчно мѣняется, — отсюда ясно, что область художественнаго творчества, во-1-хъ, безконечна, во-2-хъ, находится въ вѣчномъ движеніи, создавая все новыя комбинаціи, которыя сами,

какъ совокупность „явленія“ и отражающаго явленіе человѣческаго духа,—суть живыя явленія природы“. (Тамъ же.)

Все это невольно заставляетъ вспомнить ребенка, молившагося звѣздною ночью и очарованнаго зрѣлищемъ звѣзднаго неба,—ребенка, который стихійно ощутилъ въ сосновомъ бору свое единство съ природою. Вспоминая эту раннюю тягу къ природѣ, „современникъ“ говоритъ: „Природа ласково манила ребенка, въ началѣ его жизни, своей нескончаемой, непонятной тайной, какъ будто обѣщая гдѣ-то въ безконечности глубину познанія и блаженство разгадки...“ —Слѣдующія за этимъ строки въ данномъ случаѣ особливо любопытны: „Какъ, однако, грубо наши слова выражаютъ наши ощущенія... Въ душѣ есть тоже много непонятнаго говора, который не выразить грубыми словами, какъ и рѣчи природы... *И это именно то, гдѣ душа и природа составляютъ одно...*“ [1]) (стр. 10—11.)

Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что въ жизни В. Г. Короленка—отъ дѣтскихъ лѣтъ и до настоящаго времени—видную роль играли и имѣли творческое значеніе тѣ моменты, когда онъ чувствовалъ, что „душа и природа составляютъ одно“... Мы не скажемъ, что „съ природой одною онъ жизнью дышалъ“ (эта стереотипная фраза вообще невѣрна и звучитъ нѣкоторою не то фальшью, не то условностью даже въ ея примѣненіи къ Гёте), но скажемъ, что художественное воспріятіе впечатлѣній природы всегда занимало видное мѣсто въ душевной исторіи Короленка, и что въ эти минуты онъ чувствовалъ себя не постороннимъ зрителемъ, любующимся картинами природы, а какъ бы участникомъ этого зрѣлища, чувствующимъ свое сродство съ природою. Это явствуетъ какъ изъ его воспоминаній, такъ и изъ его художественныхъ произведеній, откуда можно было бы привести рядъ цитатъ, въ которыхъ сказалось поэтическое ощущеніе того, что „душа и природа составляютъ одно“.

Въ этомъ ощущеніи есть что-то *пантеистическое* и, пожалуй, даже *мистическое*. Но во всякомъ случаѣ это—не та болѣзненная, суевѣрно-миѳологическая мистика, которая свойственна заправскимъ мистическимъ натурамъ, обычно страдающимъ какимъ-либо психическимъ дефектомъ, явнымъ или скрытымъ. Для болѣзненной мистики нѣтъ мѣста въ на рѣдкость здравой и гармонически-уравновѣшенной душѣ Короленка. И то, что мы отмѣтили у него какъ „мистическое“—не только нормально, но и нормативно. Оно же проявляется и въ процессѣ научнаго

[1]) Курсивъ мой.

познанія, какъ и въ раціональномъ философскомъ мышленіи. Это только — сознаніе и признаніе неисповѣдимой тайны, присущей космосу, идея котораго слагается изъ понятій *сверхъраціональныхъ* или „мистическихъ", каковы понятія о пространствѣ, которому нѣтъ предѣловъ, о времени, которое никогда не началось и никогда не кончится, о вѣчности матеріи и силы...

Теперь прочтемъ еще слѣдующія строки (изъ того же письма), въ которыхъ отразилась столь же нормативная психологическая религіозность Короленка:

„...Если допустить (*а я въ это глубоко вѣрю*) [1]), что вселенная не есть случайная игра случайныхъ силъ и явленій, что и „детерминизмъ" и „эволюція", что все это ведетъ къ признанію нѣкотораго закона, который „необходимо" тяготѣетъ къ чему-то, что мы называемъ „благомъ" во всѣхъ его видахъ (добро, истина, правда, красота, справедливость), то выводъ ясенъ: мы не просто отражаемъ явленія, какъ они есть, и не творимъ по капризу *иллюзію* несуществующаго міра. Мы создаемъ или *проявляемъ* рождающееся въ насъ *новое отношеніе* человѣческаго духа къ окружающему міру..."

Вѣчное совершенствованіе человѣчества и стремленіе къ идеалу предопредѣлено и имманентно вселенной—такова философская точка зрѣнія Короленка, выраженная въ приведенной цитатѣ и въ дальнѣйшихъ строкахъ, гдѣ онъ говоритъ, что „вѣчное стремленіе къ совершенству онъ допускаетъ, какъ законъ" (космическій).

Религіозная (пантеистическая) тяга къ космосу или, точнѣе, къ непознаваемому началу, идея котораго чувствуется въ утвержденіи, что космосъ не есть „случайная игра случайныхъ силъ", здѣсь нераздѣльно слита съ моральными познавательными и эстетическими стремленіями, которыя такимъ образомъ получаютъ какъ бы религіозную—космическую—санкцію...

Письмо къ Гольцеву—не философскій трактатъ и не предназначалось къ печати [2]). Мы не можемъ, поэтому, требовать отъ автора полноты въ раскрытіи его предпосылокъ и послѣдовательнаго обоснованія выставленныхъ положеній. Оно любопытно и важно какъ документъ, свидѣтельствующій о цѣльности, о психологической послѣдовательности духовнаго развитія Короленка: высокій и сознательный идеализмъ, которымъ проникнуто

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Большая часть письма излагаетъ планъ и идею повѣсти: „Прохоръ и студенты", начало которой было помѣщено въ „Русской Мысли", но которая не была окончена по цензурнымъ условіямъ.

письмо, высшая психологическая религіозность, въ немъ сквозящая, органически примыкаютъ къ дѣтскому и юношескому идеализму и наслѣдственной религіозности „современника“, какъ они изображены въ его „Исторіи“.

И еще объ одномъ говоритъ „документъ“, — о томъ, что „хорошая, здоровая и добрая душа отражаетъ міръ хорошо и здоровымъ образомъ...“

V.

Счастливый даръ „отражать міръ хорошо и здоровымъ образомъ“ и врожденное чутье правильнаго пути сказались у В. Г. Короленка съ особливою наглядностью въ томъ критическомъ періодѣ, когда впервые просыпается *національное* сознаніе человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ складываться его общественныя убѣжденія и то, что̀ называютъ „идеологіею“. Все это образуетъ личную задачу, которую молодой человѣкъ долженъ такъ или иначе рѣшить. Въ силу разныхъ условій, для однихъ она упрощается, для другихъ осложняется. Упрощеніе, между прочимъ, зависитъ отъ личной постановки *національнаго вопроса*: если человѣку не приходится задумываться о томъ, какая у него національность, или къ какой ему надлежитъ примкнуть, то цѣлая половина задачи отпадаетъ. Задача, напротивъ, осложняется для всѣхъ, имѣющихъ, по выраженію В. Г. Короленка, „разноплеменную душу“, т.-е. для тѣхъ, у которыхъ есть задатки и возможность имѣть двѣ-три національности,—и они, придя въ возрастъ, естественно задаютъ себѣ вопросъ: кто я? Русскій? Украинецъ? Полякъ? Еврей? и т. д.

Во избѣжаніе недоразумѣній, позволю себѣ здѣсь небольшое отступленіе, не вдаваясь впрочемъ въ анализъ понятія о „національной формѣ личности“ (о чемъ мнѣ уже приходилось писать). Постараюсь развить свою мысль на конкретныхъ примѣрахъ.

И прежде всего напомню, что въ вопросѣ о личной національной принадлежности происхожденіе человѣка („кровь“) есть факторъ второстепенный, не имѣющій рѣшающаго значенія. Если, напр., вы—чистокровный нѣмецъ, но воспитались въ Россіи, и русскій (общерусскій) языкъ сталъ съ дѣтства вашимъ роднымъ языкомъ, то вы — русскій и сами не сомнѣваетесь въ этомъ. Сколько могу судить, ни Орестъ Миллеръ (нѣмецъ по крови и протестантъ по религіи), ни Гильфердингъ (нѣмецъ), ни Ники-

тенко (малороссъ), ни П. И. Вейнбергъ (еврей) не сомнѣвались въ своей принадлежности къ русской (общерусской) національности, и вопросъ: „кто я?“ (въ національномъ смыслѣ) если и возникалъ у нихъ, то рѣшался скоро, легко и просто.

Но у другихъ, по обстоятельствамъ ихъ личной жизни, этотъ вопросъ оказывается далеко не столь легкимъ. Покойный В. Б. Антоновичъ, одинъ изъ самыхъ энергичныхъ двигателей украинскаго національнаго сознанія, былъ полякъ по происхожденію (его предки были украинцы, но ополяченные) и съ дѣтства владѣлъ польскимъ языкомъ, какъ роднымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и языки украинскій и общерусскій были для него все равно что родными. Вопросъ: „кто я?“ неминуемо долженъ былъ возникнуть у него—и онъ рѣшилъ его (разумѣется, не безъ размышленія и не безъ внутренней борьбы) въ пользу украинской національности. Насколько сложна была въ данномъ случаѣ задача національнаго самоопредѣленія, видно, между прочимъ, изъ того факта, что Антоновичъ, присоединяясь къ украинской націи, счелъ необходимымъ вмѣстѣ съ тѣмъ перейти изъ католицизма въ православіе.—Значительно проще, но далеко не безъ осложненій ставился этотъ вопросъ у покойнаго М. П. Драгоманова, полтавскаго уроженца, малоросса по крови, симпатіямъ и языку и общерусса по образованію, а равно и по языку, съ дѣтства усвоенному. Въ Драгомановѣ гармонически сочетались обѣ „стихіи“ (какъ выражался Гоголь, говоря о себѣ),—и Драгомановъ явился одновременно выдающимся общерусскимъ дѣятелемъ и писателемъ и однимъ изъ самыхъ крупныхъ идеологовъ и двигателей украинскаго національнаго самосознанія. Почти все, что сдѣлано цѣннаго въ постановкѣ малорусскаго вопроса и подготовкѣ его будущаго раціональнаго рѣшенія, связано съ именемъ Драгоманова.

Изъ этихъ примѣровъ видно, до какой степени національный вопросъ есть вопросъ *личный*, и въ какой зависимости онъ находится отъ условій и обстоятельствъ, среди которыхъ росъ, развивался и воспитывался человѣкъ. Кромѣ того, изъ тѣхъ же примѣровъ видно, что въ одномъ и томъ же субъектѣ одна національность не всегда исключаетъ другую. Можно имѣть двѣ-три національности, — и съ этой стороны національность обнаруживается какъ явленіе, которое *нельзя* сопоставлять или связывать съ религіею, государствомъ, обществомъ, классомъ и т. д. Нельзя одновременно исповѣдовать двѣ религіи или быть гражданиномъ двухъ государствъ. Національность—психологическая форма, тѣсно связанная съ языкомъ. Если можно владѣть въ

совершенствѣ, какъ родными, двумя-тремя языками—такъ, что всѣ они одинаково могутъ служить натуральнымъ непроизвольнымъ органомъ мысли человѣка, то, слѣдовательно, можно имѣть и двѣ-три національности, что̀ и встрѣчается нерѣдко. А засимъ вопросъ, какой изъ нихъ отдать предпочтеніе (если ужъ нужно выбирать)—это вопросъ до такой степени интимный, что входить въ его принципіальное разсмотрѣніе нѣтъ возможности, да и ненужно.

Теперь вернемся къ В. Г. Короленкѣ.

По отцу украинецъ (скорѣе въ смыслѣ происхожденія, чѣмъ національности), по матери полякъ, онъ вышелъ русскимъ (общерусомъ). Этотъ „выходъ въ общеруссы" не былъ у него дѣломъ очень простымъ и легкимъ, а былъ сопряженъ съ нѣкоторыми затрудненіями и осложненіями.

Мы узнаемъ это впервые изъ сообщеній главы XIII-ой („Кто я?"), гдѣ авторъ вспоминаетъ о впечатлѣніяхъ польскаго возстанія 1863-го года, когда ему было лѣтъ 10. Эти впечатлѣнія преждевременно подняли и, кромѣ того, обострили вопросъ, который еще рано было поднимать, но который позже неминуемо долженъ былъ возникнуть въ „разноплеменной" душѣ Короленка. Двѣ національности предъявляли свои права на нее: *польская* и *русская* (т.-е. не великорусская или украинская, а общерусская). Сперва перевѣсъ былъ безспорно на сторонѣ польской. В. Г. Короленко говоритъ: „Я думаю, еслибы кто-нибудь сумѣлъ вскрыть мою душу, то и въ этотъ періодъ моей жизни [1]) онъ бы навѣрное нашелъ, что наибольшимъ удѣльнымъ вѣсомъ обладали въ ней тѣ чувства, мысли, впечатлѣнія, какія она получала отъ языка, литературы и вообще культурныхъ вліяній родины моей матери" (стр. 159). По-польски онъ говорилъ свободно и сталъ очень рано знакомиться съ польской литературой. Правда, столь же свободно говорилъ онъ и по-русски, но вліянія школы и русской литературы, доступной ребенку, не могли на первыхъ порахъ ослабить польской національной тяги. Въ эти годы В. Г. Короленко былъ—по національности—больше полякъ, чѣмъ русскій. Позже, къ концу гимназическаго курса, это соотношеніе національныхъ началъ въ немъ измѣнилось: онъ сталъ, какъ увидимъ ниже, больше русскимъ, чѣмъ полякомъ, а еще позже, какъ извѣстно, сталъ совсѣмъ русскимъ. Весьма вѣроятно, что первымъ толчкомъ, ускорившимъ это развитіе русскаго національнаго уклада на счетъ польскаго, послужили именно тѣ впеча-

---

[1]) Т.-е. какъ и въ раннемъ дѣтствѣ.

тлѣнія и отголоски событій 1863-го года, о которыхъ повѣствуетъ глава XIII-ая. Товарищъ по школѣ и лучшій другъ Короленка, полякъ Качальскій, отстранился отъ него, потому что видѣлъ въ немъ „москаля". Это глубоко огорчило мальчика, котораго здоровая, гармоничная и добрая душа не могла воспріять чувствъ національной вражды. До возстанія этимъ чувствамъ не было мѣста: „то, что онъ былъ полякъ, а я русскій, не вносило ни малѣйшей тѣни въ завязывавшуюся между нами дѣтскую дружбу" (стр. 160). „Національный вопросъ" („кто я?") впервые и возникъ въ его душѣ подъ воздѣйствіемъ обидъ и огорченій, вызванныхъ обостреннымъ польскимъ національнизмомъ: ты—москаль, а потому между нами не можетъ быть дружбы, мы—враги. Ничего подобнаго не слыхалъ онъ отъ матери,—какъ не слыхалъ отъ отца, что русскій долженъ ненавидѣть поляка. Теперь впервые слышитъ онъ голосъ національной вражды и нетерпимости. Это было первымъ впечатлѣніемъ, навсегда оттолкнувшимъ его отъ всякаго національизма.—„Ну, что-жъ"—подумалъ онъ—„я—русскій, а онъ пускай думаетъ, что хочетъ..." (стр. 163.)

Психологическій смыслъ этой маленькой дѣтской драмы—тотъ, что національное самочувствіе ребенка, какъ русское, такъ и польское, не могло въ его здоровой и доброй душѣ выродиться въ болѣзнь національнаго ожесточенія. Обѣ стихіи, польская и русская, мирно уживались въ душѣ ребенка, подготовляя ее къ воспріятію, въ будущемъ, идеи, что національность—не добродѣтель, не порокъ, не принципъ, не знамя, а нѣчто, такъ сказать, нейтральное, и что она не должна являться поводомъ къ ненависти и враждѣ... Но тутъ возникло новое осложненіе: *„пришла третья національность и въ свою очередь предъявила на меня свое право"*, вспоминаетъ Короленко (стр. 163). Это была національность *украинская*. Пришла она въ лицѣ новаго учителя — украинофила, одѣвавшагося „по хохлацки" и всѣмъ обличьемъ своимъ тенденціозно выставлявшаго украинофильскую идею, которой начальство тогда мирволило — въ юго-западномъ краѣ. На перекличкѣ онъ спрашивалъ учениковъ: „русскій? полякъ?" И когда Короленко отвѣтилъ: „русскій",—учитель сказалъ:—„Брешешь. Ты не москаль, а козацькій внукъ и правнукъ, вільного козацького роду..."—И потомъ далъ ему брошюрку „Про Чупрыну и Чортовуся", гдѣ аляповато разсказывался кровавый эпизодъ изъ исторіи гайдамацкихъ подвиговъ...

Учитель-украинофилъ, ненавидящій поляковъ и москалей, хотѣлъ навязать мальчику свою малорусскую національность на

томъ только основаніи, что фамилія „Короленко“ звучитъ по-малорусски, и что предки этого мальчика были козаки.

„Третья національность“ явилась не въ своемъ натуральномъ обличьи (если можно такъ выразиться), а въ видѣ приподнятаго, требовательнаго, да еще костюмированнаго націонализма, — и этого было достаточно, чтобы оттолкнуть ребенка и надолго затормозить для него сочувствіе національной украинской идеѣ, имѣющей всѣ права на сочувствіе...

Въ той же главѣ Короленко говоритъ, что украинскій языкъ онъ „зналъ довольно плохо“ (стр. 167) и что историческія воспоминанія о козакахъ, о гайдамакахъ и соотвѣтственныя національныя сочувствія тогда были ему чужды. Вполнѣ понятно, почему „украинскій прозелитизмъ“ не удался. Но въ этомъ эпизодѣ необходимо обратить особенное вниманіе на слѣдующее свидѣтельство:

„Въ нашей семьѣ тонъ былъ очень простой. У отца я никогда не замѣчалъ ни одной искусственной ноты. У матери тоже. *Вѣроятно, поэтому мы были очень чутки ко всему искусственному* [1]). Между тѣмъ вся фигура новаго учителя казалась мнѣ, пожалуй, довольно привлекательной, но... какой-то ненастоящей. Онъ одѣвался такъ, какъ никто не одѣвался ни въ городѣ, ни въ деревнѣ. Тонкій казакинъ, кисетъ на шнуркѣ, люлька въ карманѣ широкихъ шароваръ, казацкіе подъусники,—все это казалось ненастоящимъ, не природнымъ и непосредственнымъ, а „нарочнымъ“ и дѣланнымъ. И говорилъ онъ не просто, какъ всѣ, а точно подчеркивалъ: вотъ видите, я говорю поукраински...“ (Стр. 166—167.)

Эти строки—драгоцѣнный документъ...

Старое украинофильство, безспорно, грѣшило тѣмъ, что называется „историческимъ романтизмомъ“ и что нерѣдко, у рядовыхъ адептовъ національной малорусской идеи, вырождалось въ какую-то козацкую бутафорію. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть впередъ и оздоровлять свою національную психику передовыми идеями общечеловѣческой цивилизаціи, украинофилы обращали взоръ назадъ, воскрешая преданія Запорожья и идеализируя дикіе нравы и понятія отжившей старины. Малорусская поэзія до тошноты повторяла все тѣ же мотивы о „могилахъ“ (курганахъ), о Днѣпрѣ съ его порогами, о казакахъ и гайдамакахъ и—иногда—упивалась изображеніемъ рѣзни и погромовъ. Въ этомъ были повинны многіе, въ томъ числѣ и Гоголь съ его пресловутымъ

---

[1]) Курсивъ мой.

„Тарасомъ Бульбой“ [1]), и Шевченко съ его „Гайдамаками“, и самъ Костомаровъ.—Въ очевидной связи съ реставраціею „славнаго“ прошлаго находился и свойственный старому украинофильству духъ нетерпимаго націонализма, въ которомъ ненависть къ москалямъ совмѣщалась съ ненавистью къ полякамъ и евреямъ. Эту вражду можно, при желаніи, мотивировать современными отношеніями, въ особенности если освѣтить ихъ односторонне и тенденціозно; но безпристрастный наблюдатель прежде всего усмотритъ въ ней отголосокъ или пережитокъ стародавняго инстинкта племенной и религіозной вражды и закоренѣлыхъ предразсудковъ, искусственно оживляемыхъ романтическими грезами и поэтизаціей былого варварства. Все вмѣстѣ—костюмированное и инсценированное такъ, какъ оно, въ миніатюрѣ, представлено въ лицѣ вышеупомянутаго педагога,—должно было производить отталкивающее впечатлѣніе на юныя души, воспитанныя въ духѣ простоты и гуманности.

Это впечатлѣніе еще больше обострилось по слѣдующему поводу. Мальчикъ отказался отвѣчать учителю по украински (потому что плохо владѣлъ этимъ языкомъ, и ему казалось, что если онъ заговоритъ на немъ, то „это выйдетъ не настояще, а нарочно и потому стыдно“), а учитель это „упорство“ приписалъ „ополяченію“ ученика и сдѣлалъ величайшую безтактность, намекнувъ на то, что мать послѣдняго — полька. „Это было самое худшее, что онъ могъ сказать — пишетъ Короленко, — я очень любилъ свою мать, а теперь это чувство доходило у меня до страстнаго обожанія...“ (стр. 167).

Очевидно, въ лицѣ неудачнаго педагога-украинофила, малорусскій націонализмъ обнаруживался въ томъ же духѣ нетерпимости и насилія надъ личностью, какой въ большей или меньшей мѣрѣ свойственъ всякому націонализму, а въ націонализмѣ государственномъ — въ пресловутомъ „обрусеніи“ — доходилъ до ничѣмъ не оправдываемой жестокости и до абсурда.

Національный вопросъ будетъ рѣшенъ только тогда, когда всѣ, и прежде всего господствующая (державная) народность, а равно и всѣ племенныя группы признаютъ *за личностью неотъемлемое право національнаго самоопредѣленія*. Господствующей націи, какъ болѣе сильной, надлежитъ сдѣлать починъ и явить примѣръ гуманности и терпимости—признать національныя права мѣстныхъ языковъ, школъ и литературъ и вообще не стѣснять

[1]) Свой взглядъ на „Тараса Бульбу“, уклоняющійся отъ общепринятаго, я изложилъ въ книжкѣ: „Гоголь въ его произведеніяхъ“ (М. 1909 г.).

національнаго развитія племенъ, входящихъ въ составъ государства.

Здравый національный принципъ гласитъ, что никто не имѣетъ права требовать отъ человѣка, чтобы онъ воспринялъ извѣстную національность и причислялъ себя именно къ ней, а не къ какой-нибудь другой. Этотъ принципъ отнюдь не противорѣчитъ праву государства требовать отъ гражданъ знакомства съ государственнымъ языкомъ, который къ тому же далеко не всегда является національнымъ [1]).

Къ сожалѣнію, доселѣ въ разноплеменныхъ государствахъ, какъ Россія и Австрія, отъ различныхъ національныхъ группъ предъявляются къ личности настойчивыя національныя (и, что еще хуже, националистическія) требованія.

На В. Г. Короленка, какъ мы видѣли, предъявляли свои „права" три національности. И всѣ онѣ, къ сожалѣнію, предстали передъ нимъ въ видѣ *націонализмовъ*—съ повышенными и настойчивыми требованіями, въ томъ числѣ и съ требованіемъ „кого-нибудь ненавидѣть и преслѣдовать" (стр. 169), съ грубымъ вторженіемъ въ „беззащитную душу" (стр. 169) ребенка...

По счастью, эта душа оказалась вовсе не беззащитной. Она дала отпоръ всѣмъ этимъ притязаніямъ.

Въ главѣ XXVII-ой разсказано, какъ непринужденное, самобытное развитіе привело автора къ національному самоопредѣленію.

VI.

Передъ нами уже не мальчикъ, а юноша, ученикъ 7-го класса гимназіи. Національный вопросъ („кто я?"), на нѣсколько лѣтъ заглохшій, опять поднялся. Но положеніе вещей измѣнилось. Нѣкогда очень сильная (въ психологіи Короленка) сторона, именно польская, какъ-то стушевалась или отступила; напротивъ, прежде слабѣйшая, украинская, теперь окрѣпла—и споръ шелъ между нею и общерусскою.

Къ этому эпизоду стоитъ присмотрѣться ближе. Передъ нами опять—яркая картина времени и живой человѣческій документъ.

Дѣло было въ самомъ концѣ 60-хъ годовъ.

Въ гимназіи, гдѣ учился Короленко, появился новый препо-

[1]) Въ роли государственныхъ языковъ выступали и мертвые, и „искусственные" языки, какъ напр. средневѣковая латынь въ Западной Европѣ, литературный санскритъ въ старой Индіи, пехлеви въ средневѣковой Персіи.

даватель русскаго языка и словесности—Веніаминъ Васильевичъ Авдіевъ. Этотъ человѣкъ оказалъ весьма благотворное вліяніе на весь классъ и въ частности на Короленка, незаурядную натуру и умъ котораго, повидимому, онъ угадалъ сразу. Авторъ вспоминаетъ объ Авдіевѣ съ чувствомъ искренней благодарности ученика къ учителю. Характеристика этого умнаго, даровитаго и образованнаго педагога вышла не только блестящею, но и удивительно вѣрною: пишущій эти строки хорошо зналъ Авдіева, также кое-чѣмъ обязанъ ему въ своемъ развитіи — и мои воспоминанія объ этомъ человѣкѣ почти до мелочей сходятся съ воспоминаніями Короленка.

В. В. Авдіевъ былъ украинецъ, отлично владѣлъ малорусскимъ языкомъ, любилъ Шевченка и не былъ чуждъ украинофильскому движенію. Но между нимъ и тѣмъ ряженнымъ показацки учителемъ-украинофиломъ, о которомъ шла рѣчь выше, не было ничего общаго. Авдіевъ отличался полнымъ отсутствіемъ всего напускного, показного и дѣланнаго: все въ немъ было просто, натурально, но вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразно. И прежде всего бросалась въ глаза самобытность его натуры и независимость его образа мыслей. Употребляя парламентскій терминъ, можно было бы назвать его „дикимъ“: онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи или группѣ, не исповѣдовалъ никакого символа партійныхъ идей, что, однако, не мѣшало ему имѣть и выдерживать опредѣленное и стойкое прогрессивное направленіе.

Украинецъ и, въ извѣстныхъ предѣлахъ, украинофилъ, онъ былъ въ то же время и общеруссъ, воспитанный въ духѣ передовой литературы 50-хъ—60-хъ годовъ, поклонникъ Тургенева и Некрасова и глубокій почитатель Добролюбова. Украинское національное направленіе гармонически сочеталось въ немъ съ передовыми теченіями общерусской либеральной и демократической мысли того времени и съ реалистическимъ духомъ нашей литературы. Въ этомъ сочетаніи не было ничего искусственнаго и надуманнаго: оно было внушено духомъ времени и, что важнѣе, вытекало изъ самой натуры Авдіева, въ которой украинскія національныя „струны“ звучали въ унисонъ съ общерусскими.

Къ сказанному нужно присоединить еще одно существенное указаніе. Авдіевъ учился въ харьковскомъ университетѣ и былъ ученикомъ А. А. Потебни, научныя идеи котораго онъ проводилъ (и, кажется, съ большимъ тактомъ) въ школу. Лѣтъ пятнадцать послѣ того времени, къ которому относятся мои гимназическія воспоминанія объ Авдіевѣ (1870 — 1871), А. А. Потебня на мой вопросъ о немъ, какъ о его ученикѣ, отозвался

съ свойственнымъ ему лаконизмомъ: „хорошій былъ студентъ". Кто зналъ лично покойнаго ученаго, тотъ „переведетъ" этотъ отзывъ такъ: на студенческой скамьѣ Авдіевъ былъ юноша выдающійся, умѣвшій понимать идеи и, главное, методъ Потебни, чего, къ сожалѣнію, многіе не умѣли...

Въ томъ, что̀ говоритъ Короленко о преподаваніи Авдіева, я узнаю отголоски лекцій Потебни, а въ томъ, что̀ говорится о вліяніи Авдіева одновременно въ духѣ малорусскихъ симпатій и направленія, которое для краткости назову „добролюбовскимъ", я опять-таки различаю подобіе той широты воззрѣнія, которая такъ ярко и такъ изящно проявлялась у покойнаго ученаго мыслителя.

Теперь прочтемъ слѣдующія строки, которыми Короленко характеризуетъ преподаваніе Авдіева:

„...Художественная литература перестала быть въ моихъ глазахъ только развлеченіемъ, а стала увлекательнымъ и серьезнымъ дѣломъ. Авдіевъ сумѣлъ зажечь и раздуть эти душевныя эмоціи въ яркое пламя. У него было инстинктивное чутье юности и—талантъ. Все, что̀ онъ читалъ, говорилъ и дѣлалъ, пріобрѣтало въ нашихъ глазахъ особенное значеніе. Исторія литературы, съ поученіями Мономаха и письмами Заточника, выступала изъ своего туманнаго отдаленія, какъ предметъ значительный и важный, органически подготовлявшій грядущія откровенія. Коротенькіе дивертисменты въ концѣ уроковъ, когда Авдіевъ раскрывалъ принесенную съ собою книгу и прочитывалъ отрывокъ, сцену, стихотвореніе — стали для насъ потребностью (стр. 377)... Вскорѣ между Авдіевымъ и нами завязались простыя и близкія отношенія. Онъ приглашалъ насъ къ себѣ, угощалъ чаемъ за своимъ холостымъ столомъ и всегда держалъ себя просто, дружески и весело. Никогда не чувствовалось преднамѣренности и дидактизма... До сихъ поръ въ душѣ моей, какъ ароматъ цвѣтка, сохранилось особое ощущеніе, которое я уносилъ съ собою изъ квартиры Авдіева, ощущеніе любви, уваженія, молодой радости раскрывающагося ума и благодарности за эту радость..." (стр. 378).

Авдіевъ развивалъ и воспитывалъ своихъ учениковъ въ духѣ новой русской литературы и тѣхъ идей, которыя она вырабатывала, но вмѣстѣ съ тѣмъ не упускалъ случая заинтересовать юношу и украинскою литературою, однако не стараясь вызывать въ немъ искусственно украинскихъ симпатій.

Въ этомъ общемъ просвѣтительномъ вліяніи, чуждомъ преднамѣренной пропаганды, обозначились два теченія: общерусское

и украинское. Первое связывалось преимущественно съ именами Некрасова и Добролюбова, второе—съ поэзіею Шевченка.

Съ сочиненіями Добролюбова Короленко впервые познакомился по экземпляру, принадлежавшему Авдіеву. Интересъ къ поэзіи Шевченка если не пробудилъ, то поддержалъ въ Короленкѣ тотъ же Авдіевъ, не только чтеніемъ и бесѣдами на темы этой поэзіи, но и живою—музыкальною—интерпретаціею ихъ. Авдіевъ обладалъ хорошимъ голосомъ и выразительно пѣлъ; въ особенности любилъ онъ пѣть малорусскія пѣсни. И В. Г. Короленко вспоминаетъ, какъ все это шевелило въ его душѣ заглохшія украинскія струны ея, и романтическое настроеніе, уже и раньше исподволь навѣвавшееся поэзіею украинскихъ преданій и историческихъ воспоминаній, „казалось, должно было вспыхнуть еще сильнѣе...“ (стр. 389). „Авдіевъ своимъ чтеніемъ и пѣніемъ вновь разбудилъ во мнѣ“—говоритъ Короленко—„украинскій романтизмъ, и я опять чувствовалъ себя во власти этой поэтической дали степей и дали временъ...“ (стр. 388).

Но Авдіевъ не былъ пропагандистомъ и вовсе не задавался цѣлью вербовать адептовъ украинской идеи. Онъ только предлагалъ юнымъ питомцамъ матеріалъ просвѣтительныхъ и освободительныхъ идей въ надлежащемъ освѣщеніи и какъ бы говорилъ: бери, что хочешь и можешь взять,—это уже твое дѣло...

Короленко, въ этотъ періодъ, былъ близокъ къ увлеченію украинскимъ романтизмомъ, но присущее его уму чутье подсказывало ему, что тутъ скрывается какая-то не то фальшь, не то красивая ложь, вообще что-то условное и мечтательное,—какой-то „призрачный міръ“ (стр. 389). Романтическое украинофильство даже въ томъ умѣренномъ видѣ, въ какомъ оно являлось у Авдіева, не овладѣло душой Короленка, и этотъ отрицательный результатъ (огорчившій нѣкоторыхъ ревностныхъ украинцевъ) онъ приписываетъ тому обстоятельству, что „та самая рука (Авдіева), которая открывала для меня этотъ призрачный міръ, еще шире распахнула окно родственной, русской литературы, въ которое хлынули потоками простые, ясные образы и мысли...“ (стр. 389).

Побѣда осталась на сторонѣ Некрасова и Добролюбова, и Короленко подробно объясняетъ, почему такъ вышло и не могло быть иначе (стр. 389—393).

Тутъ выдѣляются два пункта: 1) реалистическій и глубокожизненный характеръ русской литературы, присущій ей духъ простоты и правды удивительно гармонировали съ душевной организаціей и складомъ ума Короленка и 2) въ этой литературѣ онъ находилъ ясные отвѣты на свои личные душевные запросы.

Онъ указываетъ на извѣстную черту передовой русской литературы того времени, всего ярче проявлявшуюся тогда въ поэзіи Некрасова и въ статьяхъ Добролюбова: „за непосредственнымъ образомъ некрасовскаго „народа“ стоялъ интеллигентный человѣкъ съ своею совѣстью и своими запросами“. Я бы сказалъ: *реализмъ* изображенія и пониманія всего народнаго и вообще дѣйствительности и *идеализмъ* настроенія и стремленій интеллигенціи въ ихъ гармоническомъ сочетаніи—вотъ что, отвѣчая влеченіямъ и запросамъ души В. Г. Короленка, очаровало ее. Онъ называетъ это сочетаніе реализма съ идеализмомъ „двустороннимъ тономъ“ литературы и говоритъ: „эта струя литературы того времени, этотъ особенный двусторонній тонъ ея—*взяли къ себѣ мою разноплеменную душу... Я нашелъ тогда свою родину, и этой родиной стала прежде всего русская литература...*“ [1]) (стр. 392—393).

VII.

По всей вѣроятности, тотъ же результатъ (обрѣтеніе духовной родины въ русской литературѣ и рѣшеніе лично-національнаго вопроса въ смыслѣ общерусскомъ), но только съ нѣкоторымъ уклономъ въ украинскую сторону воспослѣдовалъ бы и въ томъ случаѣ, еслибы обстоятельства личной жизни В. Г. Короленка сложились иначе, и онъ, оставаясь на югѣ, своевременно встрѣтился бы съ тѣмъ движеніемъ въ передовыхъ украинскихъ кругахъ, которое связывалось съ дѣятельностью М. П. Драгоманова.

Я уже упоминалъ о ней, но здѣсь будетъ у мѣста сказать еще нѣсколько словъ о томъ же.

Драгомановъ выступилъ съ пропагандою плодотворной и жизнеспособной идеи, гласившей, что для возрожденія и прогресса Украины на національной почвѣ необходимо, прежде всего, чтобы малорусское движеніе стало всесторонне прогрессивнымъ—въ духѣ передовыхъ идей времени: въ политикѣ оно должно быть широко-либеральнымъ (конституціоннымъ) и демократичнымъ, въ общественной идеологіи—соціалистичнымъ, въ литературѣ—реалистическимъ, въ философіи—позитивнымъ. Драгомановъ не переставалъ настаивать на необходимости согласованія и единенія украинофильства съ передовыми теченіями общерусской обще-

[1]) Курсивъ мой.

ственной мысли и идеологіи и рѣзко возставалъ противъ идейнаго и національнаго *сепаратизма* (не говоря уже о политическомъ). Онъ рѣзко критиковалъ все отсталое, старомодное и романтическое въ тогдашнемъ украинофильствѣ и говорилъ, что руководящихъ идей оно должно искать не въ прошломъ, а въ тѣхъ началахъ, которыя выдвигаются передовыми теченіями европейской мысли. Онъ былъ убѣжденный и послѣдовательный *западникъ* въ украинофильствѣ, „практическій политикъ" въ вопросахъ общерусской внутренней политики, соціалистъ и федералистъ въ идеологіи, „просвѣтитель" въ духѣ раціональнаго научнаго мышленія, и только на этихъ путяхъ жизни и мысли онъ признавалъ возможнымъ возрожденіе угнетенныхъ и обиженныхъ исторіей національностей, въ томъ числѣ и украинской.

Реформа стараго украинофильства, предпринятая Драгомановымъ, его смѣлое выступленіе въ украинской и русской литературѣ (легальной и заграничной), его эмиграція и основаніе малорусскаго заграничнаго органа „Громада",—все это было крупнымъ событіемъ и образовало новый центръ тяготѣнія въ броженіи умовъ знаменательной эпохи 1870-хъ годовъ. Часть украинской молодежи перешла отъ общерусскаго соціалистическаго движенія къ новому украинскому. Было немало лицъ, причастныхъ тому и другому. Обособленное существованіе украинофильскихъ кружковъ, какъ любителей „всего малорусскаго", болѣе или менѣе чуждыхъ тому, что̀ волновало и одушевляло тогда молодые умы, кончилось навсегда. Малорусское движеніе стало настоящимъ, живымъ общественно-національнымъ движеніемъ, въ которомъ все консервативное и романтическое быстро пошло на убыль...

Позволительно думать, что, при наличности внѣшнихъ благопріятныхъ условій, Короленко не остался бы чуждъ этому движенію. Оно могло оживить въ немъ то, что̀ было украинскаго въ его „разноплеменной душѣ", и, пожалуй, отразилось бы на характерѣ его послѣдующей дѣятельности. Но я сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы все это могло передѣлать его изъ общерусса въ украинца, какъ и въ томъ, чтобы такая передѣлка въ данномъ случаѣ была вообще нужна или желательна.

По укладу своей натуры В. Г. Короленко принадлежитъ къ психологическому типу, характеризующемуся особливою—и счастливою—невоспріимчивостью къ раздраженію и будораживанію національнаго чувства. Люди этого типа носятъ въ себѣ свою національность, не чувствуя ея и не желая чувствовать. Они относятся къ своей „національной физіономіи" какъ къ факту,

а не принципу, не задаются головоломнымъ и ненужнымъ вопросомъ о томъ, какая національность лучше, и направляютъ энергію своей души на другое—на выработку идей, убѣжденій, вѣрованій и на дѣятельность, имъ отвѣчающую. Имъ органически не свойственъ и претитъ всякій націонализмъ, даже тотъ, который можетъ быть въ извѣстной мѣрѣ оправданъ исключительными условіями, въ какія поставлена данная нація. Вспомнимъ, что вопросъ о своей національности Короленко формулируетъ: „*кто я?*“, а не: „кѣмъ *долженъ я быть?*“. Онъ только *искалъ свою*, до поры до времени скрытую въ его „разноплеменной душѣ“, національность, и когда она обнаружилась—какъ общерусская, а не польская и не украинская,—онъ со спокойной совѣстью остался при ней, сохраняя ее какъ натуральное и законное достояніе своей личности, которымъ поступаться нѣтъ надобности, да и не слѣдуетъ. И это не только нормально, но и нормативно,—что̀ я сказалъ бы и въ томъ случаѣ, еслибы у него *своею* національностью, по обстоятельствамъ его жизни и развитія, оказалась бы не общерусская, а украинская или польская.

VIII.

Попробуемъ подвести итогъ литературнымъ вліяніямъ, которыми опредѣлилось умонастроеніе юноши Короленка на порогѣ высшей школы.

На первомъ планѣ стоитъ Добролюбовъ. О Писаревѣ упоминается мелькомъ, его статей онъ тогда еще не читалъ, и по всему видно, что „писаревское“ направленіе, о которомъ онъ имѣлъ нѣкоторое представленіе, не находило живыхъ отзвуковъ въ его душѣ. Онъ воспитался по преимуществу на сочиненіяхъ Добролюбова—и здѣсь нельзя не видѣть прямого показанія нормативной душевной организаціи. Все „лишнее“ не прививалось къ ней. И сама „базаровщина“, столь обаятельная въ то время, очаровывала юношу скорѣе своею „добролюбовскою“ стороною, чѣмъ „писаревскою“. Въ „отрицаніи“ Базарова ему „чуялась та самая спокойная непосредственность и увѣренность, какія были въ вѣрѣ отца...“ (стр. 435).—Это сближеніе характерно. Образъ отца то и дѣло выплываетъ въ воспоминаніяхъ Короленка, знаменуя врожденное ему тяготѣніе и, такъ сказать, довѣріе ко всему, что̀, глубоко коренясь въ душѣ и образуя ея святыню, свидѣтельствуетъ о глубинѣ и серьезности натуры. Къ Добро-

любову, а не къ Писареву обращалось это инстинктивное довѣріе. Легкость писаревскаго отрицанія, поверхностный матеріализмъ, нерѣдко уживавшійся съ старыми предразсудками,—все это довѣрія не вызывало [1])...

Незамѣтно — пока — вліянія раннихъ статей Михайловскаго (въ „Отеч. Зап." 1868—1870 гг.) и „Историческихъ писемъ" Лаврова. Повидимому, съ этими „знаменіями времени" Короленко познакомился позже, уже студентомъ. Какъ реагировалъ онъ на нихъ, мы, конечно, узнаемъ изъ второй части „Исторіи современника".

Рядомъ съ Добролюбовымъ по силѣ вліянія слѣдуетъ поставить художественную литературу, и прежде всего—Тургенева и Некрасова. Не трудно догадаться, что, помимо прямого вліянія идей и настроенія, здѣсь дѣйствовало и другое: на художественной литературѣ, включая сюда и второстепенную беллетристику, нечувствительно упражнялись и крѣпли природныя художественныя силы Короленка. Кстати упомянуть, авторъ и не думалъ писать о развитіи своего художественнаго дарованія. Но эта сторона сама собою обнаруживается въ „Исторіи моего современника", которую въ этомъ смыслѣ можно назвать „Исторіею одного художественнаго ума". Въ особенности любопытно отмѣтить инстинктивное влеченіе къ созданію образовъ, къ „фантазированію" на темы о видѣнномъ, слышанномъ, прочитанномъ и вплетать эти „узоры" въ дѣйствительность. Въ извѣстной мѣрѣ это — черта возраста, именно дѣтства. Ребенокъ — наивный и непроизвольный художникъ, плохо различающій, а иногда и совсѣмъ не замѣчающій границу, которая отдѣляетъ дѣйствительность отъ вымысла. Съ переходомъ къ юности это „натуральное творчество" у большинства людей идетъ на убыль и потомъ совсѣмъ (или почти) прекращается: дѣйствительность вступаетъ въ свои права, — и это далеко не всегда означаетъ, что человѣкъ сталъ лучше понимать ее...

У Короленка, какъ призваннаго художника, „натуральное творчество" съ переходомъ къ юности не только не пошло на убыль, но, повидимому, еще усилилось, какъ это видно изъ начальныхъ главъ второй части („Русск. Бог.", январь—февраль). Прирожденный поэтъ росъ вмѣстѣ съ душевнымъ ростомъ человѣка, и художественныя силы ума не подавлялись, а только уравновѣшивались одновременнымъ развитіемъ отвлеченной и критической мысли.

---

[1]) См. главу: „Духъ времени въ Горномъ Лугѣ".

Признаки роста *критической мысли* уже ясно видны въ послѣднихъ главахъ первой части. Передъ нами юноша, далеко не склонный принимать на вѣру, сразу и оптомъ, ходкія идеи, внушаемыя „духомъ времени". При всей своей чуткости и воспріимчивости къ его „вѣяніямъ", онъ какъ бы стоитъ настороже, не разъ вспоминая характерную отцовскую прибаутку: „толкуй больной съ подлѣкаремъ!".

И думается намъ, эту прибаутку мы еще встрѣтимъ или вспомнимъ въ дальнѣйшемъ,—во второй части книги, гдѣ „современникъ" разскажетъ намъ о томъ, какъ откликалась его душа на броженіе умовъ въ 70-хъ годахъ, въ достопамятную эпоху утопическаго соціализма, „хожденія въ народъ" и героическихъ эпидемій.

Въ ряду лицъ, захваченныхъ движеніемъ 70-хъ годовъ, было немало и такихъ, которыя отличались исключительно сильнымъ, критическимъ умомъ, способнымъ, казалось бы, превозмочь обольщенія властныхъ иллюзій времени. Но выходило такъ, что, преодолѣвая ихъ умомъ, они подчинялись имъ по внушенію чувства и — совѣсти. Вспоминая нѣкоторые эпизоды своей юности (въ I-ой и II-ой главахъ второй части), В. Г. Короленко говоритъ: „*зналъ* я (или *разсуждалъ*) по умному, а *чувствовалъ* по глупому". Такъ вотъ, бываютъ времена, когда лучшіе люди, разсуждая по умному, чувствуютъ „по-глупому",—когда это противорѣчіе между мыслью и чувствомъ становится *не только психологически-необходимымъ*, но и *морально-обязательнымъ* и *получаетъ значеніе нормативное.* Такъ это и было въ 70-хъ годахъ. Раскрыть глубокіе психологическіе корни этой коллизіи ума и чувства и выяснить ея нормативный характеръ — это задача, рѣшенія которой мы вправѣ ожидать отъ В. Г. Короленка.

Д. Овсянико-Куликовскій.

ЗВѢЗДНЫЯ ПѢСНИ

I.

Созвѣздіе Лиры.

Въ созвѣздіяхъ горняго міра
    Полночною тихой порой
Нетлѣнная Звѣздная Лира
    Горитъ надъ уснувшей землей.

Въ полуночной мглѣ безконечной,
    Въ безмолвьи пространства и лѣтъ
Мелодіей дивной и вѣчной
    Звучитъ въ небесахъ ея свѣтъ.

И если отъ дѣтства прекрасно
    Осталось сознанье твое,
Аккорды услышишь ты ясно,
    Какъ только увидишь ее.

Но съ музыкой горняго свѣта
    Останется тотъ незнакомъ,
Чья тусклая жизнь не согрѣта
    Любви беззавѣтной огнемъ.

Пусть внемлютъ созвѣздію ясно
    И горы, и рѣки, и лѣсъ, —
Все будетъ онъ слушать напрасно
    Мелодію вѣчныхъ небесъ.

II.

Передъ дождемъ [1]).

Надо, милая, домой
Намъ бѣжать скорѣе,
Вонъ восходитъ надъ рѣкой
Урна Водолея!

Тучи тянутся на лѣсъ,
Грозны и велики,
И спускаются съ небесъ
Кудри Вереники.

Вѣрно, что-то у людей
Глупое случилось:
Покраснѣвши до ушей,
Солнце закатилось,

И мигаютъ мнѣ какъ разъ
Звѣздочки Цефея,
Что у Зевса противъ насъ
Скверная затѣя!

III.

Сиріусъ.

Около самой яркой звѣзды нашего неба находится невидимая простымъ глазомъ звѣздочка, явно притягивающая его.

Надъ землей морозъ трескучій,
Снѣгъ бѣлѣетъ на поляхъ,
Ярко Сиріусъ могучій
Блещетъ въ зимнихъ небесахъ.

Полонъ звѣзднымъ обаяньемъ
Близъ него небесъ просторъ,

---

[1]) Изъ упоминаемыхъ здѣсь созвѣздій, Цефей отличается мелкими звѣздами, а „Волосы Вереники" спускаются къ горизонту, когда восходитъ Водолей и его Урна.

Но лишь онъ своимъ сверканьемъ
Приковалъ твой ясный взоръ.

Такъ узнай же, другъ мой милый,
Ты легенду дальнихъ странъ,
Почему съ такою силой
Свѣтитъ яркій великанъ?

Въ глубинѣ пространства темной
Ходитъ много звѣздныхъ паръ,
Въ ней и Сиріусъ огромный
Скованъ властью тайныхъ чаръ.

Мчатся тамъ въ рояхъ несмѣтныхъ,
Въ вихряхъ блещущихъ свѣтилъ,
Много звѣздъ едва замѣтныхъ,
Что полны волшебныхъ силъ.

Къ милой звѣздочкѣ прекрасной,
Что чуть свѣтитъ сквозь туманъ,
Ужъ давно любовью страстной
Полонъ звѣздный великанъ,

Ужъ давно онъ въ ней находитъ
Счастье лучшее свое,
Съ ней, кружась, онъ въ небѣ ходитъ
И сіяетъ для нея,

Ей лучистыя признанья
Въ небѣ шлетъ онъ вновь и вновь,
И горитъ въ его мерцаньи
Сердца звѣзднаго любовь!

Николай Морозовъ.

Іюль 1910 г.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ
КОСТОМАРОВЪ

Изъ воспоминаній А. Л. Костомаровой *).

(Окончаніе.)

Мать моя, проводившая всегда лѣто въ Дѣдовцахъ, любя общество и развлеченія, часто ѣздила къ нашимъ общимъ друзьямъ Тарновскимъ (въ ихъ пышную Каченовку, отстоящую въ 30-ти верстахъ отъ Дѣдовецъ) и брала туда съ собой для развлеченія старшую мою дочь, 15-ти-лѣтнюю Юлію. Онѣ уѣхали туда въ половинѣ іюля. Я просила мать возвратиться съ моей дѣвочкой въ Дѣдовцы, какъ только я пришлю за ними экипажъ.

Моей Юліи оставался всего одинъ годъ до окончанія курса въ кіевскомъ институтѣ; ее уволили на каникулы только потому, что въ Кіевѣ въ то лѣто была холера и начальство заблагоразсудило распустить на каникулы всѣхъ воспитанницъ, не исключая и тѣхъ, которыя были „на выпускѣ" и обыкновенно оставались въ институтѣ для вящшей подготовки къ выпуску. Младшей дочери, Софіи, которой было около одиннадцати лѣтъ, предстояло держать вступительный экзаменъ въ кіевскій институтъ, куда я имѣла намѣреніе помѣстить ее, такъ какъ на поданное мною прошеніе о принятіи ея на казенный счетъ я не получила никакого отвѣта изъ Петербурга отъ принца Ольденбургскаго, управлявшаго тогда IV-мъ отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріей и завѣдывавшаго институтами имперіи.

*) См. августъ, стр. 45.

Время для вступительнаго экзамена моей Сонюты было назначено на 8—10-ое августа. Ближайшая къ Дѣдовцамъ желѣзно-дорожная станція была въ 70-ти верстахъ. Это былъ гор. Нѣжинъ. Я послала въ Каченовку экипажъ 1-го августа, желая, чтобы 2-ое число, день рожденія моей матери, она провела со мной и съ внучатами; притомъ для матери и для моей юной Юліи требовался отдыхъ послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Каченовкѣ, гдѣ всегда бывали массы гостей и шумныя развлеченія.

Въ запискѣ къ матери я просила не опаздывать, и моя просьба была исполнена: поздно вечеромъ 1-го августа бабушка и внучка возвратились въ Дѣдовцы. Мы стали собираться къ отъѣзду въ Кіевъ. 4-го августа назначенъ былъ отъѣздъ мой съ дѣтьми изъ Дѣдовецъ въ Нѣжинъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда съ ночнымъ поѣздомъ попасть въ Кіевъ рано утромъ 5-го числа; 6-е число назначалось для отдыха и совѣта съ врачами, 7-го справка въ институтѣ, въ которомъ часу 8-го явиться въ институтъ съ вступающею туда моей дѣвочкой.

Съ разсвѣтомъ 4-го августа я стала будить своихъ дѣвочекъ, такъ какъ при поѣздкѣ 70-ти верстъ на долгихъ, съ кормленіемъ лошадей на полупути и съ моими недугами едва къ вечеру можно было доплестись въ Нѣжинъ, выѣхавъ очень рано утромъ. Не хотѣлось моимъ дочкамъ вставать такъ рано: едва отзовутся на мой окликъ—и опять спятъ! Я и порѣшила заинтересовать ихъ моимъ замѣчательнымъ сновидѣніемъ.

„Вставайте же, дѣтки, я разскажу вамъ очень интересный сегодняшній сонъ мой!

— А, ну, разсказывай, мамуля!—привставши на своихъ постеляхъ, говорили дѣвочки, протирая свои глаза.

„Я видѣла, что мы пріѣхали въ Кіевъ и тамъ, въ квартиру бабушки, явилась ко мнѣ какая-то госпожа въ шляпкѣ съ цвѣтами и перьями, но не успѣла она посторониться, какъ явился Костомаровъ...“

— А! Костомаровъ! Разсказывай дальше, мама!

И обѣ дѣвочки мои окончательно проснулись. Онѣ знали отъ меня о несбывшемся нашемъ съ нимъ соединеніи, видѣли его сочиненія и карточки, слышали о немъ.

„Вотъ вошелъ Костомаровъ, старый и сѣдой, какъ разсказывалъ о немъ въ прошломъ году Троцкій,—былъ очень тронутъ нежданной встрѣчей со мной, а затѣмъ я спросила его,—здорова ли его матушка, и онъ отвѣтилъ: „здорова, слава Богу!“

— Ну, что же дальше, мамуля, разсказывай!

„Ничего дальше не было, потому что я проснулась. Нужно вставать и въ путь!“

Около 7-ми часовъ утра мы простились съ моею матерью и уѣхали. Мать оставалась у меня въ Дѣдовцахъ, желая подольше пользоваться лѣтнимъ деревенскимъ воздухомъ. Она возвращалась въ Кіевъ обыкновенно около 1-го октября.

Мы пріѣхали въ Кіевъ утромъ 5-го августа. По пути съ вокзала старшая дочь моя, увидѣвши, что я раскланиваюсь съ одной изъ моихъ знакомыхъ, сказала, что ужъ не эту ли госпожу я видѣла во снѣ въ послѣднюю ночь въ Дѣдовцахъ: вѣдь и у этой дамы на шляпкѣ цвѣты и перья. Я отвѣтила, что не надо придавать значенія сновидѣніямъ, притомъ же то была незнакомая мнѣ госпожа, а эту я хорошо знаю и помню.

Мы пріѣхали въ квартиру моей матери (на Фундуклеевской ул., въ д. діакона Протопопова); насъ встрѣтила старая слуга матери, быстро изготовила самоваръ и напоила чаемъ. Кто-то сильно позвонилъ въ колокольчикъ у подъѣзда. Лизавета пошла открывать дверь, а я кое-какъ добрела до выходной галлереи, любопытствуя узнать, кто бы могъ явиться такъ рано въ квартиру отсутствующей хозяйки. Я увидала входящую незнакомую „госпожу въ шляпѣ съ цвѣтами и перьями“ и не успѣла осмотрѣться, какъ эта вошедшая воскликнула: „сестра! Алиночка! ты не узнаешь меня!“

Только по голосу ея я узнала сестру, съ которой не видалась 12 лѣтъ и которая, также по причинѣ болѣзней, страшно измѣнилась въ лицѣ. Мы обѣ много пережили и утратили силъ и здоровья раньше времени...

Обѣ мы были очень тронуты. Она проживала съ своей семьей въ Москвѣ и теперь, направляясь въ Севастополь для морскихъ ваннъ, заѣхала въ Кіевъ повидаться съ матерью и со мною. Желая подкрѣпить силы сестры завтракомъ, я послала Лизавету принести его изъ сосѣдней гостинницы. Лишь только мы усѣлись за завтракъ, какъ новый и болѣе энергичный звонокъ заставилъ меня вздрогнуть. Лизавета пошла открыть дверь и черезъ нѣсколько минутъ вошла къ намъ и подала мнѣ письмо. Я взволновалась. Почеркъ адреса былъ незнакомый. Сама не знаю почему, я не вскрывала письма и распрашивала Лизавету — кто подалъ письмо и отъ кого?

— Не знаю отъ кого—былъ отвѣтъ,—а подалъ его баринъ высокій, плотный, чернявый, въ очкахъ, спросилъ, пріѣхали ли вы изъ деревни и когда?

Я вскрыла странное письмо и, посмотрѣвъ на неразборчивую

подпись, сказала сестрѣ и дѣтямъ, что когда узнаю суть письма, тогда и догадаюсь о его авторѣ. Читаю громко: „Случайно я услыхалъ о Васъ. Мы были когда-то очень близки другъ другу"... Я изумилась и, шутя, обратилась къ моимъ дѣтямъ съ вопросомъ: „Къ кому это была я такъ близка?" Дѣти въ одинъ голосъ отвѣтили: „Это, мамочка, пишетъ никто другой, какъ Костомаровъ! Читай дальше! Посмотри еще разъ подпись! Разумѣется, Костомаровъ! Читай, читай, мама!"

Волненіе охватило меня—и я не въ силахъ была уже читать вслухъ, а, прочтя письмо про себя, отдала его дѣтямъ. Мигомъ онѣ прочли его и заговорили: „Мама, нуженъ отвѣтъ! Пиши сейчасъ! Вотъ здѣсь у бабушки въ письменномъ столѣ всегда есть бумага, вотъ перо и чернила! Пиши!"

— Я сейчасъ отвезу письмо твое по указанному адресу—прибавилъ мой сынъ, которому тогда было 17 лѣтъ.

Да, это дѣйствительно было письмо Николая Ивановича! Онъ писалъ: „Случайно я услыхалъ объ Васъ. Мы были когда-то очень близки другъ другу, тому уже болѣе 26-ти лѣтъ назадъ. Горькая судьба насъ разлучила. Но ни Вы не были виновны противъ меня, ни я противъ Васъ. Мы можемъ встрѣтиться въ этомъ мірѣ, хотя уже въ старости, безъ малѣйшихъ упрековъ другъ другу за прожитое, съ полнымъ уваженіемъ другъ къ другу. Я уѣзжаю изъ Кіева, гдѣ былъ недолго. Если Вы, вспомнивши Вашу молодость, нашли бы для себя не противнымъ повидаться со мною, то я Вамъ скажу, что для меня это было бы величайшимъ удовольствіемъ, и въ такомъ случаѣ напишите ко мнѣ двѣ-три строки, а письмо адресуйте въ Кіевъ, на углу Жилянской и Кузнечной улицъ, профессору университета Владиміру Вонифатіевичу Антоновичу съ передачею Николаю Ивановичу Костомарову, до 8-го августа, а послѣ 8-го августа—въ С.-Петербургъ, Вас. Островъ, IX линія, д. № 4, кв. № 5. Глубокоуважающій Васъ Николай Костомаровъ. Августа 4-го. 1873 г. Кіевъ".

Я отвѣтила, что душевно рада повидаться съ Николаемъ Ивановичемъ и прошу его пріѣхать къ вечернему чаю, такъ какъ я не совсѣмъ здорова, очень утомлена отъ переѣзда изъ деревни и мнѣ нуженъ отдыхъ. Мой сынъ отвезъ это письмо въ квартиру В. Б. Антоновича, но не засталъ никого дома и отдалъ письмо прислугѣ.

Вечеромъ стали мы поджидать дорогого гостя. Выпили чай, смерклось, а Ник. Ив. все нѣтъ. Думалось—не получилъ еще моей отвѣтной записки... Вдругъ, около 9-ти часовъ вечера зво-

нокъ. Быстро входитъ Н. И. Плохо владѣя ногой, я съ трудомъ двинулась ему на встрѣчу и дружески протянула руку. Никол. Ив. буквально припалъ къ моей рукѣ, и плакалъ навзрыдъ, какъ ребенокъ. Мои дѣти такъ были тронуты, что поторопились уйти въ другую комнату, чтобы скрыть свое волненіе и слезы. Видъ потрясеннаго дорогого старика и грусть о прошломъ налегли на меня тяжелымъ гнетомъ: сжались сердце и грудь, но я не проронила ни слезинки и только упавшимъ голосомъ сказала Николаю Ивановичу, усаживая его въ кресло: „Что дѣлать! Жизнь ушла! Никакими слезами не вернешь прошлаго!"

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Мы созерцали другъ друга. Оправившись немного отъ волненія, Н. И. сказалъ:

„Твои дѣти ушли отсюда; познакомь меня съ ними."

Всѣ трое вошли и усѣлись возлѣ насъ. Никол. Ив. пристально всматривался въ нихъ.

„Какъ ихъ зовутъ, какъ по отчеству, сколько лѣтъ каждому изъ нихъ"—были вопросы. Младшую дочь мою, Соню, Н. И. привлекъ къ себѣ, но былъ очень ласковъ и съ другими моими дѣтьми.

Я спросила Н. И. о составѣ его семьи. Онъ отвѣтилъ, что у него не было ни жены, ни дѣтей; онъ одинокъ.

— А матушка ваша здорова?—спросила я, сама не знаю почему, прерывистымъ голосомъ, словно что-то обязывало меня задать такой вопросъ, который могъ и взволновать Ник. Ив., еслибы матушки не было уже въ живыхъ.

Когда онъ отвѣтилъ мнѣ: „здорова, слава Богу!", меня охватилъ нервный ознобъ—я дрожала какъ въ лихорадкѣ. Невольно мнѣ припомнилось, что и самый вопросъ о матушкѣ, и отвѣтъ Ник. Ив., и нежданная встрѣча моя того дня сначала съ сестрой, потомъ съ Н. И.—все это словно предсказано было мнѣ въ сновидѣніи, въ послѣднюю ночь въ Дѣдовцахъ. Я сказала дочерямъ: „я хочу успокоиться, а вы разскажите Никол. Ив. въ точности, какъ описаніемъ вамъ моего сна я заставила васъ встать рано, чтобы собираться въ путь". Дѣвочки разсказали. Н. Ив. молчалъ.

Когда наше общее волненіе улеглось нѣсколько, мы вспомнили о чаѣ и пили его съ Н. И. въ 10 час., признавшись ему, что по деревенскому обычаю нашъ чай былъ сервированъ въ 7 час. и мы тогда поджидали его пріѣзда. Н. И. объяснилъ намъ, что пріѣхалъ къ 9-ти часамъ потому, что это у петербуржца самое раннее время для вечерняго чая. „Притомъ,—говорилъ онъ,—днемъ я ѣздилъ по Кіеву, любуясь его мѣстоположеніемъ и

удивляясь, какъ разросся и измѣнился городъ за четверть вѣка, а вечеромъ проѣхалъ въ университетъ, гдѣ происходило предварительное засѣданіе членовъ предстоявшаго въ 1874-мъ году археологическаго съѣзда". Среди чтенія програмы проектировавшихся занятій съѣзда подали Ник. Ив. мою отвѣтную записку. Едва взглянувъ на конвертъ съ адресомъ моей руки, онъ быстро сталъ раскланиваться съ окружающими и, какъ многимъ уже было извѣстно, что онъ разыскиваетъ меня, то, узнавши объ этомъ, М. В. Юзефовичъ произнесъ: „Какое такое billet doux отвлекаетъ нашего историка отъ ученаго засѣданія?" Но... Н. И. было не до шутокъ и онъ поѣхалъ ко мнѣ. Спокойное, благодушное настроеніе, замѣняя волненіе, понемногу овладѣло Никол. Ив. Онъ шутилъ съ моими дѣтьми, казался веселымъ. Прощаясь съ ними, перецѣловалъ ихъ, а обращаясь ко мнѣ, внезапно и громко произнесъ: „Пойдемъ завтра вѣнчаться, Алина Леонтьевна!"

Я невольно засмѣялась и отвѣтила:—Да вѣдь завтра 6-е августа—Преображеніе Господне и успенскій постъ! Мнѣ нуженъ докторъ: куда мнѣ ужъ вѣнчаться!—Николай Ив. пытливо глядѣлъ мнѣ въ упоръ нѣсколько времени молча, потомъ сказалъ: „Ахъ, да! Я позабылъ. А прокатиться всѣмъ намъ завтра въ открытой коляскѣ можно? Погода превосходная".

— Разумѣется можно, поѣдемъ.

По желанію Ник. Ив. мы ѣздили вечеромъ 6-го августа по городу и преимущественно по такимъ его частямъ, съ которыми у Ник. Ив. соединялись воспоминанія о давно минувшемъ времени; заѣхали въ лавру и тамъ сначала зашли въ церковь для поклоненія издревле чтимой чудотворной иконѣ Успенія Пресв. Богородицы,—потомъ прошли къ могиламъ Кочубея и Искры; тамъ Ник. Ив. прочиталъ эпитафіи. Затѣмъ мы поѣхали по другимъ частямъ города и къ 9-ти часамъ были уже дома, за чайнымъ столомъ, а на слѣдующій день простились надолго, такъ какъ литературныя дѣла требовали возвращенія Ник. Ив. въ Петербургъ. Оттуда, не медля, по своемъ пріѣздѣ онъ писалъ мнѣ (10-го августа 1873 г.): „Безцѣнная Алина Леонтьевна, мой незамѣнимый, вѣрный другъ, старый другъ, который лучше новыхъ ста двухъ!

„Я пріѣхалъ благополучно въ Питеръ и немедленно посылаю тебѣ мою карточку. Пришли мнѣ поскорѣе свою и своихъ дѣтей. О судьбѣ своего новаго сочиненія я не знаю, потому что оно отослано по напечатаніи въ цензуру (безъ меня его поло-

жили въ долгій ящикъ) лишь недавно, гдѣ, по закону, должно пробыть восемь дней.

Мнѣ, мой другъ, очень грустно: я нашелъ тебя, какъ будто для того, чтобы потерять снова. Если бы мы жили въ одномъ и томъ же городѣ, напр. я въ Кіевѣ, или ты въ Петербургѣ, я бы примирился съ печальною невозможностью соединиться съ тобою бракомъ: я бы, по крайней мѣрѣ, могъ часто видѣть тебя и быть тебѣ во всякое время полезнымъ, но теперь, не смотря на желѣзныя дороги и телеграфы, все-таки насъ раздѣляетъ большое пространство. Бога ради, займись своимъ здоровьемъ, посовѣтуйся съ эскулапами основательно, дай имъ возможность осмотрѣть тебя такъ, чтобы они могли не гадательно, а научнымъ путемъ рѣшить вопросъ о будущемъ твоемъ здоровьѣ. Напиши мнѣ, пожалуйста, объ этомъ скоро. Тысячу разъ цѣлую тебя, моя вѣчно дорогая, незамѣнимая Алина, цѣлую милыхъ, прекрасныхъ дѣтей твоихъ.

Матушка моя усердно тебѣ кланяется.

Твой навсегда: *Н. Костомаровъ.*

Августа 10, 1873.
СПБ. В. О., IX л., д. № 4, кв. 5".

Я привела цѣликомъ эти два первыхъ письма ко мнѣ Николая Ивановича, чтобы дать этимъ нѣкоторый матеріалъ для сужденія о томъ душевномъ состояніи, въ которомъ онъ находился въ то время. Между нами возникла оживленная переписка. Если почему-либо Николаю Ивановичу казалось, что я не тороплюсь отвѣтомъ на его письмо, онъ спрашивалъ меня телеграммой: не ухудшилось ли состояніе моего здоровья и не пріѣхать ли ему въ Рождественскіе праздники навѣстить меня въ Дѣдовцахъ. Я отвѣчала, что дальняя поѣздка въ зимнюю пору не полезна ему, я же больше проживаю въ Кіевѣ для леченія и нахожусь на попеченіи моей матери, а Рождественскія святки обязательно проведу въ Кіевѣ съ моими дѣтьми, послѣ чего переѣду, въ половинѣ января, въ Дѣдовцы, гдѣ и буду ждать весны: тогда, во второй половинѣ апрѣля, буду поджидать пріѣзда ко мнѣ моего стараго друга, Николая Ивановича. Онъ отвѣчалъ, что вполнѣ подчиняется моей волѣ и пріѣдетъ *непремѣнно* въ апрѣлѣ.

О моей неожиданной встрѣчѣ съ Н. И. я написала моей матери въ Дѣдовцы, гдѣ она, по обычаю, проживала до октября, когда находила деревню уже скучною, и переѣзжала въ Кіевъ на зиму. Мать моя отвѣтила мнѣ сдержанно и выразила удовольствіе по поводу этой встрѣчи, но при свиданіи со мной не

выдержала, чтобы не сказать мнѣ: „Что-жъ? почему же теперь ты за него не выходишь? Никто не помѣшалъ бы вашему браку“. Я отвѣтила:—Какой бракъ нуженъ старикамъ! Возможна дружба. При немъ есть старый другъ—его мать... у меня трое недорослыхъ дѣтей...

По возвращеніи въ Дѣдовцы я получила изъ прилукской почтовой конторы повѣстку на посылку. Это была книга „Imitation de Jésus Christ“ Ѳомы Кемпійскаго, подаренная мнѣ Н. И. 26 лѣтъ тому назадъ. Ее прислала мнѣ дорогая моя старушка С. К. Каленіусъ, съ приложеніемъ такой записки: „Я дождалась времени, когда ты можешь взглянуть на сбереженную мною книгу безъ душевной боли — и возвращаю ее тебѣ“. Ясно, что кто-то изъ кіевлянъ написалъ ей въ деревню о моей встрѣчѣ съ Н. И.

Продолжительное зимнее леченіе принесло мнѣ большую пользу. Я смѣло могла уже дѣлать поѣздки по моимъ дѣламъ и къ пріѣзду Николая Ивановича двинулась ему на встрѣчу въ экипажѣ до станціи „Нѣжинъ“, куда онъ просилъ меня выслать лошадей для слѣдованія въ Дѣдовцы. Н. И. былъ очень тронутъ, увидѣвши меня при выходѣ своемъ изъ вагона. Изъ того, что я прокатилась 70 верстъ въ коляскѣ навстрѣчу старому другу, онъ заключилъ, что здоровье мое значительно улучшилось, и понялъ, что я дорожила временемъ, которое могла провести съ нимъ въ пути, который ему предстояло совершить въ одиночествѣ.

Мы поѣхали съ нимъ по большой почтовой дорогѣ. Воздухъ былъ дивный, и хотя путь отъ Нѣжина до нашего городка Прилуки и затѣмъ до Дѣдовецъ не представлялъ никакихъ особыхъ прелестей по мѣстоположенію, но весна, съ ея оживляющимъ вліяніемъ, способствовала радужному настроенію Н. И. Онъ радостно привѣтствовалъ попадавшихся намъ навстрѣчу поселянъ, съ восхищеніемъ глядѣлъ на производившіяся волами полевыя работы, закидывая меня вопросами о сельской жизни, о народныхъ обычаяхъ настоящаго времени.

Пріѣхали мы въ Дѣдовцы. Николай Ивановичъ, войдя въ домъ, увидѣлъ раскрытыя на балконъ двери и, выйдя на него, пришелъ въ восхищеніе отъ прелестнаго, открывшагося передъ нимъ вида.

Балконъ возвышался надъ обширнымъ цвѣтникомъ, дальше по уклону сада полоса низкорослыхъ деревьевъ и кустарниковъ, опушенныхъ едва развивающеюся свѣжею зеленью листвы и прикрывавшихъ собою только-что вспаханную пологую табачную плантацію, а за нею группа крестьянскихъ хатъ у подножья

горъ, разрѣзанная кое-гдѣ оврагами. По склонамъ горъ зеленѣли лѣсныя заросли, а на вершинахъ вырисовывались на горизонтѣ то тамъ, то сямъ крылья малороссійскихъ вѣтряныхъ мельницъ.

Воздухъ оглашался пѣніемъ множества соловьевъ, а имъ какъ бы вторили мелодичныя пѣсни сельской молодежи, справлявшей на „улицѣ" весенній праздникъ природы. Восторгъ Николая Ивановича не поддается моему описанію. Слезы блистали у него на глазахъ и, послѣ продолжительнаго молчанія, онъ сказалъ:

„Господи! какъ хорошо здѣсь! Чуть не 30 лѣтъ я былъ лишенъ наслажденія, которымъ пользуюсь теперь, да еще у Алины"!

Послѣ вечерняго чая Н. И. снова вышелъ на балконъ и любовался звѣзднымъ небомъ, снова восхищался пѣніемъ крестьянской молодежи и такъ до времени отхода ко сну, когда я, придя на балконъ, чтобы проститься съ нимъ, замѣтила, что, стоя въ раздумьи, онъ молится.

Я сказала ему: „Ты, попрежнему, набожень"...

— Храмъ здѣсь величественъ!—отвѣтилъ онъ, указывая на небесный сводъ, усѣянный звѣздами.

Цѣлый мѣсяцъ прогостилъ у меня Н. И. Было о чемъ побесѣдовать намъ послѣ 26-лѣтней разлуки... Добрая и дорогая сосѣдка моя Марья Петровна Совченко, женщина весьма развитая, пришлась по душѣ моему гостю и онъ держалъ себя въ ея обществѣ такъ, какъ будто былъ давно дружески знакомъ съ нею.

Все-таки были вопросы, которыхъ мы не касались при комъ бы то ни было. Главнѣйшимъ изъ нихъ было разъясненіе причинъ, доведшихъ насъ до разрыва въ давнее тяжкое время, когда судьбѣ угодно было разлучить насъ.

„Я очень успокоенъ тѣмъ, что, какъ ты говоришь, матушка твоя не пріѣдетъ сюда нынѣшнимъ лѣтомъ. Я не питаю вражды къ ней, но я не могъ бы отвѣчать за себя — и кто знаетъ, до какого душевнаго состоянія довела бы меня встрѣча съ нею! Иное дѣло встрѣча съ тобой, а иное — съ твоей матушкой. Если бы она привезла тебя ко мнѣ въ Саратовъ, какъ я просилъ ее объ этомъ по прибытіи туда изъ годового моего заключенія въ Петропавловской крѣпости, она имѣла бы во мнѣ лучшаго своего друга до конца моихъ дней; но она не только не сдѣлала этого, не только медлила отвѣтомъ на мое письмо, въ которомъ я посылалъ ей банковый билетъ на сумму, необходимую для путешествія, а еще, возвращая мнѣ эти деньги, отвѣтъ

свой преисполнила оскорбленіями, задѣвая и мать мою своими уколами по части ея мужицкаго происхожденія. Затѣмъ, могу ли забыть потерянную счастливую семейную жизнь! Простить можно и должно. Съ лѣтами я понялъ, что матушка твоя—настоящая дочь Рѣчи Посполитой, почему и не могла помириться съ мыслью отдать дочь за человѣка, о происхожденіи котораго заранѣе не справлялась, а потомъ узнала, что оно „низкое и срамное", какъ она выражалась въ своихъ письмахъ ко мнѣ. Да! Я простилъ ей мое потерянное счастье, но забыть объ этомъ нельзя—и кажется мнѣ, что я имѣю право просить тебя не вынуждать меня встрѣчаться съ А. У."

Н. И. говорилъ это съ такимъ волненіемъ, что я поспѣшила успокоить его обѣщаніемъ не навязывать ему того, что бередитъ его сердце. Но разъ начавши рѣчь о своемъ происхожденіи, онъ призналъ за собой вину въ той непроницательности, по причинѣ которой онъ не составилъ себѣ понятія о мнѣніи моей матери относительно того, на чемъ должно было основываться семейное счастье ея дочери: ему слѣдовало прежде всего, при первомъ же знакомствѣ или даже при первомъ ея приглашеніи (въ Одессѣ) посѣщать насъ въ Кіевѣ, заявить ей, что дочери ея знакомы съ нимъ по пансіону, какъ съ наставникомъ, а разъ ихъ родители желаютъ принимать молодого человѣка, ихъ бывшаго учителя, въ своемъ домѣ, то, судя по кругозору хозяйки дома, этотъ учитель, почувствовавшій симпатію къ одной изъ ея дочерей, долженъ былъ еще въ Одессѣ же сказать ей, что онъ—служитель науки, адъюнктъ-профессоръ университета, коллежскій ассесоръ и дворянинъ *только* по своему чину. Наконецъ, испрашивая у нея руку дочери, онъ долженъ былъ повторить то же самое и даже съ добавленіемъ подробностей о своемъ происхожденіи. Вотъ тогда или послѣдовалъ бы отказъ такому худородному жениху, или, еслибы послѣдовало согласіе на бракъ съ нимъ ея дочери, то послѣ его ареста и ссылки не было бы и правъ для разговоровъ съ дочерью и для переписки съ женихомъ о его низкомъ происхожденіи.

— Оттого не легче, — возразила я,—что однимъ пунктомъ для твоего обвиненія было бы меньше: оставались бы другіе, какъ, напримѣръ, наше невѣдѣніе о твоей политической дѣятельности, подвергавшей опасности твою „карьеру", а съ нею и будущность твоей семьи. „Открылись" и твои болѣзни, и неспокойные характеры твой и твоей матушки. Однимъ словомъ, причинъ для разлада между моей матерью и твоей семьей было вдоволь—и лучше не вспоминать о *горькой* нашей судьбинѣ.

Отъ времени до времени Н. И. заводилъ рѣчь о давно минувшемъ. Такъ, разсказалъ онъ мнѣ о себѣ многое, начиная отъ своего дѣтскаго возраста,—который онъ считалъ счастливымъ только до кончины своего отца, убитаго въ своемъ лѣсу своими крестьянами. Кромѣ того, что изложено о дѣтствѣ Н. И. въ его автобіографіи (см. сборникъ „Литературное Наслѣдіе", 1890 г.), могу сообщить слѣдующее:

Н. И. росъ въ домѣ своихъ родителей, не испытывая ничего, кромѣ родительскихъ ласкъ и радостнаго настроенія. Мать была занята домашнимъ хозяйствомъ, отецъ много читалъ и мальчику также страстно хотѣлось читать. Неудивительно поэтому, что даровитый мальчикъ выучился читать въ очень короткое время и это приводило въ восхищеніе его отца.

„Ты у меня умница",—говаривалъ онъ,—„и честный мальчикъ. Терпѣть не могу лгунишекъ—и если ты хоть разъ солжешь, то я тебѣ не отецъ, а ты мнѣ не сынъ!" Эти изреченія отца Н. И. истолковывалъ тѣмъ, что узналъ впослѣдствіи о супружеской жизни своей матери. Взятая изъ московскаго дѣвичьяго пансіона, куда отдавалъ ее Иванъ Петровичъ Костомаровъ, ея помѣщикъ, она, какъ подневольная дѣвушка, была помѣщена въ его домѣ и должна была подчиниться его барской волѣ... Когда беременность ея стала явною, Ивану Петровичу его лакеи трубили въ уши, что одинъ Господь вѣдаетъ, чей будетъ у нея ребенокъ... Однако, Иванъ Петровичъ не прогналъ „Таню" отъ себя, хотя и держалъ ее въ почтительномъ отъ себя отдаленіи. Она занимала въ домѣ двѣ комнаты и жила въ нихъ одиноко со своимъ груднымъ „Николаемъ". Иногда Иванъ Петровичъ входилъ въ ея отдѣленіе полюбоваться на мальчика, но она не входила въ другія комнаты безъ особаго призыва. Когда мальчикъ сталъ ходить и бѣгать, ему было дозволено открывать дверь изъ материнской спальной въ большой залъ. Тамъ отецъ игралъ съ нимъ и представлялъ его своимъ родственникамъ и знакомымъ, изрѣдка посѣщавшимъ Ивана Петровича, около этого времени обвѣнчавшагося со своей „Таней".

— Вотъ мой сынъ и наслѣдникъ,—говаривалъ онъ своимъ племянникамъ Ровневымъ и пріятелю сосѣду Станкевичу, — а вотъ и жена моя, Татьяна Петровна. Рекомендую!—При подобныхъ представленіяхъ онъ вызывалъ жену свою изъ ея комнатъ, куда она вслѣдъ за тѣмъ торопливо уходила, видя озлобленные взгляды племянниковъ, имѣвшихъ законное право наслѣдованія въ родовомъ имѣніи послѣ дяди, остававшагося старымъ холостякомъ и вдругъ обзаведшагося законной женой и незаконно-

рожденнымъ сыномъ, объ усыновленіи котораго собирался ходатайствовать передъ Государемъ. Иванъ Петровичъ имѣлъ неосторожность говорить всѣмъ и каждому о предстоящей поѣздкѣ его въ Петербургъ по дѣлу усыновленія сына Николая, а крестьянамъ своимъ и въ особенности своей многочисленной дворнѣ то и дѣло твердилъ: „берегите вашего барчука, моего Николая, и угождайте ему во всемъ!"

Мальчику очень нравились поѣздки съ отцомъ по лѣсамъ, которыхъ въ то время было обиліе въ имѣніи Ивана Петровича при селѣ Юрасовкѣ, мѣстѣ жительства его. Николай былъ отвезенъ отцомъ въ Москву и помѣщенъ въ мужской пансіонъ Ге, гдѣ въ продолженіе годичнаго своего пребыванія мальчикъ приводилъ въ изумленіе своихъ учителей богатствомъ своихъ способностей по отношенію ко всѣмъ наукамъ. Привезя къ себѣ на каникулы сына изъ пансіона, Иванъ Петровичъ болѣе прежняго приходилъ въ восхищеніе отъ даровитости его, чаще прежняго возилъ его по лѣсамъ и твердилъ ему при кучерахъ своихъ и лакеяхъ: „Поѣдемъ, Николай, обозрѣвать твои лѣса". Наконецъ, всякому встрѣчному онъ говорилъ: „откладывать больше не стану, отвезу съ каникулъ Николая въ пансіонъ, а самъ направлюсь изъ Москвы въ Петербургъ для усыновленія моего дорогого мальчика".

И вотъ однажды, садясь въ тарантасикъ для такой поѣздки по лѣсамъ, Иванъ Петровичъ крикнулъ сыну, игравшему во дворѣ: „Садись, Николай, поѣдемъ въ лѣсъ".

— Я не поѣду сегодня въ лѣсъ, папенька, буду стрѣлять изъ лука!

„Стрѣляй, а я поѣду" — и уѣхалъ въ лѣсъ, откуда не суждено было ему вернуться.

Иванъ Петровичъ былъ убитъ въ лѣсу своими крестьянами. Безпокойно ждала его къ ужину Татьяна Петровна. Съ наступленіемъ сумерекъ прибѣжалъ къ ней кучеръ, возившій своего барина въ лѣсъ, и объявилъ съ притворнымъ ужасомъ, что лошади испугались чего-то въ лѣсу, понесли, его, кучера, толчкомъ тарантаса о пни деревъ вышвырнули, а барина потомъ опрокинули и такъ разбили ему голову, что кровь струится, а самъ онъ безъ чувствъ. Татьяна Петровна тотчасъ съ сыномъ поѣхала въ указанный лѣсъ и, не заставши мужа въ живыхъ, вернулась ночью домой. Въ ея отсутствіе была похищена изъ кабинета Ивана Петровича шкатулка съ большими по тому времени деньгами.

Пріѣзжалъ исправникъ, было произведено слѣдствіе по по-

воду трагической кончины Ивана Петровича, но никакихъ слѣдовъ преступленія не обнаружено и убійцы остались ненаказанными, а жизнь вдовы и сына Ивана Петровича потекла инымъ, тернистымъ путемъ. Пріѣхали въ Юрасовку законные наслѣдники покойнаго, его племянники Ровневы, и объявили Татьянѣ Петровнѣ, что сынъ ея Николай, какъ рожденный до брака ея съ Иваномъ Петровичемъ, состоялъ по закону его крѣпостнымъ и теперь поступитъ во владѣніе одного изъ новыхъ владѣльцевъ.

Одинъ изъ Ровневыхъ назначилъ его себѣ въ „казачки", чтобы со временемъ сдѣлать себѣ изъ него лакея и, потѣшаясь надъ разбитымъ барствомъ мальчика, повелѣлъ ему быть на „своемъ мѣстѣ, въ прихожей". Бѣдный мальчикъ не зналъ о своемъ „незаконномъ" рожденіи, не понималъ, почему онъ изъ барчука превращается въ „казачка" и, разумѣется, возмущался. Его усмиряли угрозами, обѣщали сѣчь, а лакеи, злорадствуя, говорили ему: „Полно барствовать, Николашка,—ты вѣдь такой же холопъ, какъ и мы"!

Татьяна Петровна растерялась и только тогда поняла, въ чемъ дѣло, когда новые владѣльцы предложили ей не мечтать о выдѣлѣ ей законной вдовьей доли имущества, а совѣтовали взять то, что̀ ей дадутъ: при такомъ условіи участь ея можетъ быть облегчена!

Одинъ изъ Ровневыхъ кричалъ: „Не отпущу мальчика на волю, поверну его въ лакеи: пусть будетъ на своемъ мѣстѣ!" Другой изъ братьевъ Ровневыхъ говорилъ: „Оставь, братъ, не мсти ребенку, да и за что? Вѣдь онъ не отниметъ у насъ имѣній дяди; мы должны, въ память дяди, дать волю мальчику, котораго онъ такъ горячо любилъ, и если мы этого не сдѣлаемъ—великій грѣхъ сотворимъ"!

У покойнаго Ивана Петровича было небольшое число крѣпостныхъ, какъ кажется, около 300 человѣкъ, но въ помѣстьяхъ его состояло 14.000 десятинъ прекрасной земли, съ богатыми сѣнокосами и лѣсами. Ровневы предложили Татьянѣ Петровнѣ, въ видѣ вдовьей части, всего 50.000 рублей ассигнаціями и при такомъ выдѣлѣ — свободу мальчику. Понятно, что Татьяна Петровна согласилась безпрекословно. . .

Получивъ этотъ, ничтожный, по сравненію со слѣдовавшей ей законной вдовьей долей имущества, капиталъ, Татьяна Петровна, счастливая освобожденіемъ своего Николая отъ крѣпостной зависимости, купила небольшое имѣньице въ томъ же селѣ Юрасовкѣ, гдѣ, казалось бы, ей тяжело было оставаться на жи-

тельство послѣ всего происшедшаго. Первой заботой ея было продолжать ученіе сына, но она не рѣшилась везти его снова въ Москву, а, по совѣту сосѣдей, отвезла его въ Воронежъ, въ частный пансіонъ, для приготовленія къ поступленію въ гимназію.

Изъ „Автобіографіи" Николая Ивановича, напечатанной въ сборникѣ „Литературное Наслѣдіе", извѣстно, что Николай Ивановичъ, окончивъ курсъ воронежской гимназіи, поступилъ въ харьковскій университетъ и во всѣ каникулы своего учебнаго времени ѣздилъ домой, къ матери, въ Юрасовку.

Почти къ концу своего университетскаго курса онъ узналъ, что одинъ изъ убійцъ его отца сознался въ учиненномъ имъ, совмѣстно съ другими дворовыми людьми, преступленіи. Его мучила совѣсть. Онъ, говѣя ежегодно во время великаго поста, всякій разъ сознавался „на духу" священнику, что участвовалъ въ убійствѣ своего господина, но духовный отецъ не считалъ себя въ правѣ предавать его властямъ и сознаніе хранилъ въ тайнѣ, совѣтуя грѣшнику сдѣлать самому признаніе и „принять наказаніе во искупленіе своего великаго грѣха".

Наконецъ, въ седьмой годъ послѣ учиненнаго убійства крестьянинъ этотъ сказалъ священнику на исповѣди, что Иванъ Петровичъ не даетъ ему покоя: по ночамъ стоитъ у его постели и упрекаетъ его въ убійствѣ.

„Прикажите, батюшка, звонить въ колокола, пускай соберется народъ—и я передъ народомъ повинюсь во всемъ и приму наказаніе. Авось тогда полегчаетъ мнѣ на душѣ!" Едва, по распоряженію священника, ударили въ колоколъ послѣ обѣдни, какъ кающійся убійца при собравшемся народѣ припалъ къ могилѣ Ивана Петровича, находившейся возлѣ церкви, на погостѣ, и завопилъ: „Батюшка баринъ, Иванъ Петровичъ! Прости меня окаяннаго! Я убилъ тебя и мнѣ помогали загубить тебя товарищи дворовые крестьяне". Онъ назвалъ двоихъ. Но одного изъ нихъ, по словамъ кающагося, уже не было въ живыхъ,—онъ умеръ отъ болѣзни въ груди, полученной вслѣдствіе сильнаго удара мощнаго кулака Ивана Петровича, защищавшагося отъ троихъ убійцъ. Другой преступникъ не сознался и не раздѣлилъ участи товарища: въ каторгу не попалъ, а оставался въ услуженіи у новыхъ господъ.

По словамъ Николая Ивановича, трагическая кончина отца, послѣ улаженія вопроса объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, все-таки угнетала мальчика. Онъ часто плакалъ объ отцѣ и додумался, что мученическая смерть послана ему въ наказаніе отъ Господа за то, что не только онъ самъ никогда

не ходилъ въ церковь, но и его, мальчика, туда не пускалъ и запрещалъ молиться, а дворовымъ своимъ крѣпостнымъ внушалъ, что понятіе о Богѣ и о Страшномъ Судѣ ерунда, сказка, и что никакой души послѣ смерти человѣка нигдѣ нѣтъ, никакихъ адскихъ мученій тоже нѣтъ, и что нужно лишь старательно устроить свою жизнь на этомъ свѣтѣ какъ можно лучше для себя и своихъ близкихъ. Такое ученіе дворня Ивана Петровича воспріяла вполнѣ и... смѣло отдѣлалась отъ своего господина. Николай Ивановичъ не переставалъ молиться о душѣ своего отца до конца своихъ дней; молился онъ также и о своей матери.

Чѣмъ больше онъ входилъ въ возрастъ, тѣмъ чаще молился объ отцѣ—и посѣщать церковь становилось для него душевною потребностью. Едва достигнувъ 16-ти-лѣтняго возраста, онъ былъ уже студентомъ. Церковное служеніе увлекало его: ничто не могло отвлечь его отъ желанія пойти въ праздничный день къ обѣднѣ, особенно въ находящійся при Харьковѣ монастырь. При своей завидной для другихъ памяти, онъ скоро изучилъ до тонкости церковное служеніе, читалъ и запоминалъ буквально всѣхъ евангелистовъ, наконецъ, незамѣтно для самого себя, говорилъ на память „часы" и обѣдню, ходилъ въ церковь натощакъ, приносилъ домой изъ церкви просфору, которою дѣлился со своимъ слугой, и только послѣ просфоры пилъ чай [1]).

Съ тѣмъ же обыкновеніемъ онъ проводилъ воскресные дни въ теченіе мѣсячнаго пребыванія у меня въ гостяхъ, въ Дѣдовцахъ, и едва услышитъ, бывало, церковный звонъ, призывающій прихожанъ къ обѣднѣ, говаривалъ: „Пойдемъ къ обѣднѣ, а послѣ нея обвѣнчаемся"!

Я отвѣчала, что къ обѣднѣ идти можно, а вѣнчаться мнѣ нельзя, какъ это ему извѣстно изъ нашей зимней переписки.

---

[1]) Такое, такъ сказать, священнодѣйствіе онъ производилъ до конца своей жизни. Свои дни Николай Ивановичъ начиналъ и кончалъ чтеніемъ св. Евангелія, при чемъ обыкновенно зажигалъ двѣ толстыя восковыя свѣчки въ бронзовыхъ высокихъ шандалахъ, стоявшихъ въ спальной Николая Ивановича у стѣны, на которой находился образъ Христа Спасителя и передъ нимъ лампадка. Этимъ небольшимъ образкомъ въ серебряной ризѣ мать благословила его на бракъ со мной въ оное время. Я хотѣла-было пожертвовать этотъ образъ въ устроенное на завѣщанныя Николаемъ Ивановичемъ средства сельское училище въ селѣ Юрасовкѣ, но тяжело было мнѣ разстаться съ иконой, передъ которой такъ горячо молился мой многострадальный Николай. Лампадку же Николая Ивановича я отдала въ маленькую, ветхую церковь села Дѣдовцы, гдѣ мы съ нимъ вѣнчались стариками, сдѣлавъ вырѣзную надпись, что при этой лампадкѣ много лѣтъ молился Николай Ивановичъ Костомаровъ. Лампадка эта зажигается передъ мѣстной иконой Николая Чудотворца во время церковнаго служенія.

Отступая отъ послѣдовательнаго повѣствованія моего, остановлюсь нѣсколько на характеристикѣ религіозности Н. И. Онъ былъ очень религіозенъ. Строгое православіе, однако, не мѣшало ему изучить богослуженіе другихъ христіанскихъ исповѣданій. Мнѣ случалось бывать съ нимъ въ православной церкви, особенно въ дни Страстной седьмицы, когда въ пятницу онъ любилъ присутствовать на вечерней службѣ въ греческой посольской церкви (въ Петербургѣ), и у всенощной подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе — въ университетской. У насъ заранѣе была нанята парная коляска (Н. И. не выносилъ ѣзды въ каретѣ) и, какова бы ни была погода, мы отправлялись въ эти храмы въ эти великіе дни. Въ обычные воскресные дни Н. И. ходилъ къ ранней обѣднѣ въ ближайшую нашу приходскую церковь св. Андрея, на Васильевскомъ островѣ, также не обращая вниманія на погоду. Напившись чаю, по возвращеніи домой, онъ иногда спрашивалъ меня, не собираюсь ли я въ костелъ, и если я отвѣчала утвердительно, онъ говорилъ: „и я съ вами поѣду непремѣнно“ — и мы ѣздили съ нимъ въ католическую церковь св. Екатерины, на Невскій.

Тотчасъ по входѣ въ храмъ Н. И. говорилъ: „всѣ здѣсь сидятъ и намъ нужно сѣсть, барыня“ [1]). Онъ былъ утомленъ своимъ утреннимъ стояніемъ у ранней обѣдни. Вотъ и приходилось мнѣ, обходя всѣ скамьи въ костелѣ, искать свободныхъ мѣстъ, что рѣдко удавалось. Выручала обыкновенно услужливость костельной прислуги: намъ подавали стулья. Усѣвшись, Н. И. почти вслухъ читалъ на память по-латыни все служеніе, что, конечно, удивляло сосѣдей и мѣшало имъ молиться. Но останавливать Н. И. въ такомъ чтеніи было безполезно.

Продолжаю прерванное повѣствованіе. Быстро пролетѣлъ май 1874-го года для насъ обоихъ. Н. И. написалъ своей матери о благополучномъ пріѣздѣ въ Дѣдовцы и о томъ, что передалъ мнѣ ея поклонъ и что я, съ своей стороны, свидѣтельствую почтеніе и шлю привѣтъ.

Когда наступило время отъѣзда Николая Ивановича изъ Дѣдовецъ и лошади были уже поданы, онъ вручилъ мнѣ запечатанный пакетъ и сказалъ: „Пускай бумажка эта хранится у тебя въ Дѣдовцахъ. Если когда-либо найдешь возможнымъ употребить ее въ дѣло, дай мнѣ знать телеграммой—и я сейчасъ пріѣду“. Я положила эту бумажку въ ящикъ своего письмен-

---

[1]) Съ такимъ обращеніемъ Н. И. всегда относился къ Алинѣ Леонтьевнѣ.
В. К.

наго стола, не вынимая ея изъ запечатаннаго конверта и, въ видѣ сюрприза Николаю Ивановичу, объявила ему, что еще не прощалась съ нимъ, потому что ѣду съ нимъ лошадьми до станціи „Нѣжинъ“ и по московско-курской желѣзной дорогѣ до Курска, гдѣ и прощусь съ нимъ. Онъ поѣдетъ въ Петербургъ, а я на станціи „Курскъ“ подожду поѣзда на Харьковъ, проѣду въ Полтаву для свиданія съ моимъ повѣреннымъ по дѣламъ, оттуда проѣду до Кременчуга, гдѣ сяду на пароходъ и отправлюсь въ Кіевъ для приготовленія кое-какой одежды къ выпуску моей дочери Юліи изъ кіевскаго института и для совѣта съ моимъ добрымъ докторомъ, проф. Ѳ. Ѳ. Мерингомъ насчетъ моихъ недуговъ. Имѣньице въ селѣ Дѣдовцахъ я сдала въ арендное содержаніе старику священнику изъ сосѣдней деревни, передавшему свой приходъ зятю и потому совершенно свободно переѣхавшему въ мой дворъ, гдѣ я отвела ему помѣщеніе во флигелѣ. Не имѣя, такимъ образомъ, на своихъ плечахъ никакихъ заботъ о хозяйствѣ, я могла подчиниться совѣту моего доктора и осталась на лѣто въ Кіевѣ, для купанья въ Днѣпрѣ. Ѣздить со мной купаться доставляло моимъ дочерямъ большое удовольствіе, такъ какъ въ Дѣдовцахъ нѣтъ рѣки.

Н. И. писалъ мнѣ, что очень радъ за меня и дѣтей, что д-ръ Мерингъ предписалъ мнѣ остаться въ Кіевѣ для купанья. Въ концѣ іюля Н. И. долженъ былъ пріѣхать въ Кіевъ для присутствованія въ продолженіе августа на засѣданіяхъ археологическаго съѣзда и на раскопкахъ, почему и просилъ меня заранѣе приготовить для него просторный номеръ въ гостинницѣ, ближайшей къ моему мѣстопребыванію. Такой номеръ удалось найти во французской гостинницѣ „Massiou“, на углу Большой Владимірской и Фундуклеевской улицъ. Вмѣстѣ съ моими дѣтьми я встрѣтила Н. И. 30-го іюля на вокзалѣ и мы водворили Н. И. въ его номерѣ. Онъ былъ очень доволенъ, что ему близко ходить въ университетъ, гдѣ должны были происходить засѣданія съѣзда, близко и ко мнѣ, въ квартиру моей матери. Мы видѣлись ежедневно. Здоровье мое было все-таки неважно: купанье, съ ѣздой на Подолъ, такъ утомляло меня, что по возвращеніи домой я не въ силахъ была ходить слушать рефераты ученыхъ и оставалась у себя дома, а Н. И. забиралъ обѣихъ моихъ дѣвочекъ (Юлію, 16-ти лѣтъ, и Софью, 11-ти лѣтъ) и съ ними отправлялся въ университетъ, откуда и приводилъ ихъ ко мнѣ. Разсказывалъ мнѣ Н. И., что свѣжія личики моихъ дѣвочекъ „привлекали сердца и взоры“ ученой братіи, а предсѣдатель съѣзда, графъ Уваровъ, дружески подшучивалъ надъ „историкомъ“, являющимся

въ засѣданія съ такими „бутончиками розъ большой прелести". Н. И. отвѣчалъ графу, что это его юные друзья, дѣти стараго друга, и познакомилъ дѣвочекъ съ графомъ и со многими членами съѣзда. Когда наступилъ день, въ который Н. И. долженъ былъ читать свой рефератъ „О княжеской дружинѣ" [1]), онъ просилъ меня присутствовать на его чтеніи, я сама этого очень желала и мы въ назначенный вечеръ пошли въ Ботаническій садъ (при университетѣ), а оттуда въ залъ засѣданій съѣзда. У входа въ садъ и у входа въ залъ Н. И. предложилъ мнѣ войти съ нимъ подъ руку. Нужно было видѣть, съ какимъ торжественнымъ видомъ вводилъ онъ меня въ этотъ залъ, переполненный уже публикой. Мои обѣ дочери шли рядомъ со мной. Н. И. усадилъ насъ въ ближайшемъ къ каѳедрѣ ряду креселъ. Когда наступила очередь Н. И. читать свой рефератъ и онъ подошелъ къ каѳедрѣ, дружныя рукоплесканія раздались въ залѣ и не смолкали долго. Н. И. глядѣлъ словно въ даль, но видимо былъ взволнованъ. Да и развѣ возможно было оставаться безучастнымъ къ выраженію ему почтенія и признанія за нимъ права на почетное мѣсто въ средѣ ученыхъ и литераторовъ, особенно же въ стѣнахъ того университета, гдѣ въ молодыхъ лѣтахъ онъ блистательно начиналъ свою профессуру, которой лишился, не смѣя и мечтать о ея возвращеніи... Можно представить себѣ, что переживалъ онъ въ эти минуты... и радостнаго, и трогательно грустнаго... Глядя на него и внемля шумному выраженію уваженія публики, состоявшей по преимуществу изъ ученыхъ, учащихъ и учащихся, я раздѣляла волненіе Н. И. до такой степени, что готова была расплакаться. „Бѣдный другъ мой! — думалось мнѣ: — ты попалъ въ эту храмину науки старикомъ, черезъ 26-ть лѣтъ послѣ того, какъ съ пыломъ молодости внимала тебѣ юная братія, студенты того времени, которые въ тѣ ужасные дни, не предчувствуя горькой судьбы своего молодого профессора, готовились пѣть при брачномъ твоемъ торжествѣ въ церкви своего университета! Увы! Ты устарѣлъ, читаешь, заглядывая въ свой конспектъ, шамкаешь, по причинѣ беззубія; въ былыя времена ты читалъ наизусть, и не только въ сороковыхъ годахъ въ Кіевѣ, но и въ шестидесятыхъ въ Петербургѣ! Ты много претерпѣлъ и много поработалъ! Твои труды снискали тебѣ уваженіе: ты сознаешь, что жилъ не даромъ; судьба, сжалившись надъ тобой, возвратила тебѣ право

---

[1]) Статья эта затерялась у Н. И.: я не нашла ея въ бумагахъ Н. И., хотя искала повсюду, въ первую же зиму по вступленіи въ бракъ съ Н. И.

нести любимый трудъ, но поскупилась возвратить право на счастливую семейную жизнь, и ты состарился холостякомъ, не зналъ семейныхъ радостей и не испыталъ присущаго каждому смертному чувства любви къ своему потомству".

Послѣ окончанія и закрытія археологическаго съѣзда Н. И. уѣхалъ со мной и съ моими дочерьми въ Дѣдовцы. Это было 28 августа 1874-го года, а 8 сентября онъ уѣхалъ въ Петербургъ, взявъ съ собой мою дѣвочку Соню, по баллотировкѣ попавшую въ Смольный (Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ). Эту мою незабвенную дѣвочку Ник. Ив. особенно полюбилъ и прозвалъ ее по-малорусски „малé", что означаетъ малое, такъ какъ она была младшая изъ моихъ дѣтей. Признаюсь, не безъ страха отпускала я въ далекій путь „старé и малé", безпокоясь о томъ, не растеряли бы они другъ друга въ толпѣ на станціяхъ, при выходѣ изъ вагона для питанія. Бѣдная моя Соничка подверглась бы испугу, пока не отыскала бы своего спутника. Но оба они дали мнѣ слово не разлучаться, и я отвезла ихъ въ экипажѣ на станцію „Нѣжинъ", гдѣ усадила въ вагонъ и тамъ простилась съ ними. Милая, незабвенная дѣвочка моя старалась улыбаться, хотя я видѣла, что она съ трудомъ сдерживала свои слезки: улыбка выходила дѣланная и неестественная... Едва выбѣжавъ послѣ звонка изъ вагона, я сдерживала свои рыданія, крестила своихъ дорогихъ отъѣзжавшихъ, стоя на платформѣ, а какъ только поѣздъ двинулся и скрылось изъ окна милое мнѣ личико, какъ изъ наболѣвшей груди вырвалось такое рыданіе, что ноги у меня подкосились и я припала къ стѣнѣ зданія, чтобы не грохнуться на помостъ... Подошла ко мнѣ какая-то госпожа, какъ видно тоже кого-либо провожавшая, и, обнявши меня, участливо спросила: „О комъ или о чемъ вы такъ горько плачете? Бога ради, успокойтесь! Пойдемъ въ залъ, присядьте, отдохните". Я отвѣтила: „Отправила свою 11-тилѣтнюю дѣвочку въ институтъ, въ Петербургъ, и не увижу ея раньше каникулъ будущаго года!" Добрая эта госпожа повела меня въ залъ, поднесла стаканъ воды и предложила отдохнуть въ дамской комнатѣ, но отдыхъ представлялся мнѣ мучительнымъ и безцѣльнымъ; я предпочла усѣсться въ коляску и ѣхать обратно въ Дѣдовцы, что и сдѣлала, поблагодаривъ добрую женщину за участіе.

Всѣ эти подробности о разлукѣ съ моей Соничкой описываю лишь потому, что Н. И. понималъ тяжесть этой разлуки и, полюбивши мое „малé", дѣлалъ все что могъ для ея удобства, успокоенія и удовольствія, и не только въ пути, но и по пріѣздѣ

въ Петербургъ. Онъ удержалъ ее у себя нѣсколько дней, для отдыха послѣ дороги, и потомъ отвезъ ее въ Смольный, попросивъ начальницу института принять его. Онъ былъ принятъ очень любезно. Начальница, О. А. Томилова, обласкала мою дѣвочку, а Николая Ивановича попросила „сдѣлать честь" институту, пройти съ ней по классамъ, гдѣ она рекомендовала Н. И. какъ „извѣстнаго историка" учителямъ и дѣвицамъ каждаго класса.

Н. И., не смотря на большое разстояніе, навѣщалъ Соничку по праздничнымъ днямъ, а если занятія или нездоровье мѣшали ему прокатиться въ Смольный, то онъ писалъ ей о томъ и при записочкѣ посылалъ массу винограда и конфектъ. На праздники Рождества Христова онъ взялъ Соничку къ себѣ на 3 дня (какъ тогда отпускали) и тутъ не только онъ самъ, но и мать Н. И. Татьяна Петровна ласкали ее, угощали, придумывали для нея развлеченія. Такъ взята была ложа въ русскую оперу; Н. И. повезъ Соничку въ театръ и пригласилъ въ свою ложу Н. А. Бѣлозерскую съ ея дѣвочкой Лидой, крестницей Н. И.

Послѣ рождественскихъ праздниковъ отвезя Соничку въ Смольный, Н. Ив. навѣстилъ ее всего одинъ разъ, потому что чувствовалъ себя нездоровымъ и въ послѣднее свое посѣщеніе напугалъ ее выраженіемъ неудобства глядѣть на массу горящихъ свѣчей, хотя ихъ въ пріемномъ залѣ вовсе не было. Ясно, что начиналось нездоровье, перешедшее у Н. И. въ тифозную горячку. Между тѣмъ, въ ту же осень 1874-го года, 8 ноября, въ моей семьѣ было торжество. Дочь моя Юлія, $16^{1}/_{2}$ лѣтъ вышла замужъ. Я сообщала Николаю Ивановичу о ея помолвкѣ и затѣмъ о ея свадьбѣ. Николай Ивановичъ благодарилъ за приглашеніе пріѣхать къ намъ въ Дѣдовцы ко дню 8 ноября и написалъ мнѣ, что слѣдовало день свадьбы моей дочери назначить нѣсколько ранѣе, чтобы, въ виду наступленія Филипповскаго поста, оставить время и для моего съ нимъ вѣнчанія. Я приняла это за шутку и отвѣтила, что у меня масса дѣлъ по имѣніямъ—и пока я дѣлъ не окончу, до тѣхъ поръ изъ имѣнія не уѣду, а какъ мнѣ предстоятъ и поѣздки по этимъ дѣламъ въ Роменскій уѣздъ, то я извѣщу его о времени моего отъѣзда изъ Дѣдовецъ, чтобы онъ своевременно узналъ мой адресъ. Николай Ивановичъ продолжалъ писать мнѣ въ Дѣдовцы. Въ декабрѣ 1874-го года я замѣтила въ его письмахъ какую-то странность, какіе-то переходы отъ раздражительности къ шутливости и обратно. Такъ напр., онъ сообщаетъ мнѣ о различныхъ житейскихъ непріятностяхъ, приводитъ стихотвореніе, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого письма присылаетъ другое, адресованное на мое

имя, но писанное будто бы его котомъ Васькой къ моему Дѣдовскому Васькѣ. Я недоумѣвала—чему приписать все это. Наконецъ насталъ день моего отъѣзда въ Роменскій уѣздъ. Въ половинѣ января 1875 г. я написала Н. И., чтобъ онъ адресовалъ въ г. Ромны свои письма. Прогостивши у дочери въ Роменскомъ уѣздѣ до 2 февраля, я поѣхала въ Ромны и прямо на почту... Получила письмо Н. И. съ адресомъ измѣненнаго почерка. Вскрываю и читаю: „Боленъ, глаза страшно распухли, бредъ, тоска невыразимая“. Ни обращенія, ни подписи... ясно, что очень боленъ! Тотчасъ я протелеграфировала ему всего два слова: „Какъ здоровье?“ Отвѣтъ я уплатила, но получила его только 4 февраля, послѣ 36 мучительныхъ часовъ; отвѣчалъ незнакомый мнѣ Котенинъ: „Николай Ивановичъ опасно боленъ тифомъ, но не безнадеженъ. Мать его скончалась, сегодня погребена. *Котенинъ*“.

Дочь моя и зять, сопровождавшіе меня въ Ромны, старались успокоить меня. Я рѣшилась немедля ѣхать въ Петербургъ къ одинокому дорогому больному—оказать ему возможный уходъ, а въ случаѣ смерти отдать ему послѣдній долгъ, простившись съ нимъ навѣки. Зять мой тотчасъ же поѣхалъ въ полицейское управленіе, чтобъ взять отъ ром. исправника видъ для меня на жительство въ Петербургѣ, поѣхалъ и за деньгами, необходимыми для моего путешествія и пребыванія въ столицѣ: вечеромъ того же дня я уѣхала, разбитая и тѣломъ и духомъ. Въ продолженіе двухсуточнаго почти путешествія я позабыла о пищѣ и снѣ и подверглась въ вагонѣ обмороку. Добрые пассажиры приводили меня въ чувство—и каково было мое удивленіе, когда я увидѣла себя лежащей въ вагонѣ, окруженною спутниками, изъ которыхъ иные держали передо мною вино, другіе—пищу, воду, и всѣ упрашивали меня подкрѣпиться тѣмъ и другимъ. Они замѣтили, что въ продолженіе болѣе сутокъ я не выходила изъ вагона во время остановокъ, ничего не ѣла и не пила ни на станціяхъ, ни въ вагонѣ. Нервы мои были такъ разстроены, что я расплакалась, благодаривши своихъ спутниковъ за ихъ вниманіе и участіе ко мнѣ, а они все просили меня съѣсть принесеннаго со станціи рябчика и запить виномъ... Когда, подкрѣпившись немного, я просила сказать, кому и сколько денегъ я должна съ благодарностью возвратить за рябчика и за вино, нѣсколько голосовъ отозвалось, что эти пустые гроши всѣмъ принесли много удовольствія видѣть ожившею спутницу, которую они, судя по ея лицу, могли почитать умирающей. Добрые пассажиры поняли, что я не даромъ не ѣла и не спала,

что меня, конечно, угнетаетъ большое горе, но, спасибо имъ, никто не рѣшился спрашивать меня объ этомъ. Случилось, что одна изъ пассажирокъ, читая купленный ею нумеръ газеты, обратилась къ своему мужу съ такими словами: „пишутъ, что Костомаровъ при смерти; вотъ попадемъ къ похоронамъ, которыя, навѣрно, будутъ очень торжественны“. Мудрено мнѣ было скрывать свою печаль, слушая такія рѣчи. Но вотъ и Петербургъ. Мнѣ помогли выйти изъ вагона и сѣсть въ извозчичьи сани. Я направилась къ старымъ знакомымъ Филатовымъ. Увидѣвши меня, они догадались зачѣмъ я пріѣхала въ Петербургъ, просили отдыхать у нихъ послѣ пути, а я попросила добраго стараго знакомаго немедля поѣхать со мной къ Н. И.—все равно, живъ ли онъ еще или уже не существуетъ. Филатовъ успокаивалъ меня, что Н. И. живъ, ему немного лучше, это сказано въ свѣжей газетѣ, но я все-таки упросила его ѣхать со мной на Васильевскій островъ, въ квартиру Николая Ивановича. Поѣхали. У подъѣзда я попросила Н. П. Филатова войти въ 3-й этажъ, узнать о Никол. Ивановичѣ и позволить мнѣ ждать свѣдѣній въ саняхъ. Не было силъ всходить на лѣстницу. Я дождалась возвращенія Филатова. Лицо его сіяло радостью. „Живъ и есть надежда на выздоровленіе; войти къ нему въ квартиру запрещено—прибитымъ на дверяхъ объявленіемъ просятъ не звонить, а обращаться за свѣдѣніями объ его здоровьѣ къ Н. И. Котенину, въ сосѣднюю квартиру. Филатовъ ввелъ меня къ Котенину. Добрый пріятель Николая Ив. встрѣтилъ съ веселой улыбкой незнакомую ему бывшую невѣсту больного, уходъ за которымъ онъ, Котенинъ, всецѣло принялъ на себя. Тутъ онъ разсказалъ мнѣ о теченіи болѣзни Николая Ивановича, разсказалъ, что онъ долго боролся съ нездоровьемъ, не ложился, старался двигаться и работать, но работа не спорилась, онъ нервничалъ, шумѣлъ, а матушка его Татьяна Петровна не понимала, что у него бредъ, и, видя, что онъ сидитъ въ своемъ кабинетѣ на полу и рветъ въ клочки свои бумаги, уговаривала его „не чудачить“. Котенинъ, старый пріятель Н. И. и ближайшій его сосѣдъ по квартирѣ, навѣстивши его засталъ эту сцену и совѣтовалъ матушкѣ пригласить къ сыну врача. Но пока дождались пріѣзда врача, заболѣла и Татьяна Петровна; ее немедля уложили въ постель. Увидя матушку среди дня въ постели, Николай Ив., несмотря на свой горячечный бредъ, понялъ, что она больна, если находится въ постели, плакалъ, стоя у ея изголовья, и приказалъ своему старику-слугѣ Василію пригласить ихъ общаго съ матушкой ду-

ховника прибыть со святыми дарами для напутствія Татьяны Петровны. Пріѣхалъ протоіерей Степанъ Ивановичъ Опатовичъ, исповѣдывалъ и причащалъ Татьяну Петровну, которая тутъ же говорила: „собирается хоронить меня, все говоритъ: умрете, маменька, да умрете—и плачетъ!“ Священникъ, разумѣется, сразу понялъ, что и мать, и сынъ тяжело больны, сообщилъ объ этомъ Котенину, а тотъ отвѣтилъ, что уже послалъ за двумя врачами и постарается, съ ихъ помощью, убѣдить Николая Ив. лечь въ постель. Къ вечеру того же дня у обоихъ больныхъ былъ бредъ. Потребовались сестры милосердія для ухода за ними. Явились на помощь племянницы Н. И. Котенина, Надежда Александровна Бѣлозерская и Анна Петровна Ге, жена художника Николая Ник. Ге. Обѣ онѣ присутствовали при кончинѣ Татьяны Петровны, послѣдовавшей отъ крупознаго воспаленія легкихъ.

Удручающее впечатлѣніе производили панихиды и отпѣваніе матери Николая Ивановича, не сознававшаго, что происходило въ сосѣднихъ комнатахъ и продолжавшаго громко говорить несвязныя рѣчи. Навѣщали больного по два раза въ день врачи Бѣлоголовый и Кошлаковъ, а ночевалъ при больномъ молодой врачъ Дм. Андр. Муриновъ. Никакой надежды не было на выздоровленіе Николая Ивановича: куплены были на Смоленскомъ кладбищѣ два смежныя могильныя мѣста—одно для матери, другое для сына. Въ день похоронъ Татьяны Петровны врачи нашли у Николая Ивановича такой упадокъ дѣятельности сердца, что пульсъ едва-едва бился: они объявили Котенину, что на слѣдующее утро они не пріѣдутъ, такъ какъ Н. И. ночью скончается. Явилась забота у добраго Котенина о средствахъ для погребенія обоихъ Костомаровыхъ. Тутъ въ числѣ непрерывно навѣщавшихъ Николая Ивановича друзей и почитателей оказался профессоръ и академикъ астрономъ Алексѣй Николаевичъ Савичъ, и услыхавши, что наличныхъ денегъ нашли у Ник. Ив. всего 150 рублей, а леченіе двоихъ тяжкихъ больныхъ унесло уже гораздо бо̀льшую сумму и требуются тысячныя издержки на ихъ погребеніе—сказалъ Котенину: „Какое намъ дѣло—кому достанется небольшой капиталъ Н. И., состоящій на храненіи въ госуд. банкѣ! Какое намъ дѣло—возвратятся ли намъ издержанныя деньги или не возвратятся! Мы должны спасать дорогого и уважаемаго коллегу и высокоталантливаго нашего историка, до послѣдней его минуты не щадить издержекъ, а если спасеніе не удастся, похоронить его съ подобающей честью. Берите у меня тысячу, полторы, двѣ, я доставлю ихъ вамъ, по-

чтеннѣйшій Николай Ив. (Котенинъ), берите и расходуйте!“ Нужно было видѣть воодушевленіе Савича, слывшаго за крайне скупого человѣка, скупого до скаредности. Однако, воспользоваться его добрымъ предложеніемъ не понадобилось. Явился Мих. Матв. Стасюлевичъ и объявилъ Котенину, что Н. И. Костомаровъ запродалъ ему для „Вѣстника Европы“ своего „Кудеяра“ за три тысячи рублей, но не успѣлъ отдать ему рукопись: пусть разъищутъ и вручатъ ему рукопись—деньги сполна будутъ внесены немедленно. Рукопись найдена, вручена, и деньги получены; не понадобились деньги А. Н. Савича, но память о добромъ его душевномъ желаніи не щадить тысячъ для спасенія Н. И., а въ случаѣ смерти—для его погребенія, останется навсегда у всѣхъ любившихъ и почитавшихъ Николая Ивановича. Такая же свѣтлая память останется о Н. И. Котенинѣ (нынѣ умершемъ) и о бывшемъ молодомъ врачѣ, нынѣ лейбъ-медикѣ Муриновѣ, который, вмѣстѣ съ Котенинымъ, отвоевалъ Николая Ив. отъ смерти, дѣлая невѣроятныя усилія для возбужденія дѣятельности сердца у больного въ ту критическую ночь. Не только никто изъ нихъ не ложился отдохнуть отъ трудовъ при больномъ, но и не садился; поснимавши съ себя верхнее платье, они растирали тѣло больного, дѣлали оживляющія впрыскиванія, вливали ему въ ротъ коньякъ, шампанское, пріемы мускуса, словомъ не давали ему умереть,—и къ утру молодой медикъ возгласилъ съ восторгомъ, что пульсъ у Н. И. поднимается и крѣпнетъ и что нужно извѣстить объ этомъ другихъ врачей, чтобы они пріѣхали навѣстить больного. Съ великимъ удивленіемъ услыхали они отъ ѣздившаго за ними Котенина, что Костомаровъ живъ и молодой врачъ надѣется на дальнѣйшее улучшеніе его положенія. Пріѣхали, застали сильный жаръ и бредъ у больного, но это не внушало опасенія за его жизнь; леченіе, хотя очень медленно, приносило явную помощь. Я пріѣхала въ Петербургъ 11-го февраля; Филатовы очень просили меня помѣститься у нихъ, но такъ какъ они жили на Садовой, вблизи Невскаго проспекта, а Ник. Ив.—на Васильевскомъ островѣ въ 9-ой линіи, то мнѣ было бы слишкомъ тяжело ѣздить на Васильевскій дважды въ день, узнавать о здоровьѣ Н. И. Я помѣстилась на Васильевскомъ островѣ, въ 12 линіи, въ гостинницѣ и ходила каждый день утромъ и вечеромъ къ Котенину за свѣдѣніями о Н. И. Я ѣздила два раза въ недѣлю навѣщать мою дѣвочку въ Смольномъ, побывала на могилѣ Татьяны Петровны, побывала у Анны Петровны Ге, какъ у моей соученицы по пансіону г-жи де-Мельянъ въ Кіевѣ, была одинъ разъ и у духовника Костомаровыхъ Опатовича; но грусть

не покидала меня по причинѣ все еще неопредѣленнаго положенія Николая Ивановича. Меня, притомъ, удручалъ отказъ допустить меня къ уходу за нимъ; не дозволяли врачи даже навѣстить его хоть на минуту: они слышали отъ Котенина, что Николай Ив., безъ сомнѣнія, очень обрадуется моему пріѣзду— и боялись волненій для него. Такъ просидѣла я въ гостинницѣ больше двухъ недѣль, неизмѣнно навѣдываясь къ Котенину, какъ вдругъ Котенинъ говоритъ мнѣ: „волей-неволей, врачи и мы всѣ пришли къ необходимости не только дозволить вамъ навѣстить Н. И., но даже просить васъ объ этомъ. Нашъ больной повидимо былъ до сихъ поръ какъ бы не при полной памяти, потому что не замѣчалъ отсутствія своей матери, съ которой неразлучно прожилъ 30 лѣтъ. Врачи дозволили ему покинуть постель и усадили въ вольтеровское кресло; онъ былъ доволенъ, оглядывался по сторонамъ и спросилъ: „а гдѣ же котъ Васька?", ласкалъ принесеннаго Ваську, а о матери не спрашивалъ. Но вотъ уже третій день, какъ сталъ спрашивать — „гдѣ же матушка?" Ему сказали, что Татьяна Петровна въ одно съ нимъ время заболѣла, и какъ врачи нашли, что двоихъ тяжко больныхъ надо устроить каждаго особо, то Татьяну Петровну, какъ находившуюся въ лучшемъ состояніи, увезла къ себѣ въ домъ А. П. Ге — и тамъ ухаживаютъ за ней прекрасно. Сначала Николай Ив. повѣрилъ этому, но на другой же день сталъ требовать, чтобы матушку перевезли отъ Ге домой, а когда ему возражали, что сдѣлать этого нельзя по причинѣ ея слабости, тогда Н. И. сталъ объяснять, что матушка, природная малороссіянка и по происхожденію простолюдинка, несомнѣнно дорожитъ тѣмъ, чтобъ хворать и умирать у сына, а не у чужихъ, хотя и добрыхъ людей: „это позоръ для старой хохлушки валяться и умирать не у себя, или не у сына, а въ чужой хатѣ". Объясненія эти волновали Николая Ивановича и онъ сталъ, наконецъ, требовать, чтобъ наняли карету — и свезли бы его въ этой каретѣ къ матушкѣ. Врачи опасались рецидива горячки и совѣтовались съ Котенинымъ, не лучше ли ужъ рискнуть и объявить Николаю Ив., что мать его давно умерла у себя дома и что поэтому ѣхать ему некуда и незачѣмъ. Котенинъ сказалъ врачамъ, что лучше принять иную мѣру, чтобы дать больному окрѣпнуть сколько-нибудь, а не подвергать его такому потрясенію, которое можетъ погубить его. Онъ предложилъ подготовить Николая Ив. къ ожидаемому, будто бы, пріѣзду его бывшей невѣсты, имъ любимой и уважаемой, и дозволить ей навѣстить его. „Это отвлечетъ его отъ мысли требовать поѣздки къ ма-

тушкѣ; онъ пошлетъ къ ней вмѣсто себя Алину Леонтьевну и та съумѣетъ найти возможность отложить хоть на нѣсколько дней необходимость сообщенія больному о смерти его матери, а тѣмъ временемъ онъ у насъ еще лучше окрѣпнетъ". На томъ и порѣшили врачи, и попросили молодого врача Муринова присутствовать при объявленіи Николаю Ив. о моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ: боялись даже и того, чтобы пріятная для больного вѣсть не взволновала его. Эго и случилось, но вреда больному не принесло. Когда я пришла къ Котенину, меня просили подождать нѣсколько минутъ, пока подготовятъ Николая Ивановича къ свиданію со мной. Котенинъ вошелъ къ нему въ сопровожденіи д-ра Муринова, поздоровался съ сидѣвшимъ въ креслѣ больнымъ и, не ожидая вопросовъ о матушкѣ, сказалъ: „Я позабылъ сказать вамъ, Николай Ив., что въ продолженіе вашей болѣзни множество лицъ желало навѣстить васъ, многіе спрашивали о васъ письмами и телеграммами, и въ томъ числѣ была телеграмма изъ города Ромны отъ Алины Леонтьевны Кисель".

— Была? Надобно было отвѣтить ей, чтобъ она пріѣхала! Телеграфируйте, чтобъ немедленно пріѣхала! — проговорилъ взволнованный больной.

„Она сама увѣдомила, что ѣдетъ и должна прибыть сегодня съ 11-ти-часовымъ курьерскимъ поѣздомъ",—сказалъ Котенинъ.

— Пошлите за ней карету. Поѣзжайте встрѣчать ее! Прикажите приготовить чай, завтракъ, комнату! Вѣрно ли то, что она сейчасъ пріѣдетъ?—порывисто спрашивалъ Н. И.

„Такъ вѣрно, что головой моей ручаюсь за это — и пойду къ себѣ, чтобы встрѣтить Алину Леонтьевну и привести ее къ вамъ". Взволнованный и ослабѣвшій Н. И. хотѣлъ самъ броситься ко мнѣ на встрѣчу, но, быстро вставши съ кресла, упалъ въ него — а д-ръ Муриновъ преподнесъ ему приготовленный заранѣе пріемъ успокоительныхъ капель. Будто бы для встрѣчи Котенинъ ушелъ въ свою квартиру, съ улыбкой обратился ко мнѣ и сказалъ: „Въ присутствіи Муринова я сообщилъ Николаю Ивановичу, что ждемъ васъ сегодня въ Петербургъ. Заволновался нашъ больной до того, что пульсъ значительно прибавилъ ходу. Докторъ преподнесъ ему успокоительныхъ капель. На вопросъ его: вѣрно ли то, что вы сегодня пріѣдете, я поручился моей головой, что вы явитесь съ курьерскимъ поѣздомъ и прямо ко мнѣ. Какъ вы думаете, Алина Леонтьевна, останется ли моя голова въ цѣлости?" Вошелъ и д-ръ Муриновъ, чтобы сказать намъ, что волненіе Н. И. улеглось и я

могу „пріѣхать“ къ нему, какъ то подобаетъ сообразно прибытію поѣзда. Свиданіе наше было не то радостное, не то вмѣстѣ и грустное. Видъ медленно выздоравливающаго Н. И. былъ скорбный для всѣхъ посѣтителей, впервые допущенныхъ навѣстить его. Осунувшееся исхудалое старческое лицо; какіе-то тусклые глаза съ синеватыми подтеками и притомъ безъ очковъ, недозволенныхъ еще къ употребленію; халатъ (впервые заведенный для него и затѣмъ навсегда покинутый), въ которомъ терялось исхудалое тѣло, усаженное въ глубокое вольтеровское кресло—все это производило тяжелое впечатлѣніе на друзей больного.

Увидѣвши меня, онъ торопливо проговорилъ: „Пріѣхала, спасибо, я чуть не умеръ, добрые люди отходили, а бѣдная матушка лежитъ въ чужомъ домѣ, хотя и у добрыхъ людей, все же знаешь, что мать моя малороссіянка природная и до мозга костей удержавшая нравъ и вѣру простолюдиновъ, считающихъ унизительнымъ умирать въ „чужой хатѣ“, а не у себя или у сына. Хочу перевезти ее домой—говорятъ: нельзя, очень слаба; хочу провѣдать—опять нельзя, слабъ, говорятъ, я самъ. Вотъ и радъ я, что ты ее провѣдаешь и скажешь мнѣ всю правду — можно ли перевезти ее домой или нельзя. Отдохни, подадутъ тебѣ чаю и чего пожелаешь позавтракать, и поѣзжай, Бога ради, къ матушкѣ; она лежитъ у Н. Н. и А. П. Ге, съ которой ты знакома по пансіону, это бывшая Забѣла“. Я успокоила Н. И. обѣщаніемъ поѣхать, сначала въ Смольный, взглянуть на свою дочурку Соничку и затѣмъ уже къ Ге, почему и попросила имѣть терпѣніе, такъ какъ до Смольнаго очень далеко, а не увидѣть своей дѣвочки не могу... Ѣхать же къ ней послѣ посѣщенія Татьяны Петровны опасно, чтобы не занести моей дѣвочкѣ заразную болѣзнь. Я побывала въ Смольномъ; заѣхала и къ милымъ Ге, познакомилась съ Николаемъ Николаевичемъ Ге, извѣстнымъ художникомъ, и переговорила съ обоими супругами относительно того — лучше ли и безопаснѣе для здоровья Н. И. держать его еще нѣкоторое время въ невѣдѣніи о смерти его матери, или же открыть ему истину. Признали мы всѣ, что сокрытіе смерти Татьяны Петровны не вноситъ успокоенія въ душу Николая Ивановича, да и продолжаться не можетъ, такъ какъ онъ настаиваетъ на своемъ — избрать что-либо одно: либо перевезти безнадежно больную мать домой, либо свезти его къ ней. Признали, что лучше сказать ему всю правду и успокоить его тѣмъ, что матушка вовсе не лежала „въ чужомъ домѣ и у чужихъ людей“, лежала всего три дня у

себя и окончила жизнь въ своемъ домѣ, у сына, и на попеченіи друзей; Надежда Александровна Бѣлозерская, Анна Петровна Ге и Лидія Ивановна Генъ, сестра Н. И. Котенина, проживавшая въ то время у своего брата въ квартирѣ, сосѣдней съ Костомаровскою, не отходили отъ умиравшей, окруженной заботою и помощью тѣхъ же врачей, которые лечили Николая Ивановича; наконецъ, друзья Н. И. похоронили Т. П. на Смоленскомъ кладбищѣ. Я уѣхала отъ Ге съ сознаніемъ необходимости прекратить успокоительную ложь, но дать выздоравливающему Н. И. отдыхъ отъ пережитаго имъ волненія при объявленіи ему о моемъ пріѣздѣ: будетъ онъ въ хорошемъ состояніи на слѣдующій день, то печальная истина будетъ ему объявлена, а нѣтъ—переждемъ.

Трудно передать, какъ тяжело было отвѣчать на вопросы Н. И. о положеніи его матери. Едва я возвратилась изъ поѣздки въ Смольный и „къ матушкѣ“, какъ Н. И. спросилъ: „Видѣла Соничку, надѣюсь, здоровою, а матушка узнала ли тебя? говорила ли, находится ли въ сознаніи?“

Я отвѣтила: — Матушка никого не можетъ узнать, не въ сознаніи и не говоритъ!—

„Не вынесетъ тяжкой болѣзни! а меня къ ней не пускаютъ“,— сказалъ Н. И. сквозь слезы.

Я поднесла ему успокоительныхъ капель и попросила поберечь себя, призвать Господа Бога на помощь и подчиниться Его святой волѣ; успокоила его, кромѣ того, обѣщаніемъ выпросить на слѣдующее утро у врачей дозволеніе исполнить его желаніе относительно посѣщенія матушки. Н. И. повидимому успокоился и провелъ ночь хорошо. Врачи нашли его преуспѣвающимъ въ укрѣпленіи силъ и разрѣшили открыть ему правдивую вѣсть о матери. Съ ранняго утра Н. И. сталъ вновь просить меня навѣстить матушку и ничего не скрывать отъ него. Я пообѣщала, но рѣшила дождаться появленія Н. Н. Ге, который обѣщалъ навѣстить Н. И. Пришелъ добрый Ге, я сказала ему мнѣніе врачей. Посыпались вопросы Н. И. о матушкѣ. Ге упорно молчалъ. Николай Ивановичъ, видимо встревоженный такимъ молчаніемъ, вскричалъ: „Вы молчите — значитъ безнадежна, умретъ, бѣдная, въ скорбномъ сознаніи, что умираетъ не у сына, а у добрыхъ чужихъ людей!“

— Успокойтесь, Николай Ивановичъ! Ваша матушка умерла у сына, лежавшаго въ то время, по милости Божіей, въ безсознательномъ состояніи и потому не подвергшагося тяжкой необходимости быть свидѣтелемъ печальнаго обряда погребенія.

Къ счастію, она не сознавала, что вы больны и что она умираетъ.

Николай Ив. быстро привсталъ съ кресла и, перекрестившись, сказалъ: „Упокой ее, Господи! Его святая воля! Что дѣлать!“ Тихія слезы скатились по исхудалымъ щекамъ. Руки потянулись ко мнѣ, какъ бы призывалась моя помощь, и онъ, словно подкошенный, опустился въ свое кресло. Котенинъ и Ге просили Н. И. быть мужественнымъ и, по его просьбѣ, разсказали ему болѣе или менѣе подробно о послѣднихъ дняхъ и часахъ Татьяны Петр., а также о ея погребеніи. Затѣмъ начался разговоръ о другихъ предметахъ, и когда добрые друзья Н. И. замѣтили, что онъ видимо успокоился, они оставили его на моемъ попеченіи. Н. И. попросилъ меня переѣхать изъ гостинницы въ его квартиру и занять комнату его матери. Я исполнила его желаніе. Одна изъ сестеръ милосердія продолжала уходъ за выздоравливающимъ. Къ нему все еще не допускали постороннихъ посѣтителей. Случилось, что меня вызвали въ кухню. То было сдѣлано по просьбѣ граф. Анаст. Ив. Толстой, являвшейся туда отъ времени до времени, чтобы отъ прислуги Н. И. узнать подробнѣе о его положеніи. Графинѣ сказали, что къ нему пріѣхала его бывшая невѣста, у которой онъ гостилъ уже два раза въ Малороссіи. Я пошла въ кухню и тамъ графиня съ видимымъ волненіемъ обнимала меня и цѣловала мои руки, выражая горячую благодарность за мой пріѣздъ, который успокоилъ за Н. И. всѣхъ его истинныхъ друзей. Здоровье его возстановлялось; въ началѣ марта врачи разрѣшили ему принимать у себя большее число посѣтителей, а въ концѣ марта выѣзжать въ коляскѣ на воздухъ. Тутъ естественно возникло у Н. И. желаніе посѣтить могилу матери; однако врачи не дозволили ему ѣхать на Смоленское кладбище, такъ какъ тамъ еще снѣгъ не весь стаялъ, а низменная сырая мѣстность кладбища возбуждала опасеніе врачей—какъ бы не занемогъ Н. И. Его упросили не ѣхать на Смоленское ранѣе половины апрѣля, когда предположенъ былъ отъѣздъ Н. И. со мной въ деревню, въ Малороссію. За нѣсколько дней до нашего отъѣзда мы и помолились у могилы Татьяны Петр. Н. И. долго и безмолвно стоялъ у могилы, грустный и сосредоточенный, пока, наконецъ, духовникъ его, отецъ Стефанъ Опатовичъ, служившій панихиду, не посовѣтовалъ ему проститься съ могилой и уѣхать домой. Врачи предписали Н. И. выѣзжать ежедневно на прогулку и такимъ образомъ подготовиться къ большому предстоящему путешествію на югъ для поправленія здоровья. Мы ѣздили съ Н. И. въ ко-

ляскѣ, такъ какъ онъ не терпѣлъ каретъ, но никуда не заѣзжали, избѣгая утомленія: выздоравливающему было не до визитовъ, да и никто изъ добрыхъ знакомыхъ и не претендовалъ на нихъ. У Котенина мы, конечно, были, такъ какъ квартира его была смежная—и тутъ Н. И. спросилъ, почему Надежда Алекс. Бѣлозерская давно его не навѣщаетъ: здорова ли она? Котенинъ (дядя г-жи Бѣлозерской) отвѣтилъ: „Над. Алекс. считаетъ неудобнымъ являться въ присутствіи Алины Леонтьевны, въ виду того, что Алина Леонтьевна не была у нея". Я возразила: „Алина Леонт. не хозяйка дома Николая Ивановича, а его гостья, и не считаетъ себя въ правѣ навязываться со своимъ знакомствомъ кому бы то ни было изъ друзей Н. И. Будьте любезны, объясните это Надеждѣ Алекс.". На другой день явилась Над. Алекс. Насъ познакомилъ Н. И., она пригласила меня къ себѣ—и мы съ Н. И. побывали у нея въ одну изъ прогулокъ.

Въ концѣ апрѣля мы направились съ Н. И. сначала въ Кіевъ для совѣта съ извѣстнымъ, въ то время, окулистомъ-профессоромъ университета св. Владиміра, Ивановымъ. Не хотѣлось Н. И. подчиняться совѣту петербургскихъ врачей — отложить на цѣлый годъ свои литературныя занятія и, тѣмъ болѣе, ученыя: думалось ему, что профессоръ Ивановъ не найдетъ опасности для его глазъ и разрѣшитъ ему работать, а о возможности вреда для своихъ нервовъ и общаго состоянія здоровья Н. И. не только не хотѣлъ думать, но еще твердилъ, что лишеніе занятій въ конецъ разстроитъ его нервы. „Не могу жить безъ дѣла—пою Господу дондеже есмь". Профессоръ Ивановъ объявилъ Н. И., что для болѣе точнаго опредѣленія глазного недуга и плохого зрѣнія нужно впустить атропинъ въ одинъ, худшій по зрѣнію, глазъ, на одни сутки. Этотъ глазъ не будетъ ничего видѣть, но Н. И. не долженъ пугаться этого кратковременнаго притупленія зрѣнія одного глаза, пока его изслѣдуетъ окулистъ; когда же прежнее зрѣніе возстановится въ худшемъ глазѣ, тогда и въ лучшій нужно впустить атропинъ для изслѣдованія. Послѣдовало согласіе со стороны Н. И., но, Боже мой, какія душевныя муки выносилъ мой бѣдный страдалецъ, вкушая ужасъ своей временной слѣпоты! Трудно было переживать эти дни, въ ожиданіи опредѣленія состоянія его глазного недуга. Я воспользовалась временемъ, когда онъ поѣхалъ повидаться съ одними изъ давнихъ своихъ знакомыхъ, и побывала у проф. Иванова: упросила его не говорить правды Н. И., если окажутся признаки слѣпоты, а приберечь эту горь-

кую правду для меня. Такъ и было сдѣлано. Добрѣйшій (теперь уже умершій) проф. Ивановъ сказалъ Н. И., что слабость зрѣнія его происходитъ отъ безмѣрнаго злоупотребленія имъ и основана, кромѣ того, на нервной почвѣ, что о чтеніи и писаніи нечего и думать ему раньше года послѣ перенесенной имъ тифозной горячки, что полезно ему купаться въ продолженіе лѣта въ Днѣпрѣ, а съ половины августа—на южномъ берегу Крыма, и что, наконецъ, самъ Ивановъ, отъѣзжающій за границу, привезетъ ему изъ Берлина очки съ лучшимъ горнымъ хрусталемъ вмѣсто стеколъ, и что эти очки послужатъ ему для прогулокъ, т.-е. для глядѣнія въ даль, а для чтенія ему пусть назначитъ петербургскій окулистъ Скребицкій черезъ полгода, чтобъ раньше этого времени онъ не порывался читать. Проф. Ивановъ предложилъ Н. И. занять его квартиру на все лѣто и пользоваться его прислугой и лошадьми, которыя и будутъ его возить дважды въ день купаться, а хозяинъ будетъ доволенъ, что лошади не испортятся отъ продолжительнаго стоянія. Все это успокоило Н. И. На другой день послѣ окончанія осмотра его глазъ я отправилась къ Иванову за достовѣрными свѣдѣніями о состояніи зрѣнія моего больного. Ивановъ сказалъ мнѣ, что у Н. И. катарактъ на обоихъ глазахъ, но худшій будетъ готовъ къ операціи не ранѣе, какъ черезъ годъ, а лучшій—года черезъ два или три. Я вышла отъ Иванова съ разбитой душой. Мнѣ казалось немыслимымъ (судя по нервности и характеру Н. И.), чтобы операціи могли совершаться при порывистомъ и впечатлительномъ характерѣ Н. И., и я заранѣе переживала предстоящіе годы его жизни со всѣми муками слѣпнущаго... Мнѣ стоило большихъ усилій сохранять спокойствіе по возвращеніи въ гостинницу, куда вскорѣ прибылъ и Н. И. При немъ я должна была читать для него—и это помогало мнѣ отвлекать мысли отъ предсказанія проф. Иванова; но когда наступала ночь, то вмѣсто отдыха и сна я проводила ее въ мучительномъ раздумьѣ о приговорѣ окулиста. Такъ протекало это тяжелое время, въ которое мнѣ пришлось признать себя обязанною раздѣлить горькую участь Н. И. Волею судьбы—или обѣихъ нашихъ съ нимъ матерей—я не облегчала его участь во время его ссылки; кто же теперь, какъ не я, долженъ покоить и беречь этого будущаго слѣпца! Мы уѣхали въ Дѣдовцы только за тѣмъ, чтобы отдохнуть тамъ до времени, когда окончатся занятія проф. Иванова въ университетѣ и онъ уѣдетъ за границу. 9-го мая 1875-го года мы съ Н. И. обвѣнчались въ маленькой церкви сельца Дѣдовцы, а въ концѣ мая переѣхали въ Кіевъ

и помѣстились въ квартирѣ любезнаго Иванова на Бибиковскомъ бульварѣ. Ежедневно ѣздилъ Н. И. купаться въ Днѣпрѣ, но запрещеніе заниматься и читать раздражало его до крайности. Наконецъ наступилъ августъ — и время переѣзда въ Крымъ [1]).

Алина Костомарова.

---

[1]) Этимъ А. Л. заканчиваетъ свои воспоминанія. Имѣя въ виду главнымъ образомъ ту цѣль своихъ записокъ, которая указана мною въ краткомъ предисловіи къ нимъ, А. Л., къ сожалѣнію, не оставила записокъ о прожитомъ ею съ Н. И. десятилѣтіи. Между тѣмъ это десятилѣтіе представляло немало интереснаго и назидательнаго и въ изображеніи А. Л. несомнѣнно дало бы богатый матеріалъ для надлежащей оцѣнки высоко даровитой и весьма оригинальной личности Н. И. Костомарова.

Зная довольно близко жизнь четы Костомаровыхъ во второе пятилѣтіе этого періода, я могу искренне засвидѣтельствовать, что та обстановка жизни, какую создала для Н. И. Алина Леонтьевна на склонѣ его дней, много способствовала поддержанію творческой дѣятельности нашего историка. Въ А. Л. Николай Ивановичъ нашелъ дѣйствительно незамѣнимаго друга и сотрудницу. Съ чувствомъ высокаго уваженія и почитанія отнеслась А. Л. и къ памяти Николая Ивановича, завѣщавъ принадлежавшее ей право изданія его сочиненій такому общественному учрежденію, какъ литературный фондъ, на просвѣтительныя и благотворительныя цѣли.— *В. К.*

* * *

1.

Благо избраннымъ и славнымъ, чьи пути предъ ними ясны,
Тѣмъ, чьи самъ Господь направилъ вдохновенныя стопы!
Имъ звучатъ наказы Правды, несомнѣнны, громогласны,
И ведутъ къ высотамъ горнимъ черезъ узкія тропы.

2.

Благо тѣмъ, кому на радость даны свыше откровенья,
Укрѣпляя, наставляя окрыленный вѣрой духъ!
Тѣмъ, кто зрѣлъ во тьмѣ полночи свѣтлыхъ ангеловъ явленья,
Кто къ таинственнымъ глаголамъ преклонялъ покорно слухъ...

3.

А о тѣхъ, чьи не видали чуда сумрачныя очи,
Кто посланниковъ небесныхъ не пріялъ въ ночной тиши,
Кому истина не свѣтитъ, какъ маякъ во муракѣ ночи,
У кого нѣтъ крыльевъ вѣры для измученной души?

4.

Что-жъ о тѣхъ, кому закрыли свѣтъ небесъ земныя тѣни?
Что-жъ о тѣхъ, кому туманы заслонили ясный путь?
Неужели имъ погибнуть средь бездѣйствія и лѣни,
И во мглѣ противорѣчій непробуднымъ сномъ заснуть?

5.

Нѣтъ! для смѣлыхъ да не будетъ въ неизвѣстности преграда!
Слѣпо, сбивчиво, упорно—пусть идутъ хоть наугадъ.
Вѣдь въ усильѣ—жизнь и гордость; вѣдь въ движеніи—отрада,
А сознаніе побѣды—выше мирныхъ всѣхъ наградъ!

Кн. Марія Трубецкая.

КУЛЬТУРА
И
ВОЕННОЕ ДѢЛО

Замѣтки «штатскаго» человѣка.

IV *).

Незадолго до войны въ извѣстныхъ кругахъ нашего общества указывалось, какъ на крупнѣйшій недостатокъ русской средней школы, на то обстоятельство, что она слишкомъ много вниманія обращаетъ на научно-образовательную сторону своихъ задачъ и совершенно пренебрегаетъ нравственнымъ воспитаніемъ учащагося юношества. Несостоятельность этого мнѣнія совершенно очевидна для всѣхъ сколько-нибудь знакомыхъ съ сущностью истинно-научнаго образованія и съ организаціей школьнаго дѣла въ Россіи. Напротивъ, можно сказать, что именно полицейски-бюрократическіе, канцелярски-формалистскіе воспитательные эксперименты всякаго рода, которымъ съ такимъ усердіемъ и столь долговременно предается наша школьная администрація, вносили глубоко деморализующіе моменты въ воспитаніе нашего юношества. Эти эксперименты способны были бы парализовать даже облагораживающее и возвышающее нравственное вліяніе научныхъ занятій, еслибъ таковыя дѣйствительно существовали въ нашей школѣ. Но въ этой послѣдней, увы, имѣются лишь

---

*) См. августъ, стр. 178.

„учебныя“ занятія, т.-е. именно тѣ, въ которыхъ „man findet nicht die Spur von einem Geist, und Alles ist Dressur“.

Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, „педагогическіе авторитеты“, въ родѣ кн. Мещерскихъ и гг. Грингмутовъ, громко и рѣшительно заявляли о необходимости положить предѣлъ чрезмѣрнымъ увлеченіямъ гражданской школы „ученостью“ и указывали на военно-учебныя заведенія, гдѣ ученость, дѣйствительно, никогда не обрѣталась въ авантажѣ, но гдѣ за то воспитаніе было поставлено „отлично“.

Изъ факта отсутствія или, по крайней мѣрѣ, сравнительной рѣдкости какихъ-либо школьныхъ „исторій“ въ кадетскихъ корпусахъ и юнкерскихъ училищахъ побѣдоносно выводилось заключеніе, что въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ дисциплина стоитъ на весьма высокомъ уровнѣ и въ учащихся насаждается глубокое чувство долга. Война, несомнѣнно, должна была заставить насъ переоцѣнить и эти цѣнности.

Техника всякаго рода начинаетъ играть все болѣе и болѣе важную роль въ военномъ дѣлѣ. На каталаунскихъ поляхъ сражались полчища, по численности немногимъ уступающія арміямъ, принимавшимъ участіе въ мукденскомъ сраженіи. Но какая колоссальная разница въ цѣнности орудій всякаго рода, употребленныхъ тамъ и тутъ! Одна современная артиллерійская батарея стоитъ едва ли меньше, чѣмъ стоило все вооруженіе полчищъ Аттилы. Численность экипажа на современномъ эскадренномъ броненосцѣ мало отличается отъ числа людей, находившихся на большихъ военныхъ судахъ, громившихъ турецкій флотъ въ наваринской битвѣ; но какая разница въ стоимости современнаго броненосца и какого-нибудь трехпалубнаго стопушечнаго адмиральскаго судна начала XIX-го столѣтія! Военная техника всякаго рода пріобрѣтаетъ въ рѣшеніи судебъ кампаній все большій перевѣсъ надъ мускульной силой и даже надъ „воинскимъ духомъ“. Да—и надъ воинскимъ духомъ. Несомнѣнно, что двѣ сотни „героевъ“, самымъ примитивнымъ образомъ вооруженныхъ, могутъ обратить въ бѣгство цѣлую дивизію совершенныхъ трусовъ, хотя бы и находящихся во всеоружіи современной военной техники. Но дѣло въ томъ, что, какъ свидѣтельствуетъ военная исторія, нѣтъ безусловно трусливыхъ націй, нѣтъ безусловно трусливыхъ армій. При извѣстныхъ условіяхъ армія, составленная изъ полинезійскихъ дикарей, можетъ сражаться мужественнѣе Наполеоновской старой гвардіи. Наличность большаго или меньшаго воинскаго духа есть conditio sine qua non воинской дѣеспособности; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта наличность

является такимъ условіемъ, которое обыкновенно приходится сбрасывать со счетовъ, какъ находящееся въ числѣ „caeteris paribus" или играющее сравнительно все менѣе значительную роль. Безпристрастные наблюдатели единогласно свидѣтельствуютъ, что воинскій духъ японской арміи въ минувшую войну былъ выше духа ея противниковъ, но, тѣмъ не менѣе, военные успѣхи японцевъ съ тѣмъ же единодушіемъ объясняются не этой разницей въ ихъ пользу, а чѣмъ-то подлежащимъ несравненно болѣе точному учету.

Повидимому, не рискуя ошибиться, можно сказать, что въ минувшую войну наименѣе успѣшно дѣйствовалъ нашъ флотъ; затѣмъ, наша артиллерія значительно уступала японской по степени приспособленности къ требованіямъ современной тактики и къ физическимъ условіямъ театра военныхъ дѣйствій; но наша пѣхота если не превосходила своими боевыми качествами японскую, то, по крайней мѣрѣ, была почти равна ей. О сравнительныхъ достоинствахъ кавалеріи мы не говоримъ, въ виду крайне незначительной численности японской конницы. Наконецъ, въ самой сложной, самой, такъ сказать, деликатной отрасли военнаго дѣла—въ службѣ генеральнаго штаба—мы оказались наиболѣе отставшими отъ современныхъ требованій.

Эта печальная прогрессія отсталости различныхъ частей нашей арміи наводитъ на весьма серьезныя размышленія. Легко видѣть, что она совпадаетъ съ прогрессіей возрастающаго значенія „учености" и военной техники въ соотвѣтствующихъ частяхъ. Во флотѣ техника и спеціальная подготовка играютъ значительно бо̀льшую роль, чѣмъ въ пѣхотной службѣ—и флотъ оказывается у насъ значительно менѣе подготовленнымъ къ боевой дѣятельности, чѣмъ пѣхота. Но если это такъ, то, спрашивается, имѣютъ ли право, съ нашей „штатской" точки зрѣнія, военно-учебныя заведенія гордиться высокой дисциплиной и глубокимъ чувствомъ долга, развиваемыми ими въ своихъ питомцахъ? Если подъ дисциплиной разумѣть не одну лишь субординацію, а и строгое исполненіе требованій дѣла, не только лицъ; если подъ чувствомъ долга разумѣть не одну лишь преданность „традиціямъ" своего дѣла, но и стремленіе понять его сущность, уловить направленіе его развитія, то, спрашивается, можно ли признать нравственно-воспитательную дѣятельность нашихъ военныхъ педагоговъ сколько-нибудь удовлетворительною?

Казалось бы, задачи физическаго воспитанія будущихъ воиновъ настолько ясны и опредѣленны, что не могутъ возбуждать сколько-нибудь серьезныхъ разногласій. Въ теоріи это дѣйствительно

такъ и есть. Любой военный специалистъ согласится съ нами, что физически-идеальный современный воинъ долженъ представлять собою гармонически развитую въ физическомъ отношеніи человѣческую личность, при чемъ особенное вниманіе приходится обратить на развитіе остроты зрѣнія, а также на выработку „ловкости“, необходимой для фехтованія всякаго рода и для верховой ѣзды.

Казалось бы также, что и относительно способовъ рѣшенія задачи не можетъ быть серьезнаго разнорѣчія. Будущій воинъ долженъ какъ можно лучше питаться, жить въ возможно лучшихъ гигіеническихъ условіяхъ, какъ можно больше стрѣлять и фехтовать, а остальное отведенное для физическихъ упражненій время должно быть посвящено необходимымъ въ боевомъ отношеніи работамъ — изученію „построеній“, употребляемыхъ на поляхъ битвъ (увы, важнѣйшія изъ этихъ построеній совершенно лишены „плацпарадной“ эффектности), пріобрѣтенію навыка въ употребленіи топора и лопаты и т. п. Отмѣтимъ также хотя и детальное, но столь важное теперь требованіе: значительная часть военныхъ физическихъ упражненій должна быть производима по ночамъ. Настоящая война свидѣтельствуетъ, что мы надолго, если не навсегда, вступили въ эпоху ночныхъ сраженій.

Чрезвычайно важнымъ и благотворнымъ факторомъ не только физическаго, но и духовнаго развитія воиновъ являются, безспорно, военныя игры, почти или даже совершенно отсутствующія въ репертуарѣ физически-воспитательныхъ занятій нашихъ солдатъ. Сравнительно съ чисто утилитарными физическими упражненіями онѣ обладаютъ неоцѣнимымъ преимуществомъ создавать пріятныя эмоціи, скрашивающія монотонность и прѣсность профессіональныхъ занятій. Нынѣ практикуемая военная „гимнастика“ на различныхъ „приборахъ“ — въ родѣ опаснаго и антигигіеничнаго прыганія черезъ „козлы“, лазанія по гладко-обструганнымъ столбамъ и тому подобныхъ цирковыхъ „фокусовъ“, — должна окончательно и всецѣло уступить мѣсто военнымъ играмъ, разнообразію которыхъ нѣтъ предѣла. Повторяемъ, казалось бы, что ясность и опредѣленность какъ самыхъ задачъ физическаго развитія воиновъ, такъ и важнѣйшихъ условій и способовъ ихъ разрѣшенія, исключаетъ возможность всякихъ разногласій. Дѣло военныхъ спеціалистовъ — совмѣстно съ врачами, физіологами и гигіенистами — выработать детали этихъ условій и этихъ способовъ. Но военная рутина, удержавшая еще столько „павловскихъ“ и „николаевскихъ“ традицій, а также служеніе арміи множеству цѣлей и требованій, совершенно постороннихъ воинскому

дѣлу, создали и внесли въ физическое военное воспитаніе тысячи элементовъ, находящихся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ существеннѣйшими его задачами. „Спартанская простота“ жизни и „закаленность“ организма — вотъ тѣ условія физическаго развитія воиновъ, которыя такъ долго считались существеннѣйшими и необходимыми, которыя въ павловскую и николаевскую эпоху получили у насъ столь казенно-прямолинейное выполненіе и которыя такъ облегчили безчисленнымъ интендантамъ и подрядчикамъ накопленіе весьма значительныхъ состояній. Существовало убѣжденіе, что всякое удобство, всякое пріятное ощущеніе изнѣживаетъ, „избаловываетъ“, разслабляетъ организмъ, а потому изъ жизненнаго обихода воина должно быть исключено все этотъ обиходъ скрашивающее, все комфортабельное, самый же организмъ воина—въ видахъ „закалки“—долженъ быть какъ можно чаще подвергаемъ всевозможнымъ „испытаніямъ“.

Мы знаемъ теперь, что это не такъ, что какой-нибудь англійскій юноша-лордъ, который пользуется всѣмъ доступнымъ частному человѣку комфортомъ, но усердно занимается спортомъ, способенъ въ физической борьбѣ справиться съ десяткомъ нашихъ заморышей-пѣхотинцевъ, „воспитанныхъ“ въ душномъ, зловонномъ воздухѣ избъ и казармъ, на крестьянско-вегетаріанской пищѣ и на солдатскомъ „пайкѣ“. „Спартанскія“ воззрѣнія высшаго военнаго начальства благопріятствовали, при отсутствіи гласности и общественнаго контроля, хищеніямъ всякаго рода въ военно-хозяйственной сферѣ. Вся современная наука отдаетъ пальму первенства не спартанскому, а аѳинскому способу военнаго воспитанія. Интеллигентные, жизнерадостные воины при прочихъ равныхъ условіяхъ всегда будутъ одерживать побѣды надъ полу-дикарями, загипнотизированными субординаціей, монотонностью и скудостью казарменнаго режима. Умственно развитой человѣкъ—опять-таки при прочихъ равныхъ условіяхъ—легче переноситъ физическія лишенія. Люди сложной нервной организаціи менѣе поддаются паникѣ, чѣмъ тѣ, психическая жизнь которыхъ несложна.

Здѣсь мы подходимъ къ мосту, который соединяетъ двѣ отрасли военнаго воспитанія: физическую и духовную. Mens sana in corpore sano—принципъ, нисколько не теряющій своего значенія и въ военной практикѣ. Но не слѣдуетъ думать, что достаточно однѣхъ заботъ о здравіи тѣла, такъ какъ здравый духъ явится самъ собой. Обращая вниманіе только на физическую сторону развитія человѣка, можно воспитать лишь сильное животное, которое, за отсутствіемъ выхода для накопившейся нерв-

ной энергіи, подъ вліяніемъ безцвѣтности и монотонности окружающей обстановки, неминуемо будетъ предаваться эксцессамъ всякаго рода. Духовное воспитаніе является, слѣдовательно, не менѣе, если не болѣе, необходимою частью военнаго воспитанія, чѣмъ физическое. Со сказаннымъ выше интересно сопоставить то, что̀ передаетъ В. И. Немировичъ-Данченко объ обученіи японскихъ солдатъ. Какъ сообщали автору „Слѣпой войны" японскіе плѣнные, это обученіе продолжается не часъ и не два въ день, а отъ восхода до заката солнца. „Измученнымъ людямъ тутъ же на площади разрѣшалось составить ружья и присѣсть, и когда короткаго отдыха было довольно—офицеры опять поднимали своихъ солдатъ и муштра возобновлялась. Больше всего изводились они надъ искусствомъ сосредоточиваться быстро и неожиданно на извѣстныхъ пунктахъ, разбрасываться тамъ, гдѣ массы не оказывались необходимыми, сбираться въ желѣзный кулакъ для внезапнаго удара. *Провѣрялась сообразительность каждаго отдѣльнаго солдата.* Ему давались задачи, *которыя онъ долженъ былъ рѣшать самъ*, безъ всякой помощи офицера. Не удовлетворяясь массовымъ, стихійнымъ умомъ, инструкторы хотѣли, чтобы каждая боевая единица знала, что̀ и при какихъ обстоятельствахъ она должна дѣлать, какъ ей изучать мѣстность, въ которой она находится, и людей, попадающихся ей на пути. Ни одинъ японецъ-солдатъ не могъ отдѣлываться немогузнайствомъ. Что̀ впереди, что̀ позади, вправо и влѣво—знать это было его первою задачей, какъ только онъ останавливается на извѣстномъ пунктѣ. *Вся Японія покрыта стрѣлковыми и гимнастическими обществами.* Каждый японецъ, поэтому, тамъ солдатъ. *Онъ умѣетъ обращаться съ оружіемъ*, въ немъ развитъ извѣстный, доступный для его природы максимумъ силы. *Онъ долженъ знать компасъ* и умѣть руководствоваться его указаніями. Этого мало: ему необходимо *умѣть зачертить* къ себѣ въ памятную книжку кроки того пункта, который ему кажется важнымъ. Онъ долженъ *вести дневникъ*, потому что въ урокахъ прошлаго—указаніе для будущаго. Мало этого: онъ *обязанъ знать исторію своей страны* и ея задачи въ грядущемъ, для того, чтобы сознательно идти на смерть—понимать, что она необходима для счастья его родины, замѣняющей ему религію, Бога. Говорили у насъ: что это за армія, у которой нѣтъ Бога? Неохотно умретъ человѣкъ, не вѣрующій въ будущую жизнь. Мы на дѣлѣ увѣрились, что любовь къ своему отечеству можетъ замѣнить евангеліе, а сознаніе долга—вѣру. Японскій солдатъ учится не только дома; онъ и на боевомъ полѣ продолжаетъ тѣ же занятія. Отъ него требуется,

чтобы въ мирное время онъ умѣлъ доложить толково, въ какомъ положеніи тотъ или другой маневръ. Это не истуканъ, не пушечное мясо; это — сама себя сознающая и въ пространствѣ сама себя опредѣляющая боевая единица. Недаромъ плѣнные говорятъ: русскій солдатъ—охотно умираетъ, но неохотно думаетъ. Японецъ и умираетъ, и думаетъ. Ночью японцу тоже нѣтъ покоя. Въ японскомъ военно-полевомъ уставѣ есть любопытная статья, по которой всякіе ночные движенія и маневры воспрещаются. Очевидно, это было написано для того, чтобы ввести насъ въ заблужденіе, потому что съ начала кампаніи нашъ противникъ только тѣмъ и занимался, что наступалъ на насъ, обходилъ насъ и нападалъ на наши позиціи ночью. И въ мирное время, помимо дневныхъ ученій, и зимой, и лѣтомъ, и въ осеннюю невылазную грязь — войска по ночамъ выводились на маневры, и солдата обучали, какъ онъ долженъ дѣйствовать и оріентироваться въ сплошную темень, при обманчивомъ лунномъ свѣтѣ, какъ ему пользоваться каждою тѣнью, чтобы скрыть свое построеніе, перебѣгать отъ скалы къ скалѣ, отъ рощи къ рощѣ и затѣмъ атаковать во вракѣ невидимаго непріятеля. Все это намъ было, разумѣется, чуждо и невѣдомо, и цѣлый рядъ дѣлъ мы проиграли потому, что не ожидали ночныхъ нападеній и не вѣрили въ нихъ. Знаменитый маневръ свой въ обходъ неприступныхъ кинчжоускихъ позицій, отдавшій въ ихъ руки Квантунгъ, японцы сдѣлали, пройдя заливомъ по горло въ водѣ, и мы знаемъ теперь, что для нихъ это не было новостью. Они это нѣсколько разъ повторяли дома, на морскомъ берегу, обучаясь исполнить это такъ, чтобы ихъ противникъ или не замѣтилъ, или не могъ имъ помѣшать. А дѣйствія въ гаолянѣ? Они, живя въ Манчжуріи, по одиночкѣ и скопомъ, учились двигаться въ немъ, пользоваться его непроницаемыми стѣнами для защиты и нападенія—и то, что для насъ было новостью и неожиданностью (хотя мы съ этимъ гаоляномъ провели годы), японцу оказалось родною стихіей" („Русск. Слово" 1905 г., № 81).

Мы отмѣтили курсивомъ наиболѣе, какъ намъ кажется, назидательныя для русской арміи подробности этого описанія. По свидѣтельству В. И. Немировича-Данченко, японскій солдатъ учится и трудится очень много, но, конечно, не до переутомленія; иначе японская армія не состояла бы изъ такихъ выносливыхъ и здоровыхъ крѣпышей. Необходимо также помнить, что чѣмъ раціональнѣе, осмысленнѣе организованы какія бы то ни было занятія, тѣмъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, они менѣе уто-

мительны. Церемоніальные марши и вытягиваніе носка „добраго стараго времени“, конечно, въ теченіе двухъ-трехъ часовъ утомляли и изнуряли солдатъ болѣе, чѣмъ обученіе въ теченіе цѣлаго дня искусству „пользоваться мѣстностью“, быстро сосредоточиваться по данному сигналу, создавать искусственныя прикрытія и другимъ дѣйствительно военнымъ навыкамъ и пріемамъ. Но изъ разсказа В. И. Немировича-Данченко видно также, что многому, чему учится японскій солдатъ, нельзя, при существующихъ условіяхъ, учить русскаго. Отъ нашего солдата нельзя требовать, чтобы онъ умѣлъ заносить кроки мѣстности въ свою записную книжку, чтобы онъ велъ дневникъ, чтобы онъ зналъ исторію своей страны—нельзя потому, что онъ часто неграмотенъ, потому что онъ не получаетъ самаго элементарнаго научнаго образованія. Очевидно, слѣдовательно, что первымъ шагомъ на пути къ избавленію нашего отечества отъ военныхъ разгромовъ, подобныхъ пережитому нами въ 1904—5 гг., первымъ нашимъ дѣйствительно-патріотическимъ долгомъ является введеніе всеобщаго школьнаго обученія. Очевидно также, что наша „вольнодумствующая“ и „смутьянствующая“ интеллигенція правильнѣе понимала свои обязанности передъ отечествомъ, чѣмъ патріотствующіе обскуранты, возстававшіе противъ распространенія грамотности въ народѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что „полу-образованіе опаснѣе полнаго невѣжества“. Какъ будто бы существуютъ „вполнѣ“ образованные люди, какъ будто армія, въ которой всѣ офицеры окончили бы курсъ самыхъ что ни на есть „высшихъ“ военныхъ учебныхъ заведеній, а солдаты были бы поголовно безграмотны, могла бы оказать сколько нибудь серьезное сопротивленіе современной, обученной по-европейски арміи, въ которой солдаты грамотны и сознательно относятся ко всему происходящему вокругъ нихъ. Вотъ это-то сознательное отношеніе къ окружающей дѣйствительности, даваемое сколько-нибудь научно поставленнымъ школьнымъ образованіемъ, и дѣлаетъ нашихъ патріотовъ черносотеннаго покроя такими ярыми противниками всеобщаго народнаго обученія. Они понимаютъ, что пробужденіе общественнаго самосознанія въ народѣ будетъ концомъ многихъ милыхъ ихъ сердцу порядковъ. Ихъ патріотизмъ не сознаетъ опасности, угрожающей 150-ти-милліонному, но безграмотному, невѣжественному народу, живущему среди націй, энергично и непрерывно работающихъ надъ своимъ умственнымъ развитіемъ. Они согласны еще сотни разъ быть свидѣтелями тяжкихъ военныхъ неудачъ, лишь бы только къ народу, въ деревню не проникли люди, которые, съ знаніемъ грамоты, принесутъ съ

собою пониманіе истинъ, лежащихъ въ основѣ государственной и общественной жизни всѣхъ современныхъ культурныхъ народовъ.

V.

Всякая сколько-нибудь замкнутая корпорація неминуемо вырабатываетъ въ своей средѣ извѣстныя традиціи, которыя въ различныхъ фазисахъ развитія корпораціи дѣйствуютъ различно: или способствуютъ ея „расцвѣту“, успѣшности ея борьбы за существованіе, или, наоборотъ, ведутъ къ ея „вырожденію“ и гибели. Лишь въ обществахъ съ весьма несложной организаціей могутъ существовать корпораціи, почти не отражающія въ своей жизни общественныхъ вѣяній и теченій. И притомъ такою уединенною жизнью въ „хатѣ съ краю“ могутъ жить или, вѣрнѣе, прозябать лишь корпораціи, ни на какое общественное вліяніе, общественное значеніе не претендующія.

Для корпорацій, играющихъ сколько-нибудь значительную роль въ общественной жизни, можно установить слѣдующее апріорное положеніе, безчисленное множество разъ подтвержденное историческимъ опытомъ: традиціи, вырабатываемыя ими въ своей внутренней жизни, лишь тогда благопріятствуютъ ихъ развитію, когда онѣ не идутъ въ разрѣзъ съ общественнымъ прогрессомъ. Человѣчество въ своемъ развитіи подчиняется тенденціямъ, сила которыхъ можетъ быть названа стихійною, совершенно независящею отъ воли отдѣльныхъ лицъ или общественныхъ группъ. Всякая общественная корпорація, развивающая въ своей средѣ тенденціи, съ общечеловѣческими не совпадающія, рано или поздно должна вступить въ конфликтъ съ жизнью и, слѣдовательно, или уступить ея велѣніямъ, или погибнуть.

Армія, какъ общественная корпорація, имѣющая цѣлью защищать оружіемъ интересы общества, въ различные періоды исторической жизни человѣчества переживала немало критическихъ моментовъ, возникавшихъ изъ несоотвѣтствія ея организаціи, ея традицій „духу времени“ — тенденціямъ общественнаго развитія. Обыкновенно эти „моменты“ были большими „сюрпризами“ для спеціалистовъ военнаго дѣла. Когда римскіе легіоны, давно превратившіеся изъ народнаго войска въ преторіанское, оказались безсильными противостоять бѣшеному натиску „варварскихъ“, но свободныхъ племенъ; когда рыцарская кавалерія начала таять подъ выстрѣлами „мужичья“, вооруженнаго огнестрѣльнымъ оружіемъ; когда деревянно-стройные полки прусской

и австрійской армій, воспитанныхъ на традиціяхъ Фридриха Великаго, въ безпорядкѣ бѣжали передъ благородной французской „сволочью“, бросившейся къ границамъ отечества для его защиты, наскоро вооружившись, наскоро обучившись необходимѣйшимъ ружейнымъ пріемамъ, элементарнѣйшимъ боевымъ построеніямъ; когда едва достигшіе совершеннолѣтія Гоши и Марсо, Дезэ и Бонапарты гнали съ полей сраженія генераловъ, „посѣдѣвшихъ“ въ дыму маневровъ и парадовъ, въ затхломъ воздухѣ казармъ и военныхъ канцелярій, — тогда всякій разъ начиналась „новая эпоха“ въ развитіи арміи, заключавшаяся въ ломкѣ многихъ самыхъ „священныхъ“ военныхъ традицій и въ приспособленіи военныхъ силъ націи къ измѣнившимся требованіямъ военнаго дѣла и общественнаго строя. И всякій разъ какой-нибудь народъ дорогою цѣною оплачивалъ наглядное доказательство ненужности, обветшалости, отсталости тѣхъ или иныхъ особенностей организаціи своей арміи.

Мы видѣли, что жившій въ Японіи незадолго до настоящей войны штабсъ-капитанъ русской арміи пришелъ къ заключенію, что „пройдетъ еще много лѣтъ, пока японская армія усвоитъ себѣ нравственныя основанія, на которыхъ зиждется устройство всякаго европейскаго войска“. Мы знаемъ теперь, что это заключеніе глубоко ошибочно, что послѣ успѣховъ манчжурской кампаніи японская армія едва-ли найдетъ нужнымъ спѣшить съ усвоеніемъ себѣ тѣхъ „нравственныхъ основаній“, на которыхъ „зиждется устройство всякаго европейскаго войска“. На оборотъ, европейскимъ спеціалистамъ военнаго дѣла слѣдуетъ какъ можно тщательнѣе ознакомиться съ условіями, благодаря которымъ японская армія оказалась проникнутой столь пламеннымъ патріотизмомъ, столь беззавѣтнымъ мужествомъ, столь глубокимъ чувствомъ долга. Портъ-артурскіе и мукденскіе бои засвидѣтельствовали, что изученіе „традицій“ арміи, настолько молодой, что она не могла еще выработать ихъ самостоятельно въ своей средѣ, было бы весьма назидательнымъ. Очевидно, въ самомъ дѣлѣ, что „нравственныя основанія“, побуждавшія японскихъ солдатъ съ такимъ самоотверженіемъ выносить всѣ лишенія и опасности войны, почерпнуты изъ нравственной сокровищницы всей японской націи. Можетъ, слѣдовательно, существовать первоклассная армія, никакими особыми, спеціально-военными традиціями не обладающая. Нація, страстно стремящаяся усвоить себѣ всѣ блага человѣческой культуры, можетъ развивать въ своей средѣ нравственныя основанія, достаточныя для духовнаго воспитанія первоклассной арміи.

Повторяемъ, для военныхъ спеціалистовъ Европы все это глубоко назидательно, такъ какъ почти всѣ европейскія арміи считаютъ специфически-военныя традиціи обязательнѣйшимъ и заслуживающимъ самаго тщательнаго, благоговѣйнаго даже культивированія элементомъ своей духовной жизни. Несомнѣнно, арміи съ богатымъ боевымъ прошлымъ всегда будутъ имѣть свои „боевыя" традиціи; но иронія судьбы именно и заключается въ томъ, что при современныхъ условіяхъ военной службы, при все болѣе быстромъ развитіи военной техники, дѣйствительно боевыя традиціи или очень скоро отживаютъ и, слѣдовательно, никакого культивированія не заслуживаютъ, или же онѣ культивируются вопреки, такъ сказать, ходу военнаго прогресса и тогда оказываются вредными для боевыхъ достоинствъ арміи. Сравнительно живучими и дѣйственными—особенно въ странахъ съ несвободно совершающимся прогрессивнымъ развитіемъ—оказываются сословныя, кастовыя, узко-профессіональныя традиціи и фикціи всякаго рода, которыми замѣняются „нравственныя основанія", дѣйствительно способныя воодушевлять людей, идущихъ на смерть. Въ этихъ традиціяхъ правящіе классы усматриваютъ тотъ цементъ, который способенъ сдѣлать изъ арміи оплотъ противъ „всеразрушающихъ вліяній времени". Дѣйствительно народная и дѣйствительно воинственная армія должна стремиться какъ можно скорѣе покончить со всѣми предразсудками, видящими въ ней нѣчто иное, чѣмъ „часть общества, организованную для его защиты".

VI.

Изъ всего до сихъ поръ нами сказаннаго о сущности военнаго дѣла, о физическомъ и духовномъ военномъ воспитаніи и военныхъ традиціяхъ, съ очевидностью вытекаетъ нашъ общій взглядъ на военную профессію: это—спеціальная общественная профессія въ ряду другихъ, ей подобныхъ въ общемъ, различающихся отъ нея въ частностяхъ. Ходячему возраженію, что военная профессія требуетъ отъ посвящающихъ себя ей особенной твердости духа, мужества, храбрости, самоотверженія, вѣрности долгу, преданности дисциплинѣ, мы противопоставимъ лишь напоминаніе, что существуютъ и другія профессіи, совершенно „штатскія", гдѣ, однако, всѣ эти несомнѣнно цѣнныя качества требуются въ неменьшей, если не въ большей степени. Укажемъ, напримѣръ, на профессіи врачей и больничныхъ си-

дѣлокъ, горнорабочихъ, моряковъ купеческаго флота, машинистовъ желѣзнодорожныхъ и заводскихъ, служащихъ въ пожарныхъ командахъ, воздухоплавателей, химиковъ, занимающихся изготовленіемъ взрывчатыхъ веществъ. Правда, у представителей этихъ профессій обыкновенно не развита специфически-военная храбрость, но это объясняется весьма просто: специфически-военная храбрость—это мужество и способность къ самопожертвованію, проявляемыя въ специфически-военныхъ условіяхъ, благодаря выработавшемуся, вслѣдствіе привычки къ нимъ, самообладанію. И если есть специфически-военная храбрость, то существуетъ профессіональная храбрость и у врачей, химиковъ, моряковъ и т. д. А если все это такъ, то очевидно, что и подготовленіе къ военной профессіи должно совершаться на основаніяхъ, въ общемъ совершенно такихъ же, на какихъ подготовляются труженики другихъ спеціальныхъ профессій,—не больше, но и не меньше.

Признавъ это, мы необходимо должны вспомнить одинъ изъ самыхъ основныхъ принциповъ общественной организаціи учебнаго дѣла: нельзя подготовлять взрослаго человѣка, а тѣмъ болѣе юношу, а тѣмъ болѣе ребенка, къ какой бы то ни было спеціальной профессіи, пока не выяснились съ достаточною опредѣленностью его склонности и его способности. Нельзя потому, что это безнравственно, это противорѣчитъ нашему правосознанію, требующему возможно болѣе свободнаго самоопредѣленія личности, и, наконецъ, потому, что это въ высшей степени невыгодно для общества.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, конечно, отрицательное отношеніе не только къ существующей у насъ системѣ военно-учебныхъ заведеній, но и ко всѣмъ другимъ системамъ, имѣющимъ цѣлью „съ дѣтства подготовлять людей къ той или другой спеціальности“,—всѣмъ нашимъ „духовнымъ“, „коммерческимъ“, „техническимъ“, учебнымъ заведеніямъ, принимающимъ подъ свою ферулу дѣтей, лишенныхъ еще возможности опредѣлить свое „я“.

Чтобы представить себѣ всю уродливость подобныхъ учебно-воспитательныхъ экспериментовъ, достаточно вообразить себѣ мальчугана лѣтъ 12—13 съ повадками и вкусами „настоящаго“ діакона, или купца, или техника. Мальчикъ въ 12—13 лѣтъ долженъ быть мальчикомъ 12—13 лѣтъ и больше ничѣмъ. Передъ нимъ долженъ быть раскрытъ весь Божій міръ, вся „книга жизни“, вся сокровищница человѣческихъ знаній. Если общество не въ состояніи выполнить этого требованія, то оно должно быть реформировано. Но никакъ нельзя измѣнять или приспособлять

это требованіе примѣнительно ко взглядамъ нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ.

Особенно необходимо настаивать на соблюденіи этого требованія по отношенію къ военной профессіи, потому что здѣсь существуетъ наибольшій соблазнъ злоупотребить правиломъ: volenti non fit injuria. Дѣти обнаруживаютъ страстное желаніе быть генералами и барабанщиками, гусарами и знаменосцами или трубачами и тамбуръ-мажорами. Развѣ это не достаточно яркое выраженіе военныхъ склонностей? Да, склонностей ко всему воинственному и блестящему, свойственныхъ тому возрасту, когда развиваются мускулы и легкія, когда для зрительныхъ нервовъ еще такая новость всякій блескъ и всякій яркій цвѣтъ— свойственныхъ этому возрасту, какъ свойственны ему корь и другія дѣтскія болѣзни. И если къ нашимъ кадетскимъ корпусамъ, главнымъ поставщикамъ офицеровъ для русской арміи, всецѣло можетъ быть отнесенъ упрекъ въ несоблюденіи указаннаго нами принципа, то единственнымъ оправданіемъ ихъ существованія является именно свойственная дѣтямъ „воинственность" и чрезвычайно плѣнительная для русскаго дворянства возможность воспитывать дѣтей на казенный счетъ, „безъ хлопотъ и заботъ", матеріальныхъ и нравственныхъ. Но вѣдь мы говоримъ не о дворянскихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, а объ общественныхъ, въ той ихъ организаціи, которая служила интересамъ всего общества. Мы видѣли, что въ военномъ воспитаніи, духовномъ и физическомъ, важнѣйшее мѣсто должно быть отведено моментамъ обще-воспитательнымъ, а не спеціальнымъ, такъ сказать военно-воспитательнымъ.

Въ большинствѣ современныхъ культурныхъ государствъ существуетъ всеобщая воинская повинность, существуетъ также обязательная для громаднаго большинства гражданъ всеобщая трудовая повинность. Каждый гражданинъ долженъ быть способнымъ не только къ „бою", но и къ труду: слѣдовательно, общее воспитаніе должно развить въ немъ въ возможной гармоніи какъ физическія, такъ и духовныя силы. И если общее развитіе силъ необходимо въ интересахъ дѣла, то, наоборотъ, многія нынѣ спеціально-военныя учрежденія вполнѣ пригодны для цѣлей общаго воспитанія. Одинъ изъ японскихъ военачальниковъ утверждалъ, уже въ послѣдній періодъ русско-японской войны, что боевая подготовка новобранцевъ японской арміи продолжается три-четыре мѣсяца. Мы не знаемъ, насколько это утвержденіе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но спросимъ лишь, какъ много времени требовалось бы на военное обученіе

нашихъ новобранцевъ, еслибы они явились къ отбыванію воинской повинности изъ школъ, въ которыхъ ихъ учили бы стрѣлять и фехтовать, ѣздить верхомъ и плавать, въ которыхъ ихъ развлекали бы военными играми и давали бы имъ знанія приблизительно въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они даются нашей общеобразовательной средней школой, но безъ колоссальнаго схоластическаго балласта, т.-е. безъ тѣхъ „знаній“, которыми никакой истинно-образованный человѣкъ не дорожитъ, предпочитая не загромождать своей памяти данными, которыя можно найти въ любомъ энциклопедическомъ словарѣ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается отчасти самою практикой нашего военнаго дѣла: „вольноопредѣляющійся“ перваго разряда служитъ только одинъ годъ. Всякое военно-учебное заведеніе есть, во-первыхъ, учебное, во-вторыхъ учебное спеціальное, а въ-третьихъ учебное спеціально-военное заведеніе. Поэтому требованія, которымъ должна удовлетворять общественная организація военно-учебныхъ заведеній, сообразно съ сущностью дѣла, могутъ быть раздѣлены на три группы: 1) относящіяся ко всякой общественно-организованной школѣ, 2) относящіяся ко всякой общественно-организованной спеціальной школѣ, и 3) относящіяся къ спеціально-военной общественно-организованной школѣ.

Всякая общественно-организованная школа, само собою разумѣется, должна быть совершенно открыта для реальнаго общественнаго контроля и для общественнаго воздѣйствія. Присутствіе на урокахъ и лекціяхъ должно быть доступно для „стороннихъ посѣтителей“; экзамены должны быть публичными, пренія и рѣшенія педагогическаго совѣта — подлежащими огласкѣ и обсужденію въ органахъ гласности.

Всякая общественно-организованная школа должна служить цѣлямъ и интересамъ общества; весь строй ея долженъ соотвѣтствовать общественнымъ этическимъ и правовымъ воззрѣніямъ. Въ обществѣ, напримѣръ, съ всеобщей воинской повинностью военно-учебныя заведенія должны быть открыты для всѣхъ гражданъ, независимо отъ ихъ сословнаго или классоваго положеній.

Военно-учебныя заведенія, какъ и всякія спеціальныя школы, должны предоставить задачу общаго научнаго образованія всецѣло общеобразовательной школѣ, благодаря чему съ наибольшей экономіей времени, средствъ и силъ какъ учащихъ, такъ и учащихся, будутъ достигаться цѣли какъ общаго, такъ и спеціально-научнаго образованія. Какъ и другія спеціальныя школы, военно-учебныя заведенія должны отказаться отъ надежды выпускать

„совершенно готовыхъ“ спеціалистовъ, владѣющихъ всѣми методами и всѣми данными своей спеціальности. Необходимо помнить, что время ученья въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ коротко, человѣческая же изобрѣтательность и развитіе человѣческой техники безконечны, непрерывны. Дѣло школы — научить, какъ пріобрѣтать умѣнье работать, а не „давать“ учащемуся это умѣнье.

Въ военномъ дѣлѣ, какъ и во всякой другой отрасли человѣческой дѣятельности, совершается непрерывный прогрессъ, непрерывная спеціализація: старыя спеціальности расчленяются, возникаютъ спеціальности новыя. Военная школа должна считаться съ этимъ явленіемъ. Необходимо помнить, что нѣтъ и быть не можетъ такой идеально предусмотрѣнной и навсегда опредѣленной системы военныхъ школъ, которая заключила бы всецѣло въ свои рамки русло прогрессивнаго развитія военнаго дѣла. „Идеальной“ организаціей военно-учебныхъ заведеній можно признать лишь такую, которая открываетъ наибольшій просторъ требованіямъ жизни, т.-е. въ данномъ случаѣ военнаго прогресса.

При настоящемъ уровнѣ развитія военнаго дѣла одинъ человѣкъ не въ состояніи овладѣть всѣми его отраслями съ одинаковымъ совершенствомъ. Съ другой стороны, никакой спеціалистъ не можетъ въ совершенствѣ владѣть своей спеціальностью, не будучи знакомъ съ ея ролью и положеніемъ среди другихъ отраслей дѣла. Отсюда слѣдуетъ, что и въ наукахъ и прикладныхъ знаніяхъ, входящихъ въ составъ военно-научнаго образованія, слѣдуетъ отличать общую часть, знакомство съ которой обязательно для каждаго, посвящающаго себя военной профессіи, и спеціальную, распадающуюся на множество отраслей, выборъ между которыми, конечно, долженъ быть предоставленъ свободному усмотрѣнію учащихся.

Таковы самыя основныя требованія, предъявляемыя военной школѣ, какъ спеціальному общественно-организованному учебному заведенію. Само собою разумѣется, что свобода ученія и обученія, самая строгая (но не оскорбительная) дисциплина (всесторонняя, а не однобокая) и самая полная свобода частной жизни учащихся—являются необходимыми условіями успѣшности учебныхъ занятій въ военной школѣ, какъ и во всякой другой.

Что касается чисто „военныхъ“ требованій, которыя должны быть предъявлены военной школѣ, то выработка ихъ, конечно, дѣло спеціалистовъ.

Мы нисколько не сомнѣваемся, что со стороны послѣднихъ, и, притомъ, особенно со стороны „практиковъ“ военнаго дѣла,

наши замѣчанія вызовутъ лишь недоумѣніе и снисходительную улыбку. „На практикѣ — скажутъ они намъ — существуютъ не военныя школы, а множество различныхъ военныхъ школъ: юнкерскія и военныя училища, военныя академіи—юридическая, генеральнаго штаба, артиллерійская, инженерная, — интендантскіе курсы, не говоря уже о кадетскихъ корпусахъ, за которыми вы, кажется, не признаете права на существованіе. Существуетъ и цѣлая система военно-морскихъ учебныхъ заведеній. Спрашивается, какое отношеніе могутъ имѣть ваши столь общія замѣчанія къ этой сложной, выработавшейся подъ вліяніемъ практическихъ требованій, системѣ военно-учебнаго дѣла? Свобода ученья — вещь, можетъ быть, прекрасная, но какое значеніе можетъ она имѣть, напримѣръ, для юнкерскихъ училищъ, откуда въ опредѣленный срокъ должны быть выпущены достаточно подготовленные субалтернъ-офицеры?"

На подобный вопросъ мы, конечно, могли бы отвѣтить не менѣе снисходительной улыбкой. Мы понимаемъ, что для практиковъ военнаго дѣла существуютъ лишь „рядовые", „унтеръ-офицеры" и „юнкера", которые должны быть „подготовлены" къ той или иной „должности", къ исполненію тѣхъ или иныхъ военныхъ обязанностей; но для насъ существуютъ лишь Сидоровы, Карповы и другіе граждане земли русской, желающіе изучить военное дѣло, чтобы посвятить себя военной профессіи, причемъ совершенно нельзя предрѣшать, что выйдетъ изъ этихъ Сидоровыхъ и Карповыхъ — скромные ли унтеръ-офицеры, или многообѣщающіе подпоручики.

VII.

Когда революціонная Франція бросилась къ своимъ границамъ, чтобы защищать ихъ отъ вторженія полчищъ европейской коалиціи; когда руководимый геніальнымъ организаторомъ, Лазаремъ Карно, французскій народъ съ удивительной быстротой сформировалъ нѣсколько армій, которымъ не въ силахъ была противостоять солдатчина крѣпостной Европы; когда геніальный корсиканскій авантюристъ съ такимъ искусствомъ воспользовался энергіей націи, охваченной истинно-патріотическимъ порывомъ— тогда въ самыхъ затхлыхъ военныхъ министерствахъ впервые сверкнула мысль, что эпоха профессіональныхъ армій отжила свой вѣкъ и что вооруженному народу можетъ противостать лишь вооруженный народъ.

Заканчивался первый циклъ развитія организаціи вооруженныхъ силъ общества. Отъ первобытныхъ племенъ, въ средѣ которыхъ каждый мужчина, способный носить оружіе, являлся, вмѣстѣ съ тѣмъ, воиномъ, черезъ кастовую и сословную организацію арміи, общество пришло къ необходимости введенія всеобщей воинской повинности. Послѣдуютъ ли за этимъ цикломъ другіе — рѣшитъ исторія. До наступленія всеобщаго мира еще очень далеко. Человѣческой культурѣ предстоитъ еще „переварить" азіатскій Востокъ и весь африканскій материкъ. Покуда азіатскіе и африканскіе народы лишь „вовлекаются" въ міровое культурное обращеніе, покуда въ „государственныхъ тайнахъ" колоніальной политики европейская буржуазія ищетъ точки опоры для своего столь пошатнувшагося на родинѣ политическаго преобладанія, нѣтъ ничего невозможнаго, что за первымъ, столь продолжительнымъ цикломъ развитія общественно-военной организаціи послѣдуетъ второй, конечно не столь продолжительный. Уже теперь въ нѣкоторыхъ странахъ выдвигается на очередь вопросъ, не настала ли пора замѣнить колоссальныя, мало-подвижныя и „дурно-обученныя" арміи, формирующіяся на почвѣ всеобщей воинской повинности, „небольшими", но „закаленными" профессіональными арміями съ долголѣтнимъ срокомъ службы, которыя, въ случаѣ возникновенія военныхъ дѣйствій, могли бы наносить быстрые и рѣшительные удары, а затѣмъ, еслибы война приняла затяжной характеръ, могли бы являться кадрами, постоянно пополняемыми людьми, взятыми „отъ сохи" и кое-какъ обученными.

Легко видѣть, подъ вліяніемъ какихъ факторовъ возникла эта идея комбинаціи профессіональной арміи съ факультативной, такъ сказать, всеобщей воинской повинностью. Всеобщая воинская повинность „обобществляетъ" армію, даетъ громадныя силы для отраженія „враговъ внѣшнихъ"; но по отношенію къ врагамъ внутреннимъ она оказывается, съ обостреніемъ классовыхъ противорѣчій, все болѣе явственно обоюдоострымъ оружіемъ.

Надо замѣтить при этомъ, что хотя періодъ „вооруженія націй" начался сравнительно давно — со времени побѣдоносныхъ войнъ революціонной Франціи, — вполнѣ послѣдовательнаго проведенія, въ политическомъ и вообще публично-правовомъ отношеніи, принципъ всеобщей воинской повинности не получилъ, — за исключеніемъ демократичнѣйшей изъ республикъ, Швейцаріи, — ни въ одной изъ странъ европейской культуры. И чѣмъ далѣе отъ западныхъ береговъ европейскаго континента расположено государство, тѣмъ меньшее соотвѣтствіе наблю-

дается между обязанностями, налагаемыми воинской повинностью на населеніе государства, и правами, которыя, казалось бы, всеобщая воинская повинность, какъ и всякая другая, должна предоставлять вообще всѣмъ гражданамъ государства.

Н. Новиковъ.

КАМЕНЩИКЪ

Полудня жаръ глаза мои туманитъ,
Я камни бью на жгучей мостовой,
Колючій зной лицо мнѣ жжетъ и ранитъ,
И шумный городъ стонетъ надо мной.

За взмахомъ взмахъ дроблю я неустанно
Гранитъ и мраморъ, ровно и съ плеча,
Крутится пыль надъ площадью туманной,
И теменъ мозгъ отъ жгучаго луча.

Шумитъ толпа волною безпокойной...
Не отдохнетъ покорная рука, —
И гасну я, какъ тѣнь въ пустынѣ знойной,
Подъ острый звонъ стального молотка.

И, какъ во снѣ, я слышу чьи-то рѣчи
И шелестъ платьевъ въ полдень голубой,
И грудь болитъ, и тупо ноютъ плечи...
Я камни бью измученной рукой.

К. Одинцовъ.

ЛИПЫ

(Въ родѣ хроники.)

Законъ временъ...

Закону времени подчинены не только люди. Дряхлыя теперь липы стояли когда-то могучей зеленой стѣной вокругъ всего обширнаго двора, рощи ихъ окружали усадьбу, широкія тѣнистыя аллеи вели къ рѣкѣ и въ поля. Рядъ помѣщичьихъ поколѣній жилъ въ ихъ зеленой тѣни, любилъ, ненавидѣлъ, фантазировалъ, бражничалъ. Предавался преступленіямъ и добродѣтелямъ. Мыслилъ. Валялся въ грязи и стремился, какъ умѣлъ, къ небесамъ.

Но время прошло надъ зелеными липами, и теперь каждый свѣжій вѣтеръ то здѣсь, то тамъ валитъ на землю великана. И лежитъ онъ тогда на землѣ, поникнувъ вѣтвями, и ждетъ: вотъ прибѣгутъ дѣти, расковыряютъ палками прахъ его сердцевины, залѣзутъ въ открывшееся черное дупло и сдѣлаютъ изъ поверженнаго игрушку. Потомъ придутъ большіе суровые и сѣрые люди, порубятъ его на дрова,—на скверныя дрова, надо сознаться,—и сожгутъ въ печи. И отъ былого не останется ничего, кромѣ горсти сѣдого пепла.

И такъ не станетъ свидѣтелей жизни славнаго рода Магеровскихъ.

Прадѣды.

Липы родились въ лѣсу и долго стояли на лѣсныхъ полянахъ, гладкоствольныя, круглоголовыя и нарядныя. Быть можетъ, онѣ провели бы тамъ всю свою долгую жизнь, еслибы Наполеонъ не вздумалъ отдѣлаться отъ безпокойнаго польскаго ле-

гіона, охваченнаго республиканскимъ духомъ и мечтавшаго о Великой Польшѣ, и не отправилъ бы его на Антилльскіе острова.

Панъ Игнацій Магеровскій, инженеръ-полковникъ, дравшійся сначала въ войскахъ Косцюшки, а потомъ рывшій траншеи и ложементы по всей Европѣ, куда только ни забрасывала его легіонъ рука великаго завоевателя, увидѣлъ въ этомъ „измѣну“ Наполеона и, полный негодованія и ненависти къ „корсиканцу“, вышелъ въ отставку, ссылаясь на многія раны и старость. Пользуясь счастливой политической конъюнктурой, наступившей послѣ тильзитскаго міра, онъ вернулся въ свои обширныя бѣлорусскія маёнтки и промѣнялъ мечъ на орало.

Въ Завишкахъ его не видѣли лѣтъ двадцать и не узнали въ угрюмомъ старомъ ипохондрикѣ лихого и привѣтливаго пана, котораго видывали раньше. Панъ Игнацій наскоро отдѣлалъ одно крыло стараго, запущеннаго дома и заперся въ немъ. Жилъ одиноко; выѣзжалъ только изрѣдка по воскресеньямъ въ костелъ, и того рѣже на охоту; принималъ у себя ксендза и пана Юліана Маціевича, своего сосѣда и друга молодости. Занимался тѣмъ, что, посвистывая, часами ходилъ по огромному темному залу и что-то думалъ и вспоминалъ, думалъ и вспоминалъ... должно-быть былое, навѣки утерянное, растраченное и растоптанное. Вокругъ усадьбы, памятуя, вѣроятно, что онъ, какъ-ни-какъ, инженеръ и военный, Магеровскій возвелъ цѣлую систему укрѣпленій. Выкопалъ десятокъ прудовъ, соединилъ ихъ рвами, вынутую землю насыпалъ валами; по угламъ устроилъ земляные бастіоны. Казалось, что старый вояка хотѣлъ превратить свою усадьбу въ укрѣпленный лагерь.

— Зачѣмъ, панъ полковникъ, роешь?—спрашивалъ Магеровскаго ксендзъ.—Стоитъ, думаю, дорого, а пользы отъ этого никакой не имѣешь...

Магеровскій хмурилъ сѣдыя брови и, угрюмо улыбаясь подъ сѣдыми свислыми усами, загадочно говорилъ:

— Пользы, говоришь, не имѣю?.. Кто знаетъ!.. Кто знаетъ!..

И потомъ, помолчавъ, безъ видимой связи продолжалъ:

— А!! Всѣ—лотры! Что австріяки, что пруссаки, что москали... А корсиканецъ! Тоже съ канальевъ каналья!

И, очевидно раздражаясь и отдаваясь власти интимныхъ чувствъ и затаенныхъ мыслей, уже кричалъ:

— Знать никого не хочу! То—онъ показывалъ кому-то куда-то вдаль—ваше! А это—мое! Знать никого не хочу и никого къ себѣ не пущу. А захотятъ взять силой—поставлю гайдуковъ за валами: бери меня!

Это было очень сердито—и очень смѣшно. Тѣмъ болѣе, что никакія канальи и никакіе лотры не приходили брать пана полковника. Земскіе же ярыжки и другіе представители власти почтительно останавливались за рогатками, зная, что въѣздъ въ усадьбу имъ запрещенъ. Но подъ смѣшной и парадоксальной формой таилась подлинная и глубокая трагедія.

— Потеряли отечество. Не имѣемъ друзей. Всѣ измѣнили, раскрали насъ, потоптали, — говорилъ Магеровскій старшему сыну своему, Станиславу, пріѣзжавшему на каникулы домой изъ іезуитской коллегіи.—Должны имѣть надежду только на свои слабыя силы. Да, бра̀тику, да...

Глубокая тоска звучала въ этихъ словахъ... Но черезъ минуты въ маленькихъ выцвѣтшихъ глазахъ снова вспыхивала злоба маньяка. Показывая широкимъ жестомъ на свои укрѣпленныя владѣнія, на поля и лѣса, онъ снова кричалъ:

— Нѣтъ, врешь! Сюда не залѣзешь! Пушки поставлю!

И онъ дѣйствительно поставилъ въ воротахъ усадьбы двѣ старыя пушки. Обрядилъ въ мундиры дворню, гайдуковъ вооружилъ мушкетами, загородилъ дороги рогатками, заказалъ ихъ для проѣзда чужимъ. Каррикатурно переживалъ какой-то псевдо-реставрированный удѣльный періодъ, не признавалъ надъ собой никого—и тосковалъ, тосковалъ безнадежно.

— Не имѣемъ отчизны!..

Только два раза за долгіе годы ликовалъ онъ и былъ злобно счастливъ. Разъ тогда, когда горбатый Янкель, корчмарь и фактотумъ, стоя у притолки кабинета, разсказывалъ:

... — Докладую ясновельможному пану, что маю для пана добры мушкеты и добры шаблюки... ахъ, яки шаблюки!..

— Ну, тащи...

Янкель бѣжалъ въ сѣни и несъ оттуда кремневки и сабли, которыя скупалъ у крестьянъ, подбиравшихъ ихъ на поляхъ сраженій и снимавшихъ съ убитыхъ. И торгуясь, и расхваливая товаръ, Янкель разсказывалъ, что подъ Пропойскомъ, а потомъ подъ Смоленскомъ москалей легло цѣлыхъ сто тысячъ, а можетъ и двѣсти...

А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ опять живописно повѣствовалъ о томъ, что отъ Краснаго и до Орши, и даже до Борисова не видно снѣгу изъ-подъ синихъ и красныхъ французскихъ мундировъ, и что, если пану нужно — онъ доставитъ и сѣдла, и уздечки, и ружья, и еще Богъ знаетъ что, — что только ни понадобится ясновельможному пану...

Магеровскій впивалъ, какъ нектаръ, эти кровавыя вѣсти.

Оживленный, радостно-злобный, широко шагалъ онъ по своему кабинету и рычалъ:

— Такъ! Отъ-то, такъ!.. Врешь!?.. Есть еще Богъ на небѣ... Рвите себѣ шкуры... Сгиньте якъ тарантулы... Якъ скорпіоны!.. Такъ!.. А пушку, не достанешь мнѣ пушку?.. Канальи!!..

Но круговоротъ историческихъ событій совершался внѣ зависимости отъ желаній и надеждъ завишковскаго пана. Скорпіоны не сгинули и остались господами положенія. А потому и Магеровскому не осталось ничего, кромѣ игры въ солдатики и фортификаціонныхъ затѣй на узкомъ полѣ своихъ маёнтковъ.

И понемногу трагедія выродилась въ угрюмый фарсъ.

Если великія событія родятъ героевъ, то и герои превращаются въ пигмеевъ, когда мельчаетъ жизнь и съуживается поле дѣятельности. Безразлично, былъ ли Магеровскій прежде большимъ человѣкомъ. Если и былъ, то, отгородившись отъ міра кольцомъ валовъ и заслонившись стѣною липъ, которыя мужики выкапывали для него въ лѣсу и пересаживали въ усадьбу, онъ измельчалъ, обрекъ себя на скуку и идущія за нею слѣдомъ нелѣпыя причуды.

Копя тоску, досаду, скуку, больной и раздраженный бродилъ онъ по своимъ покоямъ и по зеленымъ бастіонамъ, не зная, къ чему придраться, на чемъ сорвать свой гнѣвъ. И былъ доволенъ, когда приближенный гайдукъ Стефанекъ, старый волкъ съ разбойничьими ухватками, докладывалъ, что чужія подводы снова поѣхали въ лѣсъ по заказанной дорогѣ или черезъ завишковскія поля, и нарушили самодѣльные законы Магеровскаго. Онъ на минуту оживалъ, вспыхивалъ былой энергіей и, махая длиннѣйшимъ чубукомъ, точно маршальскимъ жезломъ, командовалъ:

— Але-жъ, на коней! Порубить имъ гужи и заверты! Маршъ!..

— Да бизунами, бизунами ихъ, лайдаковъ!! — оралъ онъ потомъ вслѣдъ съѣзжавшимъ со двора гайдукамъ.

Конная орда неслась въ погоню за нарушителями „закона", рубила гужи, хлестала нагайками мужиковъ, безчинствовала — а Магеровскій себя же считалъ обиженнымъ.

— Нѣтъ покоя отъ этихъ лотровъ! — жаловался онъ. — Ну, погоди же, отучу...

Если сосѣдъ обижался, и за разбойное нападеніе на своихъ людишекъ платилъ тою же монетой — тогда дѣло осложнялось и разгоралась войнишка. Начинала быстрѣе работать мысль, пульсъ жизни бился полнѣе, возникали хитрые планы. Врага подкарауливали, ставили ему западни, лихо разносили вражескую

корчму, пускали пухъ изъ перинъ арендатора-еврея, кормившагося на владѣніяхъ врага-сосѣда—и такъ обманывали себя призракомъ шляхетской свободы.

Кто знаетъ? Быть можетъ, пану Игнацію такъ-таки и удалось бы окончить свои дни, баюкая себя мыслью, что, вотъ—хотя весь свѣтъ и сталъ вверхъ дномъ,—онъ, панъ Игнацій Магеровскій, не поддался. Но судьба рѣшила иначе.

Черезъ рѣчку жилъ панъ Юліанъ Маціевичъ, единственный другъ Магеровскаго, другъ молодости—и съ нимъ-то наконецъ поссорился старый полковникъ, вѣроятно потому, что больше уже не съ кѣмъ было воевать. Поссорился изъ-за пустяка, нелѣпо, но безповоротно. Мы знаемъ, что всего лютѣе вражда друзей.

Вотъ какъ было дѣло. На двухъ крутыхъ изгибахъ рѣки стояли двѣ мельницы: повыше — Маціевича, пониже — Магеровскаго. Запретъ или задержитъ воду арендаторъ верхней мельницы — стоитъ и бездѣйствуетъ нижняя. Отсюда ссоры арендаторовъ и жалобы панамъ.

— Панъ, запираешь воду, а мой млынъ стоитъ,—сказалъ однажды Магеровскій своему другу. — Не по-сосѣдски дѣлаешь.

Панъ Юліанъ любилъ Магеровскаго и былъ ему душевно преданъ. Но тоже имѣлъ гоноръ, и когда его задѣвали — сердился.

— Вѣрно имѣешь лучшаго сосѣда, что меня считаешь плохимъ?—спросилъ онъ не безъ яда.

Вопросъ не понравился Магеровскому. Нахмурясь, онъ отвѣтилъ:

— Не виляй, панъ, хвостомъ: не о другихъ дѣло. Самъ живи по-сосѣдски...

— Може у кого другого хвостъ есть—у меня не выросъ. А о млынѣ скажу: мой млынъ! Хочу—мелю, хочу—собираю воду. Имѣю право!

— Имѣешь право у себя, а запирать мою воду права не маешь. А будешь садить меня на сухое — порублю пану заставки!

— Мнѣ?! Заставки? Ей Богу, не порубишь!

— Какъ Бога люблю, порублю!

— Мнѣ?!

— Тебѣ!

— Порубишь?!

И порубилъ. Послалъ ночью гайдуковъ, и тѣ вынули заставки, порубили гнѣзда, да заодно попили у мельника горѣлку.

— А, сто дьябловъ! Когда ты такъ!! — разсвирѣпѣлъ Ма-

ціевичъ, узнавъ о разбоѣ. И на слѣдующую же ночь порубилъ заставки на мельницѣ Магеровскаго.

Такимъ образомъ и здѣсь началась войнишка; и такъ какъ Магеровскій не привыкъ оставлять неотомщенными оскорбленія, то началъ обдумывать, какую бы головокружительную пакость совершить обидчику.

— Ты хочешь?!—бормоталъ онъ злобно, забывъ, что панъ Юліанъ его старый и послѣдній другъ: — ты хочешь? Изволь! Пусть будетъ такъ, какъ ты хочешь. Мнѣ порубить заставки! Думаешь, панъ, что съ Магеровскимъ жарты? Побачь, побачь, изволь!..

Выходило такъ, будто Магеровскій дѣлаетъ пану Юліану особое одолженіе, разбирая мостъ, ведущій къ его мельницѣ. Неудивительно, что онъ совсѣмъ возмутился, когда Маціевичъ въ отвѣтъ выгналъ весь свой табунъ на его луга.

Во всякомъ сильномъ чувствѣ заложенъ творческій моментъ. И потому, въ отместку, Магеровскій изобрѣлъ такую штуку, до какой не додумывался еще никто. Онъ поставилъ всѣхъ своихъ мужиковъ на лугъ и перекопалъ широкимъ рвомъ луку. Ровъ перехватывалъ воду выше мельницы врага и ставилъ ее на сухое. Не прошло недѣли, и вся рѣка бѣжала мимо вражьяго млына, прямо на мельницу пана Игнація. Онъ ликовалъ, радостно потиралъ руки и ждалъ—чѣмъ же теперь отвѣтитъ панъ Юліанъ?

— Что? Получилъ? Думаешь теперь? Не выдумаешь!

Но Маціевичъ не думалъ. Онъ строчилъ жалобу. Писалъ въ повѣтовый судъ. Писалъ маршалку. Онъ апеллировалъ къ власти и общественному мнѣнію на невиданныя и неслыханныя безчинства Магеровскаго, справиться съ которымъ единолично онъ не могъ. И такъ какъ Маціевичъ былъ почтенный и уважаемый человѣкъ, то первый разъ въ жизни Магеровскому пришлось входить въ „негоціаціи“ съ ксендзомъ, являвшимся къ нему въ качествѣ парламентера, съ маршалкомъ, пріѣзжавшимъ мирить сосѣдей и хотя деликатно, но всетаки упрекать воинственнаго чудака. Старыя кости, однако, гнутся плохо, и поладить съ паномъ Игнаціемъ добромъ не удалось. Судебное дѣло пошло своимъ ходомъ. Въ одинъ прекрасный день пріѣхалъ секретарь повѣтоваго суда взять объясненія на жалобу пана Юліана. Пріѣхалъ, постоялъ передъ рогатками и уѣхалъ, такъ какъ Стефанекъ категорически заявилъ:

— Ступай къ лиху! Вамъ тутъ ходу нѣтъ.

Точно также не пустилъ онъ пана исправника. Тогда опять

пріѣхалъ панъ маршалокъ. Сидѣлъ. Обѣдалъ. И за кофе осторожно сообщилъ Магеровскому, что надо эти штуки кончить.

— Что будешь дѣлать, панъ, если придутъ солдаты ломать твои рогатки? Секретаря не пустилъ. Исправника прогналъ. Думаешь, что солдатъ прогонишь? Съ пушки палить будешь? Крулевство Завишковское объявишь? Ой, дорогой мой панъ, плохіе это жарты, не по нынѣшнимъ временамъ.

И такъ очевиденъ былъ анахронизмъ „удѣльнаго княжества Завишковскаго“ съ его полуразбойными нравами, такъ убѣдителенъ тонъ и аргументы маршалка, говорившіе, что и валы, и бастіоны, и пушка у воротъ—только „жарты“, что Магеровскій, хотя и огрызался и ворчалъ сердито: „я къ нимъ не ѣзжу, нечего и ко мнѣ шататься“... но въ сущности капитулировалъ. Стефанекъ принялъ у воротъ отъ секретаря бумаги и молча положилъ ихъ на столъ въ кабинетѣ Магеровскаго. Панъ Игнацій молча посмотрѣлъ на нихъ и нѣсколько дней не трогалъ, сдвинувъ на край стола.

„Стану я читать твои кляузы!“—думалъ онъ презрительно, обращаясь въ мысляхъ къ своему врагу.

Но постепенно въ немъ наростало любопытство. Эти кляузы, бѣлымъ пятномъ лежавшія тутъ, у него въ кабинетѣ, интриговали его. И раздражали: вѣдь онѣ вторглись насильно. Что же набрехалъ онъ тамъ въ нихъ, собачій сынъ? Кляузами вздумалъ пробрать его, старый дурень! И вотъ, однажды Магеровскій взялъ въ руки длинные листы, исписанные писарскимъ четкимъ почеркомъ, посмотрѣлъ на нихъ, потомъ бросилъ, опять потрогалъ и, наконецъ, рѣшительно заперъ дверь, надѣлъ очки и сѣлъ читать.

Читая описаніе всѣхъ учиненныхъ имъ криминаловъ—описанія, какъ ему казалось, явно облыжныя, и къ тому же пересыпанныя поносительными эпитетами, относившимися къ нему, Магеровскому, — панъ Игнацій первый разъ въ жизни понялъ, что перо—оружіе острое, способное наносить мучительныя раны.

— Каналья!—бормоталъ онъ по своему обыкновенію, и чувствовалъ себя кругомъ обиженнымъ. Что въ самомъ дѣлѣ дѣлалъ онъ? Рубилъ Маціевичу заставки и мосты? Бизунами полосовалъ спины его мужиковъ? Важность какая! А здѣсь ему самому, подъ его собственную кожу всадили остро отточенное чернильное перо, и шевелили тамъ, разворачивая и растравливая рану. Въ этомъ есть разница!

Разъ десять перечитывалъ онъ заключительную фразу, которою Маціевичъ резюмировалъ свою жалобу: „...... И хоть я

такъ полагаю, что свои подлые и противные доброму сосѣдству, а также законамъ и добрымъ правиламъ поступки мой обидчикъ совершилъ только по своей невоспитанности и полной грубости,—какъ онъ на самомъ дѣлѣ есть человѣкъ невоспитанный и грубый,—всетаки терпѣть ихъ я болѣе не могу. А потому всепокорнѣйше прошу повѣтовый судъ"...

— А, такъ ты вотъ какъ!..—рычалъ Магеровскій, свидѣтельствуя тѣмъ о своей обычной готовности принять бой и продолжить его. И останавливался въ недоумѣніи. Принять бой! Хорошо. Но на какой почвѣ? Какимъ оружіемъ? Что сдѣлать? Чѣмъ отвѣтить? Послать опять мужиковъ или гайдуковъ? Опять портить вещи? Нѣтъ, надо добраться до самого... Но какъ?

Долго мучился надъ этимъ вопросомъ Магеровскій, разжигая себя чтеніемъ ядовитой кляузы, не сходившей теперь съ его письменнаго стола. Еслибы онъ былъ моложе, еслибы въ немъ еще играла кровь и фантазія, онъ, можетъ быть, и выдумалъ бы что-нибудь свое, оригинальное. Но кровь медленно и вяло переливалась въ старыхъ жилахъ, и мысли не играли. Поэтому... Поэтому однажды онъ разыскалъ листъ выцвѣтшей бумаги, десять лѣтъ валявшейся безъ употребленія, и самъ настрочилъ жалобу на Маціевича, бѣшено-злую, ядовитую жалобу. Мечъ рыцаря промѣнялъ на перо кляузника.

Какъ ни естественна была эта смѣна оружія, она всетаки была настоящимъ крушеніемъ, настоящей измѣной всѣмъ навыкамъ и правиламъ долгой жизни. И что хуже—это была въ то же время наклонная плоскость, по которой старая жизнь ползла къ ничтожеству. Никогда не испытывалъ панъ Игнацій такой тоски, такой скуки жизни, какъ послѣ дней, проведенныхъ въ совѣщаніи съ ярыжками и въ обдумываніи кляузъ и бумажныхъ подвоховъ. Никогда не чувствовалъ себя такимъ приниженнымъ и слабымъ, какъ теперь, когда кто-то третій, какой-то писака въ повѣтовомъ судѣ, являлся его судьей, суперарбитромъ въ спорахъ, которые онъ привыкъ рѣшать самолично. И тѣмъ не менѣе, разъ начавъ, онъ не могъ остановиться, и все царапалъ старчески трясущейся рукой ядовитые отзывы, жалобы и апелляціи, кормилъ ярыжекъ съ лисьими манерами и хищными взглядами—и въ то же время хирѣлъ и чахъ, и терялъ смакъ жизни.

Какъ молнія прорѣзалъ эти надвигавшіяся потемки слухъ, принесенный все той же „жидовской почтой" и сообщенный все тѣмъ же Янкелемъ, теперь тоже дряхлымъ старикомъ, что въ Варшавѣ—революція, что Польша—въ огнѣ. Какъ старый боевой

конь при звукѣ боевой трубы ржетъ и на минуту гордо поднимаетъ шею, такъ и старый Магеровскій на минуту ожилъ, и прежній огонь зажегся въ его измельчавшей душѣ.

— Ѣдемъ! Стефанекъ, складай вещи! Саблю мнѣ!..

Но когда масло выгорѣло, свѣтильня можетъ вспыхнуть разъ и два, на короткое мгновеніе. Ярко и ровно горѣть не будетъ. Саблю вычистили, смазали масломъ и повѣсили обратно на стѣну, чемоданы отнесли въ официну.

— Насъ тамъ не нужно... Тамъ люди требуются, а не старые ослы. Такъ, Стефанекъ?

— Якъ панъ прикаже...

— Дуракъ! ты знаешь, чѣмъ человѣкъ родится?—Магеровскій задумался, глядя куда-то вдаль, быть-можетъ вдаль прожитыхъ лѣтъ. И потомъ, какъ бы очнувшись, печально заговорилъ:

— Родится онъ поросенкомъ... Пищитъ, верещитъ... Подростетъ потомъ и брыкается, какъ жеребенокъ... Вотъ какъ нашъ Стась за мамзелями въ Парижѣ... А какъ стукнетъ ему тридцать лѣтъ, то станетъ онъ конемъ, и пойдетъ въ бой—вотъ, какъ мы съ тобой ходили. Гдѣ мы съ тобой не были, гдѣ не воевали, а?

— Ахъ, пане, пане! Весь свѣтъ исходили, по всему свѣту свою кровь пролили...

— Такъ. А съ коня сдѣлается воломъ. Въ ярмо его! Паши землю, работай на господина... И насъ съ тобой Бонапартъ въ ярмо запрегъ, поработали на него... А, лотръ!.. Да. А потомъ придетъ старость, пропадетъ сила, и станетъ человѣкъ лисомъ... Валами окружились, рвы покопали... А! Лисью нору устроили, себя и весь свѣтъ надуть захотѣли. Такъ? Ты что молчишь? Потому что оселъ. Ослами мы стали. Судиться вздумали. Пора въ могилу... Въ могилу, говорятъ тебѣ, а не въ Варшаву. Тамъ такихъ не нужно...

И дѣйствительно, тѣмъ же лѣтомъ для пана Игнація Магеровскаго вырыли могилу и закопали его подъ большою липой на верху холма, обнесеннаго валомъ съ гласисами и бастіонами.

Дѣды.

Прошло лѣтъ десять—и все измѣнилось въ Завишкахъ. Рука исторіи повернула калейдоскопъ—и стекляшки сложились въ новыя, причудливыя фигуры. Сѣдымъ преданіемъ казались теперь

разсказы о старомъ панѣ, который, окруженный гайдуками, бросалъ въ пространство сердитый вызовъ:

— Бери меня!

Героическій періодъ Завишекъ окончился. Теперь на сценѣ разыгрывалась кудрявая, манерная пастораль. Липы подстригли конусами, шарами и цилиндрами, къ великому горю пани Контовой, экономши и супруги стараго Конта, эконома, довѣреннаго и фактотума пана Станислава Магеровскаго. Въ тѣни стриженыхъ деревьевъ поставили нагія статуи нимфъ и сатировъ, играющихъ на свирѣляхъ—статуи, отъ которыхъ съ негодованіемъ отворачивалась цѣломудренная экономша.

— Были липки—стали фигли-мигли! А съ голыхъ бабъ тѣхъ—одинъ срамъ,—говорила она.

— То якъ въ Версалю и въ Парижѣ, моя дорогая,—неувѣренно защищалъ новыя вѣянія ея супругъ.

— Хоть якъ въ Версалю—все равно, паскудство!

Она вообще была алармисткой, эта добрая пани Контова, всю честь свою полагавшая въ томъ, чтобы быть вѣрной слугой дома Магеровскихъ. Но, служа „дому", она служила его традиціямъ, оберегала и блюла ихъ, и протестовала всей душой противъ перемѣнъ.

А перемѣнъ было много. Онѣ доказывали, что Стась, за время пребыванія въ Парижѣ, не только „брыкалъ, какъ жеребенокъ, за мамзелями",—говоря грубымъ языкомъ пана Игнація,—но и кое-чему научился. Онъ уловилъ и полюбилъ тотъ легкій и изящный духъ, немножко скептическій и фривольный, немножко сантиментальный, который вѣялъ на улицахъ Парижа и въ гостиныхъ сенъ-жерменскаго предмѣстья, отражая и непобѣдимыя преданія „великаго вѣка", и незыблемыя традиціи „великаго короля". Еще болѣе полюбилъ онъ ту матеріальную культуру, которую создали изящный вкусъ и богатство. Поэтому, когда на его глазахъ по Европѣ прошла новая революціонная волна и, между прочимъ, выбросила на берега Сены тысячи его единоплеменниковъ-поляковъ, онъ практическимъ умомъ завишковскаго пана, воспитаннаго парижской гостиной, далъ ей соотвѣтственную оцѣнку.

— Политика—то глупство. Франкмасоны, карбонаріи, революціи—охъ-хо-хо!—то тоже глупство. Мѣшаютъ жить...

— Ежели ты добрый обыватель,—философствовалъ онъ,—и имѣешь на плечахъ голову, а не тыкву,—живи себѣ въ свое удовольствіе, наблюдай свои маёнтки, люби свою жену,—ну, и чужую, когда красивая,—и не мѣшайся въ политику. Съ поли-

тикой — революція. Съ революціей — разореніе. То есть барбаризмъ! А ты живи себѣ. Вотъ и все...

Съ такой философіей пріѣхалъ панъ Станиславъ послѣ смерти своего отца въ Завишки, и началъ „жить". Это не значитъ, что онъ самъ сталъ „наблюдать свои маёнтки": нѣтъ, скучное и хлопотное дѣло онъ взвалилъ на плечи Конта, своего прежняго камердинера, а самъ занялся болѣе пріятнымъ. Перестроилъ домъ, настлалъ паркеты. На стѣны повѣсилъ картины и гравюры. Въ книжные шкафы въ „билліардной" поставилъ Вольтера и Шатобріана въ дорогихъ тисненыхъ переплетахъ. Разбилъ цвѣтники, подстригъ липы и въ тѣни ихъ поставилъ десятокъ нимфъ, флоръ и сатировъ.

— Все якъ въ Версалю!—говорили простодушные люди.

Затѣмъ онъ началъ присматривать себѣ невѣсту. „Люби свою жену"—это было однимъ изъ членовъ его символа вѣры; и хотя существовало добавленіе: „ну, и чужую, когда красивая", тѣмъ не менѣе основной тезисъ требовалъ исполненія.

Еслибы панъ Станиславъ не пропитался тѣмъ скептически-эпикурейскимъ духомъ, который, по его мнѣнію, составлялъ соль западной культуры, онъ, слѣдуя традиціи и предписаніямъ религіозной морали, обязательной для каждаго добраго поляка, избралъ бы себѣ подругу жизни въ доброй польской семьѣ. Но Магеровскій отравился Парижемъ, денаціонализировался, насколько это было возможно безъ нарушенія приличій, и женился, поэтому, руководствуясь не тождествомъ національности и религіи, а тождествомъ, какъ ему казалось, вкусовъ и культурныхъ навыковъ. Женился на „москалькѣ", съ которой танцовалъ и за которой ухаживалъ еще за границей. Конечно, добрыя пани, имѣвшія на рукахъ хорошенькихъ паненокъ, были оскорблены въ своихъ матримоніальныхъ и религіозныхъ чувствахъ. Контъ и Контова думали, что случилось величайшее несчастье, почти позоръ. Панъ Юліанъ Маціевичъ, доживавшій свои послѣдніе дни, негодовалъ и говорилъ:

— Съ роду Магеровскихъ никто еще не бралъ москалекъ! То—мезаліансъ!

Но молодая завишковская пани была такъ красива и любезна, панъ Станиславъ—такъ очаровательно гостепріименъ; такъ хорошо кормилъ французскій поваръ, вывезенный Магеровскимъ изъ Парижа; такой, наконецъ, „высокій штиль" царилъ въ этомъ домѣ, что понемногу негодующія рѣчи умолкли, и самые злые языки, и самые пламенные патріоты простили Магеровскому его „измѣну". Прошло нѣсколько лѣтъ—и не было другой такой

усадьбы, къ которой бы по „фестамъ“ тянулось такое большое число дормезовъ, брыкъ и нетычанокъ, какъ къ Завишкамъ. А еще черезъ нѣсколько лѣтъ шляхта единогласно, и даже съ увлеченіемъ, выбрала Магеровскаго своимъ „маршалкомъ“.

— Поищи другого такого маршалка! Ого! въ Версалю всего наглядѣлся!—говорили мужчины.

— Notre aimable! — коротко и точно аттестовали Магеровскаго дамы.

Умѣть повести домъ и быть любезнымъ — этого было довольно, чтобы съ достоинствомъ представлять собою дворянство. Но Магеровскій присоединялъ сюда еще настоящее, подлинное добродушіе, и сочетанія этихъ простыхъ и милыхъ достоинствъ было достаточно, чтобы внушить къ себѣ глубокое уваженіе и получить право смотрѣть на міръ сверху внизъ.

И онъ смотрѣлъ на него сверху внизъ, съ высоты своего неизмѣннаго благодушія, всегда ласковый, спокойный и свѣтло довольный, платя тѣмъ за уваженіе, за почитаніе, за услуги, за службу...

А службы было больше всего. Сотни и сотни живыхъ существъ только о томъ и думали, только, казалось, для того и жили, чтобы Магеровскому было хорошо и ничѣмъ не нарушался его свѣтлый покой.

Еще не всходило лѣтнее солнце, а Контъ уже бѣгалъ, съ сучковатой дубинкой въ рукахъ, по каморамъ и клѣтушкамъ, будилъ „дивчатъ“, покрикивалъ охрипшимъ отъ постоянной брани голосомъ на лайдаковъ-пастуховъ, поднималъ на ноги всю многочисленную лѣнивую дворню и несся въ поля, ругаясь съ „хлопами“, съ „быдломъ“. Табуны „дѣвокъ“ шли къ скотнымъ дворамъ, гремя подойниками, и къ огородамъ. Пастухи играли на своихъ длинныхъ трубахъ, сдѣланныхъ изъ липоваго луба, тѣ простыя и нѣжныя ритурнели, которыя такъ нравятся дѣтямъ и, должно быть, коровамъ. Коровы, сопя широкими и влажными ноздрями, тяжело вздыхая, шли, постукивая костяшками колѣнъ, за играющими музыкантами, въ широкіе росистые луга, въ еще темный, влажный, едва проснувшійся лѣсъ. И наполнялись лѣсъ, и поле, и рабочій дворъ усадьбы звуками жизни, работы, движеніемъ. И все—для Магеровскаго.

Для него же сидѣлъ на крылечкѣ старенькій Францишекъ-камердинеръ, чистилъ платье и козловые сапожки, и ждалъ, когда въ окнѣ опочивальни раздвинутся занавѣски. Тогда, тихонько шлепая старыми ногами, бѣжалъ онъ съ платьемъ, теплой водой, щипцами, бритвами „до пана“, и бросалъ по дорогѣ шепоткомъ:

— Всталъ южъ!

— Але-жъ, поворачивайтесь скорѣе...

И въ буфетной немедленно начиналась тихая, неслышная суета. Контова, строгая и сухая, скользила, какъ тѣнь, между шкафами и маленькимъ каминомъ, гдѣ на угляхъ кипятили сливки такъ, чтобы на нихъ образовались румяныя, хрустящія пѣнки,— и бросала грозные взоры, и шипящія, короткія приказанія молоденькимъ дѣвушкамъ и казачкамъ:

— Мелкаго сахару! Подбрось углей... Отъ-то, индюшка!

А между тѣмъ Францишекъ, прислуживая своему пану, докладывалъ ему о погодѣ, о мелкихъ происшествіяхъ и о пришедшихъ издалека, устной передачей, слухахъ.

— Ну, и добже!—говорилъ въ отвѣтъ Магеровскій, вѣрный разъ навсегда усвоенному оптимизму. — Хорошая погода, говоришь? Ну, и слава Богу, слава Богу!.. Дождь? А и безъ дождя, дружокъ, нельзя,—посохнетъ все... Третій день, говоришь, дождь? Трава покошена? Ну, значитъ, скоро и перестанетъ, если третій день...

— А еще, вельможный пане, докладую: слухъ есть, умеръ ксендзъ-пробощъ на Обраницахъ...

— Умеръ?! Когда? Что ты говоришь!.. Ну, на все воля Божія,—благословенно имя Его... А хорошій былъ человѣкъ, хорошій... Божья воля... А кофе готовъ?

И, розовый, гладкій и душистый, въ коротенькомъ, застегнутомъ до верху сюртучкѣ, высокихъ воротничкахъ, съ кокомъ на сѣдѣющей головкѣ, Магеровскій выплывалъ изъ опочивальни. Трепалъ двумя пальцами по щекѣ тѣхъ, кто припадалъ къ его плечику, говорилъ всѣмъ вмѣсто привѣтствія свое:

— Добже, добже...

И шелъ на променаду. Гулялъ по отцовскому валу, садился подъ отцовскими липками, смотрѣлъ на смѣющіяся поля, на веселую рѣчку, гдѣ по старому, но уже мирно стояли и вертѣли своими колесами обѣ мельницы...

Тутъ обыкновенно подходилъ къ нему панъ Игнатій, младшій братъ его, отличавшійся въ дѣтствѣ такой проказливостью, что отцы іезуиты, въ коллегію которыхъ онъ въ свое время тоже поступилъ, возвратили его отцу съ рекомендаціей:

— И субботники не помогаютъ!

Такъ и остался Игнатій въ Завишкахъ, доканчивая свое образованіе на конюшнѣ и въ отъѣзжемъ полѣ. Когда панъ Станиславъ, послѣ смерти отца, вернулся домой, онъ, въ качествѣ старшаго брата, занялъ отцовское мѣсто, и балбесъ Игнатій сталъ

теперь ему цѣловать руку по утрамъ и называть его „паномъ братомъ“. Когда Станиславъ женился, Игнатій переселился въ флигелекъ, получивъ въ свое распоряженіе казачка и подростка-дѣвочку, карафашку, и пару маленькихъ лошадокъ. На мелкія нужды панъ Станиславъ выдавалъ ему временами одну-другую золотую монетку, трепалъ пальцами по щекѣ и, плутовато улыбаясь, говорилъ:

— Вразъ протрешь, братишку, вочи деньжонкамъ... Знаю, знаю... Молодая кровь...

Чѣмъ ярче разгоралась звѣзда старшаго Магеровскаго, тѣмъ глубже въ тѣнь уходилъ младшій. Это дѣлалось само собою и было въ порядкѣ вещей. Панъ Станиславъ былъ старшій—это значило много. Панъ Станиславъ былъ женатый, а Игнатій — просто „паничъ“. Онъ былъ неотдѣленный, слѣдовательно—безъ общественнаго положенія. Безъ воспитанія—и потому чувствовалъ себя въ гостиной связаннымъ и неловкимъ. Онъ не могъ, поэтому, стоять рядомъ съ братомъ—съ маршалкомъ!—и жилъ при братѣ подъ его рукой, почти какъ приживалка, показываясь въ домѣ только во время обѣда, послѣ котораго цѣловалъ руку брату и „братовой“, а панъ Станиславъ опять трепалъ его двумя пальцами по головѣ и ласково бормоталъ свое:

— Добже, братишку, добже...

Поздоровавшись съ братомъ на „променадѣ“, Игнатій почтительно становился около скамеечки, на которой сидѣлъ Магеровскій, и иногда робко докладывалъ:

— Хотѣлъ бы Богу помолиться... Прошу позволенія брата съѣздить до костела...

— Богу помолиться? То добже. Такъ поѣзжай, братишку, поѣзжай...

— Еще хотѣлъ просить пана брата... Деньги вышли... Гиршѣ два рубля отдалъ...

— Ну, ну! Гиршѣ! Знаю я, какому Гиршѣ... Охъ, молодо-зелено... Ну, скажи Конту, чтобы далъ золотой. Скажи—я велѣлъ. Повеселись, повеселись...

Иногда братья съ променады шли на псарню. Брыластые гончаки и тонкія, какъ змѣи, борзыя обступали ихъ, лаяли, скакали на плечи.

— Хлѣба принесъ, братишку? Опять забылъ? Ну, сбѣгай, сбѣгай скорѣе въ людскую. Принеси краюшку...

И Игнатій рысцою бѣжалъ за краюшкой, потому что это было въ порядкѣ вещей: онъ—младшій и неотдѣленный, а панъ Станиславъ—маршалокъ!

Когда променада кончалась, и панъ-маршалокъ уходилъ въ свои покои, Игнатій шелъ на розыски Конта. Поймавъ его въ амбарѣ, или на полѣ, или на гумнѣ, онъ хваталъ его за рукавъ, отводилъ въ сторону и, трясясь отъ злобы, шепталъ:

— Дай, дорогой мой, двадцать пять рублей. Богомъ прошу — дай! Къ обѣднѣ ѣду, людей увижу, дай Христа ради...

— Але-жъ на что такъ много? Побойся Бога, двадцать пять рублей! Что скажетъ панъ маршалокъ?

— Не тычь мнѣ въ носъ твоего маршалка. Что? или я тоже не Магеровскій? Такой же Магеровскій я! Возьми, говоритъ, у Конта золотой! Что я съ нимъ, съ золотымъ этимъ, сдѣлаю? Предъ людьми меня срамитъ, у самого всѣ кисеты золотыми набиты, самъ видалъ... А мнѣ... Дай двадцать пять!

— Не могу. Три рубля пану дамъ. Три да пять — буде восемь...

— Контъ!..

— Не дамъ больше.

И Контъ уходилъ поближе къ рабочимъ, или къ себѣ, въ официну. Въ официну за нимъ врывался Игнатій.

— Контъ! Пани Контова!! До петли меня довести хотите? Такъ доведете, Богомъ клянусь, доведете. Гдѣ же правда? Мы развѣ не съ одного корня?

— Но панъ есть младшій; пойми, панъ: младшій! Младшій долженъ быть почтительный, послушный. Не срами себя, панъ. Еще кто подслушаетъ...

— Пусть слышатъ. Я того и хочу, чтобы всѣ слышали. Держатъ какъ лакея. Сами въ гости, я—дома! Сами въ дормезѣ, я—въ нетычанкѣ. Сами всюду первые, я—послѣдній!

— Но ты же, панъ, молодой, ты неженатый. Панъ маршалъ-же есть маршалъ, онъ тебѣ за отца...

Игнатій безнадежно махалъ рукой и говорилъ:

— Знаю, знаю. Ну, молчи ужъ. Дай хоть десять рублей... Руку цѣлую...

— Контъ, дай ужь десять,—рѣшала Контова, и добавляла:

— Все равно на глупости, панъ, растратишь.

Игнатій бралъ деньги, пряталъ въ карманъ, и только тогда отвѣчалъ сухо и пренебрежительно:

— А то не пани дѣло. На глупство, или не на глупство...

Панъ маршалъ ничего не зналъ, конечно, объ этихъ взрывахъ мятежныхъ чувствъ Иньяса, — такъ на французскій ладъ передѣлали имя Игнатія. Контъ ему о нихъ не докладывалъ, а самъ Иньясъ при братѣ былъ тише воды и ниже травы. Вернувшись

изъ поѣздки, вырвать десять рублей для которой ему стоило столько труда, онъ благодарилъ брата, и на вопросъ:—Ну, помолился, братишку? Погулялъ? Хорошо съѣздилъ?—отвѣчалъ покорно:

— А какъ же, хорошо, благодарю пана брата. Кланялись пану брату Бржозовскіе, Окольскіе... велѣли передать почтеніе...

— Спасибо, спасибо. А денегъ хватило?

— А хватило. Еще два рубля домой привезъ...

— Ну, то и добже...

Все было или все казалось, такимъ образомъ, на своемъ мѣстѣ, прочнымъ и правильнымъ, въ прочной, спокойной и по своему красивой жизни, которую устроилъ себѣ панъ Магеровскій. Сосѣди почитали и любили; братъ уважалъ; дѣти росли, милыя и послушныя; домъ былъ какъ полная чаша. Въ центрѣ этого счастливаго круга стоялъ онъ, Магеровскій, и потому было естественно, что въ немъ и мысли не возникало о необходимости какихъ-либо поправокъ и измѣненій; не возникало и подозрѣнія, нѣтъ ли въ этой цѣльной на видъ и хорошей жизни тайной трещины, проникающей до самой ея сердцевины.

А трещины были. И было ихъ много...

За линіей валовъ, окружавшихъ обширную и нарядную усадьбу въ Завишкахъ, тянулись далеко по живописнымъ и легкимъ холмамъ, по неглубокимъ привѣтливымъ долинамъ и, наконецъ, по широкой поймѣ рѣки поля и луга, на которыхъ царствовалъ Контъ. Прорѣзанныя межами, окопанныя канавами, впитавшія въ себя неисчислимое количество мужицкаго труда, поля эти были красивы. И Магеровскіе сами любили ходить и любили водить своихъ гостей въ липовую бесѣдку на валу, откуда открывался широкій смѣющійся видъ въ рамкѣ темныхъ стѣнъ обширныхъ лѣсовъ.

Въ этихъ лѣсахъ, глухихъ и высокихъ, было темно и влажно даже въ лѣтнюю пору, когда земля на поляхъ трескалась отъ жары. Черныя дороги, какъ змѣи крутившіяся между деревьями, были всегда топки и грязны. Мѣстами онѣ выползали на небольшія глухія поляны, затерявшіяся среди болотъ, между черными стѣнами елей. На нихъ гдѣ-нибудь, прижавшись къ лѣсу точно большія кротороины, ютились жилища лѣсныхъ людей—низкія, черныя, курныя избы. Точно слѣпыми глазами смотрѣли онѣ своими окнами, величиною въ ладонь человѣка, сквозь осколки стекла и куски бычьяго пузыря, на грязь дороги и на стѣну лѣса.

Изъ избъ, изъ-за дырявыхъ плетней, на грязную улицу, тянувшуюся между ними, выползали временами грязныя бѣлоглазыя

и бѣловолосыя дѣти, съ громадными, точно водянкой вздутыми животами. Рылись въ землѣ, копошились на грудахъ бревенъ и жердей и, какъ мыши по норамъ, разбѣгались и прятались въ огородахъ, въ лопухахъ у заборовъ и въ подворотняхъ, когда, громыхая и сотрясая землю, въ деревню въѣзжалъ панскій дормезъ, съ форрейторами на уносныхъ, съ ливрейными гайдуками на запяткахъ. Щелкалъ бичъ, храпѣли кони, кричали форрейторы; дормезъ, блестя стеклами и мѣдными бляшками, колыхался—а человѣческія мыши съ острымъ и боязливымъ любопытствомъ глядѣли изъ своихъ норъ на тѣ таинственныя существа, которыя назывались „панами" и важно сидѣли и качались за стеклами экипажей...

Преждевременно состарившіяся женщины, съ глазами, разъѣденными дымомъ курныхъ логовищъ, и понурые мужики съ колтунами въ волосахъ, тихо шли лѣсными тропинками, на зарѣ, изъ этихъ деревень на господскія поля, пахали и сѣяли, косили и жали. И когда жали хлѣбъ, ими взрощенный, но не имъ предназначенный, разливались заунывными, страшными пѣснями, тоскливыми, какъ волчій вой глухой ночью.

Когда солнце садилось, они возвращались домой, въ свои логова, ѣли мякину съ мукой, а ночью, если свѣтила луна, призрачными тѣнями разсыпались уже по собственнымъ тощимъ полямъ, и безъ пѣсенъ, въ угрюмомъ молчаніи, опять косили и жали—свое.

Временами изъ лѣсныхъ топей поднимались злые туманы. Ржа ѣла хлѣбъ. Тогда старыя женщины, вставъ до зари, крались, нагія, на свои больныя поля и разстилали на нихъ кругами золотую солому—жертву цѣлителю-солнцу.

Временами злые вѣтры наносили моровыя болѣзни—оспу, горячку, моръ на скотину. Тогда знахари шептали заклинанія; колдуны на заходѣ солнца, уловляя послѣдній лучъ его, вбивали осиновымъ клинушкомъ въ стѣну избы или хлѣва пучокъ волосъ заболѣвшаго и шептали таинственныя слова... А днемъ оставшіеся на ногахъ и здоровые опять пахали и сѣяли, запрегши въ соху или борону корову и женщину, сѣяли хлѣбъ нищеты въ убогую землю, окруженную темными стѣнами угрюмыхъ лѣсовъ.

Что тамъ, за стѣнами угрюмыхъ лѣсовъ? Неизвѣстно! Враждебныя силы. Паны. Бѣлыя руки, и ихъ орудіе—кнутъ! Конта жители лѣсовъ знали хорошо. Хорошо знали его жесткую руку и его суковатый дрючокъ. Но о бѣлыхъ господскихъ рукахъ ходили болѣе или менѣе миѳическіе разсказы, свидѣтельство-

вавшіе о маломъ знакомствѣ двухъ обособленныхъ и чуждыхъ другъ другу міровъ.

Иногда только изъ верхняго бѣлаго міра въ міръ низкій и черный протягивалась рука, выхватывала какую-нибудь буйную голову, чтобы не вернуть ее никогда: изъ солдатъ въ то время рѣдко возвращались. Иногда рука хватала случайную и рѣдкую красивую дѣвушку. Бывало, что такая возвращалась беременной или больною и хилой.

Иногда въ верхнемъ мірѣ созрѣвалъ неожиданно планъ, вызванный хозяйственными соображеніями—и тогда лѣсныхъ жителей заставляли работать лишній день, или сгоняли ихъ съ насиженныхъ мѣстъ, разворачивали ихъ кротовыя норы и брали ихъ поля и огороды подъ господскія запашки. Оттѣсненные вглубь лѣса, на новыя болотныя поляны, эти люди покорно принимались за борьбу съ темными его силами, корчевали, рубили и рыли. Но иногда вдругъ загорались, какъ загорается навозъ или солома, придавленные грузомъ, отъ дѣйствія тяжести и внутренняго броженія.

Тогда въ глубинѣ омраченныхъ сердецъ вспыхивали вѣка тому назадъ похороненныя страсти. Обросшія мхомъ сѣдыя мысли и воспоминанія поднимались изъ своихъ историческихъ могилъ. Рука, протянувшаяся изъ-за лѣса, встрѣчала неожиданное сопротивленіе. Контъ ѣхалъ тогда въ городъ и возвращался съ взводами солдатъ. Лѣсныхъ людей сѣкли. Солдаты рѣзали куръ и портили дѣвокъ. Контъ высылалъ двухъ-трехъ коноводовъ въ дальнія деревни—и все вновь утихало. Пожаръ замиралъ въ болотистой трясинѣ темнаго лѣса, и только въ глубинѣ мужицкой души бродила мысль, сплетенная изъ ненависти, страха и удивленія.

— Ну и паны!..

Объ этихъ рѣдкихъ непріятныхъ исторіяхъ Магеровскому докладывали только тогда, когда все приходило въ порядокъ, солдаты уходили, и отъ бунта хлоповъ оставались только подживающіе струпья на спинахъ.

— Все тихо, говоришь? Ну, и слава Богу. Подумаешь, чего людямъ нужно! Не могутъ сидѣть спокойно... Ну, такъ пошли же полковнику окорочковъ, да индюковъ, да и масла пошли. Хорошіе окорочки выбери...

Тѣмъ все и кончалось. И ничто не мѣшало Магеровскому существовать безмятежно, быть добрымъ семьяниномъ, любить жену,—чужихъ женъ онъ любить побаивался, такъ какъ у Елизаветы Петровны характеръ оказался серьезный,—любить ми-

лыхъ и послушныхъ дѣтей, очаровывать гостей во время „фестовъ“ и съѣздовъ, а въ рѣдкіе дни, когда въ Завишкахъ не было посѣтителей, раскладывать пасьянсы и умиляться душой надъ „Полемъ и Виржини“ и „Аталой“.

Тѣмъ болѣе былъ пораженъ Магеровскій, когда бунтъ противъ установившагося порядка вещей, скрывавшійся до того за высокой стѣною лѣсовъ или за стѣнами официны, гдѣ происходили препирательства Иньяса и Конта, прорвался въ его собственной гостиной, неожиданно и нелѣпо...

Когда Магеровскій дѣлалъ свои парадные выѣзды въ свѣтъ, на балы и большія собранія, онъ рѣдко бралъ съ собою Иньяса, а если бралъ, то Иньясъ ѣхалъ позади въ своей нетычанкѣ, глотая пыль, поднятую колесами коляски шестерикомъ, въ которой покачивались братъ и „братова“. И это было въ порядкѣ вещей...

Однажды Магеровскій всталъ съ правой ноги, былъ довольнѣе и веселѣе обыкновеннаго. День былъ чудесный на рѣдкость, и пѣнки на сливкахъ къ кофе хрустѣли, казалось, какъ никогда. Поэтому, когда выяснилось, что сегодня надо ѣхать къ сосѣдямъ на фестъ, онъ захотѣлъ доставить удовольствіе и Иньясу.

— Поѣзжай, братишка, и ты. Поѣзжай и ты! Вели дать овса своимъ лошадкамъ. Потанцуешь...

По установленному ритуалу Иньясъ долженъ былъ просіять, поблагодарить пана брата. Вмѣсто того онъ вдругъ покраснѣлъ, налился кровью, какъ будто кто его душитъ, и, заплетаясь языкомъ, рвущимся голосомъ, вдругъ отвѣтилъ:

— Ежели... въ дормезѣ, съ паномъ братомъ... поѣду! А въ нетычанкѣ... то дома... лучше дома останусь...

Сказалъ, и самъ испугался; растерянно и злобно забѣгалъ глазами, не смѣя взглянуть на брата; хотѣлъ выбѣжать изъ комнаты. И Магеровскій смотрѣлъ на Иньяса такъ же растеряннымъ, непонимающимъ взглядомъ. Потомъ смутно почуялъ, что передъ нимъ взрывъ давно копившихся чувствъ, что-то большое, бо́льшее, чѣмъ простой отказъ отъ поѣздки, и взволновался.

— О чемъ ты?!

— Не хочу въ нетычанкѣ...

— Але же, братишку,—ты же молодой...

— Хоть молодой, хоть старый. Довольно имѣлъ сраму...

Онъ тоже почуялъ, что вопросъ самъ собой расширяется, выходитъ изъ узкихъ рамокъ даннаго случая. Почуялъ и то, что Магеровскій смущенъ—и тотчасъ осмѣлился. Впился въ брата глазами и, стуча костяшками пальцевъ по столу, вдругъ крикнулъ свое обычное:

— Развѣ я не съ того же корня? Не Магеровскій я?!

— А какъ же не Магеровскій? Магеровскій... Но о чемъ ты? А, Іезусъ-Марія, глупости какія... Какъ же тебя взять въ дормезъ? Тѣсно въ дормезѣ...

Это была слабая попытка вывести разговоръ изъ опаснаго русла. Но она не удалась...

— Ничего что тѣсно. Да и не тѣсно. Вшестеромъ ѣздятъ...

— Иди въ кабинетъ!

Въ кабинетѣ, затворивъ плотно двери, Магеровскій тихо, какъ бы прячась отъ нескромно подслушивающаго чьего-то уха, спросилъ:

— Ну, говори. Чего хочешь? Какія имѣешь претензіи?

Иньясъ тупо, какъ затравленный волкъ, сидѣлъ, прижавшись въ углу, и молчалъ.

— Чего же молчишь? Ну!

— Никакихъ не имѣю претензій...

— Ну, тогда въ чемъ же дѣло?

— Хочу... дѣлиться.

— О?

— Да, дѣлиться хочу. Панъ братъ—себѣ панъ. А я—себѣ. Не хочу жить болѣ подъ братомъ.

— Развѣ была тебѣ отъ меня обида? Побойся Бога...

— Не было обиды? А то какъ же! Сто обидъ на дню. А братъ не зналъ? Забылъ, что я не приживальщикъ какой, что съ ласки живетъ, а тоже сынъ пана Игнація...

— Братишку!..

— А коли братъ, то дайте выдѣлъ. А то буду писать до маршала въ губернію, шкандалъ на всю губернію сдѣлаю...

Панъ Станиславъ терялся. А Игнатій стоялъ уже руки въ карманы и кричалъ, какъ кричитъ освободившійся рабъ.

— Але-жъ тиху, ты! Что-жъ кричишь? Да бери, Боже мой, бери, что хочешь. Ошмяны хочешь? Ошмяны бери! Ельню? Бери Ельню!..

Прошелъ годъ. Иньясъ выдѣлился и зажилъ большимъ паномъ въ Ошмянахъ. Какъ и слѣдовало ожидать, разъ сорвавшись съ цѣпи, онъ обнаглѣлъ, и раздѣлъ съ нимъ доставилъ много огорченія пану Станиславу. Игнатій оказался сквалыгой. Ему все казалось, что его обдѣляютъ; онъ предъявлялъ все новыя претензіи, и, долго усчитывая въ умѣ общее имущество, жаловался всѣмъ, кому ни попало, что его обсчитываютъ. Вы-

ходилъ скандалъ, глубоко уязвлявшій добраго и щедраго Магеровскаго.

— Бери что хочешь, бери что нравится, ты знаешь, я тебѣ не жалѣю,—много разъ говорилъ онъ брату.

— Благодарю брата за ласку,—ядовито отвѣчалъ тотъ,—но я не ласки прошу, а какъ имѣю право, то...

Магеровскій съ досадой махалъ рукой и посылалъ за Контомъ.

— Отдѣлывай домъ въ Ошмянахъ скорѣе. Что вы тамъ копаетесь, какъ травленыя мухи! Покою мнѣ нѣту...

И новыхъ плотниковъ, столяровъ и землекоповъ отрывали отъ полей и гнали въ Ошмяны, отдѣлывать скорѣе жилище пану Игнатію, чтобы освободить отъ его присутствія пана Станислава.

Когда, наконецъ, Игнатій перебрался и закончились всѣ формальности полюбовнаго раздѣла, Контъ подсчиталъ остающіеся доходы пана маршалка, установившіеся расходы, сократить которые можно было только нанеся ущербъ блеску дома, и долго качалъ головой.

— Не хватае!—сказалъ онъ женѣ.

— Что жъ будешь дѣлать?

— Не знаю... Ну и жадный же, ну и жадный! Холостой, не служитъ, а все ему мало... Что жъ будемъ дѣлать?.. Барщины прибавить? А?

— И такъ съ панскаго поля не сходятъ...

— А какъ же быть? Вѣрно пану сказать?

Контова долго молчала, обдумывая трудное положеніе.

— А все его доброта. Боже мой, Боже мой! — вздохнула она. И учитывая эту доброту, постановила вердиктъ:

— Нѣ. Пану не кажи. Одно безпокойство ему. Прибавь полъ-дня.

— А выйде бунтъ?

— Ну, все равно. А пана пока не тревожь.

Новые полъ-дня барщины—таковъ былъ единственный результатъ для лѣсныхъ жителей отъ неладовъ въ семьѣ Магеровскихъ и отъ доброты пана Станислава.

Жизнь на усадьбѣ, повидимому, не измѣнилась послѣ раздѣла. Контъ, правда, громче кричалъ на поляхъ и на рабочемъ дворѣ, раньше вставалъ и чаще работалъ своимъ суковатымъ дрючкомъ, но въ господскомъ домѣ такъ же часто собирались гости, тотъ же непрекращающійся праздникъ продолжался въ тѣни старыхъ липъ. Состояніе уменьшилось на половину, или больше того, но сжаться и не умѣли, и не хотѣли, тѣмъ болѣе, что подростали дѣти и Софи, любимая дочь пана Станислава, становилась невѣстой.

Тоненькая, кудрявая, вся воздушная, она будто слетѣла съ той гравюры, которую Магеровскій привезъ еще изъ Парижа и повѣсилъ у себя въ спальной. Психея и Амуръ. Завернувшись въ легкій газъ, Психея стояла среди цвѣтущихъ розъ, глядѣла большими, нѣжными, немножко китайскими глазами и лукаво манила къ себѣ пальчикомъ маленькаго кудряваго Амура.

— Отъ! Я-жъ теперь и не знаю, — говорилъ Магеровскій, держа свою любимицу на колѣняхъ,—гдѣ же моя Софи, и гдѣ Психея. Тутъ или тамъ?

— А я знаю, гдѣ мой Амуръ. Вотъ онъ!

И, нѣжно и лукаво смѣясь, она цѣловала толстыя, бритыя и колючія щеки отца.

Было что-то во всемъ существѣ ея, трогательно нѣжномъ, причудливо шаловливомъ, пылкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдержанномъ, что̀ очаровывало и привлекало всѣ сердца, что̀ отдавало ей во власть и веселую m-lle Lucie, и проглотившую аршинъ miss Wright, и многочисленную дворню, и стараго Францишка, и Конта, что̀ дѣлало изъ суровой Контовой ея покорнаго раба.

— Душечка-жъ ты моя!—говорила старуха, набивая ея карманы сластями въ кладовой,—гдѣ же найдемъ мы тебѣ жениха? Принца тебѣ надо. Не иначе, какъ принца! Не отдамъ тебя нашимъ сиволапымъ паничамъ...

Въ чопорный, полный своеобразнаго провинціальнаго этикета домъ она вносила тонкую ароматную струю свѣжей и юной жизни, полной веселья, полной невѣдомыхъ обѣщаній и очаровательныхъ возможностей. И въ ней любили то, что никогда не теряетъ цѣны—молодость и свѣтъ, доброту и веселье, свои несбывшіяся надежды и еще не умершія ожиданія.

— Счастливъ, панъ маршалокъ, будетъ тотъ, кому отдашь ея руку,—говаривалъ иногда иной сосѣдъ-помѣщикъ, глядя на тоненькую дѣвочку. — И добра, и красавица, и танцуетъ!.. Зефиръ, настоящій зефиръ!..

— Молода еще. Пусть дома попляшетъ,—гордо и задумчиво глядя на дочь, отвѣчалъ Магеровскій. Потомъ подзывалъ ее къ себѣ, гладилъ по головѣ и серьезно и тихо, какъ будто сообщая ей что-то очень важное, говорилъ ей:

— Ну, иди, веселись, моя дѣвочка...

И почему-то вздыхалъ.

Дѣвочкѣ, однако, недолго пришлось танцовать дома. Неожиданно, какъ снѣгъ на голову, свалился женихъ; въ какой-нибудь мѣсяцъ дѣло было кончено, и Софи по семнадцатому году выдана замужъ. И не за принца, какъ мечтала Контова, а за

очень пожилого жуира, гвардейскаго генерала, промотавшаго нѣсколько состояній и доматывавшаго остальное. Онъ заѣхалъ въ свои бѣлорусскія вотчины, чтобы, какъ онъ говорилъ, подтянуть ихъ; былъ на балу у Магеровскихъ, съ которыми считалъ себя въ какомъ-то отдаленномъ родствѣ по Магеровской; долго смотрѣлъ на очаровательную дѣвочку и слѣдилъ за ней, задумчиво крутя сѣдѣющій усъ, за ея пылкимъ танцемъ и нѣжно-лукавымъ разговоромъ.

Потомъ, подтянувшись вдругъ и блеснувъ глазами, быстро подошелъ къ ней и низко склонился.

— На мазуръ?

— Если захотите осчастливить.

Потупя очи, почти не касаясь пола маленькими ножками, воплощенная скромность, скользила Софи рядомъ съ гордымъ паномъ. А онъ, закинувъ немного назадъ красивую голову и мягко притопывая каблукомъ, смотрѣлъ на нее строгимъ, почти суровымъ взглядомъ, какъ настоящій старопольскій панъ, знающій себѣ цѣну.

— Эхъ, нѣтъ на немъ кунтуша!—съ сожалѣніемъ сказалъ Магеровскій.—Настоящій мазуръ.

Старый Янкель, первая скрипка, въ черномъ атласномъ лапсердакѣ, подпоясанномъ краснымъ платкомъ, съ выбѣгающими изъ-подъ бархатной ермолки бѣлыми кудрями, стоялъ на эстрадѣ впереди музыкантовъ, помахивалъ скрипкой и, ласково улыбаясь, любовался своей паненкой: какъ танцуетъ!

— Всякій разъ мое сердце играетъ, когда панна Зося танцуетъ—говаривалъ онъ ей иногда.

И такъ какъ его старое сердце художника заиграло въ немъ и теперь, онъ, наглядѣвшись, закрылъ глаза и поднялъ скрипку. И тотчасъ надъ моремъ звуковъ поднялся и поплылъ ея зовущій, мечтательный, смѣющійся голосъ. Точно повинуясь манящему зову, дѣвушка легко подалась впередъ. Чуткимъ ухомъ ловила смѣющійся призывъ и, охваченная страстью и веселіемъ пляски, отдѣлилась отъ своего спутника, оглянулась, засмѣялась, и опять устремилась впередъ—за мечтою, за счастьемъ, должно быть...

Давно смягчились суровые взоры гордаго пана. Въ сердце его тоже проникъ страстный призывъ. Молча скользя за своей дамой, онъ протягивалъ къ ней руки, точно молилъ:

— Остановись на мгновенье, дай прикоснуться рукой!

И догнавъ, падалъ передъ ней на колѣни.

Но неуловимое, легкое счастье смѣялось надъ нимъ, порхало

вокругъ него и дразнило, и, подхваченное вихремъ ликующихъ звуковъ, снова уносилося вдаль.

Сверкаетъ глазами гордый панъ и говоритъ:

— Убѣгаешь? Возьму тебя силой!—Сильной рукой хватаетъ онъ свое счастье, снова молитъ и снова теряетъ...

Скрипка смѣется насмѣшливо. Янкель, счастливый, прищурилъ глаза, трясетъ своими кудрями, притопываетъ ногами и хохочетъ:

— Догналъ панъ нашу Зосю?!

А дѣвушка, вырвавъ изъ волосъ ярко красную розу, безумная отъ веселья любовной игры, несется впередъ, манитъ пана и цвѣткомъ, и улыбкой, и то почти дается ему въ руки, то, смѣясь, опять ускользаетъ. Потомъ, счастливо-усталая, останавливается на мгновеніе. Торжествуя побѣду, кавалеръ обнимаетъ ее и кружитъ три раза вокругъ себя. И въ знакъ покорности цѣлуетъ ей руку.

Утомленная долгой борьбой, счастливая сладкимъ плѣномъ, она теперь тихо и покорно скользитъ рядомъ съ нимъ — а скрипка томно поетъ и сладко вздыхаетъ...

Брошены карты. Оставлены недопитыми стаканы съ добрымъ венгерскимъ. Старыя пани въ чепцахъ, весь вечеръ сидѣвшія за ералашемъ и безикомъ, сѣдые паны и юные паничи—всѣ столпились у дверей и у стѣнъ. Горятъ на морщинистыхъ лицахъ глаза восторгомъ и нѣжностью; вспоминаются далекіе годы, когда и для нихъ доступна была радость жизни, любовь. Слабыя ноги не хотятъ стоять смирно и постукиваютъ въ тактъ каблуками.

— Не станцуешь такъ!..

— Отъ-то мазуръ!..

— Виватъ, наша панна!

И Янкель гордо стоитъ на эстрадѣ, опять прижимая къ груди свою скрипку. Но, конечно, его никто не замѣчаетъ. Онъ любовно глядитъ на дѣвочку, которая такъ умѣетъ танцовать его музыку, и только она одна его видитъ.

— Милый Янкель,—говоритъ она, пробѣгая,—ты меня съ ума свелъ твоей скрипкой. Боже мой, какъ хорошо ты играешь!..

Янкель счастливо улыбается, даже закрываетъ глаза отъ удовольствія, и отвѣчаетъ:

— Когда паненочка танцуетъ, нельзя удержать пальцевъ на скрипкѣ,—пальцы пляшутъ, душа пляшетъ...

Скоропадскій, заѣзжій генералъ, танцовавшій съ Софи мазурку, долго ворочался въ постели въ эту ночь. Трудно сказать, былъ ли онъ такъ сильно уязвленъ въ самое сердце юной очаровательницей, или сюда примѣшались соображенія объ уходящей жизни и хорошемъ приданомъ, но, такъ или иначе—на другой день онъ просилъ руки Сони.

Магеровскій удивился. Такъ скоро? И взволновался. За старика? Но не показалъ вида. Благодарилъ за честь, и очень твердо сказалъ, что Соня еще молода: шестнадцать лѣтъ всего.

Но Магеровская взглянула на дѣло иначе. Она, какъ водится, немножко всплакнула, но тѣмъ не менѣе очень скоро разсчитала всѣ pro и contra неожиданнаго брака. Изъ хорошаго общества, богатый, бываетъ при дворѣ. Послѣднее, въ сущности, и рѣшило дѣло. Нельзя отказать жениху, который представитъ свою жену ко двору. Это казалось высшимъ житейскимъ благомъ.

— А то что не молодъ,—сказала она Магеровскому,—такъ это не бѣда. Больше будетъ любить нашу Соню.

Магеровскій долго не сдавался, долго колебался.

— Не знаемъ вѣдь мы его,—говорилъ онъ женѣ.—Какой характеръ? Будетъ ли счастлива?

Вечеромъ, задумчивый и грустный, онъ раскладывалъ пасьянсъ. Былъ разсѣянъ, и пасьянсъ не выходилъ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! Какая же это пара?.. Вотъ и пасьянсъ не выходитъ... Посидѣть ей дома, къ чему торопиться?..

— Да вѣдь Борисъ Александровичъ согласенъ подождать...

Разложилъ еще пасьянсъ. Опять не вышелъ.

— Такъ неужели же отдавать?

Елизавета Петровна удивленно и холодно-строго посмотрѣла на мужа, и безапелляціонно заявила:

— Не отдавать?! Лучшая партія! Соня — удачница. Удивляюсь, что ты еще думаешь...

— Надо же смотрѣть просто и разумно на вещи, — окончила она ласково-наставительно:—не всякій женихъ представитъ нашу дочь ко двору.

Когда Магеровскій сказалъ дочери о предложеніи, та сначала расхохоталась и даже была польщена. Но узнавъ, что дѣло серьезно, испугалась, расплакалась.

— Я не хочу отъ васъ, папочка. Я хочу съ вами...

Магеровскій шумно высморкался, мимоходомъ вытеръ глаза и смалодушествовалъ.

— Я-жъ не неволю. Охо-хо—то жизнь, жизнь! Пойди къ матери, она лучше тебѣ объяснитъ. А я не неволю...

Событія между тѣмъ развертывались сами собой. Скоропадскій ѣздилъ, возилъ цвѣты и подарки, ухаживалъ не столько за дочерью, сколько за матерью, задаривалъ приживалокъ и прислугу. И сначала во флигеляхъ, а потомъ и во всей округѣ рѣшили: женихъ. Очень скоро Соня почувствовала себя опутанною какой-то словесной паутиной, точно птица, пойманная сѣтью птицелова. Ее цѣловали и поздравляли, ей завидовали, считали будущія богатства, учили и наставляли—и выходило такъ, что дѣло уже рѣшено всѣми вмѣстѣ, навсегда и безповоротно. Никто не обращалъ вниманія на робкіе протесты дѣвочки.

— Не понимаешь своего счастья,—говорила мать строго.

— Такъ говорятъ всѣ дѣвушки—смѣялись сосѣдки.

Какъ въ туманѣ, всунула Соня свою дрожащую ручку въ руку Скоропадскаго, когда однажды мать позвала ее къ себѣ и ласково, но непреклонно сказала, что, вотъ, Борисъ Александровичъ любитъ ее и дѣлаетъ честь и проситъ объявить его женихомъ. Какъ въ туманѣ бродила она, когда кругомъ началась предсвадебная вакханалія, съ визитами и портнихами, горами шелка и полотна, и неистощимой возбужденной болтовней.

Временами этотъ туманъ разсѣивался, и тогда въ глаза ей смотрѣло что-то столь дикое и нелѣпое, что ее охватывалъ темный ужасъ. Она бѣжала тогда къ себѣ, зарывалась въ подушки и часами плакала. Иногда пробовала спасаться къ отцу. Но Магеровскій давно капитулировалъ и находилъ для нея только ничего не стоющія слова, которыми онъ успокаивалъ свою собственную тревогу.

Только одна Контова проникла любящимъ взглядомъ въ смущенную дѣтскую душу и, уводя Соню къ себѣ въ кладовую, полную бутылокъ съ наливками, банокъ съ вареньемъ и бочекъ меда, грибовъ и муки, сердито говорила ей:

— Плачь тутъ. Никто не увидитъ.

— Контова!—кричала ей Соня.—Зачѣмъ это? Зачѣмъ имъ всѣмъ это нужно? Не надо мнѣ его. Не хочу...

Контова гремѣла бутылками и банками, потому что ея руки дрожали, и говорила сухо:

— А можно идти противъ отцовской воли? Ты дочь. Должна слушать. Меня по шестнадцатому выдали. Моложе тебя была. Тоже плакала. Плачь и ты.

— Такъ вы—за Конта! Контъ—милый, Контъ старенькій...

— Ну, тогда и онъ былъ не такой еще старый, а все-же... Да. Тоже былъ старый... А видишь, живу...

— Всѣ вы противъ меня. Что мнѣ дѣлать?!..

Осенью Соню обвѣнчали. Липы стояли тогда желтыя, теряя листья. Вырвавшись на минуту, Соня выбѣжала попрощаться съ своимъ старымъ садомъ. Ноги тонули въ гниловатыхъ и скользкихъ умершихъ листьяхъ, мутный туманъ стлался въ долинѣ, запахъ прѣли поднимался отъ холодной земли. Смерть. Только козлоногій сатиръ, разставивъ мохнатыя лапы, плясалъ на бурдюкѣ, полномъ вина, и игралъ на свирѣли; а старый лѣсной дьяволъ, съ оскаленной мордой и острымъ ухомъ, обнималъ нагую нимфу, вырывавшуюся изъ его цѣпкихъ объятій.

— А, вотъ гдѣ моя Психея! Среди нимфъ и дріадъ.

И наклонившись надъ ней, большой и тяжелый, весь осклабившись и сверкая глазами, Скоропадскій обнялъ Соню. Соня дико закричала и, убѣжавъ, забилась въ кладовую съ мукой и вареньемъ.

Такъ началась ея супружеская жизнь.

Послѣ свадьбы уѣхали за границу. Должны были провести всю зиму, но вернулись черезъ мѣсяцъ. Скоропадскій выглядѣлъ хмуро и объяснялъ, что Соня болѣетъ и просилась домой. Соня молчала. На тонкой кожѣ лба залегла острая, глубокая складка, лицо поблекло, и въ глазахъ застыло выраженіе испуганнаго недоумѣнія.

— Болѣешь?—спрашивалъ съ тревогой отецъ.

— Нѣтъ... Немножко, — тихо отвѣчала дочь, не глядя въ глаза.

Вообще она не смотрѣла въ глаза ни матери, ни отцу, и поселившись въ Завишкахъ, пока Скоропадскій ѣздилъ въ Москву, охотнѣе проводила время въ официнѣ у Контовой.

Контова испытующе присматривалась къ ней, а потомъ дѣлилась своими наблюденіями съ мужемъ:

— Спортили ребенка. Дитя вѣдь совсѣмъ!

— Мнѣ скажи,—говорила она потомъ Сонѣ, все въ той же полутемной кладовой.—Мнѣ скажи, какая съ тобою бѣда? Вижу, что сохнешь. Кому скажешь, если не мнѣ? На рукахъ тебя носила.

И наклонившись къ Сонѣ, начинала допрашивать ее шопотомъ, съ строгимъ и печальнымъ лицомъ:

— Може не любитъ? Ты мнѣ скажи. Или чѣмъ обижаетъ? Когда скажешь—легче будетъ. Може полюбовницъ имѣетъ? О! то наша бабская доля...

Обыкновенно Соня отмалчивалась. Но однажды, когда въ кладовой было совсѣмъ темно, она вдругъ сказала:

— Все равно. Я жить не буду. Я знаю, какъ это сдѣлать.

— Зосичка, а Боже-жъ мой! Что? Что съ тобой?

— Онъ проклятый. Онъ подлый. Стыдно мнѣ. Тошнитъ меня...

Онѣ плакали вмѣстѣ до поздняго вечера. Соня почти ничего не сказала, но и изъ отдѣльныхъ недосказанныхъ словъ Контова поняла все, что должна была пережить ея любимица, попавъ въ руки стараго сатира. Позднимъ вечеромъ, опухшая отъ слезъ, но грозная и рѣшительная, Контова пошла къ мужу и потребовала:

— Иди до пана! Я тебѣ говорю—злое будетъ. Иди, ратуй нашу Зосю.

— Але, что-жъ я могу? Какъ я смѣю? Ничего не знаю. Слуга я!

— Какъ слуга и иди. Спасай дитенка. Придумай способъ. Ты же мужчина... Боишься? Матерь Божія! Ну, когда ты такой... такой... то я сама пойду!

Безъ доклада, тихонько прокралась Контова въ кабинетъ и молча стала у двери.

Магеровскій раскладывалъ пасьянсъ.

— А, кто тамъ?—спросилъ онъ, не оборачиваясь.

Контова не отвѣчала. Всю ее колотила мелкая дрожь, и она едва держалась на ногахъ.

— Але-жъ кто тамъ?

Обернувшись, онъ удивленно смотрѣлъ на необычную посѣтительницу, на ея трагическое лицо.

— Что съ тобой? Бѣда случилась? Пожаръ?..

— Такъ. Есть бѣда.

Она едва говорила. Голосъ не слушался и изъ глазъ бѣжали слезы.

— Іезусъ-Марія! Садись же, пани. Говори, что съ тобой?

Онъ заглянулъ мимоходомъ въ окошко — пожара не было.

— Съ Контомъ что случилось? Говори же, на милость Божію!

Контова сидѣла у двери, на кончикѣ стула, прямая, точно окоченѣлая, и оттого что она такъ упорно молчала, Магеровскій вдругъ понялъ, что дѣло касается самаго для него дорогого.

— Зося?

Контова молча кивнула головой.

— Что знаешь? Говори...

— Когда ты, панъ, не зратуешь—кто поможетъ?

— Отъ чего помогать? Чего боишься?

— Всего боюсь. Самаго худшаго.

Магеровскій заперъ двери на ключъ и долго сидѣлъ, замкнувшись съ своей экономшей. То, что она разсказала ему, было для него не совсѣмъ понятно. Старый человѣкъ, прошедшій въ свое время школу „ткацкой" помѣщичьей усадьбы крѣпостныхъ временъ и закончившій свое образованіе среди парижскихъ „мамзелей",—съ трудомъ представлялъ себѣ тотъ процессъ, который вызвалъ „душевный шокъ" въ его дочери, выданной замужъ такъ, какъ выдавали всѣхъ въ то доброе старое время. Но въ этомъ непониманіи и заключался трагизмъ положенія: шокъ былъ налицо, а какъ помочь ему? Для этого надо было понять.

— Когда ты, панъ, не зратуешь—кто поможетъ?—говорила Контова. Слѣдовательно понять и „найти способъ" долженъ былъ онъ. Но какой? Разводиться? Разъѣхаться? Это не было принято, да и не было основаній. Казалось, къ тому же, что пройдетъ годъ-другой, и все перемелется. Было ясно, что выдали слишкомъ рано. Но съ этимъ теперь ничего не подѣлаешь. Выдали неудачно? Но и этого поправить нельзя. Остается перетерпѣть, положиться на время. Такъ подсказывалъ здравый смыслъ. Но Контова сидѣла передъ нимъ скорбно-суровая и говорила:

— Не знаешь, панъ, Зоси. А я—боюсь. Боюсь самаго худшаго...

— Чего боишься?—со страхомъ переспрашивалъ Магеровскій.

— Наихудшаго! Сказала: „не буду жить; знаю, какъ это сдѣлать". Думай, панъ!

И Магеровскій думалъ. Скорбно думалъ, и ничего не могъ придумать.

— Пріѣдетъ Борисъ Александровичъ—буду съ нимъ говорить,—успокаивалъ онъ себя и Контову.

Но говорить не пришлось, по крайней мѣрѣ о томъ, о чемъ предполагалось. Потому что въ день возвращенья Скоропадскаго Соня не встала. Къ вечеру она вся горѣла огнемъ и бредила. Дней черезъ пять умерла.

Узнали потомъ, что въ ночь передъ пріѣздомъ мужа она тихонько выскользнула изъ дому и долго бродила босая, въ одной рубашкѣ, по снѣгу. Разыскали слѣды ея ногъ въ глухихъ и темныхъ аллеяхъ. Около играющаго фавна на валу она сидѣла. Лежала около большой старой липы и на снѣгу отпечатлѣлось ея маленькое скорчившееся тѣло. Слѣды заровняли, и молчали о скорбной повѣсти, записанной дѣтскими ножками на тающемъ

снѣгѣ. Но смерть говорила сама за себя—и она сломила Магеровскаго.

Прекратились балы, прекратились веселые съѣзды въ Завишкахъ. Точно темная ночь спустилась на старую усадьбу, осенняя ночь, когда вѣтеръ плачетъ въ голыхъ сучьяхъ деревьевъ и въ трубахъ домовъ, и все — и земля, и небо, и человѣческія души—все полно безнадежностью. Въ окружавшемъ его babyракѣ Магеровскій тщетно искалъ пониманія случившагося. Непосредственнымъ чувствомъ онъ ясно сознавалъ свою вину, свою отвѣтственность. Онъ дурно выбралъ, онъ погнался за житейскими благами для дочери, не посчитался съ ея запросами. Но вѣдь это его вина—почему же наказана невинная? Значитъ, нѣтъ справедливости? Чего смотритъ тогда Богъ, тамъ, на небѣ? Или и его нѣтъ? Иной разъ онъ начиналъ оправдывать себя. Кто могъ предвидѣть? Тысячи дѣвушекъ были бы счастливы въ этомъ бракѣ. Тысячи отцовъ были бы рады такой партіи. Несчастная и непонятная случайность. Но думать такъ — значило бросать какую-то тѣнь на память дочери. Если не виноватъ онъ, не виноватъ мужъ, то виновата она, съ своей особенной требовательностью. Этотъ выводъ оскорблялъ: Магеровскій испуганно отворачивался отъ него, и искалъ дальше. Можетъ-быть надо было предоставить ей самой сдѣлать выборъ, самой опредѣлить свою судьбу? Магеровскій зналъ эти теоріи и всегда считалъ ихъ вздоромъ. Если онъ, старикъ, могъ ошибиться, то гдѣ же было ей, ребенку, правильно выбрать? Всякій смазливый лайдакъ провелъ бы ее. Но теперь, временами, ему начинало казаться, что въ этихъ „вздорныхъ теоріяхъ“ есть доля правды, и напрасно думаютъ, что отцы умнѣе дѣтей. Вотъ онъ, такой почтенный, такой уважаемый, сыгралъ же онъ настоящаго дурака. Но стоило его мысли сойти на эту дорогу, какъ начинало колебаться и шататься все, что̀ онъ привыкъ считать добрымъ и правильнымъ, весь тотъ порядокъ, на которомъ онъ основалъ всю свою жизнь. Чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ больше путался въ хаосѣ неразрѣшимыхъ противорѣчій, тѣмъ темнѣе становилось вокругъ него. До этой смерти все было ясно для Магеровскаго. Порядокъ царствовалъ для него на небѣ и на землѣ— и въ этомъ царствѣ порядка онъ, Магеровскій, выбралъ самый лучшій и правильный путь. Теперь все—и небо, и земля, и его собственная жизнь—казалось полно непонятныхъ загадокъ, полно лжи и нелѣпости.

Съ Елизаветой Петровной онъ не дѣлился ни своими новыми мыслями, ни угрызеніями совѣсти. Смерть Сони образовала

между мужемъ и женой какую-то страшную пустоту и отдалила ихъ другъ отъ друга. Зато она же сблизила Магеровскаго съ Контовой, женой бывшаго лакея, мелкой шляхтянкой съ околицы. Все чаще заходилъ онъ къ ней въ официну, садился на низенькое креслице и сидѣлъ молча, задумавшись, изрѣдка перекидываясь словами. Онъ одряхлѣлъ, потерялъ интересъ къ окружающему, чувствовалъ себя потеряннымъ и одинокимъ, и нуждался въ поддержкѣ. Онъ нашелъ ее въ этой суровой и преданной слугѣ, и потому къ ней шелъ за совѣтами, съ нею дѣлился своими новыми мыслями.

— Контова! Не хочу больше жить!—сказалъ онъ ей однажды.

Контова разматывала нитки на мотовилѣ. Внимательно и испытующе посмотрѣла она на Магеровскаго черезъ очки, точно и онъ—узелъ спутавшихся нитокъ, который надо сперва понять, чтобы потомъ разобрать.

— Не могу и не хочу...

— Убить себя, панъ, хочешь?

— А!.. Но силъ не имѣю жить!..

У Контовой попался узелъ. Она долго разбирала его, растягивая на пальцахъ спутавшіяся пасмы, потомъ опять пустила въ ходъ мотовило.

— Молись Богу, панъ. Бога забылъ!—сказала она.

Магеровскій вяло отмахнулся рукой:

— Что Онъ можетъ помочь?

Но Контова уже распутала узелъ.

— Панъ маршалъ все думаетъ, все виноватаго ищетъ, все понять хочетъ? Развѣ я не вижу? Ночи не спишь, все по габинету ходишь, тоскуешь, состарѣлъ весь... Але-жъ, пусть панъ мнѣ повѣритъ, все то напрасно. Молись, панъ, вотъ и все. Не думай, а молись. Отъ думъ пользы нѣтъ. А ты молись, панъ, стань на колѣни и заплачь. Смотри на Матерь Божью, протяни къ ней руки и плачь. У нея тоже сына распяли... И не думай...

Старый скептицизмъ, вывезенный въ молодости изъ іезуитской коллегіи и превратившійся потомъ въ поверхностный индифферентизмъ счастливаго человѣка, вяло-протестующе шевельнулся въ Магеровскомъ. Но въ наивно-трогательномъ рецептѣ старой экономши было нѣчто глубоко соотвѣтствовавшее тому пессимистическому чувству, которое составляло общій, хотя неопредѣленный итогъ его безплодныхъ размышленій. И вялый протестъ смолкнулъ. Вѣрно. Протянуть руки и плакать.

— Тебѣ помогаетъ?

— А какъ же. Когда потеряла Ядвисю, только такъ и спаслась отъ грѣха...

Такъ начался поворотъ въ душевной жизни Магеровскаго, приведшій его отъ скептическаго эпикуреизма къ піэтизму. Пользуясь этимъ поворотомъ, Контова убрала въ дальній амбаръ голыхъ фавновъ и нимфъ, всегда смущавшихъ ея стыдливость. Діану, обнимающую Аполлона, и Леду вынесли изъ гостиной въ кладовую и повернули тамъ лицомъ къ стѣнѣ. Все чаще и чаще начали въ опустѣломъ, потерявшемъ старую физіономію домѣ показываться черныя сутаны ксендзовъ и коричневыя хламиды бернардиновъ. На смарку пошла старая фарфоровая жизнь.

А весной на могилѣ Сони начали строить каплицу, почти храмъ. Весь остатокъ энергіи вложилъ Магеровскій въ эту постройку, отвѣчавшую одновременно и страстной привязанности къ памяти дочери, и его новому религіозному чувству. Цѣлые дни проводилъ онъ на стройкѣ, выписывалъ живописцевъ, толковалъ съ архитекторомъ. А по ночамъ молился и плакалъ, протягивалъ руки и плакалъ.

Но такова была противорѣчивая и жестокая дѣйствительность, что и этотъ порывъ измученнаго человѣка далъ совсѣмъ неожиданный результатъ, вскрывшій всю порочность круга, въ которомъ вращалась жизнь Магеровскаго.

Для лѣсныхъ жителей горе Магеровскаго было пустымъ звукомъ, а храмъ, возводимый имъ надъ могилой дочери, имѣлъ цѣну только тѣхъ лишнихъ дней, которые теперь пришлось проводить на барщинѣ. Глухое волненіе охватило лѣсныя деревни. Собирались по вечерамъ, ругали Конта, ругали Магеровскаго, проклинали судьбу. Контъ боялся, что придется вновь вызывать солдатъ, но Магеровскому, по обыкновенію, сказать не рѣшался. Чтобы успокоить мужиковъ, уменьшилъ запашку, отложилъ ремонтъ полевыхъ дорогъ. Но вѣроятно для деревни насталъ тотъ психологическій моментъ, когда никакіе пластыри не утишаютъ боли старыхъ язвъ—и взрывъ произошелъ, хотя не въ той формѣ, которой Контъ ожидалъ и боялся.

Былъ теплый и тихій лѣтній день. Магеровскій съ Контомъ поѣхали въ сосѣдній костелъ смотрѣть работу живописца, обновлявшаго тамъ старыя выцвѣтшія иконы. Возвращались позднимъ вечеромъ. Ѣхали по колеистымъ дорогамъ темнаго лѣса. Бурый конь съ бѣлой лысиной на лбу тихо шагалъ. Магеровскій думалъ, что онъ закажетъ художнику нарисовать св. Софью съ крестомъ или Божію Матерь съ Младенцемъ.

Въ это время кто-то смертельно-обиженный, кто-то безумно-

ненавидящій тихо, какъ ужъ, ползъ за кустами орѣшника, скрываясь во тьмѣ надвигавшейся ночи и карауля моментъ, когда поворотъ дороги поставитъ бѣлый жилетъ Магеровскаго противъ дула его кремневки. Онъ выстрѣлилъ, когда бѣлая лысина бураго коня повернулась къ нему на минуту, и положилъ коня на мѣстѣ.

— Что такое? Что такое? — растерянно спрашивалъ Магеровскій.

Контъ кубаремъ скатился съ телѣжки, увидѣлъ рану во лбу лошади, услышалъ хряскъ бѣгущихъ ногъ въ заросляхъ лѣса и сразу сообразилъ: стрѣляли въ пана, можетъ-быть забѣгаютъ впередъ, чтобы опять подстрѣлить. И схвативъ Магеровскаго за руку, онъ почти стащилъ его съ телѣжки и повлекъ его прочь отъ дороги, въ гущу липняка и орѣшника.

— Молчи, пане! Когда жизнь дорога — молчи! — шепталъ онъ и, все ускоряя шагъ, тащилъ Магеровскаго за собой по сырымъ извилистымъ лѣснымъ оврагамъ, черезъ поваленныя гнилыя колоды, черезъ лужи и пни. И все подгонялъ:

— Скорѣе, на милость Божью! Догонятъ!

Но никто не догонялъ. Тотъ, кто стрѣлялъ, самъ, можетъ быть, крался теперь во мракѣ ночи къ своему разоренному логовищу, съ искусствомъ лѣсного жителя заметая слѣды. Но Контъ не зналъ этого, и страхъ населялъ ночь тѣнями враговъ; поэтому онъ бросался въ сторону отъ всякаго пня, отъ всякаго ночного шума и все уходилъ, пока вдругъ Магеровскій не опустился грузно на землю. Посидѣвъ минуту, тяжело дыша, онъ захрипѣлъ и потихоньку завалился на бокъ, странно подвернувъ голову.

— Что есть съ паномъ?

Но Магеровскій только хрипѣлъ.

Пока Контъ бѣгалъ въ усадьбу, пока вернулся съ Елизаветой Петровной, людьми и экипажами, владѣлецъ Завишекъ, маршалъ, панъ Станиславъ Магеровскій лежалъ въ лѣсномъ оврагѣ, куда его загналъ страхъ передъ возмутившимся „хлопомъ", жалкій, въ растерзанномъ платьѣ, почти не живой. Его хватилъ ударъ, и черезъ нѣсколько дней онъ скончался.

Такъ уродливо-жалко кончился фарфоровый періодъ исторіи Завишекъ.

Отцы.

Грибъ съѣлъ полы въ старомъ завишковскомъ домѣ и превратилъ въ труху дубовыя сваи и балки. Чтобы спасти стѣны,

сняли паркеты, взломали настилъ, подставили стойки. И всетаки крыша осѣла, перекосились окна и половина дома стала необитаемой. Печально глядѣли дама съ левреткой и дама, подающая милостыню, изъ своихъ золоченыхъ рамъ въ глубину открывшейся ямы, полной праха. И только полчища крысъ любовались рыцаремъ, клянущимся въ вѣрности чопорной дамѣ въ тѣни дубовъ и платановъ.

— Finis фестивалямъ!—резюмировалъ положеніе дѣлъ Иванъ Магеровскій, новый владѣлецъ Завишекъ, сынъ пана Станислава, и закатилъ вѣнскій дормезъ въ глубь сарая, продалъ половину заводскихъ жеребцовъ, разсчиталъ повара француза.

Лопнулъ нервъ старой широкой жизни—крѣпостное право; временно-обязанные лѣниво дотягивали старую лямку, дворня расползалась, и даже приживалки исчезали невѣдомо куда, точно крысы съ погибающаго корабля. Только липы, оставленныя на произволъ судьбы, расправляли понемногу свои обрѣзанныя и искалѣченныя вѣтви и разростались свободно и буйно, прикрывая своей тѣнью убогую скудость новой жизни.

Символомъ этой скудости, несомнѣнно, являлись Корней и Илья, свинопасъ и кухонный мужикъ, неразрывно связавшіе свое существованіе съ упадающей усадьбой.

Корней, сухорукій старикъ, всю свою долгую жизнь пасъ свиней, жилъ съ свиньями, спалъ даже въ свинарникѣ. Громко щелкая кнутомъ и дико крича на свое стадо, гонялъ онъ его каждое утро въ поля, въ дубовыя рощи, въ болото. Тамъ онъ садился на пень или на кочку и нѣжно игралъ на липовой дудкѣ. Шли годы, шли десятилѣтія; свиньи, кнутъ и липовая дудка составляли весь міръ сухорукаго пастуха. Теперь онъ могъ уйти на всѣ четыре стороны—туда, куда разбѣгалась взволнованная, опьяненная свободою дворня. Но онъ, какъ всегда нелюдимый, по прежнему гонялъ своихъ свиней, и когда у него спрашивали:—Ну, а ты, куда ты подашься?—неохотно отвѣчалъ:—Сёдни погоню у дубки...

Онъ гонялъ свиней „у дубки" до тѣхъ поръ, пока не сбѣжалъ послѣдній овчаръ. Тогда онъ началъ пасти и свиней, и овецъ. Случалось, что пасъ и коровъ. Онъ сталъ не только полезнымъ, но и необходимымъ винтомъ новаго хозяйственнаго механизма. Его записали въ книгу постоянныхъ рабочихъ, положивъ жалованья въ годъ шесть рублей серебромъ, шапку, рукавицы, и каждый мѣсяцъ фунтъ мохры.

Илья, кухонный мужикъ, слылъ дуракомъ и собачникомъ. Онъ мылъ и чистилъ кастрюли и картофель, топилъ щенятъ и кор-

милъ собакъ. Когда разошлись повара, онъ остался старшимъ на кухнѣ. И такъ какъ научился жарить циплятъ и дѣлать налѣсники, то въ барскомъ домѣ рѣшили:

— Попробуемъ Илью.

— Станешь, Ильюшка, за кухаря,—объявила ему Контова.

Ильюшка оскалилъ зубы и спросилъ:

— А щенята мои?

— Какіе щенята?

— А усякіе. И гончаки, и простяки...

— Да нашто тебѣ?

— А продавать буду...

— Ну, твои...

— Коли мои, то останусь. Буду за кухаря.

О жалованьѣ онъ не спросилъ. И ему положили двѣнадцать рублей бумажками въ годъ.

— Больше нельзя—удостовѣрила Контова.

Но не одна матеріальная скудость являлась выраженіемъ глубокаго кризиса, разразившагося надъ дворянскими гнѣздами. Гораздо болѣе мучилъ и угнеталъ Ивана Магеровскаго сломъ привычныхъ понятій: онъ духовно чувствовалъ себя выбитымъ изъ колеи. Растерянно глядѣлъ онъ вокругъ себя, на „господина мужика", на либеральничавшихъ посредниковъ, на своего брата-помѣщика, и съ ироніей говорилъ:

— Помѣщиковъ больше нѣтъ. Мы не помѣщики, мы землевладѣльцы! Тамъ — онъ показывалъ рукою въ пространство— господа крестьяне, а здѣсь—землевладѣльцы... Но скажите мнѣ на милость, на какого чорта мнѣ эта земля? И что я съ нею буду дѣлать?!

Трудно сказать, сколько времени продолжался бы этотъ періодъ растерянности и колебаній, еслибы тотъ же стихійный процессъ, который выбилъ Ивана Магеровскаго изъ колеи, не поставилъ его снова на рельсы, указавъ ему новое мѣсто въ природѣ.

Шелъ шестьдесятъ-третій годъ. Въ Польшѣ все уже давно волновалось, сначала глухо, затѣмъ открыто. Видимо, готовился взрывъ. Магеровскій не чувствовалъ себя полякомъ, но не чувствовалъ себя и русскимъ. Плодъ смѣшаннаго брака, православный по вѣрѣ, полякъ по обществу, среди котораго выросъ, онъ стоялъ гдѣ-то посрединѣ, между борющимися сторонами, желая, въ сущности, одного: чтобы все было тихо.

Но мало сочувствуя движенію, докатывавшемуся уже и до Бѣлоруссіи, онъ, когда требовали, давалъ деньги на нужды воз-

станія, хотя и морщился при этомъ. Во-первыхъ, жаль было денегъ,—ихъ вѣдь было пока вовсе немного,—а во-вторыхъ чувствовалъ, что этими подачками устанавливается связь и дается право въ упоръ поставить вопросъ:

— Если ты даешь, значитъ сочувствуешь? Если сочувствуешь, то зачѣмъ ты не съ нами?—

И дѣйствительно, все чаще и чаще то старые друзья дома, то родственники по отцу ставили ему трудный вопросъ:

— Съ кѣмъ же ты?

Обыкновенно онъ отдѣлывался отъ прямого отвѣта, который, судя по охватившему всѣхъ настроенію, могъ перессорить его съ людьми, связью съ которыми онъ дорожилъ. Но однажды его прижали къ стѣнѣ, и раскрыть карты пришлось.

Дѣло вышло у сосѣдки, Жаломірской, къ которой онъ случайно заѣхалъ. Уже раздѣваясь въ передней, Магеровскій услышалъ сдержанный, но оживленный шумъ голосовъ.

— О! Тутъ, я вижу, настоящій фестъ, дорогая пани,—сказалъ онъ любезно и весело, цѣлуя ручку Жаломірской.

— Фестъ—да, фестъ, если панъ, заѣхавшій къ намъ случайно, останется съ нами по внутреннему убѣжденію! Это будетъ для насъ настоящій праздникъ. А пока у насъ—дѣловое собраніе.

— Такъ я, можетъ быть, помѣшалъ?

— Кому же, сынъ мой, можешь ты помѣшать здѣсь?—сказалъ старенькій ксендзъ, другъ покойнаго пана Станислава.— Все твои добрые сосѣди, половина—твои родные. Всѣ знакомые. А кто и незнакомъ—добрые люди и добрые патріоты. Садись, панъ.

— Вы очень кстати, дорогой пане Яне...—Тутъ Жаломірская встала, и вдругъ, вздрогнувшимъ голосомъ, взявъ Магеровскаго за руки и крѣпко сжимая ихъ, заговорила:

— Вы же знаете, что насъ собрало! Вы же знаете, какими чувствами бьются наши сердца! Отчизна собирается сбросить съ себя позорное иго и призываетъ на службу себѣ всѣхъ своихъ сыновей. Кому же и стать подъ знамена ея въ этотъ великій часъ, какъ не внуку пана Игнація Магеровскаго, товарища Косцюшки, полковника польскаго легіона? Буду говорить правду: есть голоса, которые утверждаютъ, что не польскую имѣешь ты душу, что равнодушенъ къ общему дѣлу. Не вѣрю этому! Не вѣрю, чтобы Магеровскій забылъ, какая кровь течетъ въ его жилахъ, чѣмъ жили, за что проливали кровь его предки! Пусть же панъ Янъ скорѣй принесетъ на алтарь несчастной матери нашей труды свои, любовь свою, если понадобится—самую жизнь! Послужи родинѣ, а кстати и насъ осчастливь...

Съ изумленіемъ смотрѣлъ Магеровскій на милую, хорошенькую женщину, въ которой привыкъ любить добрый нравъ и неистощимый запасъ безпритязательнаго веселья. Такой, какъ теперь, восторженной, трогательной и глубоко-серьезной, онъ не видалъ ее никогда. Онъ оглянулся вокругъ. Напряженно-выжидающе глядѣли на него знакомыя и незнакомыя лица.

— Не обмани нашихъ надеждъ!—тихонько сказалъ старый ксендзъ:—Магеровскій ты!

Еслибъ онъ зналъ, какъ пусто было въ душѣ Магеровскаго, какъ чуждъ былъ этотъ потомокъ „славнаго" имени великому спору двухъ народовъ, кровь которыхъ сливалась въ его жилахъ; еслибы онъ зналъ, какъ всецѣло владѣютъ умомъ пана Яна житейскія соображенія и практическіе разсчеты, онъ не апеллировалъ бы, конечно, къ его фамильной гордости и традиціи. Но и ксендзъ, и всѣ его собесѣдники были подъ гипнозомъ стараго и славнаго польскаго имени Магеровскаго, и не хотѣли или не умѣли увидѣть за именемъ человѣка.

А человѣкъ этотъ чувствовалъ себя нехорошо. Идти съ ними онъ не могъ и не хотѣлъ. Порвать съ ними, сказать, что вся ихъ затѣя—создать въ Бѣлоруссіи польское движеніе, поднявъ на ноги тонкій слой польской шляхты—фатально обречена на неудачу—онъ не рѣшался. Его умъ искалъ средняго выхода, искалъ лазейки, въ которую можно было бы юркнуть, оставивъ безъ отвѣта жгучій вопросъ и сохранивъ со всѣми добрыя отношенія. Но выходъ не находился—и онъ молча сидѣлъ, ни на кого не глядя, и вытиралъ потъ, проступавшій на лбу. Наконецъ хриплымъ, непослушнымъ голосомъ онъ спросилъ:

— Чего ожидаетъ отъ меня панство? Что собираетесь дѣлать?

— Скажемъ, если ты—нашъ. Откроемъ всѣ планы, если пойдешь съ нами. Вмѣстѣ съ тобой все обсудимъ. Попросимъ и твоего совѣта...

Магеровскому показалось, что передъ нимъ открывается желанная лазейка. Ждутъ отъ него помощи и совѣта; надо убѣдить, что онъ безполезенъ. И, повинуясь этому ходу мыслей, онъ началъ:

— Какой же совѣтъ могу я дать? Я въ этихъ дѣлахъ неопытенъ... Напрасно панство разсчитываетъ на меня... Тутъ надо не такихъ людей...

Незнакомый угрюмый шляхтичъ, понуро сидѣвшій до тѣхъ поръ у окна и молчавшій, перебилъ его:

— Надо только имѣть польскую душу... Или мать-москалька вынула ее изъ пана?

— Мать моя здѣсь ни при чемъ, панове. Но... прошу принять во вниманіе, что служба каждаго зависитъ отъ его силъ, и средствъ, и способовъ... Преклоняюсь передъ вашей рѣшимостью... Понимаю ваше намѣреніе защитить самое для насъ дорогое... Но долженъ сказать, что самъ я не подготовленъ. Долженъ подумать, прежде чѣмъ дать вамъ рѣшительный отвѣтъ... До сихъ поръ, что могъ—дѣлалъ, деньги давалъ... и еще дамъ... Но чтобы взять на себя обязательство и принять участіе въ дѣйствіяхъ, долженъ сообразить обстоятельства, долженъ...

— Не верти хвостомъ, панъ!

Какой-то околичанинъ, загорѣлый и грубый, стоялъ около Магеровскаго и впивался въ него злыми и насмѣшливыми глазками изъ-подъ лохматыхъ бровей.

— Не верти хвостомъ, панъ! Не срами дѣда... Имѣй мужество сказать намъ: дурни вы, плюю на васъ и на отчизну... Нима Магеровскаго!—вдругъ крикнулъ онъ, обращаясь къ собранію.—То развѣ съ Магеровскихъ?!

И, презрительно оглядѣвъ его, повернулъ ему спину.

— Панове! Я не разсчитывалъ на оскорбленія въ этомъ домѣ...

— Что заслужилъ, то и съѣлъ...

— Панове, апеллирую къ вашей чести...

— Ежели оскорбленъ—отъ отвѣта не отказываюсь. Косцельскій изъ Добромысла! Къ услугамъ пана...

— На два слова, пане!—попросила Магеровскаго Жаломірская. И, уведя его въ сосѣднюю комнату, сказала:

— Наша бесѣда приняла такой оборотъ, что вамъ, я думаю, всего лучше уѣхать. Вашихъ лошадей сейчасъ подадутъ...

Пока Магеровскій одѣвался въ передней, она молча стояла у двери въ гостиную, откуда доносился шумъ возбужденныхъ голосовъ, придерживая эту дверь рукой и потупя глаза. Руки Магеровскаго дрожали и пуговицы пальто не застегивались. Въ ногахъ была страшная слабость и стучало въ виски. Онъ тщетно старался выжать изъ себя хоть нѣсколько любезныхъ прощальныхъ словъ, чтобы разсѣять тяжелое молчаніе. Слова не приходили.

— Цѣлую руку пани — сказалъ онъ наконецъ, низко кланяясь Жаломірской.

— Не могу подать вамъ руки — тихо, но отчетливо отвѣтила та.

Магеровскій не помнилъ, какъ очутился онъ въ тарантасѣ. Не видѣлъ, что за нимъ вдругъ быстро отворилась дверь, и тотъ

самый Косцельскій изъ Добромысла, который оскорбилъ его въ домѣ, грозилъ ему теперь съ крыльца кулакомъ и кричалъ вдогонку:

— Камня на камнѣ не останется отъ дома твоего, измѣнникъ!..

— Уѣхать!—Вотъ единственное рѣшеніе, которое нашелъ Магеровскій, единственный выходъ изъ сложившагося положенія. — Уѣхать, взять жену и дѣтей и бѣжать изъ Завишекъ, изъ своей округи, изъ этого осинаго гнѣзда. За границу, въ Петербургъ, чортъ знаетъ куда — все равно, лишь бы подальше отъ этихъ проклятыхъ мѣстъ.—Съ этимъ твердымъ намѣреніемъ подъѣзжалъ Магеровскій къ Завишкамъ. Но человѣкъ предполагаетъ, а располагаетъ... Въ данномъ случаѣ правильнѣе было бы сказать: а располагаетъ глупость, принявшая на этотъ разъ образъ совѣтника губернскаго правленія, Рѣцкаго.

Рѣцкій слылъ въ губерніи человѣкомъ самаго тонкаго ума. Во всѣхъ трудныхъ случаяхъ, когда надо было выйти кому-нибудь сухимъ изъ воды, обращались къ Рѣцкому. Поэтому, когда губернаторъ увидалъ, что, не смотря на всевозможныя полицейскія мѣры, революціонное польское движеніе растетъ, идутъ повсемѣстные денежные сборы на „возстаніе“ и, какъ доносили, уже формируются и вооружаются банды, онъ пригласилъ къ себѣ Рѣцкаго и спросилъ его:

— Что бы вы посовѣтовали предпринять?

— А вы на мужичковъ положитесь, ваше превосходительство, — отвѣтилъ человѣкъ тонкаго ума, — на мужичковъ. Они, повѣрьте мнѣ, все знаютъ—какой панъ бунтуетъ, и у кого собираются, и что̀ думаютъ предпринять, однимъ словомъ—все-съ! А наши свѣдѣнія и неполны, и запоздалы. И кромѣ того мы сами ничего не можемъ предпринять, потому что противъ насъ — хитрость и тайна. Да-съ, а мужичка не проведешь... И я осмѣлился бы предложить вашему превосходительству такой планъ: дать знать по волостямъ неоффиціально, подъ рукой, знаете, что господа помѣщики изъ поляковъ бунтуютъ противъ государя и мечтаютъ опять къ крѣпостному праву повернуть,—да-съ. Такъ пусть мужички наблюдаютъ... И если гдѣ съѣзды, или шайки и все такое,—пусть вяжутъ, и болѣе ничего-съ! Будьте покойны: въ двѣ недѣли все чисто будетъ...

Губернаторъ сначала опѣшилъ.

— Что же это вы мнѣ предлагаете? Дать мужикамъ право вязать помѣщиковъ? Какъ хотите—помѣщикъ всетаки помѣщикъ...

— Помилуйте, зачѣмъ — право? Никакого права давать не надо, а такъ... просто... пустить слухъ, что надо посматривать, что начальство будетъ довольно... Повѣрьте, все обойдется благополучно. А по минованіи надобности все можно будетъ опять прекратить. Мужикъ вѣдь послушный...

— Не знаю. Не знаю!..

Но такъ какъ другого средства не находилось, а министерскіе циркуляры, требовавшіе „принятія мѣръ", становились все настойчивѣе, то въ концѣ концовъ губернаторъ опять спросилъ Рѣцкаго:

— Какъ же это устроить?

— А вы извольте поручить это дѣло мнѣ-съ. Черезъ исправниковъ, черезъ благочинныхъ, черезъ писарьковъ—какъ гдѣ окажется удобнымъ... Они потолкуютъ кой съ кѣмъ изъ мужичковъ,—на мѣстахъ знаютъ съ кѣмъ,—и все устроится къ общему удовольствію. И то еще: въ случаѣ какой ошибки, вѣдь мы-то останемся въ сторонѣ!..

И вотъ, поползла по темнымъ трущобамъ, по лѣснымъ деревушкамъ, волнуя и радуя, неопредѣленная вѣсть, что начальство велитъ брать и вязать и представлять „у губернію" вѣковѣчныхъ враговъ, пановъ, которые бунтуютъ и хотятъ повернуть мужиковъ снова въ крѣпость.

И тамъ, гдѣ совершонныя несправедливости были свѣжи, гдѣ горѣли старыя раны или кровью сочились новыя, тамъ крестьянская мысль находила всѣ признаки панскаго бунта, тамъ помѣщика хватали, вязали и везли „до губернатора".

По ироніи судьбы, одною изъ первыхъ жертвъ хитрыхъ разсчетовъ Рѣцкаго сталъ не кто иной, какъ Иванъ Магеровскій—и именно тогда, когда, казалось, менѣе всего было основанія видѣть въ немъ бунтовщика. Не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ памятнаго объясненія у Жаломірской, какъ однажды дворъ завишковской усадьбы наполнился шумной, возбужденной толпой крестьянъ. Сгрудившись къ крыльцу господскаго дома, толклись они на мѣстѣ, говорили всѣ въ разъ, и нельзя было понять, какія мысли владѣютъ толпой.

Магеровскій вышелъ на крыльцо.

— Что надо, ребята?

Сразу замолчали; кое-кто даже снялъ шапки, передніе ряды подались назадъ. Видимо переживали минуту нерѣшительности. Но потомъ кто-то крикнулъ сзади:

— Повстанецъ!

Задніе ряды нажали передніе, и вдругъ, точно воды, про-

рвавшія плотину, люди ринулись на крыльцо, схватили Магеровскаго. Кто-то упалъ, кто-то покатился со ступеней.

— Нечего глядѣть на яго...

— Попилъ нашей крови!..

— Вяжи руки за спину!..

Никто не распоряжался. Никто никого не слушалъ. Безпорядочно кричали. Ругательствами отводили душу. И тѣмъ не менѣе все дѣлалось быстро, точно по впередъ начертанному плану. Черезъ нѣсколько минутъ подъѣхала къ крыльцу навозная телѣга, запряженная одной лошадью; кто-то бросилъ на нее куль соломы. Магеровскаго, съ скрученными руками, взвалили на нее, точно мѣшокъ съ мукой. Голова его свѣшивалась съ задка телѣги — на это никто не обращалъ вниманія. Мужики стояли кругомъ, закуривали трубки, поправляли оборы.

— Трогай! Съ Богомъ!

Но тутъ возникъ вопросъ: пана увезутъ, а какъ же добро? Теперь вѣдь все будетъ мужицкое. Пановъ теперь—кого накажутъ, кого „попишутъ у бобыльство по городахъ".

— Треба поставить калавуры, кабы не покрали добра...

— Поставили караулы и, перекрестившись, двинулись въ путь. Мальчуганъ лѣтъ десяти сѣлъ на ноги Магеровскаго, схватилъ возжи и зачмокалъ. Лошадь тронулась. А лѣсные люди, спокойно, съ сознаніемъ выполненнаго долга, шли впереди, по бокамъ и позади странной телѣги.

Цѣлый день везли Магеровскаго, отъ деревни до деревни, отъ корчмы до корчмы. Всюду, гдѣ встрѣчались люди, поѣздъ останавливался, и шли долгія бесѣды. Старики и дѣти, мужчины и женщины обступали плотнымъ кольцомъ связаннаго Магеровскаго, смотрѣли на него съ изумленіемъ, съ недовѣріемъ. Потомъ разгорались сердцемъ; уму представлялась очаровательная картина свободной жизни безъ ненавистныхъ пановъ. Начинались долгіе и страстные разговоры, въ которыхъ сказывалось все: и старая ненависть, и горькая нужда, и задавленныя, но неискоренимыя чаянія, и воспитанное горькимъ опытомъ недовѣріе.

Потомъ, когда поѣздъ трогался далѣе, кто-нибудь въ толпѣ оставшихся крестьянъ говорилъ:

— А я такъ мяркую... И нашъ панъ не иначе, якъ зъ повстанцевъ... Не иначе...

— Всѣ яны съ одной хевры!..

— Мусе, треба и яго представить?..

— А што на яго глядѣть? Ходимъ!..

Примѣръ оказывался заразительнымъ, и за телѣгой, тащившей

Магеровскаго, потянулся рядъ другихъ телѣгъ съ другими помѣщиками. Но Жаломірскую, добрую барыню, не тронули.

— Вы ня бойтеся,—говорили ей.—Другихъ пановъ вяжуть, кабы не бунтовали... А вы намъ вѣдомы!.. Чего Бога гнѣвить? Ниякой зъ васъ нима намъ обиды. Всѣмъ довольны...

Чуть живого приволокли Магеровскаго поздно ночью въ городъ и стали бивуакомъ на площади передъ губернаторскимъ домомъ. Подошли ночные сторожа, посмотрѣли на „бунтовщика" и отошли прочь. Городовой посовѣтовалъ свезти его въ полицію, но мужики отказались.

— Къ самому привезли—заявили они. Утромъ, когда городъ проснулся, около Магеровскаго образовался базаръ. Мѣщанки-огородницы, ремесленники, возчики, весь тотъ городской людъ, который встаетъ до зари, проходя мимо мужицкаго табора, останавливался, перекидывался двумя-тремя словами съ крестьянами, съ любопытствомъ смотрѣлъ на дороднаго пана, лежавшаго съ посинѣлымъ лицомъ на навозной телѣгѣ, и шелъ дальше, не обращая вниманія на его хриплое требованіе:

— Позовите полицеймейстера...

Но евреи живо сообразили, въ чемъ дѣло, и поняли всю нелѣпость мужицкой затѣи. Магеровскаго знали. И потому одни побѣжали въ полицію, другіе, собравшись вокругъ телѣги, ругали мужиковъ, утѣшали Магеровскаго, хотѣли его развязать. Шумъ, ругань и крики расли передъ домомъ губернатора, когда прискакалъ полицеймейстеръ.

Когда развязаннаго и шатавшагося отъ слабости Магеровскаго полицеймейстеръ взводилъ, поддерживая подъ руки, на губернаторское крыльцо, крестьяне было устремились за нимъ.

— Бей ихъ въ морду, гони въ шею!—приказалъ полицеймейстеръ дюжему швейцару, и Магеровскій скрылся за дверью.

Черезъ нѣсколько минутъ полицеймейстеръ, однако, вышелъ.

— Ребята, — сказалъ онъ,— ступайте на пожарный дворъ. Всѣ ступайте, кто привезъ пана. Отъ губернатора вамъ вышла награда. Идите и ждите меня на пожарномъ. Я сейчасъ пріѣду...

На пожарномъ дворѣ ихъ переписали, потомъ заперли въ сарай. Потомъ вызывали по одиночкѣ. Дюжіе пожарные брали вызваннаго подъ руки и вели; другіе костыляли его, по пути, въ шею. Потомъ, по приказанію губернатора, „спускали шкуру" и отпускали на всѣ четыре стороны.

— Ахъ, этотъ Рѣцкій!—сердился губернаторъ.—Говорилъ же я ему, что выйдетъ исторія.

Затѣя Рѣцкаго, его хитрый планъ не далъ, такимъ обра-

зомъ, ожидаемыхъ результатовъ. Онъ только лишній разъ смутилъ умы крестьянъ, къ старымъ струпьямъ на мужицкихъ спинахъ прибавилъ новые, но зато помогъ Магеровскому оріентироваться въ новомъ положеніи, созданномъ „эпохой великихъ реформъ", и начертать линію своего поведенія.

Эта линія поведенія опредѣлилась освобожденіемъ крестьянъ, отъ котораго онъ обѣднѣлъ; польскимъ возстаніемъ, въ которомъ онъ не принялъ участія, отчего потерялъ свои общественныя польскія связи; и, наконецъ, мыслью, что только опираясь на власть можетъ онъ чувствовать себя безопаснымъ на зыбкой почвѣ пропитанныхъ ненавистью соціальныхъ отношеній деревни.

— Надо служить!—такъ резюмировалъ Иванъ Магеровскій общій итогъ своихъ мыслей.

Что же еще оставалось дѣлать? Хозяйство шло черезъ пень-колоду и давало убытки. Общественныя связи порвались. Когда-то шумная и богатая округа опустѣла. Усадьбы затихли. Однѣ стояли заколоченныя, потому что владѣльцы ихъ были сосланы, убиты, разбѣжались куда-то. Въ другихъ, конфискованныхъ, поселились новоявленные помѣщики изъ секретарей духовныхъ консисторій, старыхъ приказныхъ, разжившихся городскихъ мѣщанъ. Въ третьихъ, наконецъ, не могли забыть „измѣны" Магеровскаго, и двери ихъ были заперты для него.

А внизу все еще глухо волновалось и шумѣло мужицкое море, надъ которымъ онъ потерялъ былую власть. Пріобрѣсть ее вновь можно было только службой.

— Надо служить! Безъ службы не проживешь.

И Магеровскій началъ свою чиновничью карьеру.

Карьеры, впрочемъ, онъ никакой не сдѣлалъ. Онъ не пошелъ дальше уѣздныхъ должностей, служащихъ источникомъ добавочныхъ доходовъ для обѣднѣвшихъ дворянъ—должностей, замѣщать которыя любятъ „людями земли". Служилъ непремѣннымъ членомъ, служилъ предводителемъ дворянства по назначенію, и, служа, научился фрондировать и обижаться. Въ глубинѣ души его жило убѣжденіе, что почетное положеніе, доля власти и мѣсячная получка изъ казначейства принадлежатъ ему по праву. Развѣ онъ не Магеровскій? Развѣ длинный рядъ его предковъ, сидѣвшихъ въ Завишкахъ, не считалъ себя по праву первымъ въ уѣздѣ? Развѣ правительство не отняло у него крестьянъ? Поэтому, нося кокарду, предсѣдательствуя въ уѣздныхъ присутствіяхъ и комитетахъ, онъ перелагалъ черную работу на своего письмоводителя, и, посидѣвъ часокъ-другой въ присутствіи, кряхтя садился въ свой фаэтонъ и ѣхалъ къ себѣ въ деревню.

— Усталъ,—говорилъ онъ, пріѣхавъ домой, женѣ.—Усталъ. Каждый разъ съ головной болью выхожу изъ присутствія. Духота у нихъ, угаръ, чортъ знаетъ что... Ну и служба!..

По существу онъ ничего не дѣлалъ. Но оттого, что въ присутствіи сторожъ часто напускалъ угара, что приходилось ѣздить въ дождь и по грязи, ѣздить въ городъ тогда, когда хотѣлось сидѣть дома, и мучиться то въ мировомъ съѣздѣ, то въ воинскомъ присутствіи, то еще гдѣ, между тѣмъ какъ дома шла работа на поляхъ или ложилась первая пороша,—отъ всего этого у Магеровскаго постепенно складывалось убѣжденіе, что онъ больше даетъ, чѣмъ получаетъ, что онъ кому-то — правительству, что-ли,— оказываетъ одолженіе, оплачиваемое неблагодарностью. Послѣ ревизій, когда губернаторскіе чиновники дѣлали ему замѣчанія, а правитель губернаторской канцеляріи въ конфиденціальной бесѣдѣ сообщалъ, что его превосходительство крайне недоволенъ и настойчиво проситъ не запускать дѣлъ,—иначе, какъ ему ни больно, онъ принужденъ будетъ принять мѣры,—Магеровскій чувствовалъ себя совсѣмъ обиженнымъ и самъ начиналъ говорить объ отставкѣ.

— Имъ нужны бумагомараки!.. Подшей бумажки, напиши три короба, и тогда все прекрасно будетъ... Но я, слава Богу, не канцелярская крыса. А! брошу все, и Богъ съ ними...

Но потомъ думалъ о тѣхъ двухъ тысячахъ, которыя съ неба не свалятся, и оставался, и засовывалъ въ письменный столъ написанное прошеніе объ отставкѣ. Но въ отместку усиленно бранилъ у себя дома и службу, и губернатора, и, въ концѣ концовъ, правительство. Бранилъ, и временами, когда наслѣдственная лѣнь и гордость говорили въ немъ громче обыкновеннаго, ненавидѣлъ и это правительство, и эту службу, и мужиковъ, которые не даютъ покоя, и чиновниковъ, которые не даютъ покоя тоже.

Временами въ немъ вспыхивала рѣшимость освободиться отъ этого служебнаго ярма и вернуть себѣ полную независимость и свободу. Тогда онъ начиналъ усиленно хозяйничать и придумывать такія хозяйственныя комбинаціи, отъ которыхъ сразу оказалось бы много денегъ въ карманѣ. Въ одну изъ такихъ минутъ онъ сдѣлалъ, между прочимъ, попытку утилизировать дѣдовскія липы, затѣнившія всю усадьбу. Подъ ихъ навѣсомъ гнили крыши, стояли весной и осенью непросыхающія лужи. Казалось, что, прорѣдивъ ихъ, можно убить сразу двухъ зайцевъ: дать ходъ солнцу и вѣтру и получить деньги за лубъ. Но „канальи жиды“ давали за липы до смѣшного мало, и потому Магеровскій рѣшилъ обойтись безъ нихъ.

— Сниму самъ лубъ и подожду цѣнъ.

Точно охваченный инстинктомъ разрушенія, онъ началъ прорѣжать аллеи, сносить цѣлыя куртины, на половину вырубать старыя тѣнистыя бесѣдки. Съ поваленныхъ липъ снимали кору и высокими грудами складывали въ пустомъ сараѣ, въ ожиданіи купцовъ.

И купцы пріѣзжали. Осматривали груды, пробовали иногда кору руками, иногда двусмысленно улыбались, качали головами и уѣзжали.

— Что же не берешь луба?—спросилъ наконецъ Магеровскій Мордуха Горбатаго, мелкаго скупщика.

— А что я, проше пана, буду съ тѣмъ лубомъ дѣлать?

— Какъ что?

Мордухъ сдѣлалъ совсѣмъ виноватое лицо, какъ будто это на немъ лежитъ вина за испорченный лубъ, и объяснилъ:

— Нехай панъ не гнѣвается. Але-жъ якъ теперь отдерешь лубъ отъ коры? Еслибы панъ положилъ его заразъ у воду — якъ съ древа, такъ и у воду,—ну, былъ бы лубъ. А теперь — развѣ это лубъ? Нима вѣдомо што, а не лубъ...

Такъ кончались хозяйственные опыты Магеровскаго. Естественно, что послѣ каждаго опыта онъ съ все возрастающимъ раздраженіемъ говорилъ:

— Ничего не подѣлаешь, — безъ службы не проживешь...

И какъ каторжникъ свою тачку, съ тоской и ненавистью тянулъ свою служебную лямку. Но наконецъ эта лямка порвалась, порвалась неожиданно, и тогда именно, когда Магеровскій всего менѣе этого ожидалъ.

Назначили новаго губернатора, и не успѣлъ онъ пріѣхать на мѣсто, какъ отправился съ ревизіей по губерніи.

— Надо будетъ позвать его къ намъ обѣдать,—сказалъ Магеровскій женѣ.—Можетъ быть и ночевать останется. Ужъ ты постарайся, мой другъ, чтобы все было получше...

Старая кровь ходила въ жилахъ Магеровскаго: онъ любилъ и принять у себя, и угостить. Принарядившись, довольный и спокойный, ѣхалъ онъ встрѣчать губернатора, раскидывалъ умомъ, кого пригласить еще, и думалъ, что, вотъ, можетъ быть, хотя съ новымъ человѣкомъ удастся установить пріятныя отношенія.

Но вышло все иначе. Не успѣлъ ласково улыбавшійся и чувствовавшій себя бариномъ и будущимъ амфитріономъ Магеровскій представиться:—Мѣстный предводитель дворянства... Радъ привѣтствовать...—какъ сравнительно молодой, вертлявый губернаторъ, съ моноклемъ въ глазу, рѣзко перебилъ его:

— Предводитель дворянства? Почему не въ мундирѣ? Потрудитесь представиться начальнику губерніи въ мундирѣ...

Магеровскій растерялся.

— Въ мундирѣ?—переспросилъ онъ, трогая себя рукою за лацканъ.—Да... что же...

— Я долженъ васъ предупредить,—отчеканивалъ между тѣмъ губернаторъ,—я требую отъ моихъ чиновниковъ работы и соблюденія формъ. Неряшество и фамильярность...

Но Магеровскій не слушалъ его.—Въ мундирѣ?—повторилъ онъ раздумчиво-вопросительно,—и вдругъ, весь вспыхнувъ, перебилъ губернаторскую рѣчь рѣзкимъ и высокомѣрнымъ:—Имѣю честь кланяться!—которое звучало точно:—Знать тебя не хочу!

И, круто повернувшись, вышелъ изъ кабинета.

— Это наглость! — бросилъ онъ встрѣтившемуся ему въ пріемной исправнику.—Сегодня же подаю въ отставку...

Сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ домой.

Дома онъ долго не могъ успокоиться.

— Выгнали. Вытолкали въ шею, какъ холуя. Выбросили, какъ стоптанный сапогъ. Ну, погоди! Мальчишка, дрянь. Меня?!

И когда стало извѣстнымъ, что губернаторъ былъ прежде частнымъ секретаремъ важнаго лица, женившимся на его любовницѣ, что онъ перешелъ изъ католичества въ православіе, чтобы вѣра не служила препятствіемъ карьерѣ,—Магеровскій вполнѣ утвердился въ мысли, что онъ былъ кругомъ правъ и пострадалъ только потому, что „у насъ не правительство, а чортъ знаетъ что!“

Такъ начался новый періодъ въ жизни Магеровскаго, періодъ озлобленной фронды, у которой была одна пріятная сторона: она позволяла ублажать себя мыслью, что вся отвѣтственность за неудачную, нелѣпую и безсодержательную жизнь лежитъ не на немъ, а на правительствѣ, которое все время дѣлало глупости или гадости руками „вотъ этакихъ господчиковъ“, какъ губернаторъ съ моноклемъ въ глазу.

И возможно, что этотъ „революціонный“ періодъ жизни обиженнаго Магеровскаго былъ бы самымъ счастливымъ временемъ его жизни, такъ какъ его проникало сильное и единое чувство,— еслибы подъ этимъ квази-революціоннымъ теченіемъ не пробились изъ нѣдръ земли струи настоящей, подлинной революціи.

Представителями этой настоящей, подлинной революціи явились въ семьѣ Магеровскаго его три сына. Моральное и матеріальное банкротство, окружавшее ихъ дѣтство, заставляло ихъ, точно растенія, посѣянныя на голомъ камнѣ, тянуться корнями, чтобы

достать пищу и воду въ далекихъ слояхъ. И они нашли, въ концѣ концовъ, и эту пищу, и эту воду далеко отъ отцовскаго дома, отъ завишковскихъ традицій, отъ преданій своего рода. Тысячами мочекъ всасывали они мысли, взгляды и чувства, до тѣхъ поръ имъ чуждыя, и когда подошелъ для нихъ тотъ возрастъ, когда человѣку надо себя обнаружить, Магеровскій почувствовалъ, что онъ имѣетъ въ своихъ дѣтяхъ не почтительныхъ сыновей, а противниковъ и судей.

До тѣхъ поръ, пока служба отнимала у него часть времени, развлекала и держала зачастую внѣ дома, Магеровскій хотя и чувствовалъ, что внутри семьи растетъ чужой и враждебный ему духъ, но отчасти не имѣлъ возможности, а отчасти не хотѣлъ вступать съ нимъ въ борьбу. Теперь, оставшись безъ дѣла, вѣчно праздный и всѣмъ недовольный, онъ не могъ мириться съ выращенными имъ волчатами, и сталъ—по опредѣленію Сергѣя, старшаго изъ сыновей—„домашнимъ террористомъ".

И развѣ могъ онъ не быть имъ, когда все, рѣшительно все раздражало его въ этихъ дѣтяхъ, задорныхъ, точно молодые пѣтухи, своевольныхъ въ поступкахъ и мысляхъ, не признававшихъ никакихъ авторитетовъ—и его отцовскаго авторитета въ томъ числѣ?

— Ходятъ неряхами, трутся съ мужиками, не интересуются хозяйствомъ, вѣчно лежатъ на постеляхъ, не вѣрятъ въ Бога, не признаютъ ничего святого, только и знаютъ, что разсуждать, о чемъ и понятія не имѣютъ—въ кого они, чортъ ихъ знаетъ, уродились!—говорилъ онъ.

И, переходя на свою излюбленную тему, кончалъ:

— И чего смотритъ правительство? Ему отдалъ дѣтей въ гимназію. А получилъ обратно—что?!

— Правительство наше дѣйствительно никуда не годится,—отвѣчалъ Сергѣй, и въ глазахъ его бѣгалъ насмѣшливый огонекъ.

Магеровскій ловилъ этотъ огонекъ и, глухо раздражаясь, говорилъ:

— Не твое дѣло судить о правительствѣ; молодъ еще...

Но такъ какъ огонекъ не гасъ, а продолжалъ играть и лукаво блестѣть въ глазахъ непокорнаго сына,—стучалъ кулакомъ по столу, и кричалъ:

— Я знаю васъ! Всѣхъ осуждаете! Лучше васъ нѣтъ никого. А самъ ты только молокососъ! Шелъ бы лучше въ поле, да присмотрѣлъ бы за рабочими...

Иногда сынъ уходилъ, и тогда туча на время расходилась. Иногда продолжалъ отвѣчать, упрямо, мальчишески-задорно отби-

ваясь отъ безпорядочныхъ и часто вздорныхъ придирокъ отца,— и тогда разражалась гроза.

— Съ глазъ моихъ вонъ! Щенокъ! Я тебѣ покажу!..

Домъ, когда въ немъ гостили на каникулахъ дѣти, превращался въ адъ, гдѣ свирѣпствовалъ старый Магеровскій и, ощетинившись, по-волчьи ляскало зубами молодое поколѣніе. Когда же дѣти уѣзжали въ городъ, онъ превращался въ могилу — такъ уныло, мертво и пустынно было въ этомъ старомъ, покосившемся домѣ.

И такъ тянулось изъ года въ годъ.

Чѣмъ яснѣе опредѣлялся новый, революціонный строй мыслей дѣтей, тѣмъ, какъ будто наперекоръ имъ, все болѣе выпуклымъ становился консерватизмъ отца—консерватизмъ религіозный и соціальный, нелѣпымъ образомъ уживавшійся рядомъ съ его открыто враждебнымъ отношеніемъ къ консервативной власти, къ правящимъ кругамъ, отъ котораго Магеровскій такъ и не могъ отдѣлаться. Стѣна, выроставшая между отцомъ и дѣтьми, наконецъ поднялась такъ высоко, что и руки, казалось, нельзя было подать черезъ нее—и въ результатѣ Сергѣй совершенно ушелъ изъ дому. Ласковымъ и нѣжнымъ письмомъ онъ попрощался съ матерью, писалъ, что вѣроятно никогда не вернется, просилъ простить и немножко любить, не смотря ни на что. Объ отцѣ онъ и не вспомнилъ.

Такъ подошла старость, прокрались съ нею болѣзни, а за ними, наконецъ, и смерть вошла и стала у изголовья. Магеровскій не сразу призналъ ее. Думалъ—такъ. Но она налила ноги водой, горой подняла животъ и холодной рукой схватила сердце. И вотъ, когда однажды Магеровскому стало ясно, что счеты съ жизнью кончены и пора уходить—все, что его окружало, чѣмъ онъ жилъ, что думалъ, во что, казалось, вѣрилъ, все представилось ему подъ какимъ-то новымъ угломъ, въ новыхъ формахъ и краскахъ. Смерть точно ударила по калейдоскопу, въ который онъ всю жизнь смотрѣлъ, и всѣ стеклышки смѣшались, перемѣстились и сложились въ новыя фигуры. Долго и съ изумленіемъ всматривался въ нихъ Магеровскій, и однажды, послѣ тяжелой безсонной ночи, спросилъ:

— Гдѣ Сергѣй? Хочу видѣть.

Но о Сергѣѣ давно не было вѣстей, и никто не зналъ, гдѣ онъ.

— Пошлите за младшими.

Но и изъ нихъ пріѣхалъ только средній, Игнатій, такъ какъ самаго младшаго, Антона, арестовали, и онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ.

— Арестовали? И тебя арестуютъ?—спросилъ Игнатія Магеровскій.

— Можетъ быть и меня.

— Чего же ты хочешь?

И вотъ между отцомъ и сыномъ, въ тѣ рѣдкіе часы, когда смерть позволяла, въ первый разъ за всю жизнь пошли долгіе и необычайные разговоры.

— Говори, чего же вы хотите? Только говори коротко и толково.

Въ отвѣтъ Игнатій темно и сбивчиво толковалъ о народѣ, о трудовомъ началѣ, о соціальной правдѣ, равенствѣ и общемъ счастьѣ.

Отецъ волновался.

— Какое же тебѣ счастье въ томъ, что ты будешь ходить въ лаптяхъ за плугомъ и ѣсть мякинный хлѣбъ? Мужикъ все это продѣлываетъ, но онъ въ университетѣ не учится. Ты народъ подними до себя, а не спускайся къ нему. Дуракъ!

Но черезъ часъ дуракъ снова долженъ былъ разсказывать и объяснять, и снова Магеровскій сердился.

— Пойми,—говорилъ онъ,—вѣка надо работать надъ человѣкомъ, чтобы научить его жить свободно и справедливо. Хамъ человѣкъ. Пойми: хамъ!—

Игнатій начиналъ доказывать, что человѣкъ прекрасенъ, что его портятъ только нужда и угнетеніе. А отецъ кричалъ хрипло и задыхаясь:

— Все врешь! Мнѣ вѣрь! Я знаю: хамъ и негодяй. Сдѣлай раньше звѣрей людьми, а потомъ мечтай о справедливости и счастьѣ...

— Революціи хочешь?—говорилъ онъ въ другой разъ.—Да ты знаешь ли, что такое революція? Пугачевщина! Ты взбунтуешь мужиковъ; ну, они будутъ жечь, напьются пьяны, пойдутъ въ колья, а ихъ—пушками. Вотъ тебѣ и революція. Эхъ, вы! Власть надо захватить. Захвати власть въ свои руки, и предписывай, что̀ хочешь: свободу, соціализмъ, все что хочешь! Предписывай законы, и всѣ послушаютъ.

— Мы не хотимъ идти этимъ путемъ. Это ткачевцы. Но наука...

— Брось свою науку. Смотри просто. Министръ ты—тебя слушаютъ. Студентъ?—сажаютъ въ тюрьму.

— Отецъ, самъ народъ...

— Ахъ, перестань... А что Сергѣй?—спрашивалъ онъ тихо и угрюмо.—Живъ или погибъ?... Эхъ, бѣда! Бѣда!.. Не вложишь въ васъ своего ума. Погибнете... всѣ погибнете... да...

Это была теперь его единственная забота. Надо спасти дѣтей.

— Мы хуже коней и коровъ—говорилъ онъ женѣ.—Когда волкъ нападаетъ на стадо, коровы становятся въ кругъ и защищаютъ телятъ. И лошади тоже. А нашихъ дѣтей бросаютъ въ тюрьмы. На каторгу шлютъ!.. Вѣшаютъ!.. А мы что дѣлаемъ?.. ...Я думаю такъ: мы все равно уходимъ. А они начинаютъ. Ну, пусть и устраиваютъ жизнь, какъ имъ нужно. А мы имъ загородили все, и когда они брыкаются—мы ихъ въ тюрьму!

Онъ смотрѣлъ на жену возбужденными глазами и, задыхаясь, говорилъ:

— Сергѣй—террористъ! Ты подумай только!.. Что долженъ былъ я сдѣлать? Долженъ былъ сказать: сиди смирно, мальчишка! Я для тебя добуду. А тѣмъ, вверху: руки прочь! Да. И если кому брать револьверъ, такъ мнѣ, а не ему. Старому, а не малому. А теперь... остались... мы... мы...

Иванъ Магеровскій вскорѣ умеръ, и третья могила поднялась горбомъ на холмѣ подъ старыми липами. Нельзя было сказать, чтобы тотъ, кто легъ въ нее, прожилъ свою жизнь удачнѣе своихъ предковъ. Онъ прожилъ ее только иначе...

Бѣлоруссовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЗАЧѢМЪ?

Зачѣмъ на родинѣ, какъ прежде,
Нѣтъ мѣста радостной надеждѣ:
Глядѣть безтрепетно впередъ?

Зачѣмъ нашъ труженикъ-народъ,
Въ работѣ рукъ не покладая,
Живетъ по прежнему страдая?

И отчего вся эта даль
И этотъ сѣрый небосклонъ
Наводятъ на душу печаль?

Зачѣмъ все въ пѣсняхъ тотъ же стонъ,
Зачѣмъ народная тоска
Такъ безъисходна и горька?..

С. Дрожжинъ.

ПРАВО ПРИНУДИТЕЛЬНАГО ОТЧУЖДЕНІЯ

(Окончаніе.)

III *).

Теорія права принудительнаго отчужденія имѣетъ сравнительно обширную литературу. По вѣрному указанію Мейера, доктрина эта, выросшая на почвѣ римскаго права, въ теченіе времени съ начала XII-го до конца XVIII-го вѣка, подверглась медленной, но значительной разработкѣ, значительно опередивъ поступательный ростъ законодательства въ этой области. Теорія здѣсь является первичнымъ, законодательство—вторичнымъ факторомъ. Доктрина о правѣ экспропріаціи, весьма разросшаяся въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ началѣ XIX-го вѣка какъ бы пріостанавливается въ своемъ развитіи, съ тѣмъ чтобы съ новою силою возрасти къ 40-мъ годамъ. Въ результатѣ такой продолжительной, по истинѣ вѣковой разработки теорія права принудительнаго отчужденія вылилась въ довольно ясныя принципіальныя очертанія.

Важенъ, прежде всего, вопросъ о самомъ опредѣленіи права принудительнаго отчужденія. Мейеръ даетъ слѣдующее опредѣленіе: „Право экспропріаціи есть право государственной власти принудить гражданина, если того потребуетъ общественный интересъ, къ уступкѣ, за извѣстное вознагражденіе, его собственности, или другихъ принадлежащихъ ему вещныхъ правъ“. По опре-

*) См. августъ, стр. 148.

дѣленію Грюнхута, право принудительнаго отчужденія есть „право государственной власти осуществлять принудительное изъятіе индивидуальнаго права собственности и перенесеніе его въ составъ публичныхъ благъ, т.-е. осуществлять принудительный переходъ въ общественныхъ интересахъ и за вознагражденіе, чужого вещнаго права въ публичное благо". Наконецъ, по опредѣленію Роланда, „право принудительнаго отчужденія (право экспропріаціи) есть право государства изъять или ограничить за полное вознагражденіе земельную собственность, необходимую для общественнаго предпріятія" [1]).

Таковы три юридическихъ опредѣленія понятія принудительнаго отчужденія, сходныя въ своихъ основаніяхъ и различающіяся между собою главнымъ образомъ тѣмъ, что Мейеръ и Грюнхутъ говорятъ о принудительномъ отчужденіи вещей и вещныхъ правъ вообще, а Роландъ трактуетъ исключительно объ отчужденіи земельной собственности. Адольфъ Вагнеръ недоволенъ такими „юридическими" опредѣленіями права принудительнаго отчужденія, построенными на слишкомъ общихъ понятіяхъ, въ родѣ „общественнаго интереса" и т. п. Онъ даетъ слѣдующее опредѣленіе: „Право принудительнаго отчужденія есть право государства изъять у собственника и помимо его согласія, т.-е. принудительно, находящійся въ собственности индивидуальный объектъ, для употребленія его соотвѣтственно общественнымъ интересамъ, или ограничить право собственности собственника, обложеніемъ объекта его сервитутомъ, или установить пользованіе объектомъ въ общественномъ интересѣ" [2]). Въ нѣсколько болѣе объективныхъ терминахъ, соотвѣтственно потребностямъ „народно-хозяйственной" точки зрѣнія, здѣсь дается почти то же опредѣленіе права принудительнаго отчужденія, что и у указанныхъ юристовъ.

Чтобы покончить съ опредѣленіемъ понятія—опредѣленіемъ, изъ котораго выводятся весьма существенные его признаки, — остановимся еще на мнѣніи русскаго юриста. Г. Ф. Шершеневичъ даетъ весьма краткое опредѣленіе: „экспропріація есть принудительное возмездное отчужденіе или ограниченіе правъ, которое производится государственной властью въ виду общеполезной цѣли" [3]). Въ этомъ опредѣленіи исчислены въ сущ-

---

[1]) Rohland, „Zur Theorie und Praxis des Deutschen Enteignungsrechts", Лпц., 1875.

[2]) Adolph Wagner, „Grundlegung der politischen Oekonomie", 2, стр. 534—5.

[3]) Г. Ф. Шершеневичъ, „Учебникъ русскаго гражданскаго права", стр. 297.

ности всѣ признаки, подробно описываемые въ трехъ-этажныхъ опредѣленіяхъ нѣмецкихъ юристовъ и экономистовъ.

Остановимся теперь на анализѣ даннаго опредѣленія. На какихъ основахъ, логическихъ или фактическихъ, покоится его общеобязательность? Эти вопросы получили достаточную разработку въ юридической литературѣ. По мнѣнію Дальке, необходимость совмѣстнаго существованія людей въ предѣлахъ единой государственной организаціи образуетъ истинную правовую основу принудительнаго отчужденія. Эту слишкомъ общую мысль данный авторъ мотивируетъ тѣмъ соображеніемъ, что внѣ государства человѣкъ не можетъ развивать свои силы и способности и удовлетворять свои необходимыя потребности; государство, поэтому, является не случайнымъ, а необходимымъ учрежденіемъ, имѣющимъ право вмѣшательства во внутреннія отношенія отдѣльныхъ лицъ, для регулированія общественныхъ интересовъ. По мнѣнію Іеринга, для пониманія права принудительнаго отчужденія важна оцѣнка силы общественнаго интереса. Общество сильнѣе личности; податное обложеніе гражданъ, всеобщая воинская повинность, полицейскіе и уголовные законы служатъ тому доказательствомъ. И современное право естественнымъ ходомъ вещей все усиливаетъ эти ограниченія личности въ пользу общества. По указанію Мейера, развивающаго ту же мысль, національное благосостояніе и національная культура требуютъ, въ видахъ достиженія общественныхъ цѣлей, уступки частнаго имущества для общаго блага, требуютъ жертвъ, которыя и осуществляются путемъ принудительнаго отчужденія. Въ современной дѣятельности государства часто наступаетъ коллизія двухъ его задачъ: съ одной стороны—охраны интересовъ всего общества, съ другой стороны — огражденія частныхъ имущественныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ. Выходъ изъ коллизіи возможенъ только путемъ неизбѣжной уступки индивидуальнаго права общему интересу, путемъ принудительнаго отчужденія частныхъ имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ въ пользу общества, государства. Право экспропріаціи принадлежитъ, поэтому, къ области публичныхъ правъ. Въ основѣ этого права лежитъ сознаніе, что общество требуетъ неизбѣжныхъ жертвъ отъ индивидуума.

Право принудительнаго отчужденія выводится иногда изъ ученія о природѣ государства, объ источникѣ его силы и существованія. Государство не служитъ самоцѣлью — говоритъ, напр., Грюнхутъ. Наоборотъ, государство представляетъ въ источникѣ своемъ сумму интересовъ отдѣльныхъ лицъ. Поэтому право

государства, какъ цѣлаго, естественно возвышается надъ отдѣльными правами отдѣльныхъ лицъ. Отсюда сами собою вытекаютъ ограниченія права собственности. Эти ограниченія покоятся на томъ незыблемомъ основаніи, что лицо, какъ часть цѣлаго, неминуемо должно жертвовать своими интересами для блага всего общества. Тиль замѣчаетъ, что болѣе слабое право должно уступать болѣе сильному всякій разъ, когда они приходятъ въ коллизію—а право государства, какъ цѣлаго, есть несомнѣнно сильнѣйшее изъ всѣхъ правъ: „Salus publica suprema lex esto“. На принудительное отчужденіе, какъ на неизбѣжный выходъ изъ коллизіи между общественными и частными интересами, указываетъ и Роландъ. По его словамъ, государство несетъ на себѣ обязанность не только охранять частныя права гражданъ, но и заботиться о поддержаніи развитія цѣлаго. Гдѣ интересы этого цѣлаго вступаютъ въ коллизію, въ противорѣчіе съ интересами отдѣльныхъ лицъ, тамъ возникаетъ право экспропріаціи, право принудительнаго отчужденія, какъ единственная конкретная мѣра, могущая вести къ разрѣшенію создавшагося конфликта. Наконецъ, и въ русской литературѣ проф. Дювернуа указалъ на то, что „принудительное отчужденіе имущества изъ рукъ собственника нынѣ, въ системѣ права общаго, допустимо, согласно разуму права, только тамъ, гдѣ право частнаго собственника приходитъ въ столкновеніе съ интересомъ общественнымъ“. Свою мысль о законности и правомѣрности разрѣшенія конфликта между интересами частнымъ и общественнымъ путемъ принудительнаго отчужденія Дювернуа иллюстрируетъ, между прочимъ, слѣдующимъ разсужденіемъ: „Вынужденный поворотъ родовыхъ недвижимостей въ пользу родичей можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ быть для собственника отнюдь не менѣе тяжелымъ, чѣмъ принудительное отчужденіе въ пользу общественную, при чемъ въ массѣ случаевъ такіе повороты не оправдываются никакими серьезными соображеніями общественнаго интереса“ [1]). Въ этихъ словахъ подчеркнута вся сила общественнаго интереса, который въ неминуемой борьбѣ, въ неизбѣжныхъ конфликтахъ съ частными интересами отдѣльныхъ лицъ приводитъ къ обоснованію права принудительнаго отчужденія, какъ неизбѣжнаго, цѣлесообразнаго и вполнѣ правомѣрнаго института.

Таковы взгляды современныхъ теоретиковъ права. Въ нихъ проводится идея *принудительности* отчужденія, совершаемаго

[1]) Н. Л. Дювернуа, „Чтенія по гражданскому праву“, т. I, изд. 4-ое. Спб. 1902, стр. 666.

съ *общественною, съ общеполезною* цѣлью. Изъ этихъ взглядовъ естественно вытекаютъ и основныя черты, отличительные признаки даннаго института.

Прежде всего опровергается взглядъ, разсматривающій экспропріацію какъ своего рода „принудительную покупку". По преобладающему среди юристовъ мнѣнію, экспропріація не можетъ считаться „покупкой", хотя бы и „принудительной", уже по-тому, что ей недостаетъ главнаго элемента купли-продажи—единенія воли продавца и покупателя. Фактъ уплаты въ случаяхъ принудительнаго отчужденія опредѣленнаго вознагражденія не измѣняетъ сущности дѣла, такъ какъ вознагражденіе является здѣсь не добровольной уплатой покупателя за оказываемую ему продавцомъ услугу, а эквивалентомъ, выдаваемымъ государствомъ, или отъ его имени и по его порученію—органами общественнаго управленія, по соображеніямъ общественнаго характера. Съ другой стороны, по вѣрному замѣчанію проф. Шершеневича, экспропріація предполагаетъ принужденіе, въ случаѣ надобности—даже насиліе, и по самому существу своему исключаетъ возможность добровольнаго соглашенія. Поэтому не подходитъ подъ понятіе экспропріаціи попытка склонить собственника къ уступкѣ своего участка посредствомъ продажи. Если собственникъ изъявляетъ на него согласіе и вступаетъ въ договоръ, то для экспропріаціи нѣтъ мѣста. Она наступаетъ только тогда, когда собственникъ отвергаетъ предложеніе совершить договоръ. Этимъ простымъ разсужденіемъ въ корнѣ опровергается мысль объ экспропріаціи какъ о покупкѣ—мысль, вытекающая изъ факта переговоровъ о добровольной продажѣ, обыкновенно предшествующихъ экспропріаціи. Роландъ совершенно правъ, отвергая всѣ „частноправовыя" теоріи принудительнаго отчужденія. Правъ и Тиль, настаивающій на томъ, что разрѣшеніе вопроса о принудительномъ отчужденіи можетъ быть найдено лишь въ области публичнаго права.

Принудительное отчужденіе, въ которомъ нельзя не видѣть лишенія лица принадлежащихъ ему правъ, должно имѣть въ основаніи вѣскія соображенія. Оправдывающимъ его мотивомъ можетъ быть, по выраженію проф. Шершеневича, только общее благо, *общественность* предпринимаемой мѣры". Побѣдоносцевъ замѣчаетъ, что „при экспропріаціи въ тѣсномъ смыслѣ дѣло идетъ о совершеніи предпріятія *полезнаго* для общества, когда необходимо требуется для сего частное имущество... Какъ скоро предпріятіе признано нужнымъ для общественной пользы и должно совершить его, то частное право должно безпрекословно усту-

пить рѣшенію правительственной власти, и по этому предмету споръ невозможенъ". Но тутъ же Побѣдоносцевъ оговаривается, что „понятіе о пользѣ общественной, о государственной потребности есть весьма условное и вмѣстѣ съ тѣмъ лишено *юридической* опредѣлительности" [1]).

Въ этомъ—существенная сторона вопроса. Понятія „общаго блага", „общественности" (Шершеневичъ), „общественной пользы", „государственной потребности" (Побѣдоносцевъ), включаемыя въ опредѣленіе понятія принудительнаго отчужденія, несомнѣнно страдаютъ отсутствіемъ достаточной степени „юридической опредѣлительности". На это неоднократно указывалось въ литературѣ, неоднократно дѣлались попытки избѣжать этой неопредѣленности основного юридическаго термина, но онѣ не шли, большею частью, дальше замѣны упомянутыхъ выше выраженій нѣкоторыми другими.

По мнѣнію Адольфа Вагнера, понятіе общественнаго, публичнаго интереса („das öffentliche Interesse"), само по себѣ взятое, безъ всякихъ дальнѣйшихъ ограниченій, есть „слишкомъ колеблющійся принципъ и слишкомъ неопредѣленный критерій". Частная собственность должна отступать передъ общественнымъ благомъ только тогда, когда рѣчь идетъ о необходимыхъ перемѣнахъ въ самыхъ основахъ народной жизни—„въ опредѣленной организаціи народнаго хозяйства и въ опредѣленной конструкціи техники". Поэтому, въ различныя историческія эпохи народное хозяйство и общество допускаютъ различные объекты принудительнаго отчужденія; каждая эпоха имѣетъ свое особое право принудительнаго отчужденія, и въ каждую эпоху различные случаи отчужденія пріобрѣтаютъ свое особое практическое значеніе [2]). Съ этимъ послѣднимъ, весьма глубокимъ замѣчаніемъ Вагнера нельзя не согласиться. Но совсѣмъ спорнымъ и идущимъ, притомъ, вполнѣ въ разрѣзъ съ этою основною мыслью Вагнера является цитированное выше первоначальное утвержденіе его о томъ, что принудительное отчужденіе допустимо, независимо отъ эпохи, лишь въ случаѣ необходимости перемѣнъ въ организаціи народнаго хозяйства и въ конструкціи техники. Въ этомъ утвержденіи нельзя не видѣть ограниченія основного положенія о наличности особаго права принудительнаго отчужденія въ каждую историческую эпоху. Формула о перемѣнахъ въ организаціи народнаго хозяйства представляется, впрочемъ,

---

[1]) К. Побѣдоносцевъ, Курсъ гражданскаго права, ч. I, стр. 440.

[2]) Adolph Wagner, „Grundlegung der politischen Oekonomie", ч. II, стр. 358—544.

на столько широкой, что на этой почвѣ можно найти оправданіе для всевозможныхъ случаевъ принудительнаго отчужденія.

Въ цѣляхъ избѣжанія все того же „неопредѣленнаго“ юридическаго термина Мейеръ говоритъ о допустимости принудительнаго отчужденія въ случаяхъ „значительной“ и „общей пользы“, не замѣчая, что здѣсь на мѣсто одной неопредѣленности выставляется другая, еще бо̀льшая. Въ другомъ мѣстѣ, констатируя юридическую неудовлетворительность терминовъ „публичный интересъ“, „публичное благо“ („öffentliches Wohl“), „публичная польза“ („öffentlicher Nutzen“), Мейеръ предлагаетъ замѣнить ихъ словомъ: „государственная цѣль“ („Staatszweck“). Авторъ самъ чувствуетъ неопредѣленность и этого выраженія, но, замѣчаетъ онъ, „не смотря на невозможность конструировать для всѣхъ временъ и народовъ единственно существующую государственную цѣль, все же можно твердо установить такую государственную цѣль для конкретнаго государства и для конкретнаго культурнаго состоянія народа“. На путь такихъ же разсужденій становится въ вопросѣ о правѣ принудительнаго отчужденія и Грюнхутъ, устанавливающій различіе между „публичными, общественными“ и „государственными“ благами („öffentliches Gut“ и „Staatsgut“). Но уже Дальке замѣтилъ, что выраженія „общественное благо“ и „государственная цѣль“ равно отличаются неопредѣленностью. И дѣйствительно, стоитъ только примѣнить разсужденія Мейера о государственной цѣли, въ отношеніи конкретнаго государства или конкретнаго культурнаго состоянія народа, къ понятію общественнаго блага, общественной необходимости—и выводы получатся совершенно одни и тѣ же. Точно также нельзя не признать неудачнымъ, въ значительной мѣрѣ казуистичнымъ предлагаемое Роландомъ разграниченіе между „правомъ принудительнаго отчужденія“, вводимымъ въ пользу подданныхъ государства по соображеніямъ общественной пользы, и „правомъ государственной нужды“, возникающимъ для государства, въ случаѣ „настоятельной необходимости“. „Общественная польза“ или „настоятельная необходимость“, для „подданныхъ“ ли государства или для самого „государства“ — это выраженія однозначащія, при надлежащемъ взглядѣ на природу государства, его цѣли и задачи.

Можно, такимъ образомъ, констатировать, что выхода изъ неопредѣленности юридическихъ терминовъ не найдено, хотя цитированными—и другими писателями сдѣлано многое для болѣе точной юридической стилизаціи даннаго понятія. Такъ, по справедливому замѣчанію Роланда, въ основѣ экспропріаціи можетъ

лежать простая „общественная польза", а не только „необходимость". То же самое подтверждаетъ и Грюнхутъ. Достаточно, по его мнѣнію, „серьезнаго общественнаго интереса" и не нужно совсѣмъ „строгой, абсолютной необходимости" для признанія права принудительнаго отчужденія. Иначе серьезныя общественныя потребности оставались бы неудовлетворенными. Нейманнъ правильно настаиваетъ на томъ, что весь вопросъ сводится къ значенію предпріятія, ради котораго осуществляется принудительное отчужденіе. Пытались въ этомъ отношеніи установить разницу между требованіями въ области съ одной стороны Nutzen (пользы), съ другой стороны—Luxus, Annehmlichkeit, Verschönerung (роскоши, пріятности, украшенія). Но попытки этихъ разграниченій напрасны. Потребность въ украшеніи, въ доставленіи удовольствія населенію можетъ служить достаточнымъ поводомъ для принудительнаго отчужденія [1]. Въ народной жизни нѣтъ такихъ опредѣленныхъ, разъ навсегда данныхъ потребностей, для удовлетворенія которыхъ принудительное отчужденіе было бы разъ навсегда допустимо или недопустимо.

IV.

Предыдущій теоретическій анализъ приводитъ къ убѣжденію, что не существуетъ неизмѣнныхъ, постоянныхъ объектовъ принудительнаго отчужденія, что все дѣло—въ общественномъ значеніи, въ общественномъ интересѣ, представляемомъ предпріятіемъ, ради котораго и въ пользу котораго производится принудительное отчужденіе.

Въ литературѣ возникъ, однако, вопросъ объ изъятіи нѣкоторыхъ категорій предметовъ изъ области примѣненія принудительнаго отчужденія. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ вопросъ о движимыхъ и недвижимыхъ вещахъ, различие между которыми можетъ оказать вліяніе на степень распространимости принудительнаго отчужденія. По мнѣнію Іеринга, ограниченія собственности вообще распространяются только на недвижимость, такъ какъ движимой вещью собственникъ можетъ легко распорядиться по своему усмотрѣнію, свободно видоизмѣняя ее и даже уничтожая. Многіе считаютъ, поэтому, недопустимымъ принудительное отчужденіе движимыхъ вещей. Иного взгляда держится, напримѣръ,

---

[1] Fr. J. Neumann, „Die Steuer und das öffentliche Interesse", Лпц. 1887, стр. 221—33.

проф. Шершеневичъ, по мнѣнію котораго предметомъ экспропріаціи *чаще всего* является право собственности на недвижимости, потому что онѣ незамѣнимы по своему мѣстонахожденію, тогда какъ движимыя вещи почти всегда допускаютъ замѣну ихъ другими. Однако это не исключаетъ возможность экспропріаціи правъ на движимости, напримѣръ экспропріаціи хлѣбныхъ запасовъ во время голода, лошадей—на надобности войны, зачумленныхъ животныхъ—въ видахъ предупрежденія заразы и т. д. Съ этимъ мнѣніемъ согласенъ Дальке, полагающій лишь, что экспропріація движимыхъ вещей занимаетъ второстепенное мѣсто. Тиль идетъ еще дальше, утверждая, что право экспропріаціи одинаково примѣнимо какъ къ недвижимости, такъ и къ движимымъ вещамъ. Спорнымъ является и вопросъ о томъ, могутъ ли служить предметомъ экспропріаціи вещи, принадлежащія государству, общинѣ, церкви, корпораціи. Но и тутъ преобладающее мнѣніе склоняется въ пользу положительнаго рѣшенія вопроса.

Итакъ, можно признать, что принудительное отчужденіе допустимо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуетъ серьезная общественная или государственная потребность. Въ связи съ этимъ общимъ взглядомъ на объемъ права принудительнаго отчужденія выработался въ литературѣ и соотвѣтствующій взглядъ на тотъ путь, которымъ слѣдуетъ идти при установленіи отдѣльныхъ случаевъ экспропріаціи. Мейеръ указываетъ на то, что при этомъ возможно либо перечисленіе въ законѣ отдѣльныхъ случаевъ, подходящихъ подъ дѣйствіе экспропріаціи, либо предоставленіе выработки списка этихъ случаевъ органамъ управленія. По мнѣнію Грюнхута нѣтъ никакой возможности заранѣе, разъ навсегда фиксировать всѣ случаи экспропріаціи. Успѣхи государственности вызываютъ къ жизни все новыя общественныя цѣли, могущія создать поводъ для принудительнаго отчужденія, и выработка заранѣе списка допустимыхъ случаевъ экспропріаціи должна отразиться самымъ вреднымъ образомъ на желательной эластичности этого правового института. Необходимо, поэтому, предоставить органу государственной власти въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, сообразуясь съ общественными нуждами и потребностями, устанавливать поводы, объекты и условія экспропріаціи. Въ пользу этого послѣдняго способа высказывается и Роландъ. Французское и прусское законодательства избрали путь общаго опредѣленія поводовъ экспропріаціи; швейцарское законодательство, наоборотъ, вступило на путь перечисленія отдѣльныхъ случаевъ допустимой экспропріаціи. По мнѣнію Тиля, предпочтительнѣе первый путь — путь „генеральныхъ“ опредѣленій:

только онъ обезпечиваетъ въ достаточной степени необходимую, по условіямъ даннаго института, эластичность его; въ противномъ случаѣ требовались бы всякій разъ новыя дополненія къ однажды составленному списку. Въ прусской палатѣ господъ и въ различныхъ коммиссіяхъ ея при составленіи закона объ отчужденіи былъ подвергнутъ подробному обсужденію вопросъ о цѣлесообразности обозначенія отдѣльныхъ категорій отчужденія, но предложеніе въ этомъ смыслѣ было отвергнуто. До какой степени установленіе отдѣльныхъ случаевъ экспропріаціи не соотвѣтствуетъ цѣли, видно изъ того, что въ прусскомъ законѣ объ отчужденіи земельной собственности отъ 11-го іюня 1874-го года въ числѣ примѣровъ допустимой экспропріаціи указываются огненная и водяная опасности, землетрясенія, войны—и „другая настоятельная нужда". Эта послѣдняя, весьма растяжимая формула лучше всего вскрываетъ невозможность для законодателя ограничиться перечисленіемъ отдѣльныхъ случаевъ допустимой экспропріаціи и необходимость перейти къ общимъ, „генеральнымъ" опредѣленіямъ.

Изложеніе мое, однако, было бы неполно, еслибы я не остановился отдѣльно на одномъ частномъ случаѣ, представляющемъ для насъ непосредственный и особо выдающійся интересъ. Невольно приходитъ на память одинъ на первый взглядъ грозный аргументъ, выдвинутый въ русской „правой" экономической литературѣ и сводящійся къ тому, что принудительное отчужденіе не можетъ быть осуществляемо въ пользу одной части населенія за счетъ другой, въ частности и — въ особенности въ пользу крестьянъ за счетъ помѣщиковъ. Теперь, послѣ всего изложеннаго выше, дать отвѣтъ на этотъ аргументъ будетъ весьма не трудно.

Въ литературѣ данный вопросъ подвергся достаточной разработкѣ. По мнѣнію Роланда, принудительное отчужденіе допустимо не тогда только, когда въ немъ заинтересованы всѣ граждане въ совокупности, но и тогда, когда оно отвѣчаетъ интересамъ отдѣльной части общества. Съ отдѣльной частью общества, съ ея жизнью, съ ея потребностями связаны серьезные общественные интересы. И только тогда, когда предпріятіе служитъ лишь частнымъ цѣлямъ, принудительное отчужденіе недопустимо. Аналогичный взглядъ развиваетъ Мейеръ. По его мнѣнію, экспропріантомъ можетъ быть государство, а также всякое физическое и юридическое лицо, какъ напримѣръ община, церковная корпорація и т. д.; но задачей экспропріаціи не можетъ быть достиженіе цѣли одного частнаго человѣка за счетъ другого

частнаго лица. По мнѣнію Грюнхута, субъектами принудительнаго отчужденія могутъ быть частныя лица, но при этомъ отчуждаемая земля не можетъ и не должна поступать въ собственность частныхъ лицъ, а должна только оставаться во владѣніи ихъ; собственникомъ же въ данномъ случаѣ является государство или община, въ пользу которыхъ и производится принудительное отчужденіе. Но и этотъ авторъ, держащійся столь ограниченнаго взгляда на допустимость принудительнаго отчужденія въ пользу частныхъ лицъ, тѣмъ не менѣе замѣчаетъ: „понятіе общественнаго интереса не должно представлять слишкомъ узко; никоимъ образомъ не заключается въ немъ съ необходимостью мысль, что всѣ граждане имѣютъ одинаковый интересъ въ выполненіи даннаго общественнаго предпріятія; такое представленіе противорѣчило бы природѣ государственнаго организма, соединяющаго въ себѣ всѣ народныя силы и сплачивающаго ихъ неразрывной связью; въ государственномъ организмѣ, какъ и во всякомъ другомъ, все покоится на взаимодѣйствіи и взаимозависимости силъ; забота объ интересахъ одной какой-либо части народнаго организма проникаетъ, поэтому, и въ другія его части. Общій интересъ, являющійся необходимымъ условіемъ, оправдывающимъ отчужденіе, имѣется на лицо, такимъ образомъ, и тогда, когда непосредственно выступаютъ лишь интересы одной части государственнаго организма“. Столь же категорически выражается по этому поводу Нейманнъ. По его мнѣнію, экспропріація возможна и въ интересахъ отдѣльныхъ частей населенія. На число участниковъ экспропріаціи вообще не слѣдуетъ обращать вниманія. Единственное, что слѣдуетъ имѣть въ виду, это—значеніе предпріятія самого по себѣ. При принудительномъ отчужденіи зачастую невольно преслѣдуются цѣли отдѣльныхъ владѣльцевъ (напримѣръ при меліоративныхъ работахъ).

Совокупностью всѣхъ этихъ разсужденій подтверждается та важная и безусловно справедливая мысль, что правомъ принудительнаго отчужденія объемлются отдѣльные слои населенія, какъ часть, интересы которой неразрывно связаны съ интересами цѣлаго. Съ точки зрѣнія новаго ученія о государствѣ и обществѣ, анализирующаго классовую структуру этихъ организмовъ, существуетъ вообще ограниченное количество интересовъ, присущихъ обществу или государству, какъ цѣлому. Въ гораздо большемъ количествѣ случаевъ реальные и настоятельные интересы какого-либо класса, разростаясь въ своемъ объемѣ и интенсивности, достигаютъ значенія интересовъ цѣлаго. Съ этой единственно правильной точки зрѣнія на природу современнаго государства и

общества, теряетъ вообще всякій смыслъ разсужденіе о противоположности, существующей, будто бы, между интересами всего общества и отдѣльными его частями. Общество состоитъ изъ отдѣльныхъ частей, живетъ органической жизнью этихъ частей и ихъ интересы могутъ пріобрѣтать общегосударственное значеніе. Весь вопросъ сводится къ конкретной оцѣнкѣ этихъ интересовъ съ общегосударственной точки зрѣнія, а не къ учету количества заинтересованныхъ лицъ, хотя, впрочемъ, представленіе о числѣ заинтересованныхъ лицъ способно иногда сыграть извѣстную роль въ оцѣнкѣ степени настоятельности и интенсивности данной потребности или даннаго интереса.

Переходъ отъ этихъ общихъ разсужденій къ доказательству наличности права принудительнаго отчужденія въ пользу крестьянъ, страдающихъ отъ малоземелья, очевиденъ. Уже въ 1782-мъ году англійскій мыслитель Оджильви выразилъ мысль, что установленное въ цивилизованныхъ странахъ право отчужденія для постройки шоссе, улицъ, каналовъ приведетъ въ концѣ концовъ къ тому, что земля будетъ отчуждаться для потребностей отдѣльныхъ гражданъ [1]). Рудольфъ Іерингъ, въ связи съ вопросомъ о принудительномъ отчужденіи высказавшій мысль, что соціалистическія и коммунистическія идеи — не что иное какъ „сплошная глупость", написалъ, однако, слѣдующее: „Настанетъ время, когда собственность приметъ другой видъ, чѣмъ нынѣ, когда общество будетъ такъ же мало признавать мнимое право индивидуума собрать возможно больше благъ этого міра, концентрировать въ своихъ рукахъ земли, на которыхъ могли бы существовать сотни и тысячи самостоятельныхъ крестьянъ, какъ оно мало признаетъ теперь право древне-римскаго отца надъ жизнью и смертью своихъ дѣтей, или право мести, или грабежи рыцарей на большихъ дорогахъ, или сословное право средневѣковья" [2]). Наконецъ, и такой столпъ буржуазной экономической мысли, какъ Адольфъ Вагнеръ, категорически стоитъ на почвѣ признанія принудительнаго отчужденія, и именно по отношенію къ крестьянамъ. Взгляды этого экономиста весьма любопытны, и съ ними стоитъ ознакомиться подробнѣе.

При исчисленіи отдѣльныхъ видовъ принудительнаго отчужденія Вагнеръ останавливается на случаѣ отчужденія ради соціально-политическихъ цѣлей. По этому поводу онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „При практическомъ проведеніи это отчужденіе могло

[1]) William Ogilvie, „Das Recht auf Grundeigenthum", изд. Адлера, Лпц., 1906, стр. 38.

[2]) Rudolph Ihering, „Der Zweck im Recht", ч. I, стр. 416.

бы имѣть мѣсто, напримѣръ, по отношенію къ сельскому крупному землевладѣнію (особенно къ латифундіямъ при итальянскихъ, испанскихъ, ирландскихъ и шотландскихъ условіяхъ) въ пользу государства, общины, мелкихъ крестьянскихъ сельскихъ хозяевъ (собственниковъ и арендаторовъ) или сельскохозяйственныхъ производительныхъ товариществъ земледѣльческихъ рабочихъ" [1]). Далѣе, мы встрѣчаемъ у Вагнера слѣдующее интересное замѣчаніе: „*Принципіальнаго исключенія* изъ области отчужденія уже не существуетъ при современномъ пониманіи экспропріаціи. Этого исключенія нѣтъ и въ нашемъ дѣйствующемъ правѣ экспропріаціи. Поскольку относящіеся сюда случаи будутъ признаны отвѣчающими „общественному благу", сообразно съ воззрѣніями на правильную цѣль развитія народной жизни, со стороны права уже теперь нѣтъ никакого препятствія выступать съ такими отчужденіями".

Далѣе, однако, идутъ у Вагнера нѣкоторыя ограниченія выставленныхъ имъ положеній. *Фактическое исключеніе* большинства этихъ случаевъ еще на долгое время *вѣроятно*. Народное сознаніе до сихъ поръ еще не признаетъ, или признаетъ лишь очень рѣдко, наличность въ данномъ случаѣ основного условія для отчужденія—существованія важнаго и имѣющаго общее значеніе общественнаго интереса. Фактическое исключеніе большинства такихъ отчужденій еще на долгое время является *цѣлесообразнымъ*, потому что — и поскольку — существующая частная собственность на капиталъ и на землю функціонируетъ правильно съ экономико-технической точки зрѣнія въ процессѣ народно-хозяйственнаго производства и благопріятно съ соціально-политической точки зрѣнія въ процессѣ народно-хозяйственнаго распредѣленія. Нѣкоторыя вредныя дѣйствія въ томъ и другомъ отношеніи могутъ быть сглажены реформой права собственности и болѣе цѣлесообразнымъ соціальнымъ налоговымъ правомъ" [2]).

За этой оговоркой идетъ у Вагнера вторая, значительно и радикально ограничивающая предѣлы и значеніе первой. „Вездѣ— говоритъ онъ—гдѣ эти трудности преодолимы, а народно-хозяйственная и соціальная функція права собственности на опредѣленные капиталы и земельные участки признана неудовлетворительною и другія реформы не приносятъ пользы, *расширеніе права отчужденія на эту область должно признать столь же допустимымъ фактически*, какъ и принципіально... Для *болѣе*

[1]) Adolf Wagner, „Grundlegung der Politischen Oekonomie", Лпц., 1894, ч. II, изд. 3-е, стр. 551.

[2]) Ibidem, S. 552.

отдаленнаго будущаго, поэтому, не представляется невѣроятнымъ болѣе широкое примѣненіе вытекающаго изъ соціально-политическихъ основаній права отчужденія, и, въ качествѣ таковаго, оно столь же допустимо, какъ и въ болѣе раннихъ случаяхъ, гдѣ оно получило общее примѣненіе, напр. при аграрныхъ и промышленныхъ освобожденіяхъ" [1]).

Русскій писатель, г. Билимовичъ утверждаетъ, будто, по Вагнеру, „практическая необходимость и цѣлесообразность отчужденія (помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ) даже въ теоріи является крайне спорной" [2]). Между тѣмъ, изъ вышеприведенной цитаты видно, что взгляды этого экономиста, занимающаго почти оффиціозное положеніе, являются куда болѣе благопріятными для права отчужденія помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ. Бросается въ глаза категорическое признаніе Вагнеромъ самаго *принципа* права отчужденія. И если имъ далѣе и упоминается о „вѣроятности" и „цѣлесообразности" „фактическихъ" исключеній въ этой области „на долгое время", то это относится лишь къ такимъ случаямъ, гдѣ и когда собственность на капиталы и землю функціонируетъ „правильно" съ народно-хозяйственной и соціально-политической точекъ зрѣнія. Гдѣ этого нѣтъ—а именно здѣсь центръ тяжести вопроса при обсужденіи русскихъ условій, — тамъ, по мнѣнію Вагнера, принудительное отчужденіе „должно признать столь же допустимымъ фактически, какъ оно является имъ принципіально". Если къ этому прибавить ссылку Вагнера на то, что „для болѣе отдаленнаго будущаго" принудительное отчужденіе будетъ допустимо въ такой же мѣрѣ, какъ оно имѣло мѣсто раньше „при аграрныхъ и промышленныхъ освобожденіяхъ", и если принять во вниманіе, что понятіе „болѣе отдаленнаго будущаго", вообще весьма растяжимое, способно подвергаться измѣненіямъ въ примѣненіи къ различнымъ странамъ,—то Адольфъ Вагнеръ долженъ быть причисленъ къ приверженцамъ права принудительнаго отчужденія.

Итакъ, въ современной экономической, юридической и соціологической литературѣ созрѣла нуждающаяся лишь въ дальнѣйшей разработкѣ опредѣленная и стройная теорія, устанавливающая право принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель въ пользу крестьянъ, если этого требуетъ государственная польза и общественная необходимость. Безконечные споры, вы-

---

[1]) Ibidem, S. 552—3.

[2]) Прив.-доц. Ал. Билимовичъ, „Землеустроительныя задачи и землеустроительное законодательство Россіи", Кіевъ, 1907, стр. 48.

текающіе изъ разгара политическихъ и экономическихъ страстей, вызываетъ и долго еще будетъ вызывать эта теорія. Какъ не вспомнить при этомъ того стараго изреченія, что еслибы математическія аксіомы затрагивали человѣческіе интересы, то истина, гласящая, что дважды два—четыре, не пользовалась бы общимъ признаніемъ. Но въ наукѣ право принудительнаго отчужденія въ указанномъ нами смыслѣ стоитъ твердо, обосновано прочно, проходя красной нитью черезъ весь процессъ образованія теоріи права отъ римскихъ временъ до настоящихъ дней.

М. Ратнеръ.

ВЪ МОРѢ

РАЗСКАЗЪ ВИСЕНТЕ БЛАСКО ИБАНЬЕСА.

(V. Blasco «Ibáñez. En el mar».)

Въ два часа ночи постучались въ двери хижины.

— Антоніо! Антоніо!

Антоніо вскочилъ съ постели. Это кумъ, товарищъ по рыбной ловлѣ, звалъ его выѣзжать въ море.

Въ эту ночь онъ плохо спалъ. Въ одиннадцать часовъ онъ еще разговаривалъ со своей бѣдной женой Руфиной, которая безпокойно ворочалась съ боку-на-бокъ, разсуждая о дѣлахъ. Они шли какъ нельзя хуже. Вотъ ужъ лѣто, нечего сказать! Когда-то тунцы [1]) плавали въ Средиземномъ морѣ огромными стаями. Въ день ловилось по крайней мѣрѣ двѣсти, триста арробъ [2]), и деньги лились рѣкою. Такъ какъ Антоніо велъ скромную жизнь, то они вышли изъ положенія наемныхъ рыбаковъ и купили рыбацкую лодку.

А теперь въ гавани стояла по вечерамъ цѣлая флотилія лодокъ, такъ что негдѣ было протиснуться; но въ то время, какъ увеличивалось число лодокъ, переводилась рыба.

Въ сѣти попадались только водоросли и мелкая рыбешка, которая разваливается на сковородѣ, если ее жарить. Тунцы въ этомъ году выбрали другія мѣста, и никому не удавалось поднять хоть одного на свою лодку.

---

[1]) Тунецъ (Thynnus)—огромная рыба изъ породы макрелей.

[2]) Арроба—мѣра вѣса, приблизительно 25 фунтовъ.

Руфина была подавлена этими обстоятельствами. Въ домѣ денегъ не было. Они задолжали въ булочную и въ лавочку, а сеньоръ Томасъ, богатый ростовщикъ, державшій всѣхъ въ рукахъ, съ угрозою требовалъ, чтобы они заплатили хоть *что-нибудь* изъ пятидесяти піастровъ, которые онъ имъ одолжилъ за большіе проценты для окончанія стройной и быстроходной лодки, поглотившей всѣ ихъ сбереженія.

Одѣваясь, Антоніо разбудилъ своего сына, девятилѣтняго мальчугана, который всегда сопровождалъ его на рыбную ловлю и работалъ за взрослаго.

— Посмотримъ, повезетъ ли хоть сегодня,—бормотала жена, лежа въ постели.—Въ кухнѣ ты найдешь корзинку для провизіи... Вчера мнѣ не повѣрили въ лавочкѣ... Ахъ, Боже мой! Что за собачье ремесло!

— Молчи, жена! Море немилостиво, но Богъ намъ поможетъ. Вчера люди видѣли тунца, плавающаго въ одиночку; это старикъ, который вѣситъ не меньше тридцати арробъ. Что если мы его поймаемъ!.. За него дадутъ по крайней мѣрѣ пятьдесятъ піастровъ.

Рыбакъ оканчивалъ свои приготовленія и думалъ объ огромномъ тунцѣ-отшельникѣ, который отдѣлился отъ своей стаи и, въ силу привычки, вернулся въ тѣ воды, гдѣ плавалъ въ предъидущемъ году.

Антоньико успѣлъ проворно одѣться и ждалъ съ серьезнымъ и довольнымъ выраженіемъ человѣка, который уже зарабатываетъ хлѣбъ въ томъ возрастѣ, когда другіе еще играютъ. За спиной у него была корзинка для провизіи, а въ рукахъ корзина съ салакушкой, которая служитъ лучшей приманкой для ловли тунца.

Отецъ съ сыномъ вышли изъ хижины и отправились вдоль берега къ рыбацкому молу. Кумъ уже ждалъ ихъ въ лодкѣ, приготовляя парусъ.

Флотилія съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ въ полумракѣ двинулась въ путь. Черными силуэтами выдѣлялись снасти; въ тишинѣ слышался шумъ падающихъ на палубу свертковъ и скрипъ канатовъ. Паруса во мракѣ разворачивались, какъ огромныя простыни.

До самаго берега тянулись прямыя улицы деревушки съ бѣлыми домиками, которые лѣтомъ отдавались въ наемъ дачникамъ, пріѣзжавшимъ на морскія купанья. Близъ мола виднѣлся большой домъ съ ярко освѣщенными окнами, отъ которыхъ ложились полосы свѣта на безпокойную поверхность воды.

Это было казино. Антоніо бросилъ въ ту сторону взглядъ

полный ненависти. Тамъ люди полуночничаютъ, проигрываютъ деньги... Вотъ еслибы имъ пришлось вставать до свѣта, чтобы зарабатывать хлѣбъ!..

— Поднимай, поднимай! Насъ и то ужъ опередили!

Кумъ и Антоньико распутали веревки. Медленно поднялся латинскій парусъ, трепеща подъ напоромъ вѣтра.

Лодка сначала скользила по бухтѣ. Потомъ поверхность воды зарябила, показались волны: они вышли въ открытое море.

На горизонтѣ, гдѣ гасли звѣзды, и кругомъ на темной поверхности моря вездѣ плыли лодки; онѣ удалялись, какъ угловатые призраки, покачиваясь на волнахъ.

Кумъ смотрѣлъ на горизонтъ.

— Антоніо, вѣтеръ мѣняется.

— Вижу.

— Будетъ волненіе.

— Знаю; но все равно. Уйдемъ подальше отъ этихъ, что загораживаютъ море.

И лодка, вмѣсто того, чтобы плыть, какъ другія, вдоль берега, пошла носомъ впередъ въ открытое море.

Свѣтало. Восходящее солнце, красное и похожее на огромную перерѣзанную облатку, отражалось въ морѣ огненнымъ треугольникомъ.

Антоніо взялся за руль, товарищъ его управлялъ парусомъ, а мальчикъ стоялъ на носу и наблюдалъ. Съ кормы и съ бортовъ бахромою свѣшивались шнурки съ нанизанными рыбешками — приманкой. Время отъ времени чувствовался толчокъ и всплывала рыба, которая блестѣла, какъ живая сталь; но все это была мелкота, ничтожество.

Шли часы. Лодка подвигалась впередъ и такъ подпрыгивала на волнахъ, что высовывалось ея красное брюхо. Было жарко; Антоньико спустился въ узенькій трюмъ, чтобы напиться воды изъ боченка.

Въ десять часовъ земля скрылась изъ виду. Только со стороны кормы въ отдаленіи виднѣлись паруса другихъ лодокъ, похожіе на плавники блестящихъ рыбокъ.

— Послушай, Антоніо, — воскликнулъ кумъ, — развѣ мы плывемъ въ Оранъ? Если рыба не клюетъ, то все равно, что дальше, что ближе.

Антоніо повернулъ руль, и лодка пошла параллельно берегу, хотя и не приближаясь къ землѣ.

— Теперь мы закусимъ, — весело сказалъ онъ. — Кумъ, дай сюда корзинку. А рыба пусть придетъ, когда ей вздумается.

Каждый получилъ по большому ломтю хлѣба и по сырой луковицѣ, которую кулакомъ разбивалъ на борту.

Вѣтеръ свѣжѣлъ, и лодка сильно раскачивалась на волнахъ.

— Папаша! — крикнулъ Антоньико съ кормы: — большая рыба! Большу-ущая! Тунецъ!

Луковицы и хлѣбъ полетѣли на корму, и рыбаки кинулись къ бортамъ.

Да, это былъ тунецъ, огромный, пузатый, сильный, выдвигавшій почти на поверхность воды свою черную бархатистую спину; очевидно—отшельникъ, о которомъ столько было разговоровъ. Онъ шумно плылъ, однимъ легкимъ движеніемъ оказываясь то по одну сторону лодки, то по другую, и такъ же внезапно терялся изъ виду, какъ появлялся вновь.

Антоніо покраснѣлъ отъ волненія и поспѣшно закинулъ въ море удочку съ крючкомъ, толщиною въ палецъ.

Вода заколыхалась, и лодка завертѣлась, словно какая-то чудовищная сила хотѣла ее перевернуть. Палуба качалась, будто убѣгала изъ-подъ ногъ; мачта трещала подъ вздутымъ парусомъ. Но вскорѣ препятствіе устранилось, и лодка, подпрыгнувъ, пошла дальше.

Удочка, хотя упругая и крѣпкая, свѣшивалась какъ-то безжизненно. Ее вытащили и оказалось, что крючокъ, несмотря на свою толщину, сломанъ посрединѣ.

Кумъ печально покачалъ головой.

— Антоніо, онъ сильнѣе насъ. Бросимъ! Слава Богу, что онъ поломалъ крючокъ: мы вѣдь чуть не утонули.

— Бросить?—воскликнулъ хозяинъ.—Чортъ побери! Знаешь ли ты, сколько стоитъ эта штука? Теперь не время нѣжничать и трусить. Впередъ! впередъ!

Онъ опять направилъ лодку къ тому мѣсту, гдѣ произошла встрѣча.

Антоніо насадилъ новый огромный крючокъ, нанизалъ на него нѣсколько салакушекъ и, не отходя отъ руля, досталъ острый гарпунъ. Онъ мысленно прикидывалъ ударъ, который нанесетъ этой дурацкой сильной рыбѣ.

Удочка совершенно отвѣсно спускалась съ кормы. Лодка снова закачалась, на этотъ разъ еще сильнѣе. Тунецъ, дергая за крѣпкій крючокъ, заставлялъ лодку безумно плясать на волнахъ.

Вода, казалось, кипѣла; на поверхности поднимались пузыри, какъ будто въ глубинѣ происходила борьба великановъ. Вскорѣ лодка, словно задержанная невидимой рукой, накренилась и до половины палубы погрузилась въ воду.

Этотъ толчокъ всѣхъ сбилъ съ ногъ. Антоніо, выпустивъ руль, оказался чуть-ли не въ волнахъ; но послышался трескъ, и лодка снова приняла обычное положеніе. Это оборвалась удочка, и въ ту же минуту у самаго борта показался тунецъ, взбивая пѣну своей сильной шеей. Ахъ, негодяй! Вотъ онъ, наконецъ! Антоніо яростно, словно злѣйшему врагу, сталъ наносить ему удары гарпуномъ, и лезвіе глубоко вонзилось въ скользкую кожу тунца. Вода обагрилась кровью; рыба исчезла въ красномъ водоворотѣ.

Антоніо вздохнулъ съ облегченіемъ. Они благополучно выскочили. Все длилось нѣсколько секундъ, но еще немного — и они пошли бы ко дну.

Онъ взглянулъ на мокрую палубу и увидѣлъ кума, который держался за мачту и былъ блѣденъ, хотя сохранялъ невозмутимое спокойствіе.

— Я думалъ, что мы утонемъ, Антоніо. Ужъ и наглотался я воды! Проклятый тунецъ! Но ты ловко его обработалъ. Вотъ увидишь, онъ сейчасъ всплыветъ.

— А гдѣ мальчикъ?

Отецъ задалъ этотъ вопросъ съ тревогой и трепетомъ, словно страшился отвѣта.

На палубѣ мальчика не было. Антоніо спустился въ трюмъ, думая, что онъ тамъ, и погрузился въ воду по колѣни. Онъ обшарилъ всѣ углы, но нашелъ только боченокъ съ водою и запасныя удочки. Какъ безумный, вернулся онъ на палубу.

— Мальчикъ, мальчикъ! Мой Антоньико!

Кумъ грустно развелъ руками. Развѣ они не были на краю смерти? Вѣроятно оглушенный ударомъ мальчикъ, какъ ключъ, пошелъ ко дну. Такъ, думалъ онъ, но своихъ мыслей не высказалъ вслухъ.

Далеко, въ томъ мѣстѣ, гдѣ лодка чуть не перевернулась, плавалъ какой-то черный предметъ.

— Вотъ онъ!

Отецъ бросился въ воду и поплылъ, а кумъ въ это время убиралъ парусъ.

Антоніо плылъ и плылъ, но силы почти отказались ему служить, когда онъ убѣдился, что это только весло, унесенное съ лодки.

Когда волны поднимали его и онъ могъ видѣть дальше, то взоромъ искалъ трупикъ. Но кругомъ была вода и вода. На морѣ выдѣлялись только онъ, приближавшаяся лодка и всплывшая темная рыба, которая корчилась среди большой кровавой лужи.

Тунецъ былъ мертвъ... Очень нужно теперь! Заплатить за эту бестію жизнью единственнаго сына, маленькаго Антоньико! Господи! Развѣ такъ зарабатываютъ хлѣбъ!

Онъ плавалъ больше часа; ему казалось, что изъ-подъ каждой водоросли должно всплыть тѣло его сына, что подъ тѣнью каждой волны лежитъ трупикъ его мальчика.

Онъ тоже тутъ успокоится; онъ умретъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ! Кумъ вынужденъ былъ вытащить его и уложить въ лодку, какъ строптиваго ребенка.

— Что ты дѣлаешь, Антоніо?

Тотъ не отвѣчалъ.

— Будь мужчиной! Вѣдь это дѣло житейское. Мальчикъ умеръ тамъ, гдѣ умерли наши родители, гдѣ умремъ мы сами. Вопросъ лишь въ томъ, раньше или позже... А теперь надо все-таки помнить, что мы бѣдняки.—

Онъ завязалъ двѣ веревочныя петли, накинулъ ихъ на тунца и повелъ на буксирѣ рыбу, которая своею кровью окрашивала пѣну волнъ.

Вѣтеръ былъ благопріятный, но лодка, залитая водой, шла плохо. Оба товарища, раньше всего моряки, забывъ о катастрофѣ, черпаками доставали воду изъ трюма и выливали ее за бортъ.

Время шло. Тяжелая работа оглушала Антоніо, не давала ему думать; но изъ глазъ его ручьями струились слезы, которыя смѣшивались съ вычерпанной водой и изливались въ море, могилу мальчика.

Лодка плыла съ возрастающей быстротою, чувствуя, что ея внутренность опорожняется.

Взору уже открывался маленькій портъ съ бѣлыми домиками, озаренными вечернимъ солнцемъ.

Видъ земли пробудилъ въ Антоніо заснувшее горе и ужасъ.

— Что скажетъ жена? Что скажетъ моя Руфина?—вопилъ несчастный.

Онъ трепеталъ, какъ всѣ тѣ энергичные, смѣлые люди, которые у домашняго очага являются рабами.

На морѣ разливались звуки веселыхъ вальсовъ. Береговой вѣтеръ привѣтствовалъ лодку игривыми мелодіями. Это музыка играла въ паркѣ, противъ казино. Подъ тѣнью развѣсистыхъ пальмъ мелькали, какъ зерна цвѣтныхъ четокъ, шелковые зонтики, соломенныя шляпы, свѣтлые, нарядные костюмы сезонныхъ гостей.

Дѣти въ бѣломъ и розовомъ прыгали и бѣгали со своими

игрушками или составляли веселые хороводы, кружившіеся, какъ пестрыя колеса.

На молѣ дежурили рыбаки. Ихъ глаза, привыкшіе къ необъятному простору моря, сразу распознали, что лодка вела на буксирѣ. Антоніо видѣлъ только на краю мола высокую, смуглую, бѣдно одѣтую женщину, стоявшую на каменной глыбѣ съ развѣвающимся отъ вѣтра платьемъ.

Причалили къ молу. Какая встрѣча! Всѣмъ хотѣлось поближе увидѣть огромную рыбу. Рыбаки съ своихъ лодокъ бросали завистливые взгляды; голые мальчишки кирпичнаго цвѣта влѣзали въ воду, чтобы пощупать огромнаго тунца.

Руфина, протискиваясь чрезъ толпу, добралась до мужа, который съ опущенной головой и тупымъ выраженіемъ выслушивалъ поздравленія друзей.

— А мальчикъ? Гдѣ мальчикъ?

Бѣднякъ еще ниже опустилъ голову. Онъ хотѣлъ бы скрыть ее между плечами, чтобы ничего не видѣть, ничего не слышать.

— Гдѣ же Антоньико?

Руфина, пожирая мужа горящимъ взоромъ, схватила его за грудь и принялась трясти, но тотчасъ же выпустила его и, заломивъ руки, стала кричать раздирающимъ голосомъ:

— О, Господи!.. Онъ умеръ! Мой Антоньико утонулъ! Погибъ въ морѣ!

— Да, жена,—съ усиліемъ отвѣтилъ мужъ, запинаясь и захлебываясь отъ слезъ.—На насъ свалилось большое несчастье! Мальчикъ умеръ. Онъ тамъ, гдѣ его дѣдъ и гдѣ когда-нибудь буду я. Море насъ кормитъ, море насъ и проглатываетъ... Что дѣлать! Не всѣ родятся, чтобы стать епископами.

Жена его не слушала. Она лежала на землѣ и билась въ нервномъ припадкѣ; все ея худое, изможденное тѣло вьючнаго животнаго трепетало въ то время, какъ она рвала на себѣ волосы и царапала лицо.

— Сынъ мой!.. Антоньико!

Сосѣдки изъ рыбацкаго квартала окружили ее. Онѣ хорошо знали, что это значитъ: почти всѣ пережили такія же терзанія. Онѣ ее подняли и, поддерживая своими сильными руками, повели домой.

Кто-то изъ рыбаковъ принесъ кружку вина для Антоніо, который не переставалъ плакать. А тѣмъ временемъ кумъ, одолѣваемый грубымъ жизненнымъ эгоизмомъ, яростно торговался съ рыбниками, которые хотѣли купить великолѣпный экземпляръ.

Вечеръ кончался. Волны мягко переливались и отсвѣчивали золотомъ.

По временамъ—но съ каждымъ разомъ все дальше—звучалъ отчаянный крикъ несчастной, растрепанной, обезумѣвшей женщины, которую товарки вели домой:

— Антоньико! Мой сынъ!

А подъ пальмами по прежнему мелькали нарядныя платья, улыбающіяся, счастливыя лица,—цѣлый міръ, который не почувствовалъ, что рядомъ произошло несчастье, не бросилъ взгляда на горестную драму. И ритмическій, изящный, сладострастный вальсъ, гимнъ веселаго безумья, гармонично разливался надъ водою, лаская своимъ дуновеніемъ вѣчную красоту моря.

Перев. съ испанскаго Л. Хавкина.

„НЕВИННЫЙ МЛАДЕНЕЦЪ"

Разсказъ Жоржа Ранси.

I.

Старые стѣнные часы пробили пять. Наверху лѣстницы тихо поднялась опускная дверь. Дрожащій свѣтъ мало-по-малу усилился; сначала показались двѣ толстыя, невѣрно ступающія ноги, затѣмъ изорванная юбка, черная шерстяная шаль, все безформенное тѣло старухи; наконецъ появилась голова, блѣдная и опухшая, въ крестьянскомъ чепчикѣ. Старуха спустилась, охая, по лѣстницѣ, поставила на еловый столъ подсвѣчникъ, который несла, и почти упала на стулъ, возлѣ стѣны. Было холодно. Она прятала свои смуглыя руки подъ шаль и, не двигаясь, смотрѣла, какъ быстро трепеталъ желтоватый огонекъ свѣчи посреди комнаты.

Это была бѣдная деревенская кухня съ красными плитами,—мѣстами разбитыми,—скудно меблированная, съ лувенскою печью, столомъ, нѣсколькими стульями и краснымъ шкафомъ, на которомъ можно было видѣть статую Богородицы, между двумя вазами съ искусственными цвѣтами. Позади маленькой двери раздавался шумъ, доносившійся изъ стойла—неясное и нѣжное движеніе животныхъ, которыя жуютъ жвачку. Запахъ навоза чувствовался въ тяжеломъ воздухѣ. И старуха ощущала, какъ въ ея мрачной душѣ пробуждается мука жизни.

Вчера вечеромъ ея мужъ вернулся пьянымъ, какъ обыкно-

венно. Боже мой, въ теченіе сорока лѣтъ тянется это! И она уже ничему не удивлялась, хорошо сознавая, что это въ порядкѣ вещей, чтобы мужья возвращались домой пьяными и били своихъ женъ передъ тѣмъ какъ идти спать. Но вчера вечеромъ сцена была ужаснѣе, чѣмъ обыкновенно. Около десяти часовъ она услышала его голосъ по дорогѣ. Онъ бранился, спорилъ съ воображаемымъ пріятелемъ. Сейчасъ же она приказала обѣимъ своимъ дочерямъ и маленькому мальчику подняться на чердакъ и тихо лежать на своихъ тюфячкахъ. Она хотѣла одна дождаться мужа, чтобы онъ побилъ только ее одну. Ударомъ кулака онъ раскрылъ дверь настежъ и вошелъ какъ хищный звѣрь. Его взоры пробѣжали по комнатѣ. Это былъ великанъ, волосатый, съ густыми сѣдыми бровями, взъерошенною бородою — съ внѣшностью бродяги.

— Ты одна, старуха! — прорычалъ онъ. — Другіе попрятались. Ты заплатишь за нихъ!

Онъ набросился на нее съ кулаками, нанося удары направо и налѣво, какъ безумный. Она покорно переносила побои, стараясь только уберечь свою голову и животъ, какъ мѣста, гдѣ удары наиболѣе опасны. Она ничего не думала; она ждала, чтобы все это окончилось. Но пьяница въ этотъ вечеръ былъ необыкновенно озлобленъ. Никогда онъ не билъ ее такъ долго. Ужъ не хотѣлъ ли онъ ее убить? И желая узнать, по крайней мѣрѣ, причину этого безумія, она спросила:

— Что я тебѣ сдѣлала? Что я тебѣ сдѣлала?

— Замолчи, негодная! — хрипѣлъ мужъ. — Ты говорила на селѣ, что я тебя бью. Я научу тебя презирать твоего мужа, отца твоихъ дѣтей!

И, казалось, эти слова снова возбудили его гнѣвъ; онъ снялъ одинъ изъ своихъ башмаковъ и принялся бить ее подошвой съ гвоздями. Ударъ по головѣ оглушилъ ее. Она больше ничего не чувствовала. Когда она очнулась, она лежала растянувшись на полу, избитая, окровавленная, полумертвая. Свѣча погасла; черезъ поднятую дверь она слышала храпъ уснувшаго пьяницы. Она поднялась, какъ могла, долѣзла до своей мансарды. Невольно слезы, вызванныя страданіемъ, падали одна за другой изъ ея глазъ. И вотъ теперь, послѣ тревожнаго сна, она встала, готовая пережить новый день, который закончится, какъ и предыдущій!.. И такъ будетъ продолжаться до конца жизни!..

———

II.

Двадцати лѣтъ отъ роду, она, свѣжая и сильная, вышла замужъ за Жана Мазюра, красиваго молодого парня. Ея родители говорили ей тогда:

— Онъ тебѣ нравится, бери его. Но онъ будетъ тебя бить. Жанъ изъ того рода, который пьетъ и бьетъ. Его отецъ, его дѣдъ, всѣ Мазюры были пьяницами. Нѣтъ ни одного, который скончался бы, какъ христіанинъ, въ своей постели. Одинъ былъ убитъ во время ссоры, другой содержался, какъ буйный сумасшедшій, въ пріютѣ, еще одинъ кончилъ на эшафотѣ, въ то время когда еще существовала гильотина. Жанъ будетъ не лучше, чѣмъ его отецъ и всѣ родные. Онъ молодъ и къ выпивкѣ его теперь еще не тянетъ. Но подожди! Подожди, когда въ немъ проснутся страсти, и ты увидишь!

Она пожала плечами, не отвѣчая, и поступила по-своему. Развѣ старики понимаютъ что-нибудь въ любви? И развѣ она не чувствовала въ себѣ силъ воспротивиться мужу, еслибы ему пришла въ голову фантазія начать пить или драться? Высокая и здоровая, съ широкими бедрами, мускулистыми руками, она внушала довѣріе и была полна добродушія. Въ день свадьбы всѣ соглашались, что Жанъ и она составляли самую красивую парочку, какую когда-либо видѣли въ деревнѣ.

Черезъ полгода она родила перваго ребенка. Это былъ мальчикъ. Она захотѣла, чтобы ему дали имя Поль, красивое имя, и она была такъ счастлива, что цѣлый день держала сына на рукахъ, что-то напѣвая. Семья благоденствовала. Жанъ много зарабатывалъ на фермахъ, гдѣ убиралъ хлѣбъ и исполнялъ тяжелыя работы. Онъ пилъ только по воскресеньямъ; его опьяненіе было веселымъ и ласковымъ. Одинъ за другимъ у нея родились второй мальчикъ, вскорѣ умершій, затѣмъ дѣвочка. Расходъ увеличивался. Жанъ долженъ былъ работать больше. Алкоголь сталъ казаться ему необходимымъ для поддержки силъ. Ему случалось теперь возвращаться пьянымъ и въ теченіе недѣли. Его жена упрекала его; сначала онъ смѣялся надъ этимъ, а затѣмъ сталъ сердиться. Однажды вечеромъ, когда она кричала сильнѣе чѣмъ обыкновенно, онъ нанесъ ей пощечину. Можетъ быть, она сдѣлала ошибку, что не отвѣтила ему тотчасъ тѣмъ же: неожиданность парализовала ее. На другой день онъ повторилъ побои. Отнынѣ она не могла произнести ни единой жалобы безъ того,

чтобы рука мужа не поднялась на нее. У нея родилась еще дочь, при чемъ роды были нормальны; затѣмъ она выкинула два раза подъ рядъ вслѣдствіе дурного обращенія мужа. Въ одну зимнюю ночь она легла и чувствовала первыя схватки, предвѣщавшія рожденіе ребенка. Пьяница вернулся и безъ всякой причины сбросилъ ее съ постели. Окоченѣвшая, больная, точно въ лихорадкѣ, она хотѣла снова лечь. Онъ схватилъ ее за плечи и сбросилъ съ лѣстницы. Она ушиблась, падая; не имѣя силъ подняться, она стонала на полу кухни. Онъ крикнулъ ей, чтобы она замолчала. Но ея муки были слишкомъ сильны; она плакала невольно. Тогда онъ спустился, открылъ дверь и бросилъ ее, наполовину обнаженную, на дорогу. Тамъ она родила мертваго ребенка. Сосѣди нашли ее на зарѣ, лишившуюся чувствъ, утопавшую въ крови.

III.

Ей совѣтовали покинуть мужа, убѣжать съ дѣтьми. Но куда ей идти, чѣмъ жить? Она была привязана къ своему жилищу, къ своей скудной мебели. Затѣмъ, какъ всѣ несчастныя, она питала надежду, несокрушимую надежду, что когда-нибудь все измѣнится къ лучшему. Въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ она ждала этого дня! Не только этотъ день не наступалъ, но новыя страданія безконечно прибавлялись къ старымъ. Ея дѣти расплачивались за грѣхи ихъ отца. Ея старшій сынъ, красивый молодой человѣкъ, покинулъ ихъ, чтобы жениться. Онъ не пилъ. Это былъ ягненокъ по нѣжности и добротѣ. Онъ былъ даже такъ добръ, такъ безобиденъ, что люди смѣялись надъ нимъ и называли его „невиннымъ младенцемъ“. Его жена была здоровая крестьянка, съ красными щеками, съ открытой улыбкой. Но ихъ маленькій крошка, ихъ первенецъ явился на свѣтъ съ огромной головой и теперь, въ четыре года, не говорилъ, не слышалъ и едва глядѣлъ. На всю жизнь онъ долженъ былъ остаться идіотомъ. Обѣ дочери старухи тоже причиняли ей много горя. Одна была похожа на животное, двигалась на четверенкахъ по дому, хватала пищу съ жадностью собаки. Другая, довольно красивая, рано стала вести развратную жизнь. Послѣдній ребенокъ, худой мальчикъ, тринадцати лѣтъ, по увѣренію сельскаго старосты кралъ въ фруктовыхъ садахъ и на птичникѣ, и бургомистръ уже грозилъ ему исправительнымъ заведеніемъ. Да, всѣ несчастья поражали ее сразу! Она не думала, чтобы какая-нибудь женщина когда-либо страдала такъ, какъ она. Съ теченіемъ времени она

словно закалилась, сдѣлалась безчувственной. Ея тѣло, охваченное нездоровымъ жиромъ, какъ бы осѣдало. Ея лицо постоянно хранило выраженіе тупости и одуренія. Но всѣми слабѣющими силами она все же, не смотря ни на что, хваталась за жизнь. И въ это утро, когда она вспоминала удары, полученные накануне, эти ужасные удары, подъ которыми она думала, что умретъ, странная мысль пришла ей въ голову, въ то время какъ ея большіе нерѣшительные глаза тупо смотрѣли на колеблющійся желтый огонекъ свѣчи.

„Если онъ такъ будетъ продолжать, онъ убьетъ меня. Да, это вѣрно, онъ убьетъ меня. Но я не хочу этого, я не хочу этого! Я боюсь умереть. Я не хочу, чтобы онъ меня убилъ! Пусть онъ умираетъ первый, пусть онъ умираетъ первый!"

IV.

Когда пьяница спустился, пробужденный запахомъ кофе, она предоставила ему свободу дѣйствій и занялась въ хлѣву перемѣной подстилки для животныхъ.

На чердакѣ дѣти не смѣли двигаться. Мальчикъ просунулъ свою хитрую голову черезъ окошко, чтобы не пропустить ухода отца. Обѣ дѣвушки лежали и прислушивались, съ дрожью во всемъ тѣлѣ, къ шуму въ домѣ.

Жанъ Мазюръ окунулъ горбушку хлѣба въ кружку горячаго кофе. Его дикіе глаза блуждали по комнатѣ, въ поискахъ новаго повода для гнѣва. Старый котъ грѣлся у очага. Онъ бросилъ въ него деревяннымъ башмакомъ; животное, визжа, спаслось бѣгствомъ. Когда онъ кончилъ завтракать, онъ всталъ, вытеръ ротъ рукою и нѣсколько разъ прошелся вокругъ стола. Онъ ворчалъ, какъ хищный звѣрь; его кулаки сжимались, точно поражая окружающую пустоту. Наконецъ, онъ надѣлъ фуражку и рѣшилъ выйти. На порогѣ онъ еще остановился, обернулся съ презрительнымъ взглядомъ, точно спрашивая себя, не разбить ли чего-нибудь передъ уходомъ, затѣмъ хлопнулъ дверью и удалился, согнувъ спину, размахивая руками, опустивъ голову въ плечи. Борода его развѣвалась по вѣтру, а изъ устъ вылетали ругательства.

Нескоро въ домѣ началась жизнь. Первымъ показался мальчикъ. Когда его мать вернулась изъ хлѣва, она нашла его ползавшимъ на четверенкахъ въ кухнѣ и искавшимъ, не выпали ли случайно накануне деньги изъ кармановъ отца. Однажды онъ нашелъ двѣ монеты, укатившіяся подъ шкафъ, и послѣ того

непремѣнно хотѣлъ еще разъ найти что-нибудь. Увидя мать, онъ быстро поднялся и принялъ глупый видъ. Онъ унаслѣдовалъ всю порочность отца, но прибавилъ къ ней еще воровскія наклонности Мазюра, погибшаго отъ руки палача. Въ эту минуту показались на лѣстницѣ обѣ дѣвушки. Дурочка испускала тихія жалобы. Другая, кокетка, приколола розовый бантъ въ волосы. Вся семья усѣлась; мать разлила кофе въ чашки. Сначала всѣ ѣли молча, прислушиваясь, не вернется ли отецъ.

— Ахъ, что было вчера вечеромъ, мои бѣдныя дѣти!—наконецъ сказала, вздыхая, мать.

— Онъ васъ убьетъ, мама!—сказалъ мальчикъ.

— Уходите,—сказала кокетка,—оставьте этого стараго грубіяна!

— Уйти! Куда же я уйду? Кто будетъ меня кормить? Можетъ-быть ты?

— А онъ, развѣ онъ что-нибудь вамъ приноситъ! Онъ пропиваетъ все, что зарабатываетъ!..

— Да, но здѣсь у меня есть кровъ, и садъ даетъ намъ возможность не умереть съ голоду.

— Съ меня — сказала дочь — довольно! Я хочу поступить въ услуженіе.

Уже въ сотый разъ она выражала это желаніе и никогда не осуществляла его. Лѣнивая и легкомысленная, она проводила цѣлые дни, смотрясь въ зеркало и завивая свои бѣлокурые волосы. Вечеромъ она убѣгала на свиданья съ своими кавалерами.

— Тебѣ все равно,—сказала мать,—только бы ты была въ безопасности, тебѣ нѣтъ дѣла до насъ!

— Каждый за себя въ жизни!—отвѣчала молодая дѣвушка.— Не правда ли, Гюставъ?

Мальчикъ улыбнулся, показывая зубы, острые какъ у кошки. Онъ тоже находилъ, что каждый долженъ думать только о себѣ. Дурочка, видя его смѣющимся, начала клохтать какъ курица и хлопать своими безформенными руками. Оскорбленная мать отвѣчала:

— Вы не добрыя дѣти для меня, право! У меня только одинъ Поль! Онъ позволилъ бы себя разрѣзать на четыре части за свою старую мать!

— Вашъ Поль! Вашъ Поль!—съ горечью отвѣчала кокетка.— Онъ, какъ и другіе, думаетъ прежде всего о своихъ дѣлахъ. Что онъ можетъ сдѣлать для васъ, вашъ Поль? Развѣ онъ можетъ избавить васъ отъ старика?

Мать ничего не отвѣтила. Она словно погрузилась въ глу-

бокій сонъ. Да, что онъ могъ бы сдѣлать для нея, ея мальчикъ, ея красивый мальчикъ, съ нѣжными глазами? Она не смѣла остановиться на мысли, которая блуждала въ ея мозгу съ утра. Надо было бы найти какой-нибудь способъ... Еслибы старикъ исчезъ? Еслибъ онъ умеръ отъ странной болѣзни, которую никто не могъ бы понять? Еслибы онъ былъ раздавленъ деревомъ, пораженъ молніей, убитъ лошадью, смятъ повозкою или колесами машины? Еслибъ кто-нибудь поспорилъ съ нимъ въ кабакѣ? Еслибы когда-нибудь его принесли къ ней съ проломленной головой? Но этого не случится! Онъ избѣгалъ смерти, старый извергъ! Онъ будетъ пить и тогда, когда она сама уже будетъ лежать въ землѣ. Да, надо было бы найти человѣка, который не побоялся бы и уничтожилъ бы его, какъ уничтожаютъ волковъ, кабановъ и другихъ хищныхъ звѣрей... Кто же могъ бы стать этимъ человѣкомъ, кто?

— Гюставъ!—сказала она вдругъ.—Пойди позови мнѣ твоего брата. Я должна повидать его...

Неожиданно сильное желаніе охватило ее—желаніе увидѣть его здѣсь, передъ собою, разсказать ему все, что произошло наканунѣ, подѣлиться съ нимъ своими страхами и предчувствіями. Кто знаетъ? Богъ такъ милосердъ! Можетъ быть, онъ внушитъ ея мальчику мысль о спасеніи...

— Иду, мама, иду!—сказалъ мальчикъ и пошелъ, насвистывая, черезъ садъ.

V.

Домъ старшаго брата стоялъ на другомъ концѣ села. У мальчика было достаточно времени, чтобы дойти туда. Онъ сдѣлалъ кругъ, чтобы пройти поближе къ фермѣ. На лугу онъ замѣтилъ Алину, маленькую коровницу, разстилавшую бѣлье на травѣ. Алина была его „подругой": онъ заставлялъ ее красть для него яблоки, сало и колбасу на фермѣ. Когда онъ былъ на разстояніи десяти шаговъ отъ Алины, онъ бросился, какъ тигръ, ей на спину. Дѣвочка, обезумѣвшая отъ ужаса, стала болѣе блѣдной, чѣмъ бѣлье, которое она держала въ рукахъ. Ея ноги подкосились; она упала въ траву, неподвижная. Мальчикъ скоро привелъ ее въ чувство, щекоча ее и нанося ей удары кулакомъ и пощечины. Съ трудомъ она встала и пробовала улыбнуться.

— Ты испугалъ меня, негодный!—сказала она.

— Я голоденъ,—сказалъ онъ сухо.—Иди, принеси мнѣ ветчины и яблокъ.

— Я не смѣю,—прошептала она.—Фермерша дома. Меня увидятъ.

— Ахъ, ты не смѣешь!—закричалъ онъ.—Ну, если ты не принесешь мнѣ сейчасъ же ѣсть, я все скажу твоей матери.

— Нѣтъ! нѣтъ!—умоляла дѣвочка:—не говори! — Подожди меня, я сейчасъ вернусь...

Мальчикъ проводилъ ее побѣднымъ взоромъ. Алина бѣгомъ возвратилась; два яблока оттопыривались въ карманѣ ея платья, кусокъ ветчины скрывался подъ фартукомъ.

— Это хорошо!—сказалъ мальчишка, уписывая ветчину, и, даже не поблагодаривъ ее, продолжалъ свой путь. Онъ шелъ по краю дороги, вдоль заборовъ, по инстинкту грабителя избѣгая свободныхъ пространствъ и домовъ. Войдя въ село, онъ принялъ видъ больного и сталъ тянуть ногу, какъ искалѣченный. Священникъ шелъ изъ приходскаго дома. Мальчикъ поклонился ему униженно.

— А, это маленькій Мазюръ? — сказалъ священникъ. — Здравствуй, дружокъ! Развѣ ты боленъ? у тебя болитъ нога?

— Да, господинъ кюрэ! — прошепталъ мальчикъ, фальшиво робкимъ и жалобнымъ тономъ.

— Ты упалъ? Ты дрался? Что съ тобой?

— Я не могу сказать вамъ, — отвѣчалъ мальчикъ, поворачивая фуражку въ рукахъ.

— Я понимаю!—прошепталъ священникъ. — Бѣдный мальчикъ! Опять этотъ старый негодяй побилъ его! Возьми, дружочекъ,—прибавилъ онъ громко, ища въ карманѣ.—Иди, купи себѣ конфектъ!

И онъ сунулъ ему въ руку нѣсколько су.

Гюставъ быстро прошепталъ благодарность и удалился, скрывая веселую гримасу. Священникъ провожалъ его глазами, сострадательно покачивая головой.

VI.

Наконецъ мальчикъ дошелъ до дома своего брата. Это была маленькая хижина, окруженная садикомъ, стоявшая въ довольно сыромъ мѣстѣ, куда солнце рѣдко заглядывало. Поль жилъ тамъ съ своей женой, Жанной, и съ маленькимъ калѣкой-сыномъ. Юноша женился, чтобы избавиться отъ грубости отца. Онъ выбралъ красивую крестьянку, не имѣвшую ни одного су, потому что она была здорова и весела. Онъ сначала надѣялся, что

она заставитъ его забыть отцовскій домъ и ужасныя сцены, которыя разыгрывались тамъ. Но странно: когда онъ былъ дома, онъ не переставалъ думать о томъ, что̀ происходило „тамъ“. Вечеромъ, когда онъ возвращался съ работы и заставалъ свою подругу сидѣвшею въ углу у очага, съ ребенкомъ на колѣняхъ, онъ удивленно смотрѣлъ на нее, точно ее не узнавая. Затѣмъ онъ проводилъ руками по лбу и говорилъ странныя слова, которыя его жена не могла понять. Онъ шепталъ: — Это несправедливо. Нѣтъ! Я слишкомъ счастливъ! Здѣсь никто не бьетъ меня, и я могу спокойно ѣсть мой супъ, въ то время какъ они... Мои бѣдные! Мои бѣдные! Это несправедливо, что мнѣ лучше живется, чѣмъ имъ.

— Ѣшь твой супъ, милый, — говорила тогда жена, — оставь свои причуды!

Онъ ѣлъ, но былъ грустенъ. Его безпокойные глаза были полны ужасныхъ видѣній; пламенные рыжіе волосы поднимались на остроконечномъ черепѣ. Онъ сидѣлъ, погруженный въ свои думы, до той поры, когда надо было идти спать. Иногда онъ открывалъ двери, чтобы послушать среди тишины деревенской ночи, не раздаются ли крики, идущіе оттуда. Когда онъ узналъ, что его ребенокъ останется слабоумнымъ, онъ выказалъ что-то въ родѣ печальной радости... Ему казалось, что несчастье его крошки служило какъ бы выкупомъ за его собственное счастье. Теперь у него тоже былъ свой крестъ. Онъ не хотѣлъ бы, чтобы его сынъ былъ какъ всѣ прочія дѣти.

VII.

Въ это утро, когда Гюставъ пришелъ за нимъ, онъ находился на краю сада, занятый растопкою печи. Жанна, въ кухнѣ, бѣлая отъ муки, съ обнаженными руками, мѣсила тѣсто, покрытое желткомъ. Она обернулась и увидѣла Гюстава. Ея веселое лицо тотчасъ нахмурилось.

— Это ты, Гюставъ! — сказала она. — Что̀ ты тутъ дѣлаешь?

— Меня послали за братомъ, — сказалъ мальчишка. — Мама хочетъ говорить съ нимъ.

— Говорить съ нимъ? О чемъ? Произошло у васъ что-нибудь?

— Я ничего не знаю, — отвѣчалъ Гюставъ, чувствовавшій враждебное отношеніе своей невѣстки къ ихъ семьѣ. — Все, что я знаю, это то, что мама мнѣ сказала: „Пойди позови Поля, я хочу поговорить съ нимъ“.

— Ну, ты ей скажешь, что Поля не было дома. Я не хочу, чтобы онъ шелъ вмѣшиваться въ ваши распри. Сами распутывайтесь и оставьте моего мужа въ покоѣ!..

— Хорошо! Я скажу матери, что ты не хочешь, чтобы онъ пришелъ...

— Вотъ какъ! Чтобы произошла исторія! Лучше я скажу обо всемъ Полю!

И она направилась къ калиткѣ сада, гдѣ остановилась, бѣлокурая и розовая. Солнце заливало ее свѣтомъ. Она закричала громкимъ голосомъ:

— Эй, Поль! Иди сюда! Твой братъ здѣсь!

Молодой человѣкъ показался изъ пекарни и шелъ по саду большими шагами. Мохнатый и худой, точно загнанное животное... Кисти его длинныхъ рукъ дрожали отъ ужаса.

— Что̀ еще случилось?—пробормоталъ онъ.—Говори скорѣе, Гюставъ.

— Мать очень огорчена. Старикъ опять избилъ ее вчера вечеромъ.

— Чортъ возьми!—проворчалъ Поль, сжимая кулаки.—Я иду!

— А я говорю, что ты не пойдешь!—закричала жена, становясь передъ нимъ. — У тебя семья; тебя не касается, что̀ происходитъ тамъ!

— Пусти меня пройти, жена!—сказалъ онъ, тихо отстраняя ее.—Мать моя страдаетъ. Она зоветъ меня... Я долженъ идти!

— Не ходи, милый! У меня въ душѣ тревога. Все это окончится дурно для тебя!..

— Это ничего. Я долженъ идти. Печь готова.

Онъ вышелъ въ сопровожденіи Гюстава, который украдкой захватилъ изъ мѣсива цѣлую пригоршню тѣста. Онъ его ѣлъ, разсказывая брату сцену, происшедшую наканунѣ. Оба Мазюра исчезли за поворотомъ дороги. Жанна, вздыхая, тревожась, осталась одна въ маленькомъ домикѣ, съ своимъ ребенкомъ-идіотомъ.

VIII.

Старуха Мазюръ, исполнивъ домашнюю работу, вышла въ садъ. Она тяжело вдыхала холодный воздухъ, пытаясь согрѣть морщинистыя руки скудными и случайными лучами осенняго солнца. Она вынула изъ кармана четки и ея уста машинально шептали молитвы. Но ея мысль безконечно двигалась въ безвыходномъ кругу.

— Я увѣрена, что больше не выдержу! Онъ убьетъ меня, это вѣрно. Затѣмъ онъ продастъ землю, домъ и пропьетъ всѣ деньги! Мои бѣдныя дѣти! Онъ сдеретъ съ нихъ послѣднюю шкуру! Неужели Богъ ничего не сдѣлаетъ, чтобы помѣшать этому? Чего я у него прошу? Дать мнѣ прожить спокойно мои послѣдніе дни! Но для этого надо было бы, чтобы онъ убрался! Чтобы онъ ушелъ первый!..

Кто-то перескочилъ заборъ. Это былъ ея мальчикъ, ея старшій сынъ, ея любимецъ. Инстинктивно она протянула ему руки. Уже онъ былъ возлѣ нея, задыхаясь отъ бѣга, и его длинныя дрожащія руки гладили материнскіе щеки и волосы.

— Моя бѣдная мама! Что̀ еще случилось съ тобой?

Эта встрѣча, эти ласки сдѣлали то, чего не могли сдѣлать удары ночью: старуха стала плакать. Съ рыданіями и тихими всхлипываніями, похожими на плачъ ребенка, она разсказала ему все, передала свою увѣренность, что вскорѣ умретъ во время побоевъ. Молодой человѣкъ слушалъ ее, опустивъ голову, сжавъ кулаки. Слезы текли по его смуглому лицу. Когда она кончила, онъ прошепталъ въ полголоса:

— Что̀ надо сдѣлать? Хочешь ли ты, чтобы я его задушилъ?

Старуха съ крикомъ ужаса закрыла лицо руками.

— Скажи,—настаивалъ сынъ,—скажи, мама, доставитъ ли это тебѣ удовольствіе?

Она глубоко вздохнула и быстрѣе стала перебирать четки.

— Дитя мое! на землѣ ничего не происходитъ безъ воли Бога!

— Ну, онъ недолго будетъ тебя бить!

— Что̀ ты сдѣлаешь, мой мальчикъ? Не забывай, что есть жандармы и что люди попадаютъ въ тюрьму послѣ убійства!

Но Поль впалъ въ состояніе какого-то отупѣнія и не слушалъ ея. Нѣкоторое время онъ продолжалъ стоять и смотрѣть на нее, затѣмъ вошелъ въ домъ. Дурочка прыгала за нимъ, какъ собачка, и съ криками радости начала лизать ему руки и ноги. Другая сестра относилась къ нему презрительно.

— Ты пришелъ—сказала она.—У насъ опять сегодня дрались ночью!

— Скоро больше не будутъ драться!—воскликнулъ онъ коротко.

— Невозможно! Что̀ ты сдѣлаешь для этого, невинный младенецъ?

Онъ бросилъ на нее печальный взглядъ и ничего не отвѣтилъ. Въ кухнѣ онъ ходилъ взадъ и впередъ, прикасался ко

всякой мебели, садился на всѣ стулья; затѣмъ, не желая ни ѣсть, ни пить, ушелъ. Мать смотрѣла ему вслѣдъ. Онъ шелъ, опустивъ глаза въ землю, нагнувшись впередъ; руки его висѣли, точно онъ несъ большую тяжесть. Иногда онъ останавливался на минуту и затѣмъ снова продолжалъ свой путь.

— Ахъ, дочка! — сказала старуха, возвращаясь: — я думаю, что съ Полемъ случится несчастье!

— Съ нимъ! — воскликнула кокетка. — Онъ не можетъ ничего сдѣлать дурного! Для этого онъ слишкомъ глупъ!..

И она поднялась, распѣвая, по лѣстницѣ.

IX.

Поль не вернулся домой. Онъ пошелъ по дорожкѣ черезъ поле, и въ то время какъ солнце приближалось къ зениту, онъ блуждалъ вдоль заборовъ, съ вонзившейся въ его голову, какъ гвоздь, мыслью:

„Кончено! Надо, чтобы я его задушилъ. Онъ достаточно мучилъ мою бѣдную мать!“

Поль принадлежалъ къ упрямымъ и послушнымъ людямъ, которые мало говорятъ, почти не думаютъ, являются игрушками въ рукахъ каждаго, которыми легко командуютъ ихъ жены, которые не проявляютъ никакой воли въ поступкахъ обыденной жизни, но способны выполнить трагическія или высокія намѣренія, если они представятся имъ въ формѣ таинственныхъ велѣній судьбы. Поль былъ религіозенъ. Онъ вѣрилъ во все, чему учитъ священникъ при объясненіи катехизиса и съ приходской каѳедры. Онъ зналъ, что нельзя убивать. Но онъ вѣровалъ также, какою-то непонятною и упорною вѣрою, что сынъ долженъ любить свою мать вплоть до самопожертвованія. Онъ приготовился просто отдать свою земную жизнь и даже свое безсмертіе, чтобы его старую „маму“ больше не били и чтобы она узнала нѣкоторый отдыхъ во время послѣднихъ дней жизни.

Его жена тщетно ждала его къ обѣду. Въ то время когда она, раскрывъ двери и поставивъ дымящіяся тарелки на столъ, ждала его на порогѣ ихъ маленькой хижинки, онъ сидѣлъ, закрывъ лицо руками, на опушкѣ лѣса. Въ его разорванной рабочей одеждѣ, съ мохнатыми волосами, съ видомъ блуждающаго животнаго, онъ напоминалъ бродягу, не имѣющаго ни очага, ни жилища, и задумавшагося надъ тяжестью своего положенія. Его худыя плечи сжимались, точно всѣ несчастья человѣчества тя-

готѣли надъ нимъ. Боже мой! вѣдь такъ хорошо жить спокойно, въ согласіи со всѣми! Зачѣмъ существуютъ отцы, которые напиваются, бьютъ до смерти бѣдныхъ старухъ съ маленькими глазами, полными слезъ?!.. Кто-то прошелъ по дорогѣ. Поль не поднялъ головы.

— Послушай!—говорилъ чей-то голосъ.—Это ты, Поль? Что ты тамъ дѣлаешь?

Молодой человѣкъ узналъ стараго сосѣда, высокаго Бера, который долго былъ деревенскимъ сторожемъ.

— Я думаю! — сказалъ онъ просто. Затѣмъ его охватила вдругъ сильная жажда откровенности. Этотъ старикъ жалѣлъ его и его семью. Онъ иногда говорилъ съ нимъ о жестокости отца.

— Старый Беръ,—сказалъ онъ,—я очень несчастливъ на землѣ. Я очень хотѣлъ бы не дѣлать одной вещи, но надо пройти черезъ это!..

— Какой вещи?—спросилъ старикъ.

— Этого нельзя еще сказать! Но отецъ, клянусь душой, не долго будетъ бить мать!

— Можетъ-быть вы покинете деревню? Или вы арестуете его?

— Арестуете!—закричалъ молодой человѣкъ, точно ухватившись за эту надежду.—Возможно ли это, Беръ? Ты былъ сторожемъ,—какъ ты думаешь, можно ли было бы его запрятать?

— Чортъ возьми!—отвѣчалъ тотъ.—Всегда можно поговорить съ бургомистромъ!

— Я пойду къ нему,—проговорилъ Поль,—сейчасъ же!

И, не обращая больше вниманія на сосѣда, онъ бросился, какъ безумный, въ село.

Вотъ что значитъ быть глупымъ! Онъ не подумалъ о такой простой вещи: объ арестѣ старика! А это могло бы устроить все! И гораздо чище, такъ какъ тогда онъ не запачкалъ бы своихъ рукъ въ крови! Онъ чувствовалъ себя лучше, не былъ въ такомъ отчаяніи, какъ незадолго до того. Насвистывая пѣсенку, онъ подошелъ къ фермѣ бургомистра Симона, толстаго человѣка, у котораго цѣлая толпа прислуги безъ конца работала въ дворахъ, полныхъ навоза и птицъ, въ ригахъ, гдѣ рычали машины, въ конюшняхъ и стойлахъ, гдѣ сотни блестящихъ спинъ выстраивались въ полномъ порядкѣ.

X.

— Г. Симонъ занятъ—сказала ему служанка.

— Занятъ или нѣтъ, но я долженъ сейчасъ же говорить съ нимъ! Это дѣло не ждетъ.

— Я пойду за нимъ, но я васъ предупреждаю, что онъ не будетъ доволенъ...

Фермеръ не спѣша явился, съ мѣховой шапкой на ушахъ, запустивъ руки въ карманы своихъ бархатныхъ панталонъ. Его толстощекое лицо имѣло суровое и недовольное выраженіе.

— Что еще такое?—спросилъ онъ.—У меня полное число слугъ, я ни въ комъ не нуждаюсь...

— Я не за этимъ пришелъ, господинъ Симонъ, — пробормоталъ молодой человѣкъ. — Я прихожу по поводу отца. Вы знаете, что онъ пьетъ все время и бьетъ мою бѣдную мать, такъ что жаль на нее смотрѣть!

Фермеръ сердито пожалъ плечами.

— Ахъ! — закричалъ онъ. — Развѣ это меня касается? Семейныя дѣла не въ моемъ вѣдѣніи!

— Старикъ Беръ сказалъ мнѣ, — настаивалъ Поль, — что вы могли бы арестовать его?

— Старикъ Беръ лучше бы молчалъ!—проворчалъ Симонъ.— А вамъ, мой милый, должно было бы быть стыдно просить меня о подобной вещи. Развѣ сынъ можетъ такъ говорить о своемъ отцѣ?..

— Но онъ убьетъ мою мать!—умолялъ молодой человѣкъ.— Онъ убьетъ ее на этихъ дняхъ!

— Это меня не касается. Не надоѣдайте мнѣ съ вашими исторіями! Я знаю мой долгъ. Я не вмѣшиваюсь въ то, что происходитъ въ чужихъ домахъ. Устраивайтесь сами по семейному и оставьте меня въ покоѣ...

Молодой человѣкъ вздохнулъ. Теперь надо было вернуться къ его первой мысли.

— Хорошо,—сказалъ онъ вѣжливо,—мы устроимся!

И онъ вышелъ изъ фермы, больше не настаивая. Куда идти? Онъ боялся вернуться домой. Его жена стала бы его распрашивать, добиваться отъ него признанія въ томъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать... Онъ вошелъ въ трактиръ и спросилъ себѣ большую бутылку. Можжевеловая водка успокоила его душу. Онъ спросилъ еще. Сидя въ углу отвернувшись къ стѣнѣ, онъ закрылъ глаза. Люди въ трактирѣ думали, что онъ спитъ, и не обращали на него вниманія. Онъ обдумывалъ свой планъ со всѣхъ сторонъ. Хватитъ ли у него храбрости выполнить все до конца? Разъ ему удалось бы его опрокинуть и онъ держалъ бы его подъ колѣнями, хватило ли бы у него силы двумя руками схватить его за шею и сжимать до тѣхъ поръ, пока онъ не перестанетъ двигаться? А если старикъ будетъ защищаться? Въ карманѣ у него былъ ножъ: хорошее лезвіе, заново отточенное

утромъ. Но онъ употребитъ его только если это будетъ безусловно необходимо. Онъ повторялъ про себя заповѣдь: „Чти отца и мать"! Онъ будетъ горѣть въ аду. Его арестуютъ. Онъ не увидитъ больше ни жены, ни ребенка. Его помѣстятъ на всю жизнь въ тюрьму. Глухое рыданіе потрясло его всего; потъ агоніи выступилъ у него на лбу. Двѣ слезы быстро выкатились изъ глазъ. Вдругъ онъ ударилъ кулакомъ по столу. Подбѣжала служанка:

— Водки!—закричалъ онъ.—Дайте мнѣ бутылку!

— Э!—сказала женщина:—видно, что вы Мазюръ! Ваша семья всегда чувствуетъ жажду!

Онъ засмѣялся дикимъ и мучительнымъ смѣхомъ и выпилъ одинъ за другимъ нѣсколько стакановъ. Теперь онъ былъ пьянъ. Наступалъ вечеръ. Онъ всталъ, покачиваясь, заплатилъ и вышелъ. Все, какъ ему казалось, вертѣлось въ деревнѣ. Заходящее солнце создавало лужи крови въ облакахъ. Повсюду все было красно. Въ своемъ карманѣ Поль открылъ ножъ.

XI.

Но на поворотѣ онъ внезапно очутился возлѣ своей жены. Обезумѣвшая отъ безпокойства, она искала его повсюду съ обѣденнаго времени. Она скрыла свою тревогу, накидываясь на него съ бранью:

— Бродяга! пьяница! — кричала она. — Ты хочешь начать жить какъ твой отецъ! Но я не такая, какъ твоя мать! Идемъ домой! Чтобы этого никогда больше не было!..

Она хотѣла взять его за плечо, направить его на дорогу. Онъ оттолкнулъ ее безъ гнѣва. Его опьяненіе не было связано со злостью.

— Жена,—сказалъ онъ,—дай мнѣ идти туда, куда нужно.

— Что такое! — закричала она еще громче.—Какой-нибудь пьяница, какъ ты, ждетъ тебя въ трактирѣ! Нѣтъ, нѣтъ, мой милый! Домой, говорю я тебѣ. Поскорѣе!

Онъ отошелъ на одинъ шагъ и вынулъ ножъ изъ кармана. Въ пламенныхъ сумеркахъ онъ выдѣлялся худой и блѣдный, съ глазами, налившимися кровью, съ взъерошенными рыжими, какъ огонь, волосами.

— Послушай, — сказалъ онъ, — послушай, моя дорогая! Я тебя очень люблю и не хочу причинить тебѣ зла. Вернись къ ребенку. Я долженъ сдѣлать что-то сегодня вечеромъ, и ты не должна мнѣ мѣшать.

Она, казалось, поняла.

— Поль!—умоляла она. — Ты будешь драться съ кѣмъ-то! Тебя избили, тебя обидѣли? Скажи мнѣ все!

— Ты ничего не узнаешь,—произнесъ онъ.—Теперь я достаточно сказалъ. Прощай!

Неожиданно онъ исчезъ. Онъ бѣжалъ, нагнувшись, въ тѣни забора. Быстро она сбросила свои деревянные башмаки и побѣжала вслѣдъ за нимъ; но она не могла его догнать, и еще долго ея крики, слезы, упреки раздавались среди полной тишины уснувшей деревни.

Задыхаясь, весь въ поту, Поль бѣжалъ, чтобы исполнить свое рѣшеніе. Таинственная сила толкала его къ убійству, въ какомъ-то вихрѣ бѣшенства и паническаго страха. Онъ тяжело дышалъ, вдыхая и выдыхая воздухъ съ какимъ-то отвращеніемъ. Вдругъ, когда онъ проходилъ по деревнѣ, онъ услышалъ въ трактирѣ голосъ своего отца. Онъ остановился, охваченный ужаснымъ страхомъ. Пьяница рычалъ, ударяя своимъ стаканомъ по столу:

— Я хочу, чтобы мнѣ дали пить! У меня жажда!

— Вы ничего больше не получите, Мазюръ,—отвѣчалъ хозяинъ.—Идите спать!

— Я распорю — отвѣчалъ старикъ—твой животъ, воръ! Я сожгу твой домъ!

Произошла пауза; затѣмъ сынъ услышалъ шумъ короткой возни; на дорогѣ показался свѣтъ; въ дверяхъ появился трактирщикъ, выталкивавшій старика Мазюра изъ трактира. Пьяница защищался, царапался, кусался. Дверь стукнула; онъ потерялъ равновѣсіе и упалъ, слишкомъ пьяный, чтобы подняться безъ посторонней помощи. Поль подошелъ.

— Отецъ,—сказалъ онъ,—это я. Дайте мнѣ руку.

Машинально старикъ послушался. Съ помощью сына онъ поднялся. Съ тупымъ, но все же сердитымъ видомъ онъ взглянулъ на молодого человѣка.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—проворчалъ онъ.—Это твоя мать, разумѣется, посылаетъ тебя слѣдить за мной! Она заплатитъ мнѣ, кляча!

— А я говорю вамъ, — произнесъ Поль, бѣшено сжимая руку своего отца,—я вамъ говорю, что вы ея не тронете! Если вы поднимете еще разъ руку на нее, вы умрете!

— Что ты говоришь? — прорычалъ пьяница. — Ты грозишь мнѣ, невинный младенецъ! Это она подговорила тебя, навѣрно! Вотъ, чтобы охладить тебя!...

И онъ нанесъ ему со всего размаха пощечину. Поль закричалъ отъ боли и злобы, но не двинулся. Это былъ его отецъ: онъ имѣлъ право его бить.

— Это ничего,—сказалъ онъ.—Не трогайте больше матери, или съ вами случится несчастіе, клянусь страданіями Спасителя!...

И онъ исчезъ во мракѣ, затыкая уши. Онъ не хотѣлъ слушать проклятій старика, который искалъ его и падалъ, желая его преслѣдовать. Когда онъ былъ далеко, Поль вдругъ повернулъ и, руководствуясь голосомъ пьяницы, который разговаривалъ самъ съ собой по дорогѣ, пошелъ по вспаханному полю, чтобы придти домой раньше его.

XII.

Было девять часовъ. Какъ и каждый вечеръ, старуха Мазюръ читала свои молитвы вмѣстѣ съ дѣтьми. Дурочка, подражая другимъ, стала на колѣни и испускала неясные звуки, уродливо складывая руки. Гюставъ, лицемѣрный и угрюмый, щипалъ свою старшую сестру, чтобы заставить ее смѣяться. Только одна старуха молилась отъ всего сердца. Въ этотъ вечеръ ея молитвы были болѣе горячими, чѣмъ обыкновенно. Она раскаявалась въ своихъ злобныхъ утреннихъ мысляхъ. На что она смѣла надѣяться? Какой ужасный молчаливый совѣтъ подала она сыну? Завтра она пойдетъ къ Полю съ утра и попроситъ его забыть о сказанномъ ею. Разумѣется, она была очень несчастна! Но развѣ нашъ Спаситель не страдалъ сильнѣе, и все же не жаловался? И ея маленькіе больные глаза поднимались къ изображенію Спасителя, висѣвшему надъ шкафомъ. Лампа распространяла по комнатѣ слабый свѣтъ и немного коптила. И ничего не было слышно въ промежуткахъ между молитвами, кромѣ тихихъ звуковъ двухъ коровъ, двигавшихся рядомъ, въ стойлѣ.

Вдругъ какое-то ругательство донеслось снаружи.—Отецъ!—прошептала старуха. Уже мальчикъ былъ наверху лѣстницы, старшая изъ дочерей поспѣшила за нимъ, а дурочка съ криками ужаса вертѣлась по кухнѣ, какъ животное въ клѣткѣ. Дверь открылась. Огромный, косматый, ужасный, старикъ показался среди темной ночи. Онъ вошелъ, ругаясь. Его правая рука держала палку, вынутую изъ какого-то забора.

— Шпіоны! — закричалъ онъ.—Полицейскіе шпіоны здѣсь! Ага, за мной теперь слѣдятъ! Ты посылаешь „невиннаго мла-

денца“ за мной! Это ты, старуха, придумала такъ хорошо! Ты почувствуешь, негодная, какое дерево я употребляю!..

И онъ направился къ ней, поднимая палку. Онъ не имѣлъ времени ударить ее. Оконное стекло разлетѣлось въ дребезги, и Поль однимъ прыжкомъ очутился посреди комнаты. Уже десять минутъ онъ стоялъ за окномъ. Онъ молился вмѣстѣ съ матерью. Можетъ быть, впечатлѣніе спокойствія, исходившее отъ сцены, невидимымъ свидѣтелемъ которой онъ былъ, ослабило бы въ немъ чувство мести; но въ это время вошелъ отецъ. Молодой человѣкъ слышалъ его крикъ, видѣлъ его угрожающій жестъ. Еслибъ онъ поколебался, его мать была бы убита. И, выставивъ кулаки, онъ бросился впередъ. Опрокинувъ столъ, погасивъ огонь, онъ схватилъ отца за шею и повалилъ его на полъ. Старуха, чтобы ничего не видѣть, ничего не слышать, бросилась съ плачемъ на чердакъ. Борьба происходила во мракѣ. Пьяница, полу-задыхаясь, защищался съ отчаяніемъ. Онъ наносилъ сыну удары кулакомъ по лицу и пытался выколоть ему глаза. Отрывочныя слова, хрипѣніе вылетали изъ его рта. Его каблуки стучали по полу. Сынъ все сильнѣе и сильнѣе сжималъ отца въ своихъ объятіяхъ. Онъ ни о чемъ не думалъ. Онъ хотѣлъ только одного: прекратить сопротивленіе этого тѣла, трепетавшаго подъ нимъ. Кого онъ душилъ? Онъ больше не думалъ объ этомъ. Изъ глубины его существа бѣшеная жажда убійства ударила ему въ голову.

Но старикъ былъ крѣпокъ. Агонія удваивала его силы, вмѣсто того, чтобы уменьшать ихъ. Онъ отбросился вдругъ назадъ и вырвался изъ объятій сына. Съ побѣднымъ крикомъ онъ, въ свою очередь, схватилъ своего сына за горло. Тогда тотъ выхватилъ ножъ, два раза размахнулся и ударилъ отца. Старикъ испустилъ сдавленный крикъ и упалъ. Его большое тѣло вытянулось и больше не двигалось. Тяжелый запахъ крови распространился по комнатѣ. И вдругъ наступила глубокая тишина.

XIII.

Поль поднялся спокойный, безъ угрызеній совѣсти. Необходимое дѣло было закончено, хорошо закончено. Старикъ больше не будетъ бить его мать. Затѣмъ наступитъ то, чего захочетъ Богъ. Ощупью онъ направился къ лѣстницѣ чердака.

— Идите всѣ! — закричалъ онъ.— Съ нимъ сведены счеты, онъ больше не будетъ драться!

Сверху до него донеслись рыданія, плачъ. Его мать спустилась первая; за ней шла дурочка, взвизгивая; старшая дочь кричала отъ страха, отворачивалась отъ запаха крови; мальчикъ вертѣлся вокругъ тѣла, занятый мыслью, что его отецъ, возвращаясь, долженъ былъ имѣть деньги въ карманѣ.

— Что ты сдѣлалъ, сынъ мой!—сказала мать:—ты погибъ за меня!

— Зажгите лампу! — сказалъ онъ тихо. — Надо освѣтить комнату...

Стекло лампы разбилось, падая; желтоватый огонь горѣлъ, дымясь и рисуя на стѣнахъ кривляющіяся тѣни. Вытянувшееся тѣло старика казалось длиннѣе, чѣмъ при жизни. Старуха, обезумѣвшая отъ ужаса и угрызеній совѣсти, упала, закрывъ глаза руками.

— Я не могу этого видѣть! — закричала она: — вѣдь онъ былъ моимъ мужемъ!

Поль стоялъ, очень серьезный, сложивъ руки. Онъ сказалъ своей сестрѣ:

— Закрой ему глаза, Марія. У тебя чистыя руки. Сложи ему пальцы какъ для молитвы. Мы прочтемъ молитву, чтобы его душа получила прощеніе...

Онъ сталъ на колѣни, весь въ крови; другіе послѣдовали его примѣру. И онъ поднялъ правую руку:

— Во имя Отца и Сына и Св. Духа...

Въ тотъ же моментъ ужасный крикъ раздался на порогѣ. Предчувствіе несчастья привело Жанну къ дому Мазюровъ. Дверь оставалась открытой. Она показалась, застывшая отъ ужаса, съ выпученными глазами, съ раскрытымъ ртомъ. Въ своихъ рукахъ она держала проснувшагося ребенка, который молча смотрѣлъ на все окружающее.

Поль не повернулъ головы. Онъ опустился на колѣни по правую сторону умершаго. Его мать и его сестра смотрѣли на него. Дурочка, согнувшись, стонала, какъ побитая собака. Гюставъ шарилъ по карманамъ трупа. Лампа распространяла кругомъ свой неясный красноватый свѣтъ. Голосъ молодого человѣка раздавался торжественный и медленный. „Отче нашъ, иже еси на небеси“... Съ рыданіями и крикомъ: „Убійцы! Убійцы!“ Жанна, прижимая къ себѣ ребенка, оставивъ дверь открытою, выбѣжала въ поле.

Перев. съ франц. М. Веселовская.

ЗАКОНЪ 14-го ІЮНЯ

Одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою законъ „объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ постановленій о крестьянскомъ землевладѣніи“ Высочайше утвержденъ 14-го іюня и нынѣ опубликованъ. Въ качествѣ мѣры постоянной, онъ замѣняетъ собою дѣйствовавшій „временно“ и изданный въ исключительномъ порядкѣ указъ 9-го ноября 1906-го года, разрушительное вліяніе котораго на бытовыя формы крестьянскаго землевладѣнія въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ получаетъ, такимъ образомъ, оправданіе и санкціонируется. Третья Дума, охотно принявшая внесенный министерствомъ на ея разсмотрѣніе законопроектъ, готова была идти даже далѣе самого правительства въ этомъ разрушительномъ направленіи: она сдѣлала все, зависѣвшее отъ нея, чтобы возможно быстро и глубоко расшатать деревенскіе устои ради осуществленія основной идеи правительственной декларации, прочитанной въ 1907 г. при открытіи третьей Думы. Предсѣдатель совѣта министровъ заявлялъ тогда, что „пока крестьянинъ бѣденъ, пока онъ не обладаетъ личною земельною собственностью, пока онъ находится насильно въ тискахъ общины,—онъ остается рабомъ и никакой писанный законъ не дастъ ему благъ гражданской свободы... Поэтому,—говорилъ онъ,—правительство не могло не идти на встрѣчу, не могло не дать удовлетворенія тому врожденному у каждаго человѣка, поэтому и у нашего крестьянина, чувству личной собственности, столь же естественному, какъ чувство голода, какъ влеченіе къ продолженію рода, какъ всякое природное чувство человѣка. Вотъ почему раньше всего и прежде всего правительство облегчаетъ крестьянамъ переустройство ихъ хозяйственнаго

быта и улучшеніе его и желаетъ изъ совокупности надѣльныхъ земель и земель, пріобрѣтенныхъ въ правительственный фондъ, создать источникъ личной собственности". („Правит. Вѣстн." № 250, 1907 г.). Призванная къ жизни именно ради осуществленія этой цѣли спеціально изданнымъ для того закономъ, третья Дума явилась вѣрной выразительницей классоваго интереса и точно исполнила свое призваніе, такъ что дальнѣйшее ея существованіе, собственно говоря, не имѣетъ серьезнаго значенія. Продуктъ ея творчества—законъ 14-го іюня—санкціонируетъ всю ту безпощадную ломку въ области крестьянскаго землевладѣнія, которая производилась въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, и благословляетъ производить дальнѣйшее разрушеніе въ этой области ради созданія „источника личной собственности".

Печать слѣдила довольно внимательно за всѣми перипетіями этого законодательнаго акта и отмѣчала даже тѣ частныя совѣщанія, которыя происходили въ средѣ отдѣльныхъ группъ членовъ нашихъ законодательныхъ палатъ. Она уяснила съ полной подробностью всѣ основные недостатки правительственнаго законопроекта и собрала даже нѣкоторый матеріалъ, свидѣтельствовавшій о вредныхъ послѣдствіяхъ, какія успѣлъ оказать въ жизни указъ 9-го ноября. Нѣтъ надобности повторять здѣсь уже высказанное такъ много разъ, но нельзя не обратить вниманіе на тѣ главныя измѣненія, которыя претерпѣлъ правительственный законопроектъ, проходя черезъ обѣ палаты, и тѣ его положенія, которыя выступаютъ особенно рѣзко въ новой редакціи. Прежде всего, надо отмѣтить, что не всѣ пожеланія третьей Думы осуществились и, между прочимъ, одно изъ болѣе видныхъ постановленій, на которомъ она усиленно настаивала, отвергнуто Государственнымъ Совѣтомъ. Не признавъ возможнымъ удержать совершенно произвольную группировку селеній на такія, которыя производили передѣлы земли въ теченіе 24-хъ лѣтъ, и такія, которыя въ теченіе этого срока ихъ не производили, — онъ не согласился и съ тѣмъ, что послѣднія, вслѣдствіе одного этого, безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, могли быть признаны перешедшими отъ общиннаго землевладѣнія къ частной собственности. Справедливо отвергнувъ такое безусловно неосновательное постановленіе Думы, стремившейся возможно быстрѣе превратить общинное землевладѣніе въ собственность личную, Государственный Совѣтъ одобрилъ, однако, однородное правило ст. 1-й закона, согласно которой общества и селенія, „въ коихъ не было общихъ передѣловъ со времени надѣленія ихъ землею, признаются перешедшими къ наслѣдственному (участковому и по-

дворному) владѣнію". Большинство Совѣта не пожелало обратить вниманіе на многочисленныя указанія, которыя были представлены относительно того, что отсутствіе общихъ передѣловъ вовсе не служитъ свидѣтельствомъ перехода отъ общиннаго владѣнія къ частной собственности и совсѣмъ не означаетъ прекращенія практики передѣловъ вообще. Постановленіе ст. 1-й, безъ сомнѣнія, совершенно произвольно и вовсе не соотвѣтствуетъ природѣ общиннаго землевладѣнія, которое представляетъ въ дѣйствительности примѣры пользованія землею безъ примѣненія общихъ передѣловъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Объявляя всѣ селенія, не практиковавшія общихъ передѣловъ со времени освобожденія крестьянъ, перешедшими къ участковому владѣнію, законъ ведетъ къ явной несправедливости, не замѣчать которую рѣшительно непозволительно при сколько-нибудь безпристрастномъ отношеніи къ крестьянству.

Такая же явная ошибка сдѣлана Государственнымъ Совѣтомъ, согласившимся оставить въ силѣ постановленіе ст. 47-ой, которая узаконяетъ, между прочимъ, что „усадебные участки при общинномъ землевладѣніи составляютъ личную собственность домохозяевъ". По этому поводу были также даны подробнѣйшія объясненія въ печати, указывавшей, что усадебная земля составляетъ тѣсно связанную съ остальными земельными угодьями часть, и выдѣлять ее въ особую категорію невозможно. Если ст. 15-ая (бывш. ст. 110-ая) Мѣстн. Великоросс. Пол. установляла, что усадебная земля „остается въ *потомственномъ пользованіи* проживающаго въ томъ дворѣ *семейства*...", то и такое выдѣленіе всегда признавалось вполнѣ неправильнымъ; а между тѣмъ это *потомственное пользованіе* проживающаго въ томъ дворѣ семейства законъ 14-го іюня превращаетъ теперь въ *личную собственность* одного домохозяина. Послѣдствія подобной метаморфозы совершенно очевидны; очевидна прямая несправедливость, которую совершаетъ законъ какъ въ отношеніи общины, такъ и въ отношеніи семейства, мѣсто котораго занимаетъ теперь одинъ „домохозяинъ". При этомъ законъ, совсѣмъ не справившись съ желаніемъ заинтересованныхъ, насильно выдѣляетъ изъ общей хозяйственной массы одинъ видъ земельнаго угодья и, помимо воли самихъ хозяевъ, объявляетъ его находящимся „въ личной собственности". И такое отношеніе къ землевладѣльцу иниціаторы закона именовали водвореніемъ начала свободы!.. Для всякаго свѣдущаго ясно, что въ данномъ случаѣ законъ лишь нарушаетъ необходимое хозяйственное соотношеніе частей земельнаго владѣнія и ведетъ къ неисчислимымъ затрудненіямъ въ бу-

дущемъ, которому придется имѣть дѣло съ хозяевами, не имѣющими усадебной осѣдлости.

Всѣ подобныя постановленія должны бы были, по справедливости, быть отвергнуты Государственнымъ Совѣтомъ, какъ отвергнута имъ группировка селеній на производившихъ и непроизводившихъ передѣлы въ теченіе послѣднихъ 24-хъ лѣтъ. Утвердивъ ихъ, онъ поступилъ такъ же непослѣдовательно, какъ и въ томъ случаѣ, когда призналъ, что и въ селеніяхъ, которыя до сихъ поръ производили общіе передѣлы, „*каждый домохозяинъ*, владѣющій землей на общинномъ правѣ, можетъ *во всякое время* требовать укрѣпленія въ личную..... собственность причитающейся..... части означенной земли" (ст. 9). Это характерное положеніе указа 9-го ноября, въ силу котораго выгоды отдѣльнаго лица ставились выше интересовъ большинства, вынужденнаго подчиняться волѣ индивида, является центральнымъ и въ законѣ 14-го іюня. Онъ точно также, безъ всякихъ колебаній и рѣшительно, приноситъ въ жертву хозяйственныя выгоды большинства членовъ общины прихоти отдѣльнаго лица, по требованію котораго части мірской земли въ каждый данный моментъ могутъ быть обращаемы въ объектъ частной собственности. И, такимъ образомъ, въ смыслѣ затруднительности или легкости перехода отъ мірского владѣнія къ частной собственности большого различія нѣтъ между обществами, производившими и не производившими общіе передѣлы: въ сущности въ обоихъ случаяхъ превращеніе мірского владѣнія въ личную собственность совершается безъ особыхъ трудностей. Гдѣ со времени освобожденія общіе передѣлы практиковались, гдѣ, слѣдовательно, и по мнѣнію самихъ составителей закона общинное владѣніе безспорно существуетъ, тамъ, тѣмъ не менѣе, всякій домохозяинъ можетъ безъ согласія остальныхъ членовъ общины, исключительно по своей волѣ, обратить часть мірской земли въ личную собственность. Какимъ образомъ совершается расхищеніе ея, это указано въ ст. ст. 9—29, при чемъ совершенно ясно, что никакія агрикультурныя соображенія или хозяйственныя выгоды вовсе не имѣлись въ виду. Законодатель, разрѣшивъ укрѣплять за владѣльцемъ разбросанныя въ разныхъ частяхъ мірского поля полосы земли, не думалъ, конечно, о какихъ-либо техническихъ выгодахъ, а стремился лишь къ превращенію общиннаго владѣнія въ частную собственность.

Законъ во всемъ отдаетъ явное предпочтеніе интересамъ отдѣльнаго лица и идетъ въ этомъ отношеніи очень далеко. Мы находимъ и въ немъ тѣ же крайне несправедливыя статьи 2 и 3

указа 9-го ноября, по поводу которыхъ говорилось въ печати такъ много и на основаніи которыхъ домохозяинъ въ правѣ укрѣпить въ собственность мірскую землю не только въ количествѣ, слѣдующемъ ему по разверсткѣ, но даже и въ количествѣ значительно большемъ. Признавъ такое отношеніе къ мірскому владѣнію правильнымъ, законъ 14-го іюня проводитъ различіе между обществами, въ коихъ пользованіе землею основано на приговорахъ объ общихъ передѣлахъ, состоявшихся въ порядкѣ закона 8-го іюня 1893-го года, и всѣми остальными обществами, въ которыхъ это пользованіе основано не на указанномъ законѣ. Въ первыхъ обществахъ „за каждымъ домохозяиномъ, у котораго количество разверсточныхъ единицъ въ семьѣ не уменьшилось, укрѣпляются всѣ участки общинной земли, предоставленные ему въ постоянное (?), *впредь до слѣдующаго общаго передѣла, пользованіе*“ (ст. 1). Обращая въ личную собственность домохозяина всю такую землю, предоставленную лишь въ пользованіе впредь до слѣдующаго передѣла, законъ не смотритъ на то, что одна неизмѣнность числа разверсточныхъ единицъ въ семьѣ домохозяина недостаточна для того, чтобы дать ему право пользоваться и впредь отведеннымъ количествомъ земли. Для такого пользованія необходимо два условія: надо, чтобы оставалось неизмѣннымъ какъ число разверсточныхъ единицъ въ семьѣ домохозяина, такъ точно и общее число всѣхъ разверсточныхъ единицъ въ данномъ обществѣ. Если на это послѣднее обстоятельство, по примѣру закона 14-го іюня, не будетъ обращено вниманія, то надѣленіе окажется весьма несправедливымъ и вовсе несоотвѣтствующимъ тѣмъ пріемамъ уравнительнаго распредѣленія, которые обычны въ дѣйствительности. Игнорируя ихъ, очевидно, ради выгодъ отдѣльнаго лица, законъ становится явно на его сторону. Прямо противъ интересовъ общины законъ высказывается также въ статьѣ 12-ой. Она опредѣляетъ, что въ томъ случаѣ, если количество разверсточныхъ единицъ, находящихся въ пользованіи домохозяина, уменьшилось, излишекъ земли всетаки *укрѣпляется* за нимъ, „при условіи уплаты обществу стоимости этого излишка, опредѣляемой *по первоначальной средней выкупной цѣнѣ* за десятину предоставленныхъ въ надѣлъ данному обществу угодій, облагавшихся выкупными платежами“. Это значитъ, что желающій присвоить неподобающее ему количество мірской земли можетъ свободно пріобрѣсти его, и—даже не по дѣйствительной ея цѣнѣ въ моментъ пріобрѣтенія, а по той, сравнительно гораздо меньшей цѣнѣ, которую имѣла земля въ моментъ выкупа—во многихъ случаяхъ, слѣдовательно, около полустолѣтія

тому назадъ. Этотъ принципъ экспропріаціи коллективной собственности отдѣльнымъ лицомъ, усваиваемый нынѣ нашимъ законодательствомъ, этотъ явно несправедливый способъ расцѣнки земли въ высокой степени интересны. Принципъ этотъ, какъ я уже указывалъ, не можетъ не имѣть значительныхъ и самыхъ разнообразныхъ послѣдствій въ будущемъ—послѣдствій, которыхъ, конечно, не предвидѣли члены третьей Думы, ликовавшіе, его узаконяя.....

Законъ знаетъ, однако, и еще болѣе простой способъ обращенія мірской земли въ частную собственность. Такъ, ст. 15-ая гласитъ, что во всѣхъ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ земля передѣлялась безъ соблюденія формальностей, указанныхъ въ пресловутомъ законѣ 8-го іюня 1893-го года, — какъ бы въ наказаніе общества за то, — каждому домохозяину предоставляется право, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій, укрѣплять въ личную собственность всѣ участки общинной земли, отведенные въ его пользованіе, независимо даже отъ того, убавилось или не убавилось число разверсточныхъ единицъ въ его семействѣ. Нечего удивляться, если, при существованіи подобныхъ упрощенныхъ способовъ пріобрѣтенія, явится значительное число охотниковъ изъ крестьянъ присвоить безвозмездно и безнаказанно общественное имущество, которое было дано имъ міромъ лишь во временное пользованіе. Явное нарушеніе установленнаго права и выработаннаго вѣками понятія о правдѣ составляетъ отличительную черту этого отдѣла закона, регулирующаго вопросъ „объ укрѣпленіи" мірской земли въ личную собственность. Въ сущности, въ такомъ *укрѣпленіи*, — иначе говоря, въ уничтоженіи общиннаго землевладѣнія,—заключаются главный смыслъ и главное значеніе всего этого законодательнаго предпріятія, очень далекаго отъ цѣли осуществленія тѣхъ агрикультурныхъ задачъ, о которыхъ, формы ради, говорилось нѣкогда въ министерскихъ объяснительныхъ запискахъ къ законопроекту. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли ожидать какого-либо агрикультурнаго прогресса, когда въ собственность хозяина переходятъ тѣ самыя разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ мірского поля узкія, длинныя полосы, которыя именно, по увѣренію иниціаторовъ законопроекта, представляли непреодолимое препятствіе къ сколько-нибудь успѣшному развитію земледѣлія? Никакого благопріятнаго измѣненія въ этомъ отношеніи ожидать, разумѣется, нельзя, такъ какъ, въ смыслѣ техническихъ условій обработки земли, все остается по старому, и положеніе даже, пожалуй, нѣсколько ухудшается, въ виду бо́льшей затруднительности осуществлять мѣропріятія, требующія общихъ начинаній и соединенныхъ усилій многихъ.

Никто изъ свѣдущихъ въ данномъ вопросѣ лицъ, конечно, и не сомнѣвается, что задача закона 14-го іюня совсѣмъ не въ агрикультурномъ преуспѣяніи крестьянскаго хозяйства, которое, въ сущности, слишкомъ мало извѣстно намъ и весьма недостаточно изучалось у насъ, а именно въ отмѣнѣ общиннаго землевладѣнія и въ разрушеніи бытовыхъ устоевъ деревни. Законъ стремится осуществить ту цѣль, о которой вполнѣ откровенно и опредѣленно заявлялось въ правительственной деклараціи 1907-го года: „отсутствіе личной собственности въ надѣльномъ имуществѣ препятствуетъ укрѣпленію въ сельскомъ населеніи правильныхъ взглядовъ на частную собственность вообще. Между тѣмъ, самое существованіе прочнаго и сильнаго государства возможно лишь при такомъ распорядкѣ хозяйственнаго строя, который опирался бы на начала личной частной собственности и па уваженіи къ собственности другихъ. Только этимъ путемъ создана будетъ та масса мелкихъ и среднихъ собственниковъ, которая повсемѣстно является сторонникомъ государственнаго порядка, охраняющаго ихъ насущные интересы". Такой классъ и создается теперь; представителямъ его разрѣшается безпрепятственно расхищать мірскую землю и присваивать себѣ ея части, безъ всякаго соображенія съ дѣйствующимъ правомъ и сложившимися у народа понятіями о справедливости.

Собственно для борьбы съ чрезполосицей и узкополосицей законъ предлагаетъ способы, указанные въ ст. 32—36, которыя регулируютъ выдѣлъ участковъ къ одному мѣсту. Но составители закона должны были понимать, что статьи эти большого практическаго значенія имѣть не могутъ, и ихъ достаточно убѣждала въ томъ практика ст. 165-ой Пол. о Выкупѣ. Въ своей объяснительной запискѣ министерство высказывалось по этому поводу весьма ясно: *„и для самихъ выходящихъ изъ общины выдѣлъ причитающихся имъ участковъ къ одному мѣсту далеко не всегда представляется удобнымъ и желательнымъ"*. А потому главное вниманіе иниціаторовъ закона обращено на статьи объ укрѣпленіи отдѣльныхъ полосъ мірской земли въ личную собственность; статьи же, регулирующія выдѣлъ участковъ, даже плохо вяжутся съ основнымъ содержаніемъ закона, посвященнымъ „укрѣпленію" въ собственность. Дѣйствительно, при укрѣпленіи разбросанныхъ полосъ за отдѣльными домохозяевами, когда каждый изъ нихъ имѣетъ право отграничить эти полосы въ натурѣ и нанести ихъ на планъ (ст. 30), становится гораздо труднѣе производить выдѣлы участковъ къ однимъ мѣстамъ. Операція эта затрудняется потому, что для болѣе или менѣе удачнаго осуществленія ея мо-

жетъ нерѣдко требоваться земля, „укрѣпленная“ въ личную собственность и уже „отграниченная“ отъ мірской земли. Замѣчанія, которыя дѣлались въ печати по этому поводу послѣ изданія указа 9-го ноября, не остались безъ вліянія—и вотъ, въ законѣ 14-го іюня мы находимъ слѣдующее постановленіе: „обязательный выдѣлъ къ однимъ мѣстамъ участковъ, уже укрѣпленныхъ за отдѣльными домохозяевами, производится и безъ ихъ на то согласія..., когда при выдѣлахъ... пожелавшій остаться въ чрезполосномъ владѣніи домохозяинъ не изъявитъ согласія на обмѣнъ укрѣпленныхъ за нимъ отдѣльныхъ полосъ, которыя представляется необходимымъ включить въ границы участковъ, отводимыхъ выдѣляющимся“ (ст. 36). Такое правило, конечно, весьма умѣстно, если только выдѣлы будутъ практиковаться въ дѣйствительности; но оно указываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ какой мѣрѣ вся операція „укрѣпленія“ не соотвѣтствуетъ „выдѣлу“ участковъ, который, по самому существу своему, плохо вяжется съ укрѣпленіемъ въ личную собственность отдѣльныхъ полосъ. Несомнѣнно, послѣдствія этой ошибки скажутся очень скоро на практикѣ, гдѣ всѣ „укрѣпившіе“ отдѣльныя полосы явятся непремѣнно самыми сильными противниками „выдѣловъ“ и будутъ противодѣйствовать имъ даже въ такихъ случаяхъ, когда они оказывались бы полезными и выгодными для всего общества. Между тѣмъ, законодатель нашъ призналъ возможнымъ соединить въ одномъ актѣ двѣ противоположныя операціи и нашелъ удобнымъ покровительствовать по преимуществу операціи „укрѣпленія“ полосъ въ собственность, т.-е. тому способу раздѣла общинной земли, который, по указанію продолжительнаго опыта, признанъ безусловно вреднымъ для сельскаго хозяйства на Западѣ, гдѣ, какъ уже неоднократно указывалось, нынѣ установилось твердое правило: keine Theilung ohne gleichzeitige Commassation.

Размежеваніе такого рода, какъ коммассація, обусловливается непремѣннымъ согласіемъ на то извѣстнаго большинства заинтересованныхъ и отнюдь не можетъ предприниматься по волѣ одного домохозяина, какъ это узаконяется у насъ. Подобнаго принужденія современный Западъ, съ его правовымъ государствомъ, не знаетъ. Но, понятно, еслибы для раздѣла мірской земли и аррондированія чрезполосныхъ владѣній требовалось согласіе большинства заинтересованныхъ, — ходъ размежеванія былъ бы медленный и постепенный, что вполнѣ и соотвѣтствуетъ существу самаго дѣла: многія стороны его, далеко не безспорныя, принимаютъ весьма различный видъ и рѣшаются разно въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Рѣшать вопросъ этотъ по

одному шаблону для всѣхъ мѣстностей невозможно, даже прямо-таки безразсудно. Но у насъ, очевидно, не склонны слѣдовать современной практикѣ Запада, отнюдь не желаютъ мириться съ постепеннымъ ходомъ размежеванія и эволюціей землепользованія, вытекающей изъ дѣйствительной потребности; а вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ вовсе не допускаютъ самоопредѣленія, участія въ рѣшеніи этого вопроса самихъ заинтересованныхъ, которыхъ и теперь совсѣмъ не считаютъ полноправными гражданами. У насъ признается вполнѣ возможнымъ подчинить большинство заинтересованныхъ прихоти отдѣльнаго лица, за котораго выскажется... „подлежащее установленіе". Призрачная гарантія эта, конечно, ни въ малѣйшей степени не уменьшаетъ отчаяннаго положенія общины, отданной прямо-таки на „потокъ и разграбленіе". Позволить каждому домохозяину въ любой моментъ требовать „выдѣла" и настаивать на непремѣнномъ фактическомъ осуществленіи его во время передѣла—значитъ явно жертвовать выгодой большинства и вовсе не интересоваться положеніемъ крестьянскаго хозяйства въ цѣломъ, которое должно обязательно придти отъ того въ полнѣйшій безпорядокъ.

Словомъ, черезъ весь законъ 14-го іюня проходитъ красной нитью, какъ и въ указѣ 9-го ноября, основная черта—полнѣйшее пренебреженіе къ интересамъ большинства и подчиненіе ихъ выгодѣ отдѣльнаго лица. Въ пользу его рушатся деревенскіе устои; его хищническимъ инстинктамъ приносится въ жертву хозяйственный порядокъ деревни и въ крестьянской средѣ насаждается жесточайшая вражда. Все это было подробно уяснено какъ печатью, такъ и ораторами меньшинства нашихъ законодательныхъ учрежденій; но большинство Государственной Думы и Государственнаго Совѣта не обратило ни малѣйшаго вниманія на сдѣланныя указанія. Да и какъ могло бы оно обратить вниманіе на это? Когда третья Дума, ликуя, одобряла предложенный на ея разсмотрѣніе проектъ закона, утвержденнаго 14-го іюня, она только исполняла свое назначеніе: голосовала строго въ духѣ классоваго интереса и согласно волѣ правительства, призвавшаго ее къ жизни именно ради осуществленія своей аграрной программы.

А. Посниковъ.

ТѢНЬ ЛЮБВИ

Романъ Марсель Тинэйръ.

XIV *).

Дениза страдала. Она не знала, какъ выйти изъ двусмысленнаго положенія, въ которое она съ каждымъ днемъ все больше втягивалась. Она не могла разобраться въ настроеніи своего отца, не знала, что̀ онъ думаетъ и что̀ подозрѣваетъ, только чувствовала все время смутную его тревогу и бдительный тайный надзоръ за нею. А Жанъ, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ становился довѣрчивѣе и радостнѣе, хотя и не требовалъ отъ нея никакихъ признаній или обѣщаній.

Они теперь рѣже гуляли вмѣстѣ и не заходили дальше околицы деревни, благо погода позволяла подолгу оставаться въ саду. Дениза сидѣла рядомъ съ Жаномъ, но неподалеку усаживала Фортунаду, съ какимъ-нибудь рукодѣльемъ. Жанъ сначала раздражался этимъ присутствіемъ третьяго лица, потомъ подумалъ, сообразилъ, вспомнилъ явное недовѣріе и тайную враждебность доктора—и, боясь потерять расположеніе человѣка, котораго онъ любилъ и который имѣлъ огромное вліяніе на Денизу, благоразумно покорился своей участи.

Въ необходимости слѣдить за собой, сдерживать себя была, притомъ, своего рода прелесть. До той поры Жанъ не испытывалъ тонкаго наслажденія ждать: слишкомъ часто, спѣша сорвать цвѣтокъ своего желанія, онъ обрывалъ у него лепестки. Онъ

---

*) См. августъ, стр. 213.

былъ пылкимъ, нетерпѣливымъ, любопытнымъ и жаднымъ юношей—изъ тѣхъ, которыхъ женщины снисходительно называютъ безумцами. Его красивое безбородое лицо, его смѣлость доставили ему немало побѣдъ. Нерѣдко онъ думалъ, что беретъ съ бою, въ то время, какъ онъ только поддавался ловкимъ обольщеніямъ. Жюльетта, сумѣвшая влюбить его въ себя и удержать дольше, чѣмъ другія, чуть ли не сама первая кинулась ему на шею.

Истинная любовь не была для него ударомъ грома, не внезапно родилась въ его душѣ. Дениза не плѣнила его съ перваго взгляда. Въ моментъ своего пріѣзда въ Монадузъ Жанъ былъ слишкомъ боленъ, чтобы думать о любви, а Дениза слишкомъ непохожа на женщинъ, въ которыхъ онъ влюблялся раньше. Какою тайною работой невольное уваженіе и нѣжная привязанность переродились въ страсть, въ какой моментъ Жанъ Фавьеръ подъ обликомъ сестры разглядѣлъ черты любовницы — онъ и самъ не зналъ. День за днемъ Дениза перевоспитывала его, пріучала къ новой жизни. Она купила его душу, отдавъ ему свою, и они сами не замѣтили, какъ полюбили другъ друга. И теперь Жану уже казалось, что онъ „всю жизнь" любилъ ее...

Вмѣстѣ съ концомъ апрѣля подходилъ конецъ и посту. Среди дождей и лучей отъ красной весны рождалась весна зеленая. Въ лѣсныхъ низинахъ ужъ отцвѣла душистая фіалка; зато другія фіалки расли у дороги цѣлыми коврами, большія, блѣдныя, почти голубыя, обманывая ожиданія тѣхъ, кто искалъ въ нихъ аромата.

Вербное воскресенье прошло безъ дождя. Поселяне видѣли въ этомъ благопріятное предзнаменованіе для сѣнокоса: въ лимузинскихъ деревняхъ и малый ребенокъ знаетъ, что вербное воскресенье „господствуетъ надъ вѣтрами", какъ извѣстно и то, что на „черной"—т.-е. страстной—недѣлѣ нельзя ни стирать, ни сажать куръ на яйца, иначе еще до конца года въ домѣ непремѣнно будетъ покойникъ. Даже и хлѣбы печь тогда не слѣдуетъ, но масло можно сбивать безъ опаски; сбитое на страстной недѣлѣ масло долго не портится и отъ смазыванья имъ проходитъ сыпь на лицѣ.

На этой недѣлѣ дѣти—вся ватага подростковъ, которые обучаются катехизису и поютъ на клиросѣ въ церкви—ходятъ по домамъ и выпрашиваютъ орѣховъ, яблокъ и яицъ, выкрашенныхъ свеклой. Этотъ обходъ домовъ начинается съ утра понедѣльника, и ни одна хозяйка, какъ бы она ни была скупа, не смѣетъ прогнать ребятишекъ, когда они звонкими и фальшивыми голосами затягиваютъ пѣснь о Страстяхъ Господнихъ:

La passiu de Jésus-Christ
Qu'est tan doulento...

Въ тѣхъ рѣдкихъ селеніяхъ, гдѣ еще сохранились средневѣковыя традиціи, въ послѣднія ночи поста и наканунѣ праздника Всѣхъ Святыхъ обходитъ дома „будильщикъ" — обыкновенно бѣднякъ и старикъ, церковный сторожъ, или могильщикъ, назначаемый на эту должность священникомъ. Онъ ходитъ и звонитъ въ колокольчикъ; готическая мелодія, которую онъ распѣваетъ на мѣстномъ нарѣчіи, перемѣшанномъ съ французскимъ языкомъ, ночною птицей паритъ надъ спящими сельчанами. Зловѣщій, какъ призракъ, вставшій изъ могилы, онъ бродитъ среди ночного мрака, предупреждая вѣрующихъ, чтобъ они были готовы:

Réveille-toi, peuple chrétien!
Réveille-toi: c'est pour ton bien.
Quitte ton lit,
Prends tes habits,
Pense à la mort, qui doit venir...

(Пробудись, христіанскій людъ! Встань, проснись—себѣ во благо. Покинь одръ свой, возьми одежды и вспомни о смерти, которая должна придти!)

Въ Меймакѣ „будильщикъ" поетъ и про самого себя:

Les pauvres réveilleurs
Ont tant de peine!
Courent toute la nuit,
A la rosée...
Donnez-leur quelque chose
Par la fenêtre;
S'il n'y a pas de fenêtre,
Par la porte.
Nous prendrions tout de même,
S'il y avait beacoup [1]).

Въ Монадузѣ этотъ обычай уже нѣсколько лѣтъ какъ вывелся изъ употребленія; аббатъ Барбазанъ упразднилъ его послѣ

---

[1]) Бѣдному будильщику
Трудно приходится!
Бродитъ онъ всю ночь,
По холодной росѣ...
Подайте ему что-нибудь
Въ окошечко,
А коли нѣтъ оконца,
То хотя въ дверь.
Ему все едино,—
Все возьметъ, только давайте.

того какъ одна беременная женщина, услыхавъ въ просонкахъ пѣснь „будильщика", съ испуга разродилась. И Фошъ, слѣпой, который, въ молодости, постомъ и наканунѣ Всѣхъ Святыхъ участвовалъ въ этихъ ночныхъ обходахъ, увѣрялъ, что Монадузъ перестаетъ вѣрить въ Бога.

— Вы бы послушали ихъ тогда! — разсказывала Франсунетта.—Настоящіе ночные вороны, что каркаютъ въ полночь... А на утро, бывало, идутъ по домамъ обирать яблоки и яйца, и ужъ, конечно, нигдѣ отказа нѣтъ: вѣдь старый колдунъ на всякаго могъ порчу навести... Но это таки правда, что теперь народъ какой-то трусливый сталъ: вѣдь въ этомъ обычаѣ есть своя красота. Вѣдь поютъ-то они тоже какъ бы церковное; хочешь-не хочешь, а напомнятъ всякому помолиться за упокойничковъ...

Фортунада въ дѣтствѣ тоже слыхала ночное пѣніе Вейдренна и Фоша, и признавалась, что оно нагоняло на нее тогда жестокій страхъ.

— Фошъ говоритъ, что онъ въ этомъ году опять пойдетъ, что господинъ кюрэ не имѣетъ права запретить ему... Но, вы сами знаете, Франсунетта, онъ-то ужъ не о молитвѣ хлопочетъ, а о яблокахъ и яйцахъ.

— Не посмѣетъ онъ...

— Онъ, конечно, не посмѣетъ, но онъ подучаетъ мальчишекъ.

— Ну, за этихъ, дѣвушка, и я не поручусь... Что-жъ, пускай приходятъ—я дамъ имъ и орѣшекъ, и красныхъ яичекъ...

Разговоръ шелъ въ кухнѣ, въ вечеръ страстного четверга. Фортунада пришла развѣсить мокрое бѣлье и сложить уже высохшее, такъ какъ онѣ, изъ предосторожности, устроили большую весеннюю стирку до вербнаго воскресенья.

Пришла къ нимъ поболтать и Дениза. Но она казалась очень утомленной и ушла къ себѣ раньше обыкновеннаго.

— Мой отецъ въ кабинетѣ съ мосье Жаномъ. Снеси ему туда рюмочку стараго коньяку и трубку... И затопи каминъ въ комнатѣ мосье Фавьера... Ты завтра придешь?

— Завтра? Вѣдь завтра же страстная пятница.

— Надо же кончить складывать бѣлье. Не то погода испортится: смотри, какъ потеплѣло.

У Фортунады не было ни малѣйшаго желанія работать въ страстную пятницу, но Дениза прибавила:

— Если тебя это не устраиваетъ, я займусь этимъ одна.

И Фортунада поспѣшила отвѣтить:

— До сумерекъ я могу пробыть, барышня.

Старуха Франсунетта ворчала: виданное ли дѣло—работать въ страстную пятницу. Это значитъ самимъ на себя накликать бѣду; этотъ день даже лошади и быки проводятъ въ стойлахъ.

— Охъ, ужъ эти доктора! — бормотала она, перетирая посуду.—Они воображаютъ себя умнѣе даже папъ...

Фортунада застала Кайроля и Жана сидящими въ рабочемъ кабинетѣ доктора. Между ними, на столѣ, горѣла лампа. Кайроль говорилъ:

— Сегодня у нея нехорошій видъ... Она слишкомъ утомляетъ себя — очень ужъ много возится съ хозяйствомъ, во все сама вникаетъ...

Поразмысливъ немного, онъ продолжалъ:

— И, притомъ, она чертовски упряма, моя дочка. Съ виду кроткая, но столько воли, настойчивости...

Фавьеръ усмѣхнулся. — Ну, вамъ-то ужъ не приходится на нее жаловаться. Она обожаетъ васъ...

— Въ сущности, ей нужны развлеченія, перемѣна обстановки,—продолжалъ Кайроль.—Когда вы немножко еще окрѣпнете, дружокъ мой, отправляйтесь-ка вы пожить въ горы, вмѣстѣ съ Лапейри, а я пошлю Дениву къ ея клермонской теткѣ... Она вѣдь пять лѣтъ подрядъ не выѣзжала изъ Монадуза, бѣдняжка.

— Какъ? — воскликнулъ Жанъ. — Вы гоните меня отсюда?

Уголки его рта вздрагивали, черные зрачки расширились, и Фортунада, ставившая на столъ коньякъ и рюмки, слышала, какъ дыханіе его, отъ волненія, снова стало прерывистымъ.

— Гоню!.. Гоню!.. Что у васъ за выраженія?—сказалъ Кайроль.—Я просто даю вамъ отпускъ на два-три мѣсяца... А затѣмъ, если вы до тѣхъ поръ не будете совсѣмъ молодцомъ, вы опять вернетесь сюда, въ вашу комнату... Это ужъ рѣшено и подписано.

— Слово?

— Слово!

Жанъ расхохотался.

— Ахъ, какъ же вы напугали меня!

— Нечего пугаться... Если я разрѣшаю вамъ уѣхать, это значитъ, что здоровье ваше значительно улучшилось. Это добрый знакъ... Разумѣется, не сейчасъ еще, а такъ въ концѣ мая, или въ половинѣ іюня. Мы еще побесѣдуемъ объ этомъ съ Лапейри. Онъ пріѣдетъ послѣ Пасхи.

И добродушно, но властнымъ тономъ, онъ прибавилъ:

— Вы ужъ довѣрьтесь мнѣ, Жанъ. И слушайтесь меня безпрекословно.

И почти тотчасъ же, прерывая разговоръ, онъ обратилъ вниманіе Жана на то, какъ перемѣнилась и похорошѣла Фортунада. Ей шелъ двадцатый годъ, и дѣвочка, поздно начавшая развиваться, превращалась въ женщину. Смуглое личико и темные глаза какъ будто освѣтились изнутри яркимъ огнемъ молодости и внутренняго удовлетворенія. Жанъ, находившій „малютку Бранду“ некрасивой и совсѣмъ неинтересной, согласился въ душѣ, что красота пришла къ ней, какъ умъ приходитъ къ дурочкамъ, вмѣстѣ съ первой мыслью о любви. Чрезмѣрная религіозность, стремленіе уйти въ монастырь или, по крайней мѣрѣ, остаться въ дѣвушкахъ, такъ огорчавшее родителей Фортунады, съ годами, наконецъ, ослабѣло... Въ „дѣвочкѣ“ проявлялась женственность: въ ея низкомъ голосѣ порой звучали ласковыя нотки; когда она задумывалась, ея большіе кроткіе глаза широко раскрывались и взглядъ уходилъ куда-то вдаль, словно она видѣла кого-то, идущаго къ ней навстрѣчу.

Въ этотъ вечеръ, укладываясь спать, Жанъ долго думалъ о словахъ доктора. Онъ былъ одновременно и смущенъ, и успокоенъ — смущенъ возможностью разлуки, успокоенъ этимъ вѣрнымъ признакомъ выздоровленія... Если раньше онъ сомнѣвался въ близости выздоровленія, то теперь рѣшеніе Кайроля разогнало всѣ сомнѣнія.

„Если даже ему непріятно, что Дениза такъ дружна со мной, если онъ ревнуетъ, у него слишкомъ много профессіональной добросовѣстности и благородства души, чтобъ обмануть меня... И къ тому же, онъ обѣщалъ потомъ снова взять меня къ себѣ... Далъ слово...“

И онъ убѣждалъ себя быть благоразумнымъ, всѣмъ пожертвовать, только бы выздоровѣть и начать новую жизнь, для Денизы, съ Денизой.

„Надо сдѣлать такъ, чтобы грозный отецъ не имѣлъ никакого основанія отказать мнѣ... Если надо пожить въ горахъ, я поѣду и буду жить... Если надо будетъ ѣхать въ Алжиръ, въ Америку, въ Японію, я поѣду, куда угодно... Я буду такъ послушенъ, что самъ Кайроль изумится... Если надо будетъ, я буду служить ему семь лѣтъ, какъ Іаковъ за Рахиль, но все-таки въ концѣ концовъ покорю его... Я помогу ему осуществить его идею санаторіи, найду акціонеровъ. Если я вылечился въ Монадузѣ, значитъ и другіе могутъ вылечиться...“

Онъ спрашивалъ себя, не лучше ли будетъ увезти Денизу

въ Парижъ и продолжать начатую карьеру адвоката... Нѣтъ, теперь Парижъ ужъ не плѣнялъ его.

Онъ мечталъ пріобрѣсти большое помѣстье близъ Монадуза и жить привольной помѣщичьей жизнью.

„И докторъ, когда устанетъ работать, будетъ жить съ нами... У насъ будетъ небольшой замокъ... Нѣтъ, лучше большой старый помѣщичій домъ, безъ претензій, но удобный, съ огромной сѣрой крышей, съ голубятней, съ прудомъ, съ каштановой рощей. Жить мы будемъ немного замкнуто, но очень счастливо... Я составлю себѣ огромную библіотеку..."

Мысли его начинали путаться... Слабо свѣтилъ ночникъ; въ каминѣ пылали дрова... Наверху, на чердакѣ неосторожно стукнула дверью Франсунетта... Жанъ заснулъ.

Онъ проспалъ нѣсколько часовъ. Ему снилось, что онъ вѣнчается съ Денизой въ монадузской церкви. Ихъ вѣнчалъ аббатъ Барбазанъ. Святая Дѣва въ алтарѣ, не смотря на свою мантилью и пышную сборчатую юбку, походила, какъ двѣ капли воды, на Фортунаду Бранду. И кругомъ говорили:

— Богородица исцѣлила сломанную ногу Марсіаля Вейдренна.

И докторъ Кайроль находилъ это чудо вполнѣ естественнымъ. Дениза плакала отъ любви подъ своимъ вѣнчальнымъ вуалемъ. Весело звонили колокола...

Жанъ проснулся... Вдали на дорогѣ звенѣлъ колокольчикъ. Ночникъ догоралъ. Серебристый свѣтъ, проходя сквозь полотно занавѣсокъ, словно сѣрымъ паромъ ложился на стѣны, на смутно бѣлѣющую кровать. Небольшая комнатка вся была полна чарами луннаго свѣта.

На дворѣ пѣтухи, обманутые яркимъ свѣтомъ, привѣтствовали мнимую зарю. Жанъ уже снова засыпалъ, когда колокольчикъ зазвенѣлъ совсѣмъ близко. Слышались тяжелые медленные шаги, словно кто-то волочилъ ноги. Шаги остановились передъ домомъ.

— За докторомъ, должно быть, пришли—къ больному...

Жанъ уже привыкъ къ тому, что его такимъ образомъ будили ночью. Ему уже казалось, что онъ слышитъ на улицѣ голосъ, зовущій: „Эй, господинъ докторъ, проснитесь!.." —затѣмъ стукъ отворяющихся ставень въ комнатѣ Кайроля, отвѣтный крикъ: „Чего надо?"... и краткій діалогъ, и стукъ тяжелыхъ башмаковъ врача, спускающагося съ лѣстницы съ тщетными и трогательными предосторожностями...

Нѣтъ... Не слышно зова... Однако, несомнѣнно, кто-то подо-

шелъ и стоитъ передъ домомъ, не уходитъ, сторожитъ... Сумасшедшій?.. Заблудившійся бродяга?.. Разбойникъ? Въ этомъ странномъ краю, гдѣ еще безнаказанно могли свирѣпствовать Вейдренны, ночью страхъ бродилъ по степи, и даже заѣзжіе, чужіе люди, наслушавшись сказокъ, надъ которыми они смѣялись днемъ, съ наступленіемъ сумерекъ становились такими же суевѣрными, какъ и здѣшніе крестьяне... Неиспытанное еще чувство тревоги, смѣшной и непріятной, овладѣло Жаномъ. Ему было жутко и не по себѣ. Хотѣлось, чтобы проснулся докторъ.

Устыдившись своего ребяческаго страха, онъ рѣшилъ самъ посмотрѣть и узнать, въ чемъ дѣло, слѣзъ съ кровати, надѣлъ туфли и, закутавшись въ одѣяло, пріотворилъ окно.

Ночной ландшафтъ, весь бѣлый, длилъ до безконечности бѣлизну закрытой комнаты, какъ будто повсюду, и въ жилыхъ домахъ, и на всей поверхности земной, мракъ смѣнился сумерками, сотканными изъ луннаго свѣта и тумана. Облака пара, нахлынувъ какъ приливъ, окутали долины, и надъ этимъ призрачнымъ моремъ сѣрыми арками выступали гребни горъ, какъ бы повисшіе между небомъ и невидимой землей. Небо было какое-то обезцвѣченное, почти такое же бѣлое, какъ и земля, и блѣдная луна, въ легкомъ лучистомъ ореолѣ, была какъ Св. Дары въ призрачной чашѣ.

Въ эту святую ночь страстной пятницы, когда въ католическихъ церквахъ молчатъ колокола, и вѣрующіе постомъ и безмолвной умственной молитвой поминаютъ агонію Христа въ оливковой рощѣ, чья мятущаяся душа прошла здѣсь и расплылась въ туманѣ, подъ дребезжащіе звуки маленькаго колокольчика?

Ничего не слыхать... Что это?—спрашиваетъ себя Жанъ.—Или все это ему пригрезилось?.. И колокольчикъ, и шаги—быть можетъ, все это была только галлюцинація слуха?.. Слышенъ только рокотъ каскадовъ, смягченный, почти заглушенный этой ватной атмосферой, и такой монотонный, невнятный, что не нарушаетъ ощущенія тишины... Жанъ отходитъ отъ окна, но призрачный звонъ раздается снова, съ большими промежутками — зазвонитъ и перестанетъ, совсѣмъ близко... и нервы молодого человѣка дрожатъ, какъ струны, въ физическомъ предчувствіи сверхъестественнаго. Холодная дрожь пробѣгаетъ у него по спинѣ; волосы, приподнимаясь, колютъ кожу, точно иголками... Внизу, у терассы, сѣрая въ блѣдномъ свѣтѣ луны, медленно выдвигается человѣческая фигура. Жанъ узнаетъ искривленный станъ, паучьи руки и идіотски разинутый ротъ слѣпого

Фоша... Страшное лицо, приподнятое, обращено къ нему и неотразимо притягиваетъ его; нищій держитъ въ рукѣ колокольчикъ; чуткое ухо его, улавливающее малѣйшій шорохъ, быть-можетъ различаетъ и шелестъ занавѣски, и тяжелое, прерывистое дыханіе Жана. Онъ догадывается, что въ домѣ не спятъ, и запѣваетъ:

Reveillez-vous, les gens,
Les gens, qui dormez tant!
O, la grande folie
De dormir sans souci! [1])

Голосъ у него козлиный, дребезжащій, но это еще больше подчеркиваетъ характеръ этого ночного гимна, съ четырехдольнымъ тактомъ, съ минорными каденцами, упадающими, какъ неправильный шагъ, на послѣдній слогъ четырехстишія. Жанъ понялъ. И любопытство въ немъ побѣдило страхъ... Что за зрѣлище и что за серенада!.. Эта ночь, подобная мертвеннымъ ночамъ Чистилища, эта затопленная луна, этотъ слѣпецъ съ жестами безумнаго, эта пѣснь, пришедшая изъ глубины вѣковъ, торжественная и спотыкающаяся, съ отзвуками dies irae... Какъ въ фрескахъ часовни, куда выносятъ мертвыхъ—фрескахъ полустертыхъ временемъ, потемнѣвшихъ отъ дыма свѣчъ и позеленѣвшихъ отъ сырости, все еще можно разглядѣть пляску мертвецовъ, дефилирующіе скелеты пахарей, солдатъ и королей, такъ и въ этой древней готической аріи, путающей французскій языкъ съ мѣстнымъ нарѣчіемъ, риѳмующей лишь созвучіями гласныхъ въ концѣ строфъ, можно распознать остатки изувѣченной поэмы:

Voici la mort, qui roule,
Qui roule autour de vous...
Elle fait comme *l'umbra*,
Elle vous suit partout.
La mort n'est pas *flatieïra*:
Elle n'épargne rien.
Emmène hommes et femmes,
Enfants, petits et grands,
Et les rois et les reines [2]).

---

[1]) Будетъ спать вамъ, люди,
Слишкомъ много спите!
О, что за безумье
Такъ безпечно спать!

[2]) Смерть-то по міру ходитъ,
Ходитъ и бродитъ повсюду,
Тѣнью идетъ по пятамъ,
Такъ и стоитъ за плечами.

Во второмъ этажѣ распахивается окно и слышится гнѣвный возгласъ Франсунетты: пѣсня слѣпого обрывается. Слѣпой плаксивымъ тономъ отвѣчаетъ что-то, чего нельзя разслышать; старуха, высунувшись изъ чердачнаго окна, словно сова, накидывается на него на мѣстномъ нарѣчіи.

Вотъ и другое окно отворилось, и третье. Слышенъ сердитый голосъ Кайроля и тревожный—Денизы. Голоса скрещиваются, перебиваютъ другъ друга:

— Въ чемъ дѣло?

— Что случилось?

— Ты слышалъ?

Франсунетта кричитъ:

— Ложитесь, барышня, ложитесь. Бѣдненькая! разбудили васъ. Ничего не случилось. Это старый дурень Фошъ вздумалъ пѣть у насъ подъ окнами...

— О!—вздыхаетъ Дениза.—Только бы Жанъ не проснулся...

Докторъ съ бранью гонитъ слѣпого:

— Убирайся ты къ... Чтобъ тебя черти взяли...

Фошъ, волоча ноги, идетъ дальше, къ другимъ домамъ, гдѣ живутъ добрые христіане, которые не станутъ гнать его съ бранью, но наоборотъ, заслышавъ колокольчикъ, осѣнятъ себя крестнымъ знаменіемъ и прочтутъ „Отче нашъ" за упокой умершихъ.

Et les rois et les reines,
Dans tous leurs beaux rubans,
N' auront pas plus de grâce
Qu' un pauvre paysan [1]...

Голосъ поющаго замираетъ въ безбрежномъ и бѣломъ молчаніи. Кайроль уже другимъ голосомъ спрашиваетъ дочь:

— Ты испугалась?

— Я испугалась за мосье Фавьера, — шопотомъ отвѣчаетъ она. — Онъ такъ впечатлителенъ, что это неожиданное пробужденіе среди ночи, это зловѣщее пѣнье могли страшно взволновать его, даже повредить ему...

Ея не улестишь, не закупишь.
Она никого не щадитъ.
Беретъ и мужчинъ, и женщинъ,
И стариковъ, и дѣтей,
И царей и царицъ...

[1] И царямъ, и царицамъ,
Во всѣхъ ихъ пышныхъ уборахъ,
Нѣтъ отъ нея пощады,
Какъ и бѣдняку-селянину.

— Дениза... Ты ничего не слышишь въ его комнатѣ?

Жанъ угадываетъ, что Дениза отошла отъ окна и подходитъ къ стѣнѣ, прислушиваясь, тревожно и внимательно... Потомъ снова вернулась къ окну.

— Ничего...

— Ну, иди скорѣй, ложись. Ахъ, какъ онъ тебя тревожитъ, этотъ *твой* Жанъ Фавьеръ!.. Ей Богу, можно подумать, что, кромѣ него, для тебя никого не существуетъ въ мірѣ... Это уже черезчуръ... Успокойся, прошу тебя...

Оба окна одновременно захлопываются... Въ разсѣянномъ свѣтѣ, который пропускаютъ занавѣси, Жанъ возвращается къ себѣ на кровать съ предосторожностями дикаря, который хочетъ навести противника на ложный слѣдъ...

Онъ думаетъ:

„Она легла, но не спитъ. Она думаетъ обо мнѣ—я это знаю, чувствую... Насъ раздѣляетъ только небольшая толща каменной стѣны... Она представляетъ себѣ Жана испуганнаго ночнымъ пѣньемъ „будильщика", всего въ поту, дрожащаго отъ страха, уже обоняющаго запахъ могилы... Столько разъ онъ прятался къ ней подъ крылышко, какъ испуганный ребенокъ, вымаливая, какъ милостыни, надежды, которая помогаетъ жить..."

Сидя на кровати, лицомъ къ стѣнѣ, Жанъ простираетъ руки, призывая дѣвушку, которая тамъ, за стѣной, на узенькой кровати, въ альковѣ съ колонками, тоже приподнялась, облокотившись локтемъ на подушку... Волосы ея разсыпались волнами... Она прислушивается, но въ ночномъ безмолвіи слышитъ только стукъ своего сердца, переполненнаго нѣжностью и состраданіемъ. Ей больно отъ этого стука, и она прижимаетъ сердце, словно поддерживая его трепетною рукою... Чего же она боится? Тотъ, о комъ она тревожится, ужъ не имѣетъ нужды въ утѣшеніяхъ: онъ опьяненъ дивной увѣренностью въ томъ, что онъ любимъ. Смерть прошла мимо; любовь откликнулась на зовъ. Милый голосъ развѣялъ міръ зловѣщихъ призраковъ и ночныхъ страховъ... Сколько мужчинъ и женщинъ, не знающихъ любви, въ эту ночь оплакиваютъ своего Бога... Другіе отдаютъ ее любви, эту ночь, какъ всѣ другія ночи своей юности. Робкія мечты юноши и молодой дѣвушки, одинокая тоска покинутыхъ любовниковъ, жгучее, перемѣшанное съ рыданіями упоеніе влюбленныхъ, которыхъ разлучитъ утро, вѣчная любовь живетъ и подъ ночнымъ печальнымъ небомъ, и въ закрытыхъ комнатахъ, и въ эту ночь, какъ во всѣ другія ночи... И когда пройдетъ „будиль-

щикъ", тѣ, кто любитъ, не услышатъ его, или же скажутъ: „Любовь сильнѣе смерти"...

Жанъ уже не знаетъ, былъ ли онъ когда-то боленъ и какими темными путями судьба привела его въ этотъ домъ. Онъ молодъ, здоровъ, онъ влюбленъ; онъ таковъ же, какъ всѣ влюбленные юноши. Еще вчера онъ не смѣлъ поцѣловать края одежды своей возлюбленной—сейчасъ онъ хочетъ ее всю, хочетъ сжать ее въ своихъ объятіяхъ, хочетъ, чтобы теперь она, въ свой чередъ, покорная закону природы, слабая и пугливая, жалась къ нему, ища защиты... Онъ прильнулъ къ стѣнѣ, прижался къ ней грудью и губами, въ безумномъ желаніи слиться съ ней въ одно цѣлое, оживить бездушную матерію... Онъ зоветъ Денизу, ему кажется, что онъ чувствуетъ ея приближеніе, чувствуетъ, какъ она, вся трепетная, протягиваетъ къ нему свои прекрасныя руки. И онъ тянется къ ней, ищетъ сладкаго прикосновенія.

А за окномъ уже рождается заря, съ кроткимъ, заплаканнымъ лицомъ. И холмы длинной вереницей, тянущейся до самаго горизонта, словно люди, одинъ за другимъ, выдвигаютъ свои синія плечи изъ предутренняго радужнаго тумана. Природа не печальна, а лишь сосредоточена, въ ожиданіи тайны...

XV.

Около девяти часовъ Франсунетта подала завтракъ. Съ хитрымъ видомъ она сказала Жану:

— Барышня приказала спросить, хорошо ли вы почивали... Тутъ одинъ пьяница ночью вздумалъ было шумѣть передъ домомъ...

Жанъ заявилъ, что онъ ничего не слыхалъ.

Въ радости кроется такая сила, бодрящая и обновляющая, что послѣ этой тревожной ночи молодой человѣкъ всталъ свѣжимъ и бодрымъ, словно спрыснутый живой водой. На лицѣ его не было никакихъ слѣдовъ усталости, и когда онъ сошелъ внизъ, Дениза, при первомъ же взглядѣ на него, совершенно успокоилась.

— Говорятъ, вамъ какой-то пьяница задалъ ночью серенаду,—весело сказалъ онъ доктору.—А я теперь такъ сплю, что меня и пушечными выстрѣлами не разбудишь. Это какъ, по вашему, хорошій признакъ?

— Превосходный!—подтвердилъ Кайроль.

Фортунада подала кофе на терассѣ, куда въ хорошую погоду выносили и качалку Жана. На небѣ съ утра ярко свѣтило

солнце, но теперь оно потускнѣло и покрылось облачками, похожими на клочья сѣрой ваты. Теплый вѣтеръ съ юго-запада какъ бы предвѣщалъ грозу, сбиравшуюся гдѣ-то далеко, за соснами Шадана...

Нѣсколько штукъ бѣлья — простыни, скатерти, салфетки, рѣзко бѣлыя, почти синія въ тѣни, висѣли, растянутыя во всю длину на желѣзныхъ проволокахъ; и на этомъ ослѣпительно бѣломъ фонѣ грушевыя деревья въ полномъ цвѣту казались тоже зеленовато-бѣлыми.

— Погода портится,—сказала Дениза.—Давай складывать простыни.

Она взяла простыню за одинъ конецъ, бросила другой Фортунадѣ, и, высоко поднимая голову, откидывая туловище назадъ, онѣ, постепенно пятясь, отходили другъ отъ друга и снова сходились. Мокрое полотно растягивалось медленно; Дениза наступала себѣ на платье, спотыкалась, смѣялась и, широкимъ жестомъ взмахнувъ простыней, складывала ее вдвое, вчетверо и бросала въ корзину.

— Теперь другую.

Эти почти ритмическіе жесты, сильные и граціозные, поэтическіе, какъ извѣчные жесты сѣятеля и жницы, волновали Жана эмоціями красоты. Онъ видѣлъ одну спину Денизы, дивный изгибъ ея стана и бедеръ, золотистый блескъ ея волосъ на затылкѣ, алѣющій кончикъ ушка... И думалъ о своемъ ночномъ безуміи, о томъ, какъ онъ осыпалъ поцѣлуями стѣну... И наивно говорилъ себѣ:

„Мы оба такъ горячо любили, хотя не видѣли другъ друга и были далеки... И она, и я... Неужели она не чувствуетъ этого въ глубинѣ своего существа, не думаетъ объ этомъ?.. Я ни о чемъ другомъ и думать не могу“...

Этотъ поцѣлуй, этотъ призрачный поцѣлуй! Никогда воспоминаніе объ испытанномъ наслажденіи не волновало Жана такъ, какъ воспоминаніе объ этомъ поцѣлуѣ.

„И подумать, что наяву я не смѣю коснуться ея плеча, ея дивныхъ волосъ. Подумать, что еще вчера она была для меня не женщиной, а чѣмъ-то больше или меньше женщины: однимъ изъ тѣхъ существъ, кого невидимый покровъ защищаетъ отъ дерзости мужскихъ желаній... Подумать, что я могъ не находить ее красивой... Она—женщина, она прекрасна и желанна. Она будетъ моею“...

Нѣтъ, онъ не могъ, не могъ даже подумать про нее: „моя“... Отъ одного этого слова у него закружилась голова, кольнуло въ

грудь; ему захотѣлось смѣяться, плакать, обнимать что попало: деревья, камни, даже Фортунаду, даже доктора... прижать весь міръ къ своей груди... Это было нелѣпо, и безумно, и очаровательно...

Жанъ обернулся: сидя возлѣ него на желѣзномъ стулѣ, докторъ читалъ мѣстную газетку.

Молодому человѣку вспомнилось, какая смѣсь заботы, недовѣрія и гнѣва звучала въ его голосѣ, когда онъ разговаривалъ ночью съ Денизой...

„А вѣдь онъ мнѣ врагъ!"—подумалось ему.

Неожиданно изъ-за угла дома появилась Франсунетта, крича:

— Господинъ докторъ, господинъ докторъ, тамъ васъ спрашиваетъ мальчикъ изъ Сенъ-Дюмина...

— Кто-нибудь захворалъ на фермѣ?

— Нѣтъ; сама баронесса. Съ ней былъ припадокъ...

Кайроль неохотно поднялся.

— Что же она—серьезно нездорова?

— Мальчишка говоритъ, что очень плоха... Труситъ... боится, что это смерть за ней пришла... Хочетъ, чтобъ вы впрыснули ей морфій...

И старуха прибавила, таинственно и съ видомъ неодобренія:

— У нихъ утромъ нынче выводили быковъ изъ стойла... Напрасно: это приноситъ несчастье и дому, и хозяину...

— Ну что же, если выводили, потомъ навѣрное опять будутъ просить попа, чтобъ онъ заговорилъ ихъ, какъ въ прошломъ году...

— Отецъ! Ты ѣдешь?—спросила Дениза.

— Придется съѣздить... Хочешь ѣхать со мной?

— Нѣтъ. У меня куча дѣла... Фортунада въ три часа уйдетъ...

— Какъ знаешь!—огорченно откликнулся Кайроль.

И пошелъ къ дому. Часы въ столовой пробили половину второго.

Не говоря ни слова, не улыбаясь, Дениза продолжала складывать бѣлье. Жанъ притворился погруженнымъ въ созерцаніе ландшафта... Небо все больше затягивалось тучами, хотя мѣстами сквозь нихъ еще проливались солнечные лучи. Наряду съ голубыми просвѣтами, все уменьшавшимися, высились утесы, темно-сѣрые и фіолетовые, съ серебристыми и ярко-зелеными краями, словно лишаи и свѣжій мохъ.

Когда корзина наполнилась, Дениза съ Фортунадой унесли ее, оставивъ Жана одного. Дениза скоро вернулась, но она не

садилась, а, стоя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, говорила равнодушнымъ тономъ о какихъ-то пустякахъ... Онъ отвѣчалъ односложно: „да“, или „нѣтъ“, и скоро она замолчала.

Обоимъ было не по себѣ, неловко; каждый какъ-то стѣснялся присутствіемъ другого, и въ этой неловкости были и угрызенія совѣсти за вынужденную ложь, и волненіе сообщничества, и страхъ не понравиться—въ мужчинѣ, а въ женщинѣ — опасеніе рѣшительныхъ словъ, которыя ей, быть можетъ, предстоитъ услышать.

Жанъ первый улыбнулся, скользящей, умоляющей улыбкой, и указалъ ей на желѣзный стулъ. Дениза оглянулась на дорогу, на домъ, въ которомъ всѣ окна были закрыты занавѣсками и двери заперты... Почти не сознавая, что этимъ осмотромъ она выдала свое желаніе остаться съ нимъ наединѣ, она, наконецъ, сѣла. Возня съ тяжелымъ бѣльемъ утомила ее; она дышала тяжело; щеки ея раскраснѣлись; сѣрые и зеленые цвѣта ландшафта отражались въ ея глазахъ.

Жанъ протянулъ ей руку. Она вспыхнула. Онъ смутился.

— Ну, что же... Вы не хотите... Или мы больше не друзья?

Она нашла, что голосъ его звучитъ какъ-то странно, и что взглядъ его не подходитъ ни къ звуку его голоса, ни къ смыслу словъ. Онъ, видимо, говорилъ одно, а думалъ о другомъ... И она тоже думала о другомъ, но говорить объ этомъ не могла.

Но все же протянула руку. И, соприкоснувшись, руки ихъ тотчасъ же крѣпко сжали одна другую, какъ будто это были отдѣльныя одушевленныя существа, съ отдѣльной жизнью: одно—властное и ласковое, другое — покорное и боязливое. Жанъ шепталъ:

— Дениза... Это въ первый разъ за сколько дней...

— Что въ первый разъ?

— Что мы хотя до нѣкоторой степени свободны... Еслибъ вы уѣхали съ докторомъ, я никогда бы не простилъ вамъ этого.

— Вы ревнуете?

— Не я ревную—вы это знаете... но я могъ бы ревновать.

— О, нѣтъ! Жанъ! Развѣ можно ставить въ вину отцу привязанность ко мнѣ, такое естественное чувство, достойное всяческаго уваженія... Его заботливость...

— Скажите лучше: его недовѣріе...

— Если хотите... Его недовѣріе оправдывается нашей дружбой... нашимъ тайнымъ соглашеніемъ... У меня никогда раньше не было секретовъ отъ него.

— Вы разсуждаете какъ маленькая дѣвочка,—раздраженно

выговорилъ Жанъ.—Любовь къ родителямъ — весьма почтенное чувство, но обязанности по отношенію къ нимъ у ребенка и у взрослой женщины вѣдь не однѣ и тѣ же... Вы взрослая, вы вольны имѣть свои секреты и привязанности, вольны располагать собой...

— Тише... Тише... не волнуйтесь! — успокоивала она его, нѣсколько огорченная его запальчивостью. — Юридически вы, конечно, правы: я вольна располагать собой. Дѣвица въ двадцать семь лѣтъ...—Она пыталась засмѣяться.—Но, фактически, я очень привязана къ отцу... Мы такъ долго жили въ одиночествѣ, поневолѣ вынужденные довольствоваться только другъ другомъ, что силою вещей наши естественныя узы стали болѣе тѣсными, быть-можетъ болѣе крѣпкими... Въ моей любви къ отцу много элементовъ дружбы...

— Какъ вы волнуетесь, когда говорите объ отцѣ!—вскричалъ онъ съ горечью. Нахлынувшая ревность совершенно вытѣснила въ немъ былую нѣжность.—Въ сущности, вы и сами не знаете, къ кому у васъ больше лежитъ сердце... Это можетъ привести въ уныніе... Ахъ, Дениза, Дениза! Никогда вы никого не полюбите такъ, какъ вы любите доктора... Напрасно онъ ревнуетъ... Что я такое рядомъ съ нимъ?.. чужой человѣкъ, насильно ворвавшійся въ вашу душу...

— Вы неблагодарное дитя... Ради васъ я лгу отцу, котораго нѣжно люблю... Ну, да, обманываю его своимъ молчаніемъ... А между тѣмъ, въ цѣломъ мірѣ онъ любитъ только меня одну, и я никого, кромѣ него, не любила—до вашего пріѣзда...

— А теперь?

Онъ слышалъ только послѣднія слова Денизы. И допытывался, боязливо:

— А теперь?.. съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ?.. Вы въ самомъ дѣлѣ... скажите... вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что любите меня?

— Неужели вы сомнѣваетесь?

Она была взволнована; лицо ея было серьезно, почти грустно, какъ у матери, которой докучаетъ любимое дитя. Но у нея не было тѣхъ влюбленныхъ глазъ, покорныхъ, затуманенныхъ и дивно прекрасныхъ, какіе онъ на минуту видѣлъ однажды, вечеромъ въ Сенъ-Дюминѣ...

И снова внутреннее чутье острымъ уколомъ въ душу подсказало Жану, что любимая дѣвушка даетъ ему лучшее, что есть въ ней, нѣжнѣйшій цвѣтокъ своей души—но не ту простую, человѣческую, плотскую любовь, какой ему хотѣлось.

Дениза лепетала:

— Въ чемъ вы упрекаете меня? Развѣ вы не увѣрены во мнѣ?

— Я былъ увѣренъ...

— А сейчасъ нѣтъ?

— Не знаю... ничего не знаю...

Онъ закрылъ глаза, припоминая... Ночь... нѣжный голосъ, полный ласки, говорившій: „Жанъ... Бѣдный Жанъ!"—успокоивая его въ часы мучительной безсонницы... Неужто онъ ошибся?.. Нѣтъ... его абсолютная увѣренность была внушена ему таинственнымъ внутреннимъ голосомъ, которому онъ вѣритъ больше, чѣмъ даже свидѣтельству чувствъ...

Отвѣчая на собственную мысль, онъ продолжалъ:

— Я былъ увѣренъ въ васъ. У меня были основанія быть увѣреннымъ. Въ вашей жизни была минута, когда вы меня любили... Не на берегу пруда... и не у окна, когда вы смотрѣли мнѣ въ самую глубь зрачковъ... Нѣтъ, тогда вы были совсѣмъ однѣ... И не думали объ отцѣ... А я...

Дениза поблѣднѣла. Оскорбленная, сама не зная чѣмъ, въ самыхъ тайникахъ своей дѣвичьей стыдливости, она выдернула свои руки изъ рукъ Жана.

— Какъ вы перемѣнились! — воскликнулъ онъ. — Какая вы стали осторожная, совѣстливая и скупая... ну, да, скупая... Какъ вы стараетесь продлить эту невыясненность положенія, которая мнѣ отвратительна... Дениза!

Онъ выпрямился, властный:

— Дениза! Я не могу больше выносить этого. Вы должны сказать... Что̀ у васъ въ душѣ? Вы неспособны на такое преступленіе — ну, да, преступленіе—вы неспособны играть мной, позволяя мнѣ думать, что я еще могу выздоровѣть, жить, любить васъ, быть любимымъ вами... Вы не кокетка. Вы не безсознательное существо. Въ ваши годы, при вашемъ воспитаніи, вы больше всякой другой молодой дѣвушки отвѣтственны за свои поступки...

Она не посмѣла возразить: „Вы молили у меня только нѣжности, не страсти, и я обѣщала вамъ только нѣжность... Я и такъ дала вамъ уже больше, чѣмъ обѣщала"...

Какой у него повелительный тонъ! Ни тѣни больше милаго ребячества въ его манерахъ. Даже лицо какъ будто стало другимъ — старше, мужественнѣе... Совсѣмъ другой человѣкъ, который уже не ищетъ забвенія опасности въ любовныхъ мечтахъ, но хочетъ строить будущее на реальной, твердой почвѣ.

— Я не умѣю растолковать вамъ моей мысли, милая Дениза... Я неловокъ, грубъ, потому что я очень взволнованъ... Это самый серьезный моментъ въ моей жизни... Если я ошибся... Не отвѣчайте, погодите... Если я ошибся, я не стану винить никого, кромѣ самого себя: все это время я жилъ слишкомъ замкнутой внутренней жизнью, я могъ самъ внушить себѣ... О, да! это вполнѣ возможно... Я только хочу знать... Дениза, я не спалъ вчера, когда прошелъ „будильщикъ"... Я слышалъ его пѣніе, звонъ колокольчика и все, что говорили вы съ отцомъ... Слышалъ, какъ вы испугались за меня, какъ рванулись ко мнѣ душой... или, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось, что я слышалъ... Дениза!

Она вскочила, словно хотѣла уйти. И вдругъ поблѣднѣла еще больше Жана и отвернула голову, пряча лицо.

Но ея безмолвіе было признаніемъ.

— Почему вы такъ испугались за меня, Дениза?—продолжалъ молодой человѣкъ, умышленно сдерживая себя, чтобъ не растрогаться.—Было ли это состраданіе? Или любовь?.. Дениза, милая, мнѣ такъ хотѣлось думать, что это была любовь. И я вовсе не пришелъ въ уныніе, а напротивъ, благословилъ этого стараго дурака Фоша, который думалъ, что принесъ мнѣ вѣсть о смерти, а принесъ мнѣ счастье... Дениза, развѣ вы не чувствовали, какъ я прижималъ руки и уста къ стѣнѣ, раздѣлявшей насъ? Вы плакали, а я кричалъ вамъ слова страсти... И мнѣ казалось, что я уже близокъ къ счастью... Неужто я ошибался, Дениза?.. Нѣтъ, нѣтъ, погодите, не отвѣчайте... Подумайте, прежде чѣмъ отвѣтить... Можетъ быть, раньше вы сказали мнѣ неправду по добротѣ души... Можетъ быть, вы пришли ко мнѣ не по своей свободной волѣ... Я самъ виноватъ. Я виню себя, только себя... Я былъ такъ малодушенъ, такъ жаждалъ жить, что насильно вырывалъ у васъ слова надежды... И вамъ вполнѣ простительно, если вы въ то время были не совсѣмъ искренни... Но теперь, когда силы вернулись ко мнѣ, я не хочу больше этой иллюзіи любви. Я самъ отвергаю ее. Я достаточно гордъ, достаточно силенъ, чтобы знать правду... Дениза, я не хочу, чтобъ вы отдали мнѣ свое сердце какъ милостыню. Я не хочу больше состраданія; мнѣ мало сестры и друга, которыми вы для меня были... Я хочу васъ всю, безъ оговорокъ, безъ ограниченій, какъ мужчина хочетъ женщины, жены... своей жены...

Обезсиленный этимъ порывомъ, Жанъ откинулся на подушки, и его вдругъ застывшее лицо выражало теперь только покорность фаталиста.

Онъ смотрѣлъ на эту женщину, которая однимъ словомъ могла даровать ему смерть или жизнь, и отъ нея заранѣе готовъ былъ принять все. Разъ она утрачена для него, онъ самъ радъ будетъ умереть... и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Жизнь, въ которой не будетъ Денизы, нимало его не интересуетъ...

Какъ онъ смотрѣлъ на нее и на все, ее окружающее, словно хотѣлъ навсегда запечатлѣть въ своей памяти ея образъ и эту минуту!.. Она была какъ будто центромъ міра. Небо, холмы, грушевыя деревья съ серебристой листвой существовали какъ будто только по ея волѣ и желанію. Ея золотые волосы втянули въ себя весь свѣтъ потемнѣвшаго ландшафта. Она была Судьба...

Руки Денизы слабо упали, ладонями вверхъ, на колѣни... И сразу все измѣнилось, и міръ, и душа Жана, какъ только молодой человѣкъ увидѣлъ ея глаза. Въ нихъ не было больше красокъ—одинъ только ясный свѣтъ, и они говорили краснорѣчивѣе словъ...

Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. И пролепеталъ:

— Такъ вы согласны?

Она отвѣтила:

— Согласна.

Онъ глубоко вздохнулъ, какъ бы возвращаясь къ жизни. И вдругъ забылъ всѣ слова, и не зналъ, что̀ сказать, что̀ сдѣлать... И молодая дѣвушка первая подала ему руку...

Онъ слегка приподнялся, привлекая къ себѣ Денизу; она скользнула, гибкая, и опустилась на колѣни, на траву, склоняясь къ Жану. Онъ шепталъ:

— Такъ это правда? Правда?..

И гладилъ ея волосы, пушистыя щечки, плечи... Еслибъ онъ поцѣловалъ ее, Дениза не отстранилась бы, но онъ не смѣлъ... Онъ только говорилъ:

— Вы увѣрены?

Она отвѣчала:

— Увѣрена.

— Моя любимая...

— Ну, теперь вы счастливы, Жанъ? Скажите, что вы счастливы.

— Не знаю, счастливъ ли я... Это настолько лучше счастья...

На дорогѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ночью стоялъ „будильщикъ", раздавался топотъ деревянныхъ башмаковъ, смѣхъ, перекликанье; но Дениза и Жанъ не слышали. И вдругъ, словно трель жаворонка, въ мягкій шорохъ весенняго дождика ворвался звонкій дѣтскій голосъ, пѣвшій „Аллилуйя"...

XVI.

Кайроль смотрѣлъ въ срединную щель полупритворенныхъ ставень, пропускавшихъ въ затемненный кабинетъ зеленый отсвѣтъ листьевъ и настойчивый запахъ сирени.

— Уѣхали!—сказалъ онъ.—Дениза правитъ. Они скоро будутъ въ Сенъ-Дюминѣ. А когда немного спадетъ жара, и мы поѣдемъ вслѣдъ за ними.

Альберъ Лапейри, лежавшій въ растяжку на старомъ диванѣ, проворчалъ:

— Вотъ еще каторжная повинность, этотъ обѣдъ...

— Никакъ нельзя было отказаться: баронесса такъ часто дѣлаетъ мнѣ одолженія, даетъ свой экипажъ для перевозки больныхъ и все такое... Она любитъ Денизу, интересуется Жаномъ; для нея радость собрать насъ всѣхъ у себя, пока вы еще здѣсь.

— Ничего не подѣлаешь... надо покориться.

Кайроль усѣлся на свое обычное мѣсто, передъ письменнымъ столомъ потемнѣвшаго дерева, и уже другимъ тономъ сказалъ:

— Ну, теперь, шуринъ, давай потолкуемъ.

— Давно пора!—воскликнулъ Лапейри.—Я всю дорогу думалъ: что-то я найду здѣсь... Что означаютъ твои пессимистическія письма? Откуда это рѣшеніе отправить Жана въ горы?.. Его письма въ послѣднее время были полны довѣрія, надежды, скажу больше: счастья... Я ждалъ всего, но ужъ никакъ не того необычайнаго, прямо-таки чудеснаго улучшенія, которое я вижу своими глазами... Монадузъ вылечилъ Жана, а ты хочешь, чтобъ онъ уѣхалъ изъ Монадуза.

— Ты сказалъ: улучшеніе, и это—самое правильное слово... Жанъ не излеченъ, и я никогда не говорилъ тебѣ, что онъ совершенно выздоровѣлъ.

— Но онъ можетъ выздоровѣть.

— Сомнѣваюсь... Согласимся на томъ, что прежнія наши опасенія, можетъ быть, и не сбудутся, и Жанъ протянетъ... нѣсколько мѣсяцевъ... пожалуй, даже нѣсколько лѣтъ.

— И то уже превосходно... ты можешь гордиться результатами своего леченья, Кайроль...

— Но, какъ бы то ни было, совершенно выздоровѣвшій, или больной, или только поправляющійся, Жанъ Фавьеръ не можетъ больше оставаться здѣсь.

— Почему?.. Онъ чѣмъ-нибудь не угодилъ тебѣ?.. Обидѣлъ тебя?.. Ты, повидимому, относился къ нему такъ хорошо...

— Ну да, я хорошо отношусь къ нему... я даже привязался къ нему, и, повѣрь, мнѣ самому больно отсылать его къ чужимъ людямъ... Но... неужели ты ничего не замѣтилъ, ничего не подозрѣваешь, Лапейри?.. Нѣтъ?.. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ? Ну, а я все вижу и понимаю. Жанъ Фавьеръ влюбился въ мою дочь.

Лапейри изумленно поднялъ брови.

— Да что ты?.. Въ Денизу?

Потомъ, поразмысливъ, прибавилъ:

— Чортъ побери! Тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, и ты, можетъ быть, и правъ... Онъ преклоняется передъ нею, говоритъ о ней съ такимъ энтузіазмомъ, что я иной разъ улыбался, читая его письма... Жанъ влюбленъ въ Денизу... Ну что же, это вполнѣ естественно... Дениза прелестная дѣвушка, и мой крестникъ, не видя возлѣ себя никакой другой женщины, сдѣлалъ ее единственной владычицей своихъ мыслей. Этотъ ребенокъ—вѣдь онъ еще совсѣмъ ребенокъ — всегда былъ влюбленъ въ какую-нибудь женщину, близкую или далекую, реальную или воображаемую... И какъ же относится къ этой влюбленности наша Дениза? Держу пари, что это немножко трогаетъ ее, немножко забавляетъ, и, въ общемъ, она все же чувствуетъ себя нѣсколько польщенною...

Вопросъ этотъ, предложенный не безъ добродушнаго лукавства, повидимому былъ непріятенъ Кайролю. Онъ отвѣтилъ сухо:

— Можешь быть увѣренъ, что Дениза нимало не чувствуетъ себя польщенной и что это вовсе ее не забавляетъ...

— И не трогаетъ?

— Надѣюсь. Она во всемъ смотритъ на вещи одинаково со мной...

— И, какъ ты, относится трагически къ этой ребяческой страсти, боится за свою добродѣтель?.. И просила тебя удалить этого опаснаго соблазнителя?.. Ну нѣтъ, Кайроль: Дениза слишкомъ умный и сердечный человѣкъ, чтобы обижаться этой любовью мальчика, романтической, но очень невинной — я готовъ поклясться въ томъ. Вѣдь я знаю Фавьера, какъ свои пять пальцевъ... Даже въ прежнее время, когда онъ былъ полонъ силъ и жизни, онъ не могъ бы проявить неуваженіе къ твоему дому. А теперь, когда ты выходилъ, можно сказать—воскресилъ его, онъ слишкомъ хорошо понимаетъ, чѣмъ онъ обязанъ тебѣ, чтобы...

— Не горячись. Я же не говорилъ, что Жанъ замышляетъ соблазнить мою дочь... Да она и не изъ тѣхъ, которыхъ можно соблазнить.

Докторъ всталъ и подошелъ къ Лапейри.

— Зачѣмъ ты заставляешь меня произносить такія слова? Это смѣшно... Я отлично знаю, что Фавьеръ относится къ Денизѣ съ уваженіемъ. Иначе я давно бы, больного или здороваго, вышвырнулъ его изъ своего дома... Богъ мой! я прежде всего отецъ, а затѣмъ ужъ врачъ... Но положеніе болѣе необычно и болѣе серьезно, чѣмъ ты думаешь... И мнѣ нужно твое содѣйствіе.

— Я сдѣлаю все, какъ ты скажешь... Вѣдь это я привезъ тебѣ Жана, и еслибъ его пребываніе въ твоемъ домѣ причинило тебѣ горе, отвѣтственность пала бы на меня. Ну полно. Успокойся. Изъ-за этого мы не поссоримся.

Докторъ подробно разсказалъ, какъ у него явились подозрѣнія, какъ онъ допрашивалъ дочь, какъ пытался слѣдить за каждымъ шагомъ молодыхъ людей и прислушиваться къ ихъ разговорамъ.

— Ничего предосудительнаго я не замѣтилъ, но все-таки многое меня тревожитъ: выраженіе лица... особый звукъ голоса... особая манера говорить самыя простыя вещи... И, въ особенности, это стремленіе Жана быть вдвоемъ съ Денизой, безъ меня...

— А она?

— Она ничего не подозрѣваетъ.

— О!..

— Увѣряю тебя... Я ее спрашивалъ. Она сказала только: „Ты ошибаешься, отецъ“. Такъ просто, искренно... И я не смѣлъ больше допытываться, боясь нарушить ея душевный покой, открывъ ей глаза на любовь, которая витаетъ вокругъ нея...

Онъ тяжело вздохнулъ.

— О, Лапейри, я сталъ недовѣрять самому себѣ: боюсь поддаться мелкому чувству отцовской ревности. Я двадцать разъ говорилъ себѣ, что мой долгъ врача, мой долгъ по отношенію къ больному, котораго я пріютилъ у своего очага, долженъ стоять выше эгоистическихъ тревогъ — быть-можетъ нелѣпыхъ, ни на чемъ не основанныхъ... Но нельзя отрицать очевидности: Жанъ любитъ Денизу. Если онъ еще не открылся ей въ своей любви, онъ откроется не сегодня-завтра...

— Ну такъ что же?... Велика бѣда! Разъ Дениза не любитъ его.

— Не любитъ-то она его, не любитъ — въ этомъ я увѣренъ... Но любовь заразительна. Денизу можетъ тронуть это обожаніе, окутывающее ее... Она чиста сердцемъ и покорилась своей участи... Но... она женщина...

— Не изъ тѣхъ, которыя легко влюбляются.

— Она женщина,—повторилъ Кайроль. — Она создана для брака и материнства. Любовь, витающая около нея, пробудитъ въ ея сердцѣ вполнѣ законную потребность въ иной нѣжности, которой я и наша здѣшняя жизнь ей дать не можемъ... И если эти смутныя сожалѣнія и смутныя мечты не найдутъ подъ рукой никакого иного объекта, кромѣ Жана, если онъ все время будетъ тутъ же, возлѣ, если она будетъ ухаживать за нимъ, жалѣть его... Охъ, ужъ эта жалость!... Ахъ! Ты самъ понимаешь всю опасность этого, Лапейри...

У Кайроля были слезы на глазахъ.

— Во мнѣ... не зависть говоритъ, а угрызенія совѣсти... Я слишкомъ легко примирился съ тѣмъ, что Дениза не выйдетъ замужъ; я не сдѣлалъ того, что мнѣ бы слѣдовало—не старался окружить ее молодежью, облегчить ей возможность встрѣчи... Правда, мы бѣдны, а женихи не любятъ безприданницъ... Мужчины такъ подлы... И все же я въ душѣ радовался, что они подлы, такъ какъ это сберегло Денизу, мою милую Денизу, для одного меня.

— Я не вижу, въ чемъ ты можешь упрекнуть себя, Кайроль. Такъ часто отцы прилагаютъ всѣ старанія, чтобъ выдать замужъ дочку, интригуютъ, ловятъ жениховъ — и безуспѣшно... Во Франціи столько дѣвушекъ не находятъ себѣ мужей.

— И страдаютъ отъ этого.

— Да, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а затѣмъ привыкаютъ...

— Достаточно случайной встрѣчи, чтобы разбудить въ нихъ молодость... Онѣ молчатъ; онѣ на видъ спокойны, а въ душѣ ихъ отчаяніе... И когда къ сожалѣнію о томъ, что онѣ не вышли замужъ, примѣшивается тоска по ребенкѣ, какъ ты думаешь, что тогда происходитъ въ ихъ душахъ?...

Альберъ Лапейри задумался.

— А если... это простое предположеніе... что если и Дениза полюбила Жана, ты бы не согласился?...

— О, Лапейри!—съ негодованіемъ вскричалъ Кайроль.

— Такъ какъ же ты рѣшилъ?

— Ты увезешь отсюда Жана, поселишь его гдѣ-нибудь въ Пиренеяхъ... А осенью...

— Ты опять возьмешь его къ себѣ?

— Быть можетъ... Онъ увѣренъ въ этомъ, и я не возражаю... Но, между нами, я ничего не обѣщаю...

— Пусть будетъ такъ.

— Онъ согласился добровольно, хотя и огорченъ немного... Онъ не смѣетъ ослушаться меня—не хочетъ разсердить меня... Бѣдняга.

— А Дениза?

— Дениза поѣдетъ погостить къ нашей кузинѣ въ Клермонъ. Ей надо перемѣнить обстановку, разсѣяться, увидать новыя лица... Она вѣдь очень моложава, не правда ли? И граціозна, кротка, мила... Мнѣ она кажется красавицей.

— Да,—задумчиво и умиленно выговорилъ Лапейри.—Она красива... И притомъ добра, умна, мужественна... Я оцѣнилъ ее вполнѣ прошлой зимой, когда привезъ къ вамъ Жана... Но, какъ и тебѣ, мнѣ не приходило въ голову, чтобы этотъ больной ребенокъ могъ въ нее влюбиться... Дениза... Да, она представлялась мнѣ однимъ изъ тѣхъ исключительныхъ существъ, которыя стоятъ внѣ любви и выше любви. Увы! Эти исключительныя существа мы такъ легко приносимъ въ жертву, потому что онѣ съ улыбкой принимаютъ на себя подвигъ и жертву, какъ нѣчто вполнѣ естественное. Онѣ говорятъ, что счастливы жить для другихъ, и только для другихъ. И мы имъ вѣримъ—намъ такъ удобно вѣрить...

Кайроль схватился руками за голову.

— Ты коснулся самаго больного мѣста въ моей душѣ, — выговорилъ онъ страдальческимъ тономъ.—Какъ я могъ обречь на подвигъ единственное существо, которое мнѣ дорого, пренебречь насущнѣйшими потребностями ея души... Это было какое-то ослѣпленіе съ моей стороны, и обстоятельства благопріятствовали ему. Я не видѣлъ никакой возможности измѣнить нашу жизнь. Переселиться въ большой городъ... Слишкомъ поздно! Я былъ прикованъ къ Монадузу, здѣсь моя жизнь уже наладилась; въ другомъ мѣстѣ я рисковалъ неудачей, быть-можетъ нищетой... Знакомиться съ сосѣдями... Я пробовалъ... Но во французской провинціи люди средняго сословія не женятся по любви; они „устраиваютъ“ браки соотвѣтственно своему семейному и профессіональному положенію... И я давно уже понялъ, что мадемуазель Кайроль не числится въ составѣ мѣстныхъ невѣстъ...

— Такъ не ты же въ этомъ виноватъ.

— Нѣтъ, не я... Но почему же меня мучитъ совѣсть?... Я чувствую, что я не вполнѣ выполнилъ свой долгъ отца...

Будь у меня не дочь, а сынъ, я, давъ ему воспитаніе, образованіе и возможность заработать себѣ кусокъ хлѣба, сказалъ бы ему: „Теперь иди, мой мальчикъ, и устраивай самъ свою жизнь, свое гнѣздо. Ищи себѣ подруги. Твое счастье въ твоихъ рукахъ. Я уже больше ничего не могу для тебя сдѣлать“... Но во Франціи, въ томъ обществѣ, гдѣ мы живемъ, отецъ не можетъ сказать двадцатилѣтней дочери: „Устраивайся, какъ знаешь. Ищи себѣ мужа“. Онъ самъ обязанъ подыскать жениховъ, изъ которыхъ бы его дочь могла выбирать... И если онъ не обезпечилъ своей дочери любви и защиты мужа, онъ не можетъ сказать, что до конца выполнилъ свой отцовскій долгъ.

— Есть же бѣдныя дѣвушки, которыя сами выходятъ замужъ.

— Въ большихъ городахъ—можетъ быть, но не въ Монадузѣ... Вѣдь Дениза не видитъ никого, кромѣ крестьянъ. У насъ совсѣмъ нѣтъ близкихъ знакомыхъ въ Тюллѣ. Единственный мужчина, полюбившій ее—Жанъ Фавьеръ.

Лапейри свернулъ папироску и, слегка взволнованнымъ голосомъ, но не безъ ироніи, возразилъ, указывая на бюстъ Конта, отражавшійся въ тускломъ зеркалѣ камина:

— Однако, шуринъ, твой духовный отецъ, Огюстъ Контъ, предвидѣлъ такіе случаи... Для людей, которымъ не слѣдуетъ имѣть дѣтей: для больныхъ, для вырождающихся, одаренныхъ нѣжнымъ сердцемъ и страдающихъ отъ одиночества, онъ мечталъ о цѣломудренныхъ бракахъ...

— Идея Конта прекрасна и великодушна,—возразилъ Кайроль.—Но человѣчество еще слишкомъ несовершенно для того, чтобы такія комбинаціи могли имѣть успѣхъ... Я не довѣряю...

— Какъ? Ты не отдалъ бы Денизы Жану... даже и въ качествѣ... жены-сестры... Напрасно!

Кайроль поднялся со стула.

— Будетъ! Довольно объ этомъ. Я больше не могу... Разъ я рѣшилъ, къ чему объ этомъ говорить?... Есть гипотезы, которыя слишкомъ претятъ...

XVII.

Г-жа де Сенъ-Дюминъ, вся ушедшая въ плетеную „геритку“, защищавшую ее отъ солнца, долго сжимала въ своихъ маленькихъ холодныхъ ручкахъ руку Альбера Лапейри. Она знала его ребенкомъ: онъ часто приходилъ играть въ замокъ, вмѣстѣ

съ своей сестрою, матерью Денизы, когда г-жа де Сенъ-Дюминъ сама была еще совсѣмъ молоденькой.

Чай былъ сервированъ на простомъ деревянномъ столѣ, на лужайкѣ, сбѣгавшей по откосу къ небольшой дубовой рощицѣ. Дениза и Жанъ, сидя неподалеку другъ отъ друга на складныхъ садовыхъ стульяхъ, обтянутыхъ парусиной, бесѣдовали съ управляющимъ Ноальякомъ и гостями, пріѣхавшими изъ Тюлля на автомобилѣ. Жанъ говорилъ больше Денизы, съ какой-то лихорадочною нервной оживленностью, а молодая дѣвушка по временамъ какъ будто забывалась, уходя въ свои мысли...

Ея сѣрое платье, самое парадное, котораго бы не надѣла парижская горничная, было сшито не по модѣ. Какъ и всѣ платья Денизы, оно было особаго покроя: юбка широкая и пышная, корсажъ, плотно обтягивающій, какъ въ амазонкѣ, дивную грудь и красивыя руки. Изъ-подъ бѣленькаго воротничка спускалось жабо изъ тонкаго плиссированнаго тюля. На роскошныхъ волосахъ цвѣта осеннихъ листьевъ изящно сидѣлъ сѣрый соломенный токъ, отдѣланный сѣрымъ же муссалиномъ, болѣе темнаго оттѣнка, и голубовато-пепельными крылышками морскихъ птицъ.

Молодой адвокатъ изъ Тюлля и офицеръ, разсказывавшій разныя приключенія съ автомобилями, съ удовольствіемъ смотрѣли на эту красивую дѣвушку, но она почти не замѣчала ихъ. Лапейри, поздоровавшись съ хозяйкой, сѣлъ около нея.

„Въ душѣ она грустна, — говорилъ онъ себѣ. — Влюблена она или нѣтъ, но ей жаль утратить неизмѣннаго товарища, требовательнаго, но милаго и, быть-можетъ, нѣжнаго, дѣлившаго съ ней ея одиночество. Кайроль хорошо дѣлаетъ, что отсылаетъ ее изъ дому... Милая Дениза!..“

Вслухъ онъ спросилъ:

— О чемъ ты думаешь?

— О томъ, что трава уже высокая, и сѣнокосъ въ этомъ году начнется рано... Черезъ три недѣли на лугу нельзя будетъ найти ни одной маргаритки... Какъ время идетъ!.. Мы старѣемся, дядя Альберъ.

Онъ засмѣялся.

— Я увѣренъ, что эти господа не находятъ тебя слишкомъ старой...

— Повѣрьте мнѣ, ихъ мнѣніе нимало меня не интересуетъ.

— Ну, спроси Жана.

— Вашъ крестникъ видитъ меня въ розовомъ свѣтѣ, потому что у него благодарная душа.

— И хорошо дѣлаетъ... Какъ ты думаешь, Дениза, онъ охотно покидаетъ васъ?

— Онъ хочетъ выздоровѣть... Притомъ же, онъ вернется.

Жанъ неожиданно обернулся.

— Я вернусь осенью. Но уѣзжаю я неохотно, мадемуазелль. Я уѣзжаю по приказу доктора... Развѣ мнѣ можетъ быть гдѣ-нибудь лучше, чѣмъ въ Монадузѣ?.. Ахъ, крестный, ужъ вы приготовьтесь заранѣе къ тому, что я иногда буду грустить; это неизбѣжно... Я вѣдь далъ клятву никогда больше не поступать въ санаторію.

— На нѣсколько недѣль — это не такъ уже ужасно, мой мальчикъ... Въ сентябрѣ ты съѣздишь къ матери, а въ концѣ октября...

— Поѣду посмотрѣть мой домикъ въ Арлѣ, который мнѣ завѣщала бабушка... О, еслибъ вы увидали этотъ домикъ, мадемуазель Дениза, вы сразу полюбили бы его... Но, можетъ быть, когда-нибудь вы и увидите его... Что, еслибы вы какъ-нибудь побывали у насъ на югѣ, вмѣстѣ съ докторомъ?.. Не говорите: нѣтъ. Кто знаетъ, что сулитъ намъ будущее.

— Раньше, чѣмъ я соберусь на югъ, вы сами, Жанъ, прiѣдете къ намъ въ Монадузъ.

— Да, я прiѣду посмотрѣть, какъ желтѣютъ листья въ Сенъ-Дюминѣ... Какъ онъ, должно-быть, красивъ, этотъ паркъ, въ своемъ осеннемъ уборѣ!

— Вамъ онъ очень понравился бы, мсье Фавьеръ, — вмѣшалась баронесса. — Я какъ разъ сегодня велѣла срубить нѣсколько деревьевъ, которыя загораживали чудесный видъ на горы... Дровосѣки уже за работой. Слышите, какъ стучатъ топоры?

— Наши мужики не торопятся, — сказалъ управляющiй. — Пойду посмотрю, принялись ли они уже за дубъ... А какъ насчетъ стараго дуба, баронесса? Вы твердо рѣшили пожертвовать имъ?

— Я хочу еще разъ взглянуть на него, прежде чѣмъ окончательно рѣшить, — сказала баронесса. — Идемте, господа... Г. Лапейри, вы навѣрное помните, какъ вырубали массами деревья около пруда въ... 72-мъ или 73-мъ году... не помню хорошенько?.. Ваша мама, Дениза, была тогда еще незамужемъ...

Она взяла подъ руку молодую дѣвушку и всѣ вмѣстѣ дошли до конца длинной аллеи, куда все слышнѣй доносился стукъ топоровъ и даже голоса невидимыхъ дровосѣковъ.

Управляющiй крикнулъ:

— Сюда пожалуйте!

И, минуту спустя:

— Берегитесь!

Въ зеленой листвѣ что-то прошумѣло; потомъ глухо стукнулось о землю... Это букъ упалъ на своихъ раньше его рухнувшихъ братьевъ.

— Можно подойти ближе, Бенейту? — спросилъ Ноальякъ.

Ихъ было четверо, работавшихъ съ утра: старикъ Бенейту, братья Тузакъ и Марсіаль Вейдреннъ.

Они отошли въ сторонку, чтобы дать мѣсто господамъ, и каждый изъ пришедшихъ по очереди долженъ былъ высказать свое мнѣніе. Г-жа де-Сенъ-Дюминъ, сидя на мшистомъ бугрѣ, говорила:

— Мнѣ кажется, дубъ надо бы пощадить.

Кайроль и офицеръ увѣряли, что старое дерево, расщепленное громомъ, не стоитъ того, чтобы ради него испортить такой чудный видъ на ущелья и холмы. Тогда баронесса попросила ихъ отойти подальше, на лужайку, чтобы посмотрѣть, получится ли красивый просвѣтъ, если срубить и дубъ.

Лапейри остался съ нею, управляющій — также. Дениза и Жанъ стояли поодаль, ближе къ дровосѣкамъ, которые, одинъ за другимъ, здоровались съ молодой дѣвушкой.

Всѣ они были въ панталонахъ земляного цвѣта и рубашкахъ изъ бумажной фланели, съ засученными рукавами, изъ-подъ которыхъ видны были ихъ руки, темныя какъ древесная кора, съ набухшими жилами, подобными налитымъ сокомъ корнямъ. Рубашка Вейдренна широко распахнулась на груди, обнаруживъ торсъ много бѣлѣе загорѣлой шеи, крѣпкій, точно сбитый, съ гладкой кожей, торсъ худощаваго атлета. Жанъ смотрѣлъ на него съ любопытствомъ, въ которомъ было и восхищеніе, и доля зависти.

Онъ не могъ удержаться чтобы не сказать:

— Красивый, всетаки, звѣрь этотъ Вейдреннъ... У него мускулы какъ у статуи Гладіатора.

Но во взглядѣ Денизы сквозило отвращеніе.

— Вы находите его красивымъ?.. Въ самомъ дѣлѣ?.. По моему, это животное.

Жанъ не протестовалъ. Онъ былъ доволенъ, что Дениза не восхищается этимъ дикаремъ, съ низкимъ лбомъ и могучею грудною клѣткой, такъ увѣренно стоящимъ на своихъ крѣпкихъ, немного дугообразныхъ ногахъ.

Управляющій, слышавшій ихъ разговоръ, сказалъ въ полголоса:

— Этотъ молодецъ силенъ какъ быкъ, но всетаки это ка-

налья... Другіе терпятъ его только потому, что боятся его... Я уже нѣсколько разъ готовъ былъ уволить его. Онъ способенъ на все, этотъ Вейдреннъ.

— Даже на работу,—улыбнулась Дениза.

— Это теперь на него такой стихъ нашелъ, но будьте спокойны—это не надолго. Волка сколько ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ... Еслибъ не баронесса, ни за что бы я не взялъ на службу этого субъекта...

Онъ отскочилъ въ сторону: топоръ Вейдренна упалъ чуть-чуть ему не на ногу.

— Осторожнѣй, чортъ возьми!.. Вотъ еще оселъ, который не умѣетъ удержать въ рукѣ топоръ!

— Всякому свое, г. Ноальякъ: дерева языкомъ не срубишь, даже когда онъ остеръ,—нагло откликнулся Вейдреннъ.

Онъ приблизился къ маленькому буку, совсѣмъ такому, какъ только-что упавшій, и топоромъ ударилъ по стволу, серебристо-сѣрому; обнаружилась блѣдная полоска надрѣзанной сердцевины. Тогда старикъ Бенейту вложилъ въ рану на стволѣ свою пилу, и оба дровосѣка мѣрнымъ движеніемъ принялись водить ею изъ стороны въ сторону. Пила проникала внутрь безъ усилій и, казалось, безрезультатно, такъ какъ красивое, стройное дерево даже не дрогнуло... Но вдругъ раздался предостерегающій крикъ:

— Наза-а-дъ!

И съ легкимъ, едва слышнымъ трескомъ букъ упалъ, граціозно и трогательно, какъ юный раненый богъ. Упалъ такъ, что не сломалось ни единой вѣтки, не оторвалось ни одного листика, еще блестящаго отъ липкихъ соковъ, заключающихся въ почкахъ. На пенькѣ, срѣзанномъ ровно, безъ единаго излома, видна была мязга, сливочно-бѣлая, какъ шапочка лугового гриба.

Управляющій скомандовалъ:

— Теперь за дубъ!

Прадѣдъ всѣхъ этихъ деревьевъ, лѣсной титанъ, который молнія могла только поранить, но не свалить, стоялъ теперь, среди своихъ поваленныхъ внуковъ, въ самомъ центрѣ образовавшейся прогалины. Корни его, искривленные, клубящіеся, какъ пиѳоны, выходили наружу, приподнимая мохъ, простирались неожиданными развѣтвленіями и снова уходили въ землю, такіе же длинные, какъ и вѣтви, тянувшіяся къ небу. Стволъ, съ сѣверной стороны обросшій мхомъ, словно серебрянымъ мѣхомъ, жилъ напряженной жизнью, втягивая въ себя всѣ соки изъ почвы, весь воздухъ, вдыхаемый порами листьевъ. Вверху и внизу дерево жило одинаково интенсивной жизнью, тамъ—воз-

душной и радостной, здѣсь — темной и трудной, но всюду кипучей и мощной.

Вейдреннъ походилъ немного вокругъ дерева, какъ хитрый противникъ, выбирающій наиболѣе удобное мѣсто для удара, соображая и прикидывая, сколько мѣста можетъ занять упавшее дерево. Наконецъ рѣшился и, разставивъ ноги, заранѣе весь въ поту, но видимо довольный, что онъ можетъ свалить этакое лѣсное чудище, поднялъ топоръ и ударилъ... Отъ удара вздрогнули всѣ свидѣтели этого неравнаго поединка между деревомъ и человѣкомъ. Бенейту, въ свою очередь, поднялъ топоръ, и оба дровосѣка принялись поочередно наносить удары, ритмическимъ, почти музыкальнымъ движеніемъ, пѣвшимъ отходную старому дубу. Никакого отклика: ни шелеста, ни шороха въ вѣтвяхъ... Дерево продолжало жить своей безсознательной жизнью, въ которой, быть можетъ, еще трепетало желаніе новаго цвѣта и надежда на плодъ. Продолжало игнорировать человѣка. Но вотъ пила врѣзалась ему въ бокъ. Крохотные зубчики съ насмѣшливымъ скрипомъ впивались все глубже; изъ узкой, но глубокой раны сыпалась мелкая красная пыль... Въ густой листвѣ поднялся переполохъ: взлеты, испуганные птичьи крики...

— Птицы улетаютъ, — сказала Дениза.

Была пора, когда каждое дерево несетъ на себѣ гнѣзда, словно звучащіе плоды. Черноголовыя малиновки, зяблики, дрозды, весь этотъ пернатый народецъ, вѣрившій въ мощь стараго дуба и пріютившій въ его вѣтвяхъ свою любовь, былъ взволнованъ предчувствіемъ непонятной, необъяснимой катастрофы... Матери испуганно метались надъ еще неостывшими яйцами, надъ слѣпыми и голыми птенчиками... Внезапно дубъ какъ будто проснулся и ожилъ. Онъ затрепеталъ весь и какъ-то нежданно крякнулъ, пронзительно и жалобно, словно живое существо, заявлявшее, что оно не желаетъ умирать. Вся листва задрожала, заструилась, и дерево медленно свалилось, придавивъ другія. Эхо донесло шумъ его паденія до самаго Монадуза.

Вейдреннъ пнулъ ногой поверженнаго великана.

— Наконецъ-то... свалили тебя.

Тѣмъ временемъ Ноальякъ разглядывалъ стволъ и соображалъ, сколько изъ него выйдетъ досокъ и дровъ для топки. Обнаженная плотная сердцевина переливалась красивыми волнами отъ желтаго цвѣта къ коричневому, а вокругъ нея шелъ слой мязги, какъ нѣжное тѣло подъ грубой морщинистой эпидермой. Дениза положила ладонь на это волокнистое мясо, живое и холодное, влажное отъ выступившаго на немъ сока.

Теперь въ лѣсной твердынѣ была пробита брешь... И на горизонтѣ, на фонѣ неба, гдѣ разорванные хлопья облаковъ ложились блѣдными, прозрачными дорожками, вырисовывались горы, голубыя и зеленыя. Издали доносились голоса, кричавшіе:

— Рубите дальше вправо, до березъ!

Дровосѣки снова принялись за работу. Г-жа де Сенъ-Дюминъ и Лапейри бесѣдовали съ управляющимъ.

Жанъ Фавьеръ отошелъ немного въ сторону и взглядомъ звалъ за собой Денизу, которая пошла за нимъ, на каждомъ шагу останавливаясь, чтобы сорвать цвѣтокъ. Жанъ поминутно оборачивался къ ней, и глаза его молили: „Дальше! дальше!"

Въ ста метрахъ отъ того мѣста, гдѣ рубили деревья, почва образовала углубленіе, формой напоминавшее чашу. Изъ этой чаши неслось такое сильное, одуряющее благоуханіе, что Дениза и Жанъ въ первый моментъ отшатнулись, потомъ почувствовали себя сладко отуманенными. Вся лощинка, окутанная сѣро-зеленой тѣнью, была ярко-лиловаго цвѣта—отъ множества гіацинтовъ, стиснутыхъ, но живучихъ подъ грудой прошлогоднихъ листьевъ.

Дениза и Жанъ остановились, и молодой человѣкъ, полный жажды ласки, обнялъ рукою станъ своей невѣсты. Дѣвушка тихонько отстранила его:

— Осторожнѣе!

Онъ пролепеталъ:

— Я завтра уѣзжаю.

— Мы должны вооружиться мужествомъ.

— У меня его достаточно,—вы видите сами, разъ я могъ не выдать себя при постороннихъ... Неужто вы думаете, что они меня хоть сколько-нибудь интересуютъ и что я не предпочелъ бы быть съ вами наединѣ?

— Наединѣ—это невозможно: мой отецъ и дядя ни за что не оставятъ насъ однихъ... Ахъ, мой бѣдный другъ: разъ мы уже рѣшили принести себя въ жертву, будемъ же беречь наши силы и сдерживать себя, чтобъ не растрогаться.

— Вамъ это легко: вы—олицетворенное благоразуміе!—съ горечью сказалъ онъ.

— Ну вотъ! Зачѣмъ же быть несправедливымъ? Мнѣ и такъ больно...

— Правда? Больно?..

— Гораздо больше, чѣмъ вы думаете... Я буду такъ одинока...

— У васъ остается вашъ отецъ.

— Онъ не можетъ замѣнить васъ.

— Вы будете писать мнѣ?

— О, да! Часто!

— А я каждый вечеръ... Я не вынесъ бы разлуки, еслибы между нами не сохранилось хоть этой связи...

Она прислонилась къ стволу березы. Вуаль ея соскользнулъ со шляпки, но она не поднимала его. Она смотрѣла вдаль, и влажный блескъ ея зрачковъ казался зеленымъ отъ отсвѣта листьевъ.

Она думала обо всемъ пережитомъ ею послѣ Пасхи... За какихъ-нибудь двадцать пять дней она пережила душою больше, чѣмъ за всѣ двадцать семь лѣтъ своей жизни—столько въ нихъ было мучительной тревоги, тяжелаго недовольства собой, лжи и упрековъ совѣсти. Какъ часто ей хотѣлось, чтобъ это поскорѣе кончилось, — а теперь эти дни кажутся ей такъ странно прекрасными, такъ быстро миновавшими... Она не знала, не подозрѣвала, какъ можетъ дѣйствовать постоянно-любующійся взглядъ мужчины на разумъ, на волю женщины, проникая въ кровь ея разнѣживающимъ тепломъ, обволакивая ее, какъ атмосфера, въ которой она движется, какъ платье, которое на ней надѣто. Дениза не думала, что это такъ страшно и такъ сладко— быть любимой, почти такъ же страшно и сладко, какъ любить самой. Такъ страшно и такъ сладко, что она ни о чемъ другомъ не могла и думать, не могла ясно припомнить прошлаго. Въ своей собственной жизни она была теперь какъ въ чужомъ домѣ, разучилась думать и чувствовать какъ прежде—и это тоже было ей мучительно... Она чувствовала себя неблагодарной, измѣнницей... Но, въ глубинѣ души, знала, что долго это не можетъ тянуться, что она переживаетъ кризисъ и что съ отъѣздомъ Жана она станетъ вновь сама собой.

Она успокаивалась, когда думала объ этомъ отъѣздѣ, находила въ немъ оправданіе передъ своей совѣстью, и въ то же время забывала о немъ, когда Жану удавалось заставить ее раздѣлить его иллюзію, когда она неожиданно чувствовала себя счастливой возлѣ него—тревожнымъ счастьемъ, всегда близкимъ къ слезамъ.

И Жанъ Фавьеръ тоже думалъ объ этомъ мѣсяцѣ, въ теченіе котораго, какъ онъ выражался, онъ только и дѣлалъ, что глядѣлъ на свою невѣсту и слушалъ ее, чтобъ „выучить ее наизусть“. Онъ былъ просто счастливъ въ эти дни, не провѣряя себя, не сопротивляясь.

Вся его душа стремилась къ Денизѣ, какъ ручей по откосу... И страдалъ онъ теперь такъ же просто.

Онъ твердилъ, что будетъ писать ей каждый день, и ее просилъ дѣлать то же. И писать обо всемъ подробно, каждую свою мысль, всѣ мелочи, въ какомъ она платьѣ была въ тотъ день, и какова погода въ Монадузѣ, и что дѣлаютъ всѣ окружающіе.

Она обѣщала все, о чемъ онъ просилъ; потомъ спросила:

— А вы?—будете писать мнѣ всю правду о своемъ здоровьѣ?... Это очень меня безпокоитъ... Чего добраго, боясь встревожить меня, вы и не напишете, когда устанете... или поступите неблагоразумно...

— Почему вы думаете?

— Допустимъ... разумѣется, это невѣроятно... но еслибы вамъ стало нехорошо... еслибы вы захворали—вы бы написали мнѣ?

— Ну, конечно... Я слишкомъ привыкъ къ вашимъ заботамъ, къ вашему уходу, слишкомъ избалованъ вами... Я написалъ бы вамъ: „Думайте обо мнѣ; хоть издали пожалѣйте меня, побалуйте меня...“ И вы исцѣлили бы меня на разстояніи, телепатіей?

— Навѣрное.

— А еслибы я серьезно захворалъ, и звалъ бы васъ къ себѣ—что бы вы сдѣлали?

— Не говорите такъ. Вы не должны хворать.

— А вдругъ?

— Васъ перевезли бы сюда.

— А еслибъ меня нельзя было перевезти?

— Что за мысль!

— Отвѣчайте... Что бы вы сдѣлали?

— Поѣхала бы къ вамъ.

— Правда?

— Клянусь вамъ!

Тонъ ея голоса былъ даже слишкомъ серьезенъ, и онъ видѣлъ, какъ она поблѣднѣла. Онъ едва не спросилъ: „Такъ вы думаете, что это можетъ случиться?“ Но удержался и даже заставилъ себя улыбнуться:

— Не клянитесь. Просто обѣщайте. Я не люблю клятвъ, которыя связываютъ... Даже и обѣщать не слѣдуетъ... Мой вопросъ былъ нескроменъ. Вы свободны. Слушайтесь только вашего сердца.

Она пожала плечами.

— Узнаю васъ. Вы не хотите, чтобъ у меня были какія-нибудь обязанности по отношенію къ вамъ... Какая ребяческая гордость... Да какъ же у меня можетъ не быть обязанностей по отношенію къ вамъ, разъ я ваша невѣста?!

— Въ моей гордости много смиренія... Я — такое жалкое существо, Дениза. Я такъ много получилъ отъ васъ и такъ мало далъ... Счастье, что наша жизнь вся еще впереди... Я заплачу свой долгъ.

— Нѣтъ у васъ никакого долга.

Онъ сорвалъ вѣтку и принялся сбивать ею высокіе стебли отцвѣтшихъ гіацинтовъ.

— Нѣтъ, есть... И я уплачу его, сдѣлавъ васъ счастливой, моя любимая... Какъ это сдѣлать... Я еще не знаю, но сдѣлаю... Вотъ почему я нашелъ въ себѣ мужество разстаться съ вами... Я долженъ выздоровѣть, совершенно — чтобы вашъ отецъ не имѣлъ права отказать мнѣ... Но это тяжко, очень тяжко.

— Ради меня, Жанъ!

— Ради васъ, да, я буду мужественъ.

Солнце уже слегка склонялось къ западу, золотя верхушки высокихъ буковъ. Обезсиленная печалью и нѣжностью, Дениза прижалась щекой къ плечу Жана.

— Мой другъ... мой маленькій... Простимся здѣсь, среди деревьевъ и цвѣтовъ... Кто знаетъ, удастся ли намъ до завтра хоть на минуту остаться вдвоемъ. Я хочу сохранить въ памяти это мгновенье.

— И это, и всѣ другія... У насъ столько чудныхъ воспоминаній... ночь подъ Рождество... тотъ день, когда шелъ снѣгъ, и вы готовили мнѣ лимонадъ... когда вы мнѣ читали...

— А наши прогулки...

— Вы сохранили серебряный виноградъ?

— Да.

— А колечко изъ двухъ сплетенныхъ рукъ — вы его потеряли.

Подъ ритмическій стукъ топоровъ и одуряющій запахъ гіацинтовъ они понемногу переживали все прошлое.

Жанъ прижималъ Денизу къ своей груди.

— Скажите, что вы меня любите... Я хочу слышать это слово изъ вашихъ устъ... еще разъ...

— Я люблю васъ, Жанъ.

— Какъ друга?

— Нѣтъ.

— Изъ жалости? Или по настоящему?

— Люблю по настоящему.

Она не лгала въ эту минуту, такъ какъ не думала объ условномъ смыслѣ словъ, которыя произносила. Развѣ можно любить такъ или иначе... Она просто любитъ...

Ихъ давно звали:

— Мадемуазель Дениза... Дениза...

— Васъ ищутъ,—сказалъ Жанъ.—Идите къ нимъ. Скорѣе... скажите вашимъ друзьямъ, чтд хотите... что я пошелъ гулять одинъ... что они меня увидятъ въ замкѣ... Я не могу ихъ видѣть сейчасъ...

— Жанъ!

— Прощайте.

— Жанъ!

Она не могла оторваться отъ него, оставить его одного съ его любовной тоской. Но онъ сорвалъ съ нея сѣрый вуаль, еле державшійся на одной булавкѣ, разорванный и смятый, прижалъ его къ губамъ молодой дѣвушки и оттолкнулъ ее.

— Пора... Уходите!

Дениза бѣжала, ничего не видя отъ слезъ, къ опушкѣ, откуда ее продолжали звать. Ея платье мелькало между деревьями, сѣрое, какъ опереніе дикой голубки. Жанъ смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она не скрылась изъ виду, потомъ пошелъ, куда глаза глядятъ, прямо въ чащу. Повсюду скрещивались тропинки, открывая узкія перспективы, окутанныя зеленымъ сумракомъ. Всюду подъ ногами стлались ковромъ гіацинты... За молодой порослью каштановъ жидкимъ перламутромъ блестѣлъ прудъ, окаймленный золотомъ цвѣтущаго дрока. Жанъ легъ на землю, на мягкій коверъ изъ мха и прошлогоднихъ листьевъ, и спряталъ лицо въ сѣрый вуаль, еще сохранявшій теплоту волосъ, кожи, дыханія любимой женщины. Отъ одного этого прикосновенія въ юношѣ загорѣлась кровь, и онъ всѣмъ существомъ рванулся къ своей милой, но она была уже далеко...

Запахъ гіацинтовъ давилъ его, какъ будто воздухъ кругомъ былъ пропитанъ испареніями любовнаго напитка. И каждый разъ какъ въ паркѣ, вдали, падало дерево, Жанъ ощущалъ, какъ вздрагивало подъ нимъ материнское лоно земли.

XVIII.

Еще разъ Жанъ сидѣлъ за общимъ семейнымъ столомъ, между Денизой и Кайролемъ. Еще разъ смотрѣлъ, какъ ползли бѣлыя сумерки по деревяннымъ панелямъ, обезцвѣчивая золото барометра, и замирали въ бѣлизнѣ занавѣсокъ. Еще разъ видѣлъ жестъ Денизы, зажигающей большую фарфоровую лампу, и желтый отблескъ свѣта на скатерти и на лицахъ, отъ котораго

окна казались синеватыми. Привычное зрѣлище, монотонная обрядность вечеровъ, скромные предметы неодушевленнаго міра: старая печка, головы косулей на стѣнахъ, литографіи въ темныхъ рамкахъ... Но съ какой благоговѣйной любовью вглядывался Жанъ Фавьеръ во всѣ эти предметы, которые скоро будутъ облагорожены воспоминаніемъ!..

Какъ часто потомъ всѣ эти знакомые предметы, вставая въ его воспоминаніи, воскрешали передъ нимъ ихъ маленькій мірокъ, сѣрую комнату, гдѣ Дениза Кайроль каждый вечеръ, лишь только смеркнется, зажигаетъ лампу, однимъ и тѣмъ же жестомъ. И стоило изгнаннику закрыть глаза, чтобъ отодвинуть отъ себя новую обстановку своей жизни, какъ эти образы являлись ему, раскрывая въ его душѣ источникъ желаній и слезъ...

Докторъ не говорилъ ни слова: его печалилъ этотъ отъѣздъ, котораго онъ самъ желалъ. Инстинктъ покровительства слабымъ, столь живучій и крѣпкій въ этомъ сильномъ человѣкѣ, до сихъ поръ говорившій исключительно въ пользу Денизы, вступался теперь за бѣднаго юношу, который пришелъ къ нему молить о жизни и уходилъ теперь съ довѣріемъ въ душѣ и со смертью въ груди.

„Я сдѣлалъ все, что̀ долженъ былъ, что̀ могъ сдѣлать... больше я ничего не могу... О, совѣсть моя покойна...“

Тѣмъ не менѣе, ему было грустно, и Лапейри напрасно старался оживить этотъ послѣдній ужинъ, черезчуръ угрюмый, почти зловѣщій.

Франсунетта предупредила Денизу, что Фортунада уложила всѣ чемоданы, завязала ихъ и собирается уходить. А завтра придетъ въ шесть часовъ, вмѣстѣ съ осломъ и телѣжкой, чтобы забрать багажъ.

— Пусть подождетъ минутку.

Дѣвушка была уже у садовой калитки; Дениза нагнала ее и онѣ долго о чемъ-то шептались.

Фортунада слабо отнѣкивалась.

— Да вѣдь я изъ-за г. доктора, барышня... Что, если онъ узнаетъ?.. Онъ страшно разсердится...

— Ты не хочешь?

— Развѣ я могу вамъ въ чемъ-нибудь отказать?.. вамъ-то?.. Но какъ же быть, если старый не согласится?.. Онъ вѣдь ненавидитъ г. Кайроля, старый Вейдреннъ, съ тѣхъ поръ, какъ его изъ-за г. доктора таскали по судамъ.

— Старикъ скажетъ своему сыну, а сынъ тебѣ. Никто и знать не будетъ, что это я тебя послала, и для кого лекарство...

Однако, отецъ мой вѣдь лечилъ Марсіаля Вейдренна, и я сама оказала ему услугу.

— Барышня, да вѣдь вы же не вѣрите въ снадобья метже — вы сами мнѣ сколько разъ говорили—такъ зачѣмъ же вы...

Доводъ былъ такъ силенъ, что мадемуазель Кайроль на мигъ смутилась. Но не отвѣтила прямо, а продолжала допытываться, упорно и настойчиво:

— Ну, такъ что же? Сдѣлаешь ты, или нѣтъ?

Ясное лицо ея стало суровымъ; зрачки потемнѣли. Фортунада, побѣжденная, своимъ обычнымъ зябкимъ жестомъ запахнула платокъ на груди.

— Да ужъ схожу. А завтра передамъ вамъ отвѣтъ Марсіаля...

— Онъ работаетъ въ Сенъ-Дюминѣ... Ты знаешь, какимъ путемъ онъ возвращается домой... Можетъ быть, ты найдешь его въ гостинницѣ?

— Нѣтъ, къ намъ онъ теперь не ходитъ... Я ему запретила.

— Ну, словомъ, ты знаешь, гдѣ его найти и какъ съ нимъ говорить... Ты вѣдь съ нимъ часто видишься?

— Иногда вижусь, барышня... но—Фортунада покраснѣла— вѣдь это для его же пользы...

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ... Ахъ, Фортунада, ты какая-то маленькая святая. Кто, кромѣ тебя, могъ бы внушить почтеніе къ себѣ этому разбойнику... И всетаки я не рѣшилась бы послать тебя къ нему, еслибъ... Но, понимаешь, Фортунада, нѣтъ другого средства... А мнѣ такъ хочется... такъ хочется, чтобы Жанъ вернулся къ намъ.

Она убѣжала къ дому, а малютка Бранду пошла въ раздумьи дальше.

Вечерніе часы тянулись обычной чередой... Дениза и Жанъ простились, какъ всегда, на глазахъ у старшихъ, пожелавъ другъ другу спокойной ночи. Докторъ, передъ тѣмъ какъ лечь, зашелъ въ комнату молодого человѣка, чтобы въ послѣдній разъ подбодрить его ласковымъ словомъ и дать ему нѣсколько совѣтовъ.

И домъ погрузился въ безмолвіе...

Но спали только Франсунетта и Лапейри. Кайроль припоминалъ отдѣльныя слова, позы и жесты своей дочери и говорилъ себѣ: „Давно пора было это сдѣлать!“

Жанъ тихонько плакалъ, уткнувшись головой въ подушку, и, не стыдясь слезъ, отводилъ душу, чтобы завтра быть мужественнымъ. И, чтобы подбодрить себя, думалъ о будущемъ.

Но Дениза не плакала. Сидя на кровати, спустивъ ноги на полъ и расплетая свою длинную косу, она мысленно шла за Фортунадой и Вейдренномъ... вся сосредоточившись на одной мысли, на одной безумной надеждѣ: „Я хочу, чтобъ онъ жилъ“.

Лунный свѣтъ, скользя по паркету, облилъ какъ будто свѣтящимся молокомъ ея босыя ножки. Молодая дѣвушка тряхнула головой, такъ что волосы ея разсыпались по плечамъ, и встала, вся бѣлая между красныхъ занавѣсокъ алькова.

Она думала о восхитительной привычкѣ, усвоенной Жаномъ— каждый вечеръ цѣловать стѣну, раздѣлявшую ихъ—толстую стѣну, не пропускавшую ни шороха, ни звука... Днемъ, ихъ воля стояла стѣной между ними, раздѣляя ихъ уста. Жанъ Фавьеръ страдалъ отъ этого, такъ какъ онъ былъ мужчиной, такъ какъ уже извѣдалъ вкусъ поцѣлуевъ, и тоска по плотскимъ ласкамъ жила въ немъ, помимо его вѣдома. Но Дениза, только что окунувшаяся въ сладостную атмосферу поклоненія и любви, Дениза, въ которой едва начинала просыпаться женщина, готова была удовольствоваться и этой символическою лаской.

Сегодня, однако, объятія и рѣчи ея друга какъ-то странно взволновали ее... Она забыла, что онъ—не настоящій женихъ, что она никогда не будетъ его женой и что роману ихъ суждено было окончиться въ слезахъ и безплодныхъ сожалѣніяхъ, тамъ, въ той лощинкѣ, заросшей гіацинтами... И душа ея была полна отчаянія и возмущенія—она не хотѣла жизни, въ которой не будетъ Жана... Благоразумная, разсудительная Дениза такъ хорошо попалась въ собственной игрѣ, такъ долго поддакивала Жану, что теперь сама стала думать и чувствовать какъ онъ и, какъ онъ, надѣяться... Больше того: она рѣшилась на безумный поступокъ, отреклась отъ вѣры отца, послала Фортунаду къ колдуну... Она, воспитанная въ уваженіи къ наукѣ, шлетъ гонца къ старику Вейдренну, къ этому *метже*, съ которымъ столько лѣтъ борется ея отецъ...

И не было въ душѣ ея ни изумленія, ни упрековъ совѣсти. Она вдругъ стала такою же легковѣрной, такою же просто женщиной, какъ Фортунада, жертвующею всѣмъ желанію, властно захватившему ее.

— А почему бы и нѣтъ?.. — говорила она себѣ. — Разъ оффиціальная наука признаетъ себя безсильной, почему не обратиться къ помощи силъ, которыхъ не знаютъ ученые? Вѣдь онѣ же существуютъ, эти силы... Особо одаренныя существа, чуждыя школьной премудрости, быть-можетъ и умѣютъ постичь ихъ и усвоить себѣ... Вѣдь завладѣваютъ же врачи больною

волей невропатовъ: почему бы и монадузскому знахарю не имѣть власти „заговорить“ [1]) волка или навести порчу на человѣка, который имъ ненавистенъ!.. Можетъ быть, въ народныхъ суевѣріяхъ и есть частица истины... О! Спасти Жана!.. Сдѣлать такъ, чтобы онъ выздоровѣлъ, вернулся къ нимъ!..

Безконечная жалость и нѣжность тѣснили ей грудь. Стоя во мракѣ, куда не достигалъ лунный свѣтъ, она вдругъ затрепетала всѣмъ тѣломъ и, сомкнувъ вѣки, раскрывъ объятія, робко прижалась губами къ стѣнѣ.

XIX.

Фортунада, сдѣлавъ кругъ, чтобы миновать деревню, и избѣгая людныхъ дорогъ, на которыхъ можно встрѣтить стадо, или запоздалаго пѣшехода, бѣжала, какъ козочка, по болотистымъ низинамъ, на которыхъ пасется скотъ, и по опушкѣ зеленѣющихъ хлѣбовъ. Добравшись до лѣсовъ, составляющихъ продолженіе сенъ-дюминскаго парка, каштановыхъ рощъ, съ каменистою, и сосновыхъ—съ песчаною почвой, она замедлила шагъ, пригладила волосы, заколола платокъ на груди и приняла обычный видъ работницы, которая возвращается домой послѣ работы.

Прежде она просто пошла бы на домъ къ Марсіалю Вейдренну, но съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ работать въ угольныхъ ямахъ и на рубкѣ деревьевъ, она ужъ не искала его общества. Въ наивности души она считала его уже окончательно спасеннымъ, довольнымъ, что онъ можетъ заработать себѣ честный кусокъ хлѣба, и, убѣжденная, что онъ больше не нуждается въ ней, она сама меньше интересовалась имъ.

Она увидала его издали, въ ложбинѣ, гдѣ песокъ какъ будто отражалъ въ себѣ блѣдное небо, и онъ показался ей огромнымъ и страшнымъ въ своей засаленной фетровой шляпѣ, изорванной курткѣ и съ топоромъ на длинной рукояткѣ, который онъ несъ на плечѣ. Онъ ступалъ тяжело, но башмаки его не стучали по камнямъ, и, самъ безмолвный среди общаго безмолвія, онъ различалъ малѣйшій трепетъ тысячи жизней, пробуждающихся съ наступленіемъ вечера.

Онъ угадалъ близость Фортунады раньше даже, чѣмъ успѣлъ разглядѣть ея миніатюрную фигурку въ темномъ платьѣ, и оста-

---

[1]) Монадузскіе знахари увѣряютъ, будто они могутъ особымъ заклятіемъ „заговорить“ волка, т.-е. заставить его замереть на мѣстѣ, хотя бы посреди стада.

новился, загораживая дорогу, разставивъ свои могучія ноги. А самъ нащупывалъ рукой подъ курткой, между рубашкой и кожей, золотистаго сенъ-дюминскаго фазана, который ускользнулъ изъ птичника и котораго онъ ловко сцапалъ, задушилъ и спряталъ на груди чуть не на глазахъ у управляющаго.

— А, Вейдреннъ!.. Вы что—домой идете?.. А я съ работы.

— А, здравствуй, Фортунада. Тебѣ въ какую сторону?

— Да въ Монадузъ конечно... Намъ съ вами не по дорогѣ, но я не прочь поболтать съ вами минутку, мимоходомъ... Ну, что подѣлываете?.. Говорятъ, баронесса велѣла срубить большой дубъ, что растетъ въ концѣ парка?

— Мы уже срубили его сегодня.

— Напрасно. Въ эту пору года деревья ничего не стоятъ. Правда, что онъ былъ гнилой.

— Ну, не очень, всетаки...

Они пошли рядомъ.

— Вотъ и жаркіе дни настали,—замѣтила молодая дѣвушка.

— Да, не худо бы дождикъ.

— Очень даже нехудо, не то хлѣба пропадутъ.

— И овощи также. У насъ салатъ совсѣмъ хилый, еле растетъ.

Она играла шнуркомъ у пояса, на которомъ висѣли ножницы, и, дѣлая видъ, что ей бояться нечего, вела разговоръ о погодѣ и хлѣбахъ, какъ полагается въ деревнѣ; но въ душѣ ей было немного жутко, такъ какъ Вейдреннъ былъ въ дурномъ настроеніи и лицо у него было злое.

Это настроеніе длилось уже нѣсколько дней: онъ былъ угрюмъ, сварливъ, придирался ко всему и отводилъ душу въ грубой брани, по всякому поводу и совсѣмъ безъ повода, и въ нелѣпыхъ угрозахъ по адресу Бенейту и Ноальяка...

— А какъ поживаетъ вашъ старикъ?—спросила Фортунада, чтобы навести разговоръ на желанную тему.

— Здоровъ. Что ему дѣлается!

— Крѣпкій онъ у васъ, для своихъ лѣтъ. Другого такого, пожалуй, и не сыщешь.

Вейдреннъ смягчился.

— Головою слабъ сталъ,—выговорилъ онъ почти грустно.— Иной разъ и самъ не разберетъ, гдѣ онъ и кто съ нимъ говоритъ... Много онъ горя видѣлъ на своемъ вѣку, бѣдняга...

— Вамъ лишняя забота. Что же вы не сказали мнѣ, что старикъ у васъ боленъ, Марсіаль Вейдреннъ? Я бы навѣстила его...

— Ты совсѣмъ перестала къ намъ ходить...

— Что подѣлаешь? Надо работать... и мать, и ребятишки... все это отнимаетъ время... Но я всетаки какъ-нибудь приду къ вамъ...

— Когда же это?

— Скоро.

Вейдреннъ угрюмо ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Ты, бывало, приходила къ намъ зимою, вечеромъ, приносила мнѣ яйца, когда я валялся на спинѣ, съ переломанной лапой... Не боялась ни холода, ни темноты...

Онъ поправилъ топоръ на плечѣ и остановился.

— Фортунадочка!

— Что?

— Почему ты перестала къ намъ ходить?

— Вы теперь здоровы...

— Приходи опять...

— Я же сказала: приду.

Онъ шагнулъ къ ней. Она не отступила... Выпрямившись, она смотрѣла ему прямо въ глаза, потому что этотъ полудикарь, подобно злымъ собакамъ, разъярялся, когда чувствовалъ, что его боятся, и смущался, натолкнувшись на спокойную энергію, хотя бы и въ слабомъ существѣ. Случалось, что Вейдреннъ почти боялся Фортунады.

Ни разу онъ не тронулъ ее пальцемъ. Она внушала ему почтеніе, въ которомъ была не одна только признательность за ея доброту, восхищеніе ея мужествомъ; онъ относился къ ней бережно, какъ къ божьей коровкѣ или другому какому-нибудь невинному существу, которое нельзя обижать, потому что это приноситъ несчастье... Фортунада была живымъ фетишемъ Вейдренна.

Онъ никакъ не могъ уяснить себѣ, почему эта дѣвушка такъ дружески помогла ему. Ей ничего не было нужно отъ него, и ему самому—что было гораздо удивительнѣе — ему самому ничего не было нужно отъ нея такого, чего можно потребовать у другихъ женщинъ... Когда она усаживалась у нихъ въ избѣ, въ почетномъ углу, и говорила: „Марсіаль Вейдреннъ, вы сдѣлаете то-то и то-то!“ —онъ, правда, возражалъ: „Ты смѣешься надо мною, дѣвушка? Ничего подобнаго я не сдѣлаю. Я слишкомъ дорожу своей свободой“. Но во взглядѣ дѣвушки было что-то покорявшее его волю... И, слово за словомъ, она вела его за собой, какъ барашка, куда ей хотѣлось...

Онъ сознавалъ себя порабощеннымъ и покорялся. Почему?.. Онъ и самъ не зналъ. Его запасъ словъ былъ слишкомъ огра-

ниченъ, чтобъ разбираться въ такихъ трудныхъ вопросахъ... У него не хватало словъ. Онъ могъ только ругаться...

Ему было стыдно—да, стыдно—работать, ждать, чтобы хозяинъ заплатилъ ему деньги за работу, по командѣ уходить и возвращаться. И онъ огорчался, почти корилъ себя за эту жизнь, идущую въ разрѣзъ съ его инстинктами. Но и это было въ немъ смутное, полу-сознательное.

Вдобавокъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ работать, дѣвочка перестала ходить къ нимъ въ Шастанъ... Что это?.. Бабьи уловки... или что другое?.. Ему было обидно, и изъ этой обиды выростала злоба, которой разростись и превратиться въ ненависть мѣшалъ только сверхъестественный престижъ, которымъ была окружена въ его глазахъ Фортунада. И къ этой злобѣ уже примѣшивалось темное желаніе... Близилось время, когда молодая дѣвушка уже перестанетъ быть для него загадочной и неприкосновенной, какъ ласточка, кузнечикъ или божья коровка...

Но это время еще не пришло.

Вейдреннъ снова зашагалъ. А малютка Бранду продолжала говорить о старикѣ, о его быломъ искусствѣ.

— Правда ли, что онъ „заковывалъ“ больныхъ?

— Да... Ихъ клали на наковальню, между четырехъ свѣчей, и онъ стучалъ молотомъ около нихъ...

— Это излечивало болѣзнь печени?

— Всегда... И затяжную лихорадку у дѣтей...

— Пресвятая Богородица!.. И грудную боль тоже?

— Ну, насчетъ этого не знаю.

— На это у него былъ другой секретъ?

— Можетъ быть...

— Травка?

— Не знаю.

— А не могли бы вы узнать?

— На что тебѣ?..

— Я бы хотѣла...

— Развѣ у васъ кто-нибудь боленъ?

— Нѣтъ.

Она поколебалась, потомъ выговорила твердо:

— Это для парижанина, что живетъ у Кайролей.

Вейдреннъ ухмыльнулся.

— Его докторъ лечитъ... Что тебѣ до него?

— Вы не хотите?

Онъ пожалъ плечами, пробормоталъ что-то невнятное и вдругъ обозлился.

— Поди ты къ чорту! Если ты за этимъ пришла, поди ты къ лѣшему!

Фортунада обидѣлась.

— Я не за этимъ шла... Это такъ, мимоходомъ мнѣ взбрело на умъ... Но если вы меня гоните—что-жъ, прощайте!

— Не уходи.

Она была уже въ десяти шагахъ. Онъ нагналъ ее.

— Не уходи, будь ты...

Она снова поглядѣла ему прямо въ глаза, съ кроткой серьезностью, и выговорила только:

— Марсіаль Вейдреннъ!

И у него вся душа перевернулась... Въ жизнь свою онъ не испытывалъ ничего подобнаго... Только что онъ готовъ былъ задушить эту дѣвчонку, которая издѣвается надъ нимъ, смѣется ему прямо въ лицо... А теперь стоялъ передъ нею дуракъ дуракомъ, безвольный, какъ пятилѣтній ребенокъ...

— Не сердись, Фортунадочка... Старикъ не захочетъ...

— Захочетъ, если вы его попросите.

— Это онъ, парижанинъ, тебя просилъ?

— Я съ нимъ за все время и двадцати словъ не сказала... Но вѣдь онъ же христіанская душа, какъ и мы съ вами... Онъ же не виноватъ, что вашъ отецъ судился съ докторомъ Кайролемъ... Вамъ, небось, вѣдь тоже неохота умирать... Когда вы хворали, вы же рады были, что я приходила къ вамъ... Ну вотъ, и сдѣлайте для него то, что я сдѣлала для васъ... Господь васъ наградитъ...

— Ты говоришь точно попъ.

— Я никогда ни о чемъ васъ не просила, Марсіаль Вейдреннъ, а вы сколько разъ говорили: „Мнѣ хотѣлось бы доставить тебѣ какое-нибудь удовольствіе, Фортунадочка... ты такая хиленькая и скрытная“... А когда я прошу васъ доставить мнѣ удовольствіе, вы бранитесь...

Онъ понурилъ голову, сердитый и несчастный.

— Такъ ты, значитъ, придешь къ намъ... Поговори сама со старикомъ... Принеси ему кусокъ сала и бѣлаго вина, чтобы задобрить его... И не говори ему, что это для парижанина, который живетъ у Кайролей.

Дѣвушка ускорила шагъ; на дворѣ совсѣмъ стемнѣло. Лягушки квакали на берегу пруда. Раздалось хлопанье мягкихъ, словно ватныхъ крыльевъ и жалобный крикъ, похожій на крикъ новорожденнаго: это сова вылетѣла на ночную охоту.

Сѣрый сумракъ становился синимъ подъ темными зонтиками

сосенъ, а на востокѣ—почти фіолетовымъ. Небо было озарено какимъ-то страннымъ свѣтомъ, быть-можетъ отблескомъ далекаго пожара.

— Зачѣмъ ты такъ спѣшишь, Фортунадочка?

— Поздно... Мать дожидается меня... Какъ я дойду одна ночью!

— Скоро свѣтло будетъ... Смотри: вотъ и волчье солнце.

Багровая луна выглянула между низкими вѣтвями сосенъ. Пробравшись сквозь туманъ, скопившійся на горизонтѣ, она выплыла выше, болѣе блѣдная и блестящая.

Невѣрный лунный свѣтъ ласкалъ безконечные холмы Лимузена, поросшія верескомъ плато, гдѣ пастухи пасутъ своихъ барашковъ и устанавливаютъ свои телѣжки, замѣняющія имъ дома; проникалъ въ глубину каштановыхъ рощъ, золотя воду потайныхъ источниковъ и придавая ей небывалые оттѣнки; заглядывалъ въ стойла, проскальзывалъ сквозь занавѣски... Въ этотъ самый часъ онъ цѣловалъ босыя ноги Денизы Кайроль. Призываемая собаками на фермѣ и ополоумѣвшими хорами лягушекъ, плыла по небу майская луна, свѣтильникъ путниковъ, коварная подруга браконьеровъ, сообщница влюбленныхъ. И матерой волкъ, сидящій на просѣкѣ, глядя на пляски своей волчихи и волчатъ, привѣтствовалъ воемъ это солнце своихъ ночныхъ охотъ.

На пескѣ тропинки тѣнь Вейдренна рисовалась то длинная и тонкая, то коротенькая и скрюченная, словно призракъ собаки. Фортунада почти бѣжала: ее пугали чары ночи, луны и человѣка, какъ будто вступившихъ въ заговоръ противъ нея. Ему не надо было и бѣжать: ему стоило только дѣлать шаги пошире, чтобы, не торопясь, идти съ ней рядомъ...

— Фортунада!

Страхъ, котораго она не испытывала въ темныя ночи, на пустынныхъ плато Брахскихъ Полей, сжималъ ей горло, подкашивалъ ноги... А между тѣмъ Вейдреннъ не грозилъ; его низкій, хриплый голосъ звучалъ скорѣе мольбой...

Сосны рѣдѣли. Почва стала болѣе влажной; на ней расли травы, цвѣты, легкія стройныя деревья съ бѣлымъ или сѣрымъ стволомъ, березы, мелкіе буки... Фортунада угадывала близость деревни, не смотря на отсутствіе свѣта въ окнахъ, по доносившимся ароматамъ садовыхъ цвѣтовъ.

— Да не бѣги ты такъ... Словно за тобой гонятся... Чего ты боишься?

— Ничего я не боюсь.

— Я тебя не обижу.

— За что же вамъ обижать меня?

Она немного запыхалась. Правой рукой она придерживала юбку, цѣплявшуюся за колючки шиповника, лѣвой нащупывала въ карманѣ передника освященныя четки, подаренныя ей монахинями въ Тюллѣ. И хотя каждый нервъ дрожалъ въ ней, дѣвушка еще владѣла собой и отвѣчала почти спокойно.

Сосѣдній холмъ закрылъ собой луну, и въ потемнѣвшей травѣ подъ деревьями зажглись зеленоватые огоньки. Словно дождикъ зашепталъ подъ листьями: это тысячи насѣкомыхъ призывали другъ друга рѣзкимъ шорохомъ своихъ надкрылій; едва родясь, они переживали яркій часъ, сотканный изъ музыки и свѣта, и умирали...

На западѣ, гдѣ еще не погасли отблески заката, окрашивавшаго въ фіолетовый цвѣтъ синеву ночи, свѣтящееся небо трепетало, какъ рѣсницы. Къ запахамъ лѣса и цвѣтовъ примѣшивался запахъ недалекой грозы. Налетавшій теплый вѣтеръ доносилъ то ароматъ горькаго миндаля отъ цвѣтовъ шиповника, то ароматъ ванили и меду отъ акацій, то холодный эѳиръ гіацинтовъ, то терпкій запахъ бузины, сплошь покрытой бѣлыми зонтиками, словно облитой молокомъ. И всѣ эти благоуханія вдругъ покрылъ и заглушилъ собой запахъ сирени, этой царицы майскихъ ночей, заполнилъ собою и лѣсъ, и сады, и все поднебесье, пахнувъ въ лицо туманящимъ, горячимъ дыханіемъ...

Фортунада не слышала словъ, которыя лепеталъ шедшій за нею Вейдреннъ; она была глуха и слѣпа къ этимъ чарамъ ночи. Всей душой уйдя въ горячую умственную молитву, она убѣгала отъ невидимаго, незнаемаго Звѣря, отравленное дыханіе котораго касалось ея шеи, спины, подола ея платья...

Чья-то рука робко дотронулась до нея. Она вскрикнула:

— Пресвятая Богородица!

Она была уже на опушкѣ; въ нѣсколькихъ шагахъ впереди свѣтилось закопченное окно, и свѣтъ небольшихъ квадратиковъ ложился на землю. Залаяла собака. Мужчина, сидѣвшій на скамеечкѣ у двери, сказалъ громко:

— Тише, Фидель, тише!

Фортунада была уже на свѣтлой дорогѣ, оставивъ за собою бездну мрака и одуряющихъ запаховъ, въ которой скрылся Вейдреннъ, бормоча какія-то невнятныя угрозы.

Мужикъ, сидѣвшій на заваленкѣ, подошелъ ближе.

— Это ты, Фортунада Бранду?.. Ты чего кричала?

— Я возвращаюсь изъ замка... Въ кустахъ что-то зашевелилось. Я испугалась...

— Ахъ, ты, бѣдняжка! Да, въ эту пору страшновато идти одной... Хочешь, я провожу тебя?

— Спасибо вамъ. Я не прочь... Только до моста проводите.

Про себя она думала:

„Пресвятая Богородица! Что это со мной?... Совсѣмъ какъ полоумная, голова кружится!... Всѣ мысли путаются... Я, кажется, сейчасъ умру... Что это за бѣда грозила мнѣ?!..“

Перев. съ франц. З. Журавская.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ВОПРОСЫ ДУШЕВНАГО ЗДОРОВЬЯ
ВЪ
НАСЕЛЕНІИ РОССІИ

Всѣмъ лицамъ, такъ или иначе соприкасающимся съ вопросомъ о врачебной помощи душевно- и нервно-больнымъ, должно быть хорошо извѣстно то тяжелое положеніе, въ которомъ обычно находятся и больной, и окружающія его лица, заботамъ которыхъ предоставлено попеченіе о его здоровьѣ. Помѣстить больного необходимо, необходимо во что бы то ни стало—а помѣстить некуда.

Это тягостное положеніе, дающее себя знать одинаково какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи, возникло не случайно, а по особымъ причинамъ, которыя сложились столь роковымъ образомъ для нашей родины.

Съ введеніемъ земскаго положенія заботы о врачебной помощи населенію возложены на земское самоуправленіе, въ силу чего и попеченіе о здоровьѣ душевно-больныхъ, лежавшее прежде на обязанности приказовъ общественнаго призрѣнія, было предоставлено земствамъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ въ Петербургѣ—городскимъ управленіямъ.

Этотъ переходъ заботы о душевно-больныхъ изъ рукъ бюрократическихъ канцелярій въ руки органовъ общественныхъ самоуправленій, казалось, обезпечивалъ правильное развитіе у насъ вопроса о призрѣніи и леченіи душевно- и нервно-больныхъ.

И дѣйствительно, началась новая эра въ развитіи у насъ дѣла призрѣнія душевно-больныхъ. Постепенно въ разныхъ мѣстахъ земской Россіи на смѣну печальной памяти желтыхъ домовъ явились благоустроенныя земскія заведенія для душевно-больныхъ.

Что̀ представляли собою прежніе желтые дома приказовъ общественнаго призрѣнія—должно быть на памяти еще многихъ. Они знакомы и по извѣстнымъ всѣмъ описаніямъ въ литературѣ (напр. „Палата № 6“ Чехова). Кто началъ свою дѣятельность уже послѣ совершившейся реформы, тотъ можетъ и теперь еще въ неземскихъ губерніяхъ имѣть объектъ для сравненія съ благоустроенными земскими заведеніями, въ видѣ старыхъ дореформенныхъ больницъ приказа общественнаго призрѣнія, этихъ гнусныхъ болячекъ на здоровомъ тѣлѣ, какъ о нихъ отозвался когда-то одинъ изъ сановныхъ представителей врачебнаго міра.

Но начавшійся-было расцвѣтъ земскаго призрѣнія душевно-больныхъ сталъ все болѣе и болѣе задерживаться по мѣрѣ того какъ изсякали земскія средства. Для многихъ земствъ стало невозможнымъ дальнѣйшее развитіе дѣла призрѣнія душевно-больныхъ безъ ущерба для исполненія другихъ, не менѣе важныхъ функцій какъ по врачебной части, такъ и по другимъ отраслямъ земскаго дѣла.

Съ какимъ безотраднымъ положеніемъ вещей мы здѣсь встрѣчаемся, доказательствомъ могутъ служить слѣдующія цифровыя данныя.

Наиболѣе точныя статистическія свѣдѣнія, собранныя по Московской и Петербургской губерніямъ путемъ поголовнаго осмотра населенія, показали, что въ общемъ приходится одинъ душевно-больной на 445 здоровыхъ жителей. Эту цифру нельзя не признать болѣе или менѣе благопріятной, если принять во вниманіе, что на Западѣ одинъ душевно-больной приходится приблизительно на 250—350 здоровыхъ жителей. Если даже вышеуказанную пропорцію для всей Россіи, включая и всѣ ея восточныя окраины, уменьшить до цифры одного душевно-больного на 500 здоровыхъ, то всетаки получится колоссальное число душевно-больныхъ, въ общей сложности не менѣе 300.000.

Изъ этого числа призрѣвается въ спеціальныхъ заведеніяхъ различнаго рода, включая и частныя, въ общей сложности отъ 28 до 30 тыс. Если, принявъ во вниманіе рядъ послѣднихъ лѣтъ, сопровождавшихся открытіемъ московской окружной лечебницы, недавнимъ открытіемъ томской лечебницы и расширеніемъ другихъ лечебныхъ заведеній, напр. въ Петербургѣ, принять общую цифру кроватей для душевно-больныхъ въ существующихъ лечебницахъ круглымъ счетомъ въ 30—35 тыс., то призрѣваемыми, изъ общаго числа душевно-больныхъ, окажется лишь около 10°/o. Такимъ образомъ отъ 270 до 300 тыс. душевно-больныхъ въ Россіи не находятъ для себя мѣста въ спеціальныхъ лечебныхъ заведеніяхъ.

Нѣтъ надобности говорить, что положеніе душевно-больныхъ, остающихся на рукахъ семьи въ бѣдномъ населеніи страны, нерѣдко

оказывается ужаснымъ. Врачи, производившіе поголовный осмотръ населенія въ Петербургской губ., сообщаютъ, что около 35% больныхъ содержатся въ крайне дурныхъ гигіеническихъ условіяхъ, а около 20% подвергаются истязаніямъ. Многіе больные были найдены посаженными на цѣпь.

Какъ мы ни свыкаемся съ дѣйствительностью, какъ ни притупляются наши нервы къ тому злу, которое окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, факты невольно заставляютъ насъ вспомнить о томъ, что далеко не все вокругъ насъ благополучно. Повальное развитіе за послѣднее время самоубійствъ, случающихся нерѣдко даже въ школьномъ возрастѣ, и многое множество другихъ данныхъ свидѣтельствуютъ, что нервно-психическое здоровье населенія за послѣднее время у насъ подвергается тяжелому испытанію еще и по особымъ условіямъ, стоящимъ въ связи съ переживаемымъ общимъ кризисомъ страны. Необходимо скорѣйшее просвѣтленіе окружающей насъ мрачной атмосферы.

Дѣло идетъ о милліонахъ „страждущихъ и недугующихъ", которые до сихъ поръ тщетно вопіютъ о себѣ, но которымъ всякій членъ общества обязанъ, по мѣрѣ возможности, помогать, какъ братъ помогаетъ болѣющему брату, какъ человѣкъ, видящій гибель и несчастье другого, подаетъ ему руку помощи. Вѣдь помощь брату, взывающему о ней, есть то нравственное благо, которое возвышаетъ человѣка надъ уровнемъ окружающей его мрачной дѣйствительности и влечетъ его къ тѣмъ горнимъ высотамъ, гдѣ царствуетъ вѣчная правда и теплится пламя вѣчной и чистой любви.

Какъ ни высоки задачи леченія и помощи душевно- и нервнобольнымъ, необходимо, однако, имѣть въ виду, что однимъ этимъ дѣло не должно ограничиваться и что должны быть приняты тѣ или иныя предупредительныя мѣры.

Статистика показываетъ, что число душевно-больныхъ съ теченіемъ времени возрастаетъ относительно больше, чѣмъ увеличивается ростъ населенія. Это подтверждаютъ статистическія данныя тѣхъ западно-европейскихъ странъ, гдѣ статистика организована наиболѣе совершеннымъ образомъ.

Правда, есть лица, сомнѣвающіяся до сихъ поръ въ этомъ фактѣ. Они утверждаютъ, что возрастаніе числа душевно- и нервно-больныхъ есть мнимое, кажущееся, что цифры, показывающія это возрастаніе, зависятъ отъ улучшенія способовъ ихъ собиранія и отъ большаго знакомства тѣхъ органовъ, которые призваны отмѣчать душевныя болѣзни, съ душевно-болѣзненными состояніями. Но большинство авторовъ несогласно съ этимъ взглядомъ, такъ какъ увеличеніе числа душевно-больныхъ отмѣчается за извѣстный рядъ лѣтъ при одниxъ

и тѣхъ же условіяхъ собиранія статистическихъ данныхъ. Да и можетъ ли быть иначе, если потребленіе алкоголя съ каждымъ годомъ прогрессивно возрастаетъ, если развивается съ необычною быстротою фабричное производство, часто отражающееся гибельно на здоровьѣ рабочихъ, если всѣ условія жизни усложняются въ такой мѣрѣ, что человѣкъ, подъ гнетомъ массы возлагаемыхъ на него обязанностей, лишается спокойствія и постоянно волнуется, неся на себѣ отвѣтственность за правильное исполненіе своей задачи.

Что современная намъ культура дѣйствительно ведетъ къ возрастанію числа нервныхъ и душевно-больныхъ, это доказывается и тѣмъ, что въ странахъ некультурныхъ почти не встрѣчается такихъ болѣзненныхъ состояній, какъ прогрессивный параличъ и спинная сухотка, не смотря даже на то, что сифилисъ среди некультурныхъ народовъ также крайне широко распространенъ, какъ и среди цивилизованныхъ націй. Этотъ фактъ удостовѣряется въ послѣднее время свидѣтельствомъ спеціалистовъ, напр. русскихъ врачей невропатологовъ, посѣтившихъ Абиссинію и Персію, гдѣ они открывали амбулаторные пункты и такимъ образомъ могли точно подсчитать не только общее число обращавшихся туда больныхъ, но и высчитать процентное отношеніе нервныхъ и душевныхъ болѣзней къ другимъ болѣзненнымъ состояніямъ (Гольцингеръ). По удостовѣренію Helm'а, не смотря на большое распространеніе сифилиса, прогрессивный параличъ и спинная сухотка составляютъ рѣдкое явленіе въ Египтѣ. Конечно, можно было бы объяснить этотъ фактъ тѣмъ, что сифилисъ въ южныхъ странахъ вообще протекаетъ сравнительно легче. Но изслѣдованія русскаго врача Виноградова, обработывающаго статистику прогрессивнаго паралича по Россіи, доказываютъ, что прогрессивный параличъ поражаетъ населеніе въ прямой зависимости отъ распространенія алкоголя, особенно губительно дѣйствующаго на почвѣ бывшаго сифилиса [1]).

Что наши фабрики приводятъ къ вырожденію населенія, также не можетъ подлежать сомнѣнію, а вырожденіе есть первый шагъ къ развитію душевныхъ и нервныхъ болѣзней. Наконецъ и усложненная жизнь привилегированныхъ классовъ, особенно въ большихъ городахъ, не можетъ не отражаться соотвѣтственнымъ увеличеніемъ числа душевныхъ и нервныхъ больныхъ.

Да и можно ли сомнѣваться во вліяніи самой культуры, со всѣми ея сложными условіями, на развитіе психозовъ, когда, напр., у насъ въ Россіи, въ странѣ сравнительно мало культурной, поголовный осмотръ населенія показываетъ цифру одного душевно-больного на

[1]) Работа эта уже вышла въ свѣтъ въ видѣ диссертаціи (Спб., 1910).

445 здоровыхъ жителей, тогда какъ въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Европы статистика показываетъ присутствіе одного душевно-больного приблизительно на 250—350 здоровыхъ жителей.

Надо замѣтить, что въ это число не входитъ еще значительная часть тѣхъ случаевъ, которые относятся къ пограничнымъ состояніямъ, т.-е. состояніямъ, стоящимъ на границѣ душевной болѣзни и душевнаго здоровья, а равно и такъ называемыхъ дегенеративныхъ состояній, носящихъ въ себѣ всегдашній зародышъ душевной или нервной болѣзни. Не входятъ сюда также и случаи тяжелыхъ общихъ неврозовъ съ психическими проявленіями, каковы эпилепсія, истерія, психастенія и неврастенія, которыя въ сущности представляютъ собою также психическія болѣзненныя состоянія, и многими какъ таковыя и разсматриваются.

Если мы вспомнимъ, что имѣется не менѣе 100 тыс. эпилептиковъ въ Россіи, что по сравненію съ эпилептиками еще во много разъ должно быть больше истеричныхъ, психастениковъ и неврастениковъ, то ясно, что общее число душевно-болѣзненныхъ состояній должно быть въ культурныхъ странахъ весьма значительнымъ и не можетъ не угрожать самымъ серьезнымъ образомъ нашей цивилизаціи.

Поэтому всѣ заботы должны быть направлены къ тому, чтобы по возможности въ корнѣ ограничивать наростающее зло. Необходимо бороться съ нимъ не тогда, когда оно уже выросло и развилось, а когда оно еще обсѣменяетъ почву.

Мы не должны забывать, что вырожденіе населенія выдвигаетъ вопросъ о сохраненіи расы.

На этотъ вопросъ недавно обратилъ вниманіе извѣстный психіатръ, профессоръ Kraepelin, который въ число основныхъ причинъ душевныхъ болѣзней ставитъ сифилисъ и алкоголь, а также такіе факторы, какъ ограниченіе личной свободы массой возлагаемыхъ на человѣка обязанностей, сопряженныхъ съ отвѣтственностью, и отчужденность отъ природы, соотвѣтствующую доместикаціи животныхъ и приводящую естественнымъ образомъ къ изнѣженности здоровья. Чтобы лучше предупредить развитіе зла, необходимо подробнѣе выяснить всѣ главнѣйшія причины и условія, которыя содѣйствуютъ возрастанію числа душевныхъ и нервныхъ болѣзней, какъ статистическимъ, такъ и клинико-экспериментальнымъ путемъ, чтобы такимъ образомъ найти способы борьбы противъ все болѣе и болѣе наростающаго зла, грозящаго въ корнѣ нарушить условія нормальнаго развитія человѣческой расы.

Для вышеуказанной цѣли необходимо, прежде всего, имѣть въ виду устройство особаго центральнаго научнаго учрежденія, ставящаго себѣ главною цѣлью изученіе причинъ душевныхъ и нервныхъ болѣзней и возможныхъ мѣръ борьбы съ ихъ развитіемъ.

Общепризнаннымъ выводомъ современной медицины является положеніе, что хотя задачей врача является собственно леченье развившейся болѣзни, но еще важнѣе и цѣлесообразнѣе предупрежденіе ея развитія. На первомъ международномъ конгрессѣ психіатровъ въ Миланѣ, бывшемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было сдѣлано предложеніе объ основаніи международнаго комитета для изученія причинъ душевныхъ болѣзней. Положеніе объ этомъ комитетѣ было предложено затѣмъ вниманію послѣдняго международнаго психіатрическаго конгресса въ Вѣнѣ, который и утвердилъ его. Открылось, такимъ образомъ, дѣйствіе учрежденія, могущаго оказать существенное вліяніе на развитіе практическихъ задачъ психіатріи.

Нашъ психо-неврологическій институтъ, первое начало которому было положено въ 1903-мъ году и который имѣетъ одною изъ своихъ задачъ изученіе душевныхъ и нервныхъ болѣзней, наряду съ изученіемъ преступности въ населеніи, проектировалъ уже созданіе для Россіи особаго института для изслѣдованія причинъ душевныхъ болѣзней и возможныхъ мѣръ борьбы съ ихъ развитіемъ.

Въ задачи этого института должно войти собираніе статистическихъ свѣдѣній о числѣ душевно-и нервно-больныхъ по районамъ, собираніе статистическихъ данныхъ относительно санитарныхъ условій и другихъ вліяній, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ развитію душевныхъ и нервныхъ болѣзней, какъ развитіе сифилиса, распространеніе спиртныхъ напитковъ, состояніе экономическихъ условій населенія, ростъ заболѣваемости и т. п. Этимъ путемъ достигнется выясненіе соотношенія между развитіемъ душевныхъ и нервныхъ болѣзней—и тѣми или иными общественно-экономическими, біологическими или мѣстными условіями. Весьма важно также выясненіе клинико-лабораторнымъ путемъ патогенеза душевныхъ и нервныхъ болѣзней, дабы въ концѣ концовъ можно было выработать рядъ предупреждающихъ мѣръ и мѣръ общественной борьбы съ развитіемъ душевныхъ и нервныхъ болѣзней въ населеніи.

Такой институтъ, конечно, потребуетъ затраты извѣстныхъ средствъ, но можно быть увѣреннымъ, что эти средства найдутся, когда будетъ сознана вполнѣ цѣлесообразность и необходимость такого учрежденія—тѣмъ болѣе, что затраченныя средства въ данномъ случаѣ окупятся сторицею.

Чтобы представить себѣ, какія возможны перспективы въ смыслѣ охраны нервно-психическаго здоровья, остановимся прежде всего на томъ, что мы знаемъ въ настоящее время относительно общихъ предрасполагающихъ причинъ развитія душевныхъ и нервныхъ разстройствъ.

Нашъ „нервный вѣкъ“ обязанъ своимъ названіемъ всей совокуп-

ности условій, которыя связаны съ современной цивилизаціей. Ея основой является значеніе капитала, приводящее къ борьбѣ за существованіе. Золотой идолъ, этотъ страшный врагъ человѣчества, парализуетъ стремленія къ взаимопомощи людей, натравляя ихъ другъ противъ друга. Эксплуатація бѣднаго люда приводитъ къ всевозможнымъ лишеніямъ, къ развитію нищеты и къ крайнему переотягощенію физическихъ и нравственныхъ силъ населенія, особенно въ рабочемъ классѣ. Обусловленная тѣмъ же поклоненіемъ золотому тельцу борьба за существованіе ведетъ, въ свою очередь, къ умственному переутомленію, къ цѣлому ряду нравственныхъ лишеній и къ физическому истощенію.

Съ другой стороны, та же борьба за существованіе, обусловленная значеніемъ капитала въ жизни современнаго общества, приводитъ населеніе въ большіе центры, гдѣ сложна жизнь и санитарныя условія крайне неблагопріятны. Принимаемыя вслѣдствіе этого мѣры лишь въ извѣстной и во всякомъ случаѣ далеко неполной мѣрѣ исправляютъ назрѣвшее зло.

Нѣкоторыя изъ душевныхъ и нервныхъ болѣзней возникаютъ на почвѣ отравленія. Кромѣ спеціально алкогольныхъ психозовъ, сюда относятся, напримѣръ, нервныя и душевныя разстройства, развивающіяся при производствѣ тѣхъ или иныхъ химическихъ продуктовъ.

Далѣе, антисанитарныя условія служатъ причиной развитія тяжелыхъ инфекціонныхъ болѣзней, которыя даже въ случаѣ благопріятнаго теченія подрываютъ силы организма въ такой мѣрѣ, что вслѣдъ за ними нерѣдко слѣдуетъ появленіе нервныхъ и душевныхъ болѣзней.

Нѣкоторыя нервныя и душевныя болѣзни и сами по себѣ являются инфекціонными, стоящими въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ антисанитарныхъ условій. Таковы воспалительные процессы мозга, невриты, пляска св. Витта, острый бредъ и пр.

Мѣры, охраняющія народное здоровье, почти не коснулись нашей деревни, вслѣдствіе чего и здѣсь мы встрѣчаемся не только съ цѣлымъ рядомъ почти непрекращающихся эпидемій но, мѣстами, съ почти поголовнымъ распространеніемъ сифилиса — этого страшнаго бича человѣчества и ужаснаго яда для его нервной системы.

Физическое истощеніе и нравственныя лишенія приводятъ къ излишнему употребленію различнаго рода возбуждающихъ средствъ (алкоголь, эѳиръ, опій, морфій и т. п.),—настоящихъ „интеллектуальныхъ ядовъ“, пагубно дѣйствующихъ на организмъ, вызывающихъ въ немъ явленія перерожденія и тѣмъ самымъ въ корнѣ разстраивающихъ дѣятельность нервной системы.

Ко всему этому слѣдуетъ присоединить еще законъ наслѣдственности, въ силу котораго душевныя и нервныя болѣзни родителей передаются дѣтямъ. Наслѣдственная передача не только закрѣпляетъ въ потомствѣ болѣзненныя пораженія нервной системы родителей, но и служитъ къ ихъ дальнѣйшему развитію. Доказано, что умѣренныя по силѣ нервныя разстройства, существующія у обоихъ родителей, приводятъ въ потомствѣ къ болѣе тяжкимъ нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ.

Наконецъ, въ числѣ общихъ причинъ душевныхъ и нервныхъ болѣзней долженъ быть отмѣченъ еще одинъ факторъ: отсутствіе правильнаго воспитанія въ раннемъ возрастѣ. Въ чьихъ рукахъ находится самый нѣжный и самый важный для будущаго развитія личности возрастъ человѣка — первые годы его жизни? Страшно даже подумать, что первоначальные шаги человѣческаго существованія ведутся въ большинствѣ даже интеллигентныхъ семей подъ руководствомъ невѣжественныхъ нянь и боннъ, которыя часто не воспитываютъ, а калѣчатъ нравственную природу будущей личности въ самомъ ея зародышѣ.

Это зло должно быть устранено въ корнѣ путемъ спеціальнаго изученія развитія психической сферы и воспитанія, въ учрежденіяхъ, подобныхъ недавно основанному въ Петербургѣ педагогическому институту (при психо-неврологическомъ институтѣ), и путемъ устройства особыхъ курсовъ для нянь и для женщинъ, готовящихся быть матерями. Равнымъ образомъ, государство должно обратить самое серьезное вниманіе на дошкольное воспитаніе, которое у насъ въ полномъ пренебреженіи. А между тѣмъ можно ли сомнѣваться въ томъ, что характеръ человѣка и большая или меньшая устойчивость его нервно-психической сферы зависятъ въ значительной мѣрѣ отъ того, какъ и кѣмъ направляются первые шаги жизни человѣка? Еще хуже дѣло обстоитъ въ бѣдномъ классѣ населенія, гдѣ мы встрѣчаемся либо съ поразительнымъ незнаніемъ основныхъ правилъ воспитанія, либо съ такими условіями, которыя не только исключаютъ всякое воспитаніе, но дѣлаютъ его съ самаго начала уродливымъ и ненормальнымъ. И можетъ ли быть иначе, когда несчастныя семьи живутъ по мрачнымъ угламъ, гдѣ родители, работая на фабрикахъ, часто не видятъ своихъ дѣтей иначе, какъ въ періодъ ихъ сна, послѣ того, какъ они въ теченіе дня подвергались растлѣвающему вліянію окружающихъ лицъ и уличной жизни? Въ этомъ отношеніи могутъ оказать существенную пользу общественныя организаціи съ воспитательнымъ характеромъ, которыхъ, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ и въ поминѣ.

Теперь станетъ понятнымъ, почему психіатры нерѣдко встрѣчаются съ случаями, когда и наслѣдственность, и послѣдующія условія

жизни оказываются благопріятными, а между тѣмъ у человѣка съ теченіемъ времени развивается душевная болѣзнь, основная причина которой лежитъ въ условіяхъ неблагопріятно протекшаго дѣтства.

Наконецъ, и дальнѣйшій періодъ школьнаго образованія, связанный съ напряженіемъ всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ подростающаго поколѣнія,—періодъ, въ которомъ происходитъ критическое формированіе личности, обставляется ли должнымъ образомъ съ точки зрѣнія физической и нравственной гигіены?

Не встрѣчаемся ли мы на каждомъ шагу, можно сказать всюду, съ такимъ отношеніемъ къ этому возрасту, которое граничитъ съ полнымъ небреженіемъ къ условіямъ, отъ которыхъ зависятъ здоровье и нравственное развитіе подростающаго поколѣнія? Школа должна укрѣплять умъ и тѣло, развивать любовь къ знанію и добру, служить защитой нервно-психическаго здоровья отъ всѣхъ нарушеній, обусловленныхъ незнаніемъ и нарушеніемъ нравственныхъ началъ и требованій полового воздержанія. А между тѣмъ дѣйствительность показываетъ намъ совершенно обратное. Помимо многихъ неблагопріятныхъ условій школьной жизни, показателемъ которыхъ служитъ, между прочимъ, поразительно возрастающее число школьныхъ самоубійствъ, развѣ не составляетъ тяжкаго зла почти всеобщее, особенно среди подростковъ мужчинъ, развитіе уклоненій въ области половой сферы, отъ которыхъ нерѣдко самымъ существеннымъ образомъ страдаетъ нервное и душевное здоровье нашего поколѣнія? А между тѣмъ, что мы дѣлаемъ противъ этихъ растлѣвающихъ условій? Мы закрываемъ глаза на все это зло, а когда случайно выясняется предъ всѣми мрачная дѣйствительность, мы возмущаемся и негодуемъ, пока не будемъ отвлечены какимъ-либо другимъ, не менѣе вопіющимъ зломъ нашей дѣйствительности.

Сообразно вышесказанному, и мѣры общественной борьбы должны быть направлены противъ основныхъ условій развитія душевныхъ и нервныхъ болѣзней. Онѣ могутъ быть крайне разнообразны, и здѣсь нѣтъ надобности входить въ большія подробности. Мы хотимъ лишь намѣтить главныя мѣры общественной борьбы съ основными причинами душевныхъ и нервныхъ болѣзней.

Прежде всего необходимо имѣть въ виду цѣлый рядъ санитарныхъ мѣропріятій, преслѣдующихъ оздоровленіе нашихъ городовъ и нашей деревни. Осуществленіе задачъ общественной гигіены и санитаріи должно способствовать устраненію одной изъ важныхъ причинъ развитія нервныхъ и душевныхъ болѣзней, заключающейся въ разнаго рода инфекціонныхъ заболѣваніяхъ.

Не менѣе важно установленіе извѣстной нормы санитарныхъ мѣропріятій при фабричномъ производствѣ, а равно и улучшеніе быта

рабочаго люда вообще. Доказанный нынѣ фактъ вырождающаго вліянія фабрикъ на населеніе можетъ быть ослабленъ до возможнаго минимума только коренными реформами въ дѣлѣ фабричнаго производства—уменьшеніемъ рабочаго дня, нормированіемъ труда женщинъ, устраненіемъ съ фабрикъ дѣтей, улучшеніемъ экономическаго положенія рабочихъ и т. п. Въ этомъ отношеніи многаго можно ожидать отъ развитія фабричнаго законодательства и фабричнаго врачебнаго надзора.

Далѣе, имѣя въ виду, какое огромное вліяніе на развитіе нервныхъ и душевныхъ заболѣваній оказываетъ распространеніе алкоголя въ населеніи, необходимо всемѣрно добиваться того, чтобы алкоголь былъ изъятъ изъ вольной продажи, какъ всякій другой вредоносный напитокъ. Проведеніе одной этой реформы, на которой настаивалъ уже второй съѣздъ отечественныхъ психіатровъ, могло бы существенно сократить развитіе нервныхъ и душевныхъ болѣзней, а также уменьшить ростъ преступности въ населеніи.

Я напомню здѣсь ту часть резолюціи второго съѣзда отечественныхъ психіатровъ, которая относится къ этому предмету и которая была принята этимъ съѣздомъ единогласно. Указавъ на необходимость леченія алкоголиковъ, съѣздъ высказался опредѣленно, что „этимъ ничуть не разрѣшается общій и основной вопросъ о борьбѣ съ алкоголизмомъ, какъ народнымъ зломъ, и что для послѣдней цѣли главнѣйшей правильной мѣрой является отказъ правительства отъ пользованія виномъ для фискальныхъ цѣлей, а съ другой—проведеніе въ жизнь самыхъ широкихъ соціальныхъ реформъ и поднятіе благосостоянія массъ путемъ пріобщенія ихъ ко всѣмъ плодамъ современной европейской культуры“ [1]).

Недавній съѣздъ по борьбѣ съ алкоголемъ также сказалъ по этому вопросу свое слово, которое, надѣемся, будетъ принято во вниманіе кѣмъ слѣдуетъ.

Какъ бы ни была велика доходность, получаемая въ казну съ алкоголя, нельзя строить безнаказанно благополучіе государства на питейной системѣ, отравляющей массы народа и губящей одновременно и потомство.

Противъ неблагопріятной наслѣдственности должна вестись возможная борьба какъ путемъ распространенія знаній о біологическихъ законахъ развитія организма, такъ и путемъ введенія соотвѣтствующихъ законоположеній. Законъ ограничиваетъ браки душевно-больныхъ и эпилептиковъ; но нельзя сомнѣваться въ томъ, что и хроническій алкоголизмъ, этотъ страшный разсадникъ вырожденія насе-

---

[1]) См. „Труды II-го съѣзда отечественныхъ психіатровъ“, Кіевъ, 1907, стр. 342.

ленія, а также и тяжелыя формы истеріи и психастеніи должны исключать право на вступленіе въ бракъ. Въ этомъ отношеніи условія брака должны быть регламентированы закономъ. Если нынѣ поступленіе въ школу требуетъ установленія извѣстныхъ нормъ здоровья путемъ освидѣтельствованія врача, то тѣмъ болѣе такія нормы должны быть регламентированы для вступленія въ бракъ.

Наконецъ, здоровье и развитіе женщины, какъ матери и воспитательницы будущихъ поколѣній, должно быть оберегаемо отъ возможныхъ нарушеній, для чего должны быть проведены соотвѣтствующія соціальныя реформы.

Помимо всего вышеизложеннаго, огромное значеніе въ дѣлѣ оздоровленія населенія въ нервно-психическомъ отношеніи должно принадлежать воспитанію, начиная съ дѣтскаго возраста.

На воспитаніе вообще и на половое и нравственное воспитаніе въ частности у насъ не обращается почти никакого вниманія. Наши дѣти, первоначально находясь въ невозможныхъ вообще условіяхъ, видятъ дурные примѣры отовсюду и часто еще, прежде чѣмъ вступятъ въ юношескій возрастъ, уже представляются въ полномъ смыслѣ слова развращенными.

Еще въ худшемъ положеніи находятся дѣти бѣдныхъ классовъ населенія, развращаемыя на улицахъ съ ранняго дѣтскаго возраста и образующія разрядъ уличныхъ или заброшенныхъ дѣтей, изъ которыхъ затѣмъ развиваются — съ одной стороны малолѣтніе преступники, съ другой—душевно-больные.

Когда идетъ рѣчь о борьбѣ съ нервными и душевными болѣзнями, вопросы нравственнаго оздоровленія должны быть приняты въ самое серьезное вниманіе. Нельзя мириться съ мыслью, чтобы человѣчество не могло устранить дурныя условія семейнаго воспитанія, чтобы оно не могло озаботиться общественнымъ воспитаніемъ тамъ, гдѣ это необходимо, чтобы оно не могло устранить систематическаго растлѣванія дѣтей на улицахъ, чтобы оно не могло упорядочить половыя отношенія введеніемъ принципа воздержанія до наступленія брака и ранними бракосочетаніями.

Необходимо всемѣрно бороться съ народнымъ невѣжествомъ, какъ самымъ страшнымъ зломъ, поддерживающимъ грубость нравовъ и незнакомство съ самыми элементарными условіями гигіены и нормами общественныхъ отношеній. Всеобщее распространеніе образованія, но образованія, поставленнаго правильно и умѣло, должно быть признано однимъ изъ средствъ, способствующихъ оздоровленію населенія въ нервно-психическомъ отношеніи.

Всѣ эти вопросы, безъ сомнѣнія, очень сложны, и ихъ нѣтъ возможности освѣтить въ короткихъ словахъ въ надлежащей полнотѣ;

но обойти ихъ молчаніемъ нельзя, такъ какъ это все больные вопросы нашей дѣйствительности, самымъ тѣснымъ образомъ связанные съ развитіемъ нервности въ населеніи.

Намъ остается еще сказать о соціальныхъ и экономическихъ факторахъ, способствующихъ развитію нервныхъ и душевныхъ болѣзней.

Эти факторы, устанавливающіе сложныя отношенія между людьми, также сильно вліяютъ на развитіе нервности населенія. Но въ то же время они труднѣе всего поддаются учету. Глубокія соціальныя потрясенія, какъ войны и революціи, даютъ особенно большое увеличеніе числа нервныхъ и душевныхъ болѣзней, независимо отъ установившейся формы соціальнаго строя. Пережитая нами война и слѣдовавшая за ней революція рѣзко отразились на нервно-психическомъ здоровьѣ населенія, какъ въ томъ убѣждаетъ насъ цѣлый рядъ данныхъ.

Возможное предупрежденіе тяжелыхъ общественныхъ кризисовъ и прекращеніе войнъ также должно быть отнесено къ числу мѣръ, способствующихъ охраненію нервно-психическаго здоровья населенія.

Значеніе экономическихъ условій въ развитіи нервныхъ и душевныхъ болѣзней переоцѣнить трудно.

Еще недавно мы пережили и отчасти продолжаемъ переживать длительную эпидемію самоубійствъ, вызванную главнымъ образомъ тяжелымъ экономическимъ кризисомъ среди населенія Петербурга и другихъ городовъ.

Но и независимо отъ острыхъ кризисовъ постоянныя условія, связанныя съ неблагопріятнымъ экономическимъ и соціальнымъ положеніемъ отдѣльныхъ частей населенія, отражаются самымъ существеннымъ образомъ на развитіи нервныхъ и душевныхъ болѣзней.

Прямое вліяніе экономическихъ условій сказывается въ развитіи нервно-психическихъ недуговъ, вслѣдствіе матеріальныхъ потерь и потрясеній, выводящихъ человѣка болѣе или менѣе внезапно изъ обычныхъ для него жизненныхъ нормъ. Естественно, что лица съ неустойчивой нервно-психической сферой не всегда могутъ перенести безнаказанно рѣзкую перемѣну житейскихъ условій и, испытывая рядъ тяжелыхъ эмоцій, подвергаются душевному или нервному заболѣванію.

Дурное питаніе населенія, приводящее къ ослабленію его физическаго здоровья, также должно быть признано одною изъ важныхъ причинъ, подрывающихъ стойкость нервно-психическаго здоровья.

Неблагопріятныя экономическія условія имѣютъ послѣдствіемъ развитіе алкоголизма въ населеніи, и такимъ образомъ они косвенно увеличиваютъ число жертвъ этого страшнаго интеллектуальнаго яда. Статистика самымъ несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что параллельно съ экономическимъ кризисомъ населенія идетъ всегда увеличеніе потребленія алкоголя, а это приводитъ къ дальнѣйшему

экономическому ослабленію населенія, влекущему за собой развитіе нищеты или такъ-называемаго пауперизма, съ его бездомностью и безпріютностью и всѣми пагубными послѣдствіями, вредно отражающимися на нервно-психическомъ здоровьѣ населенія.

Спрашивается, возможна ли вообще борьба съ такими общими соціальными и экономическими условіями, на которыхъ покоится вся наша современная цивилизація? Да, она возможна и необходима. Она необходима во имя сохраненія нервно-психическаго здоровья, этого драгоцѣннаго дара, который мы должны всемѣрно оберегать отъ всякаго вообще нарушенія; она необходима во имя сохраненія расы. Цивилизація, какъ и народы, habent sua fata. Человѣчество пережило немало цивилизацій, которыя отошли въ область преданія. Оставляя въ сторонѣ доисторическія времена, замѣтимъ, что если древній Римъ погибъ отъ рабства, если соціальныя катаклизмы въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣка зависѣли въ значительной мѣрѣ отъ феодальнаго строя государствъ, то современное намъ экономическое рабство, обусловливаемое значеніемъ капитала, грозитъ неменьшими бѣдами.

Капиталистическій строй—вотъ основное зло нашего времени. И мы должны стремиться къ другимъ, болѣе возвышеннымъ нормамъ общественности; на мѣсто капитала мы должны выдвигать на первый планъ трудъ и служеніе истинѣ и добру.

Одновременно съ этимъ всѣ наши усилія должны быть направлены къ возможному облегченію послѣдствій существующаго нынѣ капиталистическаго строя, отягчающихъ условія жизни.

Этого облегченія возможно достигнуть путемъ цѣлаго ряда ограничительныхъ мѣръ противъ сосредоточенія капиталовъ въ однѣхъ рукахъ, путемъ участія трудящагося люда въ долѣ дохода предпріятій, путемъ возможно широкаго развитія союзныхъ организацій въ средѣ всѣхъ вообще трудящихся элементовъ бщества.

Всѣ эти и другія усилія, направляемыя противъ основного зла нашей дѣйствительности, должны быть дѣлаемы не только въ интересахъ нервно-психическаго здоровья населенія, не только въ интересахъ сохраненія расы, но и во имя высшихъ общечеловѣческихъ идеаловъ, во имя тѣхъ нравственныхъ нормъ, которыя не позволяютъ человѣку попирать права другихъ, устраняютъ рознь и ненавистничество между людьми и ведутъ человѣчество къ единенію и братству на почвѣ общаго равенства, взаимопомощи и уваженія къ личности.

В. Бехтеревъ.

КНИГА О ФРАНЦУЗСКОМЪ КУЛЬТУРНОМЪ ВЛІЯНІИ ВЪ РОССІИ

Emile Haumant. „La culture française en Russie“ (1700—1900), Пар. 1910.

Адъюнктъ-профессоръ словеснаго факультета въ парижскомъ университетѣ Эмиль Оманъ только-что выпустилъ въ свѣтъ объемистый томъ (529 страницъ текста, безъ указателей библіографическаго и собственныхъ именъ), посвященный исторіи „французской культуры въ Россіи“ въ XVIII и XIX вѣкахъ и удостоенный одной изъ премій Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Проф. Оманъ—не новичокъ въ работахъ подобнаго рода: въ 1904 г. онъ издалъ книгу о Россіи въ XVIII в., а въ 1906 г.—о Тургеневѣ [1]), и эта послѣдняя тоже была „увѣнчана“ Французской академіей. Еще больше о его общей подготовкѣ для выбранной имъ новой темы говоритъ то обстоятельство, что онъ уже очень давно началъ преподавать (первоначально — въ Лиллѣ), такъ сказать, „les choses russes“, т.-е. нашъ языкъ, нашу литературу и исторію. Наконецъ, ему приходилось и живать въ Россіи. Къ сожалѣнію, за послѣднее время проф. Оманъ давно уже не былъ нашимъ гостемъ, что̀ не могло не отразиться отчасти и на его новомъ трудѣ: въ Парижѣ онъ далеко не все могъ достать по части источниковъ и пособій, не все, что̀ есть въ этой области, могъ и узнать.

Вопросъ о культурномъ вліяніи однихъ народовъ на другіе имѣетъ весьма большой интересъ, но посвященная ему литература очень скудна. Въ этой небольшой литературѣ больше всего, кажется, писалось о французскомъ вліяніи въ тѣхъ или другихъ странахъ, что̀, впрочемъ, и понятно, если принять въ разсчетъ ту роль, какую въ Европѣ играла Франція, начиная съ царствованія Людовика XIV. О французскомъ вліяніи въ Россіи никто до сихъ поръ спеціально не писалъ, и проф. Оману пришла въ голову дѣйствительно счастливая мысль соединить въ одно цѣлое то, что̀ до сихъ поръ разсматривалось разными историками только эпизодически. Для французскаго читателя его книга будетъ имѣть значеніе разсказа о путешествіи въ

---

[1]) „La Russie au XVIII siècle“ (1904).—„Ivan Tourguénief, la vie et l'oeuvre“ (1906).

малоизвѣстныя страны, каковыми являются для каждаго француза отдѣльные періоды нашей внутренней исторіи. Но я думаю, что и русскій читатель не безъ удовольствія и не безъ пользы прочтетъ трудъ г. Омана: по крайней мѣрѣ, я это испыталъ на себѣ. Книга его отличается обычными французскими качествами искуснаго подбора фактовъ и легкаго изложенія.

Въ трудѣ проф. Омана бо̀льшая часть отведена XIX-му вѣку, и изложеніе дѣлается особенно подробнымъ съ конца предыдущаго столѣтія. Заголовки пяти „книгъ", на которыя раздѣляется его трудъ, характеризуютъ періоды, различаемые авторомъ въ исторіи французскаго вліянія въ Россіи: въ первой разсматриваются только „первые контакты" до смерти Петра Великаго, во второй—„французское завоеваніе" между 1725 и 1789 гг., третья посвящена „апогею французскихъ вліяній" въ 1789—1815 гг., и здѣсь граница между XVIII и XIX столѣтіями проходитъ около 200-ой страницы, такъ что на XIX-ый вѣкъ приходится болѣе 300 страницъ; въ четвертой книгѣ рѣчь идетъ уже о „борьбѣ вліяній" до 1848 г., а вся вторая половина прошлаго столѣтія разсматривается (менѣе, нежели на ста страницахъ) въ пятой книгѣ, озаглавленной: „Упадокъ" (le déclin). Въ этихъ хронологическихъ рамкахъ авторъ говоритъ, притомъ, о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, начиная съ французской кухни, французскихъ модъ, французскихъ развлеченій, какъ общественныхъ, такъ и домашнихъ, и кончая французскими книгами и литературными формами, французскими философскими, религіозными, политическими, соціальными идеями. Постоянные экскурсы автора въ исторію нравовъ и обычаевъ русскаго общества, съ довольно большимъ анекдотическимъ аппаратомъ, придаютъ изложенію особыя живость и легкость, что̀, разумѣется, будетъ только способствовать успѣху книги въ самой большой публикѣ; но всѣ эти бытовыя подробности берутъ много мѣста, и тамъ, гдѣ автору приходится говорить объ идейныхъ вліяніяхъ, онъ нерѣдко бываетъ слишкомъ краткомъ, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія читателя, ищущаго въ книгѣ не столько развлеченія, сколько поученія. Самъ проф. Оманъ въ предисловіи высказываетъ опасеніе, какъ бы французскій читатель книги не нашелъ, что авторъ слишкомъ быстро скользитъ („que j'ai trop glissé") по подробностямъ, наиболѣе для читателя интереснымъ; но въ свое оправданіе авторъ указываетъ на то, что онъ хотѣлъ представить свой предметъ возможно полнѣе („aussi complétement qu'on le peut"), а это, въ концѣ концовъ, можно было сдѣлать лишь „d'une façon fort sommaire".

Относительно русскаго читателя авторъ боится другого, именно— какъ бы этотъ читатель его не заподозрилъ въ преднамѣренномъ опущеніи того, что̀ онъ называетъ, какъ французъ, „nos sous-produits

les moins louables". Въ качествѣ русскаго читателя могу сказать, что опасеніе его совершенно напрасно: онъ достаточно объективенъ и безпристрастенъ. Никто не скажетъ объ его отношеніи къ намъ то, что Екатерина II писала Вольтеру о Мерсье-де-ла-Ривьерѣ: „онъ думалъ, что мы ходимъ на четверинкахъ и очень вѣжливо далъ себѣ трудъ пріѣхать къ намъ, чтобы насъ поставить на заднія лапы". Вездѣ, гдѣ въ книгѣ заходитъ рѣчь объ отрицательныхъ сторонахъ русской жизни, тонъ автора вполнѣ корректенъ, что, къ сожалѣнію, не всегда бываетъ, наприм., у нѣкоторыхъ другихъ нашихъ сосѣдей.

Въ концѣ тома приложенъ длинный, на 16—17 страницахъ, списокъ книгъ, которыми авторъ пользовался при составленіи своего труда; но онъ самъ признается, что многое ему осталось неизвѣстнымъ. Подъ руками у проф. Омана были такія коллекціи, какъ сборники Русскаго Историческаго общества, Воронцовскій и Остафьевскій архивы, „Русская Старина", „Русскій Архивъ" и разные толстые журналы, начиная съ прежняго и теперешняго (съ 1866 г.) „Вѣстника Европы". Очень досаденъ пропускъ такихъ органовъ, какъ „Современникъ" и „Отечественныя Записки". Кое-что и изъ исторической литературы пропущено несомнѣнно важное. Близкая по темѣ нѣмецкая книга Брюкнера объ европеизаціи Россіи осталась автору неизвѣстной, а между тѣмъ для него она имѣла бы спеціальный интересъ. Полное умолчаніе о проф. Ключевскомъ, у котораго авторъ многимъ могъ бы воспользоваться, объясняется, конечно, тѣмъ, что IV-ый томъ „Русской исторіи", касающійся первой половины XVIII в., вышелъ въ свѣтъ уже послѣ того, какъ книга Омана была закончена. Можно указать и пробѣлы, касающіеся частныхъ пунктовъ. Напримѣръ, г. Оманъ на стр. 113 и 114 отмѣчаетъ вліяніе Гельвеція на Радищева—и тутъ ему пригодилось бы то, что объ этомъ писалъ В. А. Мякотинъ. Большимъ галломаномъ былъ Сперанскій, но у нашего автора не было, повидимому, подъ руками работъ объ этомъ государственномъ человѣкѣ и въ частности о его конституціонныхъ планахъ. Я сказалъ бы, что и литература о декабристахъ тоже могла бы дать г. Оману много интереснаго по вопросу о вліяніи въ Россіи французскихъ политическихъ идей, отдѣльныхъ французскихъ писателей и книгъ. Отмѣчу, напримѣръ, что еще въ 1907 г. въ „Русскомъ Богатствѣ" было напечатано два съ половиною десятка страницъ, на которыхъ В. И. Семевскимъ, въ „Очеркахъ изъ исторіи политическихъ идей декабристовъ" (вышедшихъ потомъ отдѣльно) были собраны свѣдѣнія о книгахъ, преимущественно французскихъ, особенно читавшихся декабристами и повліявшихъ на ихъ политическое міросозерцаніе. Въ новыхъ работахъ В. И. Семевскаго авторъ могъ бы найти немало интереснаго о русскихъ фурьеристахъ. Имѣетъ нѣкоторое значеніе и

пропускъ такихъ трудовъ, какъ книги гр. Д. А. Толстого о католицизмѣ въ Россіи и проф. Цвѣтаева о протестантизмѣ въ Россіи (впрочемъ, одна статья г. Цвѣтаева автору была извѣстна). Кое-гдѣ проф. Оманъ говоритъ о впечатлѣніяхъ русскихъ отъ поѣздокъ во Францію и даже цитируетъ Лейкина („Наши за границей") и Скальковскаго, но очень досадно полное молчаніе о такомъ писателѣ, какъ Глѣбъ Успенскій. Очень крупнымъ проводникомъ французскаго вліянія въ Россіи и информаторомъ о томъ, что дѣлалось во Франціи, былъ П. Д. Боборыкинъ; но автору знакома только одна его статья объ эволюціи русскаго романа въ сборникѣ „Починъ" (1895). Герценомъ и Бѣлинскимъ онъ пользуется довольно много, но, къ сожалѣнію, не заглянулъ въ сочиненія такихъ вліятельныхъ писателей, какъ Добролюбовъ, Писаревъ, Михайловскій, чтобы посмотрѣть, какъ относились они къ Франціи и ея культурѣ.

Къ числу критическихъ замѣчаній общаго характера, вызываемыхъ книгой, я прибавлю еще одно — о транскрипціи собственныхъ именъ у проф. Омана. Не буду много говорить о непослѣдовательности въ передачѣ звука *ы* то черезъ *i* или *y* (Narichkine и Narychkine), то даже черезъ *oui* (Tchebouichef), или въ обозначеніи женскихъ именъ то на *of*, какъ было доселѣ принято, то по новому на *ova*, и лишь вскользь отмѣчу вѣчнаго Сув*а*рова, вмѣсто Суворова, а остановлюсь на фамиліяхъ не-русскаго происхожденія. Просто рѣжетъ глаза, когда читаешь такія начертанія: Fone Vizine, Fone Bradke, Kioukhelbecker (—Кюхельбекеръ), Guerchenzôn(—Гершензонъ) и т. п. Почему бы тогда и Герцена (котораго французы называютъ, какъ извѣстно, Эрзаномъ) не писать—Guertsen?

Общіе выводы изъ своего труда проф. Оманъ излагаетъ на послѣднихъ 17 страницахъ текста. Они приблизительно таковы. Нигдѣ французское вліяніе не было столь продолжительно и столь глубоко, какъ въ Россіи. Причины этого явленія лежатъ не въ политикѣ и не въ географіи, а въ томъ, что авторъ называетъ, во-первыхъ, „la clarté française", во-вторыхъ, „l'esprit de propagande", т.-е., въ концѣ концовъ, въ особенностяхъ французской національной психики. Ими вообще объясняется французское вліяніе на другія націи, но по отношенію къ русскимъ есть и болѣе частная причина. Когда русскіе встрѣтились съ французами, то достаточно-таки уже имѣли времени, чтобы почувствовать отвращеніе къ своимъ „первымъ учителямъ европеизма", и потому обратились къ французской культурѣ, какъ потому, что она была наиболѣе распространенной въ Европѣ, такъ и потому, что нашли ее болѣе для себя подходящею, вслѣдствіе нѣкотораго своего сходства съ французами. Указаніе на это сходство, отмѣченное въ серединѣ XVIII в. Фонъ-Визиномъ, сдѣлалось впослѣдствіи

своего рода общимъ мѣстомъ. Проф. Оманъ не очень-то въ него вѣритъ и приводитъ другія мнѣнія, дѣлающія изъ русскихъ и французовъ двѣ противоположности; но и здѣсь дѣйствуетъ нѣкоторое „nec tecum, nec sine te viverum posse", т.-е. какъ бы „вмѣстѣ тѣсно, а врозь скучно". Русскихъ всегда тянуло во Францію, и нигдѣ на чужбинѣ они не чувствовали себя такъ хорошо, какъ среди французовъ. Съ другой стороны, и у этихъ послѣднихъ были свои причины интересоваться русскими не ради однихъ рублей или штыковъ. Тѣмъ не менѣе и русскіе, и французы во времени измѣняются, и въ будущемъ Франція для русскихъ не будетъ единственнымъ солнцемъ („à supposer qu'il l'ait jamais été", оговаривается авторъ), а будетъ лишь звѣздою среди многихъ другихъ звѣздъ.

Какъ мы видимъ изъ послѣднихъ словъ, историка французскаго вліянія въ Россіи интересуетъ и будущее этого вліянія. Недаромъ въ его представленіи вторая половина XIX в. является эпохою упадка французскаго вліянія вслѣдствіе, съ одной стороны, культурныхъ успѣховъ самой Россіи, сдѣлавшихъ ея интеллигенцію болѣе самостоятельною, а съ другой, вслѣдствіе того, что въ культурномъ отношеніи у французовъ явились конкурренты, которыхъ въ былыя времена они не знали. Въ своей книгѣ проф. Оманъ слѣдитъ и за проявленіями галлофобіи, которая, однако, нерѣдко является только частнымъ случаемъ ксенофобіи вообще, когда рѣчь идетъ объ обществѣ. Между прочимъ, у него есть одно такое замѣчаніе: чѣмъ больше русское правительство отличалось галлофобіей, тѣмъ больше русское общество проявляло галломаніи—и онъ спрашиваетъ, поэтому, не будетъ ли въ будущемъ наоборотъ, когда влеченіе къ Франціи перестанетъ быть запрещеннымъ плодомъ (стр. 426). Тема касается теперешняго оффиціальнаго франко-русскаго союза, но авторъ о немъ едва упоминаетъ, указывая только на то, что для самой возможности прочнаго сближенія между обѣими націями „нужно было во Франціи побѣдить предразсудокъ о русскомъ варварствѣ, какъ въ Россіи было побѣждено недовѣріе къ республиканской Франціи". Побѣдѣ надъ указаннымъ предразсудкомъ содѣйствовали особенно тѣ французскіе писатели, которые стали изучать русскую жизнь, литературу, исторію. Проф. Оманъ ихъ называетъ: это — Альфредъ Рамбо, памяти котораго посвящена самая книга, Луи Леже, Анатоль Леруа-Больё, Мельхіоръ де-Вогюэ, Леонсъ Пенго, Шарль де-Ларивьеръ. Къ этимъ именамъ съ полнымъ правомъ можетъ быть присоединено имя автора „Французской культуры въ Россіи". Что касается недовѣрія къ республиканской Франціи, то рядомъ съ нимъ въ оффиціальныхъ сферахъ авторъ отмѣчаетъ среди русскихъ за послѣднее время и недовѣріе къ буржуазности республики, многіе видные дѣятели которой высказывались за сохраненіе въ Россіи

политическаго status quo. Впрочемъ, это—мимоходомъ: автора въ будущемъ интересуетъ не судьба политическаго франко-русскаго союза, а судьба вліянія французской культуры въ Россіи, прошлое котораго свидѣтельствуетъ, что политика и культура шли въ томъ или иномъ направленіи иногда совершенно независимо одна отъ другой.

Н. Карѣевъ.

КНИГА О НАЦІОНАЛЬНОМЪ ВОПРОСѢ

Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ. Австро-Венгрія, Россія, Германія. Подъ редакціей А. И. Кастелянскаго. Спб., 1910 г. Стр. 821.

Огромный томъ, объемомъ свыше пятидесяти печатныхъ листовъ и цѣною въ 7 р. 50 коп., не предназначенъ, очевидно, для большого распространенія въ нашей читающей публикѣ, а между тѣмъ этотъ интересно задуманный сборникъ заслуживалъ бы особеннаго вниманія русскаго общества.

Кто не интересуется въ настоящее время національнымъ вопросомъ? Кто не разсуждаетъ теперь о національныхъ правахъ и интересахъ, о національной политикѣ и національномъ патріотизмѣ? Вся наша современная политическая жизнь вертится около племенныхъ и національныхъ споровъ, поднятыхъ во имя укрѣпленія единства и могущества русскаго государства. Газеты извѣстнаго лагеря ежедневно доказываютъ, что нужно неустанно тѣснить и душить „чужія" народности, входящія въ составъ Россіи, чтобы заставить ихъ сильнѣе чувствовать державную мощь господствующей національности, воплощаемой государственною властью, ибо только такимъ путемъ вырабатывается, будто бы, въ подвластныхъ народахъ духъ покорной преданности и сознательнаго подчиненія. Патріоты требуютъ крупныхъ ограничительныхъ мѣръ противъ инородцевъ даже не для пользы русскаго населенія, а только для того, чтобы инородцы не зазнавались и ни на минуту не забывали о своемъ безправіи. Въ числѣ этихъ проповѣдниковъ насилія и угнетенія найдется немало людей убѣжденныхъ, искренно считающихъ себя борцами за благо отечества и народа. Многіе добросовѣстно думаютъ, что проводятъ какія-то національныя идеи, когда настаиваютъ на обузданіи мирныхъ жителей окраинъ и на отнятіи у нихъ всякихъ законныхъ правъ. Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ они часто ссылаются на примѣры иностранныхъ государствъ и на политику такихъ авторитетныхъ дѣятелей,

какъ Бисмаркъ. Послѣдовательные, прямолинейные націоналисты преобладаютъ нынѣ и въ нашихъ законодательныхъ учрежденіяхъ, и въ значительной части печати, и въ составѣ нашего правительства и администраціи; они даютъ тонъ всей нашей внутренней политикѣ. Поэтому для тѣхъ изъ нихъ, которые сознательно относятся къ своимъ идеямъ и выводамъ, было бы въ высшей степени полезно ознакомиться съ массою фактическихъ свѣдѣній и заключеній, собранныхъ въ книгѣ г. Кастелянскаго и касающихся національнаго вопроса въ разныхъ современныхъ государствахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи.

Книга распадается на три части: первая посвящена Австро-Венгріи и заключаетъ въ себѣ оригинальныя статьи выдающихся австрійскихъ ученыхъ и публицистовъ о „политической эволюціи національностей", о нѣмецко-чешской борьбѣ, о полякахъ и украинцахъ, объ австрійскихъ евреяхъ и итальянцахъ, о южныхъ славянахъ, о венгерскихъ нѣмцахъ и словакахъ. Историческій очеркъ Рудольфа Шпрингера (Карла Реннера) даетъ ясную картину постепеннаго развитія національныхъ идей и стремленій въ имперіи Габсбурговъ, начиная съ революціи 48-го года. Этюды профессора Кирилла Горячека, Э. Кристана, проф. М. Грушевскаго и Крека—о чехахъ, украинцахъ и хорватахъ—показываютъ, какія колоссальныя усилія употреблялись австрійскими и венгерскими централистами для подавленія разныхъ славянскихъ народностей и насколько получаемые результаты не соотвѣтствовали поставленнымъ цѣлямъ. Чѣмъ сильнѣе и упорнѣе австрійское правительство старалось онѣмечить чеховъ, тѣмъ болѣе крѣпло и развивалось въ чешскомъ народѣ сознаніе своихъ національныхъ правъ и тѣмъ непримиримѣе становилась противоположность интересовъ между чехами и нѣмцами. Тщетно венгерцы стремились омадьярить хорватовъ и превратить ихъ страну въ простую венгерскую провинцію; напрасно поляки надѣялись ополячить украинцевъ. Угнетаемая народность всегда пріобрѣтала новыя силы и возрождалась къ самостоятельной жизни именно подъ вліяніемъ многолѣтнихъ систематическихъ преслѣдованій. Введеніе всеобщаго избирательнаго права и могучій ростъ соціалъ-демократіи подготовляютъ почву для прекращенія безплодной племенной борьбы и для постепеннаго преобразованія монархіи въ мирный союзъ равноправныхъ національностей.

Логическимъ дополненіемъ къ этому отдѣлу сборника служатъ нѣкоторыя статьи третьей части—о полякахъ въ Пруссіи, г. Ю. Мархлевскаго, о датчанахъ въ сѣверномъ Шлезвигѣ, члена рейхстага Г. Гансена, и о роли австрійской соціалъ-демократіи въ національномъ вопросѣ, депутата Пернерсторфера. Въ Пруссіи самъ Бисмаркъ пускалъ въ ходъ всѣ средства образцоваго правительственнаго механизма для борьбы съ польскою народностью въ Познани и Силезіи.

Въ 1886-мъ году онъ провелъ законъ объ учрежденіи особаго фонда для скупки имѣній польскихъ землевладѣльцевъ съ цѣлью перепродажи ихъ отдѣльными участками нѣмецкимъ поселенцамъ. На это дѣло было ассигновано государствомъ сначала сто милліоновъ марокъ, потомъ еще добавочныхъ сто милліоновъ и затѣмъ въ 1902-мъ году еще полтораста милліоновъ — всего 350 милліоновъ марокъ. Коммиссіи удалось пріобрѣсть около 326 тысячъ гектаровъ земли, изъ нихъ только 103 тысячи отъ польскаго дворянства,—но въ то же время поляки, побуждаемые чувствомъ національной самозащиты, успѣли еще увеличить размѣры своего землевладѣнія, не только помѣщичьяго, но и крестьянскаго, путемъ покупокъ у нѣмецкихъ собственниковъ, такъ что въ общемъ итогѣ нѣмецкое землевладѣніе въ польскихъ провинціяхъ не расширилось, а напротивъ, сократилось, хотя число вновь устроенныхъ нѣмецкихъ колонистовъ дошло до 9 тысячъ. Въ 1907-мъ году колонизаціонной коммиссіи было предоставлено право принудительнаго отчужденія польскихъ земель и вмѣстѣ съ тѣмъ назначена въ ея распоряженіе дополнительная сумма въ 300 милліоновъ марокъ. Теперь даже правовѣрные нѣмецкіе патріоты не отрицаютъ безуспѣшности всѣхъ этихъ искусственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ вытѣсненію или ограниченію польскаго элемента въ польскихъ областяхъ; они ничего не могутъ сказать противъ того страннаго факта, что въ результатѣ процесса перепродажи земель „къ полякамъ перешло большее количество земли изъ нѣмецкихъ рукъ, нежели къ нѣмцамъ—изъ польскихъ". Этотъ перевѣсъ въ пользу поляковъ, за время отъ 1896 до 1905 года, опредѣляется приблизительно въ 60.800 гектаровъ. Извѣстный прусскій ученый, профессоръ Дельбрюкъ, говоря о польскомъ вопросѣ, приходитъ къ тому выводу, что своею гигантскою борьбою противъ поляковъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ прусское государство „не достигло ничего, рѣшительно ничего". „Кто надлежащимъ образомъ взвѣситъ этотъ опытъ—заключаетъ Дельбрюкъ,—тотъ долженъ придти къ тому заключенію, что національная идея представляетъ въ наше время совершенно непреодолимую силу. Это—стихія, противъ которой безсильно даже высшее напряженіе политической власти" (стр. 701). Дѣло именно въ томъ, что одностороннее напряженіе политической власти въ сторону данной народности заставляетъ эту народность сплотиться, проникнуться духомъ солидарности и патріотизма, и вызываетъ въ ней такую силу сопротивленія, которой нельзя было предвидѣть при нормальныхъ условіяхъ. Прусское правительство не останавливалось ни предъ чѣмъ для достиженія своей цѣли; оно изгнало польскій языкъ изъ народной школы, запрещало употребленіе его даже въ частномъ преподаваніи, принуждало польскихъ дѣтей учиться за-

кону Божію на нѣмецкомъ языкѣ, въ чемъ мѣстное населеніе усматривало попытку совращенія въ лютеранство. Началась единственная въ своемъ родѣ—какъ выражается г. Мархлевскій—„мученическая борьба дѣтей съ государствомъ". Дѣти упорно отказывались молиться на чуждомъ имъ языкѣ и подвергались за это жестокимъ наказаніямъ; заодно съ дѣтьми волновались и страдали родители, особенно матери. Въ 1906-мъ году разразилась на этой почвѣ школьная забастовка: свыше 120 тысячъ дѣтей перестали посѣщать школу до тѣхъ поръ, пока законъ Божій не будетъ преподаваться на польскомъ языкѣ. Преслѣдованія усилились; „жандармы насильно сгоняли дѣтей въ школы, родители присуждались къ денежнымъ штрафамъ, сотни людей были посажены въ тюрьму за агитацію". Менѣе трагичны были мѣры другого рода, также безцѣльно раздражавшія поляковъ—запрещеніе употреблять польскій языкъ на публичныхъ собраніяхъ, замѣна старинныхъ польскихъ названій городовъ и мѣстечекъ нѣмецкими, и т. п. Благодаря этой близорукой политикѣ прекратился прежній безсознательный процессъ онѣмеченія прусскихъ поляковъ, изъ которыхъ многіе даже забывали о своемъ польскомъ происхожденіи и гордо причисляли себя къ пруссакамъ; фамиліи Подбѣльскихъ, Посадовскихъ, Радзивилловъ, Лихновскихъ успѣли отчасти слиться съ прусскою аристократіею, и вслѣдъ за ними поддавались вліянію нѣмецкой культуры представители польской буржуазіи. Польскій депутатъ Косцѣльскій считался одно время фаворитомъ императора Вильгельма II и въ качествѣ вѣрнаго прусскаго патріота подавалъ голосъ за всѣ широкіе проекты сооруженія флота, возбуждавшіе оппозицію въ нѣмецкомъ обществѣ. Казалось, что никакого польскаго вопроса не существовало уже въ Пруссіи—и, можетъ быть, онъ мирно сошелъ бы со сцены или потерялъ бы всякое практическое значеніе, еслибы о поднятіи и обостреніи его не позаботились нѣмецкіе патріоты, съ правительствомъ во главѣ. Въ этой мнимой защитѣ нѣмецкаго народа отъ „польской опасности" довольно крупная роль принадлежала извѣстному частному обществу „гакатистовъ", получившему свое прозвище отъ начальныхъ буквъ именъ трехъ главныхъ его дѣятелей—Ганнемана, Кеннемана и Тидельмана. Противъ притѣсненія поляковъ всегда рѣшительно высказывалась только одна политическая партія—соціалъ-демократическая; но убѣдительная сила фактовъ начинаетъ дѣйствовать и на консервативные умы нѣмецкихъ либераловъ, которые несомнѣнно все болѣе утрачиваютъ вѣру въ разумность и цѣлесообразность боевой узкоплеменной политики Пруссіи.

Наиболѣе интересна, конечно, вторая часть сборника, трактующая о національномъ вопросѣ въ Россіи. Здѣсь мы находимъ статьи о національномъ составѣ русскаго населенія и о великороссахъ—М. А.

Славинскаго, о малороссахъ — проф. М. Грушевскаго, о полякахъ — Людвига Крживицкаго и Михаила Рёмера, о бѣлоруссахъ — Антона Новины, объ евреяхъ—С. Дубнова, о литовцахъ—А. Булата, о латышахъ—Р. Петерсона, о грузинахъ — З. Авалова, объ армянахъ, объ инородцахъ и, въ частности, о бурятахъ — Л. Штернберга, и о киргизахъ—А. Букейханова. Отдѣльно помѣщена статья о Финляндіи, А. Игельстрома. Наконецъ, въ третьей части, сверхъ указанныхъ выше статей о полякахъ и датчанахъ въ Пруссіи, помѣщены еще два этюда, представляющіе большой принципіальный интересъ—о національности и государствѣ, В. В. Водовозова, и о русскихъ соціалистическихъ партіяхъ въ ихъ отношеніяхъ къ національному вопросу, г. Вл. Медема. Въ томъ же отдѣлѣ нашла мѣсто статья г. Д. Пасманика о сіонизмѣ. Редактору сборника, г. А. Кастелянскому, принадлежитъ вступительный очеркъ, посвященный общей характеристикѣ современнаго національнаго движенія въ разныхъ государствахъ. Уже изъ этого перечисленія можно видѣть, какимъ богатствомъ содержанія отличается разбираемая нами книга.

Основные взгляды отдѣльныхъ авторовъ не во всемъ совпадаютъ и кажутся иногда неясными или какъ бы недосказанными; въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта неясность приводитъ къ весьма важнымъ принципіальнымъ недоразумѣніямъ. Г. Кастелянскій, напр., говоритъ о внутренней связи имперіализма съ національзмомъ; по его словамъ, англосаксонскій девизъ — „Britannia rules the waves", великорусскій — „Великая Россія", и тому подобные перефразированные девизы другихъ державныхъ народовъ, большихъ и малыхъ—все это лишь разныя выраженія для одного и того же содержанія". Легко замѣтить, что имперіализмъ самъ по себѣ не имѣетъ ничего общаго съ націонализмомъ и даже, напротивъ, исключаетъ его: Британія, господствующая на моряхъ, обнимаетъ собою всѣ народности, входящія въ составъ Британской имперіи, тогда какъ „великорусскій" девизъ выдвигаетъ на первый планъ господство одной великорусской народности надъ другими народностями и племенами Россійской имперіи и, слѣдовательно, съуживаетъ понятіе о міровой державѣ до степени узкоплеменного государства. Имперіализмъ — направленіе внѣшней политики, свойственное тѣмъ великимъ націямъ, которыя пережили стадію націонализма и строятъ свое единство на болѣе широкой политической основѣ; оттого имперіализмъ является вполнѣ естественнымъ для Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, но служитъ пока еще источникомъ неразрѣшимыхъ внутреннихъ противорѣчій и затрудненій для Германіи и России. Само собою разумѣется, что и въ великой сѣвероамериканской республикѣ проводится различіе между американцами и пришлыми иноземцами, точно такъ же какъ и въ Англіи британ-

скіе подданные отличаются отъ иностранцевъ; но національный принципъ уже не играетъ при этомъ никакой роли. Въ сборникѣ г. Кастелянскаго нѣтъ статей объ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ — очевидно, потому, что въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ не существуетъ національнаго вопроса въ общепринятомъ смыслѣ этого слова; но для читателей было бы очень полезно выяснить причины, почему нѣтъ національнаго вопроса въ названныхъ странахъ, и еслибы это было сдѣлано, то невозможность смѣшенія имперіализма съ національнымъ стала бы совершенно ясною.

Съ этимъ недоразумѣніемъ связано другое, болѣе серьезное: ложный, фальшивый націонализмъ, равнодушный къ интересамъ и бѣдствіямъ собственнаго народа и стремящійся лишь къ преслѣдованію иноплеменниковъ и иновѣрцевъ, отождествляется какъ будто съ нормальными проявленіями національнаго чувства или, по крайней мѣрѣ, не отмежевывается отъ нихъ съ надлежащей отчетливостью. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ сборника высказывается мысль, что самъ русскій народъ въ значительной своей части солидаренъ съ проповѣдниками націонализма, какъ политики преслѣдованія и угнетенія. Въ Россіи — читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ— „національный гнетъ принимаетъ тѣмъ болѣе угрожающій характеръ, что агрессивность господствующаго великорусскаго племени, не выходившая раньше за предѣлы тѣсныхъ круговъ его правящихъ сферъ,—со вступленіемъ послѣдняго въ активную политическую жизнь, начинаетъ охватывать все болѣе широкіе слои его" (стр. XII, примѣчаніе). „Агрессивность господствующаго великорусскаго племени" не проявляется и не можетъ проявляться въ духѣ національнаго гнета уже потому, что это господствующее племя, въ огромномъ большинствѣ своемъ, само находится подъ гнетомъ безправія и нужды, само страдаетъ отъ произвола и насилія правящихъ классовъ, само устранено отъ участія въ „активной политической жизни" тѣми общественными группами, которыя смѣло проводятъ теперь чуждую ему мнимо-національную политику. „Господствующее великорусское племя" достаточно ярко выразило свои истинныя чувства и стремленія, когда оно дѣйствительно получило доступъ къ „активной политической жизни", при выборѣ двухъ первыхъ Думъ. Массы русскаго народа не имѣютъ ничего общаго съ кучкою злобныхъ фанатиковъ, интригановъ и честолюбцевъ, дѣйствующихъ подъ именемъ „союза русскаго народа" и превращающихъ національный патріотизмъ въ орудіе мелкихъ корыстныхъ цѣлей. Тѣ люди, которые въ третьей Думѣ кричали: „прочь мелкота! Русь идетъ!" и „Finis Finlandiae!", откровенно попираютъ ногами законныя права русскаго крестьянства, составляющаго главное ядро великорусскаго племени, и ставятъ свои сословныя выгоды впереди интересовъ цѣ-

лаго народа и общества; поэтому они менѣе кого бы то ни было имѣютъ право считать себя выразителями взглядовъ и тенденцій великорусской народности. „Истинно-русскіе люди“, какъ справедливо замѣчаетъ проф. М. Грушевскій, не разъ оказывались въ одномъ лагерѣ съ истинно-польскими людьми по своей реакціонной противонародной политикѣ въ дѣлахъ юго-западнаго края, въ недавній „конституціонный“ періодъ нашей исторіи (стр. 329). Они могутъ чувствовать себя солидарными и съ остзейскими баронами, и съ мусульманскими беками, и съ кѣмъ угодно, но только не съ русской демократіею, которую они отрицаютъ въ принципѣ.

Трудно также согласиться съ мнѣніемъ, что скептицизмъ въ вопросѣ о будущности украинскаго языка означаетъ сочувствіе къ политикѣ его оффиціальныхъ гонителей или свидѣтельствуетъ о недоброжелательномъ отношеніи прогрессивнаго великорусскаго общества къ духовнымъ нуждамъ и потребностямъ малороссовъ (стр. 323 и слѣд.). Русское общество не отвѣтственно за запретительныя и карательныя мѣры правительства, заявлявшаго устами министра Валуева въ 1863-мъ году, что „не было, нѣтъ и быть не можетъ“ особаго украинскаго языка—и тѣмъ не менѣе считавшаго нужнымъ постоянно бороться противъ этого несуществующаго явленія. Русскіе прогрессисты, даже тѣ, которые высмѣивали „гадяцкій сепаратизмъ“, всегда относились безусловно отрицательно къ системѣ запрещеній и репрессій; они находили, что именно эти гоненія создали и обострили украинскій вопросъ и помѣшали нормальному развитію украинства въ духѣ спокойнаго, довѣрчиваго общенія съ представителями великорусской народности. Прогрессивное, демократическое украинство есть, конечно, „органическій результатъ историческаго процесса, логическій выводъ изъ историческихъ условій украинской жизни и фактовъ его современныхъ отношеній“, какъ говоритъ проф. Грушевскій. „До сихъ поръ, однако, не смотря на созвучность общихъ политическихъ и соціальныхъ проблемъ, украинство не имѣло искреннихъ союзниковъ и доброжелателей ни въ прогрессивномъ обществѣ великорусскомъ, ни въ польскомъ. Національный постулатъ украинства до сихъ поръ встрѣчается здѣсь непріязненно, и украинскій вопросъ или недоброжелательно замалчивается, или открыто оспаривается; даже такія близкія сестры, какъ соціалъ-демократія украинская и великорусская, находятся въ весьма натянутыхъ отношеніяхъ“ (стр. 329). Намъ кажется, что критическое отношеніе къ украинофильской программѣ зависитъ не только отъ непониманія или недоброжелательства, но и отъ различія во взглядахъ на роль и значеніе мѣстныхъ языковъ и литературъ. Шотландскій языкъ, имѣвшій свою богатую литературу еще въ XV-мъ вѣкѣ, вышелъ изъ употреб-

ленія и уступилъ мѣсто современному англійскому языку въ силу того естественнаго обстоятельства, что для гражданъ Великобританіи удобнѣе имѣть одинъ общій языкъ и одну литературу, чѣмъ два языка и двѣ литературы. Эта экономія силъ достигнута была сама собою путемъ свободнаго національнаго развитія, безъ всякихъ внутреннихъ треній, единственно лишь потому, что никто не запрещалъ и не преслѣдовалъ мѣстныхъ языковъ и нарѣчій. Слѣдуетъ ли сожалѣть о томъ, что шотландцы и англичане пишутъ и говорятъ теперь на одномъ общемъ языкѣ, а не на двухъ или трехъ параллельно развивающихся языкахъ? Многочисленность и разнообразіе языковъ въ культурномъ человѣчествѣ не составляютъ блага или преимущества сами по себѣ. Въ прежнія времена языкомъ науки и литературы для западно-европейскихъ народовъ былъ языкъ латинскій; потомъ эти объединительныя функціи въ области международнаго общенія перешли къ языку французскому, и идеаломъ будущаго можно считать единство литературно-научнаго языка для всѣхъ культурныхъ націй. Съ этой точки зрѣнія недовѣріе нѣкоторыхъ русскихъ прогрессистовъ къ самостоятельной роли украинскаго языка не можетъ быть признано ересью и вовсе не служитъ доказательствомъ неуваженія къ правамъ украинской автономіи.

Прямая связь репрессивной политики съ возбужденіемъ и ростомъ непримиримаго національнаго духа среди преслѣдуемыхъ народностей чрезвычайно ярко выражается въ польскомъ вопросѣ. Съ половины девяностыхъ годовъ до 1904-го года въ передовой части польскаго общества господствовали чисто-революціонные взгляды—требованіе независимости Польши и соединенный съ нимъ лозунгъ вооруженнаго возстанія. Съ подъемомъ освободительнаго движенія въ Россіи эти лозунги исчезаютъ. „Національ-демократія уже въ 1904-мъ году отбрасываетъ требованіе независимой Польши, какъ ненужный балластъ. Польская соціалистическая партія колеблется, но, бросаясь въ круговоротъ событій, начинаетъ говорить объ автономіи. Пока не было никакой надежды на пріобрѣтеніе національныхъ правъ при сохраненіи связи съ Россійской имперіей—объясняетъ г. Л. Кржививкій,—до тѣхъ поръ только и оставалось мечтать о возстановленіи независимости. Но съ того момента, какъ открылась возможность улучшеній въ предѣлахъ россійскаго государства, партіи эти отказались отъ своихъ прежнихъ требованій". Въ періодъ суроваго правленія генерала Гурко выросъ въ Польшѣ соціализмъ и возродилось вліяніе забытыхъ революціонныхъ дѣятелей 1863-го года; а въ 1905-мъ году обнаруживается, наоборотъ, готовность полнаго примиренія съ русскимъ обществомъ и русскимъ народомъ. Поляки страстно отдаются свободной просвѣтительной работѣ, которая раньше была имъ недоступна; они откры-

ваютъ множество школъ и образовательныхъ обществъ, изъ которыхъ особеннаго расцвѣта достигла консервативная „Матица“. Въ недолгое время своего существованія „Матица“ успѣла открыть 780 мѣстныхъ отдѣленій съ 400.544 членами, 680 школъ, 317 пріютовъ, 505 библіотекъ и читаленъ, устраивала курсы и лекціи для взрослыхъ и т. д. Въ ея школахъ обучалось 63 тысячи человѣкъ, пріютами пользовались больше 14 тысячъ дѣтей, библіотеки и читальни обслуживали 116.340 членовъ (стр. 337). Эта общеполезная культурная организація, сдѣлавшаяся „однимъ изъ самыхъ крупныхъ въ Европѣ частныхъ просвѣтительныхъ учрежденій“, была безъ всякихъ церемоній уничтожена министерскимъ распоряженіемъ, какъ бы для нагляднаго доказательства того, что всѣ надежды поляковъ на плодотворную мирную дѣятельность для пользы родной страны остаются по прежнему напрасными иллюзіями.

Тѣ же явныя ошибки, крупныя и мелкія, повторяются систематически по отношенію ко всѣмъ народностямъ и племенамъ Россіи— и повсюду получаются неизмѣнно одни и тѣ же результаты. Въ Литвѣ правительство запретило въ 1865-мъ году употребленіе латинскаго шрифта, которымъ печатались литовскія книги съ начала XVI-го столѣтія; населенію предписано было пользоваться только книгами, печатанными русскимъ алфавитомъ. Литовцы-католики усмотрѣли въ этомъ посягательство на свою вѣру и упорно отказывались отъ раздаваемыхъ даромъ молитвенниковъ и букварей, напечатанныхъ „гражданкой“, т.-е. русскимъ шрифтомъ. Изданіе книгъ на литовскомъ языкѣ фактически прекратилось въ предѣлахъ Россіи; вся литовская литература для русскихъ обывателей стала изготовляться въ сосѣдней Пруссіи, а потомъ въ Америкѣ и Англіи, откуда она контрабанднымъ путемъ переправлялась черезъ русскую границу и широко распространялась по всей Литвѣ. О количествѣ этихъ „иностранныхъ“ литовскихъ книгъ — какъ сообщаетъ въ своей статьѣ г. Булатъ, — можно судить по тому, что за десятилѣтіе до 1902-го года „таможенными властями на прусской границѣ было арестовано 174.259 экземпляровъ всевозможныхъ литовскихъ изданій, не говоря уже о тѣхъ, которыя были найдены и конфискованы полиціей внутри страны; всѣ арестованныя изданія, не исключая молитвенниковъ и букварей, предавались сожженію“ (стр. 437). И только въ 1904-мъ году прекратилась эта нелѣпая борьба противъ литовскаго алфавита, послѣ того какъ она породила все литовское національное движеніе, перешедшее затѣмъ въ общую борьбу за самостоятельность литовской національности.

Въ другомъ концѣ имперіи, въ Закавказскомъ краѣ, „суровый и слѣпой режимъ административныхъ притѣсненій далъ энергичный тол-

чокъ къ широкой общественной организаціи армянскаго народа". Въ 80-хъ годахъ ясно опредѣлилось уже „демократическое теченіе, какъ явленіе массовое, а лихорадочное оживленіе послѣдующихъ лѣтъ ведетъ къ дальнѣйшему сплоченію общественныхъ силъ на почвѣ соціальной и національной борьбы", чему способствовали „безпрестанныя преслѣдованія армянской демократіи" (стр. 516). Инородцы отдаленныхъ окраинъ, привыкшіе откупаться отъ административныхъ стѣсненій, оживились въ освободительный періодъ; психика ихъ — какъ говоритъ въ своемъ поучительномъ очеркѣ г. Л. Штернбергъ—радикально измѣнилась: они сознали свое право, увѣровали въ себя, прониклись уваженіемъ къ себѣ, у нихъ явились идеалы, они обрѣли вѣрную, преданную интеллигенцію и вступили наконецъ на путь самодѣятельности. „И довольно характеренъ тотъ фактъ, что въ то время какъ въ средѣ русской интеллигенціи реакція породила настроеніе унынія и растерянности, это настроеніе меньше всего коснулось инородческой интеллигенціи, которая не только не поддалась общему унынію, но, наоборотъ, проявляетъ особенную жизненность" (стр. 573). И въ киргизской степи „искони ведется обрусительная политика"; обычные спутники ея—„грубость, произволъ, безцеремонное третированіе всего того, что составляетъ святыню населенія", причемъ сами правители, не зная туземнаго языка, находятся всецѣло въ рукахъ своекорыстныхъ и невѣжественныхъ переводчиковъ. И киргизовъ администрація заставляла съ 1902-го года обучать дѣтей грамотѣ въ русской транскрипціи, а не арабской; киргизы заподозрили въ этомъ покушеніе на священныя книги корана и ходатайствовали о дозволеніи имъ преподавать и учиться по старинному, но получили отказъ. По этому поводу появилась въ народѣ какая-то прокламація; началось кляузное политическое дѣло, произведены были обыски у почетнѣйшихъ киргизовъ, у муллъ и учителей, а извѣстнѣйшій во всей киргизской степи ученый, мулла Паласовъ, прозванный Науаномъ, былъ высланъ изъ Кокчетава административнымъ порядкомъ. „Еслибы правительство сознательно пожелало отдалить киргизскій народъ отъ русскаго просвѣщенія и толкнуть его въ объятія панисламизма, то ничего лучшаго нельзя было для этого придумать, какъ начать преслѣдованіе противъ популярнаго Науана" (стр. 594). Забайкальскіе буряты также испытали на себѣ всѣ блага русскаго управленія; послѣднее фатально объединяло ихъ своими отрицательными чертами и агрессивными дѣйствіями. „Всѣ виды произвола, начиная съ грабительскихъ поборовъ, произвольнаго захвата земель, насильственныхъ крещеній, и кончая опытами просвѣщеннаго деспотизма, въ родѣ принудительнаго занятія земледѣліемъ, и наконецъ безумными капризами, въ родѣ созданія въ одинъ прекрасный день начальникомъ нерчин-

скихъ заводовъ краснаго гусарскаго полка изъ бурятъ, которымъ онъ бралъ мирные города, — представляли обычный спутникъ бурятской жизни" (стр. 613). Вездѣ одно и то же: мучительная, раздражающая безсмыслица въ поведеніи администраціи, подъ флагомъ обрусительной государственной политики, и глухое, искусственно вызываемое недовольство въ народѣ, связанное съ попытками внутренняго національнаго подъема и отпора.

Наши внутренніе національные вопросы рѣзко отличаются отъ заграничныхъ и вообще носятъ на себѣ крайне странный характеръ. Господствующая въ численномъ отношеніи народность въ сущности не только ни надъ кѣмъ не господствуетъ, но сама придавлена всевозможными формами насилія и беззаконія; великорусскій крестьянинъ такъ же обремененъ платежами и налогами, такъ же безправенъ предъ многочисленными властями, такъ же необезпеченъ въ своихъ элементарныхъ жизненныхъ правахъ и интересахъ, такъ же лишенъ возможности свободно развиваться и устраивать свою жизнь по-своему, какъ и самые захудалые изъ инородцевъ. Великорусская народность въ своей главной массѣ не имѣетъ ни малѣйшей выгоды отъ угнетенія другихъ національностей; она не чувствуетъ себя лучше отъ того, что у финляндцевъ отнята ихъ конституція, поляки задыхаются въ атмосферѣ безнадежнаго произвола, разные невѣжественные генералы Скалозубовскаго типа безконтрольно распоряжаются въ богатѣйшихъ областяхъ россійской территоріи, и даже отдаленные буряты и тунгузы бѣдствуютъ отъ попечительныхъ заботъ обрусительной администраціи. Острые національные конфликты создаются тамъ, гдѣ для нихъ нѣтъ никакой почвы; россійскіе патріоты ухитрились взволновать поочередно всѣ „подвластныя" народности и племена, начиная съ православныхъ украинцевъ и кончая чуть ли не чукчами. Подъ предлогомъ какого-то безпредметнаго націонализма искореняются всякіе зачатки культурной самодѣятельности и нормальнаго общественнаго развитія не только у инородцевъ, но и у самихъ великороссовъ. Отдѣльныя національности въ предѣлахъ Россійской имперіи уживались бы между собою вполнѣ мирно, безъ всякаго ущерба для государственнаго единства, еслибы имъ дано было спокойно существовать и пользоваться законными правами той незыблемой „гражданской свободы", которая обѣщана Россіи еще сравнительно недавно, всего пять лѣтъ тому назадъ. Русское общество не можетъ относиться непріязненно ни къ полякамъ, ни къ финнамъ, ибо оно сознаетъ великіе грѣхи русскаго управленія относительно нашихъ культурныхъ окраинъ. Чувство племенной вражды и нетерпимости вообще несвойственно русскому народу; оно легко насаждается и держится только въ слабыхъ головахъ верхняго класса, укрѣпляясь въ бездушной атмосферѣ канце-

лярской рутины. Единственный видъ племенного антагонизма, кажущійся популярнымъ въ мало-интеллигентной части русскаго общества—антисемитизмъ, ненависть къ еврейству и къ евреямъ, и притомъ не къ реально существующимъ евреямъ, а къ отвлеченному, фантастическому типу, созданному воображеніемъ спеціалистовъ по юдофобіи. Безотчетная вражда къ еврейству сдѣлалась для многихъ болѣзненною маніею, настоящимъ пунктомъ помѣшательства; она погубила уже нѣкоторыхъ талантливыхъ людей, завладѣвъ ихъ умами безповоротно. Антисемитизмъ принимаетъ у насъ въ новѣйшее время довольно грубыя формы даже въ области административной практики и законодательства; но эти печальные факты, особенно удивительные по своей явной внутренней несообразности, — какъ напр. затрудненіе для евреевъ доступа къ образованію,—выходятъ уже изъ круга вопросовъ національной политики...

Л. Слонимскій.

КАМЧАТКА И ЕЯ БОГАТСТВА

Цѣлыхъ 269 лѣтъ владѣемъ мы побережьемъ Охотскаго моря—и до сихъ поръ не извлекаемъ изъ него пользы, до сихъ поръ только тратимся на содержаніе края, предоставляя его богатства расхищать японцамъ и американцамъ и создавая, такимъ образомъ, порядокъ, который даетъ иностранцамъ за нашъ счетъ милліоны. Мы даже не знаемъ этого края ни въ научномъ, ни въ экономическомъ, ни въ какомъ другомъ отношеніи: тѣ отрывочныя свѣдѣнія о немъ, которыя у насъ имѣются, очень неточны, недостаточны, да и касаются только нѣкоторыхъ пунктовъ громаднаго пространства.

Между тѣмъ въ любомъ книжномъ магазинѣ ближайшаго къ нашимъ владѣніямъ японскаго города Хакодатэ можно найти довольно точную и подробную карту Камчатки, съ обозначеніемъ рѣкъ ея, изобилующихъ рыбой, а также мѣстъ, богатыхъ пушниной, золотомъ, жемчугомъ и т. д. Тутъ же можно узнать, когда вскрывается и замерзаетъ та или другая рѣка, когда открывается навигація въ разныхъ частяхъ морей Охотскаго и Берингова. Тѣ же японцы давнымъ-давно сдѣлали островъ Шумшу (во второмъ Курильскомъ проливѣ) своей базой для эксплоатаціи рыбныхъ богатствъ Камчатки и для торговли съ сѣверными инородцами. Они имѣютъ на этомъ островѣ склады каменнаго угля, снастей, соли, провизіи и товаровъ, и ежегодно по-

сылаютъ въ наши воды громадную флотилію парусныхъ судовъ, шхунъ и даже пароходовъ. А мы, русскіе, не имѣемъ ни одного популярнаго описанія Камчатки, ни одной, хотя бы маленькой брошюрки, посвященной этому полуострову, не говоря уже объ остальномъ охотскомъ побережьѣ. Не менѣе индифферентно относилось къ этой окраинѣ и русское правительство: напримѣръ, переписка о перенесеніи морского порта изъ Охотска въ Петропавловскъ тянулась 118 лѣтъ. До 1908-го года торги на отдачу въ аренду рыболовныхъ участковъ назначались на 1-ое іюня—а ходъ лучшей породы лососей начинается на Камчаткѣ 5—10 мая и къ среднимъ числамъ іюня совсѣмъ заканчивается. Въ моря Охотское и Берингово иностранцы приходили на сотняхъ судовъ, дѣлали что хотѣли, десятками тысячъ истребляли драгоцѣнныхъ котиковъ.

Въ настоящее время правительство заинтересовалось естественными богатствами Камчатки, дало ей самостоятельное губернаторство, проводитъ на полуостровѣ дороги и телеграфъ, принимаетъ болѣе серьезныя мѣры къ охранѣ морей и береговъ и устроило морское сообщеніе съ Владивостокомъ, обслуживающее самые незначительные пункты Камчатки. Пароходы, отходящіе въ ея порты, всякій разъ переполнены пассажирами и грузомъ.

И всетаки о Камчаткѣ еще слишкомъ мало знаютъ въ Россіи. Мнѣ приходилось слышать даже на Дальнемъ Востокѣ увѣреніе въ томъ, что морозы достигаютъ тамъ 50-ти градусовъ. Отсюда, думаю, можно заключить, какое зло приноситъ Камчаткѣ незнаніе ея и какое зло приносится этимъ вообще русскому дѣлу на далекой окраинѣ.

Конечно, трудно сказать, что ждетъ Камчатку въ ближайшемъ будущемъ; никто, думается, не поручится даже за то, что она надолго останется въ рукахъ Россіи—стоитъ только вспомнить судьбу Аляски. О жизни Камчатки и о ея богатствахъ двѣсти слишкомъ лѣтъ тому назадъ въ Россіи знали больше, чѣмъ теперь. Какъ только она была открыта (оффиціально—въ 1697-мъ году, когда казакомъ Атласовымъ былъ основанъ Верхне-Камчатскъ), съ Урала, Волги и дальше казаки, бѣглые и „вольница“ неудержимой волной бросились на Камчатку за богатой добычей. Ничто не могло остановить этихъ людей въ ихъ алчныхъ стремленіяхъ. Полились цѣлые потоки крови; несчастные инородцы до того застонали, что вопли ихъ, даже въ тѣ времена, дошли до Москвы и Петербурга, до свѣдѣнія верховной власти. Посыпался цѣлый рядъ строжайшихъ приказовъ правителямъ Сибири сдерживать рвущихся на востокъ разбойниковъ, безъ стѣсненія предавать ихъ „лютой“ смерти; но это не такъ легко было сдѣлать.

Ужасы дошли до такихъ размѣровъ, что первый сибирскій губернаторъ, князь Гагаринъ, за „бездѣйствіе“ власти былъ повѣшенъ въ 1721-мъ году, а въ 1736-мъ году, за то же попустительство, иркутскому вице-губернатору Жолобову на эшафотѣ отсѣкли голову.

За послѣднее время Камчатка опять привлекла вниманіе. Но, на ряду съ неизбѣжными авантюристами, на нее стремятся люди труда (колонія у устья рѣки Озерной), посылаются научныя или промышленныя экспедиціи (Рябушинскаго и другихъ). И дѣйствительно, Камчатка обладаетъ не только большими естественными богатствами: въ большей своей части она является также вполнѣ пригоднымъ пунктомъ для заселенія.

Прежде всего, южная часть полуострова, лежащая подъ 51-мъ градусомъ, т.-е. на одной географической широтѣ съ Кіевомъ, подвержена дѣйствію теплыхъ и влажныхъ вѣтровъ Тихаго океана, а также вліянію теплаго теченія Кура-Сива. Такія благопріятныя климатическія условія, въ связи съ равномѣрнымъ распредѣленіемъ атмосферныхъ осадковъ на весь годъ, даютъ благопріятныя данныя для жизни на полуостровѣ. Напримѣръ, въ Петропавловскѣ средняя температура лѣта составляетъ 14 градусовъ тепла, средняя зимы—8 градусовъ холода, годовая — почти 3 градуса тепла. Первые легкіе морозы наблюдаются только съ конца октября; рѣки вскрываются въ среднихъ числахъ марта. Оговариваюсь еще разъ, что эти данныя относятся къ южной части Камчатки; дальше они нѣсколько измѣняются въ зависимости отъ удаленія отъ юга къ сѣверу и отъ востока къ западу. И это вполнѣ понятно: вѣдь полуостровъ представляетъ громадную страну въ 350 тысячъ квадратныхъ верстъ, протянувшуюся съ сѣвера на югъ полосою въ 1.200 верстъ.

Помимо благопріятныхъ климатическихъ условій, въ будущемъ экономическимъ подъемѣ Камчатки большую роль должна сыграть береговая линія. На восточномъ и особенно на западномъ побережьѣ полуострова впадаетъ въ море масса рѣкъ и рѣчекъ, и между ними много такихъ, устья которыхъ вполнѣ удобны для якорной стоянки шхунъ, а то и большихъ морскихъ судовъ. Къ числу первыхъ нужно отнести рѣки Камбальную и Озерную; ко вторымъ, вливающимся въ глубокія бухты, относятся Тигиль, имѣющій очень важное значеніе для всего западнаго побережья; Колпаковка, съ бухтой, куда могутъ заходить океанскіе пароходы; Воровская, съ бухтой Чканыгичъ въ 5 саж. глубиною, гдѣ могутъ зимовать суда; Большая, съ заливомъ Чекавка, гдѣ можетъ быть устроенъ большой портъ. Всѣ эти рѣки принадлежатъ западному берегу; на восточномъ можно указать на устье рѣки Камчатки и на губы Авачинскую, входъ въ которую открытъ круглый годъ, и Карагинскую; стоянки удобны здѣсь для судовъ какой угодно

осадки. Противъ Карагинской бухты, на западномъ берегу острова того же имени, находится прекрасная гавань „Ложныхъ Вѣстей“, совершенно укрытая отъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ.

Съ наступленіемъ теплыхъ дней Камчатка, особенно ея южная половина, представляетъ чудную картину почти сплошного ковра цвѣтовъ, могучей травяной растительности, зарослей орѣшника и ягодныхъ кустарниковъ: брусники, малины, клюквы, смородины, черники, морошки, голубицы, княжники. Лѣтомъ эта картина принимаетъ еще болѣе яркія и выпуклыя краски, и глазъ не можетъ оторваться отъ нея, особенно въ долинахъ рѣкъ и рѣчекъ.

Далеко не то приходится сказать о лѣсной растительности. Тѣ мѣста Камчатки, которыя открыты дѣйствію сильныхъ и влажныхъ морскихъ вѣтровъ, а также мѣстности тундровыя, не имѣютъ настоящихъ лѣсовъ. Тутъ мы видимъ карликовыя формы деревьевъ. Но гористыя возвышенности восточнаго берега—Авачинская, Шипунская, Вилючинская и особенно высокія мѣста рѣки Камчатки—покрыты великолѣпнымъ гигантскимъ лѣсомъ, отдѣльные экземпляры котораго достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ, до 15 саж. высоты и до двухъ въ срубѣ. Удивительно красивъ лѣсъ на р. Камчаткѣ, не столько своимъ величественнымъ видомъ, сколько своей дѣвственностью. Нельзя налюбоваться стройными красавцами, тополемъ и лиственицей, гордо и смѣло ушедшими далеко въ высь. И всюду тишина, не нарушаемая грубымъ стукомъ топора или визгомъ пилы. Не оскверненъ камчатскій лѣсъ и видомъ пней, признакомъ смерти и уничтоженія...

Эта дѣвственность, это отсутствіе руки человѣка отражаются и на животномъ мірѣ Камчатки. Птицъ и звѣрей здѣсь такое изобиліе, что поражается даже привычный взглядъ. Какъ только весеннее солнце начинаетъ согрѣвать землю, гага, которая держится зимою въ открытыхъ бухтахъ, отлетаетъ на суровый сѣверъ. Вмѣсто нея, въ началѣ апрѣля, со своей весенней, радостной пѣснью, появляется жаворонокъ. Но вотъ въ ущельяхъ горъ громко зажурчали потоки, показалась трава, лиственный лѣсъ одѣлся чуть примѣтной свѣжей зеленью, распустились первые цвѣты—и наступаетъ въ полномъ разгарѣ прилетъ птицъ, который заканчивается во второй половинѣ мая. Къ концу этого мѣсяца въ долинахъ рѣкъ собираются громаднѣйшія стада утокъ, гусей и лебедей. И всѣ двѣсти птичьихъ породъ—на Камчаткѣ у себя дома.

Характерно, что ни одинъ видъ пернатаго царства не потребляется въ пищу мѣстными жителями; круглый годъ питаются они исключительно рыбой и ею же кормятъ единственное домашнее свое животное — собаку, помогающую камчадалу на охотѣ и служащую средствомъ сообщенія, замѣняя нашу лошадь. Ни мяса, ни хлѣба,

ни овощей, ни соли житель Камчатки не употребляетъ въ пищу. Если въ моменты голода приходится ему ѣсть то или другое, онъ дѣлаетъ это съ большимъ отвращеніемъ.

Животныхъ на Камчаткѣ также много, всякій звѣрь встрѣчается въ изобиліи. Очень много лисицъ разной породы. Есть, напримѣръ, лисица совершенно чернаго цвѣта, шкурка которой цѣнится до 1.000 рублей. Еще больше соболя, но совершенно нѣтъ бѣлки, которая, какъ увѣряютъ, не уживается съ первымъ. Очень часто встрѣчается на полуостровѣ бурый медвѣдь. На островѣ Мѣдномъ водится рѣдкій въ мірѣ голубой песецъ, а въ горныхъ ущельяхъ срединнаго камчатскаго хребта такой же рѣдкостный звѣрь—россомаха, почти всюду на землѣ вымершій. Горностай является жителемъ всей Камчатки, какъ и бѣлый песецъ, заяцъ, баранъ и олень. Волка можно видѣть только на западномъ побережьѣ. Камчадалы на него не охотятся, хотя мѣхъ его считается здѣсь самымъ теплымъ. Объясняется это тѣмъ, что къ волку всѣ камчадалы питаютъ паническій страхъ, при встрѣчѣ съ нимъ совершенно теряются, даже не помышляютъ защищаться при его нападеніи. Между тѣмъ тѣ же камчадалы охотятся на медвѣдя, очень слабо вооруженные.

Теперь перейдемъ къ фаунѣ моря, имѣющей для полуострова чрезвычайно важное практическое значеніе и громаднѣйшее экономическое будущее, такъ какъ несмѣтныя богатства Камчатки прежде всего заключаются именно въ ней.

Кажется, нѣтъ въ мірѣ морей, въ такой степени богатыхъ цѣнной рыбой и морскими животными, какъ Охотское и Берингово, омывающія Камчатку; нигдѣ не встрѣчается такого разнообразія породъ, какъ здѣсь. Достаточно указать на тотъ фактъ, что американцы и японцы рѣшаются здѣсь хищничать, рискуя потерять судно, грузъ и нажить большія непріятности. Японцы такъ и говорятъ: „Если мы посылаемъ въ воды Камчатки десять судовъ и изъ нихъ вернутся только пять, но съ рыбнымъ грузомъ, мы считаемъ себя въ барышахъ“. И развѣ не знаменательно то, что тѣ же японцы, островитяне и потому хозяева громадной морской площади, при уступкѣ Россіи Сахалина выговорили себѣ право рыбныхъ тамъ промысловъ, а при заключеніи портсмутскаго договора въ число главныхъ своихъ требованій включили признаніе за ними права рыбной ловли въ водахъ Камчатки? Не смотря на сильное развитіе японцами рыбныхъ промысловъ у себя дома и въ нашихъ водахъ, рыбы, какъ пищевого продукта и какъ матеріала для удобренія рисовыхъ полей, у нихъ всетаки не хватаетъ, и они вынуждены или покупать ее у насъ, или хищничать. Послѣднимъ путемъ они вылавливаютъ въ нашихъ водахъ и увозятъ къ себѣ безъ преувеличенія милліоны пудовъ рыбы.

Съ первыхъ чиселъ мая, а послѣ запоздалыхъ зимъ—съ конца этого мѣсяца, повсемѣстно на Камчаткѣ начинается ходъ рыбы, составляющій самое радостное событіе въ жизни камчадала. Кончилась обильная снѣгомъ зима, съ ея частыми вьюгами. Зазеленѣла трава. Камчадалъ выползаетъ изъ своей до-нельзя грязной избы или юрты, чтобы свободно вздохнуть на свѣжемъ воздухѣ подъ ласково грѣющими лучами весенняго солнца. Зимніе запасы рыбы пріѣлись, а то и совсѣмъ истощились. Несчастныя собаки цѣлый день воютъ отъ голода, а тѣ, которыя посильнѣе, срываются съ привязи и бѣгутъ къ морю или рѣкѣ, чтобы подкараулить рыбу и утолить голодъ. Безконечно лѣнивый камчадалъ оживляется и привѣтствуетъ всѣхъ и каждаго: „Чавыча (первая рыба) идетъ".

Вотъ показалась маленькая рыбка каюрка, вѣстница начала хода рыбы. Для непривычнаго наблюдателя открывается поражающая картина: устья всѣхъ рѣкъ кишатъ невѣроятной массой рыбы. Еще издали замѣтно, какъ море покрывается рябью и пѣнится. Стада чаекъ съ отчаяннымъ и пронзительнымъ крикомъ кружатся надъ рыбой, которую инстинктъ побуждаетъ идти въ рѣки для метанія икры. Безконечная широкая полоса большихъ рыбинъ цѣнныхъ лососевыхъ породъ съ неудержимой силой стремится къ рѣкамъ и вверхъ по нимъ. Рыбы такъ плотно соприкасаются другъ съ другомъ и идутъ такой массой, что малѣйшее уменьшеніе глубины или ширины рѣки заставляетъ отдѣльные экземпляры выскакивать изъ воды, попадать на отмели и сползать по камнямъ обратно въ рѣку, которая буквально кипитъ рыбой. Даже весла не погружаются въ воду. Рыба окончательно теряетъ страхъ передъ людьми и животными и, точно ошалѣлая, рвется впередъ, подталкиваемая сзади. Въ этомъ стремленіи преодолѣваются мели, водовороты, быстрины; сотни рыбъ выпрыгиваютъ изъ воды, чтобы обогнать своихъ товарищей и проложить себѣ дорогу. Въ ручьяхъ, неглубокихъ рѣчкахъ или въ мелкихъ мѣстахъ рѣкъ, гдѣ воды мало, видны надъ водой спинные плавники рыбы, а иногда и вся спина. Тихіе затоны или ключевыя озера представляютъ тогда оригинальную картину сплошь торчащихъ изъ воды разноцвѣтныхъ плавниковъ, еле шевелящихся на поверхности. Такихъ желанныхъ мѣстъ рыба достигаетъ уже обезсилѣвшая, избитая, съ помутнѣвшимъ блескомъ покрова, съ темнобагровыми пятнами, съ запекшейся кровью на брюшной сторонѣ. Очень часто бываетъ и такъ, что, утомленная непомѣрнымъ трудомъ при одолѣваніи разныхъ препятствій, рыба приткнется гдѣ-нибудь въ изгибѣ ручья и здѣсь кончаетъ свое существованіе, предварительно создавъ потомство.

Въ сотняхъ рѣкъ и рѣчекъ Камчатки наблюдается эта чудная картина. Почти цѣликомъ вся эта масса рыбы проходитъ вверхъ по

теченію рѣкъ, забираясь до ихъ верховьевъ или въ озера, и здѣсь, по окончаніи нереста, образуетъ цѣлые кучи и валы разлагающихся труповъ. Почти всѣ лососевыя породы не возвращаются въ море: уходитъ туда только молодое поколѣніе.

Семья лосося представлена на Камчаткѣ очень широко (чавыча, красная, кэта или хайко, кижучь, горбуша и голецъ, пяти породъ). Большого вниманія заслуживаютъ также треска, семга, микижа, кунжа, уекъ, корюха и сельдь.

Странно и обидно: такія несмѣтныя рыбныя богатства Камчатки, которыя могли бы дать милліоны, нами не эксплоатируются и безнаказанно расхищаются. Камчатка пустынна и мертва, какъ безжизненны и печальны ея берега.

Я не буду говорить о всѣхъ видахъ рыбы, встрѣчающихся у береговъ заброшеннаго полуострова; одна только треска, еслибы она эксплоатировалась, вызвала бы Камчатку къ жизни и процвѣтанію, одна треска могла бы привлечь въ безлюдныя бухты сотни шхунъ и пароходовъ, одна она сдѣлала бы Камчатку не менѣе знаменитымъ рыбнымъ пунктомъ, чѣмъ Гельголандъ и Ньюфаундлендъ.

У непривѣтливыхъ береговъ Норвегіи во время ловли трески море кишитъ судами и лодками. Подъ мрачными береговыми утесами безъ устали день и ночь двигаются тысячи работающихъ людей. Просторныя подворья не вмѣщаютъ всѣхъ гостей; большинство должно искать себѣ пріюта на судахъ или въ маленькихъ шалашахъ, сколоченныхъ на скорую руку, хотя на берегу постоянно живетъ только часть рабочихъ, большинство же занимается рыбной ловлей въ морѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ длится эта лихорадочная дѣятельность, нѣсколько мѣсяцевъ идетъ непрерывный торгъ, такъ какъ вмѣстѣ съ рыбаками пріѣзжаютъ покупатели и торговцы съ разными товарами. Распродавъ товары, многочисленные корабли нагружаются треской, одинъ за другимъ снимаются съ якоря и развозятъ эту рыбу во всѣ концы міра.

Вся эта жизнь, но въ еще болѣе крупномъ масштабѣ, наблюдается и у Ньюфаундленда. Ежегодно весной тысячи судовъ изъ Англіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Америки направляются къ ньюфаундлендскимъ банкамъ, которыя, такимъ образомъ, служатъ мѣстомъ встрѣчъ для многихъ народовъ міра. Всего около Ньюфаундленда собирается до 100 тысячъ человѣкъ. Загрубѣлые отъ работы и непогоды рыбаки подвергаются всевозможнымъ опасностямъ и лишеніямъ изъ-за трески, которую неустанно преслѣдуютъ уже три столѣтія, изъ-за которой велись даже ожесточенныя войны. Недаромъ она считается одною изъ самыхъ важныхъ морскихъ рыбъ. Но сколько ни уничтожаетъ трески человѣкъ, она каждый годъ появляется въ такихъ же подавляющихъ количествахъ, и можно только удивляться ея

плодовитости. Ежегодное міровое потребленіе трески выражается во многихъ сотняхъ милліоновъ штукъ.

А Камчатка наша мертва, и въ водахъ ея появляются только хищничающіе американцы, которымъ и принадлежитъ честь открытія въ 1860-мъ году тресковыхъ банокъ у береговъ Камчатки, противъ селеній Явино и Голыгино.

Чтобы закончить этотъ бѣглый обзоръ рыбныхъ богатствъ Камчатки, нужно сказать еще нѣсколько словъ о томъ, что извлекаютъ японцы изъ нашихъ водъ. Изъ отчета русскаго консула въ Хакодатэ, г. Траутшольда, мы узнаемъ, что японцы, по ихъ оффиціальнымъ источникамъ, ввезли только въ этотъ городъ, напримѣръ въ 1903-мъ году, на 767 тысячъ рублей рыбы изъ Приморской области. Въ 1906-мъ году ввозъ достигъ уже 800 тысячъ, а теперь оцѣнивается не менѣе какъ въ милліонъ. И это, повторяю, по японскимъ оффиціальнымъ источникамъ, которые, понятно, ничего не говорятъ о хищнически выловленной у насъ рыбѣ и касаются только одного порта Японіи. Тотъ же консулъ свидѣтельствуетъ, что въ 1906 г. ему удалось прослѣдить 119 хищническихъ шхунъ, вышедшихъ изъ Хакодатэ въ наши воды.

Еще маленькая параллель. Въ 1906-мъ году японское правительство на сахалинскихъ рыбныхъ промыслахъ выручило 800 тысячъ рублей (мы до войны со всего острова получали только около 4 тысячъ)—и въ томъ же году отданныя въ аренду камчатскія рыбалки дали русской казнѣ 7.700 рублей!

При путешествіи по Камчаткѣ мнѣ постоянно приходилось убѣждаться въ полномъ отсутствіи заботливости о культурно-экономическомъ развитіи края, который поэтому уходитъ изъ нашихъ рукъ и мирно, но явно завоевывается американцами и японцами. Даже въ одномъ оффиціальномъ отчетѣ, хранящемся въ канцеляріи приамурскаго генералъ-губернатора, сказано: „Положеніе края въ экономическомъ отношеніи до того шатко и ненадежно, что нужны особыя усилія и средства для того, чтобы удержать этотъ край за Россіей...“ И это совершенно вѣрно. Въ Японіи образовалось нѣсколько акціонерныхъ компаній, которыя, подъ флагомъ рыбопромышленности, проникаютъ на русскія сѣверо-восточныя побережья и, несомнѣнно, въ нѣсколько лѣтъ съумѣютъ усѣять берега морей Охотскаго и Берингова своими образцово оборудованными факторіями. Если они захватятъ въ свои руки всѣ лучшія для рыбной ловли мѣста, то этимъ будетъ положено прочное основаніе экономическаго, а затѣмъ и политическаго ихъ господства на нашей далекой окраинѣ. Намъ необходимо какъ можно скорѣе мобилизовать въ Камчаткѣ достаточно сильную и вооруженную знаніями мирную армію русскихъ изслѣдователей и промышленниковъ.

О промыслѣ кита, бѣлухи, моржа, сивуча, бобра и котика я не

буду говорить, такъ какъ это дало бы статьѣ чисто спеціальный характеръ. Скажу только, что и этими въ высшей степени прибыльными промыслами не исчерпываются богатства Камчатки. Такъ, еще Крашенинниковъ упоминалъ о мѣдной и желѣзной рудѣ, о самородной сѣрѣ, о пурпурной краскѣ. Въ позднѣйшее время около Большерѣцка былъ найденъ самородокъ мѣди въ 20 фунтовъ; близъ селенія Харчинскаго, недалеко отъ горячихъ ключей, найдена оловянная руда; изысканія инженера Симонова доказали присутствіе на Камчаткѣ золота, сначала въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петропавловска (въ 1903-мъ году), а затѣмъ почти по всѣмъ рѣкамъ отъ Большой до Облуковины. По берегамъ рѣки Воровской обнаружены залежи мягкаго и нѣжнаго графита—а это говоритъ, что здѣсь могутъ быть и алмазныя копи, такъ какъ графитъ очень высокаго качества. Въ озерѣ близъ селенія Машура, а также на рѣкѣ Голыгиной и ея притокахъ, встрѣчаются ракушки съ жемчугомъ правильной шарообразной формы, хорошаго цвѣта и блеска, величиною до крупной горошины. Въ береговыхъ пескахъ рѣки Жупановки залегаетъ въ громадномъ количествѣ красивая бѣлая пемза. На морскомъ берегу, нѣсколько сѣвернѣе селенія Лѣсновскаго и у сел. Подкагирнаго, давно открытъ каменный уголь. Увѣряютъ, что есть также нефть, слюда и минеральныя краски. Вернувшіеся въ концѣ 1907 г. съ Камчатки въ Харбинъ И—къ, К—въ и другіе утверждаютъ, что ими найдены въ 50-ти верстахъ отъ берега богатѣйшія залежи платины, требующія только громадныхъ капиталовъ на разработку. Если это правда, то такое открытіе чрезвычайно важно: платина въ большихъ залежахъ еще нигдѣ до сихъ поръ не была открыта.

Если, съ точки зрѣнія богатствъ края, справедливо сравненіе Кавказа съ жемчужиной въ русской коронѣ, то Камчатка, въ этомъ отношеніи можетъ быть названа брильянтомъ. Между тѣмъ здѣсь нѣтъ ни одного правильно или широко поставленнаго промысла; ни одно изъ естественныхъ богатствъ края не эксплоатируется. Камчатка съ Приамурьемъ, въ составъ котораго она входитъ, лежитъ громадной тяжестью на государственномъ бюджетѣ и даетъ ежегодный дефицитъ въ 20 милл. руб. (смѣта 1906 г.). Европейскаго населенія насчитывается не болѣе 300 человѣкъ, считая въ томъ числѣ администрацію и стражу, хотя полуостровъ по своей площади равняется Италіи. На квадратную версту приходится 0,02 души. Тѣ мѣста, которыя громко называются селеніями, представляютъ собою рядъ нѣсколькихъ грязныхъ юртъ съ десяткомъ-двумя еще болѣе грязныхъ обитателей, камчадаловъ или коряковъ; въ столицѣ Камчатки, Петропавловскѣ, насчитывается десятокъ домиковъ и какая-то куча жалкихъ лачужекъ, всего до 60-ти.

На протяженіи 4.000 верстъ, отъ мыса Лопатки до устьевъ Амура, т.-е. на всемъ побережьѣ Охотскаго моря, нѣтъ ни одного уѣзднаго или ремесленнаго училища; даже въ городахъ Охотскѣ и Гижигѣ нѣтъ городскихъ училищъ. На всемъ этомъ громадномъ пространствѣ имѣется всего 10 школъ грамоты или церковно-приходскихъ, о качествѣ которыхъ оффиціальные отчеты отзываются такъ: „всѣ существующія на Камчаткѣ церковно-приходскія школы въ отношеніи постановки учебнаго дѣла стоятъ ниже всякой критики, исключительно по отсутствію хотя бы сколько-нибудь знающихъ дѣло учителей“. Далѣе отчетъ говоритъ: „самое больное мѣсто школъ—невѣжество завѣдующихъ ими священниковъ и отсутствіе подходящихъ учителей, вслѣдствіе чего въ большинствѣ случаевъ обученіемъ занимаются еле грамотные камчадалы или случайно очутившіеся на Камчаткѣ солдаты“.

Въ такомъ же печальномъ видѣ находится и врачебная часть. На всю Камчатку имѣются одинъ врачъ и четыре фельдшера, изъ которыхъ только одинъ кончилъ фельдшерскую школу, а остальные вовсе въ школахъ не учились. Легко понять, какая медицинская помощь оказывается населенію этимъ персоналомъ. Отъ устья Амура до Ледовитаго океана нѣтъ ни одной больницы.

На этомъ я остановлюсь. Ясно, какое жалкое существованіе влачитъ край, сплошь покрытый пышными пастбищами и обширными мачтовыми лѣсами, обладающій колоссальными рыбными и горными богатствами. Понятно также, что при благопріятныхъ условіяхъ, дающихъ возможность заниматься огородничествомъ, скотоводствомъ и земледѣліемъ, населеніе постепенно вымираетъ.

Заселеніе Камчатки и гигантскій подъемъ ея въ культурно-экономическомъ отношеніи, какъ мы видѣли, вполнѣ возможны, судя хотя бы по сосѣдней Аляскѣ, поставленной во всѣхъ отношеніяхъ въ худшія условія, чѣмъ Камчатка.

Исторія Аляски, которая принадлежала намъ около ста лѣтъ и продана нами американцамъ за 15 милл. рублей, настолько интересна и поучительна, что о ней слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Аляска была открыта въ 1741-мъ году русскими моряками Берингомъ и Чириковымъ. Въ 1766-мъ году были объявлены присоединенными къ Россіи Алеутскіе острова, составляющіе океаническое продолженіе Аляски, а послѣднюю мы заняли въ 1788-мъ году. Матросы изъ экипажа Беринга вывезли оттуда замѣчательные по красотѣ и цѣнности мѣха бобровъ, котиковъ, соболей и чернобурыхъ лисицъ. Вѣсть объ этомъ широко разнеслась по всей Россіи; отовсюду хлы-

нули переселенцы на Аляску, на которой началось жестокое и безпощадное истребленіе всякаго звѣря. Самки котиковъ избивались десятками и сотнями тысячъ, а съ ними гибли отъ голода и дѣтеныши. Словомъ, повторилась та же исторія, которая раньше выпала на долю несчастной Камчатки.

Въ 1866-мъ году Аляску посѣтилъ русскій горный инженеръ Дорошенко и нашелъ тамъ золотосодержащій кварцъ и разсыпное золото. Какъ только узнали объ этомъ американцы, они сейчасъ же предприняли „шаги“ къ пріобрѣтенію Аляски и въ слѣдующемъ же году купили у нашего правительства область съ островами, по пространству много бо̀льшую Европейской Россіи и почти равную всей Европѣ (508.600 квадр. миль).

Въ первый же годъ владѣнія Аляской американцы добыли золота почти на 6 милл. рублей. Оно было найдено всюду: на островахъ Аполло-Унге и Дугласъ, по рѣкѣ Юконъ, около теперешнихъ городовъ Жюно и Ситхо, на Кинаѣ и т. д. Впослѣдствіи золотыя розсыпи одного Клондайка доставили Аляскѣ всемірную славу и принесли американцамъ почти 400 милл. руб. въ теченіе трехъ лѣтъ. Но предпріимчивые новые владѣльцы богатаго полуострова не остановились на разработкѣ золота и широко занялись эксплоатацiей остальныхъ богатствъ бывшаго русскаго владѣнія. Явились новые источники милліоновъ, которые частью шли въ государственную казну, частью—въ карманы людей иниціативы, разума и энергіи.

Теперь на Аляскѣ процвѣтаютъ рыбный и звѣробойный промыслы; цѣлыя флотиліи хорошо оснащенныхъ судовъ выходятъ въ море; работаютъ лѣсопильни; добывается графитъ. И все это дало американцамъ, по приблизительному подсчету, до 600 милл. рублей, не считая золота, которое теперь разрабатывается съ помощью новѣйшихъ машинъ и приборовъ. Гдѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ простиралась безлюдная полярная пустыня, гдѣ изрѣдка пробѣгалъ дикарь, тамъ устроена опытная сельско-хозяйственная станція, разводящая овощи; тамъ болѣе 40 тысячъ европейскаго населенія, шесть крупныхъ городовъ, со всѣми культурными удобствами и комфортомъ, съ театрами, библіотеками, банками, школами, гостинницами, почтовыми конторами. На Аляскѣ издается 11 газетъ и журналовъ; страна прорѣзана шоссейными дорогами и телеграфными линіями. Проектируется постройка желѣзнодорожной линіи къ Берингову проливу и вѣтвь отъ Клондайка къ строящейся сѣверо-канадской желѣзной дорогѣ. Усиливается сѣть безпроволочныхъ телеграфовъ, соединяющихъ Аляску со Штатами. Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ здѣсь царитъ полярная ночь, но американцы не замѣчаютъ ея: электрическій свѣтъ превращаетъ ее въ день.

Богатая, но бѣдная Россія! Когда дадутъ расправить крылья и твоему генію, когда онъ внесетъ тебя въ семью культурныхъ народовъ, къ свѣту, разуму и мощи?.. Когда оживетъ Камчатка?...

В. Бѣловъ.

ВЪ ВИДУ МОНБЛАНА

(Деревенское письмо изъ Швейцаріи.)

Деревня Вернье, изъ которой я пишу настоящее письмо, лежитъ въ серединѣ Женевскаго кантона, въ нѣсколькихъ километрахъ ниже Женевы по теченію Роны.

Мѣстность здѣсь ровная, долинная, напоминаетъ какъ будто Россію. Но горизонтъ замкнутъ съ двухъ сторонъ двумя параллельными стѣнами горъ: направо — синій и хмурый, зубчатый валъ Юры, по которому, клубясь, ходятъ сѣрыя облака; налѣво, за Женевой—скалистые обрывы Салева.

Надъ Салевомъ, въ ясные, солнечные дни, вы видите словно висящую въ воздухѣ стройную, серебряную, снѣжно-облачную массу... Это—Монбланъ. Онъ очень далеко отсюда—50 килом.,—но и издалека господствуетъ надъ всею страной. И чѣмъ больше удаляешься отъ него, тѣмъ онъ кажется выше. Странный обманъ зрѣнія! Вообще этотъ сѣдой горный старикъ, смотрящій на васъ со своихъ ледяныхъ высотъ, тревожитъ ваше воображеніе. Словно говоритъ онъ долинѣ о чемъ-то крайне-важномъ и интересномъ.

Безъ сомнѣнія, и это—обманъ чувствъ. Природа вѣдь всегда настраиваетъ человѣка какъ-то особенно, такъ сказать отдаленно отъ обыденной жизни... Обратимся къ деревнѣ Вернье.

Какая непривычная для насъ деревня! Во-первыхъ, ея улица великолѣпно вымощена мелкимъ гравіемъ—хоть танцуй. Идешь словно по комнатѣ. Улица обставлена старинными каменными крестьянскими фермами, тоже мало чѣмъ напоминающими наши избы. Высокіе и широкіе ихъ фасады только гдѣ-либо съ одной стороны заняты собственно жильемъ; здѣсь крутая лѣсенка съ балкончикомъ, неправильно-расположенныя оконца въ 2—3 этажа. Наибольшую часть зданія занимаютъ огромныя риги съ сѣновалами, да еще гдѣ-либо въ углу черное отверстіе коровника, откуда выглядываютъ прямо на улицу равнодушныя коровьи морды или мотаются коровьи хвосты.

Крутыя черепичныя кровли выступаютъ широкимъ навѣсомъ; пониже перекрещиваются затѣйливо-рѣзныя балки, на которыхъ осенью водружаются снопы соломы—остатокъ какихъ-то давнихъ хлѣбопашескихъ суевѣрій, что-то въ родѣ жертвы богамъ Урожая. И отъ этихъ неуклюжихъ, бокастыхъ фермъ, увѣнчанныхъ чудными, высокими трубами, на манеръ скорѣе кеглей или скворешенъ, вѣетъ временами давнопрошедшими, когда и здѣшній мужикъ прежде всего „занимался хлѣбомъ", печалился и радовался о „хлѣбушкѣ-батюшкѣ". Кажется, уже около столѣтія или больше остались назади тѣ „близкія къ природѣ" времена... Впрочемъ, объ этомъ—дальше.

Вмѣсто заборовъ, невысокія сѣрыя каменныя стѣны тянутся вдоль улицы. Рядомъ съ фермами, нерѣдко на самой улицѣ, расположены бываютъ навозники — каменные бассейны съ „фонтаномъ" (водопроводнымъ краномъ) по срединѣ [1]). Замѣчательно, что при здѣшней любви къ чистотѣ никто, повидимому, не стѣсняется этихъ гнилыхъ, пахучихъ мѣстъ на самой, такъ сказать, аванъ-сценѣ. Тутъ проявляется основная черта всей здѣшней жизни: глубокое почтеніе къ „черному" труду—къ труду и ко всѣмъ его необходимымъ аксессуарамъ. Врядъ ли кому здѣсь навозъ даже кажется грязью; скорѣе напротивъ, въ немъ видятъ что-то идиллическое, если угодно—составную часть деревенской красоты.

Иначе, какъ объяснить это близкое сосѣдство навоза и—розъ? Въ самомъ дѣлѣ, всѣ стѣны большинства фермъ сверху донизу покрыты сѣтью вьющихся розъ, часто чудныхъ, нѣжныхъ сортовъ. Другіе дома увиты густою зеленью глициній, цвѣтущихъ все лѣто крупными синими гроздями. Толстые жгутья вьющихся стеблей говорятъ о службѣ, быть можетъ, не первому поколѣнію. Передъ многими фермами, по улицѣ, кадки съ высокими, развѣсистыми олеандрами. Когда все это цвѣтетъ, перспектива улицы подкупаетъ вашъ непривычный взглядъ. „Вотъ цвѣтущая деревня!"—восклицаете вы по неволѣ.

И вамъ даже начинаетъ мерещиться, что все это — нарочно, что это вовсе не настоящая деревня, населенная крестьянами-земледѣльцами, а живутъ здѣсь какіе-нибудь учителя садоводства и готовятъ къ выставкѣ „сельскую" декорацію.

Но нѣтъ, это—не „потемкинская деревня". Вонъ и волостное правленіе, по здѣшнему—коммунальная мэрія, правда, заключающая въ себѣ и дѣтскій садъ для *всѣхъ* дѣтей до 7-лѣтняго возраста, и общинную аптеку, и телефонную станцію; вонъ и школа, гдѣ учатся *всѣ* дѣти старше 7 лѣтъ; вонъ и двѣ церкви—протестантская и католическая,

---

[1]) „Фонтанъ" служитъ для поливки. Вытекающею снизу, по жолобу, жижею поливаются затѣмъ поля.

и кладбище. Послѣднее такъ романтически-изящно, со своими бѣлыми памятниками, кипарисами, туями и розами, что позавидуетъ любой русскій городъ. Живутъ въ этой деревнѣ все же простые земледѣльцы, лишь не щадящіе ни рукъ своихъ, ни времени. И украшаютъ они свои наслѣдственныя гнѣзда, прежде всего, для самихъ себя.

Сквозь просвѣты переулковъ деревни, подъ крутизною горы, виднѣется Рона — сверкающая шелковистыми петлями бирюзовая лента. Въ высотѣ сіяетъ Монбланъ. И вамъ мгновенно бросается въ глаза, что рукотворенная, „искусственная" красота человѣческой культуры не только не нарушаетъ здѣсь вольной, нерукотворной красоты природы—нѣтъ, она ее повышаетъ. Въ живописной оправѣ цвѣтущихъ фермъ Монбланъ мягко выдѣляется, словно необычайный, огромный жемчугъ.

Однако эта видимая гармонія природы и человѣка можетъ быть и обманчива. Внѣшняя красота можетъ скрывать тайныя язвы. Надо глядѣть внутрь явленій, въ ихъ прозаическую подкладку.

Заглянемте внутрь.

Позади каждой фермы тянется принадлежащая ей campagne—огороженный живою изгородью, въ перемежку съ фруктовыми деревьями, клочокъ земли, врядъ ли превышающій у большинства крестьянъ 2—3 десятины. И земля-то, правду сказать, далеко не важная: ледниковые суглинки да супеси, мало чѣмъ превосходящіе наши сѣверные „подзолы" и „холодники". И такъ же почти засорены они крупными валунами да хрящомъ. Скудная, скупая земля! Если прибавить сюда здѣшній скверный климатъ—хотя, въ общемъ, и теплый, но мокрый, вѣтреный и капризный, съ внезапными порывами холодной „бизы" (горный вѣтеръ),—то дѣло принимаетъ видъ довольно неутѣшительный. По нашему „хлѣбному" масштабу, здѣшніе земледѣльцы должны бы быть изъ самыхъ несчастныхъ на землѣ.

Такъ оно, дѣйствительно, и было нѣкогда, о чемъ свидѣтельствуютъ старыя женевскія хроники. Урожай былъ здѣсь рѣдкимъ гостемъ, голодовки—чуть не нормальнымъ состояніемъ деревни. Но—теперь! Теперь крестьянинъ того же Вернье получаетъ со своей неважной campagne безъ сравненія больше всякихъ плодовъ земныхъ, чѣмъ нашъ средне-русскій пахарь со своего отмѣннаго чернозема.

И тутъ не въ томъ только дѣло, что швейцарцы—народъ образованный, слѣдовательно примѣняютъ въ своемъ хозяйствѣ всякія искусственныя удобренія и усовершенствованныя машины. Конечно, жители Вернье далеко ближе стоятъ къ наукѣ и техникѣ, чѣмъ жители нашего православнаго отечества, гдѣ науками завѣдуютъ г. Шварцъ и его сподвижники; однако не въ этомъ главная суть успѣховъ здѣшнихъ крестьянъ, а *въ большей близости здѣшняго деревенскаго хозяйства къ природѣ.*

Безъ шутокъ—это такъ. Много столѣтій боролись здѣшніе жители со своею неблагодарною землей, пока догадались, наконецъ, что ничего съ нею не подѣлаешь: не хлѣбная! Тогда стали переходить помаленьку на другіе пути. Забросили главные злаки—пшеницу и рожь [1]), которымъ здѣсь природа особенно неблагопріятствуетъ, и вообще крайне сократили всякіе зерновые посѣвы. Сѣютъ понемногу лишь менѣе нѣжные овесъ и ячмень, да еще грубую, жесткостебельную полбу (le gros blé). Сѣютъ затѣмъ еще порядочно картофеля (который, впрочемъ, нерѣдко хвораетъ отъ простуды). А бо́льшую часть полей предоставили во власть посѣвныхъ травъ и кормовыхъ растеній: люцерны, эспарсета, кормовой свеклы, а то и просто запускаютъ ее подъ естественный сѣнокосъ.

Такова ужъ, какъ видно, пастушеская природа Швейцаріи. И здѣсь, подъ Женевой, какъ на плоскогорьяхъ Юры и какъ въ высокихъ долинахъ Лѣсныхъ кантоновъ, молочный скотъ играетъ важную роль въ хозяйствѣ. Поэтому посреди нашей деревни Вернье вы встрѣчаете „Центральную молочную“ — просторное, низкое зданіе, куда *всѣ* окрестные хозяева сносятъ ежедневно *все* молоко своихъ коровъ (содержимыхъ, впрочемъ, на стойлѣ, а не на пастбищахъ, какъ въ Альпахъ). Центральная молочная, примыкающая къ „Молочной ассоціаціи“ всего кантона, поставляетъ молоко на продажу въ Женеву.

Но это далеко еще не все. Природа здѣшняя „любитъ“ не только сѣнокосы и кормовые посѣвы: она еще крайне благоволитъ ко всякимъ интенсивнымъ разновидностямъ сельскаго хозяйства. Высокая средняя годовая температура особо поощряетъ винодѣліе, садоводство, огородничество. Поэтому вообще „широкое поле“ не играетъ первой роли въ хозяйствѣ дер. Вернье. Центръ тяжести хозяйства лежитъ въ ближайшей окрестности усадьбы, и хозяинъ больше всего „занимается для дому“ (подлѣ дома)—какъ выражаются въ иныхъ мѣстахъ Россіи.

Винодѣліе, разумѣется, во всѣ времена находило себѣ пріютъ въ долинѣ Роны (какъ и вообще на швейцарской равнинѣ), но ограничивалось немногими coteaux, т.-е. склонами холмовъ, обращенными на югъ. Лишь въ новѣйшія времена виноградники пріобрѣли здѣсь такую хозяйственную популярность, что почти каждая ферма обязательно обладаетъ клочкомъ-двумя подъ этою крайне выгодною культурой. Конечно, сортъ получаемаго вина тоже изъ „популярныхъ“— такъ наз. „vin du pays“, цѣною по 30—40 сант. (10—15 коп.) бутылка. Но это едва ли не предпочтительно для мелкаго хозяина, ибо

---

[1]) То и другое сѣютъ еще и до сихъ поръ, съ бѣдой пополамъ, въ сосѣднемъ Ваадтскомъ кантонѣ.

такое вино находитъ себѣ скорый и широкій, массовый сбытъ; однимъ виномъ крестьянинъ можетъ обезпечить себѣ безбѣдное существованіе. Не надо забывать при этомъ, какого тщательнаго ухода требуетъ виноградъ.

Это приближеніе къ природѣ путемъ усиленной фабрикаціи веселаго напитка не остается безъ вліянія на бытъ и нравы всего мѣстнаго населенія. Безчисленное множество кафэ, разсѣянныхъ по всѣмъ пунктамъ видимаго пространства, служитъ любимымъ мѣстопребываніемъ туземцевъ во всякую свободную отъ трудовъ минуту. Въ одномъ Вернье—больше десятка кафэ. По вечерамъ вы увидите здѣсь отцовъ и матерей семействъ, старцевъ и младенцевъ. Здѣсь почти неизвѣстенъ обычай „ходить въ гости“: принимаютъ гостей въ кафэ, а по воскресеньямъ цѣлыми семействами отправляются куда-либо подальше въ кафэ, расположенное особо живописно въ поляхъ или въ рощѣ. Идутъ съ утра, возвращаются позднимъ вечеромъ. Домашняя, семейная жизнь, въ нашемъ смыслѣ слова, здѣсь, можно сказать, совершенно отсутствуетъ—изъ-за преобладающаго значенія вина во всемъ быту.

На ряду съ винодѣліемъ массу труда поглощаютъ у трудолюбивыхъ хозяевъ сады и огороды. Трудно себѣ представить, до чего приспособлено здѣшнее хозяйство къ добыванію максимальныхъ количествъ всякаго рода плодовъ и овощей съ минимальныхъ уголковъ земли! Поглядите, напр., на ежегодныя выставки садоводства [1] въ Женевѣ, гдѣ выставляютъ—не такъ, какъ у насъ—отнюдь не однѣ лишь „образцовыя фермы“ да садоводныя фирмы, а больше все тотъ же рядовой paysan. Какое разнообразіе, какое великолѣпіе сортовъ! А еще поразительнѣе то, что каждый годъ вы наблюдаете на этихъ выставкахъ безостановочный, неуклонный прогрессъ деревни—новые сорта грушъ, яблокъ, вишенъ, земляники, спаржи, салата, капусты, артишоковъ и проч., и проч., новое, болѣе близкое приспособленіе къ требованіямъ почвы и климата (а также, конечно, и рынка).

А не то, посидите хотя одно лѣто въ Вернье, да поглядите на чудеса, творимыя вашимъ хозяиномъ-мужичкомъ, съ мотыкою и лейкой въ рукахъ, надъ десяткомъ-двумя огородныхъ грядъ. Вамъ съ перваго же взгляда бросится въ глаза то обстоятельство, что съ одной и той же гряды здѣсь получаютъ по нѣскольку урожаевъ разныхъ растеній. Такъ, съ весны гряды занимаются скороспѣлыми сортами салата, редиса, ранней капусты. Потомъ, въ одно прекрасное утро вы видите на ихъ мѣстѣ уже новую разсаду, заранѣе приготовленную—напр. лукъ, фасоль, томаты. Черезъ нѣкоторый срокъ—снова пере-

[1]) Exposition d'horticulture—т.-е. выставка и садоводства, и огородничества.

мѣна декорацій, и такъ въ лѣто до четырехъ-восьми разъ. Все дѣло—въ искусно-подобранномъ къ мѣстнымъ условіямъ плодосмѣнѣ. Смѣна идетъ до самой зимы, которую здѣсь легко переносятъ, напр., артишоки, порей, капуста. Легко понять, какъ далеко остается позади нашъ деревенскій огородъ, гдѣ хозяинъ „съ Богомъ не споритъ" и сѣетъ что-либо одно: огурцы—такъ огурцы, капусту—такъ капусту... Диву лишь даешься, гдѣ берутъ время и силы здѣшніе хозяева на подобные подвиги! Вѣчно они копаются въ своихъ грядахъ, садахъ, виноградникахъ; поливаютъ, навозятъ и мотыжатъ нерѣдко до темной ночи...

Въ результатѣ—цвѣтущая сельская культура, такъ естественно-искусственно сливающаяся съ величавой природой. Тѣмъ не менѣе, правда и то, что еще многаго—о, многаго! — не хватаетъ и здѣсь до полнаго созвучія. Человѣческому творчеству пока не по плечу равняться съ стихійною мощью и красотой созданій земли. Намъ нравится веселое и живое лицо здѣшней работящей деревни, но въ могучей фигурѣ царя всей окрестности, Монблана, мы читаемъ выраженіе несравненно высшихъ, несокрушимыхъ вѣками возможностей.

Что за стать, что за богатырскія плечи у этого владыки бѣлыхъ хребтовъ, легшихъ ему въ подножіе! Что за суровая, вѣковѣчная сила разлита въ каждой угловато-гранитной чертѣ его физіономіи! Бѣлые снѣга лишь слегка смягчаютъ, словно кисеей окутываютъ этотъ явственный отпечатокъ неодолимой силы. Не даромъ населеніе долинъ находитъ въ его чертахъ близкое сходство съ твердо-повелительными чертами Наполеона. Конечно, такое впечатлѣніе — дѣло субъективное; вѣрно лишь то, что, какъ дубъ выдѣляется среди другихъ деревьевъ своею крѣпкою, коренастою фигурой, такъ и Монбланъ—среди горъ. Его смѣло-вздымающіеся по угламъ бастіоны, его головокружительные крутизны и обрывы, его жемчужный куполъ—полны поэзіей творческой побѣды.

Не хватаетъ этой архитектурной мощи въ стройномъ на видъ зданіи здѣшней деревенской жизни. Въ самыхъ нѣдрахъ ея скрыта глубокая, больная трещина. И она-то придаетъ всему общій характеръ шаткости, неувѣренности.

Вотъ, напр., посреди деревни Вернье красуется на одномъ изъ кафэ вывѣска: „Cercle des vignerons"—Клубъ винодѣловъ. Еще лѣтъ пять назадъ, дѣйствительно, здѣсь собирались мѣстные винодѣлы, т.-е. почти всѣ туземные крестьяне. Здѣсь они совмѣстно выясняли виды на урожай, здѣсь устанавливали осеннею порой цѣны на vin du pays, здѣсь же, зимою, веселыми пирушками праздновали благополучное окончаніе дѣлъ съ урожаемъ. Увы, это веселое время миновало. Года 3 — 4 назадъ наступилъ виноградный кризисъ — паденіе цѣнъ, застой въ дѣлахъ. Множество крестьянъ-виноградарей потерпѣли боль-

шіе убытки, задолжали кругомъ, а то и вовсе разорились. Съ тѣхъ поръ разстроился и веселый клубъ, центръ мѣстной жизни. Осталась лишь вывѣска надъ дверями, въ дѣйствительности же кафэ переснято частными лицами, въ чисто-коммерческихъ цѣляхъ.

Такова обратная сторона новѣйшаго „приспособленія къ природѣ". Подъ розами прячется змѣя! Эта змѣя — крайняя зависимость нынѣшней деревни отъ спроса, отъ рынка, отъ неуловимыхъ капризовъ и вѣяній всемірнаго капитализма, складывающихся гдѣ-то тамъ за горами, за Монбланомъ, а можетъ быть и за морями-океанами. Избѣжавъ первобытной „власти земли", деревня становится невольницей новѣйшей культуры.

Въ садоводствѣ, въ огородничествѣ, въ молочномъ хозяйствѣ, конечно—повтореніе той же зависимости, что и въ винодѣліи. Каковы плоды этой многократной зависимости? Плоды извѣстны. Въ то время, какъ — скажемъ — г. Мишъ, мэръ общины Верньé, легко переноситъ пароксизмы рынка, ибо обладаетъ наибольшими виноградниками [1]) и на наилучшихъ coteaux, слѣдовательно пользуется болѣе широкимъ и долгосрочнымъ кредитомъ, и дольше можетъ придерживать свои запасы, въ ожиданіи выгоднаго момента, другіе земледѣльцы легко разоряются, превращаясь въ пролетаріевъ. Нѣтъ недостатка въ пролетаріяхъ, такъ сказать, мѣстнаго производства и въ нашей деревнѣ. Это — еще одинъ изъ продуктовъ ея сельскаго хозяйства, и урожай на него почти всегда большой.

„Свободныя" пролетарскія руки находятъ, конечно, свой спросъ и сбытъ. Частью онѣ „потребляются" въ видѣ наемнаго батрачества, въ поляхъ и виноградникахъ того же г. Миша и другихъ мѣстныхъ счастливцевъ. Но батраки сравнительно малочисленны и работаютъ болѣе или менѣе урывками. Главная часть рабочихъ рукъ находитъ себѣ примѣненіе въ мѣстныхъ промышленныхъ заведеніяхъ. И надо признаться, что *эти* добавленія къ деревенской картинѣ далеко не служатъ къ эстетическому украшенію мѣстности. Некрасивыя пятна фабрикъ, тамъ и сямъ разбросанныя на околицѣ деревни и какъ бы постороннія пейзажу, портятъ настроеніе наблюдателя.

На самомъ въѣздѣ въ деревню опять-таки г. Мишъ поставилъ свою электро-механическую мебельную мастерскую. Мастерская цѣлый день шумитъ, визжитъ, грохочетъ, точно посылая проклятіе мирному сельскому житію, точно цинически насмѣхаясь надъ самимъ Монбланомъ тамъ, вверху... Поодаль, въ глубокой ложбинѣ видна „Національная мыльная фабрика", заражающая все пространство, вплоть до

[1]) Достаточно, впрочемъ, имѣть 1 десятину подъ виноградомъ, чтобы быть уже обладателемъ состоянія въ 30—40 тысячъ франковъ и занимать до 40 рабочихъ. Конечно, у большинства нѣтъ и $^1/_{10}$ части этого.

Верньe, тяжкимъ хлорнымъ духомъ. Болѣзненно-мутный ручей, бѣгущій по ложбинѣ, несетъ фабричную отраву въ дань небесно-голубой красавицѣ Ронѣ.

Это еще что! Въ концѣ деревни, за горой есть на Ронѣ быстрина; кажется, были прежде пороги. Мѣсто изстари звалось почему-то пастушескимъ словомъ: Chèvres (Кὸзы). На этой быстринѣ, говорятъ, еще съ десятокъ лѣтъ назадъ стояла старинная водяная мельница—такая рѣдкость въ Женевскомъ кантонѣ. Нынче быстрина перегорожена великолѣпной каменной плотиной съ огромными желѣзными шлюзами, образцовымъ произведеніемъ швейцарскаго инженернаго искусства. Именуется оно „Движущія Силы“ (Forces Motrices), а мѣстность перекрещена въ просторѣчіи въ „Канаду“ (должно быть, по сравненію съ Ніагарой). Эти „Движущія Силы“ двигаютъ немного пониже турбинно-электрическую станцію на 15 колоссальныхъ турбинъ, откуда снабжаются издалека электрической энергіей всѣ трамваи и электрическое освѣщеніе Женевы и почти всего Женевскаго кантона. Сверхъ того, отсюда питаются энергіей около шести химическихъ фабрикъ на берегу Роны, вокругъ Верньe.

Фабрики своими прозаически-прямыми трубами наводятъ уныніе и скуку. И особенно одна изъ нихъ — фабрика кальція-карбида [1]): ночнымъ временемъ — она работаетъ неусыпно день и ночь—двѣ ея электро-калильныя печи, словно два горящихъ глаза, бросаютъ ослѣпительно-бѣлый свѣтъ на деревья ближней рощицы и на виноградники. Густой дымъ изъ ея печей далеко стелется въ поляхъ и кажется гребнемъ и хвостомъ злого, огнедышущаго дракона. Жутко глядѣть на сосѣдство спящей деревни съ индустріальнымъ чудовищемъ!

Но нѣтъ, капиталистическій драконъ не раздавитъ нашей цвѣтущей деревни. Нѣтъ, наоборотъ. Въ дѣйствительности онъ-то и создалъ для нея возможность расцвѣта, онъ-то и открылъ ей путь новаго приближенія къ природѣ. Вѣдь *рынокъ*-то, городской и фабричный, для молока, для вина, плодовъ и огородной зелени возникъ и возросъ только въ силу роста капитализма. Вѣдь *обмѣнъ*, изъ сферы котораго получаетъ теперешняя деревня, прежде всего, *хлѣбъ*, ею не добываемый уже у себя дома, поддерживается тѣмъ же капитализмомъ. Наконецъ, „движущія силы“ — т.-е. дремавшія силы окрестной природы — опять таки разбужены и двинуты имъ же. Вся страна, вся Швейцарія, съ которою наша деревня неразрывно связана, участвуетъ въ этомъ всеобщемъ поступательномъ движеніи. Слѣдовательно, будучи злымъ рокомъ деревни, капитализмъ въ то же время стоитъ надъ нею въ видѣ ея ангела-хранителя... Двуликій Богъ современности!

---

[1]) Вещества, служащаго для ацетиленоваго освѣщенія.

Въ иныхъ условіяхъ, въ иныхъ рамкахъ современная деревня немыслима. Лишите ее „движущихъ силъ“ и химическихъ фабрикъ — она лишится и своихъ розъ, глициній и олеандровъ, опустится, одичаетъ, умретъ. И наоборотъ, въ самой деревнѣ Верньe, какъ она есть, въ фабрично-рыночныхъ условіяхъ ея существованія, вы найдете, при внимательномъ взглядѣ, такіе задатки новаго прогресса, которые въ недалекомъ будущемъ сулятъ, быть можетъ, конецъ нынѣшнему расколу между природой и искусствомъ, между деревней и промышленностью, между различными тенденціями внутри самой деревни.

Въ самомъ дѣлѣ, въ этой вскормленной грудью промышленнаго дракона деревнѣ далеко нѣтъ, напр., той безнадежной, чуть не зоологической пропасти между двумя видами: „господинъ“ и „мужикъ“. Правда, мѣстный „мужикъ“ съ почтительной дрожью въ голосѣ говоритъ о своемъ сосѣдѣ-propriétaire'ѣ (крупномъ землевладѣльцѣ): „ахъ, это—буржуа“! Но дрожь эта—скорѣе дрожь восхищенія передъ удачей своего брата-соперника въ одной и той же „скачкѣ съ препятствіями“. Въ дрожи этой вы слышите главную ноту: „сегодня ты, а завтра—я“. Никому не представляется принципіально-невозможнымъ „обскакать“ любого изъ своихъ сосѣдей и завтра стать — о, верхъ мечтаній!—тоже „буржуа“.

Конечно, такая цѣль жизни, съ человѣческой точки зрѣнія, жалка и мизерна, да и самая житейская конкурренція, въ которую, какъ въ неизбѣжную питательную среду, погружена деревня—вещь некрасивая и даже жестокая. Это вѣдь она разрушаетъ веселые „Клубы винодѣловъ“, принося въ жертву многихъ—единицамъ. Но есть у нея и другой конецъ, которымъ она бьетъ по единицамъ въ пользу множества: конецъ, можно сказать, демократическій. Когда масса обиженныхъ и обездоленныхъ въ общей погонѣ за фортуной замѣчаетъ, что желанные призы ускользнули безвозвратно изъ ея рукъ, то тотъ же самый духъ конкурренціи выливается въ нѣчто совсѣмъ иное — въ массовое негодованіе, въ требованіе права *для всѣхъ* на участіе въ „общемъ благѣ“. Деревня требуетъ къ отвѣту городъ, пролетаріи — хозяевъ-фермеровъ и фабрикантовъ, всѣ вмѣстѣ—государство.

Процессъ этотъ, разумѣется, долгій и сложный, но насъ здѣсь онъ не касается. Насъ интересуетъ болѣе то, что у всѣхъ его участниковъ устанавливается требовательный духъ *правосознанія*. И этотъ ненасытный духъ неуклонно, но вѣрно приноситъ новыя соціальныя пріобрѣтенія требующимъ. Деревня получаетъ свою долю городской культуры, пролетаріи—повышеніе своего standard of life („жизненнаго уровня“). Вотъ отчего здѣсь „господскія“ или городскія удобства жизни разлиты по всей деревнѣ почти въ такой же мѣрѣ, какъ въ городѣ.

Въ поляхъ—великолѣпныя макадамовыя дороги, которыя чистятся, стираются, поливаются почти такъ же, какъ чистятся паркеты въ петербургской гостиной. Дороги обсажены восхитительными живыми изгородями или орѣхами, яблонями, черешнями. Въ тѣни такой зеленой дороги можно идти безъ устали десятки километровъ, не замѣчая ни жары, ни пыли. Водопроводы, газъ — въ каждомъ жилищѣ. Электрическое освѣщеніе, трамваи, телефоны — по всей странѣ. Лучшая въ мірѣ почта, аккуратно доставляющая вамъ, напр., каждое утро свѣжее мясо изъ города за пустяковую плату. Не хуже организована доставка вообще всякихъ товаровъ изъ большихъ городскихъ магазиновъ.

То же—и съ комфортомъ жилищъ. Особенно заслуживаютъ вниманія жилища рабочихъ. Рабочій классъ, какъ наиболѣе лишенный надеждъ въ индивидуальной конкурренціи, оказывается и наиболѣе требовательнымъ. Стоитъ поглядѣть внутренность тѣхъ трехъ-этажныхъ, городского вида, домовъ на окраинѣ Вернье, которые сплошь населены мѣстными рабочими—по двѣ, по три комнаты на семью. Тысяча мелкихъ удобствъ, большею частью совершенно невѣдомыхъ не только въ нашей провинціи, но и въ гордомъ Питерѣ. Большіе стѣнные шкафы во всѣхъ комнатахъ, помѣстительные альковы, приспособленія въ кухнѣ для мытья бѣлья, для сушки посуды, для угля, для сора, для свѣжей провизіи... всего не перечтешь (о „кабинетѣ" и общей прачешной не упоминаю, это разумѣется само собою). Глядя на всѣ эти бытовыя рѣдкости, ясно чувствуешь, что онѣ могли быть добыты только путемъ упорной, неотступной борьбы пасынковъ жизни за „права человѣка". Вѣришь, что этотъ народъ добьется всего.

Прибавьте еще всеобщее безплатное обученіе, политическое и коммунальное самоуправленіе въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Прибавьте оживленную общественную дѣятельность всякихъ союзовъ. Въ одномъ Вернье вы встрѣчаете гимнастическое общество, стрѣлковое общество, la Fanfare de Vernier (трубный оркестръ), рабочій клубъ и проч. И все это—цвѣты и плоды, по существу, одного и того же грубаго корня: конкурренціи.

Здѣсь принципъ *моего* права на жизнь впитался, кажется, въ самую почву. Для русскаго человѣка этотъ жесткій духъ почти непереносенъ. Русскій человѣкъ скорѣе расположенъ дѣйствовать во имя дружелюбія, мягкости, „этики", „альтруизма". Но, право же, этотъ русскій духъ — нерѣдко простой пережитокъ семейственно-общиннаго прошлаго—мало подходитъ къ жесткой современности. Вотъ мы, напр., въ состояніи, послѣ феерически-яркихъ подвиговъ недавнихъ годовъ, мириться съ самымъ темнымъ настоящимъ! А швейцарецъ, какъ колючій ершъ, въ каждую данную минуту вооруженъ съ ногъ до головы

противъ всякой попытки похитить *его* права. Онъ скорѣе расположенъ добывать все новыя и новыя права.

Вотъ отчего деревня Вернье (не составляющая какого-либо исключенія изъ массы швейцарскихъ деревень) воплощаетъ передъ нами какъ бы сліяніе деревни и города. В. Моррисъ, Рёскинъ и другіе мечтатели рисуютъ въ будущемъ превращеніе городовъ въ парки. Здѣсь, наоборотъ, поля, такъ сказать, насыщаются городомъ: это и есть самая оригинальная черта Швейцаріи вообще. Вы предчувствуете уже теперь, чѣмъ будетъ Швейцарія того времени, когда упорный духъ ея современности приведетъ къ своему, какъ кажется, неминуемому результату: къ разлитому во всемъ населеніи, равномѣрному пользованію всѣми благами матеріальной и духовной культуры.

Швейцарская равнина будетъ чуднымъ, искусственно-созданнымъ, но наиболѣе приспособленнымъ къ природѣ паркомъ, съ обширными обработанными полянами. Въ этомъ паркѣ веселый, трудовой народъ будетъ жить безъ тревогъ и страха въ современныхъ, комфортабельныхъ жилищахъ, на твердомъ фундаментѣ мощно-свободной земли.

Жизнь эта будетъ похожа на крѣпко-созданный Монбланъ. Холодный, жесткій и тяжкій гранитъ послужилъ матеріаломъ для его созданія. И вотъ, стоитъ онъ трехъ-яруснымъ шатромъ надо всею Европой, а другія, окружныя горы, не сумѣвшія найти для себя секрета этой незыблемой архитектуры, лежатъ вокругъ обломками, словно кладбища. Онъ же съ виду такъ легокъ, законченъ, художественъ, при всей своей колоссальности—этотъ самозданный алтарь природы.

Жизнь человѣческой долины у ногъ Монблана тоже строится изъ грубаго, некрасиваго матеріала погони за добычей, эксплуатаціи. Ничего! Перемелется — будетъ мука. Когда-то въ этихъ долинахъ, въ этихъ деревняхъ будетъ звучать полнымъ аккордомъ созвучіе прочной, какъ гранитъ, человѣческой жизни съ прекрасною, какъ статуя, природой.

А. Дивильковскій.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Нынѣшней весной севастопольскій полицiймейстеръ издалъ приказъ, довольно интересный по своей откровенности. Начальникъ севастопольской полиціи самолично характеризуетъ полицейскую среду въ

такихъ выраженіяхъ: „Въ обществѣ не даромъ установился нелестный для полиціи взглядъ, коимъ о чинахъ полиціи отзываются, какъ не объ охранителяхъ гражданъ, а какъ о грабителяхъ и насильникахъ. Къ сожалѣнью, такого рода эпитеты, какъ оказывается, всего ближе подходятъ къ нѣкоторымъ чинамъ ввѣренной мнѣ полиціи градоначальства, и, къ сожалѣнію же, до сего времени я не могу внѣдрить въ ихъ сознаніе честности, порядочности и совѣстливаго исполненія своего служебнаго долга. Почти ежедневно приходится получать все новые и новые сюрпризы, которые все болѣе и болѣе убѣждаютъ меня, что среди ввѣренной мнѣ полиціи засѣли такіе экземпляры, которыхъ не проймешь ни убѣжденіемъ, ни обращеніемъ къ ихъ совѣсти, и единственнымъ средствомъ оздоровить составъ полиціи оказываются строжайшія наказанія, преданіе суду и изгнаніе изъ состава полиціи". Полиціймейстеръ приводитъ нѣсколько яркихъ фактовъ вымогательства, насилія и надругательства, проявленныхъ чинами полиціи надъ мѣстными жителями, и говоритъ далѣе: „Мнѣ за время моей службы приходится командовать третьей полиціей, при чемъ по совѣсти удостовѣряю, что такого безобразія и прямо разбойническаго отношенія къ гражданамъ, какъ въ севастопольской полиціи, я ни разу нигдѣ не видѣлъ". И снова начальникъ полиціи упоминаетъ о „гнусныхъ, вопіющихъ случаяхъ". О фактахъ, приводимыхъ имъ, нѣтъ надобности говорить подробно: они заурядны и обычны,—не въ общемъ смыслѣ, конечно, а исключительно въ примѣненіи къ горемычной русской жизни. Интересно, значительно и ново въ приказѣ севастопольскаго полиціймейстера чувство изумленія и негодованія по поводу полицейскихъ нравовъ. Чистотой и непорочностью не отличались эти нравы и въ прежнее время. Но, вѣроятно, для самихъ полицейскихъ чиновъ вся внутренняя полицейская жизнь тогда казалась протекающей въ нормальныхъ рамкахъ, такъ какъ ни изумленія, ни негодованія по поводу полицейскаго быта въ прежнихъ начальникахъ полиціи какъ будто не замѣчалось. Теперь же севастопольскій полиціймейстеръ въ своемъ изумленіи далеко не одинокъ. Немало изумленія вызвали внезапныя разоблаченія нравовъ московской полиціи. Еще болѣе изумила ревизія интендантства. И съ каждымъ почти днемъ волна изумленія перекатывается изъ одной губерніи въ другую, съ одного конца Россіи на другой. Вѣроятно, многія начальственныя лица, вмѣстѣ съ севастопольскимъ полиціймейстеромъ, растерянно разводятъ теперь руками, негодуютъ, смущаются и изумляются. Стали смущаться, при ошеломляющихъ результатахъ сенаторскихъ ревизій, даже печатные органы такого беззаботнаго типа, какъ „Новое Время".

Суть, разумѣется, не въ томъ, что полицейская и бюрократическая

среда обнаружила въ себѣ пороки. Суть—въ невѣроятной и внезапной суммѣ обнаруженныхъ порочныхъ дѣяній, а главное, въ чрезвычайной несвоевременности этого обнаруженія. Какъ разъ въ то время, когда власть объявила себя полной руководительницей русской жизни, когда она почти всѣ общественныя попытки обновленія жизни назвала смутой, а себя поставила въ примѣръ, образецъ и надежду для притихшаго обывателя, — въ это время и хлынули со всѣхъ сторонъ постыдные факты внутренней жизни полицейской и бюрократической среды. Вверху власть доказывала, что она крѣпнетъ, органически зрѣетъ, очищается, облагораживается и скоро поведетъ Россію по торжественному пути реформъ, обновленія, возрожденія—а многочисленные, безконечно возрастающіе въ числѣ факты жизни неопровержимо доказываютъ, что власть почти повсемѣстно проявляетъ зловѣщіе признаки разложенія. „Кіевская администрація—пишутъ, напримѣръ, газеты—послѣ ревизіи г. Кондоиди подверглась полному раскассированію. Отъ губернатора до исправниковъ по всей губерніи идетъ чистка. О томъ, что въ кіевскомъ губернскомъ правленіи творятся неладныя дѣла, въ обществѣ давно и настойчиво говорили. Говорили о торговлѣ мѣстами по полицейской службѣ, о томъ, что большинство чиновъ полиціи обложено особой „данью“, при чемъ тѣ, которые не платили „дани“, всегда находились подъ угрозой, что будутъ раскрыты ихъ случайные или неслучайные грѣшки и промахи, и тогда за прекращеніе соотвѣтственныхъ дѣлъ придется платить гораздо больше. Постепенно образовалась цѣлая организація, имѣвшая своихъ агентовъ въ разныхъ частяхъ губерніи“. И въ дополненіе къ этому такая телеграмма изъ Кіева въ столичныя газеты отъ 31-го іюля: „Уходитъ начальникъ сыскного отдѣленія Кельбединъ, уволенный ранѣе въ Москвѣ и преданный суду во Владивостокѣ. Администрація затрудняется подысканіемъ преемника. За послѣдніе полтора года смѣняется третій начальникъ сыскного отдѣленія“. Отъ этой телеграммы вѣетъ почти скорбью. Разграмливаютъ администрацію всей губерніи, мѣняютъ начальственныхъ лицъ одного за другимъ, берутъ даже „уволенныхъ и преданныхъ суду“ въ другихъ городахъ— и все же вновь и вновь открываются непріятныя дѣянія, и уже приходится затрудняться въ „подысканіи преемниковъ“.

Въ сходное съ Кіевомъ положеніе попалъ сибирскій городъ Ново-Николаевскъ. „Полиціймейстеръ г. Ново-Николаевска Висманъ — сообщаютъ сибирскія газеты—и компанія чиновъ полиціи, изобличенные въ разнаго рода преступленіяхъ по службѣ, уволены отъ занимаемыхъ ими должностей. Установлено, что въ ново-николаевской полиціи при Висманѣ систематически производилась самая беззастѣнчивая торговля полицейскими протоколами. Наибольшій доходъ давали санитарные

протоколы. Намѣтивъ рядъ жертвъ, приставъ, въ сопровожденіи соотвѣтствующаго наряда полиціи, осматривалъ дворы и составлялъ протоколы, которые затѣмъ и уничтожались за приличную сумму. Очень выгодной статьей для ново-николаевской полиціи была также прописка паспортовъ. Людямъ зажиточнымъ выдавалъ паспорта самъ Висманъ. Малоимущимъ же лицамъ, взять съ которыхъ больше 10 рублей нельзя, приходилось обращаться къ „арендатору" паспортнаго стола Ѳомѣ Плешивцеву. Недавно въ Каинскѣ при разборѣ дѣла свидѣтель—мѣстный исправникъ—показалъ, между прочимъ, что одинъ изъ убійцъ скрылся въ Ново-Николаевскѣ. Свидѣтель поспѣшилъ туда, но когда онъ прибылъ въ Ново-Николаевскъ, то оказалось, что полиціймейстеръ Висманъ пировалъ съ „экспропріаторомъ" въ одномъ веселомъ мѣстѣ, а затѣмъ снабдилъ его паспортомъ, и тотъ благополучно скрылся".

Съ маленькими варіаціями такое же опустошеніе начальства замѣчается въ нѣсколькихъ другихъ городахъ. Изъ Кузнецка, Саратовской губерніи, пишутъ въ „Сар. Листкѣ": „Въ газетахъ уже было опубликовано, что кузнецкій исправникъ Филоновъ за неисполненіе предписаній высшаго начальства арестованъ на два дня при военной гауптвахтѣ. На дняхъ прошелъ слухъ, что полицейскій надзиратель 3-ей части г. Зайцевъ увольняется со службы; надзиратель 2-й части Воронцовъ-Воронежскій по собственному желанію вышелъ въ отставку; надзиратель 1-ой части Суховъ постановленіемъ судебной палаты приговоренъ къ 4-хъ-мѣсячному тюремному заключенію; вмѣстѣ съ нимъ той же участи подверглись двое городовыхъ, и еще, говорятъ, ожидается судъ Сухову и Ворожейкину. Такимъ образомъ Кузнецкъ остается, можно сказать, безъ охраны". Харьковское „Утро" сообщаетъ: „Журнальнымъ опредѣленіемъ присутствія харьковскаго губернскаго правленія надъ бывшимъ ахтырскимъ уѣзднымъ исправникомъ Кегелемъ назначено предварительное слѣдствіе. Онъ обвиняется въ томъ, что, въ бытность ахтырскимъ исправникомъ, для сформированія частновладѣльческой стражи разновременно взыскалъ съ рязанскаго монастыри 2.400 р., съ грязнянскаго сахарнаго завода наслѣдниковъ Вейссе 1.000 руб. и съ мезеновскаго сахарнаго завода 3.580 руб., а всего 6.980 рублей, обязавшись росписками внести эти деньги въ казначейство. Но изъ этихъ денегъ Кегель внесъ только 300 р. и въ израсходованіи остальныхъ денегъ не представилъ контрольной палатѣ оправдательныхъ документовъ. По постановленію того же присутствія преданы суду сумского окружнаго суда бывшіе конные стражники Сумского уѣзда Петръ Гребенникъ и Иванъ Пугачъ. Пугачъ обвиняется въ нанесеніи побоевъ плетью арестованному Ефиму Симоненко. Тѣ же Пугачъ и Гребенникъ обвиняются въ на-

несеніи побоевъ арестованному Демиду Кобзарю". Корреспонденція „Одескихъ Нов." изъ Симферополя освѣщаетъ характерную обстановку мелкаго полицейскаго провокаторства: „Въ судебной палатѣ слушалось дѣло героя керченской полицейской эпопеи, бывшаго полиціймейстера Янова и пристава Пашуры, обвинявшихся — первый въ незаконномъ лишеніи свободы, а второй въ оскорбленіи словами „мерзавецъ, негодяй, провокаторъ" нѣкоего Обернихина. Дѣломъ этимъ приподнята была нѣсколько завѣса надъ нравами керченской полиціи. На судѣ выяснилось, что Обернихинъ — сыщикъ пристава Гельбаха, и задачей его было „открывать" дѣла. Но для того, чтобы „открывать", нужно было и создавать ихъ. И вотъ, Обернихинъ организуетъ „экспропріацію" съ бомбами изъ старыхъ артиллерійскихъ снарядовъ; создается цѣлое дѣло о шайкѣ экспропріаторовъ, которыхъ открылъ Гельбахъ, и цѣлая группа молодыхъ людей попадаетъ на скамью подсудимыхъ. Когда послѣдніе были арестованы, они чистосердечно сознались, что ихъ подговаривалъ на экспропріацію Обернихинъ, давая имъ деньги, словомъ—ревностно трудился, чтобы подготовить торжество приставу Гельбаху. Это обстоятельство и заставило Янова арестовать Обернихина. На судѣ относительно роли Обернихина давали показанія всѣ бывшіе подъ судомъ и оправданные потомъ члены „разбойничьей" шайки. Палата въ виду этихъ обстоятельствъ оправдала Янова и Пашуру".

Конечно, приведенные здѣсь факты даютъ лишь легкій намекъ на подлинные нравы полицейской среды. Провинціальныя газеты имѣютъ возможность описывать подвиги только тѣхъ полицейскихъ чиновъ, которые уже попали подъ судъ. А подъ судъ попадаютъ вѣдь только тѣ, кто поплоше. Притомъ, давно уже извѣстна та деликатная осторожность, съ которой въ Россіи высшіе административные чины стараются провести провинившихся и оплошавшихъ чиновъ мимо суда и гласности. И если, тѣмъ не менѣе, разоблаченія захватываютъ цѣлыя губерніи, города и области, то не трудно нарисовать себѣ грандіозную картину внутренней полицейской и административной жизни...

Если полиціймейстеры и пристава держатся опредѣленной линіи поведенія, то, разумѣется, и подчиненные ихъ—городовые, урядники и стражники—неизбѣжно должны относиться къ населенію въ томъ же тонѣ. Къ сожалѣнію, провинціальная печать въ значительной степени лишена возможности подробно отмѣчать дѣянія и этой полицейской мелкоты. Региструются опять-таки главнымъ образомъ оплошавшіе и попавшіе подъ судъ. Но и такихъ процѣженныхъ фактовъ печать приноситъ удручающее количество. И населеніе, видимо, страдаетъ отъ этого мелкаго административнаго бича еще болѣе, чѣмъ отъ выс-

шихъ чиновъ. Приведемъ нѣкоторые изъ обычныхъ фактовъ, во множествѣ растравляющихъ теперь крестьянское и мѣщанское населеніе. „На Духовъ день,—пишутъ „Сар. Листку“ изъ Кузнецка,—въ ближайшій подгородный лѣсъ уѣзднымъ исправникомъ были посланы для наблюденія за порядкомъ стражники, такъ какъ ежегодно на Троицу въ этотъ лѣсъ собираются погулять массами мѣстные жители. Стражники, переходя отъ одной компаніи къ другой, требовали себѣ угощенія. Въ немъ отказа не было, и черезъ короткое время стражники „наугощались“ какъ слѣдуетъ, а потомъ стали требовать денегъ, и не только отъ мѣщанъ, но и отъ людей, также служащихъ по внутренней охранѣ. Стражники стали требовать угощенія и денегъ отъ жандарма Земскова, который въ компаніи съ другимъ жандармомъ мирно бесѣдовалъ на полянѣ со своими дѣтьми. Жандармъ, конечно, отказалъ. Тогда стражники направили своихъ лошадей на яства и питья и помяли ихъ и посуду. Все это ими продѣлывалось и въ другихъ мѣстахъ, но тамъ противорѣчить имъ не смѣли. А тутъ жандармъ запротестовалъ. Стражники выхватили шашки и набросились на Земскова, а одинъ хлестнулъ его нагайкой. Стражники были уже настолько пьяны, что не могли держаться на лошадяхъ. Одинъ изъ нихъ упалъ и выронилъ шашку. Жандармъ схватилъ шашку и отправился съ нею въ городъ, гдѣ и предъявилъ ее становому приставу; стражники же остались въ лѣсу и продолжали безобразничать, наводя панику на публику. Вмѣсто веселыхъ пѣсенъ и дѣтскихъ игръ, по лѣсу понеслись плачъ, визгъ и порицанія по адресу полиціи. Въ городѣ передъ квартирой станового пристава стражники поссорились между собою, и одинъ ранилъ другого въ голову шашкой. Ему оказана медицинская помощь въ земской больницѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ конвоемъ полицейскихъ служителей пришлось отправить подъ арестъ въ полицейское управленіе. Говорятъ, что стражники предаются суду“. Наиболѣе характерно въ этой замѣткѣ то, что не напади одурѣвшіе стражники на жандарма, то никто изъ публики и не осмѣлился бы пожаловаться на нихъ. Такъ и прошли бы безобразія безъ слѣда и слуха. И даже больше: не осмѣлился бы и корреспондентъ написать въ газету о буйствѣ пьяныхъ стражниковъ. А еслибы онъ дерзнулъ написать, то ужъ навѣрное газета не рѣшилась бы напечатать опасную корреспонденцію; вѣдь за такими сообщеніями неизбѣжно въ провинціи слѣдуетъ штрафъ, арестъ для редактора или закрытіе газеты. И теперь по осторожному, мягкому тону корреспонденціи ясно чувствуется, какъ редакція, рискнувъ изобличить стражниковъ, все время благоразумно прикрывается пострадавшимъ жандармомъ. Любопытна и заключительная фраза корреспонденціи: „Говорятъ, что стражники предаются суду“. Это послѣ

всѣхъ безобразій стражниковъ, дѣйствія оружіемъ, даже пролитія крови, такая мягкая неувѣренность корреспондента! Судъ и наказанія въ Россіи существуютъ. Для обывателя они спустились до средневѣковой откровенной и мрачной жестокости. Но для стражниковъ и прочихъ чиновъ полиціи, видимо, практикуется иная мѣра проступковъ. Они могутъ быть наказаны мягко, а иные ихъ преступленія и совсѣмъ могутъ быть преданы снисходительному забвенію. „Въ Кіевѣ,—сообщаютъ „Кіевскія Вѣсти",—27-го іюля, около 3-хъ часовъ ночи, двое пьяныхъ городовыхъ подольскаго участка, И. Гончарукъ и его товарищъ, самовольно оставившій постъ, М. Зинчукъ, устроили нападеніе на квартиру Е. Янушкевича, въ д. № 49 по Воздвиженской улицѣ. Городовые выломали дверь, ворвались съ обнаженными шашками въ квартиру и стали буянить. Первой подвернулась подъ руку Нина М., которую городовые сильно избили. На крики Е. Янушкевича о помощи явился дворникъ И. Бернадоровъ, но такъ же, какъ и хозяинъ квартиры, былъ избитъ. Въ квартирѣ Янушкевича поднялась невообразимая суматоха, паника. Проснулись дѣти. Городовые продолжали буйствовать и шашками изрѣзали подушки и другія вещи. Такъ длилось до тѣхъ поръ, пока, по заявленію въ подольскій участокъ, оттуда не были присланы 4 городовыхъ, которые обезоружили буяновъ и доставили ихъ въ участокъ. Утромъ, по требованію Е. Янушкевича, приставъ распорядился составить о происшедшемъ протоколъ. Вчера И. Гончарукъ и М. Зинчукъ приказомъ полиціймейстера „за нетрезвое поведеніе и буйство" подвергнуты аресту на 4 сутокъ каждый, а затѣмъ, какъ несоотвѣтствующіе своему назначенію, уволены отъ службы". И здѣсь наиболѣе поучительно то, что протоколъ былъ составленъ только „на другой день, по требованію Янушкевича" и что городовые за избіенія, порчу вещей, за выломанныя двери и за вооруженное нападеніе въ ночную пору на мирныхъ гражданъ отдѣлались четырехдневнымъ арестомъ. Стоитъ только представить себѣ, что въ мирную квартиру вломились не городовые, а какіе-нибудь вооруженные „молодые люди"—и ярко опредѣлится различная отвѣтственность предъ нынѣшнимъ русскимъ закономъ простого обывателя и представителя полиціи. Для перваго—смертная казнь или, въ лучшемъ случаѣ, каторга, для второго—арестъ въ нѣсколько дней. Такъ воспитывается нынѣ населеніе, уясняя себѣ при посредствѣ жизненныхъ наглядныхъ уроковъ право и законность...

„Кіевскія Вѣсти" сообщаютъ еще о слѣдующихъ, по мягкому выраженію газеты, „шалостяхъ" стражниковъ: „4 сентября 1909 года полицейскіе стражники Андрей Ремезовскій и Дмитрій Шеметовъ, разъѣзжая „по дѣламъ службы" по Житомірскому шоссе, заглянули между прочимъ и въ пивную. Изрядно нагрузившись тамъ пивомъ,

блюстители порядка снова сѣли на коней и продолжали свой объѣздъ. У села Вигуровщины повстрѣчалась имъ молодежь. По словамъ стражниковъ, кто-то обозвалъ ихъ барбосами. Стражники, поднявъ нагайки, двинулись на толпу. „Вытянули" одного, другого. А стражникъ Шеметовъ, кромѣ нагайки, еще и кулаками дѣйствовалъ. „Толпа" разбѣжалась. Стражники бросились за ними. Увлекшись нагайкой, пьяные блюстители порядка наскочили на работавшихъ въ полѣ нѣсколькихъ крестьянъ. Предварительно поработавъ нагайками и кулаками на ихъ спинахъ, увлекшіеся стражники вдругъ приказали крестьянамъ отправиться въ м. Макаровъ къ становому приставу. Перепуганные крестьяне безпрекословно повиновались. Однако, по дорогѣ нѣсколькимъ удалось убѣжать. Осталось лишь двое. И съ ними стражники вступили въ переговоры: дайте, молъ, денегъ, угостите водкой—и идите съ Богомъ. Разумѣется, плѣнники, не вдаваясь въ разсужденія—почему, за что?—предпочли принять всѣ условія побѣдителей. Но, отдѣлавшись отъ бѣды, крестьяне о всей исторіи сообщили кому слѣдуетъ. Возникло дѣло: стражники преданы были суду за избіенія и вымогательство. Дѣло слушалось въ кіевской судебной палатѣ. Палата приговорила обоихъ стражниковъ къ мѣсячному аресту при полиціи".

Изъ Екатеринослава пишутъ „Кіевской Мысли": „Къ прокурору суда поступила жалоба наборщика Мильнера на дѣйствія околоточнаго надзирателя Гаркавенко. Послѣдній, какъ заявляетъ Мильнеръ, явился къ нему за взысканіемъ двухъ рублей недоимки. На просьбу Мильнера объ отсрочкѣ до полученія жалованья Гаркавенко отвѣтилъ арестомъ. По дорогѣ въ участокъ и въ самомъ участкѣ Мильнеръ былъ избитъ до безчувствія, брошенъ въ кордегардію и лишь послѣ настойчивыхъ просьбъ администраціи типографіи Гаркавенко освободилъ Мильнера, заставивъ его, подъ угрозой „переломать ребра", подписать протоколъ объ оскорбленіи имъ полиціи".

Длинной, мрачной вереницей идутъ одинъ за другимъ подобные „мелкіе" факты. Газеты отмѣчаютъ ихъ во всѣхъ углахъ Россіи. И вездѣ приблизительно одно и то же: оскорбляли, били, глумились, населеніе молчало, газеты вынужденно безмолвствовали, пока тотъ или иной случай не попадалъ подъ судебную или административную кару. Тогда корреспонденты отводятъ душу въ умѣренномъ, дозволенномъ негодованіи, съ осторожностью отмѣчая ропотъ населенія. И снова жизнь идетъ своимъ глухимъ, примолкшимъ, таинственнымъ ходомъ, гдѣ-то скапливая и храня горькій опытъ новаго, мрачнаго быта...

Въ этой области одна только черта подведена, кажется, для заключительнаго итога. Недавніе безпокойные годы натолкнули нѣкоторыхъ напугавшихся помѣщиковъ и капиталистовъ на некрасивую мысль выписать въ Россію для своей охраны воинственныхъ, полуразбойныхъ

кавказскихъ горцевъ. И пока эти горцы только махали нагайками надъ крестьянами, безпокойства ни въ начальствѣ, ни въ ихъ нанимателяхъ они не возбуждали. Но вотъ начали раскрываться событія иного рода. Въ концѣ мая былъ на Уралѣ дерзко ограбленъ артельщикъ алапаевскихъ заводовъ. Виновными оказались ингуши и осетины. Выписаны они были для охраны заводовъ. Въ ограбленіи принимало участіе десять человѣкъ, среди нихъ и тѣ ингуши, которые сопровождали деньги. Ограблена была сумма въ 128.000 р. Только что переловили ихъ, какъ въ концѣ іюля снова нападеніе: сдѣлано покушеніе ограбить почту на соликамскомъ трактѣ. Изъ девяти грабителей поймали семерыхъ, и всѣ оказались ингушами. Послѣ этого въ срединѣ іюля довольно естественно было прочитать въ газетахъ такую телеграмму: „Съ разныхъ уральскихъ заводовъ отправлены высылаемые ингуши, не имѣющіе опредѣленныхъ занятій и служившіе раньше въ охранѣ заводовъ“. Газета „Уральскій Край“ при этомъ добавляетъ: „Уральское населеніе вздохнетъ свободно. О „подвигахъ“ этихъ выходцевъ на Уралѣ уже не разъ сообщалось на страницахъ уральскихъ газетъ“. Вѣроятно, и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи населеніе желало бы хотя въ этомъ смыслѣ вздохнуть свободно. Кавказцы въ разныхъ мѣстахъ даютъ себя почувствовать въ такомъ же родѣ, какъ и на Уралѣ. „Въ выѣздной сессіи окружнаго суда — пишутъ „Саратовскому Листку“ изъ Аткарска — разсматривалось дѣло по обвиненію стражника-лезгина Нуцилъ-Али-Оглы въ умышленномъ убійствѣ овцевода въ имѣніи гр. Шереметева. Преступленіе совершено въ пьяномъ видѣ. Овцеводъ не позволялъ стражнику пасти лошадь въ хозяйскомъ имѣніи. Нуцилъ-Али-Оглы сдѣлалъ въ него семь выстрѣловъ изъ винтовки, которыми нанесъ раны въ шею и голову. Овцеводъ умеръ. Присяжные засѣдатели признали лезгина виновнымъ въ нанесеніи ранъ въ запальчивости и раздраженіи. Судъ приговорилъ его къ заключенію въ арестантскія отдѣленія на полтора года“. Той же газетѣ сообщаютъ изъ Саратовскаго уѣзда: „Завѣдывающій хуторомъ землевладѣльца Киндякова при селѣ Биклеѣ, Содомской волости, Евгеній Рыжковъ ночью около дома увидѣлъ троихъ неизвѣстныхъ. Они обратились къ нему съ просьбой указать дорогу въ с. Алентьевку. Рыжковъ, ничего не подозрѣвая, подошелъ къ нимъ. Не успѣлъ онъ приблизиться, какъ всѣ трое набросились на него, повалили на землю и стали бить плетьми. Затѣмъ, произведя выстрѣлъ въ воздухъ, всѣ скрылись. Подозрѣніе падаетъ на осетинъ, служившихъ у Киндякова, которые избили Рыжкова изъ мести за его строгость“. Въ концѣ концовъ, въ Саратовской губерніи и въ другихъ губерніяхъ, очевидно, придутъ къ тому же выводу, какъ и на Уралѣ, т.-е. признаютъ необходимымъ отправить горцевъ обратно на Кавказъ. Но

свой вкладъ въ народную психику кавказцы внесли. Да и не особенно, конечно, для крестьянскаго населенія измѣнится суть дѣла, если послѣ горцевъ останутся въ деревнѣ стражники. Потому-то, можетъ быть, населеніе, не ожидая заключительныхъ итоговъ со стороны, начинаетъ частично подводить свои отдѣльные, тревожные итоги. „Въ имѣніи Лецъ, близъ с. Озерки,—сообщаетъ „Саратовскій Листокъ", — найденъ въ безсознательномъ состояніи избитый лезгинъ Хусанъ Гусенковъ. Доставленный въ Озерки въ земскую больницу, онъ, не приходя въ сознаніе, черезъ два дня умеръ. Предполагаютъ, что умершій былъ избитъ изъ мести мѣстными крестьянами". Изъ Дмитровска пишутъ „Орловскому Вѣстнику": „Въ с. Большой Бобровѣ крестьянскій мальчикъ пасъ лошадей. Кони зашли на землю Шамшева. Стражникъ Шамшева сталъ хлестать мальчика нагайкой. Мальчикъ поднялъ крикъ. Дѣло происходило недалеко отъ селенія. Мать мальчика, видя издали, что̀ дѣлается съ ея сыномъ, бросилась къ нему. Стражникъ постегалъ и ее. Мужъ крестьянки, видя и слыша, что̀ происходитъ съ женой, ухватилъ топоръ и бросился на выручку. Стражникъ уже возвращался домой, приближаясь къ селенію. Около околицы мужикъ съ сыномъ встрѣтили стражника и напали на него. Крестьянинъ наносилъ раны топоромъ стражнику, послѣдній выстрѣлами изъ винтовки пронизывалъ крестьянина. Результаты боя весьма печальные: стражникъ скоро скончался; крестьянинъ, поживъ немного, также умеръ". Изъ Невеля, Витебской губерніи, сообщаютъ въ „Рѣчь": „20-го іюля въ Невелѣ хоронили урядника, убитаго при столкновеніи съ крестьянской семьей, состоящей изъ матери и четырехъ сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ наповалъ урядникомъ, второй тяжело, а третій легко раненъ. Четвертый же ударомъ топора убилъ урядника".

Страшно сказать, а вѣдь въ сущности постепенно разгорается какая-то внутренняя, междоусобная война, для которой приведенные случаи являются кровавыми предвѣстниками. И какъ странно рядомъ съ подобными извѣстіями читать въ газетахъ такой, напримѣръ, приказъ губернатора: „Полтавскимъ губернаторомъ—сообщаетъ „Утро"— отданъ приказъ, коимъ на 27-е и 28-е іюня назначены сборы конно-полицейскихъ стражниковъ въ Полтавѣ и Пирятинѣ. Цѣлью этихъ сборовъ, какъ указано въ приказѣ, является: сплоченіе отдѣльныхъ частей, достиженіе лучшей строевой подготовки, пріученіе къ дѣйствіямъ цѣлыми частями и поднятіе въ чинахъ конной стражи воинскаго духа. Въ этихъ видахъ въ сборныхъ пунктахъ, Полтавѣ и Пирятинѣ, произведены будутъ маневры, ученья и рѣшенія задачъ, предложенныя инструкторами по строевой части полицейской стражи. Команды стражниковъ прибудутъ походнымъ порядкомъ". И эти ма-

невры, укрѣпленіе воинскаго духа, боевыя задачи, — все это не для врага на Дальнемъ или Ближнемъ Востокѣ, а для „внутренней службы“...

И. Жилкинъ.

КАКЪ МЫ „ЛЕГАЛИЗОВАЛИСЬ“

Въ іюльской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1910-ый годъ, въ статьѣ М. И. Сафонова, упоминается о подачѣ прошенія министру внутреннихъ дѣлъ ссыльными г. Яренска (Вологодской губ.) и о ссылкѣ зачинщика въ дальнее село. Какъ одинъ изъ участниковъ яренскаго протеста, я могу сообщить нѣкоторыя подробности о немъ.

Къ лѣту 1909-го года положеніе находившихся въ г. Яренскѣ политическихъ ссыльныхъ настолько ухудшилось, что необходимо стало сдѣлать какую-нибудь попытку—если не для улучшенія его, то хоть чтобы сказать: такъ дальше жить нельзя!

Протестъ долженъ былъ принять легальную форму, и невольно мысль останавливалась на подачѣ прошенія; заголовокъ съ надписью: „прошеніе“ мы предпочли замѣнить словомъ „заявленіе“ и рѣшили, оставаясь вполнѣ корректными, все же высказать ясно и опредѣленно свой взглядъ на отношеніе къ намъ администраціи.

Съ такимъ предложеніемъ выступила маленькая группа иниціаторовъ. Большинство ссыльной колоніи присоединилось къ нему. Желая остаться въ рамкахъ легальности, мы рѣшили не подавать коллективнаго заявленія: каждый долженъ былъ говорить отъ своего имени. Коммиссіи изъ трехъ человѣкъ поручили выработать форму заявленія. Однимъ изъ ея членовъ составленъ былъ проектъ, утвержденный почти безъ всякихъ поправокъ сначала коммиссіей, а затѣмъ и собраніемъ районныхъ представителей. Приводимъ заявленіе цѣликомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно поступало къ исправнику.

„Политическимъ ссыльнымъ въ мартѣ 1908-го года были запрещены какія бы то ни было организаціи. Такимъ образомъ, даже экономическая взаимопомощь для ссыльныхъ была признана преступной. Прежде всего мнѣ интересно было бы знать, считаетъ ли ваше высокопревосходительство ссыльныхъ лишенными правъ? Если нѣтъ, то почему же законъ 4 марта, распространяясь на всѣхъ россійскихъ гражданъ, игнорируетъ ссыльныхъ? Какимъ образомъ административно-сосланные, юридически не лишенные правъ, фактически лишены ихъ? По газетнымъ свѣдѣніямъ, товарищъ министра внутрен-

нихъ дѣлъ Курловъ хотѣлъ обратиться къ вамъ съ предложеніемъ разрѣшенія экономическихъ организацій ссыльныхъ. Но эти слухи остались только слухами. Наше же и безъ того незавидное положеніе ухудшается отсутствіемъ организованной взаимопомощи.

„Въ 1906 г. минимальный размѣръ пособія по цѣнамъ того времени въ Яренскѣ былъ принятъ въ 8 р. 30 коп. Цѣны на квартиры и продукты первой необходимости съ тѣхъ поръ поднялись въ два или три раза: мясо поднялось за фунтъ съ 5—6 коп. до 15—16, масло топленое съ 15 до 35—45, яйца десятокъ съ 15 до 30—60, и т. д. Не ясно ли, что при подобной дороговизнѣ прежнее пособіе недостаточно? Городъ переполненъ ссыльными, но хотя 79% ютятся по нѣскольку человѣкъ въ одной комнатѣ, тѣмъ не менѣе имъ приходится платить дороже, чѣмъ прежде.

„Постоянное запаздываніе одежныхъ и выдача ихъ въ послѣднихъ мѣсяцахъ зимы (февраль) и лѣта (іюль — августъ) заставляетъ насъ пользоваться одеждой далеко не по сезону. Въ сорокаградусные морозы ссыльнымъ приходится ходить въ лѣтнихъ пальто, разорванныхъ штиблетахъ и легкихъ кепкахъ. За 1908-ой годъ 400 ссыльныхъ переболѣло свыше 1.100 болѣзнями; изъ нихъ 92 лежали въ больницѣ 1.746 дней, т.-е. по 18,96 дней на человѣка. Это результатъ не только антигигіеническихъ условій квартиры, хроническаго голоданія и пользованія несвѣжими продуктами, вслѣдствіе недостаточнаго и неаккуратно выдаваемаго ежемѣсячнаго пособія, но и регулярнаго запаздыванія одежныхъ, объясняющагося исключительно небрежностью администраціи (считаете ли вы это закономѣрнымъ и однимъ изъ средствъ воздѣйствія на ссыльныхъ — намъ неизвѣстно).

„При возвращеніи домой администрація также не приходитъ къ намъ на помощь. Въ прежнее время на обратный путь выдавались деньги, съ 1908-го года ссыльные вынуждены возвращаться „при этапѣ". Грязь, вонь, духота, знаменитая вятская и ей подобныя тюрьмы—вотъ что ждетъ освобождающихся.

„Оставляя насъ почти совершенно на произволъ судьбы, не давая намъ достаточнаго пособія, администрація, тѣмъ не менѣе, запрещаетъ организаціи. Посредствомъ общества взаимопомощи мы могли бы собирать ежемѣсячные членскіе взносы, производить сборы среди мѣстныхъ жителей (это, можетъ быть, нѣсколько напоминаетъ милостыню, но что же дѣлать?), наконецъ, организовывать спектакли и концерты, которые приносили бы доходъ. Мѣстное населеніе такъ или иначе пришло бы на помощь ссылкѣ,—особенно тогда, когда наша организація съумѣла бы заклеймить тѣхъ воровъ, хулигановъ и насильниковъ, которыхъ такъ много въ современной ссылкѣ (какъ извѣстно, нашимъ туруханскимъ товарищамъ еще недавно пришлось

очень дорого расплачиваться за присутствіе уголовныхъ въ своей средѣ). Сегодня намъ мѣшаютъ прибѣгать къ помощи мѣстныхъ жителей какъ полицейскія репрессіи, такъ и поведеніе здѣшней администраціи, старательно стирающей грань между политическимъ и уголовнымъ элементомъ.

„Общество взаимопомощи дало бы возможность добывать деньги и со стороны, и собирать среди ссыльныхъ, а также попыталось бы хоть нѣсколько бороться со все возрастающей дороговизной на квартиры и продукты первой необходимости.

„Нами была открыта пекарня, понизившая цѣну на черный хлѣбъ съ 4½ до 3 коп. за фунтъ. Она закрыта въ февралѣ 1909-го года; ея завѣдующій поплатился трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ за яко бы происходившія въ пекарнѣ собранія.

„Группа товарищей, закупая мясо, понижала цѣну съ 15 до 10½—11 коп. за фунтъ. Въ апрѣлѣ 1909-го года она была арестована и всѣ подверглись двухнедѣльному тюремному заключенію. Между тѣмъ закрытые кооперативы давали намъ возможность пользоваться доброкачественными и сравнительно дешевыми продуктами. Не только организація, но и какое бы то ни было совѣщаніе ссыльныхъ о своихъ экономическихъ нуждахъ въ виду бдительнаго надзора и сыска невозможно.

„Условія нашего полуголоднаго существованія заставляютъ меня обратиться къ вамъ со слѣдующимъ вопросомъ: неужели же до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать отживающая до-реформенная административная ссылка, будутъ запрещаться даже экономическія организаціи ссыльныхъ, не смотря на то, что правительственное „пособіе" является лишь только пособіемъ, существовать на которое почти невозможно?

„Поэтому я и обращаюсь къ вамъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи мнѣ совмѣстно съ другими ссыльными организовать общество взаимопомощи для: а) выдачи единовременныхъ ссудъ, б) дорожныхъ пособій на возвращеніе домой, в) организаціи кооперативовъ и г) устройства всевозможныхъ доходныхъ предпріятій, какъ спектакли, концерты и т. д."

Зная характеръ яренскаго исправника, коммиссія была увѣрена, что на перваго подающаго заявленіе онъ вознегодуетъ всѣми силами души, и тому грозитъ Удора, сѣверная часть Яренскаго уѣзда, „уголокъ, забытый Богомъ и людьми", какъ величали свои мѣста сами удорчане, пріѣзжая въ „городъ" съ 800 жителями и тремя улицами: первой, второй и третьей. По нѣкоторымъ соображеніямъ, честь подачи заявленія первымъ предоставили мнѣ. Все, чего я добился, это жребія между мною и однимъ изъ членовъ коммиссіи, но судьба благоволила ко мнѣ.

28-го августа я былъ первымъ (и въ этотъ день единственнымъ) подателемъ заявленія. Исправникъ, прочитавъ его, началъ запугивать меня:—Возьмите обратно и не подавайте мнѣ такихъ прошеній, никогда не приму!

Когда я сталъ настаивать, исправникъ со злостью замѣтилъ:

— Да васъ губернаторъ за это прошеніе такъ катнетъ!

Видя безполезность переговоровъ, я заявилъ, что буду жаловаться.

— Я и съ жалобой не приму вашего заявленія! Уходите!—крикнулъ на меня исправникъ. Однако, одумавшись, черезъ полчаса онъ принялъ и заявленіе, и жалобу, но проговорилъ:—Знайте только, на свой хребетъ кошка чешетъ!

1-го сентября (слѣдующій пріемный день) было подано еще нѣсколько заявленій, такихъ же, какъ мое. Отъ политическаго ссыльнаго В. исправникъ принялъ бумагу лишь съ жалобой, отъ остальныхъ довольствовался одними заявленіями, но всѣмъ угрожалъ ссылкой *за предѣлы* Вологодской губерніи, т.-е. Якуткой и Туруханскомъ.

2-го сентября, въ пять часовъ утра, меня разбудили становой приставъ и околоточный надзиратель, которые съ десяткомъ стражниковъ произвели обыскъ. Въ погонѣ за „нелегальной литературой" забрали пару писемъ чисто-личнаго характера и адресъ вполнѣ легальнаго учрежденія. Въ семь часовъ я былъ уже на пути въ Ертомъ. На вопросъ, гдѣ находится это село, надзиратель могъ только отвѣтить:—на Удорѣ.—Стражникъ, котораго позвалъ надзиратель, предположилъ, что до Ертома 190 верстъ. На дѣлѣ же оказалось 285, изъ нихъ 140 волокомъ, т. е. сплошнымъ лѣсомъ, гдѣ кромѣ станціонныхъ избушекъ съ „кушниками" (по зырянски кушникъ—сторожъ) и ямщиками ничего не было, гдѣ нельзя достать ни чая, ни сахара, ни мяса, ни даже хлѣба, запасъ котораго ограниченъ.

Невеселая ждала жизнь и въ Ертомѣ, гдѣ я извѣдалъ одиночную ссылку въ селѣ въ 15 — 16 дворовъ, среди крестьянъ-зырянъ и немногочисленной, чуждавшейся и побаивавшейся меня сельской интеллигенціи. Кто остался у меня въ памяти, такъ это попадья, которая убѣждала всѣхъ, будто меня на Удору сослали затѣмъ, чтобы „никто не кормилъ, ничего не продавалъ и на квартиру къ себѣ не пускалъ"! Она не понимала, что при точномъ соблюденіи всѣхъ этихъ условій мнѣ оставалось только помереть!.. Утѣшался я лишь мыслью о скоромъ освобожденіи.

Но за какой-нибудь мѣсяцъ до конца срока меня ждалъ новый сюрпризъ. Губернаторъ назначилъ мнѣ новое мѣсто ссылки — село Богородское, Устьсысольскаго уѣзда. Снова лежалъ путь, уже около 500 верстъ, но теперь зимой, когда начались морозы въ 30 и болѣе градусовъ. Проѣхавъ около четырехъ сотъ верстъ до Устьсысольска, я

расхворался, и по болѣзни меня оставили въ городѣ. Кромѣ меня, по дѣлу „легализаціи", какъ выражались товарищи, сослали шесть человѣкъ: К. и П.— въ с. Турью, Яренскаго уѣзда, В. — въ Никольскій уѣздъ, С. — въ Вельскій, Д. — въ село Устькуломъ, Устьсысольскаго уѣзда, М.—въ село Богородское, вмѣстѣ со мной. Моя судьба „зачинщика" была хуже въ томъ отношеніи, что я подвергся двукратной ссылкѣ, но за то другіе шли пѣшимъ этапомъ, съ конвойными, а меня возили со стражникомъ. Ихъ перегоны были томительнѣе и тягостнѣе.

Остальные ссыльные, не желая извѣдать Удоры, уклонились отъ подачи заявленія. Тѣхъ же, кто подавалъ заявленія, всѣхъ — какъ острили ссыльные насчетъ меня—„легализовали"!

Борисъ Фромметтъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Неумѣренный оптимизмъ.—Два оффиціальныхъ проекта устройства всесословной волости.– Сравненіе ихъ между собою и съ проектомъ, составленнымъ партіею народной свободы. — Множественность избирательныхъ собраній.—Степень независимости волостныхъ учрежденій. — Синодальное опредѣленіе о церковно-приходскихъ школахъ.

Въ наше время „благонамѣренныхъ рѣчей" и столь же благонамѣреннаго молчанія, когда недовольными полагается быть только „лѣвымъ листкамъ" и безпокойной „оппозиціи" въ кавычкахъ, пріятно услышать минорныя ноты, идущія изъ лагеря „спокойныхъ" и „благонадежныхъ". Такихъ нотъ немало въ распубликованномъ недавно письмѣ Н. А. Хомякова на имя г. Шарапова. „Я знаю"—пишетъ, напримѣръ, бывшій предсѣдатель третьей Думы,—„что лже-націонализмъ и лже-земскія теоріи плаваютъ по поверхности русскаго моря, какъ сальныя пятна; они блестятъ, но не смѣшиваются съ толщей воды... Самый національный клубъ—и тотъ меня радуетъ, не смотря на всю его пошлую уродливость... Правда, что наши націоналисты сунулись за живой водой къ источнику министерства внутреннихъ дѣлъ, по департаментамъ полиціи и инымъ... Наши націоналисты еще только зародились, но человѣками не стали, а потому и думать не начинали; за нихъ думаютъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ". Въ

поправкахъ меньшинства къ законамъ о Финляндіи и о западномъ „лже-земствѣ“ Н. А. Хомяковъ видитъ доказательство тому, что „не всѣ черпаютъ живую воду въ загрязненныхъ источникахъ“; онъ выражаетъ увѣренность, что сочувствіе страны—на сторонѣ меньшинства. „Тяжелая страда“—восклицаетъ онъ — „застала насъ неумѣлыми, безоружными; но научимся и мы и станемъ во всеоружіи, если бросимъ самохвальство, человѣконенавистничество и хамство“. Всѣ эти удары, попадающіе не въ бровь, а прямо въ глазъ, обрушиваются, между прочимъ, и на политическихъ друзей г. Хомякова, на партію, къ которой онъ принадлежитъ или, во всякомъ случаѣ, принадлежалъ недавно. Въ „лже-національнизмѣ“ повинны не только правые всѣхъ оттѣнковъ, но и октябристы, разсматриваемые какъ одно цѣлое. И за нихъ думало и думаетъ министерство внутреннихъ дѣлъ; и они входили и входятъ въ составъ большинства, ищущаго живой воды въ „загрязненныхъ источникахъ“. Остается, поэтому, неяснымъ, на чемъ основанъ неумѣренный оптимизмъ, которымъ проникнуто письмо Н. А. Хомякова. На чемъ держится его увѣренность, что „наши националисты, попивъ воды изъ лже-національнаго колодца, разстроятъ свои желудки и обратятся къ инымъ ключамъ, которыхъ очень много въ геніи русскаго народа“—къ ключамъ, въ которыхъ „они найдутъ и вѣротерпимость, и уваженіе къ національнымъ чувствамъ инородцевъ“? Неужели трехлѣтній горькій опытъ не убѣдилъ его въ томъ, что оффиціальный націонализмъ неспособенъ къ возрожденію, что нѣтъ дороги, ведущей отъ него къ праву и справедливости? На исправленіе торжествующаго большинства и его вдохновителей разсчитывать нельзя, какъ нельзя вѣрить, что современные пастыри церкви поймутъ и усвоятъ себѣ приводимыя въ назиданіе имъ слова А. С. Хомякова: „Не налагай на правду Божью гнилую тяжесть латъ земныхъ“...

Н. А. Хомяковъ недоволенъ дѣйствующимъ избирательнымъ закономъ, одинаково негоднымъ и въ качествѣ „сепаратора“, и въ качествѣ „сита“. „Вы помните“—говоритъ онъ—„такъ называемый Шиповскій проектъ выборнаго закона по земской линіи. Онъ имѣлъ многое за себя и потому, быть можетъ, и былъ отвергнутъ. Но это меня не приводитъ въ уныніе: отъ воли Государя зависитъ пересмотръ закона, и я увѣренъ, что эта воля будетъ проявлена“. Что избирательная система, созданная въ 1907 г., совершенно несостоятельна, что при ея дѣйствіи невозможна перемѣна къ лучшему въ общемъ положеніи дѣлъ—это безспорно; но все остальное въ словахъ Н. А. Хомякова возбуждаетъ большія сомнѣнія—можетъ быть потому, что эти слова недостаточно опредѣленны. Почему, во-первыхъ, иниціативы пересмотра избирательнаго закона Н. А. Хомяковъ ожидаетъ именно отъ Государя? Вѣдь этотъ законъ не принадлежитъ къ числу основныхъ:

вопросъ о замѣнѣ его другимъ, болѣе совершеннымъ, можетъ быть возбужденъ въ Государственной Думѣ, и самое содержаніе реформы можетъ быть указано въ формѣ такъ называемаго законодательнаго предположенія. Мы не допускаемъ мысли, чтобы Н. А. Хомяковъ считалъ возможнымъ и желательнымъ повтореніе акта 3-го іюня; мы хотимъ вѣрить, что онъ далекъ отъ всякой солидарности съ гг. Марковыми и Меньшиковыми, что онъ можетъ имѣть въ виду только закономѣрную реформу, осуществимую въ общемъ законодательномъ порядкѣ... Насъ удивляетъ, во-вторыхъ, ссылка г. Хомякова на проектъ, когда-то предложенный Д. Н. Шиповымъ. О призывѣ земскихъ собраній—въ значительно пополненномъ, впрочемъ, составѣ—къ избранію народныхъ представителей думали, одно время, многіе: но когда? Когда еще не былъ обнародованъ указъ 6-го августа, когда еще работало Булыгинское совѣщаніе, когда еще не была потеряна надежда на то, что самое учрежденіе Думы будетъ выработано не чисто-бюрократическимъ путемъ, а при содѣйствіи общества и народа. Говорить о „выборахъ по земской линіи" теперь, послѣ манифеста 17-го октября, послѣ указа 11-го декабря, послѣ работы двухъ первыхъ Думъ—значитъ не видѣть очевиднаго, не слышать громкихъ и ясныхъ требованій минуты. Пять лѣтъ тому назадъ, притомъ, въ земствѣ кипѣла жизнь, передовые дѣятели его стояли во главѣ мирнаго преобразовательнаго движенія. А что̀ представляетъ собою земство теперь, что̀ будетъ представлять и послѣ реформы, подготовляемой министерствомъ П. А. Столыпина, при „благосклонномъ содѣйствіи" совѣта по дѣламъ земскаго хозяйства—это слишкомъ хорошо извѣстно. Не отъ такого земства, конечно, можно ожидать открытія и использованія тѣхъ „иныхъ ключей", о которыхъ говоритъ Н. А. Хомяковъ...

Вопросъ о всесословной волости—или, по позднѣйшему выраженію, о мелкой земской единицѣ—возникъ вскорѣ послѣ реформъ крестьянской и земской. Сразу сталъ замѣтенъ недостатокъ учрежденій болѣе близкихъ къ населенію, чѣмъ уѣздное земство, и не пріуроченныхъ къ одному сословію, какъ органы крестьянскаго самоуправленія. Противъ объединенія всѣхъ землевладѣльцевъ, всѣхъ сельскихъ жителей на низшей ступени мѣстнаго управленія говорило сначала опасеніе, что имъ воспользуется помѣстное дворянство для возстановленія, въ той или другой мѣрѣ, только что утраченной имъ власти—опасеніе, подтверждавшееся первыми проектами всесословной волости, составленными, въ семидесятыхъ годахъ, въ средѣ вліятельныхъ круговъ петербургскаго дворянства. Настроеніе измѣнилось, когда за разработку назрѣвавшей мысли взялись, въ эпоху „диктатуры сердца", земскія

собранія и прогрессивная печать. Съ тѣхъ поръ интересъ къ вопросу падалъ и поднимался въ зависимости отъ общаго хода событій: падалъ—когда не видно было просвѣта въ окружающей тьмѣ и умами овладѣвалъ тяжелый сонъ, поднимался—когда разражалось народное бѣдствіе или возрождалась надежда на возобновленіе движенія. Особенно ясно отсутствіе правильной организаціи на мѣстахъ давало себя знать въ неурожайные годы, которыхъ было такъ много въ послѣднее десятилѣтіе прошлаго вѣка; но именно въ это время появились на сцену земскіе начальники, отъ которыхъ—и только отъ нихъ однихъ—правительство ожидало перемѣны къ лучшему въ матеріальномъ положеніи народа. Полнѣйшая тщета этихъ ожиданій обнаружилась весьма скоро—и когда освободительная волна, выдвинувшая на первый планъ, въ началѣ XX-го вѣка, необходимость безотлагательнаго обновленія всего государственнаго и общественнаго строя, нарушила спокойную самоувѣренность правительственныхъ вершинъ, указъ 12-го декабря 1904-го года предрѣшилъ образованіе, въ тѣснѣйшей связи съ земствомъ, „общественныхъ установленій по завѣдыванію дѣлами благоустройства на мѣстахъ, въ небольшихъ по пространству участкахъ". Съ исполненіемъ этого рѣшенія, какъ и многихъ другихъ обѣщаній того же указа, „объединенное правительство" не спѣшитъ; не спѣшатъ и вновь созданныя законодательныя собранія. Положеніе о волостномъ управленіи, внесенное министерствомъ во вторую Думу, передѣланное, затѣмъ, согласно указаніямъ совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства (въ усиленномъ его составѣ) и вновь внесенное въ третью Думу, не пошло, до сихъ поръ, дальше думской подкоммиссіи. При той медленности, съ которою—за исключеніемъ экстраординарныхъ случаевъ—работаютъ и коммиссіи, и общія собранія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, трудно предвидѣть, когда будетъ приведено къ концу дѣло, еще недавно считавшееся „неотложнымъ". Какова бы ни была, однако, дальнѣйшая участь оффиціальныхъ проектовъ волостного устройства, они не лишены интереса, и какъ „признакъ времени", и какъ попытка совмѣстить несовмѣстимое, установить что-то среднее между двумя противоположными теченіями.

Въ извѣстномъ смыслѣ волость, проектируемая министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и думскою подкоммиссіею, можетъ быть названа всесословною. Въ составъ волостного общества—гласилъ проектъ министерства—„входятъ всѣ лица, учрежденія, общества, товарищества и компаніи, владѣющія въ предѣлахъ волости недвижимыми имуществами... Вѣдомство волостного управленія распространяется на всѣхъ проживающихъ въ предѣлахъ волости лицъ, *безъ различія состояній*", а также на всѣ находящіяся тамъ имущества и заведенія. Проектъ

подкоммиссіи избѣгаетъ выраженія: *волостное общество*, но также подчиняетъ волостному управленію всю территорію волости и всѣхъ проживающихъ на ней лицъ, безъ различія состояній. Уничтожая непосредственное, юридическое значеніе сословныхъ различій, оба проекта сохраняютъ за ними, однако, немалую фактическую силу, путемъ своеобразной регламентаціи избирательнаго права. Правительственный законопроектъ предоставляетъ избраніе волостныхъ гласныхъ съ одной стороны земельнымъ обществамъ и поземельнымъ товариществамъ, съ другой—избирательному собранію, въ составъ котораго входятъ частные владѣльцы имуществъ, составляющихъ не менѣе чѣмъ 1/40 полнаго земскаго ценза. Проектъ подкоммиссіи установляетъ три избирательныхъ собранія: первое — изъ частныхъ владѣльцевъ, имущество которыхъ составляетъ не менѣе 1/5 полнаго земскаго ценза, второе—изъ всѣхъ остальныхъ частныхъ владѣльцевъ, третье — изъ уполномоченныхъ отъ обществъ съ общинной формой землевладѣнія. По обоимъ проектамъ каждое избирательное собраніе выбираетъ гласныхъ только изъ среды лицъ, имѣющихъ право участвовать въ немъ. Трудно сказать, которая изъ этихъ двухъ системъ имѣетъ преимущество передъ другою; мы едва ли ошибемся, если примѣнимъ къ нимъ не совсѣмъ почтительный терминъ: *обѣ хуже*. Правительственный проектъ проще; соединяя всѣхъ частныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ право голоса, въ одно избирательное собраніе, онъ даетъ избирателямъ бо́льшую свободу выбора и не отдѣляетъ искусственно болѣе имущихъ отъ менѣе имущихъ — но, съ другой стороны, онъ совершенно отказываетъ въ правѣ голоса наиболѣе мелкимъ землевладѣльцамъ, а наиболѣе крупныхъ (обладателей полнаго земскаго ценза) вводитъ въ составъ волостного собранія ipso jure, безъ выборовъ. Отъ этихъ недостатковъ проектъ подкоммиссіи свободенъ, но за то онъ проводитъ искусственную, ничѣмъ не оправдываемую черту между сравнительно крупными землевладѣльцами и всѣми остальными, уменьшая тѣмъ самымъ для каждой группы избирателей кругъ лицъ, подлежащихъ избранію. Громадно, въ этомъ отношеніи, различіе между обоими оффиціальными проектами и законопроектомъ о волостныхъ земскихъ учрежденіяхъ, выработаннымъ, въ эпоху второй Думы, въ средѣ партіи народной свободы. Право избранія волостныхъ гласныхъ этотъ законопроектъ предоставлялъ всему населенію волости, подъ условіемъ достиженія совершеннолѣтія и проживанія въ волости не менѣе полугода, или владѣнія въ ней, въ теченіе того же срока, обложенною налогомъ недвижимостью, или уплаты личнаго налога.

Что проектъ, построенный на началѣ всеобщаго избирательнаго права, не имѣетъ никакихъ шансовъ успѣха въ настоящее время, при господствующей политической конъюнктурѣ — это разумѣется само

собою; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы въ немъ было что-либо неудобоосуществимое или идущее въ разрѣзъ съ потребностями населенія. Напротивъ того, именно онъ даетъ самое простое, самое практичное и цѣлесообразное рѣшеніе вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ мѣстнаго управленія. Среди постоянныхъ жителей мѣстности, какъ и среди владѣльцевъ расположенныхъ въ ней недвижимыхъ имуществъ, нѣтъ никого, кто бы не былъ заинтересованъ въ ея благосостояніи. Для обывателя не-собственника оно, сплошь и рядомъ, несравненно важнѣе, чѣмъ для собственника, не живущаго на своей землѣ и не въ ней находящаго главный источникъ своихъ доходовъ. Совершенно ошибочно мнѣніе, по которому степень заинтересованности въ общемъ дѣлѣ прямо пропорціональна количеству требуемыхъ имъ отъ даннаго лица расходовъ. Для богатаго человѣка платежъ въ нѣсколько сотенъ, для человѣка достаточнаго платежъ въ нѣсколько десятковъ рублей гораздо менѣе тягостенъ, чѣмъ для бѣдняка — платежъ въ нѣсколько десятковъ копѣекъ. Наименѣе исправно посѣщаютъ земскія избирательныя собранія именно владѣльцы латифундій—и если сравнительно рѣдко пользуются своимъ избирательнымъ правомъ самые мелкіе землевладѣльцы, то это объясняется системой, до крайности уменьшающей значеніе ихъ голосовъ и шансы ихъ избранія. Между тѣмъ, волостное хозяйство въ еще большей степени, чѣмъ земское, затрогиваетъ за живое наименѣе обезпеченную часть населенія. Именно она всего больше нуждается въ школѣ, въ призрѣніи, въ медицинской помощи, въ санитарномъ руководствѣ; именно она приходитъ всего чаще въ соприкосновеніе съ органами мѣстнаго общественнаго управленія; именно для нея, поэтому, всего важнѣе активное участіе въ немъ. Если, наконецъ, и допустить, что настоящій интересъ къ дѣлу могутъ имѣть только плательщики обусловливаемаго имъ налога, то ничто не мѣшаетъ введенію, на мѣстахъ, такой формы обложенія, которая распространялась бы, такъ или иначе, на всѣхъ обывателей волости, кромѣ самыхъ бѣдныхъ. Нѣчто подобное проектировала, какъ мы уже видѣли, партія народной свободы.

Возвратимся отъ того, что теперь кажется мечтою, къ печальной дѣйствительности. Правительственнымъ проектомъ создавалось именно то, къ чему всегда стремились сторонники привилегированнаго меньшинства: создавалась категорія гласныхъ по собственному праву, о которой много говорилось въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, во время подготовки земской контръ-реформы, но которую, въ концѣ концовъ, не рѣшились ввести въ жизнь даже составители земскаго положенія 1890-го года. Трудно представить себѣ нѣчто болѣе одіозное, болѣе идущее въ разрѣзъ съ элементарною справедливостью, чѣмъ приравненіе матеріальнаго достатка къ уполномочію, получаемому путемъ

выборовъ. Открыто признать, что владѣніе нѣсколькими лишними десятками или сотнями десятинъ освобождаетъ отъ необходимости пріобрѣсти и заслужить довѣріе населенія — значитъ посѣять въ собраніи, построенномъ на разнородныхъ основахъ, сѣмена взаимнаго недовѣрія и нерасположенія, до крайности затрудняющаго общую дѣятельность. И что̀ можно сказать въ защиту узаконяемаго, такимъ образомъ, неравенства? Что значительность владѣнія, а слѣдовательно и значительность упадающаго на него налога, даетъ владѣльцу право на усиленную защиту его интересовъ? Этого никогда не поймутъ, съ этимъ никогда не согласятся мелкіе землевладѣльцы, изъ числа которыхъ многимъ увеличеніе обложенія грозитъ гораздо бо̀льшими затрудненіями, чѣмъ обладателямъ обширныхъ помѣстій. Всегда ли, притомъ, полезно преобладаніе элементовъ, для которыхъ особенно выгоденъ невысокій уровень обложенія? Не грозитъ ли оно искусственной задержкой въ удовлетвореніи назрѣвшихъ потребностей— потребностей, особенно чувствительныхъ для массы населенія? Ростъ обложенія — не всегда признакъ отягощенія плательщиковъ; весьма часто, наоборотъ, онъ свидѣтельствуетъ о подъемѣ ихъ матеріальнаго благосостоянія или подготовляетъ его въ ближайшемъ будущемъ... Не менѣе очевиденъ и другой недоста̀токъ правительственнаго законопроекта: оставленіе внѣ сферы избирательнаго права всѣхъ землевладѣльцевъ, обладающихъ менѣе чѣмъ одною сороковою частью полнаго земскаго ценза, т.-е., въ среднемъ, менѣе чѣмъ пятью десятинами земли. На этомъ пространствѣ могутъ быть заведены цѣнныя культуры, устроены цѣнныя предпріятія, превышающія стоимость гораздо болѣе крупныхъ участковъ земли. Да и при отсутствіи чего-либо подобнаго владѣлецъ пяти десятинъ можетъ быть глубоко заинтересованъ въ процвѣтаніи данной мѣстности—и можетъ, стоя близко къ завѣдыванію ея дѣлами, оказать ей существенно важныя услуги.

Преувеличивая, какъ и правительственный законопроектъ, значеніе размѣровъ землевладѣнія, проектъ подкоммиссіи страдаетъ тѣми же недостатками, только иначе выразившимися. Распредѣляя землевладѣльцевъ между двумя избирательными собраніями, онъ создаетъ двѣ категоріи гласныхъ, между которыми почти неизбѣжно должны возникать тренія, неблагопріятныя для общаго дѣла. Даже тамъ, гдѣ между интересами болѣе крупнаго и болѣе мелкаго землевладѣнія нѣтъ, въ сущности, никакого противорѣчія, оно будетъ мерещиться то одной сторонѣ, опасающейся преобладанія массы, то другой, плохо вѣрящей въ справедливость меньшинства. Мелкіе землевладѣльцы будутъ лишены возможности провести въ собраніе тѣхъ изъ числа крупныхъ, чьему руководству они охотно бы подчинились; крупные землевладѣльцы будутъ лишены возможности голосовать за

мелкаго, выдающіяся способности котораго имъ хорошо извѣстны. Перемѣной къ лучшему, съ этой точки зрѣнія, было бы исключеніе изъ проекта той статьи (19-ой), въ силу которой каждое избирательное собраніе можетъ выбирать гласныхъ исключительно изъ числа избирателей данной категоріи; но коренной недостатокъ проекта могъ бы быть устраненъ только соединеніемъ *всѣхъ* землевладѣльцевъ въ одно избирательное собраніе.

Совершенно неудовлетворительна въ обоихъ законопроектахъ организація выборовъ, производимыхъ крестьянскими обществами. Система, установляемая правительственнымъ законопроектомъ, страдаетъ чрезмѣрною дробностью избирательныхъ коллегій: пріурочивая выборы къ отдѣльному обществу (или товариществу) или къ нѣсколькимъ, соединеннымъ ad hoc обществамъ (или товариществамъ), она до крайности ограничиваетъ свободу выбора, такъ какъ избранъ можетъ быть только членъ даннаго общества или товарищества. Проектъ подкоммиссіи свободенъ отъ этого недостатка, но, соединяя уполномоченныхъ отъ обществъ въ особое (третье) избирательное собраніе, онъ открываетъ широкій просторъ для всякаго рода начальственныхъ вліяній. Искусственнымъ является, затѣмъ, разграниченіе между обществами съ общинной формой землевладѣнія и всѣми остальными. Послѣднія, для думской подкоммиссіи, какъ бы не существуютъ: члены ихъ приравниваются къ землевладѣльцамъ и вводятся, сообразно съ размѣрами владѣнія каждаго изъ нихъ, въ составъ перваго или второго избирательнаго собранія. Правительственный законопроектъ создавалъ для крестьянъ, владѣющихъ землею на правѣ личной собственности, особую привилегію: имъ предоставлялся голосъ и въ составѣ своего общества, и въ избирательномъ собраніи. Проектъ думской подкоммиссіи логичнѣе правительственнаго: тѣмъ крестьянамъ, которые состоятъ въ одно и то же время и общинниками, и личными собственниками, онъ разрѣшаетъ доступъ въ соотвѣтствующее избирательное собраніе, но подъ условіемъ отказа отъ участія въ выборѣ уполномоченныхъ и гласныхъ отъ крестьянскихъ обществъ.

Оба проекта—и правительственный, и думскій—единственнымъ основаніемъ избирательнаго права признаютъ землевладѣніе, совершенно игнорируя какъ всякій другой имущественный (или налоговой), такъ и образовательный цензъ. Не могутъ быть, значитъ, избирателями ни промышленники, торговцы, владѣльцы строеній на чужой землѣ, ни постоянно живущіе въ предѣлахъ волости представители свободныхъ профессій—врачи, фельдшера, агрономы, учителя и т. п. Что всѣ эти лица заинтересованы въ благосостояніи мѣстности и, слѣдовательно, въ правильномъ веденіи мѣстнаго хозяйства—это разумѣется само собою; столь же ясно и то, что одни изъ нихъ могли бы

быть полезны волости матеріально, участвуя въ платежѣ волостныхъ сборовъ, а другіе могли бы служить ей своими знаніями, своей работой. Съузивъ избирательное право, оба проекта неизбѣжно ограничиваютъ средства, которыми будетъ располагать новая волость: единственнымъ ихъ источникомъ будетъ служить волостной земскій сборъ, взимаемый съ недвижимыхъ имуществъ. И если въ основаніи этого правила лежитъ желаніе устранить отъ участія въ управленіи волостью менѣе „благонадежные" элементы населенія, то оно весьма легко можетъ оказаться неосуществленнымъ: вѣдь фиктивные цензы—явленіе нерѣдкое даже въ земствѣ, и еще меньше препятствій образованіе ихъ будетъ встрѣчать въ волости, при гораздо болѣе низкомъ избирательномъ цензѣ. Не отступятъ передъ пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ десятинъ земли и тѣ мѣстные „интеллигенты", которые захотятъ играть активную роль въ волостномъ хозяйствѣ. И съ этой точки зрѣнія введеніе въ волости всеобщаго избирательнаго права представлялось бы гораздо болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ примѣненіе къ ней сложныхъ, хитросплетенныхъ цензовыхъ системъ.

Уменьшая число избирателей вообще и число избирателей, пользующихся своимъ правомъ—въ особенности, цензовыя системы ведутъ къ установленію разныхъ искусственныхъ пріемовъ, несовмѣстныхъ съ нормальнымъ функціонированіемъ выборныхъ собраній. Сюда относится, напримѣръ, статья 30-ая проекта подкоммиссіи, примѣняющая къ волости одно изъ наименѣе удачныхъ правилъ земскаго положенія. Избирательное собраніе—гласитъ эта статья—„приступаетъ къ производству выборовъ въ такомъ лишь случаѣ, когда избиратели прибудутъ въ числѣ превышающемъ двѣ трети гласныхъ, подлежащихъ избранію. Если въ собраніе не явится вышеуказаннаго числа избирателей, то всѣ прибывшія въ оное лица признаются гласными". Странно, что къ такому ненормальному образованію собранія проектъ прибѣгаетъ даже безъ вторичнаго созыва избирателей. Еще больше возраженій возбуждаетъ статья 39-ая того же проекта, по которой крайнимъ средствомъ пополненія собранія, при неизбраніи надлежащаго числа гласныхъ, является включеніе въ его составъ гласныхъ предъидущаго трехлѣтія, по старшинству полученныхъ ими при прежнемъ избраніи голосовъ—т.-е., въ большинствѣ случаевъ, лицъ, забаллотированныхъ при новыхъ выборахъ. Ни о чемъ подобномъ не могло бы быть и рѣчи при дѣйствіи всеобщаго избирательнаго права или близкой къ нему избирательной системы.

Несомнѣнное преимущество проекта думской подкоммиссіи передъ правительственнымъ проектомъ заключается въ томъ, что первый (ст. 13, 19, 21, 22) облекаетъ избирательнымъ правомъ лицъ обоего пола, открывая женщинамъ непосредственный доступъ и въ избира-

тельныя собранія, и въ среду волостныхъ гласныхъ, тогда какъ послѣдній (ст. 18) не шелъ дальше существующаго порядка, т.-е. допускалъ участіе женщинъ въ избирательномъ собраніи лишь черезъ посредство уполномоченныхъ, а въ число гласныхъ не допускалъ ихъ вовсе. Что женщины могутъ быть особенно полезны въ мѣстномъ самоуправленіи—это не подлежитъ никакому сомнѣнію; въ деревняхъ имѣются на этотъ счетъ даже прямыя указанія опыта, такъ какъ фактически нерѣдко участіе женщинъ въ сельскихъ и селенныхъ сходахъ. Нужно надѣяться, что Государственная Дума усвоитъ себѣ мнѣніе подкоммиссіи и отстоитъ его противъ нападеній, которымъ оно подвергнется со стороны неисправимыхъ рутинеровъ — а первый шагъ къ равноправности женщинъ неизбѣжно повлечетъ за собою другіе, болѣе рѣшительные. Въ активъ подкоммиссіи слѣдуетъ поставить и то, что она возлагаетъ предсѣдательство въ волостномъ собраніи не на волостного старшину, какъ предполагалось въ правительственномъ проектѣ, а на лицо, спеціально для того избранное самимъ собраніемъ. Практика городскихъ думъ, а отчасти и земскихъ собраній (когда допускалось избраніе уѣзднаго предводителя въ предсѣдатели уѣздной земской управы), доказала съ достаточною ясностью неудобства соединенія въ одномъ лицѣ исполнительныхъ функцій и предсѣдательской власти. Проектъ подкоммиссіи слѣдовало бы дополнить указаніемъ, что въ предсѣдатели волостного собранія не могутъ быть избираемы ни предсѣдатель, ни члены волостной земской управы [1]). Совершенно правильно, далѣе, подкоммиссія не включила въ свой проектъ ст. 48-ую правительственнаго законопроекта, по которой въ волостяхъ съ преобладающимъ русскимъ или православнымъ населеніемъ волостной старшина и по крайней мѣрѣ одинъ изъ его помощниковъ должны быть избираемы изъ лицъ русскихъ по происхожденію или принадлежащихъ къ православной церкви. Не говоря уже о неопредѣленности понятій: „русское происхожденіе“, „*преобладающее* русское или православное населеніе“, нѣтъ основанія вносить въ чисто свѣтское, чисто хозяйственное дѣло соображенія вѣроисповѣднаго или націоналистическаго характера и ограничивать, изъ-за нихъ, свободу дѣйствій избирателей. Выгодно отличается проектъ подкоммиссіи, наконецъ, и тѣмъ, что, въ противоположность правительственному

---

[1]) Правительственный проектъ сосредоточивалъ исполнительную власть въ рукахъ волостного старшины, а образованіе волостной управы допускалъ лишь факультативно. Проектъ подкоммиссіи требуетъ образованія управы, состоящей изъ предсѣдателя и, по меньшей мѣрѣ, двухъ членовъ. Намъ кажется, что въ малонаселенныхъ волостяхъ обязательно-коллегіальное устройство исполнительнаго органа представляется излишнимъ.

законопроекту, не требуетъ утвержденія избранныхъ волостнымъ собраніемъ должностныхъ лицъ административною властью.

Независимость волостныхъ собраній и волостныхъ исполнительныхъ органовъ обоими проектами ограждена весьма слабо. Правительственный проектъ предоставляетъ уѣздному совѣту опредѣлять ежегодно количество волостного сбора въ процентномъ отношеніи къ земскому сбору. Проектъ подкоммиссіи подчиняетъ волостное собраніе контролю уѣзднаго земскаго собранія, уполномочивая послѣднее оставлять волостныя смѣты и раскладки безъ утвержденія и возвращать ихъ волостному собранію съ указаніемъ суммы, которой не должна превышать данная смѣта. Надзоръ за законностью волостныхъ смѣтъ и раскладокъ, а также другихъ постановленій волостного собранія, правительственный проектъ возлагаетъ на участковаго коммисара и уѣздный совѣтъ, проектъ подкоммиссіи—на земскаго начальника, уѣздное земское собраніе (по отношенію къ раскладкамъ и смѣтамъ) и особое присутствіе уѣзднаго съѣзда, при чемъ разногласія между двумя послѣдними учрежденіями подлежатъ разрѣшенію губернскаго судебно-административнаго присутствія. По правительственному законопроекту право удаленія выборныхъ должностныхъ лицъ волостного управленія должно принадлежать уѣздному совѣту, по проекту подкоммиссій—особому присутствію уѣзднаго съѣзда. Чтобы оцѣнить значеніе всѣхъ этихъ постановленій, необходимо имѣть въ виду, что уѣздный совѣтъ, на основаніи составленнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ проекта положенія объ уѣздныхъ установленіяхъ, состоитъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго начальника, изъ уѣзднаго предводителя дворянства, непремѣннаго члена и, смотря по роду дѣлъ, нѣсколькихъ представителей мѣстнаго суда или мѣстнаго самоуправленія. Проектъ думской подкоммиссіи вводитъ въ составъ особаго присутствія уѣзднаго съѣзда въ качествѣ предсѣдателя — уѣзднаго предводителя дворянства, въ качествѣ членовъ — четырехъ представителей земства, уѣзднаго члена окружнаго суда, товарища прокурора, податного инспектора и земскаго начальника того участка, котораго касается обсуждаемый вопросъ [1]). Губернское судебно-административное присутствіе намѣчается тѣмъ же проектомъ въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель и два члена окружнаго суда, вице-губернаторъ, предсѣдатель губернской земской управы и непремѣнный членъ губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. Напомнимъ, въ видахъ сравненія, что проектъ закона о волостныхъ земскихъ учрежденіяхъ, составленный партіею народной

---

[1]) Въ этомъ отношеніи правительственный законопроектъ лучше проекта подкоммиссіи: въ составъ уѣзднаго совѣта онъ не вводитъ уѣздныхъ коммисаровъ, которыми министерство внутреннихъ дѣлъ предполагаетъ, вообще, замѣнить земскихъ начальниковъ.

свободы, соединялъ надзоръ за законностью дѣйствій всѣхъ волостныхъ собраній даннаго уѣзда въ рукахъ одного правительственнаго инспектора, а разрѣшеніе приносимыхъ имъ протестовъ возлагалъ на административное отдѣленіе окружнаго суда, т.-е. на учрежденіе судебное какъ по большей части своего состава, такъ и по пріемамъ и способу дѣйствій.

Который бы изъ двухъ разсматриваемыхъ нами проектовъ — правительственнаго и думскаго — ни былъ положенъ въ основаніе волостной реформы, она не достигнетъ своей цѣли, не создастъ новой земской единицы—*земской* не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ. Непреодолимымъ препятствіемъ на этомъ пути явится существованіе „близкой власти", все равно, подъ прежнимъ или новымъ наименованіемъ. Трудно предположить, чтобы земскіе начальники или ихъ преемники ограничились контролемъ надъ *законностью* постановленій волостного собранія и распоряженій выбранныхъ имъ должностныхъ лицъ — трудно предположить какъ потому, что наблюдателей, при ограниченномъ районѣ наблюденія, будетъ сравнительно много, такъ и потому, что не скоро исчезнутъ традиціи, образовавшіяся издавна и особенно окрѣпшія въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій, да и присутствія смѣшаннаго состава, съ преобладаніемъ бюрократическаго или сословнаго элемента, едва ли съумѣютъ остаться въ рамкахъ, намѣчаемыхъ для нихъ на бумагѣ. Болѣе чѣмъ вѣроятно вмѣшательство администраціи въ самое производство волостныхъ выборовъ, въ подготовку и окраску вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію волостного собранія, въ исполнительную дѣятельность волостного старшины или волостной управы. Благопріятствовать такому вмѣшательству будетъ устройство избирательныхъ собраній, открывающее широкій просторъ для примѣненія формулы: divide et impera; благопріятствовать ему будетъ и нынѣшній составъ, нынѣшнее настроеніе земства. Быстраго подъема мѣстной жизни отъ новой волостной организаціи ожидать, поэтому, невозможно. Онъ наступитъ только тогда, когда произойдетъ рѣшительная перемѣна въ общемъ положеніи дѣлъ и возобновившееся движеніе принесетъ съ собою, вмѣстѣ со многимъ другимъ, мѣстное самоуправленіе, достойное этого имени.

Еслибы въ тѣ короткія минуты, когда казалось близкимъ полное обновленіе нашего государственнаго и общественнаго строя, кому-нибудь былъ предложенъ вопросъ, что̀ именно изъ созданнаго реакціей должно и можетъ исчезнуть всего скорѣе, отвѣтъ, большею частью, былъ бы таковъ: земскіе начальники—и обособленныя церковно-приходскія школы. И тѣ, и другія были продуктомъ теченій, ничего,

кромѣ вреда, не принесшихъ государству и народу; и тѣ, и другія оказались одинаково неспособными достигать даже тѣхъ спеціальныхъ результатовъ, въ надеждѣ на которые они были призваны къ жизни; и въ тѣхъ, и въ другихъ разочаровались многіе изъ числа прежнихъ ихъ сторонниковъ; и тѣ, и другія лежали поперекъ дороги, ведущей къ поднятію и освобожденію народной массы. Къ институту земскихъ начальниковъ рѣзко-отрицательно отнесся, въ запискѣ о реформѣ мѣстнаго суда, даже министръ юстиціи Щегловитовъ; противъ него высказалось даже большинство третьей думы. Къ объединенію начальной школы въ свѣтскихъ рукахъ склонялся, повидимому, даже министръ народнаго просвѣщенія Шварцъ, и его готова была поддержать значительная часть думскихъ „благонамѣренныхъ“ элементовъ. И что же? Не рѣшено окончательно даже уничтоженіе судейскихъ функцій земскихъ начальниковъ — и болѣе чѣмъ вѣроятно сохраненіе за ними, подъ другимъ, а можетъ быть и подъ тѣмъ же именемъ, широкой административной власти. Болѣе чѣмъ вѣроятно и то, что церковно-приходскія школы, оставаясь всецѣло въ обладаніи вѣдомства православнаго исповѣданія, переживутъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, введеніе всеобщаго начальнаго обученія. Мы знаемъ уже, съ какимъ ожесточеніемъ отдѣльные представители высшаго духовенства выступаютъ противъ „иноплеменнаго и особенно иновѣрческаго начала въ русскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія“ [1]). Въ другой, болѣе сдержанной формѣ ведется оффиціальная защита церковно-приходской школы—но и въ ней звучитъ та же непримиримая нота, та же рѣшимость охранять положеніе дѣлъ, сложившееся на почвѣ правилъ 1884-го года.

Весной нынѣшняго года состоялось чрезвычайное собраніе училищнаго совѣта при св. синодѣ. Оно выработало цѣлый рядъ положеній, касающихся церковно-приходской школы, и представило ихъ на разсмотрѣніе синода. Въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ „Церковныхъ Вѣдомостей“ напечатано синодальное опредѣленіе по этому предмету. Изъ числа пожеланій, выраженныхъ чрезвычайнымъ собраніемъ, нѣкоторыя приняты синодомъ только къ свѣдѣнію. Сюда относится, между прочимъ, первая резолюція чрезвычайнаго собранія, гласящая такъ: „при осуществленіи въ россійской имперіи всеобщаго образованія церковно-приходскія школы должны сохранять свою полную самостоятельность и независимость отъ другихъ вѣдомствъ, оставаясь и впредь въ исключительномъ вѣдѣніи св. синода, ибо подчиненіе ихъ на какомъ бы то ни было основаніи министерству народнаго просвѣщенія съ неизбѣжностью приведетъ къ уничтоженію

---

1) См. Обществ. Хронику въ предъидущей книжкѣ „Вѣстника Европы“.

ихъ и явится нарушеніемъ правъ церкви имѣть свои начальныя школы и вполнѣ самостоятельно ими вѣдать". Что означаетъ принятіе такой резолюціи „къ свѣдѣнію"—согласіе или несогласіе съ нею? Конечно—первое: въ противномъ случаѣ нельзя было бы не указать, что именно въ резолюціи не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣла. Если она не принята „къ исполненію", то, по всей вѣроятности, только потому, что со стороны синода безъ того уже дѣлается все отъ него зависящее для достиженія указанныхъ въ ней цѣлей. Мы узнаемъ изъ того же синодальнаго опредѣленія, что епархіальнымъ властямъ поручено настаивать на внесеніи церковно-приходскихъ школъ въ школьныя сѣти, составляемыя въ видахъ введенія всеобщаго обученія, и протестовать противъ постановленій земскихъ и городскихъ учрежденій, идущихъ въ разрѣзъ съ этими настояніями; мы узнаемъ, что синодомъ уже возбуждено ходатайство объ образованіи при центральномъ церковно-школьномъ управленіи особаго церковно-строительнаго фонда; мы узнаемъ, что училищному совѣту при синодѣ поручено дополнительно обсудить возбужденный на чрезвычайномъ собраніи вопросъ о внесеніи въ законодательныя учрежденія законопроекта, обязывающаго земскія и городскія самоуправленія „давать на содержаніе церковныхъ суммъ такія же суммы, какія они даютъ на начальныя приходскія и земскія училища, такъ какъ и въ тѣхъ, и въ другихъ школахъ учатся дѣти однихъ и тѣхъ же городскихъ и земскихъ плательщиковъ". Все это устраняетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что синодъ, по вопросу о церковно-приходскихъ школахъ, раздѣляетъ, въ сущности, взглядъ, выраженный чрезвычайнымъ собраніемъ училищнаго совѣта. Особенно характерно стремленіе создать для земства и для городовъ *обязанность* участвовать въ содержаніи церковно-приходскихъ школъ. Вносить въ свои смѣты, рядомъ съ суммами, ассигнуемыми теперь на земскія и городскія школы, такія же суммы на школы духовнаго вѣдомства — земства и города, очевидно, не были бы въ состояніи; имъ пришлось бы, въ большинствѣ случаевъ, закрыть часть своихъ школъ и сбереженныя такимъ образомъ деньги обратить на чужія, отказавшись, притомъ, отъ открытія новыхъ школъ или до крайности ограничивъ ихъ число. Въ какой степени обязательность расхода, проектируемаго вѣдомствомъ православнаго исповѣданія, согласовалась бы съ духомъ и смысломъ самоуправленія—это не требуетъ поясненій. И во имя чего вѣдомство выступаетъ съ такими притязаніями? Во имя „правъ церкви"? Но развѣ въ сферу церковной дѣятельности входитъ общее образованіе, составляющее главный предметъ, главную цѣль всякой не-спеціальной школы? Наравнѣ со всякимъ учрежденіемъ, со всякимъ частнымъ лицомъ, церкви—или, правильнѣе, церковному приходу—должно принадлежать право откры-

вать и содержать школы, но не иначе, какъ на общемъ основаніи, подъ контролемъ государства, осуществляемымъ черезъ посредство органовъ государственной власти. Меньше всего могутъ претендовать на „самостоятельность“ и „независимость“ наши церковно-приходскія школы, черпающія значительную часть своихъ средствъ изъ государственной казны. И на чемъ основано мнѣніе чрезвычайнаго собранія училищнаго совѣта, что подчиненіе церковно-приходскихъ школъ, „на какихъ бы то ни было основаніяхъ“, министерству народнаго просвѣщенія приведетъ къ ихъ уничтоженію? Конечно, онѣ потеряютъ свой специфическій характеръ — но это не помѣшаетъ имъ существовать и скорѣе подниметъ, чѣмъ уменьшитъ ихъ значеніе въ общемъ дѣлѣ народнаго образованія. Пока онѣ остаются обособленными и замкнутыми въ рукахъ духовнаго вѣдомства, послѣднее неизбѣжно будетъ стремиться къ увеличенію ихъ числа въ ущербъ школамъ не-церковнымъ, къ преобладанію, основанному не на внутреннемъ достоинствѣ обученія и воспитанія, а на искусственной, властной поддержкѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, пожеланія чрезвычайнаго собранія училищнаго совѣта, также „принятыя къ свѣдѣнію“ синодомъ: 1) чтобы при заполненіи школьныхъ сѣтей въ мѣстностяхъ съ православнымъ населеніемъ открывались и новыя церковныя школы, особенно если школьный пунктъ находится при церкви, и 2) чтобы при заполненіи школьныхъ сѣтей на окраинахъ Россіи открывались для православнаго населенія школы преимущественно церковно-приходскія, съ отнесеніемъ содержанія ихъ на счетъ казны.

Если, возставая противъ явно несправедливыхъ домогательствъ духовнаго вѣдомства, мы не останавливаемся на оцѣнкѣ сдѣланнаго и дѣлаемаго церковно-приходской школой, то это объясняется тѣмъ, что данному вопросу былъ посвященъ, въ теченіе четверти вѣка, цѣлый рядъ нашихъ обозрѣній и хроникъ. Замѣтимъ только, что отрицательное отношеніе къ дѣятельности церковно-приходскихъ школъ проникаетъ, въ послѣднее время, даже въ такія сферы, которыя меньше всего могутъ быть заподозрѣны въ предвзятомъ недоброжелательствѣ къ духовенству. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть слѣдующій отрывокъ изъ недавней статьи „Новаго Времени“ (№ 12264): „по многолѣтнему наблюденію, которое никогда не было прямымъ образомъ ни оспариваемо, ни опровергаемо, ни даже разъяснено и оговорено учащимъ духовенствомъ, церковно-приходская школа есть школа страшно вялая, мало жизненная, пассивная, лѣнивая, небрежно ведущаяся, очень малому выучивающая, иногда почти ничему не выучивающая. Когда въ одномъ селѣ стоятъ школы церковно-приходская, земская и министерская, крестьяне говорятъ: „въ церковно-приходскую отдать мальчика — все равно, что никуда не

отдать. Только будетъ по-пусту ходить. Грамотѣ и письму еще научится, а больше ничему не научится". Это вызвало въ свое время извѣстное домогательство и требованіе духовно-училищнаго совѣта: чтобы въ селахъ, гдѣ уже существуетъ церковно-приходская школа, не были допускаемы къ открытію ни министерскія, ни земскія училища. Страхъ соперничества слишкомъ ясно сказывался въ этомъ домоганіи; но сказалось здѣсь и худшее: „мы палецъ о палецъ не хотимъ ударить, чтобы сравнять свои училища съ училищами другихъ типовъ. Это трудно и противорѣчитъ нашей лѣни; а потому соперникъ пусть просто уберется съ глазъ долой, уберется изъ сферы нашего дѣйствія и власти"... А вотъ, въ видѣ иллюстраціи къ этому общему тезису, недавній фактъ, заимствуемый нами изъ № 31 „Московскаго Еженедѣльника". Госпожѣ Еремѣевой, открывшей земское училище въ одномъ изъ селеній Радомысльскаго уѣзда (Кіевской губерніи), крестьянинъ другого села того же уѣзда предложилъ вопросъ, правда ли, что училище оказалось нехорошимъ, и сама учредительница его отъ него отказалась? Ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ не было, но это утверждалъ священникъ, убѣждая крестьянъ не устраивать у себя земскаго училища, а остаться при церковной школѣ. „При наличности церковныхъ школъ" — замѣчаетъ госпожа Еремѣева, — „священники обязаны говорить противъ земскихъ школъ и препятствовать открытію ихъ, и такъ какъ нечего сказать противъ нихъ, должны выдумывать небылицы, которыя подрываютъ ихъ собственный авторитетъ въ глазахъ крестьянъ, если обнаружится, что это неправда"...

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Императоръ Францъ-Іосифъ и его политическія испытанія.—Прусско-польская политика.—Титулы балканскихъ государей и вопросъ о Черногорскомъ „королевствѣ".—Японія и Китай.

Жизнь и дѣятельность австрійскаго императора, праздновавшаго въ Ишлѣ, 18 (5) августа, свой восьмидесятилѣтній юбилей, даютъ много матеріала для размышленій. Восемнадцатилѣтнимъ юношей, въ бурную эпоху 1848-го года, сдѣлался онъ главою имперіи и съ тѣхъ поръ, въ теченіе шестидесяти двухъ лѣтъ, управлялъ ею непрерывно, при самыхъ трудныхъ и запутанныхъ обстоятельствахъ. Онъ долго воевалъ съ своими народами, укрощалъ революцію въ Венгріи, Италіи

и самой Австріи, пережилъ тяжелыя внѣшнія неудачи и наконецъ отказался отъ традицій неограниченной монархической власти, сдѣлавшись добросовѣстнымъ конституціоннымъ государемъ. Императоръ Францъ-Іосифъ, какъ принято говорить, „заключилъ миръ съ своими народами“; но не странно ли, что онъ когда-либо находился въ войнѣ съ собственными своими подданными? По здравому смыслу надо предполагать, что между правителемъ и населеніемъ страны не можетъ и не должно быть никакой противоположности интересовъ; откуда же взялся этотъ антагонизмъ послѣ вступленія молодого монарха на австрійскій престолъ? Чѣмъ провинились народы передъ Францемъ-Іосифомъ и за что подвергались они суровымъ мѣрамъ воздѣйствія въ первый періодъ его царствованія? Народы добивались признанія своихъ правъ на свободное культурное развитіе; они требовали для себя конституціонныхъ гарантій, чтобы получить возможность безпрепятственно удовлетворять свои законныя общественныя нужды — и эти требованія ни съ какой точки зрѣнія не могли считаться обидными или стѣснительными для династіи. Казалось бы, что спокойная удовлетворенность населенія была бы наиболѣе выгодна для монарха и что ему не было никакого разсчета отстаивать старый режимъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Императоръ впослѣдствіи уступилъ, и это ставится ему въ особую заслугу; но не слѣдуетъ забывать, что первыя серьезныя уступки сдѣланы послѣ пораженія при Сольферино и что окончательное преобразованіе имперіи въ конституціонномъ духѣ состоялось лишь послѣ разгрома австрійской арміи пруссаками при Садовой. Понадобились тяжелые внѣшніе удары, чтобы побудить Австрію вступить на путь необходимыхъ реформъ. Конституціонныя реформы вынуждались обстоятельствами, а не давались добровольно. Лично Францъ-Іосифъ несомнѣнно желалъ блага своимъ народамъ, а между тѣмъ отъ его имени свирѣпствовали знаменитые дѣятели реакціи — Виндишгрецъ, Шварценбергъ, Бахъ и другіе. Злобная реакція прекращалась только подъ вліяніемъ сильныхъ толчковъ извнѣ; либеральныя идеи торжествовали только послѣ упадка внѣшняго могущества монархіи. Чѣмъ объяснить этотъ фактъ?

Очевидно, неограниченность власти нужна была не императору Францу-Іосифу и не его династіи, а тѣмъ сословнымъ элементамъ, которые окружали его и незамѣтно руководили его волей. Господствовавшая бюрократія и высшій землевладѣльческій классъ съ безпощаднымъ упорствомъ боролись противъ конституціонныхъ идей, основательно усматривая въ нихъ величайшую опасность для своего дальнѣйшаго владычества. Но представители бюрократіи и высшаго дворянства не ссылаются прямо на свои интересы; они говорятъ только объ охранѣ престола и отечества, они хлопочутъ о спасеніи

монархіи и приводятъ аргументы, противъ которыхъ безсиленъ даже опытный неограниченный монархъ. Приближенные совѣтники, министры и царедворцы заявляли, что не берутъ на себя отвѣтственности за послѣдствія въ случаѣ непринятія чрезвычайныхъ мѣръ— и Францъ-Іосифъ подчинялся „государственной необходимости". Ему докладывали, что имперія и династія — въ опасности, что конституція неминуемо приведетъ къ паденію монархіи, что нужно искоренить революціонный духъ въ самомъ зародышѣ. И онъ — быть можетъ, съ болью въ сердцѣ,—соглашался на крутыя мѣропріятія, закрывалъ глаза на жестокія расправы и экзекуціи. Если его смущали повальные разстрѣлы Виндишгреца, онъ долженъ былъ поневолѣ останавливаться предъ тѣмъ обычнымъ военно-бюрократическимъ соображеніемъ, что лучше пожертвовать нѣсколькими сотнями людей, чѣмъ допустить гибель имперіи. Мало того: ему давали понять, что, будучи преемникомъ неограниченныхъ монарховъ, онъ обязанъ сохранить это наслѣдіе въ полной неприкосновенности и передать его въ томъ же видѣ своимъ потомкамъ, и что, слѣдовательно, онъ даже не имѣетъ нравственнаго права соглашаться на конституціонныя ограниченія и уступки. Только внѣшнія потрясенія разоблачали внутреннюю фальшь и гниль правительственной системы стараго режима; они наглядно показывали императору, что его обманываютъ, что искусственно поддерживаемый антагонизмъ между властью и народомъ есть источникъ слабости, а не силы, и что чрезмѣрное расширеніе полномочій правительства въ ущербъ народнымъ правамъ и интересамъ обрекаетъ имперію на внутренній застой и скрытую хроническую неурядицу. Обманчивое зданіе оффиціальнаго благополучія и наружнаго порядка опрокидывается, какъ карточный домикъ, подъ грозными ударами военныхъ пораженій и катастрофъ—и защитники стараго режима соестественно сходятъ со сцены. Но проходитъ время, впечатлѣнія событій изглаживаются, государственныя дѣла поправляются, и представители тѣхъ же старыхъ гнилыхъ опоръ реакціи вновь выступаютъ на первый планъ, убѣждаютъ монарха взять назадъ сдѣланныя уступки и отречься отъ торжественно данныхъ народамъ обѣщаній,—послѣ чего въ имперіи Габсбурговъ опять начинается прежняя политическая игра, въ ожиданіи новыхъ сокрушительныхъ событій. Эта пагубная игра между конституціею и реакціей продолжалась въ Австріи до второй половины шестидесятыхъ годовъ.

Пораженіе при Садовой, въ 1866-мъ году, было послѣднимъ поворотнымъ пунктомъ внутренней австрійской исторіи. Францъ-Іосифъ сдѣлалъ окончательный выводъ изъ прошлаго; онъ убѣдился въ неизбѣжности конституціоннаго строя и перестаъ слушаться льстивыхъ приверженцевъ старины. Начиная съ 1867-го года, когда состоялось

соглашеніе съ Венгріею, конституція становится прочною и дѣйствительною основою политической жизни въ имперіи. Прекратились колебанія въ коренныхъ принципахъ и цѣляхъ государственнаго управленія; борьба правительства съ народами уступила мѣсто взаимной борьбѣ національностей, при чемъ на долю монарха выпала роль высшаго посредника и примирителя. Не смотря на крайнее обостреніе національныхъ противорѣчій и кризисовъ, общій характеръ правительственной системы оставался устойчивымъ, и о попыткахъ политической реакціи не было и рѣчи. Это несомнѣнно зависѣло уже отъ личности императора. Францъ-Іосифъ очень медленно измѣнялъ свои взгляды и упорно держался традиціонныхъ идей; но, разъ усвоивъ извѣстную новую мысль, онъ не боялся ея практическихъ послѣдствій и не отказывался проводить ее до конца. Такимъ образомъ царствованіе, начатое кровавымъ укрощеніемъ демократіи, кончается введеніемъ всеобщей подачи голосовъ и мирными компромиссами съ соціалъ-демократическою партіею. И при всемъ томъ восьмидесятилѣтній императоръ видитъ и сознаетъ, что добросовѣстное сближеніе съ подвластными ему народами возвысило его авторитетъ и популярность не только въ Австро-Венгріи, но и въ Европѣ. Онъ не имѣетъ повода жалѣть объ утратѣ нѣкоторой доли своей прежней номинальной власти; онъ чувствуетъ себя свободнѣе съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ тѣснаго круга придворныхъ вліяній на широкій просторъ народнаго представительства. Можно сказать, что въ лицѣ Франца-Іосифа западно-европейское конституціонное движеніе совершило свой полный круговоротъ: глава той династіи, которая создала систему Меттерниха, оффиціально исповѣдуетъ теперь демократическіе принципы и приспособляетъ старый монархизмъ къ новымъ условіямъ народной самодѣятельности.

Столь же твердо и рѣшительно примирился Францъ-Іосифъ съ измѣнившимся международнымъ положеніемъ Австро-Венгріи, послѣ образованія новой Германской имперіи подъ главенствомъ Пруссіи. Вѣнскій кабинетъ перенесъ центръ тяжести своей политики на Балканскій полуостровъ и успѣлъ занять тамъ господствующую позицію, при содѣйствіи Берлина. Въ 1879-мъ году заключенъ былъ формальный союзъ между Австро-Венгріею и Германіею—союзъ удивительно прочный, наложившій опредѣленную печать на всю позднѣйшую дѣятельность австрійской дипломатіи. Полное чувство обезпеченности въ международныхъ отношеніяхъ придаетъ австрійской политикѣ тонъ независимости, переходящій иногда въ высокомѣріе, какъ это было въ недавнемъ боснійско-герцеговинскомъ вопросѣ: баронъ Эренталь безцеремонно посмѣялся надъ проектами и программами европейской конференціи, составлявшими предметъ переговоровъ между Англіею, Рос-

сіею и Франціею, и устроилъ дѣло по-своему, опираясь на Германію. При современной группировкѣ великихъ державъ императоръ Францъ-Іосифъ можетъ смѣло предоставить своему министру иностранныхъ дѣлъ игнорировать другіе европейскіе кабинеты, кромѣ берлинскаго.

Какъ глава стариннаго и знаменитаго дома Габсбурговъ, австрійскій монархъ, при всей своей конституціонности и либерализмѣ, строго соблюдаетъ традиціонныя правила, оберегающія чистоту крови и замкнутость родственныхъ связей въ царствующей фамиліи. Онъ сурово запрещалъ членамъ своего дома вступать въ неравные браки и не отличался сердечностью въ семейныхъ отношеніяхъ; оттого личная его жизнь съ давнихъ поръ носитъ на себѣ оттѣнокъ меланхоліи. Сынъ и наслѣдникъ его, Рудольфъ, нашелъ загадочную смерть вмѣстѣ съ любимою имъ красавицею; императрица Елизавета проводила свои годы въ грустномъ одиночествѣ и погибла отъ руки какого-то сумасшедшаго итальянца; одинъ эрцгерцогъ отказался отъ всѣхъ своихъ титуловъ и пропалъ безъ вѣсти подъ именемъ Іоанна Орта, другой также отрекся отъ всѣхъ своихъ правъ по случаю женитьбы на польской пѣвичкѣ. Эти странные случаи бѣгства принцевъ изъ царствующей фамиліи въ скромную частную жизнь представляютъ особую форму протеста противъ искусственнаго быта, построеннаго на феодальныхъ понятіяхъ и предразсудкахъ. Въ Ишлѣ собралось на юбилей болѣе 70 эрцгерцоговъ и эрцгерцогинь разнаго возраста; но среди этого большого количества принцевъ императоръ не имѣлъ утѣшенія видѣть будущихъ продолжателей его рода, такъ какъ потомки его племянника и наслѣдника, Франца-Фердинанда, женатаго на графинѣ Хотекъ, устранены отъ законныхъ правъ наслѣдованія. Неравный бракъ наслѣдника былъ въ свое время горестнымъ событіемъ для Франца-Іосифа, но самая мысль о неравенствѣ брака остается для него незыблемымъ принципомъ, отъ котораго онъ не можетъ и не хочетъ отрѣшиться. Своимъ сухимъ, прямолинейнымъ формализмомъ въ охранѣ династическихъ традицій онъ создалъ около себя пустоту. Въ этой области чувствъ и идей онъ не обнаружилъ способности примѣняться къ новымъ потребностямъ и условіямъ жизни, не обнаружилъ той гибкой и въ то же время прочной приспособляемости, которая является наиболѣе характерною чертою всей его многолѣтней политической дѣятельности.

Политика мелкихъ средствъ и маленькихъ результатовъ настойчиво проводится нѣмецкими патріотами въ Пруссіи относительно поляковъ. Берлинскія и провинціальныя патріотическія газеты придаютъ крупное національное значеніе тому обстоятельству, что въ Познани построенъ и освященъ новый королевскій дворецъ и что при торже-

ствѣ его открытія Вильгельмъ II назвалъ познанскую провинцію „нѣмецкою". Патріоты радуются, что область, которую поляки считають польскою, публично признана нѣмецкою; поляки съ своей стороны довольны тѣмъ, что король чрезвычайно лестно отозвался объ ихъ провинціи и призывалъ населеніе къ общей совмѣстной работѣ для пользы края. Постройка дворца въ Познани была предпринята, какъ извѣстно, въ патріотическихъ цѣляхъ: дворецъ долженъ служить, съ одной стороны, символомъ неразрывной связи познанской области съ прусскою монархіею, а съ другой—доказательствомъ особаго вниманія короны къ этой провинціи.

Въ сущности, конечно, положеніе Познани нисколько не измѣнилось отъ того, что ея главный городъ украшенъ новымъ зданіемъ и что разъ или два раза въ году король Вильгельмъ II будетъ пріѣзжать туда для производства военнаго парада или для произнесенія патріотической рѣчи. Сами патріоты чувствуютъ себя какъ будто разочарованными послѣ того какъ празднества прошли; они находятъ теперь, что назвать прусскую провинцію нѣмецкою—еще недостаточно, что не слѣдовало ограничиться одними словами и названіями, а надо было совершить какой-нибудь положительный актъ, который наглядно показалъ бы всему населенію края, что правительство стремится поддержать нѣмецкій элементъ противъ польскаго. Газета „Post" напоминаетъ по этому поводу, что до сихъ поръ законъ о принудительномъ отчужденіи польскихъ земель еще не примѣнялся на практикѣ и что пора уже намѣтить тѣхъ польскихъ землевладѣльцевъ, которые должны будутъ подвергнуться экспропріаціи; но другія газеты считаютъ это предложеніе несвоевременнымъ и неудобнымъ, въ виду той „лойяльной" встрѣчи, которая была устроена королю мѣстными польскими обывателями и помѣщиками. Поляки хорошо знаютъ, что мимолетныя оффиціальныя празднества не могутъ повліять на реальный ходъ жизни, и потому они довольно равнодушно отнеслись къ шумной нѣмецкой агитаціи, связанной съ освященіемъ королевскаго дворца. Теперь и нѣмцы, повидимому, начинаютъ сознавать преувеличенность прежнихъ патріотическихъ толковъ о новомъ познанскомъ дворцѣ, какъ о постоянно дѣйствующемъ средствѣ германизаціи края.

Вѣра въ названія и титулы играетъ еще большую роль въ политикѣ. Правители балканскихъ государствъ постепенно возвышались: князья превратились въ королей, а князь Фердинандъ объявилъ себя сразу царемъ. На всемъ полуостровѣ оставался одинъ только князь—черногорскій. Въ Сербіи царствуетъ король, въ Румыніи—король, въ Болгаріи — царь, а знаменитая, достигшая издавна громкой военной

славы Черногорія продолжаетъ оставаться княжествомъ. Не обидно ли это для храбрыхъ черногорцевъ? Говорили, что обидно, и что Черногорія должна непремѣнно сдѣлаться королевствомъ, для возстановленія политическаго равновѣсія на Балканахъ.

Черногорскій князь праздновалъ 13 (26) августа пятидесятилѣтній юбилей своего царствованія; въ маленькомъ столичномъ городѣ княжества съѣхалось много почетныхъ гостей, въ томъ числѣ король Италіи съ супругою, дочерью князя, и царь Фердинандъ, съ наслѣднымъ княземъ Борисомъ. Этотъ праздникъ князя Николая долженъ былъ подготовить почву для провозглашенія его королемъ. Великія державы, разумѣется, не отказали въ своемъ на то согласіи. Почему князю черногорскому не быть королемъ? Чѣмъ онъ хуже другихъ? По справедливости онъ имѣетъ всѣ права на этотъ высокій титулъ. Но, съ другой стороны, нельзя не задаться вопросомъ: для чего нуженъ князю Николаю королевскій титулъ? Не слишкомъ ли много королей окажется на Балканскомъ полуостровѣ? Поправится ли положеніе славянства отъ того, что у сербовъ будетъ два короля—король Петръ и король Николай? Наконецъ, выиграетъ ли что-нибудь сама Черногорія отъ переименованія ея въ королевство?

Прежде всего мы не видимъ въ данномъ случаѣ тѣхъ практическихъ мотивовъ, которые имѣлись на лицо при перемѣнѣ титуловъ другихъ балканскихъ государей. Сербія была вассальнымъ княжествомъ, и провозглашеніе ея королевствомъ означало признаніе ея независимости; притомъ сербскіе короли когда-то существовали, и возстановленіе ихъ титула имѣло опредѣленный историческій и вмѣстѣ съ тѣмъ національный смыслъ. Точно такъ же провозглашеніе князя болгарскаго царемъ разрывало вассальную связь Болгаріи съ Турціею и возстановляло древній историческій титулъ болгарскихъ царей. Въ обоихъ случаяхъ дѣло шло о формальномъ объявленіи независимости государствъ и о признаніи за ними правъ историческаго преемства. Черногорія была независимою еще до берлинскаго трактата и не нуждалась, не нуждается въ торжественномъ подтвержденіи этой независимости; она никогда не была королевствомъ, и присвоеніе ей подобнаго титула не соотвѣтствуетъ никакимъ историческимъ фактамъ и преданіямъ. Нѣтъ также никакихъ внѣшнихъ основаній къ тому, чтобы признать названіе княжества недостаточнымъ для Черногоріи: територія ея не увеличилась, а осталась такая же маленькая, какъ и прежде—значительно меньше Сербіи и несравненно меньше Болгаріи. При такихъ условіяхъ перемѣна титула имѣетъ характеръ произвольнаго сочинительства, вовсе не нужнаго для такой страны, какъ Черногорія, и для такого правителя, какъ ея маститый князь. Надо еще замѣтить, что громкіе титулы создаютъ извѣстныя обяза-

тельства и на практикѣ обходятся слишкомъ дорого маленькимъ и бѣднымъ народамъ. Въ качествѣ королевства, Сербія должна имѣть свой королевскій дворъ и тратить значительную долю своихъ средствъ на его содержаніе; отдѣльные члены королевской фамиліи требуютъ также соотвѣтственной обстановки, съ надлежащими придворными штатами, по образцу западно-европейскихъ дворовъ—и въ результатѣ получается рядъ несообразностей, разорительныхъ для страны и опасныхъ для самой династіи. Въ небольшомъ государствѣ, съ населеніемъ, сохранившимъ еще многія черты патріархальнаго быта, искусственно создается особый придворный классъ, съ притязаніями на почетъ и на крупные казенные оклады; въ офицерствѣ развивается вкусъ къ роскоши, водворяются легкіе нравы. Вырабатывается какая-то каррикатура на монархію. Въ Болгаріи Фердинандъ, будучи еще княземъ, завелъ сложный придворный этикетъ, исключающій возможность сближенія между государемъ и народомъ; а теперь, съ возвышеніемъ князя въ короли, болгарскій дворъ вѣроятно получитъ организацію, напоминающую старинные порядки среднихъ германскихъ дворовъ. Слѣдовало ли Черногоріи подражать въ этомъ отношеніи правителямъ Сербіи и Болгаріи? Черногорцамъ просто не подъ силу содержать королевскій дворъ съ парадными офицерами, адъютантами и прочими придворными чинами; да и надобности въ этомъ они чувствовать не могутъ. Скромное званіе княжества не мѣшало Черногоріи пользоваться уваженіемъ и широкою популярностью въ сосѣднихъ и далекихъ краяхъ. Всѣмъ памятенъ тостъ, которымъ могущественный русскій государь призналъ князя Николая „единственнымъ вѣрнымъ другомъ Россіи". Такого рода титулъ важнѣе и почетнѣе для Черногоріи, — и главное, несравненно выгоднѣе, — чѣмъ искусственныя громкія клички, заимствованныя извнѣ. Если глава Черногоріи, будучи только княземъ, могъ играть роль „единственнаго вѣрнаго друга" великой державы, то зачѣмъ ему было мѣнять княжескій титулъ на королевскій? Это лишняя, ненужная и, вдобавокъ, слишкомъ дорогая роскошь.

На Дальнемъ Востокѣ постепенно совершаются перемѣны, вытекающія изъ фактическаго преобладанія Японіи и указывающія на крайнюю шаткость и неопредѣленность общаго положенія дѣлъ. До послѣдняго времени Корея находилась подъ японскимъ протекторатомъ и управлялась японскими властями, но сохраняла всетаки нѣкоторую тѣнь самостоятельнаго существованія; она еще называлась имперіею и имѣла своего императора, который проживалъ почетнымъ плѣнникомъ въ Сеулѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ корейскій „императоръ" вздумалъ жаловаться Гаагской конференціи на неправильныя

дѣйствія Японіи и требовалъ третейскаго суда для разсмотрѣнія его претензій; за этотъ дерзкій поступокъ онъ былъ смѣщенъ и долженъ былъ уступить мѣсто своему законному преемнику. Новый „императоръ" смирно сидѣлъ въ назначенной ему резиденціи, пока наконецъ его не устранили теперь за ненадобностью.

Полноправнымъ правителемъ Кореи послѣ войны былъ извѣстный князь Ито, убитый въ прошломъ году въ Харбинѣ; онъ высказывался противъ формальной аннексіи, какъ несвоевременной и неудобной, но нынѣшній замѣститель его, военный министръ Теранчи, держался другого взгляда и рѣшилъ покончить съ вопросомъ о Кореѣ. Предварительные переговоры съ Россіею привели къ соглашенію, и Корея оффиціально объявлена японскою провинціею. Нѣкоторыя заинтересованныя державы имѣли бы право протестовать противъ принятой японскимъ правительствомъ мѣры; но что помогутъ протесты въ подобныхъ случаяхъ? Японія фактически владѣла и распоряжалась Кореею по праву завоеванія—а для превращенія оккупаціи въ аннексію существовалъ уже авторитетный прецедентъ въ дѣлѣ Босніи и Герцеговины.

Сожалѣть о гибели Корейской „имперіи" не приходится. Это было одно изъ тѣхъ уродливыхъ политическихъ образованій, которыя народамъ ничего, кромѣ вреда, не приносятъ. Жалкіе „императоры" предоставляли своимъ слугамъ и фаворитамъ грабить и разорять страну безъ всякихъ стѣсненій. Обширная и богатая отъ природы территорія оставалась запущенною; промышленность и торговля почти всецѣло находились въ рукахъ у японцевъ; населеніе бѣдствовало отъ внутреннихъ неурядицъ и отъ притѣсненій чиновниковъ. Японцы впервые внесли въ страну нѣкоторые зачатки внѣшней культуры, духъ предпріимчивости, элементы прочнаго порядка и безопасности; они построили нѣсколько желѣзнодорожныхъ линій и положили начало правильной эксплуатаціи природныхъ богатствъ Кореи. Для Японіи Корея представляетъ чрезвычайно цѣнное и жизненно необходимое пріобрѣтеніе; сюда будутъ направляться массы японцевъ, не находящихъ себѣ мѣста на родинѣ, и своимъ трудомъ и энергіею они съумѣютъ оживить и оплодотворить пустынный дотолѣ край. Японія въ теченіе столѣтій добивалась владычества надъ Кореею и не разъ воевала изъ-за нея съ Китаемъ—и если она наконецъ достигла своей цѣли, то этимъ она обязана только своимъ собственнымъ, сознательнымъ усиліямъ и заслугамъ. Что же касается другихъ народовъ и государствъ, то интересы ихъ могутъ только выиграть отъ превращенія Кореи въ культурную и хорошо управляемую страну.

Для Китая окончательное присоединеніе Кореи къ Японіи есть своего рода memento mori. Утвердившись на азіатскомъ материкѣ, японцы пріобрѣтаютъ твердую точку опоры для непосредственнаго воздѣйствія на Китай и для прочнаго водворенія въ южной части Манчжуріи; они имѣютъ возможность систематически способствовать внутреннему разложенію Китайской имперіи, подготовляя будущій японскій протекторатъ надъ отдѣльными ея областями. Подобные планы относительно Китая чувствуются и въ недавнемъ русско-японскомъ соглашеніи, какъ мы указывали въ прошломъ нашемъ обозрѣніи, и потому вопросъ о внутренней силѣ Китая долженъ быть признанъ весьма существеннымъ для нашей политики на Дальнемъ Востокѣ.

По этому вопросу напечатана въ августовской книжкѣ „Revue des deux Mondes" (отъ 1-го августа нов. ст.) обстоятельная статья извѣстнаго генерала Негріè, близко изучившаго на мѣстѣ положеніе военнаго дѣла въ Китаѣ. Авторъ крайне пессимистически судитъ о состояніи китайскихъ вооруженныхъ силъ и приходитъ къ безусловно отрицательному заключительному выводу, который выраженъ у него въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: „Китайская имперія—не исполинъ, который пробуждается, а курильщикъ опіума, пытающійся стряхнуть съ себя дремоту. Ему предстоятъ судороги. Школьные умы отравили его организмъ. Если онъ когда-либо выздоровѣетъ, онъ останется безсильнымъ. Желтой опасности не существуетъ". Генералъ Негріè приводитъ множество фактовъ въ доказательство того, что китайская нація въ цѣломъ неспособна измѣнить свои умственные навыки и наклонности, что она не можетъ отрѣшиться отъ мертвыхъ книжныхъ знаній, накопленныхъ вѣками, и что все китайское чиновничество проникнуто духомъ безнадежной продажности и наживы. Хищничество, говоритъ онъ, лежитъ въ основѣ китайской финансовой системы; когда оно превышаетъ мѣру и не оставляетъ достаточныхъ средствъ населенію, послѣднее возмущается, и центральная власть производитъ разслѣдованіе, при чемъ чиновникъ обыкновенно переводится на другое мѣсто. Пользованіе казенными доходами для собственнаго обогащенія предоставляется должностнымъ лицамъ до извѣстнаго предѣла; требуется только, чтобы извѣстная, хотя бы небольшая доля дохода поступала всетаки въ казну. Въ одномъ округѣ, напр., собирается налоговъ шесть милліоновъ франковъ, а въ казначейство попадаетъ не болѣе полумилліона; все остальное идетъ на кормленіе массы „ученыхъ", занимающихъ разныя служебныя мѣста или готовящихся къ занятію высшихъ мѣстъ. Всѣ должности продаются и покупаются; вице-король, получающій двѣ съ половиною тысячи франковъ жалованья и до тридцати тысячъ франковъ на расходы по администраціи, долженъ въ дѣйствительности

расходовать до трехсотъ тысячъ въ годъ на управленіе. Система заранѣе разсчитана на то, что чиновникъ собираетъ средства съ народа и удѣляетъ ихъ часть на обязательные расходы. Многіе генералы и полковники получаютъ деньги на содержаніе такихъ войскъ, которыхъ на дѣлѣ вовсе не существуетъ; болѣе честные тратятъ половину или третью часть выдаваемыхъ имъ суммъ на военныя надобности; поэтому цифры войскъ и орудій, опредѣляемыя на бумагѣ, должны быть сокращаемы, по меньшей мѣрѣ, на половину, чтобы приблизительно соотвѣтствовать дѣйствительности. Китайцы не любятъ военной службы и тщательно уклоняются отъ нея; они слишкомъ привыкли философствовать и разсуждать, чтобы быть хорошими солдатами. По словамъ генерала Негріè, Китай не можетъ выставить въ общемъ счетѣ болѣе 200 тысячъ войска; но снаряженіе ихъ остается весьма проблематичнымъ. „Никому не дозволено осматривать военные склады—ядовито прибавляетъ авторъ,—вѣроятно потому, что въ нихъ ничего нѣтъ. Китайскіе склады имѣютъ ту особенность, что они опоражниваются раньше чѣмъ произведена раздача вещей“. Народъ не довѣряетъ власти, правительство не довѣряетъ ни населенію, ни арміи; все разваливается, и на этой почвѣ нельзя создать ничего прочнаго. Таковы впечатлѣнія и наблюденія французскаго генерала, подкрѣпляемыя множествомъ любопытныхъ, иногда курьезныхъ примѣровъ. На сколько они основательны — мы судить не беремся.

„ОТОРВАННЫЕ ЛИСТЬЯ“

(Письмо изъ Лондона.)

I.

Для выгоды всего государства необходимо, чтобы естественный подборъ дѣйствовалъ совершенно безпрепятственно, — говорятъ въ Англіи правовѣрные манчестерцы.—Устраните всѣ соціальныя перегородки, введите широкую свободу, и тогда законъ естественнаго подбора выдвинетъ впередъ наиболѣе приспособленныхъ, т.-е. наиболѣе сильныхъ, энергичныхъ и талантливыхъ.

Новые радикалы типа Ллойдъ-Джорджа и „соціальные реформаторы“ вносятъ въ эту формулу существенную поправку: „Необходимо

сперва дать *всѣмъ* вступающимъ въ жизнь равный шансъ"—говорятъ они. Государство *обязано* установить своего рода соціальный гандикапъ, принятый на скачкахъ. Нельзя говорить, что сынъ рабочаго, рожденный и выросшій въ трущобѣ, вѣчно недоѣдавшій и потому слабосильный, получившій воспитаніе только въ начальной школѣ, которую оставилъ въ 12 лѣтъ, имѣетъ такой же шансъ преуспѣть въ жизни, какъ сынъ богатаго фабриканта, рожденный въ кварталѣ, гдѣ смертность лишь девять на тысячу, имѣвшій пищу и свободный воздухъ въ изобиліи, получившій отличное воспитаніе и укрѣпившій въ школѣ мускулы и волю. Правда, многочисленныя и солидныя стипендіи [1]) въ англійскихъ среднихъ школахъ и университетахъ открыты рѣшительно для всѣхъ, выдержавшихъ установленный экзаменъ. Стипендія выдается безъ различія происхожденія, вѣры или національности. Негръ или китаецъ, выдержавшіе на стипендію, получатъ ее, хотя бы экзаменовались еще двадцать англичанъ. Мѣста на гражданской службѣ открыты теперь для всѣхъ британскихъ подданныхъ, которые сдадутъ соотвѣтственный экзаменъ. Это относится одинаково какъ къ мѣстамъ на почтѣ, такъ и къ службѣ въ Индіи, гдѣ существуютъ колоссальные оклады. Надо только выдержать экзаменъ; но сынъ состоятельныхъ родителей, получившій хорошее образованіе и имѣющій крѣпкое здоровье, обладаетъ неизмѣримо бо̀льшими шансами сдать въ юности экзаменъ на стипендію, а потомъ на полученіе мѣста въ civil service, чѣмъ сынъ чернорабочаго, вынужденный въ тринадцать лѣтъ стать добытчикомъ и идти въ разсыльные. И вотъ, молодые радикалы доказываютъ необходимость введенія „соціальнаго гандикапа", прежде чѣмъ дать закону естественнаго подбора свободно дѣйствовать. Надо ввести вполнѣ демократическую систему народнаго образованія, какъ низшаго, такъ и высшаго. Необходимы хорошія техническія школы. Надо, чтобы общество позаботилось о дѣтяхъ, которыхъ родители такъ бѣдны, что не въ состояніи ихъ кормить: подростокъ, который сидитъ въ школѣ голодный, плохо воспринимаетъ знанія. И когда шансы всѣхъ вступающихъ въ жизнь будутъ уравнены, тогда пусть natural selection отбираетъ наиболѣе приспособленныхъ и талантливыхъ.

Въ странахъ несвободныхъ и съ слабо развитой гражданской жизнью стоящіе у власти соображаются не съ закономъ естественнаго подбора, о которомъ они постоянно говорятъ (какъ не вспомнить „ставку на сильныхъ"!), а съ видоизмѣненнымъ и упрощеннымъ закономъ *искусственнаго подбора* (artificial selection, по терминологіи Дарвина). Въ своей монографіи: „The Variation of Animals and Plants

[1]) До 1.000 рублей въ годъ.

under Domestication“ Дарвинъ объясняетъ, какимъ образомъ, культивируя растенія и разводя животныхъ, человѣкъ, путемъ постояннаго отбора, получалъ наиболѣе выгодную для себя разновидность. И въ результатѣ оказывается полное измѣненіе первоначальнаго типа. Вѣнценосный голубь такъ сильно, по наружнымъ признакамъ, отличается отъ вѣерохвостаго голубя (fantail) или отъ голубя берберійскаго, что орнитологъ, который нашелъ бы подобное различіе между дикими птицами, отнесъ бы ихъ не только къ разнымъ видамъ, но и къ разнымъ родамъ. Правительства въ государствахъ, переживающихъ реакцію, занимаются своего рода искусственнымъ подборомъ, который я назвалъ бы *полицейскимъ подборомъ*. Онъ заключается въ томъ, что на гражданскіе и военные посты, въ судъ и даже въ церковь подбираются не наиболѣе талантливые, энергичные, искренніе и честные люди, а самые покладистые, безпринципные, готовые соображаться не съ своимъ убѣжденіемъ, а съ приказомъ. Все самостоятельное, независимое и убѣжденное отметается дѣйствіемъ полицейскаго подбора. И точно такъ же, какъ неопытный орнитологъ, не знающій объ искусственномъ подборѣ, отнесъ бы Didunculus strigirostris (зубчатоклювый голубь) не только къ другому виду, но и къ другому роду, чѣмъ (Calloenas nicobarica (гривистый голубь) неопытный соціологъ, не знающій про дѣйствіе полицейскаго подбора, отказался бы отнести къ одному и тому же „виду“ хранителей правосудія — англійскаго судью, какъ покойный лордъ Рёссель и, скажемъ, Дмитрія Шемяку. Что общаго между такими священниками, какъ Скотъ-Холлэндъ и д-ръ Кэмпбеллъ, явившимися результатомъ естественнаго подбора съ одной стороны, и выдвинувшимся путемъ полицейскаго подбора священнослужителемъ, противъ котораго теперь открыто взведены такія страшныя обвиненія въ подтяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ? А между тѣмъ полицейскій подборъ не только сдѣлалъ этого священнослужителя неприкосновеннымъ, но облекъ его еще необычайной властью и послалъ его насаждать нравственность и истинную вѣру!

Законъ полицейскаго подбора—старое явленіе. Къ нему прибѣгали и Фердинандъ VII въ Испаніи, и „король Бомба“ въ Неаполѣ, и Наполеонъ III во Франціи. И всюду полицейскій подборъ велъ къ однимъ и тѣмъ же послѣдствіямъ, т.-е. къ катастрофѣ. Въ 1860-мъ году, напр., двадцатитысячная неаполитанская армія сдалась на капитуляцію въ Палермо непріятелю, который имѣлъ въ три или въ четыре раза меньше солдатъ, а изъ этихъ солдатъ — не болѣе тысячи человѣкъ годныхъ на серьезный бой. Надо прибавить, что неаполитанскія войска держались въ позиціяхъ чрезвычайно крѣпкихъ и располагали многочисленною артиллеріею. Характеръ битвы былъ такой: нѣсколько сотъ человѣкъ штурмовали форты, занятые непріятелемъ въ двадцать разъ

сильнѣйшимъ, и заставили его сдаться. Вотъ классическій примѣръ, показывающій результатъ полицейскаго подбора.

Иногда послѣдствіемъ этого подбора бываетъ систематическое, безжалостное выкашиваніе цѣлыхъ поколѣній учащихся. Отметаемыя полицейскимъ подборомъ силы иногда остаются въ самой странѣ, гдѣ вынуждены искать занятій, совершенно не соотвѣтствующихъ ни ихъ призванію, ни спеціальной подготовкѣ. Отъ этого страдаетъ, конечно, общество. Иногда же люди, пострадавшіе отъ дѣйствія подбора, бываютъ унесены, какъ осенніе листья, вѣтромъ. Ихъ носитъ долго, пока они найдутъ пріютъ въ какомъ-нибудь чужомъ углу, далеко отъ родины. Объ этихъ сорванныхъ листьяхъ я хочу поговорить теперь. Точнѣе—хочу сообщить нѣсколько словъ объ одномъ изъ тѣхъ угловъ, куда вѣтеръ чаще всего мететъ „листья" изъ Россіи, т.-е. о Лондонѣ, какъ мѣстѣ эмиграціи.

Англичане, собственно говоря, открыли Россію не при Елизаветѣ, а во время Крымской войны. Только въ это время появились свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ, дополнившія тѣ, которыя были доставлены когда-то Флетчеромъ. И русскій, просматривающій теперь книги, явившіяся въ Англіи въ 1854—55 годахъ, съ горестью убѣждается, что время напоминаетъ провинціальнаго антрепренера, который очень неохотно мѣняетъ старыя декораціи. Вотъ, напримѣръ, самый авторитетный трудъ для того времени: „The Life of Nicholas I Emperor of Russia", Ф. Майна (Лондонъ, 1855). Авторъ касается знакомаго намъ явленія. „Величайшимъ дефектомъ каждаго правительственнаго учрежденія въ Россіи является продажность,—пишетъ Майнъ.—Говорятъ, Александръ I хорошо былъ освѣдомленъ объ этомъ фактѣ и сказалъ какъ-то: „Они у меня выкрали бы во снѣ зубы изо рта, еслибы только знали, какъ сдѣлать это". Хотя русскій императоръ самодержецъ, но онъ не въ состояніи имѣть честныхъ чиновниковъ. Онъ не можетъ даже открыть истину, хотя бы и желали этого. Въ апрѣлѣ 1826-го года четыре человѣка, одѣтые крестьянами, съ величайшимъ трудомъ достигли до императора, который тогда жилъ въ Царскомъ-Селѣ, и разсказали ему про чудовищныя хищенія, систематически производившіяся въ Кронштадтѣ, гдѣ якори, канаты и паруса, принадлежавшіе казнѣ, были проданы на базарѣ иностранцамъ. Николай I немедленно приказалъ офицеру и 300 солдатамъ окружить склады. Были найдены несомнѣнныя улики и отданъ приказъ привлечь виновныхъ къ суду. Склады были опечатаны. Но виновные были лица съ крупнымъ общественнымъ положеніемъ. Двадцать перваго іюня ночью въ Петербургѣ было видно вдали зарево громаднаго пожара, а потомъ стало извѣстно, что склады и всѣ собранныя доказательства сгорѣли до тла" („The Life", etc., стр. 340). Преданіе не свѣжо, но

вѣрится легко! Майнъ отмѣчаетъ печать вынужденнаго молчанія, лежащую на Россіи. Ни о чемъ нельзя говорить вслухъ. „Ничто не можетъ быть хуже полицейской системы, существующей въ Россіи,— говоритъ Майнъ.— Система установлена правительствомъ для достиженія его собственныхъ цѣлей, но, въ концѣ концовъ, она приноситъ ему самому больше вреда, чѣмъ пользы. Полиція преслѣдуетъ невинныхъ и беретъ подъ свою защиту виновныхъ; она заглушаетъ жалобы и парализуетъ правосудіе. Она продажна и испорчена и готова одинаково служить какъ друзьямъ, такъ и врагамъ короны. Съ одной стороны полиція разыскиваетъ заговоры и подготовленія къ мятежу. Съ другой— та же полиція содѣйствовала убійству императора Павла Петровича. Полиція можетъ ворваться въ любое частное жилище. Утромъ она выискиваетъ крѣпостныхъ, возмутившихся противъ помѣщиковъ. Ночью она помогаетъ убійцамъ Павла I. Это—обоюдоострое и страшное оружіе. ...Полицейскіе чиновники участвуютъ въ дѣлежѣ добычи, взятой обманомъ или насиліемъ. Полиція часто укрываетъ краденыя вещи. Воръ, схваченный на мѣстѣ преступленія полицейскимъ агентомъ, часто узнаетъ въ немъ стараго союзника“ (ib., стр. 343). Авторъ дальше отмѣчаетъ явленіе, тоже не отошедшее въ область преданій: произвольныя лишенія свободы и ссылки безъ суда (административнымъ порядкомъ) въ Сибирь. Эту систему административной ссылки англичане до сихъ поръ никакъ не могутъ уяснить себѣ. Сколько разъ à brûle-pourpoint меня спрашивали здѣсь: „скажите, правда ли, что въ Россіи ссылаютъ безъ суда, по простому распоряженію, людей, вина которыхъ не доказана?“

„Смертная казнь существуетъ только за государственную измѣну, но, тѣмъ не менѣе, есть преступники, которыхъ убиваютъ“,—продолжаетъ Майнъ. Изученіе русской жизни привело англійскаго автора къ слѣдующему выводу: „Повидимому, правительство преслѣдуетъ только двѣ цѣли. Первая заключается въ томъ, чтобы установить точно самоличность каждаго подданнаго, а вторая — въ увеличеніи арміи... Законы о метрическихъ записяхъ, обязанность причащаться хоть разъ въ годъ, сложная и стѣснительная паспортная система и цѣлый рядъ другихъ мѣръ, мотивированныхъ общественной, будто бы, безопасностью — всѣ установлены ради достиженія первой цѣли“ (ib., стр. 350). Авторъ доказываетъ, что паспортная система, являясь золотымъ пріискомъ для полиціи, совершенно безполезна для государства. Въ дальнѣйшихъ главахъ своего труда авторъ говоритъ, что Россія управляется, собственно говоря, при помощи не законовъ, а побоевъ. „Дворянинъ бьетъ простолюдина, барыня бьетъ горничныхъ, офицеръ бьетъ солдата, а полиція бьетъ всѣхъ... Нѣтъ такого момента, чтобы въ Россіи кого-нибудь не били“ (ib., стр. 352). Какъ не вспо-

мнить при этомъ слова въ письмѣ Бѣлинскаго къ Гоголю: „Она (Россія) представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ... нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ воровъ и грабителей".

Англійскія свѣдѣнія о Россіи, появившіяся въ моментъ вторичнаго „открытія" ея, были, въ общемъ, точны и довольно хорошо провѣрены. Въ особенности выпукло выдѣляется это, если сравнить книги о Россіи, вышедшія во время Крымской войны въ Англіи и во Франціи. Пусть наши націоналисты, выступающіе съ нелѣпыми обвиненіями противъ другихъ, просмотрятъ книгу „Messieurs les Cosaques" [1]), вышедшую въ Парижѣ, въ 1854-мъ году, чтобы убѣдиться, куда заводитъ слѣпая ненависть.

II.

Во всѣхъ книгахъ, появившихся въ моментъ вторичнаго открытія Россіи, *все* населеніе объединялось съ правительствомъ. Авторы писали только про одну форму „оппозиціи" въ Россіи: про придворныя интриги, заканчивавшіяся иногда мрачными трагедіями. Вскорѣ до Англіи начали докатываться „первые листья, сорванные бурей" въ Россіи. И мало-помалу англичане начали уяснять себѣ драму, происходившую и происходящую въ Россіи. Нѣсколько раньше, чѣмъ вышла въ свѣтъ книга Майна, прибылъ въ Лондонъ А. И. Герценъ. Онъ искалъ здѣсь только тихую пристань. „Когда на разсвѣтѣ 25-го августа 1852-го года я переходилъ по мокрой доскѣ на англійскій берегъ и смотрѣлъ на его замаранно-бѣлые выступы, я былъ очень далекъ отъ мысли, что пройдутъ годы прежде чѣмъ я покину мѣловые утесы его,—пишетъ Герценъ.— Я не думалъ прожить въ Лондонѣ дольше мѣсяца, но мало-по-малу я сталъ разглядывать, что мнѣ рѣшительно некуда ѣхать и незачѣмъ. Такого отшельничества я нигдѣ не могъ найти, какъ въ Лондонѣ... По цѣлымъ утрамъ сиживалъ я одинъ-одинехонекъ, часто ничего не дѣлая, даже не читая... Въ этомъ досугѣ разбиралъ я фактъ за фактомъ все бывшее, слова и письма людей, и себя... Я такъ вполнѣ былъ отрѣзанъ на чужбинѣ, надобно было, во что бъ ни стало, снова завести рѣчь со своими—хотѣлось имъ разсказать, что тяжело лежало на сердцѣ. Писемъ не пропускаютъ—книги сами пройдутъ; писать нельзя—буду печатать. И я принялся мало-по-малу за „Былое и Думы" и за устройство русской типографіи" (Соч. А. И. Герцена, т. IX,

[1]) Книга носитъ длинное названіе: „Messieurs les Cosaques. Relation charivarique, comique et surtout véridique des hauts faits des Russes en Orient".

стр. 173—180, Женева, 1879). Двадцать перваго февраля 1853-го года въ Лондонѣ сталъ дѣйствовать первый свободный русскій печатный станокъ. „Открытая, вольная рѣчь — великое дѣло; безъ вольной рѣчи нѣтъ вольнаго человѣка,—писалъ тогда Герценъ.—Не даромъ за нее люди даютъ жизнь, оставляютъ отечество, бросаютъ достояніе. Скрывается только слабое, боящееся, незрѣлое. „Молчаніе — знакъ согласія", оно явно выражаетъ отреченіе, безнадежность, склоненіе головы, сознанную безвыходность. Открытое слово — торжественное признаніе, переходъ въ дѣйствіе". „Не столько новаго, своего хочу я вамъ разсказывать, сколько воспользоваться моимъ положеніемъ для того, чтобы вашимъ невысказаннымъ мыслямъ, вашимъ затаеннымъ стремленіямъ дать гласность, передать ихъ братьямъ и друзьямъ, потерянным въ нѣмой дали русскаго царства". Герценъ, повидимому, боялся, что русскіе, отъ непривычки, не имѣютъ „невысказанныхъ мыслей". И въ той же статьѣ онъ говоритъ: „Если у васъ нѣтъ ничего готоваго, своего, пришлите ходящія по рукамъ запрещенныя стихотворенія Пушкина, Рылѣева, Лермонтова, Полежаева, Печерина и др." (Сочиненія, т. V, стр. 297—300). Первая свободная рѣчь была обращена къ дворянамъ по поводу крѣпостного права. „Всякое дворянство на западѣ можетъ сослаться на какія-нибудь слабыя, призрачныя права владѣнія крестьянами, — писалъ Герценъ;—у насъ и тѣхъ нѣтъ. Не кровью пріобрѣло русское дворянство рабовъ, а рядомъ полицейскихъ мѣръ, низкимъ потворствомъ царямъ, плутнями чиновниковъ и безстыдной алчностью своихъ праотцевъ". Герценъ умолялъ дворянъ отказаться отъ крѣпостного права: „Предупредите большія бѣдствія, пока это въ вашей волѣ. Спасите себя отъ крѣпостного права и крестьянъ отъ той крови, которую они должны будутъ пролить. Пожалѣйте дѣтей своихъ, пожалѣйте совѣсть бѣднаго русскаго народа" (ib., стр. 308).

Черезъ четыре года Лондонъ сталъ на нѣсколько лѣтъ своего рода полярной звѣздой для всего передового русскаго общества: 1 іюля 1857-го года вышелъ первый нумеръ „Колокола". „Необходимымъ и неотлагаемымъ шагомъ" объявлялось „освобожденіе слова—отъ цензуры, освобожденіе крестьянъ — отъ помѣщиковъ и освобожденіе податного сословія — отъ побоевъ". Прошло пятьдесятъ три года—но осуществленъ лишь второй пунктъ этой программы. Свободу печати, существующую у насъ, русскій литераторъ можетъ съ полнымъ правомъ опредѣлить знаменитыми словами Фигаро. Всюду въ провинціи администрація еще не дошла до сознанія, что „неприкосновенность личности" имѣетъ, между прочимъ, и буквальный смыслъ, т. е. что воспрещается бить по лицу... „Колоколъ" сталъ центромъ, вокругъ котораго группировались въ Лондонѣ первые русскіе эмигранты. То же самое

было и дальше. До конца девяностыхъ годовъ XIX-го вѣка основнымъ ядромъ русской политической эмиграціи въ Лондонѣ, за извѣстными исключеніями, всегда являлась какая-нибудь свободная газета, выходившая здѣсь [1]).

А. И. Герценъ нашелъ въ Лондонѣ громадную и пеструю интернаціональную эмигрантскую колонію. То была высокая куча „осеннихъ листьевъ", сорванныхъ бурями 1848-го года во Франціи, Венгріи, Германіи и Италіи. Опредѣленныя внѣшнія условія всегда создаютъ приблизительно одни и тѣ же явленія, каковъ бы ни былъ національный составъ политической эмиграціи. Наметенные вѣтромъ листья кажутся одинаковыми. Только приглядѣвшись можно узнать лапчатый, нѣжный, слабый листъ клена, твердый и крѣпкій листъ дуба и т. д. „Еслибы кто-нибудь вздумалъ написать со стороны внутреннюю исторію политическихъ выходцевъ и изгнанниковъ съ 1848-го года въ Лондонѣ, какую печальную страницу прибавилъ бы онъ къ сказаніямъ о современномъ человѣкѣ,—пишетъ А. И. Герценъ о нѣмецкихъ и французскихъ эмигрантахъ.—Сколько страданій, сколько лишеній, слезъ... и сколько пустоты, сколько узкости... какое упорство въ раздорѣ и мелкость въ самолюбіи. Съ одной стороны люди простые, инстинктомъ и сердцемъ понявшіе дѣло революціи и приносящіе ему наибольшую жертву, которую человѣкъ можетъ принести—добровольную нищету, составляютъ небольшую кучку праведниковъ. Съ другой, эти худо прикрытыя, затаенныя самолюбія, для которыхъ революція была служба, „position sociale, и которыя сорвались въ эмиграцію, не достигнувъ мѣста; потомъ всякіе фанатики, мономаны всѣхъ мономаній, сумасшедшіе всѣхъ сумасшествій... Притомъ—ни шагу впередъ. Они, какъ придворные версальскіе часы, показываютъ одинъ часъ, часъ, въ который умеръ король... и ихъ, какъ версальскіе часы, забыли перевести со времени Людовика XV. Они показываютъ одно событіе, одну кончину какого-нибудь событія. Объ немъ говорятъ, объ немъ думаютъ, къ нему возвращаются. Встрѣчая тѣхъ же людей, тѣ же группы, мѣсяцевъ черезъ пять-шесть, года черезъ два-три, становится страшно—тѣ же споры продолжаются, тѣ же личности и упреки, только морщинъ, нарѣзанныхъ нищетою, лишеніями—больше; сюртуки, пальто—вытерлись; больше сѣдыхъ волосъ, и все вмѣстѣ старѣе, костлявѣе, сумрачнѣе... а рѣчи все тѣ же и тѣ же" (Сочиненія, т. IX, стр. 200—201).

Герценъ былъ не совсѣмъ справедливъ, хотя зналъ по наблюденіямъ, какъ трудно войти въ чужую жизнь „пригнаннымъ" людямъ, горячо любящимъ родину; какое отчаяніе должна порождать вѣчная

[1]) Главныя русскія періодическія изданія, выходившія въ Лондонѣ за послѣднія 55 лѣтъ: „Полярная Звѣзда", „Колоколъ", „Впередъ", „Летучіе Листки", „Народоволецъ", „Былое", „Наканунѣ", „Хлѣбъ и Воля".

погоня за кускомъ хлѣба и необходимость взяться за чуждую спеціальности работу (нѣмецкіе доктора философіи становились чистильщиками сапогъ, адвокаты — продавали конверты и пр.). Герценъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ „узкость“ эмигрантовъ и то, что они „показывали одинъ и тотъ же часъ“; но великій писатель не хочетъ знать, что эта узкость—своего рода орудіе самозащиты, раковина, въ которую на время уходитъ моллюскъ. Эта узкость, коли хотите—слѣпая приверженность преслѣдуемаго народа къ своей религіи, правда, обветшалой, но являющейся средствомъ объединенія.

Наиболѣе рѣзко отзывается Герценъ о той части лондонской эмиграціи, въ которой господство доктрины особенно проявлялось. „Нѣмецкая эмиграція отличалась отъ другихъ своимъ тяжелымъ, скучнымъ и сварливымъ характеромъ. Въ ней не было энтузіастовъ, какъ въ итальянской; не было ни горячихъ головъ, ни горячихъ языковъ, какъ между французами... Внутри нѣмецкая эмиграція представляла такую же разсыпчатость, какъ и ея родина. Общаго плана у нѣмцевъ не было: единство ихъ поддерживалось взаимной ненавистью и злымъ преслѣдованіемъ другъ друга“ (Сочиненія, т. XI, стр. 51—52).

Люди, выдвигающіе обвиненія противъ эмиграціи, постоянно упускаютъ изъ вида нѣсколько очень простыхъ соображеній. Первые эмигранты, обыкновенно люди очень крупные, съ рѣзко выраженной индивидуальностью, представляютъ полную гармонію, какъ умственно, такъ и морально. Когда движеніе въ странѣ распространяется интенсивно и экстенсивно,—идеи, бывшія раньше достояніемъ только очень немногихъ, широко популяризируются. Движеніе захватываетъ и крупныхъ людей, и очень мелкихъ, и кристально-чистыхъ, и безчестныхъ. Такъ было *всегда*, во всѣ времена. Вспомните только исторію *всѣхъ* религіозныхъ и политическихъ движеній. Многіе могутъ быть героями лишь на одинъ моментъ, когда общество переживаетъ геологическій переворотъ. Надо ли удивляться, что гора „сухихъ листьевъ“, наметенная бурей, не однообразна!

Колонія, сгруппировавшаяся въ Лондонѣ вокругъ „Колокола“, мало-по-малу разбрелась, когда журналъ пересталъ выходить. Журналъ „Впередъ“, перенесенный изъ Цюриха въ Лондонъ въ 1874 г. и выходившій здѣсь до 1877 г., опять привлекъ небольшую колонію, растаявшую съ прекращеніемъ журнала. Лондонъ нѣкоторое время потомъ „пустовалъ“ въ томъ смыслѣ, что сюда буря изъ Россіи заносила только отдѣльные листья, но не цѣлую кучу. Вообще надо сказать, что колоссальная, серьезная и мрачная метрополія, живущая такой интенсивной жизнью, представляетъ мало привлекательнаго для русскихъ. Весь укладъ англійской жизни не подходитъ къ натурѣ русскаго. Это тоже отмѣтилъ еще Герценъ. „Нѣтъ города въ мірѣ, который бы

больше отучалъ отъ людей и больше пріучалъ бы къ одиночеству, какъ Лондонъ. Его образъ жизни, разстоянія, климатъ, самыя массы народонаселенія, въ которыхъ личность пропадаетъ, все это способствовало къ тому, вмѣстѣ съ отсутствіемъ континентальныхъ развлеченій. Кто умѣетъ *жить одинъ*, тому нечего бояться лондонской скуки. Здѣшняя жизнь, точно также какъ здѣшній воздухъ, вредна слабому, хилому, ищущему опоры внѣ себя, ищущему привѣта, участія, внимація; нравственныя легкія должны быть здѣсь такъ же крѣпки, какъ и тѣ, которымъ назначено отдѣлять изъ продымленнаго тумана кислородъ. Масса спасается завоевываніемъ себѣ насущнаго хлѣба, купцы недосугомъ стяжанія, всѣ суетой дѣлъ; но нервныя романтическія натуры, любящія жить на людяхъ, умственно тянуться и праздно млѣть, пропадаютъ здѣсь со скуки, впадаютъ въ отчаяніе".

III.

Съ 1881-го года въ Лондонъ повалила громадная толпа не-политическихъ эмигрантовъ. То были выходцы изъ сѣверо-западнаго и югозападнаго края, спасавшіеся отъ погромовъ или задыхавшіеся въ предѣлахъ „черты". Въ Лондонѣ оставались тѣ, у которыхъ не хватало денегъ, чтобы добраться до Нью-Іорка, Ріо-Жанейро, Буэносъ-Айреса или Капштадта. Волна изъ „черты" съ тѣхъ поръ не спадаетъ. Она идетъ безпрерывно. Въ послѣдніе годы къ евреямъ присоединились латыши, поляки, финны, а въ самое послѣднее время—коренные русскіе. Страданія выходцевъ изъ Россіи въ пути еще ждутъ своего бытописателя. Эмигранты — почти нищіе; но отъ этихъ нищихъ богатѣютъ сотни людей и громадныя компаніи. Транспортъ полунищихъ русскихъ евреевъ за границу является такимъ выгоднымъ дѣломъ, что правительство не разъ дѣлало попытки монополизировать его. „Эмигрантскія конторы" берутъ съ переселенцевъ столько, что на эти деньги они могли бы съ комфортомъ доѣхать до мѣста назначенія, какъ полноправные пассажиры, а не какъ скотъ въ трюмѣ стараго, грязнаго парохода. „Эмигрантскія конторы" и ихъ агенты—это жадныя піявки, присосавшіяся къ несчастнымъ, запуганнымъ нищимъ и отваливающіяся съ величайшей неохотой. Переселенцы прибываютъ обыкновенно въ Лондонъ на корабляхъ изъ Гамбурга или изъ Либавы. „Нѣкоторые пароходы ошвартовываются въ докахъ Св. Екатерины въ Лондонѣ, и переселенцы, главнымъ образомъ русскіе и польскіе евреи, могутъ выйти изъ трюма, въ которомъ провели два дня и двѣ ночи, прямо на лондонскую мостовую,—пишетъ англійскій изслѣдователь.— Многіе эмигранты, въ особенности прибывшіе изъ Россіи, уже раньше

ограблены въ пути почти дочиста. На границѣ ихъ иногда задерживаютъ на два-три дня только для того, чтобы гарпіи, находящіяся въ соглашеніи съ нѣкоторыми чиновниками, могли поклевать переселенцевъ. Бываютъ случаи, когда кассиръ пограничной станціи отказывается продать эмигранту билетъ и направляетъ за нимъ переселенца къ агенту эмигрантской конторы. Является „агентъ“ и отбираетъ за билетъ почти всѣ деньги у переселенца“ („Living London“, т. I, стр. 50). Незнакомый городъ, чужой языкъ, страхъ неизвѣстности въ будущемъ, перенесенныя страданія въ прошломъ—все это запугиваетъ еще больше бѣженцевъ изъ „черты“. Надо прибавить еще, что между ними немало людей, никогда не выѣзжавшихъ изъ маленькихъ, затерянныхъ въ болотахъ мѣстечекъ. Только-что цитированный англійскій авторъ разсказываетъ про еврейку съ тремя дѣтьми, прибывшую въ Лондонъ безъ денегъ, безъ адреса даже. Она допытывалась на берегу, гдѣ живетъ Залманъ, ея двоюродный братъ, „пріѣхавшій въ прошломъ году на пароходѣ съ 172-мя евреями“... „Агенты“ и въ Лондонѣ не забываютъ переселенцевъ. Конторы пользуются всякимъ предлогомъ, чтобы вытянуть у несчастныхъ послѣдніе гроши.

Для эмигрантовъ, прибывшихъ въ Лондонъ, прежде всего возникаетъ вопросъ о заработкѣ, и въ погонѣ за нимъ русскіе евреи попадаютъ въ „берлоги выжимальщиковъ пота“ (sweaters' dens). „На Goulston Street стоитъ группа оборванныхъ, изможденныхъ, молчаливыхъ людей, — говоритъ англійскій изслѣдователь. — Вы съ перваго взгляда узнаете иностранцевъ. Большею частью то русскіе евреи, только-что прибывшіе въ Лондонъ и ищущіе работы. Но вотъ подходитъ человѣкъ съ записной книжкой. Передъ нами — невольничій рынокъ и покупатель невольниковъ: „агентъ“. По книжкѣ онъ выкликаетъ родъ работниковъ, какой необходимъ ему. Въ толпѣ поднимаютъ руки (объясненія идутъ на „yiddish“, какъ называютъ въ Англіи польско-нѣмецкій жаргонъ русскихъ евреевъ). „Агентъ“ записываетъ въ книжку имена завербованныхъ, выбираетъ одного, знающаго дорогу, и поручаетъ ему отвести партію (gang) въ мастерскую. Невольники молча, понуривъ головы, бредутъ на мѣсто, гдѣ будутъ отбывать барщину“ (ib., стр. 53). Русскіе евреи попадаютъ или въ портняжныя, или въ сапожныя „мастерскія“ *выжимальщиковъ пота.*

„Зеленые“ (greeners), т.-е. вновь прибывшіе эмигранты, работаютъ по 16—18 часовъ въ день за плату въ 10—12 шиллинговъ въ недѣлю, которая англичанамъ, привыкшимъ къ мясу, къ квартирѣ въ нѣсколько комнатъ, къ примитивному комфорту, кажется совершенно немыслимой. Выходцамъ изъ мѣстечекъ „черты“ заработокъ въ 20 руб. въ мѣсяцъ кажется „сноснымъ“. Они принесли въ Лондонъ свой „*standard of life* — весьма невысокій уровень жизненныхъ потребностей.

„Русскій „гринеръ“ (т. е. недавно прибывшій эмигрантъ) можетъ питаться почти воздухомъ, — говоритъ англійскій изслѣдователь. — Питается онъ чаемъ и хлѣбомъ, а иногда селедкой... Работаютъ „гринеры“ иногда отъ половины шестого утра до двухъ часовъ утра слѣдующаго дня... Борьба за кусокъ хлѣба иногда невыносима даже для русскаго еврея, — продолжаетъ тотъ же англійскій изслѣдователь. — Недавно повѣсился молодой еврей. Онъ привезъ съ собою изъ Россіи жену въ надеждѣ, что въ Лондонѣ достанетъ хорошую работу. Чтобы выработать 1 ф. ст. въ недѣлю, ему пришлось бы шить сапоги двадцать два часа въ сутки. У коронера выяснилось, что несчастный пробовалъ нѣкоторое время дѣлать это—и сошелъ съ ума. Въ припадкѣ отчаянія гринеръ удавился“.

Послѣ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ пребыванія въ Англіи, ознакомившись нѣсколько съ языкомъ и съ существующими условіями, „гринеръ“ начинаетъ „приходить въ себя“. Онъ тогда понимаетъ, что, сбивая до крайности заработную плату, не только возстановляетъ противъ себя туземныхъ работниковъ, но и готовитъ себѣ голодную смерть. Начинается послѣдовательное превращеніе запуганнаго, забитаго обывателя литовскаго мѣстечка въ сознательнаго европейскаго рабочаго, знающаго свои права. Всѣ многочисленные выходцы изъ Россіи селились въ одномъ кварталѣ. Выбрали они самый бѣдный, и потому тогда самый дешевый: Уайтчепель. Какъ извѣстно, то былъ также самый дикій и безпутный кварталъ. Были тамъ цѣлыя улицы (Флоръ-эндъ-Динъ-стритъ, напр.), гдѣ всѣ квартиры снимались проститутками и ворами. Слава улицы была такова, что англійскіе рабочіе не селились тамъ, даже если тамъ пустовали многія квартиры. Выходцы изъ Россіи, ища возможно болѣе дешевыхъ квартиръ, селились гдѣ только могли. Хлынули они, между прочимъ, съ женами и дѣтьми въ предосудительную улицу. Старому населенію стало неудобно жить рядомъ съ семейными людьми, и оно потянулось въ другія мѣста. Въ десять лѣтъ Флоръ-эндъ-Динъ-стритъ совершенно преобразовалось. Теперь это—одна изъ самыхъ спокойныхъ (въ смыслѣ общественной безопасности) улицъ въ Лондонѣ. Радикально измѣнился также весь Уайтчепель. Отъ дикаго квартала временъ Джэка-потрошителя остались только преданія. Когда подготовлялся законъ, препятствующій неимущимъ иностранцамъ въѣздъ въ Англію (Aliens-bill), въ парламентѣ нѣсколько разъ указывалось, что мѣра эта направлена не противъ евреевъ, и въ особенности не противъ спасающихся отъ религіозныхъ преслѣдованій. Специальная королевская коммиссія, собравшая матеріалы для Aliens bill, указала въ своемъ отчетѣ, что въ лицѣ выходцевъ изъ Россіи Англія пріобрѣла трудолюбивыхъ, трезвыхъ, бережливыхъ и законопослушныхъ гражданъ. Евреи охотно

посылаютъ своихъ дѣтей въ школу, тогда какъ туземное населеніе бѣдныхъ кварталовъ, въ особенности ирландцы, старается по возможности обойти существующій законъ объ обязательномъ обученіи. Дѣти русскихъ эмигрантовъ, въ общемъ, отлично учатся. Поколѣніе, родившееся въ Англіи, совершенно энглизируется. Ни по языку, ни по физическому развитію, ни по энергіи и силѣ воли нельзя уже узнать дѣтей тщедушныхъ, забитыхъ и запуганныхъ выходцевъ изъ Россіи. Поколѣніе, уѣхавшее изъ Россіи даже въ раннемъ возрастѣ, не забываетъ языка своей старой родины. Лекція на русскомъ языкѣ или русскій спектакль, устроенный въ Уайтчепелѣ, привлекаютъ всегда многочисленную публику. Русская безплатная библіотека, существующая въ Уайтчепелѣ, усердно посѣщается. „Библіотека"—это громкое слово. Тысячи двѣ книгъ находились сперва въ отдѣльномъ помѣщеніи, которое всегда бывало набито биткомъ. Потомъ, когда не стало средствъ платить за отдѣльное помѣщеніе, библіотекарь перенесъ книги къ себѣ на квартиру, т.-е. въ тѣсную, душную комнату на Commercial Road. Книги стоятъ на самодѣльныхъ полкахъ, лежатъ кучами на столѣ и стульяхъ, сложены штабелемъ на полу. Газеты, за отсутствіемъ стола, лежатъ на постели библіотекаря. Надо только удивляться любви его къ дѣлу, преданности и энергіи. У другого двадцать разъ опустились бы руки...

Въ послѣднее время среди русскихъ эмигрантовъ (не-политическихъ), появились представители коренного русскаго населенія. Какой-то мощный плугъ тамъ на родинѣ глубоко вспахалъ новь. Потянулись за границу крестьяне изъ Смоленской, Саратовской, Курской губерній! Какіе только типы не попадаютъ въ Лондонъ! Вотъ молодой деревенскій парень изъ Самарской губерніи. Онъ попалъ на заработки сперва на Уралъ, а оттуда подался во Владивостокъ. Черезъ годъ онъ очутился въ Іокогамѣ. Тамъ опредѣлился кочегаромъ на русскій пароходъ, но въ Портъ-Саидѣ сбѣжалъ, не желая возвращаться въ Россію. Изъ Египта на англійскомъ пароходѣ опять-таки кочегаромъ онъ прибылъ въ Лондонъ, гдѣ быстро досталъ работу, какъ хорошій плотникъ. Замѣтьте: все это безъ знанія не только англійскаго языка, но и русской грамоты. И вотъ парень получаетъ въ Лондонѣ отъ своего деревенскаго пріятеля, съ которымъ вмѣстѣ они добрались до Іокогамы, письмо изъ Квинслэнда (въ Австраліи). Пріятель взялъ землю, раздаваемую тамъ даромъ, и зоветъ парня къ себѣ. И теперь молодой крестьянинъ опредѣляется снова кочегаромъ, чтобы плыть въ Австралію.

IV.

Возвращаюсь къ политической эмиграціи. Въ восьмидесятыхъ годахъ лондонская колонія была особенно малочисленна. Она состояла изъ двухъ-трехъ старыхъ эмигрантовъ, имена которыхъ пользуются широкой извѣстностью не только въ Россіи, но и въ западной Европѣ (напр. П. А. Кропоткинъ). Эмигранты эти имѣли многочисленныхъ друзей среди англичанъ. Притокъ новыхъ эмигрантовъ въ Лондонъ совершенно прекратился. Повидимому въ Россіи замерла совершенно всякая общественная жизнь. „Двадцать четвертаго декабря 1893 г. вышелъ первый „Летучій Листокъ Фонда вольной русской прессы въ Лондонѣ",—читаемъ мы въ статьѣ „Pro domo sua", помѣщенной въ № 27 „Летучихъ Листковъ". Мы не задавались ни сроками, ни объемомъ, ни рубриками, мы не собирались никого поучать. Наше честолюбіе не шло далѣе крика: „кто есть въ полѣ живъ-человѣкъ, откликнись!" и стремленія подѣлиться съ „живъ-человѣкомъ" тѣми доходящими до насъ отрывочными свѣдѣніями, не могущими найти себѣ мѣста въ легальной прессѣ, которыя могутъ быть ему небезполезны". И, дѣйствительно, въ „Листкахъ" помѣщенъ рядъ очень интересныхъ документовъ, напр. „Проектъ русской конституціи", № 11; адреса земствъ въ 1895 г., №№ 15, 16; журналъ засѣданія особаго совѣщанія для выслушанія объясненій бывшаго министра путей сообщенія А. К. Кривошеина, № 26; письмо М. Н. Каткова къ императору Александру II по поводу университетской реформы, № 37. Всѣ эти документы имѣютъ крупное общественное значеніе и, конечно, не могли попасть въ легальную печать того времени. Въ „Листки" попадали также документы и другого рода. Покойный жандармскій генералъ Новицкій убѣдилъ бывшаго политическаго ссыльнаго Трушковскаго поступить на службу въ охранное отдѣленіе. Трушковскій былъ отправленъ за границу съ письменными инструкціями Новицкаго: 1) открыть связи между политическими организаціями австрійской Галиціи и русской Украины, Польши и Литвы; 2) выяснить, какъ доставляется литература черезъ границу; 3) создать политическое дѣло изъ общества „Соколовъ" и 4) заманить подъ какимъ-нибудь предлогомъ въ Россію двадцать пять человѣкъ русскихъ эмигрантовъ (большая часть лицъ, указанныхъ въ этомъ спискѣ, возвратились въ 1905 г., послѣ амнистіи, и благополучно живутъ теперь въ Россіи). Любопытно, что ген. Новицкій спеціально интересовался обществомъ „Соколовъ", которое теперь въ милости даже у нашихъ націоналистовъ. „Несомнѣнно вы знаете— писалъ ген. Новицкій своему агенту — о нашемъ польскомъ кружкѣ

и сообществѣ „Соколъ“, преслѣдующемъ національно-политическія цѣли, и о томъ развѣтвленіи, какое оно получило у насъ на большіе города — Одессу, Кіевъ и др.; вотъ одесскіе-то, кіевскіе-то Соколы меня интересуютъ, а также и другихъ городовъ; фотографическая группа, изображающая весь составъ комитета „Одесскихъ Соколовъ“, была отправлена лѣтомъ сего года въ Львовъ на польскую выставку и при содѣйствіи секретаря общества „Львовскій Соколъ“, д-ра Фишера, поставлена на выставкѣ въ особой витринѣ, вмѣстѣ съ группами другихъ заграничныхъ и русскихъ „Польскихъ Соколовъ“, а потому прошу васъ сообщить мнѣ свѣдѣнія по вышеупомянутому и о кіевскихъ Соколахъ“. Трушковскій пріѣхалъ въ Лондонъ и передалъ всѣ бумаги, врученныя ему ген. Новицкимъ, „Летучимъ Листкамъ“ для опубликованія. Самъ онъ выпустилъ въ Лондонѣ же, въ 1895-мъ году, брошюру на польскомъ языкѣ: „Въ рукахъ жандармовъ“.

„Летучіе Листки“ прекратились въ 1899-мъ году, когда снова началось оживленіе въ Россіи. Это выразилось въ томъ, что начали прибывать въ Лондонъ новые эмигранты. И съ каждымъ годомъ притокъ ихъ возрасталъ. Теперь эмигрантская колонія не представляла уже болѣе или менѣе однородную группу людей. Програмные вопросы и та партійная нетерпимость, на которую способны только русскіе, расколола лондонскую эмиграцію на отдѣльныя группы. А куча „оторванныхъ листьевъ“ все расла между тѣмъ. Такъ продолжалось до 17-го октября 1905 г. На другой день, когда англійскія газеты помѣстили манифестъ, я получилъ такую телеграмму отъ П. А. Кропоткина: „Félicite avec première victoire du peuple russe. Les autres suivront“. Казалось, Россія обновилась совершенно. Эмигранты собрались въ отлетъ. Раньше всѣхъ уѣхали въ Россію толстовцы, поселившіеся близъ Бормоузса.

— Вы тоже возвращаетесь въ Россію?—спросилъ я у одного изъ самыхъ старыхъ лондонскихъ эмигрантовъ, покинувшаго родину еще въ 1873-мъ году.

— А-а!—скептически протянулъ старикъ и помоталъ головой.— Пусть другіе раньше ѣдутъ! Самое лучшее имъ не открывать чемодановъ, когда пріѣдутъ: придется, быть можетъ, скоро опять укладываться.

И старикъ былъ правъ. Скоро изъ Россіи началась опять тяга эмигрантовъ въ Лондонъ, и въ такомъ числѣ, какъ никогда раньше. Буря, пролетѣвшая надъ Россіей, умчала въ эмиграцію и революціонеровъ, и людей, никогда не участвовавшихъ ни въ какихъ тайныхъ организаціяхъ. Она унесла молодыхъ людей и стариковъ, рабочихъ и лицъ съ очень крупнымъ общественнымъ положеніемъ. Въ изгнаніи очутились инженеры, адвокаты, офицеры, учителя, рабочіе, врачи, матросы. Куча

„оторванныхъ листьевъ“ растетъ. Скоро ли она развѣется? Утихнетъ ли, наконецъ, тотъ вѣтеръ, который безпрерывно гонитъ изъ Россіи людей, желающихъ и готовыхъ отдать ей свои силы и дарованія? Скоро ли прекратится дѣйствіе „полицейскаго подбора“?

Діонео.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

Г. Сѣверцовъ-Полиловъ выпустилъ книжку разсказовъ подъ громкимъ заглавіемъ: „Проснулась женщина“ и съ не менѣе громкимъ посвященіемъ: „Русскимъ женщинамъ“. Авторъ поставилъ себѣ задачею воспламенить сердца нашихъ соотечественницъ картиною того политическаго значенія, которое пріобрѣла женщина въ Финляндіи, благодаря избирательному закону 1905-го года. Своимъ политическимъ полноправіемъ финляндка, по наблюденіямъ г. Сѣверцова-Полилова, воспользовалась для того, чтобы дать на выборахъ въ сеймъ побѣду демократическимъ партіямъ — главнымъ образомъ старофинской и, отчасти, соціалъ-демократической; впрочемъ, послѣдней партіи нашъ авторъ не сочувствуетъ, изображая ея адептовъ людьми грубыми, узкими, часто склонными къ насиліямъ разбойническаго характера. Главную цѣнность „пробужденія“ финляндской женщины г. Сѣверцовъ-Полиловъ усматриваетъ въ предпринятой ею энергичной борьбѣ противъ пьянства и проституціи. Въ эту сторону, повидимому, желаетъ авторъ направить энергію и русскихъ женщинъ. Для того, однако, чтобы возбудить въ читателяхъ энтузіазмъ, необходимо, чтобы самъ авторъ не только былъ воспламененъ этимъ энтузіазмомъ, но умѣлъ бы выливать его въ словесной формѣ. Между тѣмъ литературная манера г. Сѣверцова-Полилова совершенно лишена всякой значительности — и публицистической, и психологической, и художественной.

Прежде всего, г. Сѣверцовъ-Полиловъ плохо владѣетъ русскимъ языкомъ. Книга его пестритъ элементарнѣйшими ошибками. Вотъ нѣсколько образчиковъ: „Лайне укладывала спать *уставшихъ дальнею дорогою* дѣтей; изъ экономіи медлили *засвѣчать* лампу“. Тремя строками ниже читаемъ: „мы и *замѣчать о скукѣ* перестали“. На слѣдующей страницѣ авторъ упорно путаетъ термины „будущее“ и „будущность“, систематически подставляя второй вмѣсто перваго въ фразахъ: „это покажетъ будущность“, или: „покажетъ недалекая будущность“. Ненависть между братьями именуется „братскою нена-

вистью"; вмѣсто „такта" или „тактичности" подставляется „тактика" (право голоса дано женщинамъ „за выказанную энергію и тактику"). Нѣсколько выше хозяйскій родственникъ оказался *хозяйственнымъ* родственникомъ; и тутъ же рядомъ невозможная глагольная форма: „женщина *проникнулась* сознаніемъ"... Я не говорю уже о такихъ вопіющихъ тавтологіяхъ, какъ „мечтать о мечтѣ", „старый замокъ, остатокъ старины", и т. п. Въ общемъ, получается такое впечатлѣніе, какъ будто пишетъ человѣкъ, который долго жилъ въ чужихъ краяхъ и началъ уже забывать свою родную рѣчь. Но въ такомъ случаѣ г. Сѣверцову-Полилову слѣдовало подучиться русскому языку, прежде чѣмъ браться за перо, и не умножать собою ряды тѣхъ писателей, которые за послѣднее время съ такимъ развязнымъ легкомысліемъ калѣчатъ нашъ языкъ и наводняютъ нашу печать вопіющей безграмотностью.

Художественность совершенно чужда стилю г. Полилова. Въ цѣлой книжкѣ вы не встрѣтите ни одного яркаго образа, пейзажа, портрета. Финляндская couleur locale сводится къ финскимъ именамъ дѣйствующихъ лицъ, къ географическимъ названіямъ и другимъ внѣшнимъ признакамъ, а изъ бытовыхъ деталей нашъ авторъ почему-то облюбовалъ кресла-качалки, о которыхъ упоминаетъ чуть не въ каждомъ разсказѣ, иногда въ такой неуклюжей формѣ: „докторъ сидѣлъ въ традиціонной въ Финляндіи креслѣ-качалкѣ". Вообще, беллетристическая форма у г. Сѣверцова-Полилова не возвышается надъ достиженіями газетнаго репортера или корреспондента, желающаго „оживить" свое изложеніе „разговорными" вставками. Вотъ примѣръ такого „оживляющаго" діалога:

„— Знаешь, что, Павелъ, — мнѣ пришла въ голову мысль: чѣмъ намъ томиться два часа (,) пойдемъ пѣшкомъ, здѣсь недалеко, всего семь километровъ. Идти не жарко, къ тому же мы увидимъ чудную картину восхода солнца.

— Превосходная мысль, но какъ же мы сдѣлаемся съ нашимъ багажемъ?

— Его отправятъ безъ насъ по желѣзной дорогѣ.

— Ты все предусмотришь, моя милая женушка,—цѣлуя ее, проговорилъ художникъ".

Съ такой вялой банальностью вы встрѣтитесь у г. Сѣверцова-Полилова на каждомъ шагу. Печать ея неизмѣнно лежитъ даже на тѣхъ сценахъ, которыя, по замыслу автора, должны быть особенно поэтичными, сильными, даже потрясающими.

Вотъ какимъ оружіемъ герой одного изъ разсказовъ покоряетъ и очаровываетъ сердце прекрасной и мужественной героини, представительницы „проснувшейся" энергичной женственности:

„— Посмотрите, фрекенъ, на это чудное спящее море, на всю эту обстановку блѣдной сѣверной ночи, она просится прямо на картину! Какая прелесть!

— Вы такъ увлекательно говорите, что можно подумать, что вы художникъ,—вышла изъ молчанія дѣвушка.

— Вы не ошиблись, я, дѣйствительно, художникъ...“

Столь же нетребовательными оказываются финляндцы, въ передачѣ г. Сѣверцова-Полилова, и къ ораторамъ на политическихъ митингахъ. Вотъ начало одной изъ митинговыхъ рѣчей, которое „поражаетъ“ аудиторію своею „оригинальностью“:

„— Рѣже и безнадежнѣе раздаются отдѣльные голоса въ защиту дѣйствующаго закона о спиртныхъ напиткахъ, но (?) работа по введенію трезвости твердо движется впередъ своею колеею и съ каждымъ днемъ отвоевываетъ себѣ больше и больше симпатій среди народной массы...“

Эти шаблонныя фразы должны изображать „крикъ души, страдающей за обездоленныхъ, за погибающихъ изъ-за алкоголя, вылившійся порывъ негодованія на людей, завѣдомо вредящихъ нравственности, благосостоянію и здоровью народа“, должны пробудить въ душахъ слушателей „идею сознанія, что“ (тоже недурной оборотецъ) водка—пагубна!..

Не менѣе краснорѣчиво выражаютъ финляндскіе энтузіасты у г. Сѣверцова-Полилова свою вѣру въ блестящую будущность новаго строя: „Мы теперь приступимъ къ новому началу, къ новому созиданію, и пока оно приметъ твердые свои устои, ошибки будутъ, безъ ошибокъ ничто новое не создается. Ко всякому нововведенію относятся съ недовѣріемъ, но разъ цѣлесообразность его будетъ понятна (?), успѣхъ будетъ полный“...

Полагаю, что и этихъ выписокъ достаточно, чтобы оцѣнить публицистическую мощь и убѣдительность книги г. Сѣверцова-Полилова.

Еще бо̀льшія недоумѣнія вызываетъ тотъ психическій строй, которымъ авторъ надѣляетъ своихъ героевъ и особенно героинь, „пробудившихся“ къ новой жизни. Одна изъ нихъ, Сарри Халоненъ, молодая и красивая студентка, руководя дѣйствіями союза „Нравственная чистота“, весьма успѣшно ведетъ борьбу съ проституціей. Это, однако, не мѣшаетъ тому, что ближайшая пріятельница и даже сожительница Сарри, Мимми, сбѣгаетъ отъ своей героической подруги и начинаетъ торговать своимъ тѣломъ. Тѣмъ временемъ Сарри влюбляется въ того самаго русскаго художника, который „такъ увлекательно говоритъ“ о „спящемъ морѣ“ и „блѣдной ночи“, и вступаетъ съ нимъ въ гражданскій бракъ. Старому отцу Сарри это не нравится: „намъ, старымъ людямъ, почему-то кажется, что бракъ, совершенный безъ Божьяго

благословенія, не будетъ счастливый". Художникъ побѣждаетъ предразсудокъ стараго Укко весьма простымъ соображеніемъ: „намъ въ такомъ случаѣ придется вѣнчаться въ двухъ церквахъ, въ лютеранской и православной, такъ какъ я принадлежу къ этой (?) религіи". Однако опасенія стараго Укко оказываются пророческими. Сарри съ мужемъ ѣдутъ на Иматру и тамъ, за табльдотомъ встрѣчаются съ падшей Мимми. Сарри шокирована этой встрѣчей, притворяется, что у нея заболѣла голова, и скрывается въ свой номеръ. Мимми оскорблена презрѣніемъ бывшей своей подруги. „Чтобы доказать Мимми противное", художникъ ѣдетъ съ нею на Валенкоски. Сарри, видя изъ окна ихъ отъѣздъ, „вся блѣднѣетъ отъ нахлынувшей на нее ревности", а когда наступаетъ обѣдъ и художникъ съ Мимми не возвращаются съ Валенкоски, Сарри впадаетъ въ послѣднее отчаяніе и бросается съ моста въ водопадъ. Въ эту самую минуту ея мужъ подходитъ къ отелю вмѣстѣ со своей спутницей. Въ ихъ опозданіи не было ничего криминальнаго: просто у нихъ сломалась телѣжка и пришлось идти пѣшкомъ...

Разсказъ вызываетъ полное недоумѣніе. Фабула — нарочито сочиненная, использована она съ полною техническою неумѣлостью, характерность эпизода для финляндскихъ нравовъ болѣе чѣмъ сомнительна, идея разсказа совершенно невразумительна. Но хуже всего— наивная мѣшанина тѣхъ психологическихъ элементовъ, изъ которыхъ авторъ пробуетъ склеить фигуру своей героини. Хороша эта поборница общественной нравственности, которая не умѣетъ и даже не пробуетъ удержать отъ гибели свою подругу, а затѣмъ не то съ презрѣніемъ, не то трусливо прячется отъ нея, не подозрѣвая даже, очевидно, что сама несетъ извѣстную долю нравственной отвѣтственности за ту слѣпоту и душевную лѣность, съ какими прошла мимо товарки въ критическій моментъ ея жизни. Неужели такое „пробужденіе" женщины удовлетворяетъ г. Сѣверцова-Полилова, и такой образецъ для подражанія рекомендуетъ онъ „русскимъ женщинамъ"? Неужели не знаетъ онъ, что наши лучшіе люди давно уже взглянули на этотъ вопросъ гораздо глубже, человѣчнѣе и проникновеннѣе? А затѣмъ, окончательная развязка разсказа совсѣмъ ужъ не свидѣтельствуетъ о серьезности „пробужденія" Сарри Халоненъ. Скоропалительно прикончить съ собою по столь ничтожному поводу, даже и „не пробудившаяся", а самая обыкновенная женщина могла бы развѣ только на невропатологической почвѣ. Что-нибудь подобное могло бы, пожалуй, еще случиться съ присяжной истеричкой, но ужъ никакъ не съ нормальной, бодрой, уравновѣшенной женщиной, какою авторъ хочетъ изобразить Сарри. Вѣдь замѣтьте, что художникъ, повидимому, не догадывается о ремеслѣ Мимми, а видитъ

въ ней просто знакомую своей жены, обиженную страннымъ поведеніемъ Сарри. Но еслибы даже Сарри и въ самомъ дѣлѣ убѣдилась въ ничтожности и легкомысліи любимаго человѣка, еслибы ея супружеская жизнь оказалась разбитой, то всетаки ея низверженіе въ Иматру осталось бы полною неожиданностью для читателя. Евгеній Базаровъ презиралъ мужчинъ, которые ставили всю свою жизнь на карту женской любви и „раскисали“, когда карта эта оказывалась битой. Мы можемъ быть не такъ жестоки, какъ тургеневскій нигилистъ. Мы можемъ отъ души пожалѣть Павла Петровича Кирсанова и увидѣть въ тембрѣ и характерѣ его привязанности нѣчто глубоко человѣчное и этически цѣнное. Но во всякомъ случаѣ дядюшка Кирсановъ не покажется намъ образцомъ настоящей силы и жизнеспособности. Онъ всетаки является жертвою воспитавшей его атмосферы, не давшей ему знакомства ни съ какими иными истинными цѣнностями, кромѣ индивидуальныхъ привязанностей. А ужъ при той постановкѣ вопроса, какую даетъ г. Сѣверцовъ-Полиловъ, поведеніе его героини несомнѣнно и въ высокой степени компрометтируетъ и ее, и ту идею, носительницей которой она является. Передъ молодой женщиной развертывается огромная общественная задача; Сарри проникнута горячей вѣрой въ ея значительность, испытала уже радость нѣсколькихъ побѣдъ, имѣетъ несомнѣнные шансы на дальнѣйшіе успѣхи—и вдругъ забываетъ обо всемъ этомъ изъ-за маленькаго и вздорнаго семейнаго огорченія! Не хотѣлъ же г. Сѣверцовъ-Полиловъ сказать, что „проснувшаяся“ женщина, полноправная гражданка, общественная дѣятельница, является рабыней банальнѣйшихъ инстинктовъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ всякая иная представительница ея пола...

Не думаю, чтобы передовыя представительницы Финляндіи, буде до нихъ дойдутъ писанія г. Сѣверцова-Полилова, поблагодарили его за истолкованіе ихъ психологіи. Не думаю также, чтобы и русскія женщины извлекли что-нибудь для себя поучительное изъ посвященной имъ книжки.

Не столь претенціозно ставитъ свою задачу и не столь неуклюже выполняетъ ее Борисъ Лазаревскій въ сборникѣ „Дѣвушки“, посвященномъ тоже изученію женской психологіи, но уже нашей, россійской.

„И мама, и тети были убѣждены, — жалуется одна изъ героинь Бориса Лазаревскаго, семнадцатилѣтняя гимназистка, — что я живу точно такою же жизнью, какою жили и онѣ въ мои годы, забывая, что съ тѣхъ поръ прошло четверть вѣка, и люди очень измѣнились“. Эту-то, очевидно, перемѣну, происшедшую въ душѣ русской дѣвушки

за послѣднія двадцать пять лѣтъ, и желаетъ уловить и уяснить намъ авторъ.

Свое заданіе Лазаревскій выполняетъ по формѣ вполнѣ благообразно. Кто-то изъ критиковъ модернистскаго лагеря сопричислилъ этого писателя къ лику подражателей Чехова. Наблюденіе не лишенное мѣткости, такъ какъ въ манерѣ Лазаревскаго дѣйствительно есть нѣчто родственное съ манерой разсказовъ Чехова средняго періода. Небольшія сценки, написанныя отчетливо, реалистически, какъ будто съ натуры; отсутствіе всякой вычурности въ стилѣ; обстановка повседневнаго быта; обыкновенные люди, значительно развинченные, грустно недоумѣвающіе передъ жизнью, пассивные. Пишетъ Лазаревскій вполнѣ прилично, гладко, его стиль не шокируетъ, его разсказы читаются легко, но безъ малѣйшей тѣни того глубокаго волненія, которое въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ вызывало творчество А. П. Чехова въ насъ, его младшихъ современникахъ. Чеховъ создавалъ новый стиль, за которымъ стоялъ новый способъ смотрѣть на міръ, на людей и внутрь себя самого. Этотъ оригинально, зорко и безтрепетно взиравшій глазъ художника вскрывалъ въ людской психикѣ новые пласты и настроенія, новую правду, грустную, но плодотворную. Чеховъ развѣнчивалъ мнимое богатство нами же затрепанныхъ и обезсиленныхъ словъ, ставилъ насъ лицомъ къ лицу съ нищетою дѣйствительности, разрушалъ всякія ширмы, за которыя люди часто прятались безсознательно, училъ насъ смотрѣть на самихъ себя и на жизнь такими же правдивыми, неподкупными глазами, какими смотрѣлъ онъ самъ, и выискивать новую, уже не мнимую, а реальную силу для преображенія и насъ самихъ, и всей жизни. Ничего подобнаго у Бориса Лазаревскаго нѣтъ. Новаго стиля онъ не создаетъ, новыхъ вопросовъ не ставитъ. За недурной, хотя и неоригинальной техникой у него скрывается незначительное содержаніе.

Какъ я уже отмѣтилъ, Борисъ Лазаревскій задался цѣлью разобраться въ новыхъ наслоеніяхъ, которыя отложились въ душѣ русской дѣвушки за послѣднюю четверть вѣка. Несомнѣнно, что такія наслоенія существуютъ, и даже весьма значительныя и любопытныя. Именно въ это время наша женская молодежь получила гораздо бо́льшую, чѣмъ прежде, бытовую свободу, цѣлыми массами пріобщилась къ высшему образованію и самостоятельной трудовой жизни, прошла черезъ студенческіе кружки и бурю политическаго подъема, черезъ теоретическую и практическую переоцѣнку цѣнностей въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ. Дать отчетъ въ результатахъ этой напряженной эпохи—задача весьма почтенная, но и непомѣрно трудная. Борису Лазаревскому она оказалась совсѣмъ не по плечу. Его

наблюдательность скользнула по одному только уголку женской психики, да и тамъ проникла неглубоко.

Та самая гимназистка, которой „не понимаютъ“ ни тети, ни мама, и которая должна воплощать перемѣну, происшедшую за послѣднюю четверть вѣка, видитъ свое отличіе отъ старшаго поколѣнія въ томъ, что она „на восемнадцатомъ году своей жизни“ влюбилась „серьезно и мучительно“ въ своего учителя словесности. Серьезность и мучительность любви, конечно, не можетъ разсматриваться какъ пріобрѣтеніе послѣднихъ десятилѣтій. Тембръ чувства — дѣло индивидуальнаго темперамента, и у самого Бориса Лазаревскаго немало героинь, весьма неустойчивыхъ въ своихъ привязанностяхъ и тѣмъ не менѣе „современныхъ“. Вѣдомо автору, конечно, и то, что дѣвицамъ по восемнадцатому году и даже моложе, притомъ „физически такъ же развитымъ, какъ и двадцатилѣтнія“, свойственно было влюбляться не только „четверть вѣка назадъ“, но и въ болѣе отдаленныя эпохи. Наконецъ, учитель словесности, какъ объектъ увлеченій для ученицъ, — это явленіе столь же древнее, какъ и женская школа. Красавица Наташа, значитъ, ошибается, и новизна, если только она есть, заключается не въ тѣхъ обстоятельствахъ, на которыя указываетъ Наташа, а въ чемъ-то другомъ. Въ чемъ же?

У Наташи „темные, синіе, глубокіе глаза и черныя брови“, хотя она блондинка. На видъ она очень серьезна и чувствуетъ себя „и тѣломъ и душой старше многихъ восьмиклассницъ“, и тѣмъ не менѣе она „навѣрно больше другихъ „несерьезныхъ“ ученицъ думала о своей красотѣ, о мужчинахъ; и не сомнѣвалась, что для женщины счастье на землѣ возможно только въ любви“, при чемъ была убѣждена, что „каждая женщина любитъ только разъ и одного“. Пока, какъ видите, все очень обыкновенно и напоминаетъ не столько современность, сколько доброе старое время, приближается къ романтическимъ грезамъ питомицъ закрытыхъ институтовъ. Недалеко отъ институтскихъ дортуаровъ уводитъ насъ и завѣтная мечта Наташи: „Мнѣ хотѣлось, чтобы мною заинтересовался такой человѣкъ, котораго знаетъ и любитъ, если не вся Россія, то по крайней мѣрѣ весь городъ. И чтобы безъ меня для него не было жизни, совсѣмъ не было!..“ Нѣсколько ближе къ современности, но все же не ближе, чѣмъ тоскливые монологи Чеховскихъ героевъ, стоитъ пессимистическій взглядъ Наташи на свое будущее: „Я знаю, что впереди моя жизнь будетъ такая же, какъ и сотенъ моихъ подругъ. Замужество... Сначала могутъ быть и радости, а потомъ рабство и ничего свободнаго, ничего свѣтлаго... Рано или поздно меня навѣрно будетъ цѣловать и ласкать какой-нибудь пошлякъ, и я сама даже буду увѣрена, что это счастье, и только потомъ увижу, что цѣна этому счастью двѣ копейки“. Разу-

мѣется, въ такихъ разсужденіяхъ сказывается не столько „знаніе жизни", которое приписываетъ Наташѣ наивная начальница гимназіи, сколько знакомство съ нѣкоторыми литературными произведеніями недавняго прошлаго. Столь же мало оригинальнаго и въ томъ обстоятельствѣ, что Наташа не хочетъ примириться съ судьбою Чеховской героини и, пока молода и свободна, стремится урвать у жизни хоть немного того, что представляется ей настоящимъ и большимъ счастьемъ: „Господи, сдѣлай такъ, чтобы я увидѣла, что дорога ему... Я люблю его, и за счастье быть съ нимъ накажи меня потомъ какимъ хочешь несчастьемъ. Я знаю, что молитва моя не оскорбитъ Тебя, потому что Ты все понимаешь и Самъ есть любовь. Господи, помоги мнѣ бѣдной!.." Это сказано хорошо и трогательно, но характерно для современности не болѣе, чѣмъ всѣ хорошія и вѣчныя вещи, въ родѣ искренности чувства, нѣжности и т. п.

Характернѣе, пожалуй, то, что молоденькая, въ профессорской семьѣ выросшая Наташа очень хорошо знаетъ, что значитъ „быть съ нимъ". „Я не спѣша раздѣлась, подошла къ зеркалу въ одной сорочкѣ, отстегнула на плечѣ пуговку и спустила ее. Я не могла рѣшить, дѣйствительно ли я красива, но видѣла, что сложена не хуже тѣхъ красавицъ, которыхъ у Миши въ альбомахъ были цѣлыя серіи. Я повернулась бокомъ, еще разъ посмотрѣла на свое освѣщенное солнцемъ тѣло и подумала: „Еслибы для Равенскаго было счастьемъ взять это тѣло, то я отдала бы его все, и это было бы моимъ счастьемъ"... Такая ранняя освѣдомленность относительно интимной жизни тѣла, такая сознательная, спокойная, безпрепятственная, даже радостная готовность отдаться мужчинѣ—это, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, нѣчто новое въ психологіи русской дѣвушки, не похожее ни на горячечную страсть Наташи Ростовой къ Анатолю Курагину, ни на ущемленныя „паденія" Чеховскихъ героинь.

Въ этомъ отношеніи Наташа не одинока у Бориса Лазаревскаго. Буквально тотъ же жестъ съ отстегиваніемъ пуговки воспроизводитъ у него другая гимназистка, Лиза, только уже не передъ зеркаломъ, а передъ любимымъ человѣкомъ. „Помню, какъ мнѣ, самой стыдливой и самой застѣнчивой въ классѣ, не было стыдно, когда рука Виктора прикоснулась къ моей обнаженной груди. Я сама разстегнула на плечѣ пуговку сорочки. Я гордилась тѣмъ, что онъ мною любуется. И тогда я поняла, что если любишь, то ничего не стыдно... Я сама говорила ему: „Милый, я твоя"... Викторъ цѣловалъ все мое тѣло и горѣлъ"... Но разрѣшеніемъ Лизы Викторъ все же не воспользовался:

„— Пока я не зарабатываю денегъ, я не смѣю быть отцомъ..."

Оно, конечно, вѣрно, что „если любишь, то ничего не стыдно". И благоразуміе Виктора почтенно. И всетаки отъ подобныхъ сценъ

вѣетъ чѣмъ-то нечистымъ, извращеннымъ, чувствуется какой-то блудъ глаза, растлѣвающій душу еще болѣе, быть можетъ, чѣмъ блудъ физическій. И если Викторъ не хочетъ быть отцомъ, то зачѣмъ это хожденіе по острію ножа? Подъ этимъ угломъ зрѣнія пріобрѣтаетъ значеніе и еще одна деталь, стилистическая, но весьма показательная. Морякъ подсматриваетъ черезъ окно каюты: „Лиза сидѣла въ одной рубашкѣ и нижней юбкѣ... красота ея чудесныхъ плечъ... я увидѣлъ ее полуобнаженной“ (разсказъ „Лиза“). Студентъ подсматриваетъ въ щелку двери: „Я увидѣлъ раздѣвавшуюся передъ зеркальнымъ шкафомъ Наташу. Ея голыя руки и плечи были слишкомъ красныя“ („Молодость“). Гимназистъ подсматриваетъ въ окошко: „Нина стояла въ нижней шелковой юбкѣ и причесывалась передъ зеркальнымъ шкафомъ... Обняла его за шею прекрасными обнаженными руками“ („Ниночка“). Чиновникъ въ поѣздѣ видитъ черезъ плохо притворенную дверь купэ „обнаженную до плеча руку“ („Сирэнъ“) и т. д. Развѣ не чувствуется въ этомъ постоянномъ, назойливомъ возвращеніи къ мотиву полураздѣтой женщины и обнаженнаго плеча чего-то близкаго къ Сологубовскому трепетанію передъ „обнаженными стопами“, которыми онъ упорно заставляетъ щеголять чуть не всѣхъ своихъ героинь? Или другой примѣръ. „Я, когда шла гулять, нарочно застегивала кофточку такъ, чтобы при дыханіи было видно кружево сорочки и кусочекъ тѣла“, — признается одна изъ героинь Бориса Лазаревскаго. И я могъ бы сейчасъ же привести добрый десятокъ цитатъ изъ его разсказовъ, гдѣ фигурируетъ та же полурастегнутая кофточка (обыкновенно — ночная, бѣлая), кружево сорочки и кусочекъ тѣла, иногда цѣлая грудь. У каждаго писателя, какъ и у каждаго человѣка, можетъ быть свой пунктикъ, но слѣдуетъ овладѣть этимъ пунктикомъ и не давать ему такого простора.

Борису Лазаревскому обузданіе его пунктика было бы тѣмъ болѣе кстати, что по всему складу своихъ воззрѣній этотъ писатель менѣе всего можетъ заслужить обвиненіе въ порнографіи. Наоборотъ, онъ искренній поклонникъ духовной и тѣлесной чистоты и вѣруетъ, что развратнымъ человѣкъ можетъ оставаться невозбранно только пребывая на животной ступени. Для него физическая и психическая близость у людей, заслуживающихъ этого имени, связана неразрывными узами, и притомъ лучшія натуры могутъ любить по-настоящему только разъ въ жизни, одного или одну. Союзъ, основанный на гармонической сліянности душевнаго и тѣлеснаго влеченія, вѣченъ, чистъ и святъ и не можетъ подвигнуть человѣка ни на что грязное и растлѣнное. Такой союзъ одухотворяетъ и насыщаетъ высшимъ смысломъ первобытное влеченіе, вложенное природой во все живущее — влеченіе къ гнѣзду и къ птенцамъ, продолжателямъ рода. Къ такому

именно союзу откровенно, безъ всякой ложной pruderie, рвутся дѣвушки Бориса Лазаревскаго, и еслибы не тотъ рискованный привкусъ, который я уже отмѣтилъ, да еще не общій, довольно наивный тонъ его разсказовъ, то можно было бы смѣло сказать, что авторъ уловилъ одно изъ существенныхъ и положительныхъ завоеваній послѣднихъ лѣтъ: новую базу нравственности, свободную, внутреннюю, и потому болѣе прочную, чѣмъ всякая извнѣ данная заповѣдь. Всякое нарушеніе требованій этого новаго этическаго императива влечетъ за собою съ роковой неуклонностью тяжкое, трагическое возмездіе, хотя, съ другой стороны, по наблюденіямъ нашего автора, жизнь пока не являетъ еще случаевъ радостнаго и счастливаго завершенія истинныхъ привязанностей. Но разъ ужъ такая привязанность зародилась въ душѣ, то пусть она даже не привела къ союзу—она всетаки остается царить въ сердцѣ и не оставляетъ мѣста ни для какого другого союза. Учитель, котораго полюбила Наташа, оказался пожилымъ, семейнымъ и къ тому же чахоточнымъ. Какъ натура благородная, онъ не далъ воли ни Наташинымъ настроеніямъ, ни своему влеченію къ ней, и скоро померъ. „Но, — пишетъ Наташа, — меня никто и никогда не разубѣдитъ въ томъ, что я живу не одна, и что люблю и любила я такъ же, какъ любятъ живые живыхъ". Лизѣ тоже не повезло: ея студента арестовали и убили въ тюрьмѣ, но у Лизы не было убѣжденной твердости, какъ у Наташи, и она попробовала выйти замужъ. Однако внѣшній обрядъ оказался безсильнымъ вложить духовную основу подъ ея сожитіе съ чужимъ для нея человѣкомъ, и при такихъ условіяхъ физическая близость съ мужемъ оказалась настолько претящей нравственному чувству, что иного выхода, какъ смерть, для Лизы нѣтъ. Не сулитъ жизнь ничего радостнаго и Сонѣ, которая щедроты своей первой серьезной привязанности излила на пустенькаго юношу, скоро скрывшагося отъ нея. А вотъ у художника Самохина пойдетъ на ладъ дѣло съ курсисткой Надей, „съ которой у него уже больше полугода тянется романъ": въ душевно тяжелую для него и для его друга минуту онъ почуялъ въ Надѣ опору и „понялъ, что свое и чужое горе сближаетъ мужчину и женщину сильнѣе, чѣмъ поцѣлуи и радости обладанія".

Знаетъ Борисъ Лазаревскій и другого типа дѣвушекъ—такихъ, которымъ совершенно чуждо серьезное пониманіе отношеній къ мужчинамъ, присущее Наташѣ или Лизѣ. Эти дѣвицы готовы цѣловаться направо и налѣво, дозволяютъ любоваться своимъ тѣломъ чуть не первому встрѣчному и выходятъ замужъ совсѣмъ случайно. Но анекдоты о такихъ легкомысленныхъ особахъ нимало не прибавляютъ глубины и настоящаго интереса книгѣ Лазаревскаго. Въ вагонѣ, во

время скучной дороги, эти разсказы прочтутся, для убійства времени, но больше дѣлать съ ними нечего.

Могъ бы быть интереснымъ по замыслу, но очень слабъ по исполненію другой сборникъ того же автора, озаглавленный: „Семья". Даже беллетристическая техника въ этой серіи разсказовъ значительно слабѣе, чѣмъ въ первой. Вопросъ выдвигается ни болѣе, ни менѣе какъ о современномъ бракѣ и о причинахъ разложенія современной семьи. Но и тутъ анализъ Лазаревскаго захватываетъ не широко и не глубоко. Въ сущности, всѣ разсказы этого сборника являются несущественными варіантами одного и того же сюжета: женщина лѣтъ восемь или десять благополучно живетъ съ интеллигентнымъ и порядочнымъ мужемъ, а потомъ измѣняетъ ему съ какимъ-нибудь скотоподобнымъ самцомъ, и при этомъ непремѣнно лжетъ и притворствуетъ передъ мужемъ, даже послѣ того, какъ поймана съ поличнымъ. Подъ эту схему не подходитъ только первый разсказъ, „Сила". Тутъ мужъ, популярный профессоръ, мнящій себя продолжателемъ Костомарова, а въ сущности тупица и сухарь, человѣкъ безупречной нравственности по общепринятой мѣркѣ, послѣ десятилѣтняго безоблачнаго семейнаго счастья влюбился въ молоденькую двоюродную сестру своей жены, впалъ по этому случаю въ нервическое разстройство, которымъ возбудилъ физическое отвращеніе въ женѣ, и тѣмъ заставилъ ее искать опоры въ нѣкоемъ беллетристѣ Любарскомъ. Какъ далеко зашла близость жены профессора съ беллетристомъ, изъ разсказа неясно, но во всякомъ случаѣ отношенія между супругами разрушены безповоротно и радикально, и растерявшійся профессоръ бросается подъ поѣздъ. Это единственный разсказъ, въ которомъ отвѣтственность за семейную разруху падаетъ на мужа, во всѣхъ же остальныхъ— единственнымъ корнемъ зла является жена, и авторъ не щадитъ темныхъ красокъ для изображенія лживости и низменной похотливости женщинъ и ихъ любовниковъ. Тѣ мягкіе, романтическіе тона, которыхъ такъ много въ сборникѣ „Дѣвушки", исчезаютъ тутъ почти безслѣдно, и даже непонятно, какимъ образомъ авторъ, видящій столько красоты въ душѣ дѣвушки, не находитъ ничего свѣтлаго въ душѣ женщины.

Но въ основѣ второй книги просвѣчиваетъ та же идея, что и въ первой: истинный бракъ зиждется на двуединомъ стихійномъ влеченіи. Въ тѣхъ семьяхъ, о злоключеніяхъ которыхъ повѣствуетъ Лазаревскій, союзъ былъ заключенъ, повидимому, безъ достаточныхъ основаній, и потому получался не бракъ, а узаконенный развратъ, который въ концѣ концовъ обнаруживаетъ свою истинную природу и толкаетъ своихъ адептовъ на самыя горестныя авантюры. Духовной связи, взаимнаго пониманія между мужемъ и женой въ такихъ семьяхъ нѣтъ съ

самаго начала, и только когда разражается катастрофа, супруги съ ужасомъ видятъ другъ друга въ настоящемъ свѣтѣ и даже круто перегибаютъ палку въ обратную сторону. Жена профессора Цвѣткова „девять лѣтъ считала мужа лучшимъ изъ людей, въ объятіяхъ его ей бывало такъ не по-земному хорошо". А черезъ девять лѣтъ жалуется на него Любарскому въ такихъ вульгарныхъ выраженіяхъ: „Особенно тяжело, когда мужъ пристаетъ со своими ласками. Я не встрѣчала человѣка болѣе тупого. Не хочетъ владѣть собою, не хочетъ понимать, что каждое его прикосновеніе заставляетъ меня содрогаться... Презираю плачущихъ мужчинъ, а онъ реветъ по цѣлымъ днямъ. Отвратительно это! Удивляюсь себѣ, какъ я могла любить человѣка, который изображаетъ изъ себя бога науки и честности, а самъ трясется, когда увидитъ обнаженную шею дѣвушки", и т. д. А вотъ адвокатъ, который десять лѣтъ наслаждается безоблачнымъ семейнымъ счастьемъ, но потомъ спохватывается: „Такъ нельзя жить дальше... Конечно, гармонія звуковъ и мои ласки ее удовлетворяютъ, но чѣмъ удовлетворяются ея мозги? Я давно ее люблю, но не знаю ничего, что творится въ ея внутреннемъ мірѣ, ничего не знаю... А можетъ быть тамъ и міра никакого нѣтъ..." Скоро дѣло разъясняется: „міръ" тамъ есть, и царитъ въ немъ „студентъ Плетневъ, юристъ четвертаго курса; сложенный очень красиво, но лицо у него неинтеллигентное. Вообще, онъ больше похожъ на приказчика изъ мясной лавки или на циркового борца, чѣмъ на студента... Самое характерное въ наружности Плетнева — весьма выдающійся природный турнюръ, который мнѣ представляется уродствомъ, но я чувствую, что именно эта особенность дѣлаетъ его въ глазахъ Нади красивѣе другихъ мужчинъ, талія кажется гибче". И въ результатѣ „милая, необыкновенная Надя" оказывается „шаблонной самкой", отъ которой „никогда и ничего не дождаться человѣческаго". Такъ караетъ судьба тѣхъ, кто не умѣетъ почуять разницы между женой и содержанкой.

Кое-какія крупицы мелькаютъ, такимъ образомъ, и во второй книгѣ Бориса Лазаревскаго, но въ общемъ она скучна, однообразна и слишкомъ много удѣляетъ вниманія взаимнымъ супружескимъ обидамъ и подробнѣйшимъ разсказамъ о нихъ. А затѣмъ опять въ изобиліи—дамы въ нижнихъ юбкахъ и рубашкахъ, обнаженныя плечи, разстегнутыя ночныя кофты съ выглядывающими изъ-за нихъ кружевами сорочекъ и маленькими грудками. И въ концѣ концовъ, характеристика современной русской семьи выходитъ у Бориса Лазаревскаго еще болѣе однобокой, чѣмъ анализъ новыхъ элементовъ въ психикѣ русской дѣвушки.

Пять лѣтъ тому назадъ, когда все въ Россіи встрепенулось и развернулось, развернулся во всю и сатирическій смѣхъ, рьяно, безудержно, какъ пружина, вырвавшаяся изъ тисковъ. Сатирическіе журналы конца 1905-го года, нѣкоторыя пьесы, шедшія тогда въ театрахъ, останутся однимъ изъ самыхъ яркихъ проявленій того удивительнаго времени. Съ тѣхъ поръ много, ой, какъ много воды утекло. Все снова притихло, притиснулось; притихъ и смѣхъ—нѣтъ ему простора, хотя нельзя сказать, чтобы не было матеріала. Присяжные сатирики остались въ потребномъ для текущей прессы количествѣ, но рѣдко кто изъ нихъ умѣетъ показать зубы лицомъ къ лицу съ козьей ножкой тысячныхъ штрафовъ и конфискацій. Тѣмъ ярче выступаетъ на этомъ тускломъ фонѣ талантливый сборникъ „Сатиръ" Саши Чернаго. Стихомъ владѣетъ авторъ безукоризненно, непринужденно играетъ риѳмой и ритмомъ, безъ всякаго усилія укладываетъ свободную, легкую рѣчь въ любой размѣръ, сыплетъ неожиданными и остроумными ассоціаціями и оборотами мысли, колкими словечками и размашистыми ударами, смѣется надъ всѣмъ, что дѣйствительно смѣшно, особенно надъ всякой фальшью и надутостью. Сатиръ на политическія злобы дня у Саши Чернаго немного и въ нихъ нѣтъ настоящаго размаха — по причинамъ весьма понятнымъ; но очень остроумно скомпоновано „Невольное признаніе" Милюкова Гессену въ томъ, что „у насъ конституціи — нѣту", и боекъ экспромптъ на г. Шварца.

Больно достается отъ Саши Чернаго нашей сѣрой, мнимо-интеллигентной толпѣ. Тутъ онъ часто попадаетъ очень мѣтко.

Спимъ и хнычемъ. Въ видѣ спорта,
Не волнуясь, не любя,
Ищемъ Бога, ищемъ чорта,
Потерявъ самихъ себя...

Достается и моднымъ литературнымъ знаменитостямъ. Попалась на зубокъ сатирику неудачная повѣсть Леонида Андреева „Проклятіе звѣря", и онъ выкроилъ изъ нея вполнѣ заслуженную пародію.

Проклинаю культуру! Срываю подтяжки!
Растопчу котелокъ! Растерзаю пиджакъ!!..
Я завидую каждой отдѣльной букашкѣ,
Я живу, какъ послѣдній дуракъ!..

Уловилъ Саша Черный и то, что въ этой повѣсти Леонидъ Андреевъ, можетъ быть, и самъ того не подозрѣвая, утрировалъ нѣкоторые мотивы Кнута Гамсуна. И вотъ, сатирикъ заставляетъ героя повѣсти идти къ Гамсуновскому лѣсному скитальцу, лейтенанту Глану, съ такою рѣчью:

Лейтенантъ! Я—россійскій писатель,
Я безъ паспорта въ лѣсъ изъ столицы ушелъ,
Я усталъ, какъ собака, и, вѣришь, пріятель,
Какъ семьсотъ аллигаторовъ золъ!

Остроумна каррикатура на исписавшуюся „популярность":

Я похожъ на родильницу,
Я готовъ скрежетать...
Проклинаю чернильницу
И чернильницы мать!

Патлы дыбомъ взлохмачены,
Отупѣлъ, какъ овца—
Ахъ, всѣ риѳмы истрачены
До конца, до конца!..

Особенно угнетаютъ „популярность" слѣдующія соображенія:

Изсякъ. Что будетъ съ моей популярностью?
Изсякъ. Что будетъ съ моимъ кошелькомъ?
Назоветъ меня Пильскій дешевой бездарностью,
А Ваксъ Калошинъ разбитымъ горшкомъ...

Даже самыя шаблонныя темы Саша Черный умѣетъ оживлять блестками остроумія. Вотъ, напримѣръ, студентъ-филологъ, влюбившійся въ медичку.

Хотѣлось быть ея чашкой,
Братомъ ея или теткой,
Ея эмалевой пряжкой
И даже зубной ея щеткой!..

Но послѣ того, какъ очаровательная медичка разсказываетъ влюбленному свои дневныя занятія въ клиникахъ и лабораторіяхъ, весьма непоэтическія и даже антиэстетическія, филологъ сраженъ, и весь пылъ его испаряется безъ остатка:

Не хотѣлось быть ея чашкой,
Ни братомъ ея, ни теткой,
Ни ея эмалевой пряжкой,
Ни зубной ея щеткой!..

Можно только пожелать Сашѣ Черному, чтобы онъ сохранилъ свой талантъ до лучшихъ дней, когда опять можно будетъ воскреснуть „свободному смѣху" на Руси.

С. Адріановъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Владиміръ Короленко. Бытовое явленіе (Замѣтки публициста о смертной казни). Спб. Цѣна 15 коп.

Вызвавшія общее вниманіе статьи В. Г. Короленка о смертной казни, помѣщенныя въ „Русскомъ Богатствѣ“, нынѣ изданы отдѣльною брошюрой. Матеріаломъ для этой работы послужили собранныя въ одной изъ провинціальныхъ тюремъ наблюденія и разсказы очевидцевъ и письма „смертниковъ“, а также нѣкоторыя газетныя данныя. Все это имѣетъ, конечно, самое широкое общерусское значеніе: что дѣлается въ одной изъ тюремъ, то повторяется и вездѣ, съ убійственнымъ (буквально) однообразіемъ. „Почти ежедневно, въ предъутренніе часы, когда надъ огромною страной царитъ крѣпкій сонъ,— гдѣ-нибудь по тюремнымъ коридорамъ зловѣще звучатъ шаги, кого-нибудь подымаютъ отъ кошмарнаго забытья и ведутъ, здороваго и полнаго силъ, къ готовой могилѣ“... Опредѣленіе гуляющей по странѣ смертной казни, какъ „бытового явленія“, мѣтко бьетъ въ цѣль, уже стало ходячимъ крылатымъ словомъ и осязательно рисуетъ обыденность казни, какъ главное ядро теперешняго ея ужаса. Канцелярское равнодушіе къ жертвамъ „правосудія“ дошло нынѣ до крайняго предѣла. „Въ прежнее, еще недавнее, „доконституціонное“ время—передаетъ, напр., г. Короленко,—одинъ военный судья говорилъ мнѣ, что продолжительная отсрочка казни являлась огромнымъ шансомъ за ея отмѣну: нельзя казнить человѣка, пережившаго такой продолжительный ужасъ, хуже самой смерти. Теперь этими психологическими тонкостями, повидимому, не стѣсняются“. И вотъ, мѣсяцами тянутся будни „смертниковъ“... Въ книгѣ В. Г. Короленка предъ читателемъ проходятъ эти самые будни, съ ихъ затаенными иллюзіями и жестокими разочарованіями, послѣднія свиданія, вся „сумеречная жизнь“ жертвъ сумеречнаго правосудія, плохо отличающаго виновныхъ отъ невинныхъ и ко всѣмъ одинаково хладнокровно жестокаго. Обрисовано нѣсколько рядовыхъ типовъ экспропріаторовъ, людей бездумнаго отчаянія, потерявшихъ надежду найти гдѣ-нибудь какую-нибудь правду, или просто безвольныхъ и слабыхъ людей, захваченныхъ повѣтріемъ, казнь которыхъ не можетъ быть оправдана никакими соображеніями мнимой цѣлесообразности; приведено нѣсколько предсмертныхъ писемъ;

есть глава о томъ, какъ людей вѣшаютъ. Великая заслуга автора—въ томъ, что, не прибѣгая даже къ воспроизведенію наиболѣе потрясающихъ сценъ, онъ даетъ читателю снова и снова почувствовать, что въ нашей странѣ „самая казнь потеряла уже характеръ мрачнаго торжества смерти и превратилась въ „бытовое явленіе", въ прозаическіе будни; не хватаетъ висѣлицъ, и людей вѣшаютъ походя, ускореннымъ и упрощеннымъ порядкомъ, безъ формальностей, на пожарныхъ лѣстницахъ, при помощи первыхъ попадающихся подъ руку, обрывающихся, гнилыхъ веревокъ"... Сдержанно и вѣско написанная книга, съ подразумѣваемымъ посвященіемъ защитникамъ и вершителямъ нашего позора, принадлежитъ къ числу тѣхъ, о которыхъ можно сказать, что это не только книга, но и поступокъ. „Читать это тяжело. Писать, повѣрьте, еще во много разъ тяжелѣе... Но вѣдь это, читатели, приходится переживать сотнямъ людей и тысячамъ ихъ близкихъ!" „Нужно же хоть знать то, отъ чего пока (и, можетъ быть, надолго) нѣтъ силы избавиться — говоритъ В. Г. — нужно еще въ особенности потому, что теперь, какъ во времена Ивана Грознаго, о которыхъ заставляетъ вспоминать въ наши дни обиліе казней, всѣ современники одинаково виновны въ „безумномъ молчаніи" предъ лицомъ ужаса и позора.

— Е. А. Колтоновская. Новая жизнь. Критическія статьи. Спб. 1910. Цѣна 1 руб.

Въ книжкѣ г-жи Колтоновской собранъ рядъ журнальныхъ статей и газетныхъ замѣтокъ о явленіяхъ текущей литературы за 1907—1909 гг. Заглавіе сборника авторъ объясняетъ общностью основной темы и настроенія статей. „Всѣ онѣ посвящены сопоставленію старой, замѣтно разлагающейся, и новой, едва нарождающейся жизни... Лицо новой жизни еще не вполнѣ ясно вырисовывается, но вторженіе ея и въ частную, и въ общественную сферу явственно чувствуется; и всегда она вступаетъ въ яростную борьбу со старыми традиціями, представленіями и догмами. У носителей этой новой жизни, молодого, теперь начинающаго жить поколѣнія, бросаются въ глаза двѣ черты: яркое, небывало яркое сознаніе своей личности и большая перемѣна въ отношеніи къ жизни, къ ея оцѣнкѣ. Вмѣсто прежняго интеллигентскаго, брезгливо-отрицательнаго отношенія къ жизни, порой доходящаго до безпросвѣтнаго пессимизма, теперь замѣчается совсѣмъ другое. Руководящимъ лозунгомъ провозглашается жизнерадостность и бодрость, раздается проповѣдь здоровой, цѣпкой любви къ жизни—къ землѣ, къ людямъ, къ самому себѣ. Тѣсно связана съ этимъ основнымъ настроеніемъ и склонность новыхъ людей къ большей широтѣ и терпимости, къ внутренней свободѣ и трезвому критицизму,

обращенному на все окружающее и на самого себя. Возможно, что нынѣшніе провозвѣстники новой жизни, какъ личности, недостаточно крупны и сильны (что особенно бросается въ глаза при сравненіи ихъ съ людьми прошлой, вполнѣ опредѣленной догматической эпохи). Но тѣмъ мыслямъ, которыя ими взлелѣяны и съ безстрашіемъ защищаются, тѣмъ настроеніямъ, которыя иногда съ крайностями, иногда даже въ уродливой формѣ проявляются этими людьми *перехода*, несомнѣнно принадлежитъ будущее. Оздоровленіе и полное внутреннее освобожденіе личности будутъ первыми, самыми важными ступенями къ устройству человѣческой жизни. И шумные, дерзновенные люди перехода своимъ рѣзкимъ протестомъ противъ всякаго застоя и смерти уже сдѣлали въ этомъ отношеніи много".—Въ качествѣ представителей этой новой жизни предъ читателемъ выступаютъ герои Куприна („Купринъ, какъ выразитель эпохи"), дѣйствующія лица разныхъ разсказовъ о революціонной средѣ недавняго прошлаго („Самоцѣнность жизни — эволюція въ интеллигентской психологіи") и др. Новыя темы и настроенія затрагиваются по поводу произведеній Б. Зайцева, Ведекинда и Арцыбашева („Проблема пола въ молодой литературѣ"), В. Дмитріевой, Н. Олигера, Тимковскаго, Юшкевича и нѣкоторыхъ западно-европейскихъ писателей (Гамсунъ, Гофмансталь и др.). Авторъ—отнюдь не безусловный поклонникъ всяческаго новшества темъ и отрицанія традицій. Новымъ онъ дорожитъ постольку, поскольку оно обогащаетъ индивидуальность человѣка и поднимаетъ разнообразіе и интенсивность жизни. Безусловно отрицательно, напр., г-жа Колтоновская, относится къ санинскому представленію любви, какъ ограниченной однимъ физическимъ обладаніемъ. Какъ литературный критикъ, г-жа Колтоновская удачно схватываетъ черты писательской физіономіи отдѣльныхъ авторовъ и мѣткимъ подборомъ цитатъ и черточекъ передаетъ сущность интересующихъ ее настроеній. Такъ, хорошо очерчены симптомы новаго настроенія въ соціально-революціонной средѣ, приводящаго къ полному отрицанію прежняго жизнепониманія и борьбы. Но если симптомы и настроенія новой жизни охарактеризованы вѣрно, то авторъ не даетъ мало-мальски углубленнаго объясненія ихъ, большею частью ограничиваясь констатированіемъ „особенной, стихійной, неизвѣстно откуда нахлынувшей жажды жизни" и т. п. Это „неизвѣстно откуда" ослабляетъ впечатлѣніе очерковъ, которымъ не хватаетъ огонька и глубины, но нельзя отказать въ спокойномъ изяществѣ, вкусѣ и вдумчивости.

— Историко-литературная библіотека. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Москва, 1910.

Школьное изученіе русской литературы въ настоящее время, несомнѣнно, ожило. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и новая московская серія историко-литературныхъ пособій. „Старый способъ изучать литературу по историческимъ очеркамъ и характеристикамъ вполнѣ заслуженно отходитъ въ область преданій, и безъ хорошаго знакомства съ подлиннымъ литературнымъ матеріаломъ теперь трудно себѣ представить преподаваніе даже въ заурядной средней школѣ"—говорится въ общемъ предисловіи къ серіи изданій подъ заглавіемъ: „Историко-литературная библіотека". Эта „библіотека", составляемая подъ редакціей А. Е. Грузинскаго, извѣстнаго автора пособій по исторіи русской литературы, имѣетъ цѣлью дать сводъ необходимѣйшихъ данныхъ объ отдѣльныхъ классикахъ и направленіяхъ, въ видѣ книжекъ (объемомъ около 10 печ. листовъ каждая), содержащихъ избранныя сочиненія писателей, подборъ важнѣйшихъ ихъ писемъ, выдержки изъ мемуаровъ современниковъ,—словомъ, все характерное для отдѣльнаго писателя или для цѣлаго направленія, а также примѣчанія и вводныя руководящія статьи.

Въ настоящее время вышла первая серія этого полезнаго изданія, въ которую вошли слѣдующія книжки: 1) „Н. В. Гоголь въ воспоминаніяхъ современниковъ и перепискѣ"—В. Каллаша; 2) „Западники 40-хъ годовъ: Станкевичъ, Бѣлинскій, Герценъ, Грановскій и др."—Ѳ. Нелидова; 3) „А. С. Грибоѣдовъ"—А. Д. Алферова; 4) „А. С. Пушкинъ въ воспоминаніяхъ современниковъ и письмахъ"—Н. А. Заозерскаго, и 5) „Ранніе славянофилы: А. С. Хомяковъ, И. В. Кирѣевскій, К. С. и И. С. Аксаковы"—Н. Л. Бродскаго. Основанная на удачной мысли, „историко-литературная библіотека" можетъ служить хорошимъ пособіемъ для старшихъ классовъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Очень удачна и цѣнна книжка о Гоголѣ, составитель которой редактировалъ одно изъ полныхъ собраній сочиненій этого писателя; весьма интересенъ включенный въ нее сводъ извѣстій о второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ". Книга о Грибоѣдовѣ, кромѣ текста комедіи „Горя отъ ума" (съ варіантами по рукописи Историческаго Музея имени Александра III), даетъ не только матеріалъ, непосредственно относящійся къ Грибоѣдову, но и интересныя свѣдѣнія о Москвѣ грибоѣдовскаго времени. Много характернаго и нелегко доступнаго учащимся матеріала даютъ и остальныя книжки. Особенно полезна въ этомъ отношеніи книжка о раннихъ славянофилахъ, дающая цѣликомъ или въ отрывкахъ характерныя произведенія славянофиловъ, на которыя обычно ссылаются историки литературы, но которыя до сихъ поръ похоронены въ старыхъ журналахъ или въ мало читаемыхъ и вышедшихъ изъ

продажи громоздкихъ собраніяхъ сочиненій. Мы высказались бы, однако, принципіально противъ включенія въ книжки „Историко-литературной библіотеки“ такихъ матеріаловъ, извлечь которые — по указанію пособія—могъ бы самъ учащійся изъ легко доступныхъ собраній сочиненій даннаго автора. Такъ, въ книжкѣ о Пушкинѣ даны избранныя письма его; между тѣмъ они теперь включены во всѣ общедоступныя собранія его сочиненій. Въ книгѣ о западникахъ удѣлено много мѣста выдержкамъ изъ дневника Герцена, а дневникъ также имѣется въ распространенномъ семитомномъ изданіи его сочиненій. Выборки изъ легко доступныхъ книгъ, какъ въ данномъ случаѣ, идутъ на встрѣчу склонности занимающихся ограничиваться даннымъ пособіемъ, съ которою приходится бороться всякому преподавателю.

— Современники. Альбомъ біографій Н. И. Афанасьева. Спб. Т. I. 1909. Т. II. 1910.

„Составитель надѣется, что настоящая книга явится не только справочнымъ изданіемъ, но и альбомомъ, который, на ряду съ фотографическими альбомами, можетъ украсить столы гостиныхъ“. Уже эти первыя строки предисловія г. Афанасьева не весьма располагаютъ въ его пользу: серьезная справочная книга и требованія гостиныхъ— вещи довольно трудно соединимыя. Сборники біографій современниковъ, конечно, могутъ быть и интересны, и полезны; но составитель настоящаго сборника, повидимому, не задавался никакимъ опредѣленнымъ планомъ. Біографій дано довольно много: въ первомъ томѣ—244, во второмъ—246. Слѣдуютъ онѣ въ каждомъ томѣ въ алфавитномъ порядкѣ, составлены болѣе или менѣе сжато, въ видѣ curricula vitae, говорятъ о дѣятеляхъ государственныхъ, общественныхъ, литературныхъ, научныхъ, художественныхъ и пр. Находимъ довольно много біографій лицъ хорошо извѣстныхъ, о которыхъ въ соотвѣтствующихъ справочникахъ легко найти свѣдѣнія, гораздо болѣе полныя и подробныя: таковы біографіи К. Баранцевича, А. Кони и мн. др. Съ другой стороны, составитель считаетъ „выдающимися“ современниками множество лицъ, замѣчательныхъ развѣ только тѣмъ, что они такъ или иначе „проходили службу“, и при этомъ выборѣ тяготѣетъ явно къ кругу людей и гостиныхъ, черпающихъ свои сужденія и убѣжденія изъ „Новаго Времени“: губернаторовъ, писателей-чиновниковъ, людей „праваго“ муравейника—въ изобиліи, „лѣвые“ являются случайно, для пріятнаго разнообразія. Отзывы о вдохновителяхъ и сотрудникахъ „Новаго Времени“, которые парадируютъ едва ли не полностью, весьма пространны и блещутъ хвалебно-льстивымъ тономъ. „Стремленіе къ истинѣ, разработка путей къ ея достиженію служатъ путеводной звѣздой *Меньшикова* въ его литературномъ творчествѣ“.

О пресловутыхъ работахъ *г. Демчинскаго* по метеорологіи читаемъ, что онѣ, будто бы, „пробудили дѣятельность не только нашей главной физической лабораторіи, но и многихъ западно-европейскихъ, обративъ ихъ силы на необходимость точно и заранѣе опредѣлять погоду". „Современники" вообще исчерпываются для автора какъ будто однимъ Петербургомъ. Тѣмъ не менѣе, для человѣка нововременскихъ симпатій г. Афанасьевъ, когда говоритъ не о своихъ, довольно объективенъ, а сообщаемыя имъ данныя, повидимому, точны и пригодны, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для справокъ: къ сожалѣнію нѣтъ указаній, откуда берутся авторомъ его свѣдѣнія. Изданіе изящно; второй томъ иллюстрированъ недурно исполненными портретами и факсимиле нѣкоторыхъ дѣятелей и снимками съ картинъ нѣсколькихъ художниковъ, біографіи которыхъ вошли въ этотъ томъ. Обѣщанъ выходъ третьяго тома, для котораго усердному составителю можно пожелать поменьше тяготѣнія къ бездарностямъ чиновнаго Петербурга и къ правымъ и побольше интереса къ независимымъ дѣятелямъ общественности, науки, литературы и искусства.—Ч. В—скій.

— Г. Ф. Шершеневичъ. Соціологія. Лекціи. Изд. „Московскаго Общества Народныхъ Университетовъ". Москва, 1910.

Небольшая книжка проф. Шершеневича даетъ ясный и толковый очеркъ основныхъ вопросовъ соціологіи, умѣло вводя начинающаго читателя въ разсмотрѣніе важныхъ и сложныхъ проблемъ человѣческаго общежитія. Представляющая курсъ лекцій, читанныхъ въ московскомъ народномъ университетѣ, книжка цѣнна тѣмъ, что носитъ на себѣ слѣды непосредственной, провѣренной практическимъ опытомъ работы. Автору вполнѣ удалась его популяризація, какъ удалась и ранѣе вышедшая въ томъ же изданіи книжка по общей теоріи права. До сихъ поръ въ нашей научно-популярной литературѣ ощущался пробѣлъ въ такомъ общемъ очеркѣ соціологіи; „Введеніе въ соціологію" проф. Карѣева и „Соціологія" М. М. Ковалевскаго, равно какъ и многочисленныя переводныя книги, имѣютъ въ виду уже подготовленнаго читателя. Книжка г. Шершеневича можетъ быть рекомендована какъ лицамъ, ищущимъ самообразованія, такъ и учащимся средней школы. Въ двадцати лекціяхъ (на 200 стран. небольшого формата) авторъ даетъ историческій очеркъ соціологіи, устанавливаетъ ея задачи и методы, выясняетъ понятія „общества", „общественнаго прогресса и эволюціи", „общества и личности", рисуетъ, наконецъ, основные моменты эволюціи хозяйства, права, государства, семьи, собственности и правосудія. Всѣ очерки составлены если и неравномѣрно, то, въ общемъ, удачно. Въ упрекъ автору можно по-

ставить излишнюю абстрактность изложенія, отсутствіе конкретнаго, историческаго матеріала. Приводимые авторомъ примѣры недостаточны, да и выборъ ихъ не всегда удаченъ. Не совсѣмъ ясной является характеристика субъективнаго и объективнаго методовъ въ соціологіи. Не мѣшало бы также отвести больше мѣста Гегелю.—И. Бороздинъ.

— Проф. А. К. Бороздинъ. Русское религіозное разномысліе. Изд. 2-ое, дополненное. Цѣна 1 руб. Спб.

Громкое названіе этой книги совершенно не соотвѣтствуетъ ея содержанію. Мы не находимъ въ ней ни связнаго очерка „русскаго религіознаго разномыслія", ни объединяющей точки зрѣнія, ни сколько-нибудь исчерпывающаго матеріала, обработаннаго хотя бы въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ. Сказать, что „подъ именемъ сектантства я разумѣю не только мистическія и раціоналистическія секты, но и старообрядчество" (см. предисловіе)—значитъ ничего не сказать. Въ какомъ отношеніи находятся между собой разновременно возникшіе, нерѣдко другъ другу враждебные, разно вліявшіе на ходъ исторіи, совершенно не схоже развивавшіеся сектантство и расколъ-старообрядчество? Автора это, очевидно, не интересуетъ. На всѣ эти краеугольные вопросы онъ не отвѣчаетъ и даже не затрогиваетъ ихъ. Книга его составлена по преимуществу изъ справочныхъ статей словарнаго характера. Въ составъ книги вошла, между прочимъ, статья „Русскій дипломатъ стараго времени", не имѣющая рѣшительно никакого отношенія ни къ сектантству, ни къ старообрядчеству: въ ней сообщаются свѣдѣнія объ А. К. Разумовскомъ, почти всю свою жизнь прожившемъ за границей въ качествѣ дипломатическаго представителя русскаго правительства при иностранныхъ дворахъ. Лучшими статьями, дающими хотя небольшой бытовой или историко-литературный матеріалъ, можно признать относящіяся къ старообрядчеству: „Съ Преображенскаго кладбища" и „Вожди раскола въ Поморьѣ". Исчерпывающаго значенія онѣ, однако, не имѣютъ.

Очеркъ: „Духоборческое движеніе на Кавказѣ" основанъ, главнымъ образомъ, на оффиціальной запискѣ бывшаго тогда тифлисскаго губернатора, кн. Р. Д. Шервашидзе. „Такъ какъ авторъ записки"—говоритъ А. К. Бороздинъ—„былъ самъ однимъ изъ важнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ событіи, то само собою разумѣется, что къ его сообщеніямъ слѣдуетъ относиться строго критически; однако, не имѣя достаточныхъ матеріаловъ для такого отношенія, мы ограничиваемся лишь подробнымъ изложеніемъ тѣхъ данныхъ, которыя представляются запискою". Прежде всего мы должны отмѣтить странную неосвѣдомленность автора въ литературѣ того вопроса, кото-

рому посвященъ его трудъ. Не говоря уже о томъ, что къ 1907-му году, когда впервые вышла въ свѣтъ книга А. К. Бороздина, появилось много газетныхъ сообщеній, журнальныхъ статей и даже отдѣльныхъ книгъ, ярко обрисовывавшихъ положеніе духоборцевъ до ссылки и во время самой ссылки въ закавказскіе аулы, но и самая „записка" Р. Д. Шервашидзе, которую излагаетъ г. Бороздинъ, была напечатана, съ несущественными отступленіями и сокращеніями, ея настоящимъ авторомъ, чиновникомъ при губернаторѣ М. Тебеньковымъ, еще въ 1896 г., въ „Русской Старинѣ", подъ заглавіемъ: „Правда о духоборцахъ". Въ этой запискѣ, написанной не на основаніи изученія дѣйствительныхъ фактовъ, очень много искаженій, насмѣшекъ надъ духоборцами, оскорбленій и прямой неправды. А. К. Бороздинъ не сдѣлалъ къ ней никакихъ примѣчаній, поправокъ и разъясненій. Мы остановимся только на одномъ изумительномъ фактѣ, который г. Бороздинъ *обязанъ былъ знать*, разъ онъ рѣшился выступать съ книгой по сектантскому вопросу. Въ запискѣ говорится, а г. Бороздинымъ безъ комментаріевъ цитируется слѣдующее: „я (губернаторъ) получилъ... донесеніе по телеграфу, что 29 числа іюля духоборцы Спасскаго общества намѣреваются поголовно напасть на Горѣлое, съ цѣлью уничтожить такъ называемый Сиротскій Домъ". Губернаторъ счелъ необходимымъ лично принять мѣры къ предупрежденію этой необычайной междоусобной войны. 29 іюня 1895 г. онъ пріѣхалъ въ село Горѣлое. „Изъ „постниковъ" [1]) я никого не видѣлъ въ этотъ день, ни въ Богдановкѣ, ни въ Орловкѣ, и никто изъ нихъ не являлся ко мнѣ въ Горѣлое,—повѣствуетъ губернаторъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на формальный отказъ постниковъ объясняться со мною, я рѣшилъ еще разъ лично повидаться съ ними и спросить, что̀ они намѣрены дѣлать, съ каковою цѣлью приказалъ созвать ихъ на другой день въ сел. Богдановку. Между тѣмъ, въ теченіе дня получались извѣстія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ постниковъ, изъ каковыхъ свѣдѣній усматривалось, что совершенно неожиданное для нихъ появленіе войскъ произвело на нихъ весьма сильное впечатлѣніе и что они въ громадномъ числѣ собрались у одной пещеры, въ трехъ верстахъ отъ сел. Орловки, для празднованія дня имянинъ Веригина и обсуждали вопросъ, что̀ имъ теперь дѣлать. Пріѣзжавшіе оттуда духоборцы другихъ партій разсказывали, что постники приняли какое-то отчаянное рѣшеніе, которое, по ихъ словамъ, должно было всѣхъ удивить. „Не разсчитывайте на войска", кричали они встрѣтившимся имъ по дорогѣ Горѣльцамъ; „мы ихъ не боимся, зададимъ и вамъ, и вашему губернатору, покажемъ себя, всѣхъ удивимъ". Доходили также слухи

---

[1]) Большая, преслѣдуемая партія духоборцевъ.

о томъ, что постники, несмотря на присутствіе войскъ, *рѣшили напасть на Горѣлое, вызвать дѣйствіе войскъ оружіемъ, и такимъ образомъ, съ боемъ, отступить въ предѣлы Турціи*" [1]).

Что же на самомъ дѣлѣ произошло? Что дѣлали духоборцы, собравшись у „пещеры"? Они,—какъ это теперь всѣмъ извѣстно,—въ ночь на 29-ое іюня 1895-го года торжественно сожгли все свое оружіе, и тѣмъ самымъ еще разъ подтвердили свое рѣшеніе ни на кого не поднимать руки. Губернаторъ не могъ не знать этого, ибо самъ лично приказалъ казакамъ арестовать, какъ вещественное доказательство, огромные слитки металла, образовавшіеся въ кострахъ, гдѣ было сожжено оружіе. Но губернаторъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ въ своей запискѣ объ этомъ чрезвычайно важномъ фактѣ изъ жизни духоборцевъ-постниковъ. Въ „конфиденціальномъ представленіи", написанномъ черезъ три мѣсяца послѣ описаннаго событія, тифлисскому губернатору нужно было во что бы то ни стало оправдать расправу надъ духоборцами, вызвавшую взрывъ негодованія во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Напиши онъ, что духоборцы сожгли оружіе и рѣшили оружія совершенно не употреблять, даже не защищаться—невозможно было бы объяснить кровавое побоище, устроенное на мѣстѣ моленія и повторенное при селѣ Богдановкѣ, а также экзекуціи, поставленныя во всѣхъ селеніяхъ духоборцевъ-постниковъ. Можно понять такое донесеніе администраціи, но трудно понять автора разбираемой нами книги, повторяющаго невѣрныя свѣдѣнія о главнѣйшемъ событіи въ жизни духоборцевъ, безъ всякой оговорки, безъ всякаго примѣчанія.—Влад. Бончъ-Бруевичъ.

— И. Левинъ. Свеклосахарная промышленность въ Россіи. Спб. 1910.

Повсюду сахарная промышленность пользуется особеннымъ покровительствомъ, какъ потому, что, при господствѣ косвенныхъ налоговъ, сахаръ является однимъ изъ главныхъ предметовъ обложенія, такъ и вслѣдствіе особенной близости къ правительству магнатовъ этой промышленности—крупныхъ землевладѣльцевъ. Но нигдѣ, кажется, она не служила предметомъ такого вниманія, какъ въ нашемъ отечествѣ. Правительство морально поддержало въ 80-хъ годахъ противное закону соглашеніе сахарозаводчиковъ о мѣрахъ къ поднятію цѣнъ на сахаръ, а послѣ того какъ судъ отвергъ претензію синдиката къ одному изъ нарушителей соглашенія—не смотря на то, что законность претензіи поддерживалась ссылкою на участіе въ синдикатѣ заводовъ удѣльнаго вѣдомства, государева имѣнія и бывшаго ми-

[1]) Курсивъ нашъ.

нистра финансовъ, въ то время предсѣдателя департамента государственной экономіи, А. А. Абазы,—колеблющееся частное соглашеніе сахарозаводчиковъ было обращено, подъ наименованіемъ нормировки производства, въ прочное государственное учрежденіе. Правда, введеніе этого учрежденія мотивировалось выгодами не только производителей и сельскаго хозяйства, но и потребителей; на ряду съ мѣрою ограниченія, въ интересѣ первыхъ, количества выпускаемаго на внутренній рынокъ сахара назначена была предѣльная цѣна послѣдняго, превышеніе которой вело къ дополнительному выпуску сахара въ продажу. Но, не говоря уже о томъ, что аналогичныя мѣры противъ чрезмѣрнаго повышенія цѣнъ приняты и въ новѣйшемъ частномъ соглашеніи рафинеровъ, количество выпускаемаго на рынокъ сахара назначалось въ такомъ ограниченномъ размѣрѣ, что цѣны его держались близко къ высшей нормѣ и почти ежегодно требовались дополнительныя выписки сахара изъ запаса. Въ текущемъ году безсильною оказалась и эта мѣра противодѣйствія высокимъ цѣнамъ, и правительству пришлось внести въ Государственную Думу спеціальный по этому предмету законъ.

Въ послѣднее время сахарный вопросъ привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе, благодаря, между прочимъ, тому обстоятельству, что Государственная Дума высказала пожеланіе пониженія цѣны сахара, какъ важнаго питательнаго средства. Результатомъ этого было появленіе нѣсколькихъ сочиненій о сахарной промышленности. Новѣйшее изъ нихъ указано въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Въ трудѣ г. Левина затронуты всѣ важнѣйшіе стороны этого дѣла. Мы имѣемъ здѣсь краткое изложеніе исторіи промышленности и обложенія сахара, попытки синдицированія песочной промышленности въ 80-хъ гг. и рафинадной въ текущемъ десятилѣтіи, изложеніе и оцѣнку законодательства о нормировкѣ сахарнаго производства, разсмотрѣніе этого производства въ его отношеніи къ сельскому хозяйству, указаніе издержекъ производства сахара и финансовыхъ его результатовъ, свѣдѣнія о кредитѣ въ сахарной промышленности и о Брюссельской конференціи. Авторъ пользовался многими неопубликованными данными и даетъ много цифръ, не всегда, впрочемъ, согласованныхъ между собою (на стр. 134, напр., средній ежегодный приростъ производства рафинада въ 1902—08 гг. показанъ менѣе 600 т. п., что̀ составитъ за все время ок. 4 мил. пуд., а на стр. 124 значится вдвое большее количество). Окончательныя заключенія автора таковы, что наша сахарная промышленность достаточно окрѣпла и можно уже „безопасно прекратить или по крайней мѣрѣ смягчить на первое время дѣйствіе нормировки"; пониженія продажной цѣны сахара всего легче достигнуть не пониженіемъ акциза, которое не можетъ быть сдѣлано въ

достаточномъ для того размѣрѣ, а переложеніемъ большей его части съ песка на рафинадъ. Песокъ тогда будетъ значительно дешевле рафинада и займетъ, нужно полагать, мѣсто послѣдняго въ потребленіи широкихъ массъ не только царства Польскаго (какъ нынѣ), но и остальной Россіи.

— В. Г. Бажаевъ. Крестьянская аренда въ Россіи. Москва, 1910 г.

Въ книжкѣ В. Г. Бажаева разсматриваются различныя стороны весьма важнаго факта хозяйственнаго быта нашихъ крестьянъ: аренды ими внѣнадѣльныхъ угодій. Авторъ начинаетъ свой трудъ съ обзора матеріаловъ по данному предмету и продолжаетъ его разсмотрѣніемъ степени распространенія крестьянской аренды, состава арендующихъ домохозяевъ и аренднаго фонда, типа и условій аренды, арендныхъ цѣнъ и ихъ колебанія въ зависимости отъ перемѣнныхъ факторовъ, соотношенія между арендными платами и доходностью и даже состоянія земледѣльческой культуры на арендной площади. Знакомя читателя съ этими предметами, авторъ обращаетъ особенное вниманіе „на освѣщеніе важнѣйшихъ географическихъ закономѣрностей".

Крестьянская аренда составляетъ одинъ изъ любимыхъ предметовъ мѣстныхъ изслѣдованій, и хотя послѣднія коснулись не всей территоріи страны, но въ литературѣ накопилось достаточно матеріаловъ для общей характеристики даннаго явленія между прочимъ и въ географическомъ отношеніи. Такая характеристика, если не гнаться за особенной ея точностью, крайне облегчена съ появленіемъ „матеріаловъ" такъ назыв. коммиссіи центра „о сравнительномъ благосостояніи сельскаго населенія". Въ этихъ матеріалахъ, охватывающихъ разныя стороны хозяйственнаго быта крестьянъ, соотвѣтствующія данныя приводятся для каждой изъ 50-ти губерній Европейской Россіи, независимо отъ того, имѣются ли для нея такія данныя и заслуживаютъ ли онѣ довѣрія. Составители „Матеріаловъ" достигли такой полноты, прибѣгая къ аналогіи и другимъ пріемамъ исправленія и дополненія данныхъ различныхъ источниковъ; окончательныя ихъ цифры для отдѣльныхъ губерній отличаются, поэтому, далеко не одинаковымъ достоинствомъ и пользованіе ими допустимо при условіи не забывать указанной ихъ особенности.

Г. Бажаевъ пользовался главнымъ образомъ этими именно матеріалами, но ни словомъ не обмолвился о ихъ характерныхъ чертахъ. Приведя, напр., на стр. 23 своего труда картограмму того, какъ рисуется „Матеріалами" коммиссіи о центрѣ отношеніе въ каждой губерніи площади внѣнадѣльной аренды къ надѣльной землѣ, и считая нужнымъ объяснить, что, за неимѣніемъ „прямыхъ источниковъ для

учета общаго количества внѣнадѣльной арендной площади", „Матеріалы" устанавливали его выборкою изъ всѣхъ источниковъ максимальныхъ для каждой губерніи количествъ арендной земли, авторъ не указалъ на то, что необходимымъ послѣдствіемъ подобнаго пріема должно быть нарушеніе порайонныхъ соотношеній, потому что высшія цифры даются земской статистикой, и для тѣхъ губерній, земство которыхъ не производило изслѣдованія крестьянскаго хозяйства, итогъ крестьянской аренды въ „Матеріалахъ" пониженъ не только сравнительно съ дѣйствительностью, но и сравнительно съ итогами для губерній, обладающихъ такими изслѣдованіями. При подобныхъ свойствахъ „Матеріаловъ" коммиссіи о центрѣ возникаетъ даже вопросъ о томъ, чему отдать предпочтеніе при характеристикѣ порайонныхъ соотношеній въ данномъ вопросѣ: завѣдомо преуменьшеннымъ, но однороднымъ по происхожденію старымъ цифрамъ центр. стат. комитета или болѣе точнымъ вообще, но разноцѣннымъ свѣдѣніямъ „Матеріаловъ". Для г. Бажаева обязательно было указать на характерную особенность матеріаловъ, коими онъ пользовался, еще потому, что своей книжкой онъ желаетъ, между прочимъ, помочь „всѣмъ, интересующимся арендньмъ вопросомъ, разобраться въ имѣющейся литературѣ". Земская литература, впрочемъ, недостаточно извѣстна и самому автору. Онъ почерпалъ свѣдѣнія о ней по преимуществу изъ вторыхъ рукъ, и этимъ послѣднимъ нерѣдко приписывалъ такіе выводы, которые на самомъ дѣлѣ принадлежатъ авторамъ земскихъ статистическихъ сборниковъ. Къ сожалѣнію, г. Бажаевъ недостаточно использовалъ и тѣ земскія изслѣдованія, которыя ему извѣстны непосредственно. Новѣйшее изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства Московской губерніи своей групировкой матеріала доставляетъ рѣдкій случай для нагляднаго изображенія и прямого доказательства важнаго вліянія аренды внѣнадѣльныхъ угодій на поддержаніе и развитіе крестьянскаго хозяйства. Такое доказательство имѣло бы особенное значеніе и потому, что своимъ трудомъ г. Бажаевъ надѣется послужить дѣлу цѣлесообразнаго разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ вопроса о регулированіи арендныхъ отношеній, выдвинутаго, по его мнѣнію, на очередь послѣ того, какъ потерпѣли крушеніе проекты разрѣшеній аграрнаго вопроса путемъ принудительнаго отчужденія внѣнадѣльныхъ земель.

Аренда крестьянами чужихъ земель представляется тѣмъ болѣе необходимой и требующей законодательнаго регулированія, чѣмъ лучше выяснены происхожденіе и корни этого хозяйственнаго явленія. Въ этомъ отношеніи г. Бажаевымъ сдѣлано немного, а его объясненіе происхожденія аренды (стр. 17), какъ способа расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія, сдѣлавшагося необходимымъ потому что

„общая экономическая конъюнктура измѣнилась послѣ реформы такъ быстро и такъ рѣзко, что крестьянство не имѣло ни времени, ни возможности приспособиться къ ней видоизмѣненіемъ организаціи и пріемовъ производства, и поставлено было въ необходимость искать спасенія въ расширеніи площади землепользованія"—это объясненіе способно скорѣе ослабить, нежели усилить значеніе аренды для современнаго крестьянскаго хозяйства. Послѣ крестьянской реформы протекло уже столько времени, что крестьянское хозяйство могло бы „приспособиться къ измѣнившимся внѣшнимъ условіямъ" и подняться на техническую высоту, исключающую необходимость распространеній крестьянской запашки на чужой землѣ. Авторъ упустилъ изъ виду, что къ арендѣ чужихъ угодій крестьяне первоначально должны были прибѣгать не для расширенія, а для сохраненія дореформенныхъ размѣровъ своего хозяйства: Положеніемъ 19-го февраля они были лишены земель, коими пользовались въ крѣпостныя времена, путемъ отрѣзки земель, состоявшихъ въ единственномъ владѣніи крѣпостныхъ крестьянъ (преимущественно въ черноземной полосѣ) и лишенія ихъ права пользоваться кормами и лѣсомъ въ угодьяхъ, состоявшихъ въ общемъ ихъ пользованіи съ помѣщиками. Аренда крестьянами владѣльческихъ угодій была, поэтому, принудительнымъ для нихъ явленіемъ, съ точки зрѣнія не только потребленія, но и производства: безъ нея крестьяне не могли поддерживать свое хозяйство на уровнѣ крѣпостныхъ временъ и должны были лишиться живого инвентаря. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляли крестьяне западныхъ губерній, за которыми было сохранено право сервитута на лѣсныя и кормовыя угодья ихъ бывшихъ владѣльцевъ.—В. В.

— Richard M. Meyer: Die deutsche Literatur des Neunzehnten Jahrhunderts. Берлинъ, 1910.

Сочиненіе Мейера было написано для серіи обзоровъ-итоговъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Девятнадцатый вѣкъ въ развитіи Германіи". Первое изданіе этой книги, вышедшее въ одномъ томѣ, разошлось въ теченіе немногихъ недѣль. Второе и третье изданія также были раскуплены очень быстро. Теперь вышло въ свѣтъ четвертое изданіе, въ двухъ томахъ. Въ первомъ изданіи своего труда авторъ разсматривалъ всю исторію нѣмецкой литературы примѣнительно къ десятилѣтнимъ періодамъ. Въ нынѣшнемъ изданіи распредѣленіе матеріала сдѣлано въ связи съ характерными явленіями и теченіями нѣмецкой литературной исторіи, независимо отъ хронологіи. Благодаря этому отдѣльныя тенденціи освѣщены ярче, чѣмъ прежде, и все изложеніе стало болѣе органическимъ и цѣльнымъ. Одна изъ особенностей книги

заключается въ томъ, что авторъ стремился вмѣстить въ свой обзоръ по возможности больше второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ писателей. Онъ совершенно правъ, находя, что такая исторія литературы „справедливѣе": правильная перспектива дѣйствительно можетъ быть установлена лишь тогда, когда мы можемъ сопоставить заслуги геніевъ и первоклассныхъ талантовъ съ тѣми пріобрѣтеніями, которыя были сдѣланы до нихъ усиліями многихъ скромныхъ работниковъ. Но въ то же время стремленіе къ полнотѣ не можетъ не повести къ афористичности и кинематографичности изложенія, утомляющей читателя. У Мейера стремленіе къ полнотѣ вызывается, между прочимъ, оптимистическимъ взглядомъ на исторію и современное положеніе нѣмецкой литературы и доброжелательнымъ отношеніемъ ко всякому дарованію. Германское творчество представляется ему въ радостномъ свѣтѣ; онъ преисполненъ надеждъ на будущее.

Изъ русскихъ авторовъ, которые въ той или иной формѣ имѣютъ отношеніе къ развитію нѣмецкихъ литературныхъ настроеній, въ книгѣ Мейера упоминаются мимоходомъ Лермонтовъ, Пушкинъ, Горькій; болѣе часты ссылки на Достоевскаго, Тургенева и Толстого.

— Samuel Max Melamed. Theorie, Ursprung und Geschichte der Friedensidee. Штутгартъ, 1909.

Подзаголовокъ книги Меламеда гласитъ: „Kulturphilosophische Wanderungen" (культурно-философскія странствованія). Этими словами точно указана тема всего сочиненія. Рѣчь идетъ въ немъ не о пацифистскомъ *движеніи*, а о пацифистской *идеѣ*, о ея теоретическомъ обоснованіи и ея историческихъ судьбахъ. Авторъ разсматриваетъ вопросъ не съ политической или соціологической точки зрѣнія, а съ этико-философской. Вся работа его распадается на двѣ части. Въ первой авторъ пытается дать систематическое освѣщеніе и обоснованіе пацифизма. Съ немалымъ литературнымъ талантомъ и большой эрудиціей разсматриваетъ онъ войну и миръ, часто находя удачныя выраженія для своихъ взглядовъ. Вопреки мнѣнію выдающихся мыслителей и государственныхъ людей (напр. Гегеля, Прудона, Мольтке), находящихъ, что война содѣйствуетъ развитію многихъ человѣческихъ добродѣтелей, Меламедъ приходитъ къ заключенію, что война является могилой всякой этики, источникомъ культурной отсталости и физическаго вырожденія. Идея мира должна, въ концѣ концовъ, сдѣлать невозможной всякую войну между народами. Эта идея покоится не на сантиментахъ, а на разумныхъ соображеніяхъ, обезпечивающихъ ея конечную побѣду. Въ основѣ ея лежитъ представленіе о единствѣ и солидарности человѣчества. Устраненіе войны

не означаетъ устраненія элемента борьбы вообще. Борьба необходима, какъ стимулъ развитія духовныхъ и физическихъ силъ. Но борьба между индивидуумами отнюдь не должна вести къ войнѣ народовъ; она не связана съ нелѣпымъ массовымъ убійствомъ, какимъ является современная война.—Вторая часть книги даетъ исторію пацифистской идеи. Авторъ изображаетъ ея судьбы въ Іудеѣ, въ древней Греціи, въ Римѣ, въ средніе вѣка, въ періодъ возрожденія, у энциклопедистовъ и наконецъ у философовъ XIX вѣка. Повсюду онъ обнаруживаетъ большую начитанность и способность отличать наиболѣе важныя и интересныя стороны каждаго ученія. Онъ приходитъ къ заключенію, что на сторонѣ мира стоитъ разумъ, на сторонѣ войны— романтическій мистицизмъ и романтическая нелогичность. Этика— будетъ ли это этика ясновидца-пророка или критическаго философа— противъ войны. Этика есть основаніе права; война уничтожаетъ всякое правовое отношеніе.

Прекрасное сочиненіе Меламеда вполнѣ заслуженно премировано въ 1907-мъ году интернаціональнымъ бюро мира. Было бы желательно, чтобы оно нашло читателей у насъ въ Россіи.

— Max Apel. Die Weltanschauung Haeckels. Берлинъ-Шенебергъ, 1909.

Имя Геккеля извѣстно теперь почти каждому читающему нѣмцу. Книги его, въ особенности „Міровыя загадки" (Welträtsel) и „Чудеса жизни" (Lebenswunder) разошлись во многихъ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Движеніе, вызванное этими сочиненіями, нѣкоторые наблюдатели сравниваютъ съ реформаціей XVI-го столѣтія. Почти во всѣхъ крупныхъ городахъ Германіи существуютъ спеціальныя „монистическія" организаціи (отдѣленія Monistenbund'а), ведущія систематическую пропаганду „монизма". Не смотря на такой интересъ къ геккелизму, въ нѣмецкой литературѣ не существуетъ обстоятельнаго изложенія этого ученія. Многочисленныя сочиненія, вызванныя „монизмомъ", касаются, большею частью, отдѣльныхъ его сторонъ и написаны, притомъ, или въ вызывающе-полемическомъ, или же въ неудержимо-хвалебномъ тонѣ. Объективнаго изложенія и объективной критики геккелевскій монизмъ еще не дождался. Имѣющаяся и въ русскомъ переводѣ біографія Геккеля, написанная Бельше, не составляетъ исключенія. Она почти не касается философскихъ сторонъ геккелизма. Кромѣ того, она значительно устарѣла.

Симпатичной попыткой заполнить этотъ пробѣлъ является небольшая книжка берлинскаго доцента Апеля. На пространствѣ 82-хъ страницъ авторъ безпристрастно излагаетъ основныя идеи Геккеля. Отмѣтивъ ходъ научнаго развитія Геккеля, его отношеніе къ Вир-

хову и Дарвину, Апель переходитъ къ сопоставленію геккелизма съ философскимъ матеріализмомъ, къ которому нѣкоторые писатели (напр. Кюльпе, въ его обзорѣ нѣмецкой философіи) напрасно причисляютъ Геккеля. При характеристикѣ основъ геккелевскаго міровоззрѣнія Апель останавливается особенно подробно на вопросѣ объ отношеніи между „матеріей" и „духомъ" и на проблемѣ субстанціи, которой Геккель придаетъ большое значеніе. Дальше идетъ характеристика отношенія монизма къ религіи, философіи и этикѣ. Апель—кантіанецъ: этимъ достаточно характеризуется точка зрѣнія, изъ которой онъ исходитъ при разборѣ и оцѣнкѣ излагаемаго имъ ученія.

— Eugen v. Philippovich: Die Entwicklung der wirtschaftlichen Ideen im XIX Jahrhundert. Тюбингенъ, 1910.

Новая работа извѣстнаго вѣнскаго экономиста составилась изъ лекцій, читанныхъ имъ въ берлинскомъ „союзѣ для развитія государственныхъ знаній" (Vereinigung für staatswissenschaftliche Fortbildung). Темы лекцій — художественный либерализмъ, консерваторы, соціализмъ, соціальная политика, аграріи, современное положеніе. Расположеніе матеріала соотвѣтствуетъ хронологической послѣдовательности, въ которой хозяйственныя идеи выступали въ XIX ст. на общественную арену. Анализъ идей авторъ связываетъ повсюду съ характеристикой соціально-экономическихъ силъ, выдвинувшихъ или поддерживающихъ ту или иную хозяйственную концепцію. Цѣнность книги благодаря этому значительно увеличивается. Изложеніе ея отличается спокойнымъ, объективнымъ, можно даже сказать осторожнымъ тономъ. Сильныя и слабыя стороны каждаго ученія охарактеризованы съ одинаковымъ безпристрастіемъ. Личные взгляды автора выступаютъ лишь въ очень незначительной и слабой степени. Современное положеніе характеризуется, по мнѣнію Филипповича, отсутствіемъ принципіальности въ борьбѣ хозяйственныхъ идей. Либерализмъ, консерватизмъ и даже соціализмъ борются не за исключительное господство своего экономическаго міровоззрѣнія, а только за долю участія въ компромисномъ хозяйственномъ строительствѣ. Либерализмъ не является теперь принципіальной защитой капитализма, консерватизмъ же и соціализмъ не выступаютъ какъ его принціальные противники. Организаціонная сила капитализма и его хозяйственная продуктивность стали неотъемлемыми факторами нашей жизни. Рѣчь можетъ идти не объ уничтоженіи, а о реформированіи капиталистическаго строя, о приспособленіи его къ новымъ потребностямъ общества. Отсутствіе принципіальной борьбы ведетъ, однако, къ тому, что на мѣсто интересовъ цѣлаго общества выступаютъ интересы отдѣль-

ныхъ классовъ и группъ. Благо всѣхъ перестаетъ быть руководящей идеей. Въ какой мѣрѣ различныя хозяйственныя воззрѣнія участвуютъ въ дѣйствительномъ хозяйственномъ строительствѣ—Филипповичъ не пытается установить, ограничиваясь лишь перечисленіемъ нѣкоторыхъ „большихъ идей", заложенныхъ въ основаніе современной хозяйственной и соціальной политики. Такими идеями онъ считаетъ возможно полную автономію народно-государственнаго хозяйства, обезпеченіе основныхъ условій существованія публично-правовыми институтами, защиту личности и улучшеніе матеріальнаго положенія неимущихъ классовъ, товарищескую организацію промышленности и торговли, изъятіе предпріятій монопольнаго характера изъ области частнаго предпринимательства. — Р. Стрѣльцовъ.

Въ теченіе августа мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Аверченко, Аркадій. — Веселыя устрицы. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 10 коп.

Агада.—Сказанія, притчи, изреченія Талмуда и Мидрашей. Въ 4-хъ частяхъ. Часть I. Перев. съ введеніемъ С. Г. Фруга. Одесса, 1910 г. Цѣна 1 р. 30 коп.

Александрова, А. Н. — Борьба жизни со смертью. Выпускъ I-IV. Спб., 1910 г. Цѣна 15 коп.

Будкевичъ, Ф. П.—Проектъ министра юстиціи о преобразованіи мѣстнаго суда въ связи съ системою и планомъ кодификаціи законовъ. Варшава, 1910 г.

Бунинъ, Иванъ.—Томъ VI. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Вуанья, А.—Дѣтская школа младшаго возраста. Руководство для воспитательницъ и матерей. Перев. съ франц. Н. М., подъ ред. А. С. Варшава, 1910 г. Цѣна 75 коп.

Ибаньесъ, Бласко. — Полное собраніе сочиненій. Т. I. Нагая наложница. Романъ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Игнатюкъ, А. Ф.—Монеты, мѣры и вѣсы разныхъ государствъ. Москва.

Кафенгаузъ, Л. Б. — Развитіе русскаго сельскохозяйственнаго машиностроенія. Харьковъ, 1910 г. Цѣна 50 коп.

Кравковъ, В. П., д-ръ мед.—Заразные факторы людского злополучія и раціональныя нормы практической постановки мѣръ личной, общественной и правительственной борьбы съ ними. Ярославль, 1910 г. Цѣна 2 р. 75 коп.

Литошенко, Л. Н.—Таможенное обложеніе въ Россіи сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій и его значеніе для русскаго сельскаго хозяйства. Харьковъ, 1910 г. Цѣна 1 р.

Масловъ, Семенъ.—Сбытъ хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ и кооперація. Спб., 1910 г. Цѣна 6 коп.

Невинскій, Ив.—Кирей Телишевичъ. Поэма провинціальной службы. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Пархоменко, Владиміръ. — Опытъ исторіи Переяславско-Бориспольской епархіи (1733—1785 гг.) въ связи съ общимъ ходомъ малороссійской жизни того времени. Изд. 2-е. Полтава, 1910 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Пти, Ф.—Новая модель аэроплана. Перев. съ франц. Н. И. Николаева. Москва, 1910 г. Цѣна 20 коп.

Серао, Матильда.—Послѣ прощенія. Романъ. Перев. съ итал. А. М—овой. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Эрдманнъ, Бенно.—Научныя гипотезы о душѣ и тѣлѣ. Переводъ съ разрѣшенія автора, съ предисловіемъ и подъ редакціей dr. phil. В. Н. Половцовой. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

— Бюллетени книжныхъ новостей 1909—1910 г. Съ приложеніемъ краткаго изложенія десятичной библіографической классификаціи Б. С. Боднарскаго. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

— Врачебная хроника Харьковской губ. Харьковъ, 1910 г.

— Вѣстникъ взаимнаго кредита. №№ 1—6. Спб., 1910 г.

— Коммерческое образованіе въ Россіи. Правила. Программы. Права. Изданіе Маріинской торговой школы въ Москвѣ. Москва.

— Народная энциклопедія. Т. V. Медицина. Москва, 1910 г.

— Областной съѣздъ юга Россіи по борьбѣ съ эпидеміями. Харьковъ 26 мая—4 іюня 1910 г. Отдѣлъ IV. Протоколы засѣданій. Харьковъ, 1910 г.

— Отчетъ библіотеки имени С. Л. Бернфельда въ г. Одессѣ за 1909 г. Одесса, 1910 г.

— Отчетъ Иваново-Вознесенской общественной публичной библіотеки за 1909 годъ. Владиміръ, 1910 г.

— Чеховскій Юбилейный Сборникъ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Движение на търговията на България съ чуждитѣ държави. Първопо тримѣсечне отъ 1910 година. София, 1910.

— Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Т. XCV. Книга III. У Львови, 1910 р.

— Памятки україиньско-руськоі мови і литератури. Том VI. У Львові, 1910 р.

De-Gauzous, Th.—La magie et la sorcellerie en France. Paris, 1910. Prix 5 fr.

Jaloux, Edmond.—Le boudoir de Proserpine. Paris, 1910. Prix 5 fr.

Ochitowitsch, Alexander.—Beweis des grossen Fermatschen Satzes. Autorisierte Uebersetzung aus dem Russischen. Kazan, 1910. Preis 1 Mark.

Van-Neck, Léon.—1870—71, illustré. Préface par Paul Adam. Paris, 1910.

— Clef ou explication de divers points et termes principaux, employés par Jacob Boehme dans ses ouvrages. Traduite de l'Allemand sur l'édition de ses Oeuvres complètes, imprimées en 1715. Sur l'édition rarissime de 1826. Paris, 1910.

— The second annual report on reforms and progress in Korea (1908—09). Compiled by H. J. J. M.'s Residency general. Seoul, december, 1909.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

„Государственность“, „общественность“ и борьба съ холерой.—Мѣры борьбы, рекомендуемыя правой печатью.—„Общія мѣста“.—Слухи объ уходѣ г. Глазунова.—Его вѣроятный преемникъ. — Дѣло Кнобельсдорфа. — Убійство офицерами городового.— Интендантскія ревизіи и первые ихъ піонеры.—М. И. Горчаковъ †.

„Съ своей стороны правительство дѣлаетъ все возможное для прекращенія постигшаго насъ народнаго бѣдствія, но успѣхъ этого дѣла въ значительной степени будетъ зависѣть отъ того, насколько дѣятельно и горячо отнесутся къ нему само общество и призванныя къ борьбѣ съ эпидеміей общественныя учрежденія. Къ сожалѣнію, намъ нерѣдко приходится встрѣчаться съ такими фактами въ этомъ отношеніи, которые не могутъ не вызывать серьезнаго безпокойства“. Этотъ призывъ былъ напечатанъ еще въ концѣ іюля въ „совершенно частной“ газетѣ—„Россіи“.

Всякій разъ, когда страну постигаетъ бѣдствіе—холера, чума, голодъ или война—наша „государственность“ неизмѣнно вспоминаетъ свое противоположеніе и обращается къ „общественности“. Такъ бывало въ давнемъ и недавнемъ прошломъ и такъ останется навсегда, пока государственность будетъ противополагаться общественности и наоборотъ. Да и можетъ ли быть иначе? Можетъ ли оторванное отъ населенія правительство, какой бы полнотой власти оно ни обладало, успѣшно воздѣйствовать на коренныя причины голода или холеры? Оно можетъ штрафовать, назначать диктаторовъ, заполнять тюрьмы, даже вѣшать, но оно безсильно вдругъ пріучить населеніе, когда уже грянулъ громъ, къ соблюденію санитарныхъ правилъ. Оно можетъ разсылать на подмогу губернаторамъ чиновниковъ-спеціалистовъ и черезъ нихъ давать „указанія“, подкрѣпляемыя все тѣми же всепокрывающими карами,—работать же въ больницахъ и въ столовыхъ ни околоточные съ городовыми и стражниками, ни жандармскіе офицеры съ столоначальниками врачебныхъ управленій, очевидно, не могутъ.

Все это, конечно, „общія мѣста“. Но въ томъ и заключается трагизмъ русской жизни, что когда общество призываютъ къ дѣйствію, оно оказывается въ заколдованномъ кругѣ „общихъ мѣстъ“. Былъ моментъ—такъ недавно!—и въ этотъ моментъ казалось, что государ-

ственность и общественность слились, наконецъ, въ одно органическое цѣлое, что ихъ противоположность исчезла, что „общія мѣста" можно забыть. Моментъ прошелъ — и заколдованный кругъ снова замкнулся. Одержавшее побѣду надъ революціей и добившееся „успокоенія", министерство П. А. Столыпина какъ будто серьезно думаетъ, что въ Россіи была революція для революціи, что освободительное движеніе было забавой или шумихой, искусственно задуманной для удовлетворенія самолюбія либеральныхъ общественныхъ дѣятелей. Въ своихъ выступленіяхъ въ Думѣ и въ отзывчивости, съ которою оно относится къ требованіямъ черносотенныхъ организацій, министерство обыкновенно подчеркиваетъ конституціонную, такъ сказать, лояльность. Оно дѣлаетъ видъ, что признаетъ общественность и если не общественную самодѣятельность, то общественную иниціативу. Но вѣдь не могутъ же люди, имѣющіе разумъ, въ такой мѣрѣ поддаваться самообману, чтобы принимать за дѣйствительность ими самими созданныя декораціи и фикціи. Вѣдь нельзя же допустить, что человѣкъ, сознающій принятую на себя историческую отвѣтственность, создалъ декорацію для освѣщенія ею другихъ — и прежде всего ослѣпъ самъ. Вѣдь не можетъ же П. А. Столыпинъ на самомъ дѣлѣ считать аудиторію „Новаго Времени", „Земщины" и „Русскаго Знамени" за населеніе Россіи, а вожделѣнія гг. Меньшикова, Маркова и Пуришкевича за требованія русскаго общественнаго сознанія. И что это такъ—тому свидѣтельствомъ служатъ цитированныя слова оффиціоза. Не къ „обществу", представляемому черносотенной печатью и черносотенными организаціями, и не къ общественнымъ учрежденіямъ, типа петербургской или одесской городской думы, обращенъ правительственный призывъ. Они для правительства „свои", они съ правительствомъ—одна „сторона". Правительство отлично знаетъ, кто они и какую они могутъ дать „дѣятельность" и „горячность". Они для „успѣшной борьбы" съ холерой и чумой не нужны. Для этого нужна другая „сторона" — нефальсифицированная общественность.

Но „мавръ", само собою разумѣется, мыслитъ иначе. „Мавръ" не любитъ ни передъ чѣмъ отступать. Что для него холера?! Онъ разрѣшаетъ вопросъ рѣшительно и просто. „Земщина" предлагала, какъ мѣру борьбы съ холерой, подчиненіе оппозиціонной печати юрисдикціи военнаго суда. „Русское Знамя" рекомендовало разрѣшить союзникамъ погромъ. „Мы правы, — писала газета г. Дубровина — относя вновь начавшіеся террористическіе акты, *съ искусственнымъ развитіемъ холерной эпидеміи включительно*, на отвѣтственность и починъ партіи народной свободы. Казалось бы, ясно, что надлежитъ правительству дѣлать для внесенія успокоенія въ страну. Въ его рукахъ огромная

сила, и оно можетъ распылить въ воздухѣ малѣйшіе слѣды преступнаго сообщества, само не принимая даже мѣръ, но призвавъ лишь на помощь по водворенію законности и порядка организацію союза русскаго народа". Г. Меньшиковъ, конечно, не такъ простъ и прямолинеенъ. Его „горячее" и „дѣятельное" отношеніе къ народному бѣдствію выразилось не по шаблону союзническихъ чайныхъ, но въ смыслѣ „общественнаго" отвѣта на призывъ онъ далъ нѣчто еще меньшее. Онъ заявилъ, что необходимо создать новое министерство и новаго министра. Г. Меньшиковъ писалъ: „Министерство внутреннихъ дѣлъ занято борьбой съ политической анархіей. Поэтому маленькій медицинскій департаментъ долженъ сдѣлаться самостоятельнымъ, и глава его долженъ быть поставленъ на хозяйскую, а не на приказчичью высоту". Не правда ли, какъ дышетъ это заявленіе чуждымъ для бюрократіи „общественнымъ" творчествомъ?..

Имѣетъ ли то русское общество, о которомъ холера заставила правительство вспомнить, какія-либо формы проявленія самодѣятельности? Гдѣ свободная, независимая печать—эта огромная общественная сила? Куда дѣвалась общественная энергія? Едва ли есть надобность отвѣчать на эти вопросы. Лучше приведемъ одинъ изъ тѣхъ мелкихъ фактовъ, какими современность такъ щедро одаряетъ нашу общественность. Ровно годъ назадъ въ обывательскомъ обществѣ одной изъ центральныхъ частей Петербурга возникла мысль устроить дешевую столовую. Нашлись жертвователи, внесшіе около тысячи рублей на первоначальное обзаведеніе и обязавшіеся ежемѣсячно вносить сумму, совершенно достаточную, чтобы столовая могла существовать. Холера была въ Петербургѣ въ прошломъ году, и ничто не предвѣщало, чтобы ея не было въ нынѣшнемъ. Казалось бы, никакихъ препятствій къ открытію столовой и выдумать нельзя. Въ дѣйствительности же вышло такъ, что жертвователямъ и формально зарегистрированному обществу пришлось въ теченіе девяти мѣсяцевъ имѣть непрерывное хожденіе по дѣлу—и въ результатѣ получить безповоротный отказъ.

Какъ люди, искушенные опытомъ, они прежде всего пошли въ канцелярію градоначальника, чтобы навести справку. Тамъ сказали, что въ уставѣ общества не упомянуто о правѣ открывать столовыя, а потому градоначальникъ при всемъ желаніи будетъ лишенъ возможности дать разрѣшеніе. Предложили обратиться въ мѣстное участковое попечительство, дабы оно приняло деньги и открыло столовую подъ своимъ флагомъ. Обратились. Предсѣдатель попечительства—„общественный" дѣятель, избранный стародумскимъ большинствомъ,—заявилъ, что по мнѣнію попечительства населеніе части въ столовой не нуждается. Опять пошли въ канцелярію градоначальника. „Лю-

безный" чиновникъ сказалъ: „одинъ исходъ — измѣните уставъ". Написали проектъ, созвали два послѣдовательныхъ общихъ собранія, проектъ представили. Присутствіе, сославшись на цѣлый арсеналъ статей закона, проекта дополненія устава не утвердило. Чиновникъ посовѣтовалъ предсѣдателю комитета общества подать прошеніе объ открытіи столовой отъ своего личнаго имени, т.-е. обратить общественную инициативу въ свою именную, а съ чужими деньгами совершить то, что криминалисты называютъ нелестнымъ терминомъ: присвоеніе. Полагаемъ, что ни у кого не хватитъ смѣлости упрекнуть предсѣдателя комитета за то, что онъ не послѣдовалъ мудрому совѣту и тѣмъ отказалъ въ содѣйствіи правительственнымъ мѣрамъ „для прекращенія постигшаго насъ народнаго бѣдствія".

Въ отношеніи „призванныхъ къ борьбѣ съ эпидеміей общественныхъ учрежденій" даже „Голосъ Москвы" заговорилъ общими мѣстами. „Очевидно,—писалъ октябристскій органъ (№ 171),—что правительство безсильно въ этой борьбѣ... Дѣло должно быть сосредоточено въ рукахъ городскихъ и земскихъ самоуправленій... Существующія городовое и земское положенія тяжелыми цѣпями лежатъ на дѣятельности мѣстныхъ самоуправленій... Самъ собой выдвигается вопросъ о широкой мѣстной реформѣ. Нужно привлечь къ мѣстному управленію новыя силы, нужно облегчить бюджеты, обремененные массою расходовъ „въ пособіе казнѣ",—расходовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ мѣстными задачами. Больше того: нужно передать городамъ часть государственныхъ доходовъ, начиная хотя бы съ квартирнаго налога. Только тогда къ мѣстнымъ самоуправленіямъ можно будетъ предъявить серьезныя требованія". Кстати напомнилъ также „общее мѣсто" г. Л. Бертенсонъ („Новое Время" № 12353) — Высочайшую резолюцію на его отчетѣ, представленномъ въ 1908-мъ году: „Обращаю самое серьезное вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ на безотрадное состояніе въ Россіи санитарно-врачебнаго дѣла. Необходимо во что бы то ни стало добиться не только улучшенія его, но и правильной постановки. Нужно быть въ состояніи предупреждать эпидеміи, а не только бороться съ ними. Требую, чтобы безотлагательно было разработано и внесено на законодательное разсмотрѣніе дѣло упорядоченія въ Россіи санитарно-врачебной организаціи".

Судя по газетнымъ слухамъ, слѣдствіемъ нынѣшней лѣтней холерной кампаніи въ Петербургѣ будетъ уходъ въ отставку городского головы, г. Глазунова. Вѣрный тому пониманію общественности, котораго держится „всероссійскій національный союзъ", г. Глазуновъ, членъ комитета союза, думалъ быть купцомъ-хозяиномъ города и по-хозяйски же

расправиться съ холерой, но скоро „сдалъ“: уѣхалъ въ отпускъ, а теперь, говорятъ, и вовсе собирается уйти на покой. Жалѣть не придется. Недолгое главенство г. Глазунова было попыткой доказать, что въ городскихъ дѣлахъ дума—если не терпимое только по своей неизбѣжности зло, то, во всякомъ случаѣ, органъ второстепенный, и что суть городского самоуправленія—въ стоящемъ надъ думой единоличномъ диктаторѣ. Неудача постигла попытку раньше, чѣмъ можно было ожидать—и съ точки зрѣнія реальныхъ городскихъ интересовъ этому, конечно, должно радоваться: всетаки, городу меньше причинено вреда.

Въ теченіе лѣта, въ дѣятельности г. Глазунова было два характерныхъ момента: созывъ экстреннаго собранія думы 23 іюня по вопросу о постройкѣ Дворцоваго моста и отказъ созвать такое же собраніе по вопросу о борьбѣ съ холерой. Когда, въ іюлѣ, внезапно повысились отмѣтки ежедневной заболѣваемости и смертности и положеніе стало тревожнымъ, въ печати естественно заговорили о необходимости созвать чрезвычайное собраніе думы, что, кстати сказать, прямо предусмотрѣно закономъ. Печать справедливо указывала, что населеніе въ правѣ требовать, чтобы исполнительный органъ городского самоуправленія далъ отчетъ о принятыхъ и принимаемыхъ мѣрахъ и чтобы этотъ отчетъ чрезъ посредство публичнаго собранія думы сталъ немедленно извѣстенъ населенію. Г. Глазуновъ категорически заявилъ явившимся къ нему газетнымъ корреспондентамъ, что какъ онъ, такъ равно управа, и въ мысляхъ не имѣютъ созывать думу. Его отвѣтъ былъ полонъ не то недоумѣнія—зачѣмъ дума для борьбы съ холерой?—не то негодованія: кто (кромѣ „начальства“, очевидно) смѣетъ вмѣшиваться въ „мои“ распоряженія и предположенія? Мало того: г. Глазуновъ, не смотря на напоминаніе гласнаго С. В. Иванова, не принялъ мѣръ даже къ созыву очередного засѣданія думы, которое по росписанію должно было состояться 11 августа.

Экстренное собраніе городской думы 23 іюня состоялось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Послѣднее засѣданіе по разсмотрѣнію смѣты было 17 іюня. Трудно думать, чтобы г. Глазуновъ тогда еще не зналъ, что для него явится необходимость черезъ шесть дней снова пригласить гласныхъ, ибо для созыва чрезвычайныхъ собраній законъ требуетъ разрѣшенія или распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ, т.-е. того, что неизбѣжно связано съ такими предварительными дѣйствіями со стороны городского головы, которыхъ въ одинъ день совершить невозможно. Но объявить объ этомъ гласнымъ г. Глазуновъ не счелъ нужнымъ. Такимъ образомъ, гласные впервые узнали о назначенномъ собраніи изъ повѣстокъ, разосланныхъ за два дня. Нѣтъ ничего страннаго, что въ думу они прибыли въ числѣ меньшемъ, чѣмъ закономъ установленный кворумъ.

Тутъ на помощь г. Глазунову пришелъ замѣститель предсѣдателя, г. Казицынъ, и, на основаніи ст. 62 положенія объ общественномъ управленіи Петербурга, объявилъ собраніе законно состоявшимся [1]). Напрасно представители городской оппозиціи протестовали, возмущенно заявляя, что вопросъ объ отдачѣ милліоннаго подряда на постройку Дворцоваго моста никакъ нельзя признать вопросомъ „подобнымъ“ народному бѣдствію или военнымъ обстоятельствамъ. Напрасно, ссылаясь на ст. 63 положенія, они настаивали, что для разрѣшенія даннаго вопроса въ собраніи должно присутствовать даже не 54, а 81 гласныхъ [2]). Г. Казицынъ ко всему остался глухъ. Онъ не спорилъ, не возражалъ и, лишивъ оппозицію слова, предложилъ приступить къ разсмотрѣнію вопроса по существу. Оппозиція оказалась вынужденной остаться и принимать участіе въ явно незаконномъ по составу собраніи, ибо уходъ ея только и нуженъ былъ гг. Казицыну и Глазунову: вопросъ былъ бы объявленъ рѣшеннымъ „думою“ — въ составѣ управы и двухъ-трехъ гласныхъ — единогласно. А суть вопроса заключалась въ томъ, чтобы отмѣнить ранѣе состоявшееся рѣшеніе объ отдачѣ подряда фирмѣ, заявившей меньшую цѣну, и передать его фирмѣ, пользующейся чьимъ-то вліятельнымъ покровительствомъ, за сумму, на нѣсколько сотъ тысячъ рублей бòльшую. Пренія по существу были кратки, такъ какъ говорила только одна сторона, а другая по обыкновенію молчала: она ходитъ въ думу не убѣждать или убѣждаться, а класть шары. И при баллотировкѣ она дала въ пользу доклада управы на одинъ шаръ больше. Оппозиція, въ виду заключительныхъ словъ ст. 63 положенія, торжествовала. Но ея торжество не продолжалось и пяти минутъ. Г. Казицынъ объявилъ, что „законно“ состоявшееся чрезвычайное собраніе, большинствомъ одного голоса, „законно“ постановило принять докладъ управы. Изумленные гласные стали громко читать законъ—г. Казицынъ закрылъ собраніе. Что значатъ для него, для г. Глазунова и вообще для большинства петербургской городской думы мертвыя слова закона, когда они знаютъ, что за ними и вмѣстѣ съ ними нѣчто живое и неизмѣримо бòльшее—„вліятельное покровительство“!..

---

[1]) Ст. 62. „Для законнаго состава думы требуется присутствіе не менѣе пятидесяти четырехъ гласныхъ. Чрезвычайныя собранія, созываемыя во время народныхъ бѣдствій, по военнымъ обстоятельствамъ и т. п., признаются дѣйствительными при всякомъ числѣ гласныхъ“.

[2]) Ст. 63. „Для дѣйствительности опредѣленій:.. 3) о заключеніи договоровъ съ частными предпринимателями относительно устройства и эксплоатаціи ими городскихъ сооруженій общаго пользованія въ случаяхъ, когда срокъ договора превышаетъ 12 лѣтъ, или же стоимость сооруженія пр восходитъ 500.000 руб.,... требуется присутствіе въ думѣ не менѣе восьмидесяти одного гласнаго и принятіе рѣшенія большинствомъ не менѣе двухъ третей присутствующихъ въ собраніи думы“.

Преемникомъ г. Глазунова въ стародумскихъ кругахъ упорно называютъ г. Казицына.

Ужасами средневѣковья вѣетъ отъ приговора минскаго окружнаго суда по дѣлу польскаго помѣщика Кнобельсдорфа. Остовъ дѣла можно изложить въ немногихъ словахъ. Во время охоты гости Кнобельсдорфа, преслѣдуя лисицу, скрывшуюся въ нору подъ полуразрушившейся „приписной" православной церковью, вошли въ церковь, подняли полъ и когда изъ-подъ пола выпрыгнула сперва собака, а за нею лисица, тутъ же выстрѣлами изъ ружей лисицу убили. По версіи обвиняемыхъ, они совершенно случайно, за лисицей, попали къ церкви и произвели выстрѣлы, какъ забывшіеся въ пылу увлеченія охотой. По версіи же обвинительнаго акта, стрѣльба въ церкви была совершена по заранѣе обдуманному всѣми охотниками намѣренію, т.-е. цѣлью ихъ дѣйствій была вовсе не охота на лисицу, а именно стрѣльба и пролитіе крови въ церкви. И въ приговорѣ суда версія обвинительнаго акта нашла полное подтвержденіе. Иначе нельзя объяснить осужденія самого Кнобельсдорфа и одного изъ его гостей, г. Урбанчика, находившихся въ моментъ стрѣльбы по лисицѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ церкви. Пятеро изъ осужденныхъ, въ ихъ числѣ семидесятилѣтній старикъ Кнобельсдорфъ, присуждены къ каторгѣ на сроки отъ 4 до 15 лѣтъ, одинъ—къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія и одинъ — къ заключенію въ тюрьмѣ. 31-го іюля кассаціонная жалоба осужденныхъ слушалась въ сенатѣ и оставлена безъ послѣдствій. Такимъ образомъ, послѣдній актъ процесса конченъ: судьба несчастныхъ рѣшена безповоротно. Поворотъ возможенъ только въ порядкѣ внѣсудебномъ.

Допустимъ на минуту недопустимое. Допустимъ, что дѣйствительно осужденныхъ привела въ церковь не лисица, а дикая мысль во что бы то ни стало пролить въ церкви кровь лисицы. Допустимъ, что безсмысленное желаніе въ такой мѣрѣ захватило семь человѣкъ, не изъ числа бѣжавшихъ изъ больницы для душевнобольныхъ, что они для его достиженія организовали охоту и нарочно загнали лисицу подъ церковь. И, всетаки, волосы становятся дыбомъ, когда подумаешь, что въ XX-мъ вѣкѣ для удовлетворенія оскорбленнаго чувства православныхъ христіанъ могла понадобиться и понадобилась каторга. Въ средніе вѣка объектомъ религіозныхъ посягательствъ считалось Божество, и тогда безчеловѣчныя кары за богохуленіе и оскорбленіе святыни были еще объяснимы. Съ точки зрѣнія современнаго права, Божество не можетъ быть объектомъ преступныхъ дѣяній; объектъ религіозныхъ попечительствъ—не на небѣ, а на землѣ: въ религіозномъ чувствѣ вѣрующихъ. Отсюда вытекло какъ измѣненіе въ коде-

ксахъ юридической конструкціи религіозныхъ преступныхъ дѣяній, такъ и въ особенности пониженіе размѣровъ отвѣтственности. Наше уголовное уложеніе, правда, стоитъ въ послѣднемъ отношеніи на давно отвергнутой наукою точкѣ зрѣнія. За высшія формы богохуленія или оскорбленія святыни оно назначаетъ срочную каторгу. Но свободному усмотрѣнію суда оно предоставляетъ опредѣлять вмѣсто каторги поселеніе и, выдвигая моментъ „неразумія, невѣжества или состоянія опьяненія“, сразу, минуя промежуточныя наказанія, переходитъ къ аресту. Въ дѣлѣ Кнобельсдорфа и его гостей этотъ моментъ вердиктомъ присяжныхъ былъ отвергнутъ. Присяжные вняли разъясненію предсѣдателя, который, какъ указывалось въ кассаціонной жалобѣ (заимствуемъ изъ № 208 „Рѣчи“), имъ говорилъ: „Для того, чтобы понимать, что такое святотатство (?), не нужно кончать университета. И родители прежде всего учатъ своихъ дѣтей вѣрѣ въ Бога и почтенію къ священнымъ предметамъ. Какъ же признать здѣсь неразумѣніе? Подсудимые отлично понимали, что дѣлали“. Съ своей стороны, коронный судъ не только не усмотрѣлъ наличности уменьшающихъ вину подсудимыхъ обстоятельствъ, но для пятерыхъ изъ нихъ избралъ строжайшее изъ предоставленныхъ его усмотрѣнію наказаній.

Гдѣ же лежитъ причина той безпримѣрной жестокости, которую въ дѣлѣ Кнобельсдорфа проявили и присяжные засѣдатели, и коронный судъ? Исторія процесса и исключительныя условія, въ которыхъ проходило его разсмотрѣніе, если не даютъ, то подсказываютъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Фактъ, вмѣненный въ вину подсудимымъ, имѣлъ мѣсто пять лѣтъ назадъ, въ 1905-мъ году. Тогда же было произведено полицейское дознаніе, которому становой приставъ, за отсутствіемъ основаній къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія, дальнѣйшаго хода не далъ. Затѣмъ въ дѣло вмѣшались какія-то неизвѣстныя „мѣстныя вліянія“. Было начато предварительное слѣдствіе. „Мѣстныя вліянія“, однако, по началу если и имѣли успѣхъ, то очень еще далекій отъ каторжнаго результата. Судебный слѣдователь усмотрѣлъ въ дѣлѣ признаки лишь послѣдней части 73 ст. уголовнаго уложенія и для наказанія виновныхъ арестомъ направилъ предварительное слѣдствіе къ земскому начальнику. Земскій начальникъ не усмотрѣлъ и этихъ признаковъ и дѣло прекратилъ. Но „мѣстныя вліянія“ не сдались. Какъ повели они кампанію, въ подробностяхъ мы не знаемъ. Изъ газетныхъ свѣдѣній извѣстно лишь, что въ кампаніи принялъ участіе членъ Государственной Думы Якубовичъ, что „мѣстныя вліянія“ нашли поддержку у епархіальной власти, что опредѣленіе земскаго начальника было отмѣнено и въ концѣ концовъ охотники предстали передъ минскимъ окружнымъ судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣ-

дателей. Епархіальная власть, очевидно не довѣряя обвинительной энергіи прокурорскаго надзора, активно выступила въ процессѣ черезъ своего представителя,—гордящагося высокимъ званіемъ „черносотенца", магистра римскаго права, частнаго повѣреннаго Бориса Никольскаго. И этотъ представитель епархіальной власти игралъ при разсмотрѣніи дѣла первую роль. Какъ онъ самъ говорилъ сотруднику „Рѣчи", присяжные, слушая его, „дважды плакали". Онъ отвергаетъ приписываемыя ему фразы: „польская морда", „ишь, какъ полячокъ присмирѣлъ" и т. п., но не отрицаетъ, что находился въ сильнѣйшемъ возбужденіи и что, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, просилъ присяжныхъ заступиться за православную вѣру.

Такъ былъ обставленъ процессъ въ Минскѣ. Въ сенатѣ, къ слушанію кассаціонной жалобы пріѣхалъ и занялъ мѣсто рядомъ съ креслами сенаторовъ минскій епископъ Михаилъ. Возражалъ противъ жалобы тотъ же Борисъ Никольскій. Когда первоприсутствующій объявилъ, что дѣло будетъ слушаться при закрытыхъ дверяхъ и пригласилъ публику оставить залъ засѣданія, то „по особому ходатайству частнаго обвинителя Бор. Никольскаго сенатъ разрѣшилъ остаться въ залѣ епископу Михаилу и сотрудницѣ „Новаго Времени" г-жѣ Криваксиной" („Рѣчь", № 208).

Дѣло Кнобельсдорфа—ужасный эпизодъ все той же мрачной драмы, которая разыгрывается сейчасъ въ русской жизни. Его, какъ и ее, породили злоба, мстительность, націоналистическій фанатизмъ, лицемѣріе и торжество силы. Подъ ихъ тяжестью гнется безстрастіе предсѣдателей суда, согнулась и совѣсть присяжныхъ... Православной христіанской вѣрѣ и церкви нужна защита каторгой! Какое испытаніе для вѣрныхъ завѣтамъ Христа и ихъ религіозному чувству несетъ съ собою подобная проповѣдь!..

„Два новопроизведенныхъ офицера, возвращаясь въ 4 часа утра изъ сада, зарубили городового, просившаго ихъ не пѣть. Доставленный въ пріемный покой, городовой скончался. Офицеры—Марченко и князь Вачнадзе—арестованы".

Такъ была формулирована газетная телеграмма, впервые сообщившая о кровавой расправѣ двухъ юношей-офицеровъ съ „дерзкимъ" городовымъ. Фактъ, самъ по себѣ, настолько краснорѣчивъ, что для его общественной оцѣнки подробности происшествія не имѣютъ никакого значенія. Съ другой стороны, онѣ не имѣютъ значенія и потому, что данный фактъ приковываетъ къ себѣ вниманіе не его обстоятельствами и обстановкой, а тѣмъ, что онъ является единицей въ томъ громадномъ числѣ по счастью не тождественныхъ,

но вполнѣ однородныхъ фактовъ, которые въ послѣдніе годы сдѣлались обычными. Въ газетахъ постоянно приходится читать полицейскія извѣстія объ офицерахъ, буйствовавшихъ на улицѣ, размахивавшихъ обнаженной шашкой, сбивавшихъ шапки съ городовыхъ или бившихъ ихъ по лицу. Извѣстія неизмѣнно заканчиваются трафаретной фразой: по телефону былъ вызванъ комендантскій адъютантъ, который увезъ офицера въ комендантское управленіе. Что происходило на мѣстѣ происшествія, пока бѣжали на телефонъ и пока ѣхалъ комендантскій адъютантъ—объ этомъ предоставляется догадываться. Въ вагонѣ трамвая, въ ресторанѣ, на палубѣ парохода постоянно приходится бывать свидѣтелемъ грубаго обращенія офицеровъ съ кондукторами, съ публикой, съ служащими, съ официантами—и, притомъ, не просто грубаго, а такого, въ которомъ всегда чувствуется грубость начальственно-властная. Окрики: „молчать!“ „не смѣть!“ „слушаться!“ такъ и сыплются изъ устъ офицеровъ. И служащіе трамвая или ресторана обыкновенно слушаются и умолкаютъ, какъ бы ни было справедливо предъявленное ими офицеру требованіе. Да и какъ не слушаться кондуктору трамвая, если онъ знаетъ, что городовой, котораго онъ призоветъ себѣ на помощь, получитъ такой же окрикъ или начальственное замѣчаніе: „какъ стоишь!“ „какъ руку держишь!“?

Создавшееся положеніе нельзя было не предвидѣть. Оно есть логическій результатъ того, что съ неуклонной послѣдовательностью насаждалось и до сихъ поръ насаждается въ сознаніе военной офицерской молодежи. Эфесы шашки, выпущенные изъ кармана пальто для удобства уличной самораспраы, отточенное для надобностей мирнаго времени оружіе, выговоръ въ приказѣ офицеру за то, что онъ не убилъ, а только (!) нанесъ рану оскорбившему его вольному человѣку, дѣло братьевъ Коваленскихъ, дѣло пошедшаго въ безсрочную каторгу одесскаго городового и т. д., и т. д.—все это, конечно, не могло не возымѣть своего воспитательнаго воздѣйствія. Молодежь—всегда молодежь. Молодежь съ неудержимой легкостью поддается тому, что ее поднимаетъ въ ея собственныхъ глазахъ. И вотъ, вчерашніе юнкера - нижніе чины, сегодняшніе офицеры — въ день производства стали убійцами. Вѣроятно, они были одурманены виномъ. Но кромѣ дурмана вина въ ихъ головахъ былъ и дурманъ ихъ ложнаго пониманія, въ чемъ состоитъ, къ чему обязываетъ и на что даетъ право честь офицерскаго мундира. Городовой расплатился жизнью за то, что юноши-офицеры были чуть не съ дѣтства систематически охватываемы дурманомъ. Сами они—будутъ ли они отправлены въ каторгу или нѣтъ, все равно—останутся на всю жизнь несчастными мучениками угрызеній совѣсти. Можетъ быть, ихъ помилуютъ. Можетъ

быть, имъ на помощь притянутъ несуществующій законъ о правѣ офицеровъ оборонять честь мундира. Можетъ быть, помилованные, они станутъ похваляться совершоннымъ ими дѣломъ. Но ни похвальба, ни подбадриваніе себя не спасетъ ихъ отъ тѣни зарубленнаго человѣка.

Мы отнюдь не принадлежимъ къ сторонникамъ жестокихъ каръ, какъ главнаго и универсальнаго средства борьбы за правовой строй и порядокъ. Но жестокія казни—одно, а систематическое освобожденіе отъ кары офицеровъ за такія дѣянія, за которыя граждане никогда отъ наказанія не освобождаются, а напротивъ, подвергаются усиленной отвѣтственности—нѣчто совершенно другое. Офицеръ въ домашней обстановкѣ убилъ брата своей невѣсты. Онъ не былъ даже посаженъ на скамью подсудимыхъ. Ему сказали: „ты не преступникъ, ибо ты оборонялъ честь мундира". Онъ зналъ, что по нашему закону безнаказанность такой обороны не существуетъ ни для кого. И это знаютъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ офицеры. Какъ же могутъ они понять сдѣланное изъятіе? Было бы странно, еслибы они не поняли его какъ признаніе поступка офицера-убійцы такимъ дѣйствіемъ, совершить которое онъ былъ долженъ. Условія разбора дѣла братьевъ Коваленскихъ—да развѣ это не кричащее предуказаніе для офицерской молодежи?

Мы понимаемъ щепетильное отношеніе государства къ войску вообще и къ корпусу офицеровъ въ частности. Но никакая щепетильность не можетъ оправдывать тѣхъ взаимоотношеній, которыя создались у насъ между офицерами, съ одной стороны, и уличными органами полицейской власти, городовыми и околоточными надзирателями—съ другой. Говоримъ: создались, — ибо закона, который ставилъ бы офицеровъ въ начальническое положеніе относительно низшихъ чиновъ полиціи, не существуетъ. А, между тѣмъ, это положеніе дѣйствительно нельзя назвать иначе, какъ начальническимъ. Городовые — вольнонаемные люди, не подчиненные правиламъ военной дисциплины и ничего общаго не имѣющіе съ солдатами, ни по порядку прохожденія службы, ни по условіямъ отвѣтственности за служебныя нарушенія,—обязаны офицерамъ по-солдатски отдавать честь. Одно время этого не было. Теперь это соблюдается съ неукоснительностью. Городовые лишены права прекращать уличный безпорядокъ, если его совершаетъ офицеръ. Они могутъ буйствующему офицеру только „докладывать". Городовой въ Москвѣ и „доложилъ" двумъ новопроизведеннымъ офицерамъ „просьбу" не пѣть. Они его зарубили...

Теперь, когда интендантскія ревизіи уже дали если не повсемѣстно судебный, то вездѣ слѣдственный результатъ, элементарная справедливость требовала бы вспомнить о тѣхъ, кто были первыми

піонерами разслѣдованія интендантскихъ хищеній. „Въ Варшавѣ — писалъ корреспондентъ „Рѣчи" (№ 152),—по распоряженію сенатора Нейдгардта, 29 мая арестованы и препровождены въ гражданскую слѣдственную тюрьму бывшій варшавскій окружной интендантъ генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ Люба и только на-дняхъ вышедшій въ отставку начальникъ вещевого отдѣленія того же интендантства подполковникъ Зыскандтъ, а дѣлопроизводитель варшавскаго военно-окружнаго совѣта надворный совѣтникъ Бончъ-Богдановскій въ тотъ же день арестованъ и заключенъ на гауптвахту въ крѣпости". „Разъ— справедливо добавлялъ корреспондентъ—принята такая мѣра, какъ лишеніе свободы до суда, то надо полагать, что въ рукахъ ревизіи уже имѣются вполнѣ обоснованныя и неопровержимыя доказательства такихъ дѣяній, законнымъ возмездіемъ которыхъ явится, по крайней мѣрѣ, лишеніе правъ". А кто еще въ 1907 г. называлъ эти три фамиліи? Кто тогда же представлялъ командующему войсками варшавскаго военнаго округа о привлеченіи ихъ къ уголовной отвѣтственности?

Тогда въ рядѣ статей, въ газетѣ „Русь", разоблачилъ варшавскіе интендантскіе „порядки" г. Купчинскій. „Освѣдомительное бюро" поторопилось назвать его разоблаченія „совершеннымъ вымысломъ". Сейчасъ затѣмъ для г. Купчинскаго воскресли забытые старые литературные процессы, и онъ вынужденъ былъ эмигрировать за границу... „Освѣдомительному бюро" отвѣтилъ военный слѣдователь д. с. с. Шіяновъ. Онъ сообщилъ г. Купчинскому,—и г. Купчинскій это напечаталъ,—что у него въ производствѣ есть предварительное слѣдствіе о злоупотребленіяхъ въ варшавскомъ окружномъ интендантскомъ управленіи и что по этому слѣдствію имъ составлено постановленіе о привлеченіи виновныхъ къ суду. Отвѣтомъ на постановленіе былъ выговоръ г. Шіянову „въ присутствіи суда" и увольненіе въ отставку... Нравственную реабилитацію гг. Купчинскій и Шіяновъ получили. Но... одинъ за границей, другой—въ отставкѣ.

Скончавшійся недавно протоіерей М. И. Горчаковъ принадлежалъ къ той, все болѣе и болѣе рѣдѣющей группѣ православнаго духовенства, которой чужда узкая нетерпимость, близки и дороги интересы науки. Въ ученой и общественной дѣятельности покойнаго не было и слѣда исключительности и фанатизма. Еще недавно, при разсмотрѣніи въ Госуд. Совѣтѣ законопроекта о старообрядческихъ общинахъ, М. И. Горчаковъ оказался единственнымъ изъ шести представителей духовенства, не возвысившимъ голосъ за поворотъ назадъ, за отступленіе отъ указа 17-го апрѣля. Неудивительно, что органы ни передъ чѣмъ

не останавливающейся реакціи, свѣтской и церковной, не скрываютъ своей радости по поводу исчезновенія наиболѣе опасныхъ противниковъ торжествующаго обскурантизма—протопресвитера Янышева и протоіерея Горчакова.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ

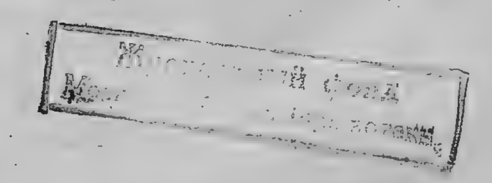
Въ статьѣ: „Законъ 9-го ноября", напечатанной въ августовской книжкѣ „Вѣстника Европы", помѣщены, на стр. 294-ой, свѣдѣнія относительно полученныхъ владимірскимъ губернаторомъ внушеній и напоминаній со стороны министерства по поводу примѣненія упомянутаго закона.

Г. владимірскій губернаторъ, въ письмѣ на имя редакціи отъ 12-го августа за № 3296, удостовѣряетъ, что законъ 9-го ноября, нынѣ замѣненный закономъ 14-го іюня, проводился и проводится въ владимірской губерніи въ предѣлахъ строгой законности и послѣдовательности, и свѣдѣнія о какихъ-то внушеніяхъ и напоминаніяхъ не отвѣчаютъ дѣйствительности.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.—СЕНТЯБРЬ.



СЛАБЫМЪ УКРѢПЛЕНІЕ ❖ БОЛЬНЫМЪ ЗДОРОВЬЕ
Врачи подтверждаютъ, что
САНАТОГЕНЪ БАУЭРЪ
успѣшно примѣняется ими, какъ питательное и укрѣпляющее средство,
ПРИ СТРАДАНІЯХЪ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ, РАЗСТРОЙСТВАХЪ ЖЕЛУДКА и КИШЕКЪ, ВЪ ПЕРІОДЪ ВЫЗДОРОВЛЕНІЯ ПОСЛѢ — ТЯЖЕЛЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ, —
а также У ДѢТЕЙ СЪ ОСЛАБЛЕННЫМЪ ПИТАНІЕМЪ.
Научныя брошюры, заключающія свѣдѣнія и практическія наставленія объ укрѣпленіи организма и нервной системы, безвозмездно высылаются фирмой Бауэръ и К° въ Москвѣ, — Мясницкая, 31. —
САНАТОГЕНЪ БАУЭРЪ имѣется во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ въ коробкахъ по 1 р., 1 р. 90 к. и 4 р. 50 к.
САНАТОГЕНЪ БАУЭРЪ
САНАТОГЕНЪ БАУЭРЪ
САНАТОГЕНЪ БАУЭРЪ
ЧИТАЙТЕ брошюру № 18 „ЦѢЛИ ПИТАНІЯ". — Физіол. изсл. докт. мед. ГАРТУНГЪ. — (Врача спеціалиста по болѣзнямъ обмѣна веществъ).

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Ив. Бунинъ. Сочиненія. Томъ шестой. Спб., 1910. Ц. 1 рубль.

Вновь вышедшій томъ сочиненій И. А. Бунина содержитъ въ себѣ рядъ стихотвореній, три разсказа („Бѣденъ бѣсъ", „Старая пѣсня" и „Сонъ Обломова-внука") и путевыя впечатлѣнія („Іудея", „Пустыня дьявола", „Храмъ солнца"). Путешествіемъ по Востоку внушены и многія стихотворенія, полныя отраженій солнца, моря, пустыни, сказочнаго прошлаго, мертвеннаго настоящаго. Въ лучшихъ изъ нихъ (напр. „Могила въ скалѣ", „Люциферъ", „Долина Іосафата") ярко запечатлѣлось настроеніе, охватившее поэта. Не меньше удались ему пьесы, навѣянныя будничною русскою жизнью и бѣдною русскою природою („Въ Москвѣ", „Будни", „На току", „Сѣнокосъ"). Между ними особенно выдается „Пустошь"—обращеніе поэта къ „давно забытымъ", почившимъ въ землѣ сельскаго кладбища послѣ „дней труда, покорности и страха". „Спите, спите!—говоритъ онъ имъ—не вы одни страдали: внуки вашихъ владыкъ и повелителей испили не меньше васъ изъ горькой чаши рабства". Изъ разсказовъ И. А. Бунина „Старая пѣсня", написанная на старую тему двоящейся любви, требовала бы, можетъ быть, болѣе широкой рамки; теперь слишкомъ многое намѣчено лишь слегка и должно быть угадываемо читателями. Чрезвычайно цѣльной и своеобразной вышла, за то, фигура нищаго въ разсказѣ „Бѣденъ бѣсъ".

Б. Краевскій. По поводу самоубійства среди учащихся. Психологическія соображенія. Харьковъ, 1910. Ц. 50 коп.

Эта небольшая брошюра даетъ, въ непритязательной формѣ, много цѣннаго. Основную свою мысль авторъ формулируетъ такъ: въ нашей жизни – и особенно въ воспитаніи—„проза чрезмѣрно преобладаетъ надъ поэзіей". Онъ напоминаетъ слова Потебни: „назначеніе поэзіи—не только приготовлять науку, но и временно устраивать и завершать невысоко отъ земли выведенное ея зданіе". „Я не думаю"—говоритъ г. Краевскій,—„что навлеку на себя обвиненіе въ насажденіи ретроградства и невѣжества за то, что потребую бережнаго обращенія съ дѣтской душою. Я никакъ не хочу вытѣснять или тормозить научную мысль, но настаиваю на томъ, чтобы носители послѣдней сами научно относились къ поэзіи, признали за ней ея великую миссію авангарда научной мысли или, лучше сказать, предтечи во всѣхъ областяхъ, куда наука еще не проникла, и намѣстницы, гдѣ она неправоспособна занять престолъ. Искусство идетъ впереди науки какъ въ исторіи культуры народовъ, такъ и въ частныхъ моментахъ развитія отдѣльной личности". Авторъ возстаетъ противъ ранняго, искусственнаго насажденія отрицательныхъ взглядовъ, противъ „низведенія жизни къ возможно элементарному и непригладному", противъ „умерщвленія и поруганія души въ ложно понятыхъ реальныхъ интересахъ ума и тѣла". Когда къ созданной этимъ путемъ „отощалости жизни" присоединяются матеріальныя стѣсненія, „жизнь теряетъ свою прелесть и разумнымъ выходомъ является самоубійство". Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти мысли заслуживаютъ, въ наше время, особенно серьезнаго вниманія.

Ѳ. П. Будкевичъ. Проектъ министра юстиціи о преобразованіи мѣстнаго суда въ связи съ системою и планомъ кодификаціи законовъ. Варшава, 1909.

Придавая своимъ соображеніямъ огромную важность, ожидая отъ ихъ принятія обновленія русской, а можетъ быть и общеевропейской государственной жизни, настойчиво домогаясь разсмотрѣнія ихъ высшими законодательными учрежденіями, которымъ и посвящена его книга, г. Будкевичъ утверждаетъ, что имъ найдена (!) недостававшая до сихъ поръ система права: она вытекаетъ „изъ мірового закона, указывающаго на существованіе во всѣ времена и у всѣхъ народовъ только двухъ правъ, соотвѣтствующихъ двумъ основаніямъ человѣческой жизни: личности и имуществу". Къ мировому суду авторъ относится совершенно отрицательно, не видя надобности въ различіи между мѣстнымъ и общимъ судомъ. Въ вѣдѣніе единоличнаго судьи онъ предоставляетъ всѣ безъ изъятія гражданскія (имущественныя) дѣла, а замѣщать эту должность предлагаетъ не по выбору, а по назначенію, но съ соблюденіемъ „аттестаціонной системы". Въ чемъ заключаются достоинства такой системы, какимъ образомъ она можетъ устранить неудобства, связанныя съ назначеніемъ—это тайна автора. Затѣмъ онъ придаетъ громадную важность отмѣнѣ ввода во владѣніе—формальности дѣйствительно излишней, но очень мало отражающейся на гражданскомъ оборотѣ,—и радикальному измѣненію дѣйствующихъ нынѣ правилъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. О достоинствѣ этихъ правилъ можно спорить, но вредное, будто бы, ихъ значеніе авторъ преувеличиваетъ до крайности, приписывая имъ, между прочимъ, даже ростъ преступленій и проступковъ. Относительно владѣнія авторъ проектируетъ рядъ постановленій, изъ которыхъ первое гласитъ: „владѣніе имуществомъ есть *слѣдствіе* права собственности даннаго лица на данное имущество; владѣльцемъ же даннаго имущества есть только собственникъ этого имущества". Нетрудно замѣтить, что предлагаемое постановленіе одинаково идетъ въ разрѣзъ и съ общепринятымъ смысломъ слова „владѣніе", и съ основнымъ требованіемъ юридической логики, въ силу котораго въ текстъ положительнаго закона не должны быть вводимы спорныя положенія, умѣстныя только въ научной литературѣ. Къ числу такихъ положеній принадлежитъ, безъ сомнѣнія, отношеніе владѣнія къ праву собственности только какъ слѣдствія къ причинѣ.

А. М. Овуховъ. Ближайшіе практическіе вопросы народнаго образованія въ Россіи. М., 1910. Ц. 1 рубль.

Обращаемъ вниманіе всѣхъ интересующихся дѣломъ начальнаго обученія на книгу г. Обухова, богатую свѣтлыми взглядами и полезными указаніями. Назовемъ для примѣра главу: „Чѣмъ заниматься въ четырехлѣтней начальной школѣ", имѣющую особенное значеніе именно теперь, въ виду предстоящаго введенія начальнаго обученія въ четырехклассной начальной школѣ.